

ГИМНАЗИЯ В ЛИЦАХ

Книга первая

БЕЛГРАД
2018

Б. Кробогицкино
А. Федорюхино

Т. Васильев
М. Смирнов

Г. Давыдов
С. Жукович
К. Винокуров

Н. Ренкин

И. Сидель
А. Сороковетов

А. Андреевский
Д. Великий
В. Лодинь

Т. Токарев
В. Иконников

А. Смирнов
М. Смирнов

Женщине дорогому батюшке о. Виталию вып. 1943 г.
А. З. Куликов

М. Смирнов
М. Смирнов

А. Плещинский
С. Лодыгин
Д. Завьялов
А. Жуков

М. Трошенко
Т. Смирнов

**ГИМНАЗИЯ В ЛИЦАХ
ПЕРВАЯ РУССКО-СЕРБСКАЯ ГИМНАЗИЯ В БЕЛГРАДЕ
(1920–1944)**

Авторы-составители
А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский

Не проклинаяте нас, отцы и деды,
Мы ваша плоть и кровь, но мы не вы.
Мы не горели в чайни победы
И не теряли в бегстве головы.

Мы тоже помним, но иная память
Растёт и ширится в живых сердцах,
Она горит и ширится как пламя,
И сыплет ранний пепел на висках.

Мы всюду лишние. Нам всё чужое:
Готический торжественный собор,
И небо юга слишком голубое,
И Запада величье и позор.

И в этом мире затхло-изобильном
Мы никогда покоя не найдём,
Пока не мстителем, а блудным сыном
Войдём опять в опустошённый дом.

Тогда из хаоса разъединенья
Согласно русская польётся речь,
Вновь процветут заглушенные селенья
И в мирный серп перекуётся меч.

Мы не хотим России вахт-парадов,
Колонных зал, мундиров, эполет,
Нам падшего величия не надо,
Но вне Руси нам места в мире нет.

Владимир ГАЛЬСКОЙ,
выпускник 1-й русско-сербской гимназии 1926 г.

ЦЕНТР РОССИЙСКИХ И ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. МИРОСЛАВА ЙОВАНОВИЧА
ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГИМНАЗИЯ В ЛИЦАХ

ПЕРВАЯ РУССКО–СЕРБСКАЯ ГИМНАЗИЯ В БЕЛГРАДЕ (1920–1944)

Авторы-составители
А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский

Книга первая

**БЕЛГРАД
2018**

Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). Авторы-составители А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаевский. (В двух книгах). Книга первая. Белград.

Своеобразная Памятка о гимназии, в которой в течение четверти века обучалась и воспитывалась русская молодёжь в Сербии. Авторы-составители собрали, восстановили и в оригинальной форме представили сотни судеб русских людей вне России, как самих гимназистов, так и их педагогов. В книге показано, как сложилась жизнь молодых русских, эмигрантов поневоле, в суровых обстоятельствах и последствиях Второй мировой войны, как и чем они жили духовно, кем стали с годами и как сохранили себя русскими, рассеявшись по всем континентам планеты.

Книга – уникальный Памятник второму поколению русской Белой эмиграции в Югославии-Сербии. Она представляет интерес не только для широкого круга читателей и историков русской эмиграции, но и даёт богатый материал всем, кто занят родословными исследованиями в пределах XIX – XX веков.

Издатель

Архив Сербской Православной Церкви, Белград

Директор

д-р истор. наук Радован Пилипович

Рецензенты

д-р истор. наук Андрей Леонидович Шемякин

д-р истор. наук Алексей Юрьевич Тимофеев

канд. истор. наук Александр Александрович Силкин

Авторская редакция

Компьютерная вёрстка, художественное оформление

Джордже Секерезович

Типография

Штампариа МИА принт, Београд

Тираж 200 экз.

© А.Б. Арсеньев, 2018

© М.Л. Ордовский, 2018

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

«Как это могло случиться, что свои люди друг друга
начали убивать и нужно куда-то бежать?»

Мария Нестерова, мать гимназиста. Неграмотна.

Мы живём не только в разных городах, но и в разных странах. Это обстоятельство позволило нам, не рассорившись, довести наше исследование до логического конца, то есть книги, которую Вы держите в руках. Возможно нам помогло и то, что у нас нет специального исторического образования.

Древнегреческое слово *ístoría* в исходном значении знаменует расспрашивание, разузнавание о чём-либо произошедшем, свидетелями чего вопрошающим по каким-то причинам не удалось стать. Мы воспользовались именно этим древним способом для написания нашей книги. Значительно позднее слово *ístoría* стало означать и некое собрание подобных свидетельств, которое с течением времени становилось все более и более объёмным. Так росла и наша книга.

В создании её приняли участие едва ли не сто человек, поэтому мы не рискуем называть себя авторами. Перед вами собрание жизнеописаний и автобиографий. Но это не альбом, не галерея, а совместное действо; на исторической сцене участники и свидетели трагических российских событий XX века, как в самой России, так и за её пределами.

Досушие журналисты и псевдоисторики любят использовать в своих сочинениях большие, чтобы побольше нулей, числа. Но людей надлежит считать не нулями, а единицами. Жизнь отдельного человека – вот исходный и основной масштаб любого исторического процесса, в том числе и нашего исследования.

Роковые события, начавшиеся с падения Российской Империи в феврале 1917 года, последовавшего вслед за этим большевистского переворота и ужасов гражданской войны, в которой Белое движение потерпело поражение, определили судьбу каждого – ученика, педагога или воспитателя – каждого, кто когда-либо переступал порог **Первой русско-сербской гимназии в Белграде**.

Они свидетельствуют...

Алексей Арсеньев, Нови Сад.
Михаил Ордовский-Танаевский, Санкт-Петербург.

Выражаем свою искреннюю благодарность всем, помогавшим нам в сборе биографических сведений о педагогах и гимназистах, а также самим гимназистам и их потомкам, участникам событий и их родственникам – всем, кто так или иначе помог нам в наших поисках. Их трогательные, радостные, порою весьма драматичные, воспоминания о днях минувших поддерживали нас на долгом пути. Мы признательны им и за фотографии из семейных архивов, памятные им афиши спектаклей и другие материалы, которые были предоставлены в наше распоряжение.

Нашим вдохновителем в самом начале работы стал выпускник гимназии 1942 года Виктор Константинович Сапронов (США), передавший нам в 2013 году пакеты с Бюллетенями Правления Объединения бывших учеников гимназии. К огромному сожалению в ноябре 2016 года Виктор Константинович ушёл от нас в мир иной, не дождавшись выхода из печати этого труда.

Помянем отдельно тех, кто не дожил до выхода в свет этой книги.

Вакар (Серб) Елизавета Сергеевна (Буэнос-Айрес)

Нестеров Георгий Иванович (Стокгольм)

Плескачѐв Олег Николаевич (Каракас)

Пржевальская (Дроняк) Ксения Николаевна (Бор, Сербия)

Сапронов Виктор Константинович (Нью-Йорк)

Флоренская (Казанцева) Клавдия Николаевна (Буэнос-Айрес)

Шемякин Андрей Леонидович (Институт славяноведения РАН, Москва)

Им наша признательность и вечная память!

Невозможно особо выделить кого-либо из наших добровольных помощников, каждый внёс свою лепту. Вот их имена:

Кирилл Михайлович Александров (Санкт-Петербургский государственный университет)

Сергей Юрьевич Василенко (Музей антибольшевистского сопротивления, Подольск, Московской обл.)

Игорь Владимирович Домнин (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва)

Весна Йованович (Архив Сербии, Белград)

Слободан Мандич (Исторический архив Белграда, Белград)

Драгана Милорадович (Исторический архив, Пожаревац)

Виктор Александрович Москвин (директор Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва)

Мая Николова (Педагогический музей Сербии, Белград)

Виолета Обренович (Информационный центр «Погребне услуге», Белград)

Мария Михайловна Перекалина (Центральный исторический архив Санкт-Петербурга)

Михаил Перекрёстов (Архив Св. Троицкого монастыря, Джорданвилль, шт. Нью-Йорк)

Лидия Ивановна Петрушева (Государственный архив РФ, Москва)

Сергей Михайлович Пушкарёв (Архив НТС, Франкфурт-на-Майне)

Марина Рачич (Информационный центр «Погребне услуге», Белград)

Александра Юрьевна Русакова (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва)

Александр Александрович Силкин (Институт славяноведения РАН, Москва)

Константин Андреевич Тарасов (Институт истории РАН, Санкт-Петербург)

Алексей Юрьевич Тимофеев (Институт новейшей истории, Белград)

Сергей Хаген (Славянская библиотека, Прага)

Георгий Всеволодович Александрович (Коммак, штат Нью-Йорк)

Пётр Владимирович Анагности (Белград)

Александр Георгиевич Бенземан (Нью-Йорк)

Михаил Михайлович Берте (Женева)

Вера Николаевна Боротинская (Торонто)

Пётр Визеридж (Канберра, Австралия)

Живана Воинович (Шабац, Сербия)

Стеван Драгосавлевич (Нови Сад)

Татьяна Алексеевна Дуброва (в замужестве Плищенко, Буэнос-Айрес)

Наталия Витальевна Жуковская (Аделаида)

Дина Миленковна Жухина (Минск)

Ксения Ивановна Забелина (Сан-Франциско)

Вера и Надежда Антоновны Зыск (Врнячка-Баня, Сербия)

Николай Леонидович Казанцев (Буэнос-Айрес)

Елена Георгиевна Кошиц (в замужестве Лебедева, Монреаль)

Ольга Евгеньевна Крыжановская (в замужестве Турская, Сан-Франциско)

Артём Владимирович Левченко (Чугуев, Украина)

Ирина Андреевна и Андрей Личанины (Москва)

Дмитрий Юрьевич Лобачёв (Москва)

Татьяна Алексеевна Лопухина (в замужестве Родзянко, Нью-Йорк)

Марианна Павловна Марковская (Киев)

Милич Миличевич (Белград)

Елизавета Никитична Муравьёва (Санкт-Петербург)

Фёдор Михайлович Ордовский (Санкт-Петербург)

Константин Игоревич Ордовский-Танаевский (Москва)

Константин Антониевич Пио-Ульский (Валли-Коттедж, штат Нью-Йорк)

Клавдия Олеговна Плескачёва (в замужестве Antonorsi, Венесуэла–США)
Елена Владимировна Пожидаева (в замужестве Moore, Канберра, Австралия)
Татьяна Олуич (Белград)
Ирина Игоревна Полянская (Валенсия, Венесуэла)
Ростислав Владимирович Полчанинов (Нью-Хайд-Парк, Нью-Йорк)
Борис Прокич (Белград)
Радован Пулко (Кидричево, Словения)
Андрей Романович Редлих (Франкфурт-на-Майне)
Нина Александровна Рубцова (Сан-Франциско)
Татьяна Витальевна Рыбкина-Пушкадия (Загреб)
Игорь Васильевич Сахаров (Санкт-Петербург)
Надежда Андреевна Селивановская (Белград)
Людмила Ростиславовна Селинская (Нью-Хайд-Парк, штат Нью-Йорк)
Зинаида Георгиевна Смит (в замужестве Керри, Мельбурн)
Лидия Владимировна Суботина (Белград)
Алексей Александрович Сутулов (Белград)
Андрей Витальевич Тарасьев (Белград)
Наталия Валерьевна Томич (Вашингтон)
Лев Георгиевич Туган-Барановский (Нью-Йорк)
Елена Викторовна Турони (Вашингтон)
Ирина Григорьевна Холодкова (Белград)
Георгий Владимирович Шеффер (Нью-Брансвик, штат Нью-Джерси)
Елена Георгиевна Шиян (Белград)
Мила Штань (Нью-Йорк)
Гордана Штрбац (Белград)
Ольга Александровна Якшич (Задар, Хорватия)
Юлия Янчаркова (Прага)

Издание книги профинансировали:

Зинаида Георгиевна Смит (Керри), Мельбурн,
дочь гимназистки Наталии Савицкой (Смит)

Марина Ивановна Петунина (в замужестве Кескевич), Мельбурн,
в память матери, Марии Михайловны Петуниной (Георгиевич)

Ростислав Вадимович Ордовский-Танаевский, Каракас-Лондон-Москва,
племянник гимназистов Игоря Ордовского-Танаевского и Сергея Шауба

Виктор Михайлович Тураев, Олбани, штат Нью-Йорк, в память отца,
подъесаула 1-го Сводно-Кубанского полка в Югославии

Русское Дворянское Собрание в Америке, Нью-Йорк.

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Для читателей, мало знакомых с историей русской эмиграции первой половины XX века, авторы составили небольшой глоссарий, поясняющий отдельные понятия, термины и аббревиатуры, наиболее часто встречающиеся в текстах книги.

Нашими основными источниками, сохранившими «голоса» бывших гимназистов, стали:

«Первая русско-сербская гимназия в Белграде, 1920–1930». Белград, 1930. Издание Общества бывших учеников I русско-сербской гимназии в Белграде. Далее: «Памятка» 1930 г.

Объединение бывших учеников I русско-сербской гимназии в Белграде в 1986 г. издало памятную книгу – «I русско-сербская гимназия. ПАМЯТКА». Белград 1920 – 1944. Нью-Йорк – Вашингтон – Сан Франциско – Каракас – Буэнос Айрес, 1986. Выпущена в Нью-Йорке. Далее: «Памятка» 1986 г.

Первая русско-сербская (смешанная) гимназия в Белграде в дальнейших текстах везде записана одним словом «гимназия», в отличие от *всех других гимназий*, название которых приводится полностью.

После разделения смешанной гимназии: мужская гимназия и женская гимназия. Нумерация выпусков, начатая в смешанной гимназии, продолжилась в отношении выпусков мужской гимназии.

«Извештай» – ежегодный печатный отчет на сербском языке о деятельности гимназий в определенном учебном году. Издавались с 1929/1930 по 1940/1941 учебные годы тиражом 350–450 экземпляров.

«Великая война» – так называли Первую мировую войну её русские участники. Мы используем именно это название.

КСХС или Королевство СХС – Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Провозглашено 1 декабря 1918 г. С 1929 по 1941 гг. – Королевство Югославия или, в тексте, просто Югославия.

Текст «*в мае 1920 г. в КСХС*» означает лишь документальное подтверждение факта, что данный человек находился на территории Королевства СХС в мае 1920 г. В основном это были люди, эвакуированные из Новороссийска в декабре 1919 – марте 1920 г. Многие прибыли раньше этой даты. Сведения взяты нами из «Базы данных участников Белого движения» С.В. Волкова.

«Участник Белого движения» – военнотрудовой Добровольческой армии, Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) и Русской армии. Участие в военных действиях на других фронтах гражданской войны указано отдельно.

«Первопоходник» – участник легендарного Первого Кубанского (Ледяного) похода молодой Добровольческой армии зимой – весной 1918 г. Участники этого похода (немногим более пяти тысяч человек) были отмечены почетным памятным знаком в виде серебряного тернового венца, пересеченного серебряным мечом. Первопоходники стали ядром всех белых формирований на Юге России.

«Гетманская армия» или «Армия Украинской Державы» создана на Украине весной 1918 г. после прихода к власти 29 апреля 1918 г. гетмана П.П. Скоропадского. Это были переименованные части Российской Императорской Армии с прежним офицерским кадром. Из примерно 100 лиц высшего командного состава гетманской армии часть погибла в ходе восстания, которое возглавил С.В. Петлюра, менее четверти служили потом в украинской (петлюровской) армии или эмигрировала, а некоторые оказались в Красной армии. Большинство офицеров гетманской армии впоследствии служило в белых частях.

«Галлиполиец» – в конце ноября 1920 г. после эвакуации из Крыма около 150 тысяч русских беженцев (военных и гражданских) армии генерала П.Н. Врангеля была распределена по нескольким лагерям. Один из таких палаточных лагерей был создан на полуострове Галлиполи (Турция). Здесь в составе 1-го армейского Корпуса (под командованием ген. А.П. Кутепова) оказалось к январю 1921 г. более 25.000 человек. Условия жизни в лагере были крайне тяжелыми. Начиная с мая 1921 г. в течение двух лет всё «население лагеря» Галлиполи было постепенно вывезено, в основном в Болгарию и КСХС. В эмиграции «галлиполийцы» отличались особой спайкой и непримиримостью к большевизму.

РОВС – Русский Общевоинский Союз. Создан генерал-лейтенантом бароном П.Н. Врангелем в 1924 г. Крупнейшая организация русской военной эмиграции. Управление Союзом осуществлялось через отделы, которым подчинялись все военные общества и союзы в группе стран. Королевство СХС, позднее Югославия, входило в 4-й Отдел совместно с Грецией и Румынией.

Предтечей РОВСа стало Общество Галлиполийцев.

НТС НП – Национально-Трудовой Союз нового поколения (с 1942 г. – НТС). Политическая организация русской молодежи в эмиграции. Союз возник в 1930 г. в Белграде на съезде участников национальных кружков и групп из Югославии, Болгарии, Голландии и Франции. Названия менялись. До 1936-37 годов фактически существовал как филиал РОВСа. К 1939 г. Союз насчитывал более 2.000 членов. Целью НТС НП было определено свержение сталинского режима в СССР. Большое внимание члены НТС НП уделяли политическому и хозяйственному реформированию постсталинской России на основании доктрины солидарного общественного устройства («солидаризм»). В работе НТС НП

участвовали некоторые гимназисты и их родители. После начала войны между Германией и СССР руководство Союза приняло решение о нелегальной отправке членов НТС на оккупированные территории СССР с тем, чтобы создавать там подпольные группы, противостоящие как советскому режиму, так и оккупационным немецким властям (концепция «третьей силы»). Члены НТС преследовались нацистами. В НТС входили многие старшие офицеры власовской армии или Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (КОНР). По окончании войны в западных оккупационных зонах Австрии и Германии члены НТС занимались спасением граждан СССР от насильственной репатриации в Советский Союз. В 1957 г. организация была переименована в Народно-Трудовой Союз российских солидаристов. Члены Союза, в том числе и на территории СССР, вели антисоветскую издательскую, публицистическую и пропагандистскую деятельность.

РПЦЗ – Русская Православная Церковь зарубежом.

В 1921 г. Церковное Управление зарубежными русскими православными епархиями созвало 1-й Всезарубежный Русский Церковный Собор епископов, клириков и мирян. Собор заседал в Сремских Карловцах (КСХС). Под председательством митрополита Антония Храповицкого Собор рассмотрел вопросы, связанные с организацией и управлением церковной жизни за границей. В середине 1927 г. РПЦЗ окончательно вышла из подчинения Московскому Патриархату (МП).

В 1936 г. скончался митрополит Антоний. Его преемником Заграничный собор архиереев избрал митрополита Анастасия Грибановского.

17 мая 2007 г. в Москве Патриарх Московский Алексий II (Ридигер) и Первоиерарх РПЦЗ митрополит Лавр (Шкурла) подписали Акт о каноническом общении. Принятые в июне 2008 г. поправки к Уставу РПЦ определяют РПЦЗ как одну из самоуправляемых Церквей Московского Патриархата. Многие православные верующие, живущие вне России, отвергли как сам Акт, так и свою зависимость от МП.

Первый русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус (1-й ВККККК) в г. Белая Церковь. В КСХС были эвакуированы из России три кадетских корпуса. Постепенно они были сведены в это единое учебное заведение

В текстах для сокращения мы пишем «кадетский корпус в Белой Церкви». Прежние наименования корпусов приводятся полностью.

ОРЮР – Организация Российских юных разведчиков (русские скауты).

«Апрельская война» – попытка Королевской армии Югославии оказать вооруженное сопротивление вторжению войск Германии и её союзников с 6 апреля 1941 г. до капитуляции 17 апреля 1941 г. Русские эмигранты с первых же дней войны предоставили себя в распоряжение командования Королевской армии и приняли участие в боевых действиях. Наиболее детальное описание происходившего в эти дни дал участник событий Александр Глянцев, гимназист 19-го выпуска.

«Русский Корпус» – воинское соединение, созданное русскими эмигрантами для борьбы с коммунистическими партизанами Тито. В Корпус вступили не только эмигранты из оккупированной Рейхом Сербии, но и русские с территории, захваченной Венгрией (включая область Бачка), эмигранты из Болгарии (включая оккупированную ею Македонию), а также добровольцы по набору из Бессарабии, Буковины и из Одессы. Было и пополнение из советских военнопленных. Всего через Корпус прошло 17.090 человек. 12 мая 1945 г. 4. 500 корпусников сложило оружие перед британскими войсками на территории Австрии. Еще около 1. 000 человек находились в лазаретах.

За время своего существования Корпус имел несколько официальных названий:

12 сентября 1941 г. – Отдельный Русский Корпус.

Со 2 октября 1941 г. – Русский Охранный Корпус.

С 18 ноября 1941 г. – Русская Охранная Группа.

С 30 ноября 1942 г. – Русский Охранный Корпус (Вермахт).

С 10 октября 1944 г. – Русский Корпус в Сербии.

С 31 декабря 1944 г. – Русский Корпус.

В наших текстах чаще всего использовано только его последнее название «Русский Корпус».

1 ноября 1945 г. Корпус был преобразован в СЧРК – «Союз бывших чинов Русского Корпуса», с отделениями в разных странах.

ССП – Союз советских патриотов. Подпольная антифашистская организация, созданная в Белграде несколькими выпускниками гимназии в 1942 г.

РОА – Русская освободительная армия. Создавалась на территории Германии. С ноября 1944 г. носила название ВС КОНР – Вооруженные силы Комитета освобождения народов России под командованием генерал-лейтенанта А.А. Власова.

СМЕРШ («Смерть шпионам») – контрразведывательные подразделения, созданные в мае 1943 г. для агентурно-оперативного обслуживания пограничных и внутренних войск, милиции и других вооруженных формирований Наркомата внутренних дел и других наркоматов. После перенесения военных действий на территории европейских стран помимо своих функциональных обязанностей сотрудники СМЕРШа занимались розыском, задержанием и ведением следствий по делам белоэмигрантов и советских граждан, действовавших в вооруженных антисоветских соединениях, таких как РОА, Русский Корпус и др.

«Лагерьа перемещенных лиц» – многие гимназисты и гимназистки, эвакуированные с родителями в 1944 г., по окончании Второй мировой войны оказались в этих лагерях, созданных союзниками в своих зонах ответственности, на которые после капитуляции была разделена Германия. Они назывались Ди-Пи (DP) лагеря, от английского «Displaced Persons». В обычной жизни употреблялось название «беженские лагеря».

UNRRA – The United Nations Relief and Rehabilitation Administration – Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций. Создана в 1943 г. для оказания помощи гражданскому населению и беженцам в районах, освобождённых от нацистов.

IRO – International Refugee Organization – Международная организация по делам беженцев (в русской транскрипции ИРО). Учреждена ООН 20 апреля 1946 г. для оказания помощи огромному числу беженцев в Европе. Преемница UNRRA. 40% годового бюджета ИРО выделяли США. Это составляло около 155 миллионов долларов.

«Толстовский фонд» (Tolstoy Foundation) – благотворительный фонд в г. Вэлли Коттедж, штат Нью-Йорк (Valley Cottage, New York). Основан в 1939 г. младшей дочерью Л.Н. Толстого Александрой Львовной (1884 – 1979) с целью помощи русским эмигрантам. Фонд оказывал помощь беженцам, перемещённым лицам, сиротам, финансировал образовательные программы. Среди учредителей и спонсоров Фонда были Игорь Сикорский, Сергей Рахманинов, Татьяна Шауфус-Рапопорт (фронтальная подруга Александры Львовны), бывший посол России в США Борис Бахметьев и один из лучших российских летчиков Борис Сергиевский. Экс-президент США Герберт Гувер был избран первым почётным председателем Фонда и занимал эту должность до своей смерти.

«Голый остров» (Голи Оток, Goli Otok) – скалистый, лишённый растительности остров в хорватской части Адриатического моря, площадью около 4, 7 кв. км. Остров не имел постоянного населения. В ходе Великой войны Австро-Венгрия размещала на острове русских военнопленных. В 1949 г. коммунистическим режимом Й. Тито здесь был создан концлагерь для политических заключённых.

Всего через этот суровый лагерь прошло более 16.000 узников, в нём скончалось 413 человек (изнурительный физический труд, самоубийства). Из общего количества заключённых на этом острове сербов было 44%, черногорцев – 21, 5%, хорватов – 16%, русских – примерно 100 душ. На Голем острове был мужской лагерь, а на соседнем с ним острове Свети-Тргур размещался женский лагерь. Поимённый список узников «Голого острова» выложен в интернете.

АН – Академия наук.

ЕИВ – Его (Ея) Императорское Величество или Его (Ея) Императорское Высочество.
л.-гв. – лейб-гвардии

НИИ – научно-исследовательский институт

ун-т – университет

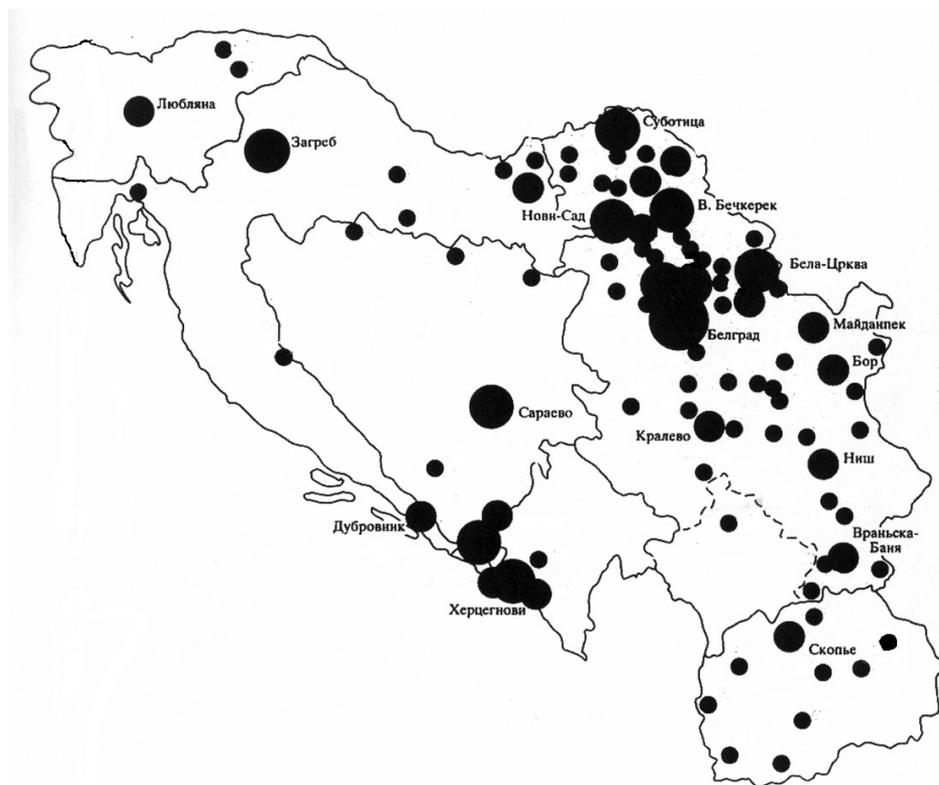
ф-т – факультет

РГИА – Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге.

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

Пункты размещения «русских колоний»
в Королевстве Югославия. 1930 г.

О РУССКИХ В ЮГОСЛАВИИ (1920 – 1950-е годы)

Захват власти в России большевиками в октябре 1917 года и последовавшая вслед за этим 6-летняя гражданская война привели к массовому исходу населения бывшей Империи за границу. Вкупе с продолжавшейся европейской войной, в России случился мировой катаклизм, в который были вовлечены миллионы людей. Эту эмиграцию по традиции называют «русской», хотя она и была многонациональной.

К настоящему времени история российской эмиграции в Европе, и, в частности, на Балканах, обстоятельно и подробно разработана во многих научных трудах. Существует и большая мемуарная литература. Здесь мы даём лишь краткий, можно сказать, графический набросок богатой событиями жизни беженцев из России на территории Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (далее КСХС), с 1929 года Королевства Югославия. В этих событиях принимали непосредственное участие гимназисты, их родители и преподаватели 1-й русско-сербской гимназии в Белграде.

Ещё до начала Первой мировой войны Королевство Сербия приняла участие в двух балканских войнах. Одержавшая, при помощи союзников, победу, разорённая войной Сербия в 1918 году вошла в состав Королевства СХС. Постепенно выяснилось, что сербы понесли по отношению к общей численности населения самые крупные потери из всех воюющих сторон. Тем не менее именно Королевство, одно из беднейших государств Европы, оказалось и одной из самых гостеприимных стран, которая в 1919–1923 годах приняла к себе российских беженцев, из портов Чёрного моря, а вскоре – из лагерей в Турции, Греции, на Мальте, в Египте. Этому способствовал молодой православный монарх – Король Александр I Карагеоргиевич, воспитанник Пажеского корпуса в Петербурге, а также русофильские настроения политических партий, иерархи Сербской Православной Церкви и влиятельные представители интеллигенции. Новое государство на Балканах таким образом реализовало идеи южнославянского единения, о котором в особенности мечтали сербы, веками разделённые на этих территориях. Предоставляя временный приют русским беженцам, сербы отдавали дань признательности России за ее союзническую поддержку в войне с агрессорами. Несомненно, Правительство приветствовало антибольшевистскую эмиграцию ещё и потому, что молодая местная компартия на выборах 1920 года победила в Белграде, Загребе, Скопье и других более или менее крупных городах, заняв по стране третье место. (Вскоре партия была объявлена террористической организацией и запрещена).

Перед тем как первая беженская волна захлестнула страну, в Королевстве уже находилось несколько тысяч российских граждан – военнопленных с Галицийского фронта 1914–1918 годов, солдат с Салоникского фронта 1917–1918 годов, а также одиночек, покинувших Россию после 1914 года.

Прибывшие с первой волной (начало мая – конец ноября 1919 г.), около 1.600 человек, были беженцами так называемой 1-й «французской» эвакуации из Одессы. Это были состоятельные люди, которые в большинстве своём довольно скоро выехали вглубь Европы.

Начиная с 26 марта 1920 года, под давлением наступающей Красной армии, началась хаотическая эвакуация частей Добровольческой армии из Новороссийска и Ростова-на-Дону. Эту вторую волну, порождённую «англо-французской» эвакуацией из Одессы (январь 1920 г.) и «английской» (или «сербской») эвакуацией из Новороссийска (март 1920 г.), связанную с переговорами генерала А.И. Деникина и начальника дипломатической миссии КСХС, Милоша Ненадича, составляло 7–8 тысяч человек. Для прибывавших эшелонами по железной дороге из Салоник главным распределительным центром являлся пограничный пункт Гевгели на железнодорожном пути Салоники-Скопье.

Гражданскую часть этой волны принимали в распределительном пункте в Белграде, который прозвали «Дом чудес» – трамвайное депо на окраине города. О них заботился Русско-югославянский комитет со своими филиалами по всей стране.

После напряжённых переговоров и подписания протокола с Англией (11 октября 1920 г.) в страну хлынули русские из лагеря на острове Лемнос – третья волна (27 октября – 17 ноября 1920 г.), всего 2.053 человека.

С четвертой иммиграционной волной (25 ноября – 23 декабря 1920 г.) в Королевство СХС влилась самая многочисленная, «крымская» эвакуация. На берега Адриатического моря высадилось 21.343 беженца.

Пятую волну (1 июня – 17 ноября 1921 г.; февраль 1922; 5 мая 1923 г.) составляли новые эшелоны воинских подразделений Русской армии генерала П.Н. Врангеля – всего 11.750 душ.¹

Если принять во внимание, что страна оказалась транзитной станцией для переезда русских во Францию и Бельгию (страны, нуждавшиеся в мужской рабочей силе), и что среди эвакуированных солдат и казаков было распространено желание возвратиться на родину (и оно оказалось осуществимым), – можно доверять более поздним переписям, согласно которым в стране осело около 44 тысяч подданных бывшей Российской империи.

Понятно, что большую часть из них составляли военные в сопровождении гражданских лиц – семьи офицеров, служащие администрации южных городов России, несколько учебных заведений, люди свободных профессий, вдовы, сироты и военные инвалиды.

¹ Подробнее о прибытии русских в Королевство СХС, см.: *Јовановић М.* Досељавње руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996. – 388 с.

Большие партии беженцев, высадившиеся с пароходов и из вагонов, некоторое время пребывали в карантине. Их размещали в казематы, крепости, лазареты, казармы, деревянные бараки недавних военнопленных и железнодорожные ангары. Специальные государственные комиссии, международные филиалы Красного креста и местные благотворительные общества прилагали все усилия, чтобы беженцы равномернее были распределены по всей территории страны. Всё-таки подавляющее большинство людей осело в ее восточной, православной части – Сербии, хотя она была более бедной, отсталой и потерпевшей от военных действий.

Приводим фрагмент воспоминаний инженера Георгия Владимировича Ярошевича (1909, Курск – 1996, Белград):

Было мне тогда 11 лет. Помню, в ноябре 1920 г. наш поезд из Салоник переехал границу. Мы проезжали сербские села, разрушенные и сожжённые. Вдоль дороги попадались поля со следами недавних битв. На вокзалах крестьяне встречали наш поезд с горячим супом, чаем, молоком, бутербродами, жареным мясом, сыром. . . Постепенно, нас стали рассредоточивать по городам: отцепили вагон, и поезд продолжал дорогу. Ниш – отцепили вагон, Княжевац. . . Поехали дальше. Заечар. . . Неготин – последний вагон! В нём были мы.

Помню, толпа встретила нас на вокзале. «Русские приехали!» Сербки в народных национальных костюмах, со сплошной вышивкой. . . Тотчас забрали нас, детей, увели в свои дома. Согрели, выкупали, накормили. Кровати стелены чистым, белоснежным бельём. Два года я не знал про кровать. Заботились, как о родных.

Взрослых также приняли гостеприимно, сердечно. А на следующее утро все пошли в городское управление. Там происходила регистрация и размещение по домам, кого куда.

– Кто примет отца, мать с тремя детьми?

– Я могу.

– Бери!

– Я могу лишь мужа с женой.

– Принимай!

Всех пристроили. Итак, мы оказались на прочной почве, на месте, внушающем доверие. Нас ждала новая жизнь.¹

Как в столице, так и при «русских колониях» во многих городах страны возникали русские столовые, детские сады, библиотеки, театральные, литературные, музыкальные общества, приюты, филиалы эмигрантских военных и политических организаций. Сербская Православная Церковь и правительство страны дали возможность беженцам иметь свои церковные приходы, начальные школы, кадетские корпуса, девичьи институты, гимназии, санатории, прессу и издательства. Самое

1 Запись передачи Белградского радио от 12 октября 1990 г. Собрание А. Арсеньева.

трудное время обживания на чужбине в этих условиях прошло довольно быстро: по общему признанию у приезжих сложилось впечатление, что они оказались в неевропейской губернии Российской империи.

В первые годы беженцы получали месячную материальную государственную помощь, в объёме, зависящем от их семейного статуса, возраста и состояния здоровья. По мере того, как прибывшие находили работу, эта помощь уменьшалась и сосредоточивалась на финансировании русских гуманитарных и образовательных организаций. В результате уже к середине 1920-х годов русские играют весьма заметную роль в хозяйственной жизни страны и в работе административного аппарата КСХС, преимущественно на территории, еще недавно принадлежавшей Австро-Венгрии, в особенности в этнически однородных (неславянских, не православных) районах. Правительству было важно получить здесь лояльно настроенные и квалифицированные кадры. Подавляющее большинство русских имело среднее и высшее образование, многие владели иностранными языками. В центральных промышленных районах Боснии и Сербии легко нашли себе работу инженеры и офицеры – на шахтах и рудниках, на строительстве железных и шоссейных дорог, мостов, туннелей. Многие из них проложены руками бойцов бывшей Русской армии и казаками. Части бывшей Кавалерийской дивизии несли пограничную службу.

Около 10 тысяч русских осело в Белграде. В благоприятных условиях оказалась интеллигенция. Более восьмидесяти русских профессоров получили право вести университетские курсы, они же основали ряд научных институтов при Белградском университете. Все это позволило поднять на качественно более высокий уровень местное университетское образование. Благодаря русской профессуре открылись факультеты в Суботице и Скопье. Уже в 1920 году профессору из Петербурга, Владимиру Дмитриевичу Плетнёву, обладавшему по своей прежней деятельности в России солидными связями в Королевстве СХС, удаётся открыть в Белграде **1-ю русско-сербскую гимназию**, которая просуществует почти 25 лет.

Естественно, что в первые годы всех русских беженцев волновала прежде всего судьба России и оставшихся там родственников и друзей. Постепенно идейные единомышленники, земляки, люди одинаковых профессий объединяются, вступают в кружки и организации, нередко погрязая в политических распрях.

Надо сказать, что лишь очень немногие эмигранты понимали, что происшедшая в России катастрофа будет иметь долговременные последствия, большинство же «сидело на чемоданах» и жило ожиданием скорого падения большевизма и возвращения домой. Доходило до анекдотов: в начальной русской школе в Сараево не учили детей сербскохорватскому языку под предлогом того, что на следующий год «мы все будем в России». Они видели во снах Петербург и Москву, Киев и Одессу, но даже в самом страшном сне никто из них не мог себе и представить, что это – *изгнание навсегда*.

Появление беженцев из России вызвало понятное любопытство. Жители городов ходили на благотворительные концерты в пользу русских сирот и военных инвалидов, беженцам помогали, жалели их, в чём-то осуждали. Чаще всего бросались в глаза неприспособленность пришельцев к повседневной жизни, их нежелание прочно устроиться, пусть даже и на временное пребывание на чужбине. Удивляли и пренебрежение беженцев к быту, их нарочитая вежливость и изысканность манер. Русских женщин упрекали в лени и чтении книг, в чрезмерном внимании к уходу за собой и к своему туалету, а их мужей – за ведение домашнего хозяйства (работы «чисто женские»). Регулярное посещение русскими их длительных церковных служб удивляло местных жителей, но вскоре они стали восторженно говорить о пении и атмосфере, царившей в русских храмах. Благодаря прибывшим опытным регентам русские церковные песнопения привились в сербских православных приходах.

К концу 1920-х годов положение Советского Союза укрепилось, в том числе и за счёт признания его ведущими мировыми державами, и мечты о скором возвращении становятся все более призрачными. Мать 24-летней девушки пишет в Нови Сад из Гянджи 12 марта 1927 года: «...Вопрос о приезде к нам предоставляю на твое полное усмотрение. Мне и в голову не приходило то, о чем ты пишешь!»¹

Молодое Королевство СХС динамично развивалось как парламентская монархия; здесь бушевали свои политические и межнациональные страсти. Частые административные реформы в стране отражались на юридическом статусе и материальном положении русских.

В 1924 году правительство упразднило бывшую дипломатическую Миссию России в Белграде. В здании бывшей Миссии, или, как говорили эмигранты, «посольства», многие годы размещалась Государственная комиссия по делам русских беженцев, продолжавшая работу в прежнем составе.

Дипломатический «маневр» югославского правительства отразил эволюцию статуса бывших россиян в стране: эйфория помощи беженцам прошла, и они превращались в политических эмигрантов. Многими русскими этот факт был воспринят как серьёзное предупреждение. Перед семьями с детьми школьного возраста возник вопрос: отдавать ли их в русские или в югославские учебные заведения? И – главное – не пришла ли пора подавать прошение о принятии в югославское подданство, признавая начавшийся процесс ассимиляции?

Официально политическая деятельность русских в КСХС была запрещена, но она существовала внутри всевозможных объединений – ветеранов войны, галлиполийцев, выпускников военных учебных заведений и профессиональных обществ, в редакциях русских газет и журналов различной направленности.

1 Из бумаг М.А. Баженовой. Собрание А. Арсеньева.

Мировой экономический кризис конца 1920-х – начала 1930-х годов потребовал резкого сокращения количества государственных служащих, что значительно ухудшило положение эмигрантов. Если в начале их жизни в КСХС в отсталых районах ощущался дефицит в кадрах со средним и высшим образованием и русские без югославского подданства охотно принимались на работу (правда лишь на год или по контракту), то через 5–8 лет подросло молодое поколение образованных югославов, имевших полное право получить дома работу. Русским стали отказывать в продлении контрактов. Но бывало и так, что русофильски настроенные югославы (старшего поколения) продолжали относиться к русским сочувственно и даже игнорировали официальные распоряжения.

Отрывочные сведения о политических процессах, о расстрелах и концлагерях доходили до русской эмиграции и делали большую часть её все более непримиримой по отношению к советскому режиму. К этому времени окончательно прервались контакты с близкими, оставшимися на родине: «Больше нам не пишите», сообщали оттуда. «Связь с родственниками за границей» стала в СССР смертельно опасна. Все надежды на воссоединение разделённых границами семей рухнули.

С другой стороны, по мере того, как временное прозябание на чужбине превращалось в постоянное, на всю жизнь, росло и число тех, кто обращал свои взоры в сторону покинутой родины, кто искренне верил, что люди в СССР живут так, как показывалось в советских фильмах, которые, начиная с 1935 года, с большим успехом шли в довоенной Югославии.

В Белграде 9 апреля 1933 года был торжественно открыт Русский дом имени Императора Николая II. Это был апофеоз отношения правительства к русской эмиграции. Известный академик-славист Александр Белич на торжестве открытия сказал:

Объявляя открытие этого дома, я не смею не упомянуть имя Того, Кто является вдохновителем мысли о его постройке. Его Величество Король Александр I, как глубоко ценящий огромное значение духовных нужд русского народа, усмотрел, что помощь нашего народа русским людям не будет исчерпывающе полна, если мы не позаботимся и об этой стороне их жизни.¹

Увы, самому Королю Александру осталось жить чуть больше года.

Он будет убит 9 октября 1934 года в Марселе во время официального визита. Эта смерть потрясла всё Королевство. Русские эмигранты восприняли гибель короля как апокалиптическое повторение убийства последнего российского Императора

1 Речь академика профессора А.И. Белича // Русский дом имени Императора Николая II в Белграде. Белград: Издательская комиссия, 1933. С. 38.

и его семьи. Через три года скончался Патриарх Сербский Варнава – русская эмиграция окончательно осиротела.

Королевский дом Карагеоргиевичей остался с несовершеннолетним наследником престола принцем Петром, старшим сыном убитого Короля. Его опекал Совет, который возглавил его двоюродный дядя принц-регент Павел Карагеоргиевич. Отметим, что после гибели Короля Александра в Югославии обострились и до того очень непростые межнациональные отношения. На этом фоне существенно ухудшилось и отношение к русским эмигрантам. Кроме того, в 1930-е годы в Югославии широко, особенно среди молодежи, распространяются просоветские взгляды. В этом направлении «активно трудились» и белградское представительство эсеровского «Земгора».

Жизнь на чужбине заставляет пристально следить за событиями как на родине, так и во всём мире; в конце 1930-х годов угроза новой войны в Европе стремительно становилась реальностью. И 1 сентября 1939 года, с нападением Германии на Польшу, Вторая мировая война стала свершившимся фактом.

Логика войны неумолима: враждебное окружение стран, открыто предъявлявших к Югославии территориальные претензии, влияние Англии и деятельность иностранной агентуры на Балканах – принудили регента-князя Павла изменить курс по отношению к Советскому Союзу. Югославская торговая делегация прибыла в Москву 8 мая 1940 года и была принята главой правительства СССР В.М. Молотовым. Помимо ряда торговых сделок, стороны обсудили возможность закупки Югославией истребителей и танков. Такие поставки советская сторона обусловила установлением дипломатических отношений. Постоянный представитель СССР В.А. Плотников прибыл в Белград уже в июне 1940 года. Таким образом Югославия оказалась последним европейским государством, признавшим Советский Союз. Русская эмиграция восприняла этот факт насторожённо, особенно в столице.

Германия со своей стороны настаивала на присоединении Югославии к Тройственному Пакту. Подписание Договора с Германией вызвало недовольство населения столицы. Массовые демонстрации на улицах Белграда состоялись 27 марта, а в ночь с 27 на 28 марта генерал Д. Симович (военачальник проанглийской ориентации) при поддержке молодых офицеров совершил государственный переворот. Принц Павел покинул страну и с помощью англичан был вывезен в Африку. Потеряв доверие к югославским правителям, германский фюрер принял решение покончить с Югославией.

Ранним утром 6 апреля 1941 года, в день Благовещения Пресвятой Богородицы – какой глубокий мистический смысл скрыт за этим совпадением! – немецкая авиация подвергла беспощадной бомбардировке Белград и ряд сербских городов. В страну вторглись войска Германии и её союзников. После безуспешной попытки

военного сопротивления (Апрельская война) 17 апреля Югославия признала свое поражение. Королевство развалилось.

Русские курсанты военных училищ и военнослужащие резерва югославской армии, в том числе и выпускники гимназии, участвовали в боях, были среди них погибшие, раненые, а многие по окончании военных действий оказались в плену. Из плена были отпущены все хорваты, венгры, немцы, болгары и румыны. А русские солдаты и офицеры, всего 173 человека, вместе с сербами попали в немецкие лагеря для военнопленных.¹

С первых дней оккупации возникло пронацистское Независимое Государство Хорватии (НГХ), где сразу же начались этнические чистки – это была настоящая охота за православными сербами.

Отдельные подразделения королевской армии, решившие продолжать сопротивление, были собраны генералом Дражей Михайловичем в сербские национальные отряды, открывшие фронт сопротивления оккупантам в гористой части Сербии. Официально они назывались «Югославские войска в отечестве», а в народе их называли «Четники» (чета – по-сербски рота). Действия четников получили поддержку англичан. Следует отметить, что находившиеся в подполье югославские коммунисты, возглавляемые Йосипом Броз Тито, не предприняли в это время никаких действий. Причина понятна – Германия и СССР были связаны узами дружбы, так называемым «Пактом Молотова-Риббентропа».

Новая сербская администрация создала Бюро по делам русских беженцев, правда, распространявшее свою деятельность лишь на столицу бывшего Королевства и оккупированную немцами Сербию ниже Белграда. На этой территории Бюро к марту 1942 года зарегистрировало 21.650 русских, не имевших югославского подданства, из них 2.000 детей до 16 лет. В течение 1941 года на работы в Германию (чаще всего в принудительном порядке) отправилось около двух с половиной тысяч русских эмигрантов. Немцы запретили все эмигрантские организации довоенного времени. Члены НТС НП и русские скауты ушли в подполье.

Продолжили свою работу лишь русская начальная школа, мужская и женская гимназии, Публичная библиотека, несколько студенческих и церковных обществ, два старческих дома и Союз русских женщин. Появилась еженедельная газета «Новый путь», возникло эмигрантское «Общество сценических деятелей» и мастерская игрушек. Безработица охватила не только Белград, но и провинцию, откуда, покидая насиженные места, устремились в столицу русские, опасавшиеся за жизнь своих семей. Голод встал у порогов эмигрантских квартир. Бюро орга-

1 Тимофеев А.Ю. Сопротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Сборник материалов международной конференции «Русская эмиграция в борьбе с фашизмом». Москва: Изд. «Русский путь», 2016.С. 238–271.

низовало в Русском доме столовую, в которой «новые беженцы» могли получить обед наравне с жителями Белграда.

Утром 22 июня 1941 года сообщение о нападении Германии на СССР потрясло жителей бывшей Югославии. Для русской эмиграции ситуация изменилась самым кардинальным образом. Получив приказ «Коминтерна» (коммунистический интернационал), «партизаны-титовцы», наконец, призвали к сопротивлению. Однако, первыми под их пули попали именно «белоэмигранты», как враги «батюшки Сталина». До 1 сентября было убито более 150 русских и членов их семей. Между четниками и партизанами разгорелась гражданская война, в результате чего страна быстро погрузилась в кровавую сумятицу.

Да и сама русская диаспора, и не только в бывшей Югославии, ходом событий распалась на две непримиримые части: так называемые «оборонцы», сторонники Советского Союза, и «пораженцы», решившие, что в борьбе с коммунизмом хороши любые союзники. В перспективе, после крушения с помощью немцев режима Сталина, они имели в виду становление независимой России.

Начальник Бюро, генерал М.Ф. Скородумов, летом 1941 года вёл переговоры с оккупационными властями о создании национальной воинской части для защиты русских от партизанских расправ. 12 сентября в газетах появился «Приказ №1», подписанный им и генералом Б.А. Штейфоном о начале формирования Отдельного Русского Корпуса. Последняя фраза приказа звучала так: «С Божией помощью, при общем единодушии и выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию!» Это заявление вызвало скандал, и М.Ф. Скородумова арестовало гестапо. Но сам факт создания собственной части был встречен, особенно молодежью, с энтузиазмом, и формирование первых батальонов в Топчидерских казармах продолжилось. Более 90 гимназистов явились в казармы. Многих юношей привело сюда сознание того, что Сербии, которую они искренне любили и считали своей «второй родиной», реально грозит установление коммунистического режима, с которым сражались их отцы в России. В конце ноября 1941 года 1-й полк Русской охранной группы (название утверждено 18.11.1941 г.) уже вступил в бои с партизанами.

Однако, титовцы нашли поддержку и в Белграде. Усилиями ушедшего «в лес» председателя Земгора Ф.Е. Махина (к тому времени агента НКВД) и нескольких выпускников гимназии (врач Владимир Лебедев из 4-го выпуска и его жена Зоя Демьянович из 8-го, Федор Высторопский, 6-й выпуск и др.) здесь начал действовать подпольный антифашистский Союз советских патриотов (ССП). Его участники организовали тайное лечение раненых партизан в городских больницах, снабжали партизан продуктами и медикаментами, переправляли «в горы» бежавших советских военнопленных, вели разведку, собирали информацию о расположении немецких

опорных пунктов, заминированных объектах. Они же наладили выпуск листовок с новостями от советского Информбюро и лондонского радио.

Многие участники ССП и помогавшие партизанам русские врачи попали в лагеря и тюрьмы. Некоторые погибли. Так безумная логика войны развела бывших соучеников, а порою и одноклассников, по разные стороны невидимой линии фронта.

Зиму 1941 года русские в Белграде пережили в холоде и лишениях. В мае 1942 года приказом нового начальника Бюро, генерал-лейтенанта В.В. Крейтера, была введена трудовая сельскохозяйственная повинность для всех зарегистрированных русских эмигрантов обоюбого пола. Необходимо было отработать минимум 6 дней, после чего приобреталось право на получение по карточкам продуктов из продовольственного распределителя. В августе 1942 года «русское трудовое поле» начало приносить свои плоды: в столовой Русского дома выдавалось уже более полутора тысяч обедов в день.

С установлением оккупационного режима в обеих русских гимназиях сменились директора, но преподаватели, в основном, остались те же. На февраль 1942 года в гимназиях занималось почти 500 учеников, и 313 детей в начальной школе.

Разгром нацистов под Сталинградом зимой 1942–43 года ясно показал, что рано или поздно Германия потерпит поражение. В апреле 1944 года союзники жестоко бомбили Белград и другие промышленные города Сербии, при этом, как обычно, мирного населения погибло значительно больше, чем военнослужащих немцев.

Тем временем части Красной армии стремительно приближались к границам бывшей Югославии со стороны Румынии и Болгарии. В сентябре 1944 года командир Русского Корпуса, генерал Б.А. Штейфон, добился от оккупационных властей согласия на эвакуацию русских колоний из Сербии. Сотрудники Бюро по делам русских беженцев составили списки желающих уехать. И снова, как и 25 лет тому назад, эмигранты «собирали чемоданы», бросали дома и вещи и в назначенное утро являлись в столь памятный им Русский дом, чтобы покинуть Белград навсегда. Грузовиками доставляли их на вокзалы в Земун и Панчево, откуда эшелоны уходили в Австрию и Германию. В них уехало около 60% русских белградцев. Оставшиеся в столице поспешно жгли «опасные» документы из семейных архивов, фотографии в военной форме, прятали ордена и реликвии царского времени.

Части 2-го и 3-го Украинских фронтов РККА и отряды партизан, преобразованные в Народно-освободительную армию Югославии (НОАЮ), освободили Белград 20 октября 1944 года. Оставшиеся в живых члены ССП и сочувствующие влились в состав Народно-освободительной армии. Немало русских вместе с населением столицы разделили радость освобождения, приглашая советских солдат и офицеров в свои дома, угощали их и произносили тосты в честь их общей родины!

Война продолжалась. В конце апреля 1945 года югославская делегация во главе с Тито прибыла в Москву, где был подписан Договор о дружбе и взаимопомощи.

В эти же самые дни части Русского Корпуса с боями пробивались на территорию Австрии. 12 мая около пяти тысяч корпусников сложили оружие перед британскими военными. Следует, однако, признать, что в сознании югославских народов деятельность Русского Корпуса осталась не как антикоммунистическая, а как антиюгославская.

Настала мирная жизнь. Волна всеобщей любви ко всему советскому буквально захлестнула все республики Югославии. Повсеместно возникали Общества по культурному сотрудничеству с СССР, которые издавали свои бюллетени, формировались библиотеки с советскими книгами и периодикой, переводились брошюры об экономических достижениях в СССР, открывались курсы по изучению русского языка, знание которого стало в стране почти обязательным, устраивались выставки, демонстрировались кинофильмы. Правительство Югославии передало во владение СССР здание Русского дома, в котором открылся Дом советской культуры.

Однако русских, отмеченных каиновой печатью «эмигрант», в эти общества не допускали. Возвращавшихся из Германии русских ждала печальная судьба: аресты, допросы, бессудное заключение в трудовые лагеря на неопределённый срок.

Неумоимо работала и советская контрразведка (СМЕРШ), выявляя оставшихся в стране деятелей Национально-Трудового Союза (НТС), РОВСа и станиц «вольных казаков». В Белграде и в других городах страны бесследно исчезали эмигранты.

Еще до капитуляции Германии, в апреле 1945 года, в Белграде побывала делегация Московского Патриархата. Настоятелю Св.-Троицкого храма в Белграде о. Иоанну Сокалю поручили встретиться с сербскими иерархами и убедить их действовать в полном контакте с Россией и русской Церковью, имеющей «правду, колоссальный опыт и могущественную силу». В отчёте об этой встрече, о. Иоанн сообщил, что сербы заметили, что у всякой силы есть конец и что Сербская Церковь не хочет, подобно Русской, вмешиваться в политику. Епископы высказались против всего направления внутренней политики Тито и его правительства, уже заявившего о себе массовыми убийствами. Один из епископов прямо сказал, что любит Россию старую и её войска, но Красная армия – это просто разбойники. По мнению иерархов-сербов, народ против того, чтобы сюда приходили большевики.

10 августа 1945 года была торжественно провозглашена Демократическая Федеративная Югославия (ДФЮ). Власть, как в Белграде, так и в провинции вместе с партизанскими командирами получили и советские военные представители. Вскоре был издан знаменитый Сталинский декрет, согласно которому не скомпрометировавшие себя во время войны русские эмигранты без подданства или желающие сменить гражданство могли получить советский паспорт. Многие русские так и поступили: одни из патриотических чувств, иные по принуждению или по необходимости, в зависимости от того положения, в котором они оказались. По сведениям Министерства внутренних дел Югославии, к середине 1949 года в стране оставалось 13.057 «русских эмигрантов», из них 5. 874 имели советское гражданство, 6. 887 – югославское, а 296

не имели подданства. Не следует удивляться этим цифрам: за 25 лет выросло целое поколение русских, родившихся вне России.

Обман с получением советских паспортов обнаружился очень скоро: наличие его вовсе не давало возможности сразу же вернуться на родину. Со своей стороны, югославские власти принуждали эмигрантов к получению советского паспорта, надеясь быстро от них избавиться, но советское руководство предпочитало держать этих «новых граждан» подальше от своей страны.

Безоблачные отношения между СССР и Федеративной Народной Республикой Югославия (ФНРЮ, с 29.11.1945 г.) нарушились уже в 1947–48 годах. Компартия Югославии отказалась принять ряд советских рекомендаций, касавшихся методов построения социализма. Реакция Сталина была мгновенной: приостановлены торговые переговоры, срочно отозваны советские военные и гражданские инструкторы, а «маршал» Тито объявлен отъявленным «ревизионистом».

В июне 1948 года в Бухаресте прошел очередной съезд коммунистического Информационного Бюро («Коминформ», наследник Коминтерна), на котором югославских коммунистов обвинили в предательстве антиимпериалистического фронта и в реставрации капитализма. За этим последовала экономическая блокада Югославии, на её границах сосредоточились войска стран «народной демократии», в основном, советские.

Все эти партийные распри очередным бедствием обрушились на несчастные русские головы. Сотни обладателей советских паспортов лишились какой-либо работы. В концлагере Голи Оток и в тюрьмах оказалось около 200 русских эмигрантов, среди них и бывшие преподаватели гимназий и бывшие гимназисты, члены ССП. Оставшихся на свободе вместе с семьями депортировали в соседние страны – Венгрию, Румынию и Болгарию. В Триесте (Италия) существовал лагерь перемещенных лиц, в котором позднее оказались и многие русские семьи с югославским подданством. После довольно долгого времени, проведённого там, они, по приглашениям родственников и знакомых, через различные гуманитарные организации разъезжались по всему миру. Из наследия эмиграции в Белграде остался лишь православный приход при Св.-Троицком храме, с конца октября 1945 года вместе с клиром принятый в юрисдикцию Московского Патриархата.

Легальный и нелегальный выезд русских из Югославии продолжался до середины 1950-х годов. На севере Сербии, в Воеводине, какое-то время ещё прозябали русские дома для престарелых, русские библиотеки и церковные приходы, находившиеся под омофором Сербской Церкви. На этом фактически закончилась история русской эмиграции в Югославии.

Об огромном вкладе русских в культуру и экономику приютившей их страны лишь в последние десятилетия XX века стали писать югославские и российские историки и краеведы.

РУССКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ЮГОСЛАВИИ

Гражданская война охватила всю гигантскую территорию бывшей Российской империи. Когда война приходит в твой дом, любой взрослый, хотя бы теоретически, может взять в руки оружие и защищаться, может отступить или, в конце концов, эвакуироваться с армией. Дети же – будущее любой нации – беззащитны. Они не могут понять, что произошло, что разрушило их счастливую жизнь под крылом родителей. На них обрушивается ужас – и эта психологическая травма останется у многих на всю жизнь.

В старой России образование давало значительное число учреждений закрытого типа, находившихся на попечении государства. В первую очередь это кадетские корпуса и девичьи институты. Но государство рухнуло. И в этой ситуации лишь очень немногие из них, оказавшиеся на Юге страны или на Дальнем Востоке, удалось вывезти из России ценой героических усилий персонала и жестоких страданий детей. Остальные попали в руки красных и были разграблены. Персонал частично разбежался, остальных приказным порядком временно оставляли на службе, а пытавшихся оказать сопротивление уничтожали. Оставшихся воспитанников постепенно собрали в детские дома и успешно перевоспитали, осмеивая и выкорчёвывая все то, что успели вложить в их души мама, папа и школьные педагоги.

Согласно анализу и скрупулёзному подсчёту историка Мирослава Йовановича, в КСХС осело около 44 тысяч выходцев из России. Примерно 28% эвакуированных детей оказалось в КСХС без родителей или родственников.¹

В архивных фондах Министерства просвещения КСХС отложился отчёт о численности детей русских беженцев на начало 1922 года:

Возраст	Мужского пола	Женского пола	Итого
до 1-го года	49	49	98
1 – 2 года	188	198	386
3 – 5 лет	236	225	461
6 – 10 лет	592	538	1.130
11 – 18 лет	2.321	1.262	3.583
Итого	3.386	2.372	5.658

Трудно даже вообразить, сколько слёз было выплакано этими детьми!

Уже в июне 1920 года была создана югославско-российская Государственная комиссия, ведающая интересами русских беженцев. Проводя в жизнь правительственную политику в отношении русских, она координировала деятельность госу-

¹ *Јовановић М.* Указ. соч. С. 186.

дарственных учреждений, русских беженских организаций и действия отдельных россиян. Комиссия подчинялась Министерству иностранных дел КСХС-Югославии и имела шесть отделов, одно из которых ведало русскими учебными заведениями. Этот отдел возглавлял профессор Степан Михайлович Кульбакин. Сотрудникам отдела и деятелям русских колоний предстояло в кратчайшие сроки создать в Королевстве СХС цельную систему воспитательно-образовательных учебных заведений для детей и молодежи, от детских садов и приютов до школ, училищ и гимназий, дающих среднее образование.

Надо сказать, что совместными усилиями наиболее деятельной части эмиграции удалось избежать самого страшного: появления большого количества русских детей-беспризорников, подобных тем, кто в 1920-е годы десятками тысяч бродяжничали в Советском Союзе. Детские приюты, принимавшие детей до 11-ти лет, были созданы в Панчеве, в Белой Церкви и в монастыре Хопово на Фрушка-Горе. И пусть вначале они работали в нищенских условиях, но именно забота и внимание воспитателей и нянечек помогали детям пережить самое тяжёлое для них время. В приютах вновь зазвучал детский смех. Следует отметить и то, что много детей-сирот эмигранты приняли в свои семьи.

В первые годы эмиграции в создании системы образования приняли участие представительства Всероссийского союза городов (ВСГ) и Всероссийского земского союза (ВЗС) – «Земгора». При нём действовал особый Учебно-педагогический совет, занимавшийся финансовыми, организационными и педагогическими вопросами. Нередко одновременные действия Государственной комиссии, Совета Земгора и военного агента при Российской миссии вносили сумятицу и приводили к разного рода недоразумениям и спорам. Министерство просвещения КСХС довольно долго не могло разобраться в полномочиях и в делах этих организаций.

В феврале 1923 года было достигнуто некоторое соглашение между Государственной комиссией и Министерством просвещения. При Комиссии был создан Русский школьный совет, управляющий всеми русскими школами в стране. В его состав вошли представители Российской миссии (профессор Д.П. Кишенский и военный агент ген. В.И. Базаревич) и Земгора (В.Д. Брянский), а также М.В. Челноков, Б.М. Орешков и В.Д. Плетнев. По данным Статистического отделения Государственной комиссии к 1-му марта 1923 года русские учебные заведения посещало 2. 778 детей, из них в общежитиях проживало 2. 075 детей. Остальные дети ходили в местные государственные школы, но количество учащихся в русских учебных заведениях с каждым годом росло. Детские сады и начальные школы открылись в Белграде, Земуне, Панчеве, Сараеве, Нови Саде, Суботице, Боре, Поновиче, а русские «школьные группы» – в городах, где жили русские беженцы, практически по всей территории страны.

В 20-е годы все русские начальные школы в КСХС работали по программам и учебным планам трёхлетних государственных начальных школ Российской империи, действовавшим до начала Великой войны. Однако, вскоре эти программы были дополнены – были введены: иностранный язык, рукоделие, пение, гимнастика. В 1926 году принята была новая программа четырёхлетнего обучения, частично согласованная с русскими и югославскими программами средних учебных заведений. Но и далее в них не было истории, географии, природоведения. Правда, русский язык преподавался с учётом предоставления основных знаний из истории и географии России. В некоторых школах были введены «югославские предметы» как то: сербский язык, история, география Югославии.

С течением времени количество русских начальных школ начало сокращаться, а к 1938/39 учебному году в Югославии остались лишь четыре русских начальных школы.

В октябре 1920 года торжественно открылась «плетнёвская» **Первая русско-сербская гимназия в Белграде**. А в следующем учебном году приняла учениц **Первая русско-сербская девичья гимназия с общежитием в Велика Кикинде**, созданная усилиями энергичной начальницы, «смолянки» Наталии Корнелиевны Эрдели. По совету чиновников из Министерства просвещения в Белграде, учебное заведение не было названо девичьим институтом, хотя эта гимназия во многом продолжала традиции и устои Смольного института в Петербурге (ее называли «Второй Смольный институт в Кикинде»). Гимназия закрылась в 1931 году. Аттестаты зрелости в ней получило более 200 воспитанниц.

Значительную, а порой и решающую финансовую поддержку в создании системы образования для детей русских эмигрантов оказало Королевское правительство, несмотря на собственные нужды в становлении молодого государства.

В конце 1926 года была учреждена должность руководителя школьными делами Государственной комиссии. Первым этот пост занял профессор С.П. Кульбакин, а с 1936 года – профессор Н.А. Пушкин.

В декабре 1929 года в стране был принят Закон о народных (начальных) школах, которым унифицировались программы всех школ, включая начальные школы национальных меньшинств. Ему обязаны были подчиниться и русские школы. В них стали преподавать государственный (сербский) язык, Закон Божий, географию, историю, природоведение, математику, чистописание, рисование, пение, рукоделие, домашнее хозяйство, гигиену и гимнастику. Однако, далеко не всегда эти предписания исполнялись, поскольку и родители, и русские педагоги, продолжая надеяться на скорое возвращение домой, предпочитали иметь именно национальное воспитание и образование детей.

Из всего обилия российских школ «закрытого типа» в Королевство СХС удалось вывезти три (сборных) кадетских корпуса и два девичьих института.

Для покидавших Россию детей, лишённых родительской любви и заботы, отъезд был настоящей трагедией, поистине исходом в неизвестность. Во время эвакуации кадеты и институтки пережили ужасы гражданской войны, долгую жизнь впроголодь и бесконечные переезды. На этом их пути остались могилы товарищей и подруг, умерших от истощения и эпидемии сыпного тифа, свирепствовавшей в стране. Они прибыли в КСХС, отягощенные психическими заболеваниями, у многих были обморожены пальцы на ногах. Неимоверно тяжело начиналась их жизнь на новом месте, но, благодаря настоящему героизму их наставников, они остались живы и обрели будущее.¹

Кадетские корпуса и девичьи институты, в которых было значительно больше сирот, чем в других учебных заведениях, дали возможность более чем двум тысячам юношей и девушек получить среднее образование и национальное воспитание. Для многих из них корпуса и институты стали родным домом, стали Россией. Они сохраняют свою юношескую дружбу до конца жизни, порой называя себя прямыми родственниками. Полученные аттестаты зрелости открыли перед ними двери университетов не только в Югославии, но и в европейских странах. Они вышли в жизнь, унеся с собой православную веру, знание русской культуры и любовь к своему далёкому отечеству. И пусть эта любовь была в значительной степени «исторической», но они ею жили долгие и долгие годы.

Донской императора Александра III кадетский корпус (создан в 1883 г.) в ноябре 1919 года переехал из Новочеркасска в Екатеринодар, откуда отступил вместе с армией к Ростову-на-Дону и Новороссийску. Корпус эвакуировали на о. Лемнос и в Египет, в бывший лагерь английской армии. Другая его часть («Второй донской корпус») была направлена в Симферополь, затем в Евпаторию и в ноябре 1920 года покинула Крым на пароходе «Владимир». Части корпуса соединились в КСХС. Корпус не получил постоянной дислокации, побывал в Стрениште и Билече, пока не обосновался в боснийском городке Горажде. В 1933 году он был закрыт. Корпус окончили свыше 600 кадет, из них более 160 человек получили затем университетское образование, а 46 – окончили военные академии Королевства Югославии.

Крымский кадетский корпус, основанный в октябре 1920 года приказом генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля из кадет Полтавского и Владикавказского корпусов, в ноябре 1920 года был эвакуирован из Ялты (к нему присоединился интернат Константиновского военного училища из Феодосии) и в составе 600 юношей прибыл на пароходе «Владимир» в адриатический порт Бакар, КСХС. Возглавлял корпус генерал-лейтенант Владимир Валерианович Римский-Корсаков. В первые годы корпус обосновался в Словении, в местечке Стрениште, а с октября 1922 года

1 См. биографию И.П. Деловой в главе «Персонал гимназий», раздел «Преподаватели гимназий».

переехал в городок Белая Церковь. Этот корпус был закрыт в сентябре 1929 года. Его окончило 616 юношей; 150 из них окончили университет, а 140 – военные академии Королевства Югославия.

Русский кадетский корпус возник в Крыму объединением кадет и персонала Киевского, Полоцкого и Одесского корпусов. Из Одессы 223 кадета в марте 1920 года прибыли в КСХС в Панчево. В апреле к ним присоединились 42 кадета Одесского корпуса, прибывших по суше из Румынии под начальством генерал-лейтенанта Бориса Викторовича Адамовича. Этот сводный корпус из Панчева вскоре был направлен в Сараево, где пробыл до 1929 года. Переехав в Белую Церковь, он сменил название на Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус (1-й Русский ВККККК). Корпус просуществовал до осени 1944 года. За 25 лет аттестаты зрелости в нем получило 906 юношей. По неполным данным, университет окончили более 200 кадет, а около 160 – военные академии.

Говоря о кадетских корпусах, следует помнить, что условия их эвакуации были крайне тяжёлыми, а иногда сбор и погрузка происходили непосредственно в боевой обстановке. Поэтому понятно, что прибывавшие в КСХС корпуса находились в ужасном состоянии.

Основной проблемой было количество великовозрастных и, главное, их жизненный опыт. Так в Русском (сводном) кадетском корпусе было больше трети учащихся старше нормального школьного возраста, а в Донском – так почти две трети. В 1921 г. из 560 кадет Крымского корпуса 229 человек (41%) побывали на фронтах, 40 имели боевые награды (7, 1%), 52 были ранены или контужены (9, 3%). Этим людям было крайне трудно снова садиться за парты, подчиняться школьной дисциплине. Кроме того, опыт гражданской войны, ещё более, чем войны «нормальной», вел к огрубению, сдвигу в шкале ценностей». ¹

В корпусах процветали грубость, брань и «цук» («дедовщина»), случались пьяные драки. И при этом невероятно тяжёлые условия казарменного быта – питание дурное, часть учащихся спала на полу.

Инспектора из Министерства просвещения сообщали:

Крыши протекают. Вещи класть некуда, их кладут под голову. Нательное белье в плохом состоянии, постельного нет, наличное берегут для больницы. Обувь в очень плохом состоянии, поскольку запасных ботинок нет, часть учащихся ходит босиком. Спят, учат и учатся, все в одном помещении и т. д. ²

1 Савицкий И. Прага и зарубежная Россия: Очерки по истории русской эмиграции 1918 – 1938 гг. Прага: Издательство IDEG, 2002. С. 88.

2 Там же. С. 89.

И все-таки, пусть и очень медленно, но работа кадетских корпусов налаживалась. Опасным было то, что корпуса, с их монархическим духом, готовили офицеров для несуществующей армии. По сути дела, прямой путь для тех, кто желал продолжить военную карьеру, лежал в югославские офицерские училища и академии. Но для этого нужно было принять гражданство страны, а далеко не все хотели терять российское подданство, рассматривая этот шаг как предательство. Тем не менее, в 1941 году многие бывшие русские кадеты защищали Югославию во время Апрельской войны, а после капитуляции, оказавшись в плену, разделили тяжкую судьбу своих сербских братьев. Через полгода, при формировании Русского Корпуса в оккупированной Сербии именно кадеты дадут в него основной кадр.

Харьковский девичий институт (основан в 1812 г.) эвакуировался 29 января 1920 года из Новороссийска. После почти двух месяцев пути, 114 институток, 20 членов персонала, 12 членов их семей и 5 служащих сошли на речной причал городка Нови Бечей в Воеводине. Институт возглавляла «смолянка» Мария Алексеевна Неклюдова. Это учебное заведение просуществовало 12 лет. Его успело окончить 319 воспитанниц.

Мариинский Донской институт (основан в 1853 г.) выехал из Новочеркаска 29 декабря 1919 года и по прибытии в КСХС был размещен в городке Белая Церковь. Всего было эвакуировано 160 институток, включая 75 воспитанниц петроградского Смольного института. Возглавляла его начальница Вера Федоровна Выкгорст. Вскоре ее сменила Наталия Владимировна Духонина. Институт был закрыт в 1941 году в связи с оккупацией Сербии немцами. Около 600 девушек получили в нем среднее образование.

Как мы видим, соблюдение традиций ушедшего мира было повсеместным и в кадетских корпусах, и в институтах, но у девушек дореволюционные программы с упором на добротное изучение языков всё же оказались более практичными. В кадетские корпуса отдавали мальчиков из семей потомственных офицеров. Была и еще одна важная причина: обучение в корпусе требовало от семьи значительно меньших материальных затрат. Из семейств, не исповедовавших монархические идеи, дети чаще попадали в реальные училища и гимназии. Среди родителей бытовало мнение, что в корпусах слишком большое внимание уделяется воспитанию в духе «Бог и Царь!», возврат же в Россию с течением времени становился лишь мечтой, да и прежней России не суждено будет возродиться.

Интересно, что между «плетнёвской» гимназией и кадетами из корпуса в Белой Церкви существовал своеобразный обмен учащимися: уходившие по разным причинам из гимназии продолжали обучение в корпусе, а многие кадеты, выбравшие для себя будущую гражданскую жизнь, переходили в последние классы гимназии, дававшей, конечно, более мощное гуманитарное образование. Отметим, что после закрытия Харьковского института и девичьей гимназии в Велика Кикинде, а позднее и Мариинского института, многие ученицы приехали учиться в Белград, в Первую русско-сербскую гимназию.

ПЕРВАЯ РУССКО-СЕРБСКАЯ ГИМНАЗИЯ В БЕЛГРАДЕ

... его следует научить удивляться!

В.Д. Плетнёв

Открытие гимназии

Петербургский профессор, полковник в отставке Владимир Дмитриевич Плетнёв был эвакуирован с семьей из Новороссийска после катастрофы Добровольческой армии. Как военный человек, участник Великой войны, он, вероятно, понимал, что сопротивление ещё возможно и необходимо, но само «Белое дело» проиграно.

Несомненно, решение покинуть родину было для него очень тяжёлым. Размышляя о своем будущем и о будущем России, которую он глубоко любил, Владимир Дмитриевич пришел к убеждению, что необходимо в условиях эмиграции приступить к созданию школ и гимназий для обучения и подготовки тех поколений, которые **со временем** вернутся в Россию. Об этом он сам в 1925 году напишет в большой статье в сербском журнале «Новая жизнь».

... особенно остро выразилась нужда в устройстве новой школы гражданского типа, как и типа значительно отличающегося по сравнению со школой дореволюционной и революционной России.¹

И это были не просто мечтания. В 1912–1913 годах, во время балканских войн, Плетнёв, обладавший могучим общественным темпераментом, участвовал в широкой компании «Славянского общества научного единения» по поддержке славянских народов и сбору средств в пользу их воюющих армий. Он был лично знаком с некоторыми сербскими учеными, которые заняли в новом государстве КСХС весомое положение и надеялся на их помощь.

Владимир Дмитриевич в свои 42 года имел уже большой преподавательский опыт и вовсе не понаслышке знал о бедах российской системы среднего образования. Статья в сербском журнале дает нам замечательную возможность «услышать» голос самого Плетнёва. (Отметим сразу же, что в 1925 году ни один русский орган печати в КСХС не опубликовал бы этой работы).

¹ Плетнёв Вл. Д., проф. Прва руско-српска гимназија у Београду (историјско-педагошки оглед). // Нови живот (Београд). 1925, Кн. XXIII, Бр. 3, – 27.6. 1925.С. 88.

Владимир Плетнёв:

История школы в России – это сплошная вереница отдельных мучений для учеников и преподавателей из-за трудной задачи, поставленной старым российским устоем: **«готовить детей согласно нуждам и планам правительства»**. Это являлось судьбоносной помехой всем попыткам улучшить старую официальную русскую школу, которая никак не могла спастись от старого строя. <...>

Ещё в 1862 г. один из величайших педагогов, Лев Толстой, в своих статьях обратил внимание на главные нужды тогдашней педагогики в России. По его словам, всю историю педагогики, с её великими представителями, от Платона до Канта, от Лютера до Руссо и далее до наших дней, можем определить как стремление освободить школу из опутывающих её исторических уз, и отыскать те истинно человеческие нужды, на которых следует построить современную школу.¹ *(выделено авторами)*.

Будущий законоучитель в «плетнёвской» гимназии протоиерей Петр Беловидов вспоминал:

Пароход Русского Общества пароходства и торговли «Константин» вышел из Дарданелл. Русским беженцам на нём стало известно, что их отправляют в Сербию. Кто-то сообщил, что вечером того же дня будут сделаны доклады, которые познакомят русских людей со страной, куда обращены их взоры сейчас. Это было 9/21 марта 1920 г. Географическое описание страны и краткую характеристику населения дал, теперь уже покойный, старец А.В. Васильев. А.А. Башмаков говорил о необходимости русским людям съорганизоваться для добывания средств к жизни. Последним выступил профессор Плетнёв, как мне назвали его. Он с горячим воодушевлением убеждал нас позаботиться о воспитании подрастающего поколения, которому предстоит большая и серьезная работа в новой России. Нужно сейчас же, после водворения в новой стране, открыть русское учебное заведение, в котором наши дети в состоянии будут сохранить русское самосознание, свою веру и обычаи, упорным трудом закалить себя для творческой работы в России.

Из вагона железной дороги мы вышли 20 марта/2 апреля в Парачине, а 1/14 апреля Владимир Дмитриевич Плетнев, садясь в вагон ж. д., уже сообщал мне, что едет в Белград открывать русское среднее учебное заведение, при котором будет церковь и интернат, и предложил мне занять место законоучителя в этом учебном заведении, при чём ответ я должен был дать к 1-му мая (по н. ст.). Через 1–2 дня я прибыл в Белград, по личным делам. Там я встретил В.Д. Плетнёва, который, по его словам, посещал правительственные учреждения и общественных деятелей, чтобы получить разрешение на открытие русского учебного заведения.²

1 Там же. С. 89.

2 «Памятка» 1930 г. С. 9–11.

Как мы уже писали в предыдущей главе, в том же 1920 году и позднее в КСХС прибыли из России кадетские корпуса и девичьи институты, в которых, естественно, эта старая преподавательская психология и практика полностью сохранилась. Беда была не в этом, а в том, что несмотря на произошедшую национальную катастрофу, никто и не собирался их менять, упорно надеясь на скорое возвращение на родину.

В. Плетнёв:

Мы не были оптимистами. Вспоминаю: в разговоре с тогдашним «Государственным представителем», князем Григорием Трубецким, у которого было четверо детей школьного возраста, я настаивал на том, что возникла необходимость срочно найти средства для открытия хоть одной (русской) гражданской школы в Королевстве. Князь Трубецкой считал, что открытие такой школы совсем не нужно, «так как мы (разговор состоялся в августе) не позднее самого августа непременно возвратимся в Россию». К счастью, среди ответственных государственных деятелей Королевства СХС оказалось немало особ, которые поняли всю необходимость срочной культурной сербской помощи русским, по мере возможностей, и в интересах достижения новой идейной системы, которая обеспечит новому поколению те живые источники национальной силы и широкой общечеловеческой воли, характерной для великой исторической нации, поддерживающей её в тяжёлые исторические минуты.

Большое спасибо сербам. Они поняли и первые во всём мире удовлетворили эту культурную нужду. Мне не приходилось прикладывать особых усилий, чтобы убедить людей, занимающихся русскими вопросами, в необходимости оказать помощь при открытии русской гражданской школы.¹

Отец Петр Беловидов:

17/30 апреля В.Д. Плетнёв возвратился в Парачин. Вечером того же дня он сообщил мне о том, что им сделано по вопросу об открытии русского учебного заведения. «Всё говорит за то», говорил В.Д., «что гимназия будет открыта». Этого желает сербское правительство, которое дает субсидию, русский консул и правительственный уполномоченный по устройству русских беженцев. Правительство предоставляет помещение для учебного заведения в любом городе. Пока намечены: Земун, Панчево, Пожаревац и Белград. Выбор будет сделан на-днях. При этом В.Д. снова напомнил мне, чтобы я поспешил дать положительный ответ на его предложение занять место законоучителя в новом учебном заведении. По его словам, я буду давать 24 урока в неделю с платой по 10 дин. за данный урок, что составит в месяц не меньше 1.000 дин.; кроме того, мне будет предоставлен стол от учебного заведения. «Занятия начнутся», продолжал В.Д., «в конце мая и не позже 1 июня. Нужно набрать 250–300 учеников, что сделать легко, так как в

1 Плетнёв Вл. Д., проф., указ. соч. С. 88–89.

Сербии более трех тысяч детей школьного возраста». К этому В.Д. добавил, что он назначается членом Державной Комиссии. В числе членов её будет проф. А.И. Белич, обещавший поддержку русскому учебному заведению.¹

В начале июня 1920 года В.Д. Плетнёв в письменном обращении к Министру просвещения просил дать разрешение на открытие русской гимназии на 300 учеников.² Он отмечал, что основой работы гимназии будет «национальная русско-сербско-славянская идея», которая создаст пионеров и носителей «сербско-русского единения и политической близости». Он просил Министерство финансировать лишь преподавательский и административный персонал, а остальные расходы будут возмещаться из русских источников.

Владимир Дмитриевич заручился доверием и поддержкой Любы Йовановича, председателя Государственной (Державной) комиссии по делам русских беженцев, и Светозара Прибичевича, министра просвещения, которые предоставили ему полную свободу при выборе преподавателей, учебного плана и программы гимназии. Они лишь не могли ему предоставить достаточно финансов.

Отец Петр Беловидов:

По просьбе В.Д. Плетнёва я стал составлять программу преподавания Закона Божия в среднем учебном заведении. В моём распоряжении было единственное руководство – Новый Завет (на сербском языке). О необходимости поспешить с составлением программы В.Д. несколько раз напоминал мне, передавая свои просьбы через бывавших в Белграде русских, живших в Парачине. 29 мая/11 июня В.Д. Плетнёв приехал в Парачин и просил меня познакомить его с составленной мною программой. По прочтении программы, был составлен список книг, пособий для преподавания Закона Божия. Я впервые встретил светского человека, который был знаком с богословской литературой. О некоторых книгах он давал основательный отзыв. Видимо, что он не только читал, но в своей душе перерабатывал вопросы, затронутые в них. В длинном разговоре о будущей гимназии В.Д. мечтал об устройстве своего храма. По его словам, гимназия будет в Земуне. Будет открыта в августе. Детей столько, что больше не требуется. Внутренняя жизнь учебного заведения будет построена по образцу английского колледжа в Константинополе.³

1 «Памятка» 1930 г. С. 10.

2 Архив Југославије. Београд. Фонд Министарства просвете. МПс. 66-1111-1442. Письмо В. Плетнёва от 2. 6. 1920.

3 «Памятка» 1930 г. С. 10.

Теперь Плетнёву и его немногочисленному на первых порах окружению предстояло обсудить и создать все программные документы, вплоть до учебных планов по годам обучения.

Обратимся вновь к статье профессора:

Важные вопросы нуждаются в разъяснении. Кант с правом говорил, что единственной прочной опорой оптимизма является убеждение в том, что новое поколение будет лучше предыдущего. . . Нам стало ясно, что образование нового человека происходит преимущественно в периоды начальной и средней школы и очень редко и в высшей школе. <...>

Перед нами, старшими, ответственными за воспитание русской молодёжи на чужбине, возникла одна проблема в ходе принятия упомянутой идеологии. Нам приходилось решать трудный вопрос определения *нужд нашего времени*. Мы были обязаны дать ученикам возможность проявить свои собственные интересы. Необходимо было учесть все нужды, чтобы сохранить связь нашей школы с русским народом и Россией, а самое главное – мы считали своей обязанностью устроить школу так, чтобы она обеспечила постоянный прогресс, при сохранении основных ее задач. (*Курсив В. Плетнёва*). <...>

Намного труднее было определить национальный дух новой русской школы. Необходимо было избежать опасности экономического национализма, зарождавшегося в монархической эмигрантской России, а также опасность национального равнодушия, которое с суровой неумолимостью проводится советскими педагогами. В этом заключалась первая и самая важная трудность.

В конце концов нам пришла на ум мысль, что национальная идеология школы должна реализоваться в последовательном развитии общечеловеческих идеалов, с использованием культурно-русских и общеславянских достижений ранних эпох. <...>

Руководствуясь этими мыслями, нами была составлена программа и план школы с гуманитарным уклоном. В таком виде школа удовлетворяла нужды времени, как и высшие цели русского народа и задачу объединения в мощную федерацию всего славянства. <...>

...гуманитарная система даёт школе возможность выйти из узких местных рамок и подготовить основные общечеловеческие и национальные основы характера учеников для их дальнейшей самостоятельной жизни. Одновременно, старые распри о техническом разделении школы на гимназии реальную и гуманитарного профиля, нами была решены сравнительно легко. В зарубежье мы не могли допустить себе роскошь одновременно иметь две параллельных гимназии.¹

1 Плетнёв Вл. Д., проф. указ. соч. С. 90–92.

Отец Петр Беловидов:

22 июля/4 августа В.Д. Плетнёв сообщил мне: дело затягивается вследствие министерского кризиса; также не решён вопрос о месте, где будет открыта гимназия – в Земуне ли, или в Панчеве или в Белграде. В.Д. Плетнёв спрашивал меня, не следует ли нам открыть частные занятия с детьми до времени официального открытия гимназии. Предположено было созвать педагогический совет, который к тому времени был уже составлен из приглашённых В.Д. Плетнёвым преподавателей; на его решение передать этот вопрос. При следующей встрече 3/16 августа В.Д. сообщил, что с 1 сентября открываются занятия в гимназии в здании 3-й Белградской мужской гимназии, что он имеет уже принципиальное согласие директора этой гимназии; после 20 августа будет устроено заседание педагогического совета.

В частной беседе со мной В.Д. Плетнёв сообщил, что сербское правительство ассигновало по 20.000 динар в месяц на содержание гимназии, которая на следующей неделе будет открыта в форме занятий с возрастными группами; а когда будет найдено помещение для пансиона, то открываемое учебное заведение развернётся в гимназию с тремя отделениями в старших классах – классическим, реальным и коммерческим.

12/25 сентября, в 2 часа дня, состоялось первое заседание педагогического совета Белградской русско-сербской гимназии (так стал называть ее В.Д. Плетнёв), под председательством В.Д. Плетнёва, в составе приглашённых им преподавателей: протоиерея Петра Беловидова, проф. Г.Н. Пио-Ульского, проф. А.П. Доброклонского, проф. Ю.Н. Вагнера, П.И. Рудченко, Л.М. Сухотина, П.А. Сорокина, Ю.А. Никольского, Г.Г. Сахновского, А.М. Бринкен, Е.Н. Воробьевой и А.Л. Андреева, и из сербов – проф. Вл. Чоровича и Милоша Московлевича. В заседании решено было открыть занятия в гимназии 4 октября; принято было распределение уроков по классам.

Второе заседание педагогического совета состоялось 20 сентября/3 октября. Было распределено классное наставничество. По настойчивой просьбе В.Д. Плетнёва я согласился взять седьмой (выпускной) класс, в состав которого вошли молодые люди, побывавшие на фронте гражданской войны, следовательно, нуждающиеся в особом наблюдении и руководстве.¹

Мы полагаем, что к осени 1920 года, когда эвакуация (под угрозой уничтожения) людей из России ещё была в полном разгаре, никто отчётливо не понимал, что задумал и осуществил Плетнёв «со своими профессорами». Создание гимназии в то время стало акцией отчаянной смелости. Пройдут годы и станет ясно, что это был провидческий акт.

1 «Памятка» 1930 г. С. 10–11.

Отец Петр Беловидов подробно описал открытие гимназии:

Открытие гимназии назначено на среду, 30 сентября/13 октября, в 2 часа дня. По личному усмотрению В.Д. Плетнёва торжество открытия перенесено было на следующий день, 1/14 октября. В этот день к 4 часам дня в здании 3-й мужской гимназии (на Негушевой улице) собрались все преподающие, учащиеся, их родители и почётные гости. После молебна, совершенного мною, произносились речи. В.Д. Плетнёв вспомнил все трудности, которые нужно было преодолеть чтобы дожить до сегодняшнего торжественного дня открытия гимназии; благодарил нашего посланника В.Н. Штрандмана, правительственного уполномоченного С.Н. Палеолога, заведующего учебной частью при управлении правительственного уполномоченного проф. Д.И. Кишенского, проф. Е.В. Спекторского (первого заведующего учебной частью при Уполномоченном) и проф. А.И. Белича. Посланник В.Н. Штрандман в свою очередь припомнил некоторые эпизоды из истории открытия гимназии и отметил полное сочувствие сербского правительства к русскому делу. Правительственный уполномоченный С.Н. Палеолог обратился к детям-учащимся и напомнил им о том, что мы потеряли Родину потому, что плохо молились, не уважали властей и не любили родины; в русской школе дети должны научиться этому. От имени родителей учащихся говорил Е.А. Елачич. Он благодарил В.Д. Плетнёва за открытие гимназии, где дети сохраняют свой родной язык и национальность, а родители могут спокойно отправиться в Крым, работать на воссоздание новой России. Проф. А.И. Белич говорил о тесной связи русских с сербами. М. Шевич, назвав себя руссо-сербом, сообщил, что он приехал в Россию с 2 рубл. в кармане, без знания языка, получил там образование и 25 лет прослужил на государственной службе. Так Россия не отличала своих от единокровных братьев-славян, давая им все права по образованию и службе. Теперь Сербия должна также оказать помощь русским людям.

По окончании официальной части торжества, учащиеся в сопровождении своих классных наставников разошлись по классам, где учащимся было объявлено расписание уроков, указаны общие правила поведения и работы.¹

Отметим, что мудрый Владимир Дмитриевич пригласил на торжественный акт представителей всех политических течений белградской колонии, включая и тех, кто «на дух» не переносил друг друга.

Программа преподавания предметов

Занятия в гимназии (3–7-е классы) начались по утверждённой Министерством просвещения КСХС следующей программе на 1920/1921 учебный год.²

1 «Памятка» 1930 г. С. 9–11.

2 Архив Југославије. Београд. МПс. 66-1111-1442.

3-й класс

1. **Закон Божий.** (Два урока в неделю, преподаватель о. Петр Беловидов). а) История Христианской Церкви; б) Наука о христианском богослужении.
2. **Русский язык.** (Четыре урока в неделю, П.И. Рудченко). Повторение грамматики русского языка: Фонетика и морфология. Синтаксис простого предложения. Синтаксис сложного предложения. Простейшие письменные работы. Чтение и анализ рассказов и повестей Гоголя и Тургенева. Заучивание наизусть стихотворений и отрывков художественной прозы. Учебник: Этимология и синтаксис Смирновского.
3. **История.** (Три урока в неделю, Л.М. Сухотин). История восточных народов, греков и римлян до эпохи гражданских войн (братья Гракхи). Учебник: «Древний мир» Виноградова.
4. **География.** (Три урока в неделю, В.А. Евреинов). География Европы (исключая Россию) и Королевства СХС. Учебники Иванова, Крубера или Лесгафта.
5. **Математика.** (Четыре урока в неделю, А.Л. Андреев). 1. Алгебра: Предварительные понятия. Репетиция арифметики. 2. Геометрия: прямая линия, угол, треугольник. Перпендикулярная и косая линии.
6. **Естествоведение.** (Три урока в неделю, Ю.Н. Вагнер). Ботаника: Органы высших видов растений, их изменения, структура и работа (анатомия в связи с физиологией). Обзор представителей основных групп спор. Общие основы классификации. Представители главных семейств зернообразных растений. Краткий учебник ботаники Зеленского, 2-я часть; Учебник естественных наук Вагнера (с дополнениями).
7. **Сербский язык.** (Три урока в неделю, Б. Бошкович). Основы сербской грамматики.
8. **Французский язык.** (Три урока в неделю, А.М. Бринкен). Программа 3-го класса сербских гимназий.
9. **Немецкий язык.** (Три урока в неделю, Г.Г. Сахновский). Переводы и пересказ, разговорная речь в объеме 1-й части учебника Берлица.
10. **Английский язык.** (Три урока в неделю, Е.Н. Воробьева).
11. **Рисование.** (Два урока в неделю, С.Ф. Колесников).
12. Для практических упражнений ученики имеют два урока в неделю (преимущественно из русского языка и математики).

4-й класс

1. **Закон Божий.** (Два урока в неделю, о. Петр Беловидов).
2. **Русский язык и литература.** (Четыре урока в неделю, П.И. Руденко). Учебник П.И. Житецкого «Теория сочинения и Теория поэзии».
3. **История.** (Четыре урока в неделю, Л.М. Сухотин). История Рима и Римской империи (Учебник Виноградова «Древний мир»). История Среднего века с эпохой Возрождения и открытий. (Учебник Виноградова «Средние века» с дополнением преподавателя о истории славян).
4. **География.** (Четыре урока в неделю, В.А. Евреинов). Подробная география Королевства СХС. Учебник Т. Радивоевича. Подробная география России. Учебник Лесгафта.
5. **Математика.** (Пять уроков в неделю, А.Л. Андреев). Алгебра.
6. **Естествознание.** (Два урока в неделю, Ю.Н. Вагнер). Зоология. Учебник Ю.Н. Вагнера с изменениями.
7. **Сербский язык.** (Три урока в неделю, Б. Бошкович).
8. **Французский язык.** (Два урока в неделю, А.М. Бринкен). Программа 4-го класса сербских гимназий.
9. **Немецкий язык.** (Два урока в неделю, Г.Г. Сахновский). Учебник Берлица, 2-я часть.
10. **Английский язык.** (Три урока в неделю, Е.В. Аничков).
11. **Рисование.** (Два урока в неделю, С.Ф. Колесников)
12. Для практических упражнений ученики имеют два урока в неделю (преимущественно из русского языка, истории, математики и географии).

5-й класс

1. **Закон Божий.** (Два урока в неделю, о. Петр Беловидов). История Русской Церкви.
2. **Русская литература.** (Три урока в неделю, М.А. Георгиевский). История народной литературы (Мифологическая поэзия, историческая, былины, духовные песни). Письменность Киевского периода, Московский период. Учебник История русской литературы Сиповского и Садовника.
3. **История.** (Четыре урока в неделю, Л.М. Сухотин). Общая история Нового века (начиная с эпохи Реформации) до Венского конгресса. Учебник Виноградова «Новое время».
4. **География.** (Два урока в неделю, В.А. Евреинов). Физическая география. Учебник Лесгафта и Броунова.

5. **Математика.** (Четыре урока в неделю, Л.А. Андреев). Алгебра. Геометрия.
6. **Химия.** (Два урока в неделю, А.А. Шапкин). Неорганическая химия.
7. **Физика.** (Три урока в неделю, Г.Н. Пио-Ульский). Учебник К.Д. Краевича.
8. **Сербский язык.** (Три урока в неделю, М. Московлевич). Основы сербской грамматики, с выявлением различий между сербским и русским языками. Чтение избранных текстов на кириллице и латинице. Пересказ, заучивание наизусть. Письменные работы. Перевод. Учебник М. Шевича для 1-го класса гимназии.
9. **Французский язык.** (Три урока в неделю, А.М. Бринкен). Программа 5-го класса сербских гимназий.
10. **Немецкий язык.** (Три урока в неделю, Г.Г. Сахновский). Чтение и перевод трагедии «Орлеанская дева» Шиллера: Этимологический и синтаксический анализ. Устные и письменные упражнения. Учебник грамматики Буфа.
11. **Английский язык.** (Два урока в неделю, Е.В. Аничков).
12. **Латинский язык.** (Три урока в неделю, А.П. Доброклонский). Учебник Вулича «Латинская грамматика» для 4-го класса. Цезарь. «De bello gallico» (по учебнику Вулича «Латинские писатели»).
13. Для практических упражнений ученики имеют два урока в неделю (преимущественно из физики).

6-й класс

1. **Закон Божий.** (Один урок в неделю, о. Петр Беловидов). Чтение Св. Евангелия.
2. **Русская литература.** (Три урока в неделю, М.А. Георгиевский). Письменность переходного периода (юго-западные влияния, реалистический рассказ, школьная драма, театр, лирика, историография). Литература эпохи Просвещения, Ломоносов, Сумароков. Эпоха Екатерины II. Сентиментализм. Романтизм. Фонвизин.
3. **История.** (Три урока в неделю, Л.М. Сухотин). Русская история с правлением Екатерины II включительно. Учебник русской истории Елпатьевского, с дополнениями.
4. **География.** (Два урока в неделю, В.А. Евреинов). Экономическая география России, производственная и перерабатывающая промышленность, сельское хозяйство. Основы статистики. Учебник Лесгафта.
5. **Основы юриспруденции.** (Два урока в неделю, В.Д. Плетнёв).
6. **Математика.** (Четыре урока в неделю, А.Л. Андреев). Алгебра. Геометрия. Тригонометрия.

7. **Черчение.** (Три урока в неделю, А.Л. Андреев). Геометрическое черчение. Проекционное черчение. Техническое черчение.
8. **Химия.** (Два урока в неделю, А.А. Шапкин). Органическая химия.
9. **Физика.** (Четыре урока в неделю, Г.Н. Пио-Ульский). Учебник физики К.А. Краевича.
10. **Физиология.** (Один урок в неделю, д-р И.Ф. Шапшал). Физиология человека.
11. **Латинский язык.** (Три урока в неделю, А.П. Доброклонский). Этимология и синтаксис. Перевод «De bello gallico» (отрывки из книги Вулича «Латинские писатели»).
12. **Сербский язык.** (Три урока в неделю, М. Московлевич). Программа как и в 5-ом классе. Ознакомление с сербскими писателями.
13. **Французский язык.** (Два урока в неделю, А.М. Бринкен). Программа 6-го класса сербских гимназий.
14. **Немецкий язык.** (Два урока в неделю, Г.Г. Сахновский). Чтение, перевод и анализ трагедии «Мария Стюарт» Шиллера. Учебник грамматики Гауера.
15. **Английский язык.** (Два урока в неделю, Е.Н. Воробьева).
16. **Государственное право.** (Два урока в неделю, В.Д. Плетнёв). Об обществе. О государстве. Государство и собственность, как её основа. Свобода гражданская и политическая. Парламентаризм. Демократическое устройство. Общие основы государственного права Королевства СХС.
17. Для практических упражнений ученики имеют два урока в неделю (преимущественно из физики).

7-й класс

1. **Закон Божий.** (Один урок в неделю, о. Петр Беловидов). Христианское вероучение. Наука о морали.
2. **Русская литература.** (Три урока в неделю, Ю.А. Никольский). Поэзия, поэтический язык. Народная поэзия. Смена литературных течений на Западе и в России. «Слово о полку Игореву». Славянские и византийские влияния. Значение южно-русской образованности. Реформы Петра Великого. Ложный классицизм. Тредиаковский. Ломоносов. Державин. Театр: Сумароков и Фонвизин. Романтизм (Sturm und Drang). Карамзин. Жуковский. Батюшков. Комедии Грибоедова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Тургенев. Л. Толстой. Достоевский.

3. **История.** (Четыре урока в неделю, Л.М. Сухотин). Общая история XIX века и История России XIX века. Учебники Виноградова «Новое время» и «Русская история» Елпатьевского.
4. **Славянская филология и сербская литература.** (Три урока в неделю, В. Чорович). Общие сведения о славянах и древнеславянском языке. История сербов и их культуры, включая литературу.
5. **Политическая экономия.** (Два урока в неделю, П.И. Рудченко). Общие понятия о народной экономике в связи с историей экономической жизни и современным положением главных мировых держав, с учетом экономических отношений России и славянских стран. Учебник «Теория и история политической экономики» Шарля Жида, проф. Чупрова и М.И. Туган-Барановского.
6. **Государственное право.** (Два урока в неделю, В.Д. Плетнёв). Об обществе. О государстве. Государство и собственность, как ее основа. Свобода гражданская и политическая. Парламентаризм. Демократическое устройство. Общие основы государственного права Королевства СХС.
7. **Математика.** (Пять уроков в неделю, А.Л. Андреев). Алгебра. Геометрия. Тригонометрия.
8. **Физика.** (Три урока в неделю, Г.Н. Пио-Ульский). Наука о тепле. Магнетизм. Электростатика. Гальванизм. Свет. Звук. Учебник физики Краевича.
9. **Сербский язык.** (Четыре урока в неделю, М. Московлевич).
10. **Французский язык.** (Два урока в неделю, А.М. Бринкен). Программа 7-го класса сербских гимназий.
11. **Немецкий язык.** (Два урока в неделю, Г.Г. Сахновский). «Страдания юного Вертера» Гете: Перевод и анализ.
12. **Латинский язык.** (Два урока в неделю, А.П. Доброклонский). Вергилий. «Энеида».
13. **Английский язык.** (Два урока в неделю, Е.К. Воробьева).
14. **Гигиена.** (Один урок в неделю, д-р И.Ф. Шапшал).

Отец Петр Беловидов:

У меня, в 7 классе, оказалось семь молодых людей (некоторые в офицерских чинах) и одна девица. Потом ещё было принято шесть молодых людей и одна девица. На следующий день в 1 час 45 минут начались уроки и продолжались до 7 часов. В первый же день я нес дежурство по гимназии. На дежурного классного наставника возлагались все воспитательские и административные обязанности, так как инспектора в гимназии не было, а директор В.Д. Плетнёв, по обязанно-

стям члена и секретаря Державной Комиссии, да еще в период формирования её учреждений, очень редко бывал в гимназии.

3/16 октября В.Д. Плетнёв со мной и преподавателем сербского языка Московлевицем отправился к директору 3-й мужской гимназии, в здании которой мы занимались, просить разрешения устроить временный (переносной) храм в зале гимназии. В этот день мы не застали директора в квартире, но потом разрешение это было получено, и 31 октября/13 ноября, в субботу, мы совершили всенощное бдение в здании гимназии. Таким образом 1-я русско-сербская гимназия стала временно центром и церковно-религиозной жизни русского беженства.¹

Приводим интересный отрывок из воспоминаний бывшего воспитателя мужского интерната Николая Александровича Чернышёва:

Гимназия открылась, когда беженцы еще не осели. Жили кое-где и кое-как. Родители приезжали без детей. Многие дети явились без родителей. Это было время, когда пустой трамвайный парк на Александровской ул. №130 кишел русскими всех возрастов и положений. Парк становился «домом чудес». В этом-то «доме чудес» и поселились бездомные гимназисты. Они там столовались, там же среди шума готовили уроки и поздно ночью укладывались спать по углам на скамейках и просто на полу. Гимназию посещали с удовольствием, так как изголодались за годы гражданской войны по книге, по умственной работе.

Беженцы в то время получали пособие, и вполне естественно, что появилась мысль собрать всех бездомных в одно общежитие и на их пособия организовать подобие интерната.

Это осуществилось первого апреля 1921 г. На Топчидерском брду была нанята дача с шестью небольшими комнатами; в ней поселилось 19 человек. Так было до конца учебного года. Осенью 2-го учебного года наняли другую дачу, «виллу Зору» и в двух домах разместили 35 человек. Вскоре пришлось снять и третий дом. В интернате насчитывалось уже 45–50 уч. Зима была снежная. Холодная. Путь в гимназию был далёкий. Тяжко было возвращаться поздним вечером после уроков по грязной дороге по неровной местности. Старшие заботливо провожали младших, местами переносили их. Это был героический период жизни интерната.

Заведующим пансионом был Г.А. Гротто-Слепиковский, а жена его, Елена Семёновна, вела хозяйство. Воспитателем был В.А. Гротто.

Конечно, вся жизнь строилась на системе самообслуживания. Прислуга была только одна, кухарка.

И никогда не было жалоб. Жили артелью. Из получаемого каждым пособия в 400 дин. отчислялось в общую пользу по 300 дин., а 100 дин. оставалось у каждого на руках. Пансионер имел стол и квартиру и в очень небольшом количестве учебные пособия. Одежда у каждого была своя.

1 «Памятка» 1930 г. С. 9–11.

Большинство учеников переросли всякие нормы, многие участвовали в гражданской войне. Но жажда знаний была так велика, что все быстро применились к новому положению. Сразу уяснили себе, что в интернате могут оставаться только желающие работать всерьёз. Поэтому за всё время не было ни одного серьёзного нарушения дисциплины. Топчидерцы сжились, сработались и составили основное ядро, кадр нового общежития – на Новопазарской улице, в городе.¹

Более ста воспитанников переехали в трёхэтажный дом, арендованный гимназией. Однако, интернат в те годы был столь удручающе беден, что посетивший его в 1925 году известный американский благотворитель профессор Уитмор немедленно выделил из своего фонда значительные средства на приобретение самого необходимого оборудования.

Первоначально в гимназии предусматривалось 7 лет учения, 22 предмета, в трёх отделениях: коммерческом, реальном и классическом (с языками). Ввиду малого количества учеников, концепт трех отделений был отвергнут и принята, в основном, программа классических гимназий России. В 1922/23 учебном году были открыты 1-й, 2-й и 8-й классы. В. Плетнёв в своей статье приводит учебный план, по которому работала гимназия на третьем году после открытия и даёт к нему обширные пояснения.

Количество уроков в неделю по предметам и учебным годам, принятое в Русско-сербской гимназии в 1923/24 учебном году

Год обучения	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Итого:
Русский	6	6	5	5	5	5	5	5	42
История	2	2	4	4	2	4 1/2	3	6 1/2	28
География	2	2	2	3	2	2	1	2	16
Закон Божий	2	2	2	2	1	1	1	1	12
Биология	3	3	3	2	4	4	3	3	25
Сербский	2	2	3	4	4	3 1/2	3	3	24 1/2
Новый язык	3	3	3	3	3	3	3	2	23
Математика	4	4	4	4	4	4	5	4 1/2	33 1/2
Латынь	-	-	-	-	4	4	3	3	14
Физика	-	-	-	-	-	4	4	3	11
Техническое черчение	2	2	2	2	2	1	-	-	11
Пение	1	1	1	-	-	-	-	-	3
Гимнастика	2	2	2	2	- *)	- *)	- *)	- *)	8
Чистописание	1	1	-	-	-	-	-	-	2

1 «Памятка» 1986 г. С. 26–28.

Рисование	-	-	-	1	- **)	- **)	- **)	- **)	1
Гражданское право	-	-	-	-	-	-	2	1	3
Национальная экономика	-	-	-	-	-	-	2	2	4
Космография	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Философия	-	-	-	-	-	-	-	1	1
И Т О Г О:	30	30	35	32	32	36	36	36	264

*) В высших классах ежедневно по 20 минут, на большой перемене.

**) С 5-го по 8-й класс добровольно, три раза в неделю по 1 1/2 часа.

Из этого плана видно, что родному языку уделено центральное место, с 42 уроками в неделю. <...>

Задачи изучения родного языка и литературы мы разделяем на два отдела: а) до 4-го класса включительно, и б) с 5-го по 8-й.

До 4-го класса задачи ученика и преподавателя, с одной стороны, это умение пробудить в ученике чувство живого источника народного духа, проявляющегося в самом языке, а с другой стороны, у ученика есть время прежде всего овладеть техническими приёмами мышления. Ему следует овладеть нужным запасом слов, развить навык самостоятельно создавать устный и письменный стили...

Если учесть постоянное влияние на душу ученика иноязычного фактора, если мы согласимся в том, что его национальное сознание часто переполнено уймой фактов чужеродной жизни и чужой души, станет вполне оправданным почему в этом его возрасте следует в программе выделить не менее 22 уроков для родного языка. <...>

Начиная с 5-го класса при изучении родного языка сознание ученика следует насыщать картинами народной литературы, так как это картины народной жизни и духа, воплощённые в общественной и личной жизни.

Не говоря уже о высоком значении эстетического воспитания, изучение литературы имеет и особую задачу – установление моральной связи между прошлым и настоящим.

Отдалённость от реалий жизни молодого русского поколения во многом объясняется особой общественной аскезой, в которую была замкнута старая русская школа. В ней курс литературы оканчивался четырьмя произведениями Гоголя: «Старосветскими помещиками», «Тарас Бульбой», «Мёртвыми душами» и «Ревизором». В старой школе сознательно избегали изучения великой духовной традиции XIX века, русской и европейской. <...>

Волнения и протест Достоевского и Толстого, великая общественная скорбь и апостольство Герцена и Щедрина, мощная публицистика Белинского и Короленко, непрерывная скорбь и постоянный поиск красоты у Лермонтова, и проч. – всё это было недоступно русским юношам по школьной программе. Это познавалось позднее, поспешно, случайно, без органичной связи.

Всего этого не должно было быть в новой русской школе на чужбине. Поэтому курс древней литературы до XVIII века у нас очень сжат за счёт расширения ознакомления с новой литературой XIX века. <...>

Вторым столбом русской национальной школы ... нами избрана история. Относительно её особо плохо обстояло дело в старой русской школе. Официальные программы до конца XIX века и почти до самого начала Великой войны не предусматривали изучение истории в период максимальной зрелости ученика – в 8-м классе. <...>

Не зная новейшую историю Европы, начиная с 1871 года, как не зная и историю России с 1874 года, будущий российский гражданин, углублялся в Пунические войны и проч. Понятно, ученики выносили глубоко нереальное понимание жизни, в которой они встречались с мощными, непонятными им течениями. Отсюда переход целых групп выпускников в социал-демократическую веру, пламенное обожание материализма Маркса-Энгельса... Логичными последствиями этого состояния явились переоценка собственного и презрение чужого мнения. (выделено авторами). <...>

Дни, недавно пережитые Россией, показали, что у русской интеллигенции отсутствуют исторические традиции. Каждое поколение выдвигало совершенно разные взгляды. <...>

Мы пришли к мысли, что технические или прикладные знания можно свести в две большие группы – естественные науки и математику. Мы считали, что в объёме средней школы задачами обеих групп является изучение предметов в объёме, дающем ясное представление о методах и возможностях самостоятельной дальнейшей работы студента в высшей школе. <...>

В процессе обучения определённым естественным наукам ученику должно изучать природу с открытыми глазами и с учётом чрезвычайной сложности простейших природных явлений. Другими словами, его следует научить удивляться.¹

Военный юрист В. Плетнёв ввел в двух старших классах гимназии новый предмет, которого не было ни в одном среднем учебном заведении КСХС: «Государственное (гражданское) право», уроки которого он вёл сам. Директор использовал эти часы, чтобы изложить ученикам свои позиции, политические и общественные. В 7-м классе изучалось понятие об обществе (человек, семья, род, племя, нация, раса, человечество) и выяснялись общественные, межличностные связи и выработанные веками нормы жизни общества (религия, обычаи, обычное право, объективное и субъективное право). В 8-м классе рассматривались исторические взаимоотношения между государством и церковью, виды государственного строя (абсолютистская и конституционная монархия, республика), разделение власти, парламентаризм, непосредственная демократия, местное управление и международные отношения (международное право, международные союзы).

1 Плетнёв Вл. Д., проф., указ. соч. С. 122–123, 155–157.

И на уроках, и во время внеклассных встреч Плетнёв требовал от учеников не принимать на веру чьи-то политические, общественные, экономические и социальные убеждения, а ко всему подходить критически и думать своей головой. Его слова находили благодатную почву. Большинство учеников слушало его с восхищением и следовало его советам. Будучи сильной и независимой личностью, Владимир Дмитриевич мощно влиял на своих учеников.

Обратим также внимание на введение в учебный план гимназии часов, пусть и немногих, для знакомства учеников с политэкономией, философией и космографией.

Гимназист из 6-го выпуска Федор Высторопский писал в 1930-м году:

Значение I Русско-сербской гимназии для подготовки и воспитания здесь за рубежом – исключительно, вследствие принятой в ней системы. Лозунг первого директора гимназии Владимира Дмитриевича Плетнёва – «думайте!» – проникал во все уголки ученической жизни; кто не хотел думать добровольно, тех заставляли. И это было необходимо. «Гимназия – это мы и вы», – говорил В.Д.; «процветание гимназии и её авторитет зависит от вас самих, а потому относитесь со всей серьёзностью к вашей работе». ¹

В первые годы существования «плетнёвской» гимназии для поступления не нужно было предъявлять удостоверения об уже полученном в России образовании. Но претендент обязательно подвергался экзаменам – по русскому языку и математике. Экзаменационная комиссия после сдачи экзаменов определяла кандидата в один из классов в зависимости от уровня показанных знаний. Интересно отметить, что сербы (югославы), желавшие поступить в русско-сербскую гимназию, принимались, не сдавая экзамена по русскому языку. Педагогический совет считал, что ученик быстро освоит язык на уроках и в среде русских гимназистов. В начале учебного года ученики бесплатно получали в пользование русские и югославские учебники, и возвращали их в конце года. Со временем учебные пособия ветшали. Тогда в интернатах их переплетали.

С середины 1920-х годов обучение русских детей начиналось с семи лет в четырёхлетней подготовительной (основной) школе. Окончившие её и сдавшие вступительные экзамены принимались в гимназию.

В начале апреля 1923 года в Праге проходил Съезд русских педагогов в эмиграции, в котором приняла участие и делегация из КСХС, состоявшая из 10-ти человек. В.Д. Плетнёв представлял в ней Государственную комиссию по вопросам русских беженцев и прочитал доклад о национальном воспитании русских детей в эмиграции. Съезд поручил ему организационно связать все русские эмигрантские

1 «Памятка» 1986 г. С. 34.

союзы преподавателей средних учебных заведений на Балканах в целях подготовки следующего съезда в Белграде.¹

Реформа русских средних учебных заведений. Увольнение В. Плетнёва

Между югославскими министерствами, Государственной комиссией, сербскими русофилами, влиятельными политиками и бюрократическими организациями русской эмиграции в Белграде в 1922 году возникли серьёзные трения. Предлагались и принимались реформы русских средних учебных заведений, хотя они и редко внедрялись в практику. Позиции В.Д. Плетнёва в югославских кругах ещё были устойчивыми, так что это противостояние до поры до времени не влияло на жизнь гимназии, но её директор постепенно становился «белой вороной» в среде белградской колонии.

И это понятно. Свидетель событий, Владимир Христианович Даватц, будущий преподаватель женской гимназии, писал в 1925 году: «Благодаря особенностям эвакуации, состав сербского беженства был на 99% монархически настроенным, однородно мыслящим и однородно воспринимающим».²

Окончательная реформа русских средних учебных заведений, которой мало кто остался доволен, последовала в октябре 1924 года. Директор Плетнёв и большинство преподавателей его гимназии были не столько против унификации программ школ, сколько против организационной стороны реформы, в результате которой «плетнёвская» гимназия утратила самостоятельность и возможности собственных инициатив. Из своего уникального положения она была сведена на посредственный уровень прочих русских школ в стране. Гимназия была выведена из подчинения югославского Министерства просвещения и ввергнута в диктаторские руки консервативных (даже реакционных) русских эмигрантских просветительных органов при Государственной комиссии.

Далее последовало неминуемое: 19 октября 1925 года Владимир Дмитриевич Плетнев был уволен с поста директора и отстранён от преподавания. Это был сильнейший удар как по гимназии, так и по её создателю. На место Плетнёва был назначен Иван Михайлович Малинин.

1 Русская школа за рубежом. (Прага). № 2-3. 1923.С. 12-30; Новое время. (Белград). № 588 – 13.4. 1923.С. 3.

2 Даватц В.Х. Годы: очерки пятилетней борьбы. Белград: [Издание] Русская типография, 1926.С. 43-44.

Подробно об этих драматических событиях рассказано в жизнеописании Владимира Дмитриевича.¹

Его приговор своим гонителям был беспощаден:

Наблюдая сегодня, как в живом музее, эмигрантскую интеллигенцию в Королевстве СХС, мы даже в её руководителях замечаем необычайную духовную убогость, сводящую форму национальной русской школы до чрезвычайно подробного изучения Закона Божьего и узко технического обладания знанием архаичного правописания, неожиданно ставшем орфографическим Талмудом.²

После снятия В.Д. Плетнёва постепенно началась подготовка к разделению гимназии на мужскую и женскую, поскольку в югославских учебных заведениях совместного обучения не было. Этому предшествовала своя история. Начальная школа с пансионом для девочек под эгидой Всероссийского Союза городов, руководимая чудесным педагогом, Серафимой Ивановной Леднёвой, за восемь лет своего существования развернулась в женскую гимназию с полным курсом гимназических наук. Каждый год во вновь открываемые классы переводились ученицы из «плетнёвской» гимназии, которая таким образом превращалась в мужскую. 9-й выпуск 1929 года стал последним в истории смешанной гимназии.

В следующем учебном году начались занятия уже в двух русско-сербских гимназиях: в мужской и женской. Директором первой остался И.М. Малинин, директором женской назначили Льва Михайловича Сухотина. К тому времени женская гимназия «переехала» из тесноватого помещения на ул. Милоша Великог, в более удобный дом на Шумадийской улице. Гимназию взяла под свое высокое покровительство Королева Мария, которая не раз приезжала с сыновьями на школьные спектакли гимназисток.

В обыденные дни девушки носили форму: коричневое платье с черным передником, в парадных случаях белые передники с пелеринками. Носили синие береты с ромбом – значком гимназии – с номером класса внутри ромба.

Гимназии стали жить каждая своей обособленной жизнью, обе руководствовались теми же правилами, что были установлены еще Министерством просвещения для всех гимназий КСХС.

Плата за обучение определялась, исходя из доходов семьи. Родители представляли в канцелярию гимназий документ об уплате подоходного налога. Например, в 1932/33 учебном году в мужской гимназии не платили те родители, годовой налог которых был ниже 300 динар. Для тех, чей налог составлял от 6. 000 до 9. 000 динар, плата за обучение их ребенка составляла от 400 до 450 динар в месяц.

1 См. главу «Персонал гимназий», раздел «Директора гимназий».

2 Плетнёв Вл. Д., проф., указ. соч. С. 94.

О финансовой стороне деятельности гимназий в белградских архивах и в ГА РФ (Москва) сохранились отрывочные данные, на основании которых трудно получить представление об объёме её финансирования и тратах. Отметим, что из-за экономического кризиса мужской интернат в 1932/33 учебном году переехал из большого с малое здание, число питомцев уменьшилось со 110 до 40. Из них 16 платило, а 24 ученика не платили за проживание. В 1935/36 учебном году в интернате жили 56 гимназистов и плату за проживание вносили все. Государственная комиссия все эти годы продолжала помогать интернатам.

Женский интернат Комиссия не содержала. Родители платили за всех. Родительский комитет женской гимназии платил за несколько неимущих.

В 1938/39 учебном году мужской интернат был закрыт.

Двенадцать лет, с момента открытия, гимназии «путешествовали» с места на место (2-я гимназия, Реальная гимназия, Русский детский сад, сербский «Учительский дом») и при этом всегда занятия учащихся происходили во вторую смену.

Наконец с осени 1932 года и вплоть до закрытия обе гимназии, мужская и женская, заняли специальные помещения в Русском доме, ул. Кралице Наталие, 33. Девочки занимались с утра, мальчики – после обеда.

Даже через многие годы, бывший гимназист, описывая это новое гимназическое «царство», не может сдержать восхищения:

Весь второй этаж был отведён под гимназии. Это были не обыкновенные комнаты, а специально оборудованные классы, высокие с большими окнами вдоль всей наружной стены, с паркетными полами, с возвышением и кафедрой, с чёрной во всю стену доской. Классы были рассчитаны на 30–40 человек каждый. Кроме восьми классов имелись: кабинет директора, учительская, физический кабинет, гимназическая библиотека, амбулатория с кабинетом для врача, раздевалки, уборные. В середине здания находился внутренний двор, где учащиеся проводили перемены между уроками.¹

Численность гимназистов

На момент открытия «плетнёвской» гимназии в неё поступило 90 детей. 1-го и 2-го классов не было, они действовали при Русском детском саду в Белграде. К концу первого учебного года в гимназии оказалось 112 учеников. Во втором, 1921/22 учебном году, после прибытия массовой «Крымской эвакуации», в гимназию записалось 152 ученика.

На основании доступных архивных и печатных источников численность учеников Русско-сербских гимназий в Белграде по годам составляла:

1 «Памятка» 1986 г. С. 52.

Учебный год	Смешанная и Мужская		Женская гимназия	
	записалось	выпуск	записалось	выпуск
1920/21	112	14	?	?
1921/22	152	29	15 *)	?
1922/23	227	30	30 *)	?
1923/24	254	42	48	?
1924/25	241	24	62	?
1925/26	251	34	88	?
1926/27	257	35	105	?
1927/28	261	28	121	?
1928/29	253	25	157	12
1929/30	243	28	163	20
1930/31	237	26	152	18
1931/32	232	32	191	19
1932/33	224	24	230	22
1933/34	251	29	239	12
1934/35	259	21	252	25
1935/36	271	22	261	18
1936/37	272	26	262	30
1937/38	250	25	238	16
1938/39	216	21	231	28
1939/40	222	29	211	26
1940/41	223	33	214	29
1941/42	210 *)	23	200 *)	31
1942/43	210 *)	26	190 *)	25
1943/44	200 *)	21	190 *)	28
Итого:		657		361

*) приблизительно

В таблице в графе «Женская гимназия» до 1930/31 учебного года приведена численность учениц белградской женской гимназии Всероссийского Союза городов.

Смешанная, а затем мужская гимназия, в первой половине 1920-х годов имели 1–5 учеников-югославов. Во второй половине это число колеблется между 5–10 югославами и достигает максимального числа между 1930 и 1934 годами: 12–14. После этого количество нерусских учеников снижается: 10, 7, 3, а перед оккупацией страны остаётся один или ни одного югослава. Почти все югославские дети были сербами, было несколько словенцев, несколько детей мусульманского вероисповедания. Ограничительными условиями принятия нерусских детей в

русские учебные заведения были: квота до 20% и приёмные экзамены. Однако, на этих экзаменах на югославов смотрели «сквозь пальцы». Принимались и те, кто совсем не знали русского языка, не говоря об истории и географии России. Всё это они позднее навёрстывали. Отметим, что в гимназии учились и дети из белградской калмыцкой колонии, правда, одолеть все 8 классов удалось лишь немногим.

Относительно гражданства родителей учеников, историк Тома Миленкович приводит данные по двум учебным годам:¹

	1932/33		1940/41	
	Югославское гражданство	Российское гражданство	Югославское гражданство	Российское гражданство
Мужская гимн.	61 (27, 2%)	143 (72, 7%)	79 (38, 5%)	126 (61, 4%)
Женская гимн.	38 (16, 5%)	192 (83, 4%)	58 (27, 1%)	156 (72, 8%)

Приводим любопытные сведения о профессиях отцов (в России) 154-х учеников и учениц, окончивших гимназию, за годы их обучения в 1926-1930 гг.:²

- офицеры	47 (30, 6%)
- юристы	26 (17, 5%)
- инженеры	23 (14, 0%)
- чиновники	11 (7, 0%)
- врачи	8 (5, 1%)
- крестьяне	6 (3, 8%)
- купцы	6 (3, 8%)
- педагоги	6 (3, 8%)
- помещики	5 (3, 2%)
- промышленники	4 (2, 6%)
- священники	3 (1, 9%)
- техники, рабочие, художники, агрономы	2+2+2+2.

В 1940/41 учебном году отцами (профессии уже в Югославии!) выпускников обеих гимназий были:

- преподаватели	13 (6, 0%)
- чиновники	99 (45, 7%)
- врачи, адвокаты, инженеры, интеллигенция	44 (20, 3%)
- рабочие	13 (6, 0%).

1 *Миленковић Т. Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919–1941. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2004.С. 187.*

2 Там же. С. 191.

Это очень показательные данные. За прошедшие два десятка лет жизнь русских беженцев в той или иной степени вошла в нормальное русло. Страсти утихли, «чемоданные настроения» прошли. Теперь уже в обе русско-сербские гимназии пришли дети чиновников и интеллигенции, спокойно начавшие свое регулярное образование в основных школах. А в середине 1930-х годов наступит черед тех, кто родился уже в изгнании, вне России. Их встретят немного постаревшие педагоги еще «плетнёвских» времён, пожалуй, смирившиеся с мыслью, что им вряд ли удастся увидеть родину. Всё это наложило существенный психологический отпечаток на работу гимназий, но по-прежнему несомненным оставался высокий уровень преподавания.

Здоровье гимназистов

Первый отчёт о состоянии здоровья учеников гимназии составил профессор Радован Кошутич, объездивший в июне 1922 года русские учебные заведения по всей стране. В нем он пишет:

Ученики производят впечатление детей, страдающих малокровием, из-за недостаточной пищи, и слабо развитых. Их одежда опрятна, но у большинства потрёпана, перекраивалась, много раз латалась и была больше по росту. В интернате еда учеников недостаточно разнообразна и не хватает жиров, сахара, поскольку отпущенные средства ограничены.¹

Еще более тяжёлую картину, отражающую общее состояние русской эмиграции, рисует Александр Александрович Солонский, бывший семь лет гимназическим врачом, начиная с 1 сентября 1922 года. Он пишет, что в составе учащихся первых лет работы гимназии было много «переростков», в старших классах занимались люди 23–25 лет. Многие были участниками боевых действий, с ранениями и контузиями, носили следы голода и лишений.

Неудивительно поэтому, что среди учащихся мы находим 5% нервно больных, что среди них был 1 эпилептик, 2 страдающих травматическим неврозом, 3 с тиком; среди девочек наблюдались 2 случая тяжелой пляски св. Витта, несколько с истерией и истеро-неврастенией. С последствиями ранений было 4 чел. Были ученики, по своему возрасту и болезненности не попавшие ни в одно из других русских учебных заведений, – их приютил и дал возможность окончить среднее образование бывший директор В.Д. Плетнёв.

1 Архив Југославије. МПс. 66-1111-1442. Извештај од 24.6. 1922.

Были ученики, родители которых остались в России, другие их потеряли во время эвакуации, у третьих материальное положение семьи было отчаянное... <...>

Была ещё чрезвычайно важная причина для большого количества неврас- тических проявлений среди учащихся. Дело в том, что вследствие бывшей в России обстановки военного времени и частых эвакуаций учащихся, нарушилась система образования, ученики оказались отставшими и должны были восполнять много пробелов. Между тем программа I Русско-Сербской гимназии была чрезвычайно велика... Отсутствие учебников по русским предметам заставляло вести записи, что отнимало и без того небольшое свободное время. <...>

Поэтому было предложено г. директору ряд мер борьбы с переутомлением: 1/ сократить работу учащихся за счёт уменьшения выучиваемого наизусть в ущерб наблюдательности, анализа, сообразительности; 2/ устранить ведение записок по различным предметам, не имеющим печатных руководств; 3/ устранить культ самолюбия, поддерживаемый балльной системой; 4/ обратить внимание на спорт и гимнастику; 5/ распределить уроки таким образом, чтобы сначала были трудные, а последние более легкие. <...>

За все десять лет существования гимназии было два случая самоубийства учащихся. Это оба мальчика в возрасте 15 лет и причина самоубийства в обоих случаях, как это совершенно выяснено, не связана с занятиями в школе. (*статья написана для «Памятки» 1930 г., авт.*).¹

Говоря о заболеваемости туберкулёзом среди учащихся гимназии доктор А. Солонский отмечает, что и КСХС, и Белград с этой точки зрения были весьма неблагополучны.

К этому присоединяется скученность, низкий прожиточный минимум, переобременённость работой. И действительно русские дети очень рано и в большом проценте заражены туберкулёзом. <...>

Особенно неблагоприятно складывались обстоятельства у приходящих учеников в Белграде.

В первое время русские эмигранты ютились в маленьких комнатах на мансардах, где летом нестерпимо душно, а зимой очень холодно, или в низких комнатках одноэтажных домиков, где зимой двери открываются прямо на улицу, а летом душно, отсутствует канализация. Многие дети ходили издали пешком в рваной обуви и с мокрыми ногами проводили часы занятий. <...>

За десять лет умерло от туберкулёза лёгких 2 чел. Было больных туберку- лёзом лёгких 18 чел., костным 12.²

1 Машинописный оригинал статьи находится в собрании А. Арсеньева.

2 Там же.

С 1925 года дети, подозрительные по туберкулёзу или со скрытыми формами, пользовались лечением ультрафиолетовыми лучами в Детской амбулатории Российского общества Красного креста.

Медицинские осмотры девочек в смешанной, а затем в женской гимназиях регулярно проводились три раза в учебном году. Они включали и измерение роста и веса.

Родительские комитеты

В начале 30-х годов, когда из-за экономического кризиса в стране ситуация ухудшилась, были созданы родительские комитеты (в мужской гимназии основан в июне 1930 года, в женской – в августе 1932 года). Они видели свою задачу в том, чтобы путём сотрудничества между родителями и гимназией, улучшить условия учения и воспитания учеников, и оказывать материальную помощь бедным ученикам. В комитеты входили все родители, преподаватели и воспитатели. Родители платили годичный или месячный членский взнос. Добавочные средства приобретались за счёт платных лекций, концертов, вечеринок, спектаклей и завещаний, поступали благотворительные взносы. В пользу учеников выступали известные артисты, русские и югославские, а также бывшие ученики этих гимназий. Сохранились оба устава родительских комитетов.¹

Правления комитетов составляли из пяти-шести представителей от родителей и двух-трёх преподавателей, которых назначал директор. Избирался председатель, секретарь и кассир. Состав правления менялся в зависимости от записи новых учеников.

Главным источником доходов комитетов стали взносы доноров из числа более состоятельных родителей и некоторых югославских и русских организаций и частных лиц. Члены комитетов обходили рестораны и магазины, просили оказать помощь неимущим гимназистам. К примеру, в 1933/34 учебном году родительский комитет мужской гимназии обеспечил учебники и принадлежности 32-м ученикам, 10 учеников снабдил обувью, 14 – одеждой, 9 – бесплатными обедами, 30 – бесплатным завтраком. Малоимущим ученикам оплачено пребывание в интернате в сумме 3. 770 динар.²

Ученикам оказывали помощь покупкой лекарств, трамвайных билетов, оплатой усиленного питания, оплачивали каникулы в курортных местах страны, которые обеспечивал Школьный совет Государственной комиссии. Так, в 1937/38

1 Архив Југославије. МПс. 66-224-471. Правила друштва под називом: Родитељски комитет Прве руско-српске мушке гимназије у Београду и Родитељски комитет Руско-српске женске гимназије у Београду.

2 Прва руско-српска мушка гимназија у Београду. Извештај за школску 1933/34 годину. Београд, 1934. С. 21–23.

учебном году 52 ученицы отдыхали в горах Сербии. Там они получали усиленное питание. Некоторые прибавили даже 7 кг своего веса.¹

Дети, страдающие туберкулёзом, и слабого здоровья отправлялись в здравницы, в горы Словении или на Адриатику.

О преподавателях гимназий

Все воспоминания бывших гимназистов, помещённые в обеих «Памятках», проникнуты глубоким уважением и любовью к своим учителям. Об этом же говорят и свидетельства бывших учеников гимназии, которые удалось собрать авторам. Члены «Объединения бывших учеников I русско-сербской гимназии», созданного в Нью-Йорке в 1963 году, приглашали на свои встречи бывших педагогов, а, при необходимости, собирали деньги, чтобы помочь тем, кто оказывался одинок.

Надо сказать, что помимо регулярных уроков преподаватели гимназии в течение учебного года обязаны были прочесть ученикам дополнительные лекции по темам, которые выбирали сами педагоги. Вот, к примеру, перечень таких лекций, читанных в женской гимназии в феврале-марте 1935/36 учебного года.

О. Петр Беловидов «Царь Саул и его царство», 1-му классу.

А.Н. Кузьменко «Диатонические и хроматические гаммы», 1-му классу.

В.Н. Лучинская «Чтение, разбор и перевод французского рассказа», 2-му классу.

А.А. Севрюгина «Построение наречий», 2-му классу.

В.С. Левицкий «Папоротники», 2-му классу.

А.В. Лукина «Алгебраические дробные – их сокращения», 3-му классу.

П.Г. Молчанов «Интерпункция», 3-му классу.

Н.К. Скубачевская «Possessiv pronomen, die ohne Hauptword gebraucht werden», 3-му классу.

Л.А. Девель «Значение падежей», 4-му классу.

М.Н. Лосев «Правление императора Александра III», 4-му классу.

В.Э. Мартино «Возникновение ветров: муссона, фена, боры и др.», 5-му классу.

А.И. Абрамцев «Чтение, анализ и перевод отрывка из «De Caesaris morte», 6-му классу.

В.В. Топор-Рабчинский «Россия в трудах А.С. Пушкина», 6-му классу.

Божидар Томич «Вук као сакупљач народних песама», 7-му классу.

В.Г. Прокофьев «Чтение и анализ отрывка из «Conjuratio Catilinae», 7-му классу.

¹ Извештај... 1937/38. С. 21–22.

Е.В. Щуцкая «Das Opfer kindlicher Liebe» – чтение, анализ и перевод», 7-му классу.

И.П. Делова «Napoleon I – son depart pour l'île d'Elbe – Daudet. Lettres de mon moulin», 8-му классу.

Письменные работы учащихся

В годовых отчётах обеих гимназий за 1929–1941 годы опубликованы темы письменных работ учащихся 7-го и 8-го классов по русскому языку и литературе. Приводим ряд примеров, которые подтверждают, что направление, заданное создателем гимназии В. Плетнёвым, явственно ощущается и в более поздние годы жизни гимназий.

Влияние церковно-славянского языка на русский.

Взгляды славянофилов на русскую историю.

Значение каторги в жизни и творчестве Достоевского и его «Записки из мёртвого дома».

Театр и кинематограф.

Крепостное право по «Запискам охотника» И.С. Тургенева.

«Лишние люди» в русской литературе.

Россия и славянские народы.

Роль страдания в душевной жизни человека.

Война как историческое явление.

«Любовь к отечеству прекрасна, но есть нечто важнее ее: любовь к истине»

(П. Чаадаев).

Кто был прав в своих воззрениях – славянофилы или западники?

Отношение личности к государству.

Деловое письмо к старшему.

Задачи русской молодежи в эмиграции.

«У нас, русских, две родины: Россия и Европа» (Достоевский).

Право и обязанность.

«Не загладится ли одно преступление тысячью добрых дел?» (Достоевский).

Счастье в том, чтобы жить для других.

Россия и Славянство в их взаимных отношениях.

Чего мы ждём и о чем жалеем, расставаясь с гимназией?

Donec felix eris, multos numerabis amicis; tempora si fuerint nubila, solus eris.

Борьба за существование и характер человека.

Нет величия там, где нет простоты, добра и правды.

- а) Характер человека строится им самим, а не окружающими условиями; или
б) Характер человека строится не им самим, а окружающими условиями.

Fata volentem ducunt? Nolentem trahunt.

Театр, как развлечение и театр, как школа жизни.

Цивилизация и культура.

Выставка итальянского портрета.

Легенда о Великом Инквизиторе.

Значение Белинского в истории русской литературы и в истории русской критики.

Гамлет и Дон Кихот, как полярные типы.

Ум или доброта – что лучше?

Старец Зосима, его жизнь и поучения (роман Достоевского «Братья Карамазовы»).

Есть ли смысл жизни? Если есть, то в чём он?

Как живут русские эмигранты в Белграде (наблюдения и размышления).

Влияние литературы на общество.

Какие стороны человеческой души развивает борьба за существование.

Роль женщины в современной русской семье в эмиграции.

Какие духовные потребности стремилось удовлетворять реформационное движение XVI века?

Необходимость самовоспитания в течение всей жизни.

Следует ли вести дневник, и, если следует, то что в нём записывать?

Идеалистическое и материалистическое воззрение на жизнь.

Что значит сознательное отношение к жизни?

О жалости и безжалостности.

Поэт «чистого искусства» и поэт «гражданских мотивов».

Душа матери и война.

Люди ума и люди сердца.

Тщеславие.

Чему нас учит Христианство?

Типы людей: люди гордости и люди гордыни.

Успеваемость и поведение учащихся

Согласно действовавшим в стране общим правилам курс обучения в гимназии продолжался 8 лет. Перевод из класса в класс – за исключением 4-го и 8-го – производился только по отметкам. Имевшие несколько «неудов» по различным предметам могли после летней подготовки сдать переэкзаменовку и перейти в следующий класс. Неудачники оставались на второй год в том же классе. Если ученик и в этот раз не справлялся с программой, он терял право на продолжение учебы в гимназии, но мог поступить в любую другую или перейти в кадетский корпус.

Оканчивающие 4-й класс сдавали так называемую «Малу матуру» (малый аттестат зрелости), который давал право на поступление в техническое и коммерческое учебное заведение, в балетную или в художественную школу. Кроме того, этот документ давал некоторые преимущества при поступлении на государственную службу.

Окончившие 8-й класс сдавали «Велику матуру», то есть экзамены на аттестат зрелости. Письменные и устные экзамены происходили по следующим предметам: русский и сербский языки и литература, общая, русская и сербская история, математика. Учеников, имевших по предметам отличные успехи и сдавших письменные экзамены, могли освободить от устных испытаний. Для оценки успешности учащихся была установлена 5-балльная система.

28 июня каждого года, в день национального праздник «Видов дан», происходил торжественный акт вручения аттестатов зрелости, открывавшийся благодарственным молебном. Это волнующее действо, описанное многими гимназистами, происходило, начиная с 1933 года, в театральном зале Русского дома и завершалось большим концертом с участием гимназистов и выпускников.

При гимназии проводились экзамены для частных учеников (экстернат). Они сдавали все предметы. Ежегодно таковых было от 3 до 8 человек. Русские юноши, окончившие кадетские корпуса в Югославии и желавшие поступить на медицинский или философский факультеты, могли, подготовившись, сдать при русско-сербской гимназии экзамен по полной программе латинского языка и национальным предметам.

Критерии, по которым оценивали успехи учеников в «плетнёвской» гимназии, были весьма высокими. Об этом свидетельствуют статистические данные из отчетов директора В.Д. Плетнёва и из печатных «Извештаев» за последующие годы. Заметно большое количество переэкзаменовок, чаще всего по русскому и латинскому языкам и по математике. Вероятно, это связано еще и с составом гимназистов первых лет, имевших большие перерывы в обучении.

Успеваемость гимназистов и гимназисток:

	Мужская гимназия				Женская гимназия			
	1930/31		1939/40		1930/31		1939/40	
отлично	25	11%	20	9%	16	11%	48	23%
очень хорошо	45	19%	53	24%	47	30%	76	36%
хорошо	91	38%	98	44%	44	29%	70	33%
переэкзаменовки	60	25%	26	12%	34	23%	14	7%
на второй год	16	7%	19+6*	13 %	11	7%	3	1%
ВСЕГО УЧЕНИКОВ	237		222		152		219	

* Покинули гимназию.

Можно заметить, что с годами успехи учеников все ощутимее, но это никоим образом не связано с понижением гимназических требований: просто жизнь в эмиграции так или иначе наладилась. Естественно, что девочки учатся лучше мальчиков.

По данным «Памятки» 1986 года, уточненным авторами, смешанную гимназию окончил 261 ученик (юноши и девушки), мужскую – 386 юношей и женскую – 373 девушки. Всего 1020 человек. В это число мы включили и выявленных нами частных учеников. Отметим, что гимназисты, вступившие в Русский Корпус и не успевшие окончить 8-й класс, получили возможность подготовиться и сдать выпускные экзамены в 1942 году.

В поддержании дисциплины применялись строгие меры наказания: выговор классного наставника-воспитателя (как бы первая степень), выговор директора гимназии (вторая), и самое серьёзное – выговор классного «вече», т. е. общий выговор всех преподавателей. Редко, но случались и увольнения из гимназии за очень серьёзные проступки: на один год, или без права восстановления. Нам известны конкретные обстоятельства лишь двух таких случаев и оба связаны с политикой: Никита Ракитин («Не окончившие гимназисты»), и Александр Глянцев, 19-й вып.

Доступные источники свидетельствуют от том, что в смешанной гимназии дисциплина была выше. Причина очевидна: при девочках мальчики вели себя более сдержанно, существовало даже своего рода соревнование в учении и поведении.

Ученики, окончившие гимназии на отлично при примерном поведении, часто награждались персональной денежной премией от различных фондов. К 1939/40 учебному году их установилось около десяти:

Фонд Государственной комиссии памяти Короля Александра I Карагеоргиевича выделял 500 динаров.

Фонд общества памяти Императора Николая II – 400 динаров.

Фонд общества Св. равноапостольного князя Владимира – 200 динаров.

Фонд имени покойного князя В.Е. Вязьмитинова – 500 динаров.¹

Фонд почившей г-жи Е.В. Плетнёвой – 200 динаров.

Фонд И.М. Новиковой памяти её сына Михаила – 115 динаров.

Фонд г-жи Софии М. Яковлевой памяти её племянника гимназиста Алексея Маляренко – 400 динаров.

Фонд покойного председателя Школьного совета при Державной комиссии, профессора Белградского университета Савы Урошевича – 800 динаров.

Фонд покойного преподавателя гимназии протопресвитера Петра Беловидова – 300 динаров.

Фонд памяти гимназиста Игоря Лапко – 100 динаров за лучшее стихотворение, из числа представленных на конкурс.

1 Василий Ефимович Вязьмитинов (1874 – 1929), правитель дел учебного отдела Державной комиссии по делам русских беженцев в Королевстве СХС.

Библиотеки

Гимназические библиотеки для учеников и для педагогов начали складываться сразу же после открытия гимназии из самых разных источников. В 1923/24 учебном году в ученической библиотеке было около 2. 500 книг, в преподавательской – около 1. 500. Библиотеки действовали при смешанной, а затем в мужской гимназии, но ими пользовались равноправно и мальчики и девочки. К 1940 году ученическая библиотека составляла уже около 7. 000 томов. Библиотеки получали в свои читальные залы русскую эмигрантскую и югославскую периодику.

Из отчёта библиотекаря за 1934/35 учебный год мы узнаём, что гимназисты были очень «читающим народом». При этом чаще всего книги брали ученики первых трёх классов. Они увлечённо осваивали литературу, знакомую, вероятно, школьникам всего мира: Жюль Верн, Майн-Рид, Купер, Хаггард, романы Берроуза о Тарзане, чтобы позднее обмирать от восторга в кинозале. Дети постарше зачитывались историческими романами, затем переходили к классике – Гоголь, Лесков, Толстой, Мельников-Печерский и др. В старших классах читали увлечённо Ф.М. Достоевского, который был запрещён в советских школах как «реакционный писатель».

В женской гимназии библиотекарь вела ежегодный учёт прочитанных девушками книг. Из этого удивительного документа мы узнали, что только за один учебный год Ира Ясенская из 1-го класса прочла 52 книги, Маша Добровольская из 2-го класса – 60 книг, а Инна Компаниец из выпускного класса брала в библиотеке 72 (!) книги.

Внеклассные занятия гимназистов

Вплоть до 1933 года, когда мужская и женская гимназии обрели постоянное пристанище в стенах Русского дома, они не имели собственного помещения, поэтому вся внеклассная практика сосредоточилась в интернатах.

В 1922 году В.Д. Плетнёв и Министерство просвещения обратились в адрес Государственной комиссии с предложением открыть гимназический интернат на 120 учеников. Комиссия поддержала эту идею.

С переездом мужского интерната с окраины города в большое здание на Новопазарска ул. 52 в интернате началась бурная деятельность.

Из справки нового заведующего интернатом Владимира Севериновича Левицкого:

Кроме 22-х небольших дортуаров (на 5-6 человек каждый), в которых также происходят и занятия по приготовлению уроков, имеются: две столовых, лазарет

на 8 кроватей, баня, гардеробные, кухня, прачешная, комната для дежурного воспитателя, маленькая учебная столярная мастерская, приёмная и канцелярия.

В одной из столовых устроен иконостас, закрытый разборной деревянной стеной. По праздникам и воскресеньям эта стена разбирается, мебель выносится, и столовая превращается в церковь.

В интернате живут воспитанники всех возрастов, с I по VIII класс. Возрасты размещены изолированно один от другого.

При интернате живут заведующий и несколько человек служащих.

Все воспитанники интерната одеты в форменную одежду.¹

Воспитатель мужского интерната Н.А. Чернышёв:

Трудно рассказать в короткой заметке интересную жизнь, которая развернулась в интернате в течение тех трёх учебных лет, когда там широко развилась деятельность различного рода кружков и организаций. Как часто вечерами допоздна засиживались в горячих спорах, как дружески обсуждали «проклятые» вопросы! Многих «переросших» гимназия принимала по экзаменам только из нескольких главных предметов, а остальные сдавались потом в течение учебного года. Приятно было видеть, как товарищи помогали отставшему новичку.

И на дисциплину нельзя было пожаловаться. Создавалось общественное мнение, не допускавшее ни цука, ни издевательств, ни грубости.²

Конечно, на первом месте стояли индивидуальные занятия воспитанников. При интернате уже с 1922/23 учебного года действовали мастерские: столярная, сапожная, переплётная. Позднее, видимо, они исчезли.

Особенностью «плетнёвской» гимназии являлось широкое использование «рефератной» системы преподавания. Началом её стали доклады в литературно-художественном кружке учащихся старших классов. Работу по редактированию рефератов директор поручил заведующему интернатом и воспитателю А.П. Рослову. Чтение рефератов и обсуждение их происходило по воскресеньям в послеобеденное время, так что это не было еще общегимназическим деянием.

Начало было трудное. Приходилось совместно с докладчиком писать реферат и репетировать предстоящее заседание. Потом дело пошло легче. Совместно составлялся план, а потом давалась тема, подыскивался материал. Работа началась с большим подъёмом, и доклады собирали полную аудиторию. Но интерес к воскресным собраниям быстро остыл. Пришлось применить меру, которая сделала воскресные доклады непопулярными. Посещение докладов было объявлено

1 «Памятка» 1986 г. С. 29.

2 Там же. С. 28.

обязательным для учеников трёх старших классов. Ученики были недовольны и ворчали, что у них отнимают воскресный отдых.¹

Федор Высторопский, 6-й выпуск:

В моё время произошла коренная реформа. Доклады были перенесены с воскресений на среды, а через некоторое время были установлены и субботние доклады в гимназии. <...>

Наши интернатские «среды» были в ведении самих учеников, вернее кружков, которые сами в своей среде подготавливали доклады. Приходили гости. На «среде» соединялось полезное с приятным. Доклад, потом чай, затем слушали декламацию и смотрели пьесы и инсценировки драматического кружка, позже – танцы, игры. Посещение «сред» было обязательным, особенно первой части – доклада. Были любители посещения только второй части, начиная с чая, особенно если доклад был не по вкусу. Доклады для «сред» читали исключительно ученики-пансионеры. <...>

Председателя обычно подыскивал сам докладчик, не прибегая к услугам кружка: это было в его интересах, нужен был человек знающий, и близкий приятель, чтобы при случае мог и помочь, и зубастый, чтобы в критический момент мог обуздать нападение. Председатель был всесилен, мог лишиться слова, или, как один, оговорившись, сказал: «лишаю вас дара речи»; мог прекратить прения невыгодные для докладчика, а отвечал только перед директором, да и то только после доклада, когда положение было спасено.

Сам доклад происходил в высшей степени тождественно: председатель, секретарь и докладчик восседали за столом, покрытым одеялом, на столе графин воды и стакан, – всё для поднятия духа. Сидели и ждали директора, который часто опаздывал. Вот входит директор, все встают; «Здравствуйте, господа!» произносит отчётливо и резко, «садитесь, можно начинать!» Председатель открывает собрание вступительной речью. Затем начинался доклад. После доклада бывал перерыв, а затем выступления оппонентов. Одни выступали по существу, дельно, другие «с туманом», третьи, новички, путались, краснели и смущенно садились. Продолжительность прений зависела от характера доклада: если тема боевая, то и прения были оживлённей, продолжительней. <...>

Последнее слово было за директором. Это был суд всем. И тут все стихало. Докладчик, председатель и все остальные подтягиваются и готовятся к разному. Похвала директора была редкостью. Насколько помню, он только 3–4 доклада назвал хорошими и один отличным. Тема была из Достоевского, доклад был написан «духом» в несколько ночей учеником, понимавшим и любившим писателя. Первый раз директор не нашёл никаких недостатков. Разносы же бывали и крупные, когда не находилось никаких достоинств, и поменьше, когда всё-таки кое-что признавалось. Влетало за всё: за тему, за тезисы, за ответы на возражения,

1 Там же. С. 31–32.

за язык, за неумение свободно говорить. Влетало и председателю, и оппонентам, и даже тем, кто молчал. Никто не избегал своей участи, всякий получал по заслугам. Меня распекал два раза как докладчика, и несколько раз, как председателя. <...>

Все разносы принимались, как должное. Слушая их, мы учились. Обладая темпераментом и талантом говорить, В.Д. увлекал слушателей. Многие под его влиянием перерождались, научались думать. Вот в чём его огромная заслуга, и что навсегда оставит в памяти чувство благодарности к нему.

Вторую часть «среды» заполнял драматический кружок. К нему директор благоволил. Нередко ставились и трудные вещи, требовавшие долгой подготовки и большого труда. Большой же частью ставились короткие, весёлые вещички и инсценировки, особенно Чехова.

В работе кружка принимали участие и кончившие гимназию студенты. Связь их с гимназией не прерывалась, студенты были желанными гостями на «средах». ¹

Таким «желанным гостем» был Антоний Мирный, окончивший гимназию годом раньше, чем Федор Высторопский. Антоний в своей статье пишет, что Государственная комиссия весьма косо смотрела на эти собрания, называя их «танцуйками».

Вот мнение Вадима Курганского, 9-го выпуска:

Выходом для накопившихся творческих стремлений, ареной, где работающие по кружкам могли показать свои достижения, были традиционные гимназические «среды». Всем существовавшим кружкам по очереди предоставлялось место докладчика на «средах», и не дать доклада в свою очередь считалось недопустимым. Это придавало больше интереса работе. «Среды» играли громадную роль в ходе культурной работы гимназистов. ²

Позднее педагогический совет решил ввести составление и чтение рефератов в часы обычных занятий.

Для этого пришлось сделать некоторые отступления от принятого учебного плана. Создавались таким образом своеобразные семинарские занятия. Решено было устроить семинарии: по русской литературе, истории, математике (с физической), естествоведению и политической экономии с экономической географией.

Каждую субботу, последние два урока в трёх последних классах отводились под семинарские занятия. Учащиеся покидали свои классы и шли на занятия в ту или иную группу...» ³

1 «Памятка» 1986 г. С. 35–37.

2 Там же. С. 43.

3 Там же. С. 42.

В начале учебного года учащимся предлагалось записаться на два семинария по выбору: гуманитарный и естественно-математический. Все участники должны были поочередно исполнять роли председателя и секретаря. Они быстро приобретали необходимые навыки, ученики умело пользовались справочниками и доступными материалами, так что общий умственный уровень гимназистов и их владение родной речью заметно повышались. Это было важно, потому что учащиеся, да и окончившие гимназию, жили в чужой языковой среде, хотя дома или в интернате все общались только по-русски.

Федор Высторопский:

Здесь было больше академичности. Всё разделено по предметам, не было пестроты, какая была на «средах», работа велась под руководством преподавателей-специалистов. <...>

И на литературном и на исторических семинарах преобладали темы из родной нам истории и литературы. Доклады по иностранной литературе и всеобщей истории отличались более широкими темами. Это было необходимо, т. к. с этими вопросами мы были мало знакомы, особенно с мировой литературой, которая, к сожалению, не имеет места в программе гимназии. В историческом семинаре затрагивались и современные вопросы, как например, евразийское понимание русской истории, украинский вопрос и т. п. Споры и здесь были живые.

Всеволод Прокофьев, окончивший гимназию в 8-м выпуске, вспоминает:

Доклады о евразийстве казались особо актуальными: как раз в том же году в Белграде читались публичные лекции о евразийской доктрине евразийцем П. Савицким и противниками этого течения В. Мякотиним и А. Кизеветтером. По окончании уроков мы спешили на эти лекции, с интересом слушали их, кто очаровываясь, а кто разочаровываясь в заманчивой азиатской дали, в которую нас влекли идеи евразийства.¹

Федор Высторопский:

Какое же было отношение самих учеников в массе к докладам? Были ли противники их? Насколько я знаю, большая часть моих товарищей относилась к ним серьёзно и сочувственно. Были и такие, кто смотрел на них безразлично, доклады брали неохотно. Для них это было обязанностью, как и приготовление уроков. Убеждённых противников докладов не помню, но возможно, что и они были.

Доклады наши не только имели образовательное значение, как накопление знаний нужных в жизни, но они, что, по-моему, и есть главное, развивали навык к самостоятельной работе. Там мы получили первые уроки самостоятельного и

1 «Памятка» 1986 г. С. 32.

сознательного отношения к научным вопросам. Книга становилась живой, мы учились схватывать и извлекать из неё самое главное или новое».¹

Всеволод Прокофьев с сожалением пишет, что в бытность его в 7 и 8 классах, то есть в 1926/1927, и в следующем учебном году, рефераты были объявлены необязательными, можно было читать доклады по желанию, но уже только в своем классе.

Ещё одной гимназической страстью стало издание рукописных журналов, а позднее и стенных газет.

Вадим Курганский:

Едва ли не самой популярной областью, над которой работали кружки и отдельные классы, являлась литература и, в частности, журнальное дело. Математический, химический или иной кружок в гимназии существовал обычно один, но литературных было несколько. В этой области работа учащихся естественно расходилась по двум направлениям – изучение художественной литературы, в частности новой, знакомство с которой почти не входит в программу, и – творческая работа самих учащихся. Конечно, второе направление более привлекало к себе молодых литературных работников, и это нашло себе выражение в издании многочисленных журналов по классам. Гимназические журналы появились одновременно с возникновением гимназии. Издание их быстро вошло в традицию, и скоро уже нельзя было себе представить класса без своего журнала. Не выпустить в продолжение учебного года ни одного номера считалось чуть ли не позором. Журналы того времени (первого периода существования гимназии до 1925 г.) – «Досуги», «Капля в море», «На чужбине» и др. – были преимущественно рукописными. На переписывание их, не говоря уже о художественной отделке, приходилось затрачивать много времени и труда, и тем не менее учащиеся с увлечением отдавали этому делу свои короткие досуги. С течением времени журналы стали печататься на машинке; средства для этого частью отпускались гимназией, а частью собирались среди самих учащихся.

В отношении содержания журналы представляли значительную пестроту. В них помещались рассказы, стихи, повести, статьи научного и критического характера, воспоминания, переводы, загадки, юморески и пр. Среди младших (I и II) классов в обычае было помещать кроме того на страницах журналов классные сочинения лучших учеников.

Преобладающий мотив всех произведений гимназического творчества – любовь к родине. Особенно часто встречались различные талантливые и блестящие описания отъездов из России. <...>

Много места уделялось полемике журналов между собой, обыкновенно в тоне дружеской пикировки, но иногда и в серьёзном тоне, на научные или литературные темы. В большом ходу было высмеивание недостатков, как отдельных гимназистов, так и гимназической жизни в целом. <...>

1 Там же. С. 38.

Несмотря на обилие журналов, стремление к творческому созиданию среди учащихся было настолько велико, что редакторы имели возможность отбирать материал, допуская к напечатанию только лучшее. Об этом свидетельствуют «почтовые ящики» журналов, полные отказов в принятии произведений с довольно язвительными комментариями по адресу неудачливых авторов. Нередко на страницах журналов попадались произведения, свидетельствующие о недюжинном литературном даровании автора. <...>

Помимо классных журналов существовал общегимназический орган «Юная Русь», а также в различное время выходили отдельные журналы и сборники, издававшиеся литературными кружками. <...>

С течением времени традиционная гимназическая пресса стала изменять свой облик. Молодежь всегда склонна к исканию новых форм творчества. Старые, обычные формы журнала начинали приедаться. Кроме того, журнал, выходя не чаще одного, двух, много трёх раз в год, при своей громоздкости не мог вполне удовлетворить творческих запросов учащихся. И на арене общественной самодеятельности появляется новый фактор – стенная еженедельная газета. Заслуга издания первой газеты – «Маяк» – целиком принадлежит IX выпуску, тогда (1925-26 уч. г.) V классе, в котором учился и я. Первый же номер газеты, вывешенный на стенах гимназии, вызвал целую бурю.¹

Расцвет целого ряда гимназических кружков относится, скорее, к «плетнёвскому» периоду жизни гимназии. Позднее их деятельность постепенно сокращалась и в 1930-е годы выжили только два кружка: «Кружок ревнителей чистоты русского языка» и «Кружок по изучению естественных наук». Доклады читались как гимназистами, так и педагогами, а иногда и видными деятелями культуры со стороны. На большие «открытые» доклады публика собиралась в театральном зале Русского дома.

Выпускница гимназии, позднее преподававшая в ней сербский язык, Лидия Алексеевна Девель впоследствии вспоминала:

Был Союз ревнителей чистоты русского языка, основанный Евгением Александровичем Елачичем. В нём я четыре года состояла секретарем. Кружок был полугимназического типа, немного скучноватый, но очень добродетельный. Устраивались чтения, составлялась библиотека газетных вырезок, читались лекции, и мы ядовито ловили друг друга на употреблении ненужных иностранных слов и неправильных оборотов.²

1 «Памятка» 1986 г. С. 43–45.

2 Алексеева Л. Из воспоминаний о Белграде // Русский альманах 1981. [Составители] Зинаида Шаховская, Ренэ Герра, Евгений Терновский. Париж: [Издание составителей], 1981. С. 367.

Например, на собрании этого кружка 29 мая 1931 года, посвящённом «Старинному русскому юмору», перед публикой выступили как педагоги Е. Елачич и Н. Чернышёв, так и более десятка гимназистов и кадет. В программе – народный юмор, а также произведения Д. Фонвизина, А. Пушкина, И. Мятлева, Ал. Толстого, Козьмы Пруткова, А. Апухтина, А. Чехова и других авторов.¹ При входе принимались пожертвования в пользу Комитета «Белой ромашки» (борьбы с туберкулёзом).

Люди, особенно в юные годы, любят писать стихи – и никто не знает почему. Но лишь единицы сохраняют эту страсть до конца жизни.

Свои первые вирши гимназические сочинители помещали в журналах и стенных газетах, читали на заседаниях литературных кружков. Естественно, что главной темой творчества юных поэтов стала далекая Россия и их собственная эмигрантская жизнь. Вероятно, самый «дух плетнёвской гимназии» помогал им, потому что талантливые её выпускники легко войдут в литературную жизнь «русского Белграда» и станут печататься. Стихи Ильи Голенищева-Кутузова, Игоря Лапко, Лидии Девель (псевдоним Л. Алексеева), Владимира Гальского, Юрия Герцога, Нины Гриневич, Василия Пронина будут издаваться и в сборниках и отдельными книгами. Все они, кроме скончавшегося И. Лапко, уедут из Югославии. Позднее на Западе, а затем и на родине, в России, их творчество будет оценено по достоинству.²

Вадим Петрович Курганский обратил внимание на любопытную проблему взаимоотношений «интернатчиков» и «приходящих», то есть учеников, живших в семьях.

Один из авторов помнит свое обучение в послевоенной ленинградской школе, куда ходили и «детдомовские» (дети-сироты) и домашние. И те, и другие были одинаково голодны и жестоки. Поединки детдомовских и домашних «гогочек» на заднем дворе школы случались часто, но шли по честным правилам: до первой «кровянки» и «лежащего – не бьют».

В условиях эмиграции до драк дело не доходило. Но с течением времени – а именно, в конце 1920-х – начале 1930-х годов – когда жизнь беженцев в Белграде уже устроилась, эта проблема обозначилась довольно выпукло.

В. Курганский пишет:

Характер культурной работы изменился. Раньше эта работа была общегимназической, и не могло быть и речи о «приходящем» и «интернатчике». Теперь же

1 Афиша собрания в коллекции А. Арсеньева.

2 *Голенищев-Кутузов И.* Память (Париж, 1935), Благодарю, за все благодарю (Пиза-Томск-Москва, 2004); *Алексеева Л.* Лесное солнце (Франкфурт-на-Майне, 1954), Стихи. Избранное (Нью-Йорк, 1980), Горькое счастье (Москва, 2007); *Герцог Ю.* Начало эпопеи (Вашингтон, 1968), Земля обетованная (Мюнхен, 1971); *Гальской В.* Путь усталости (Вологда, 1992); *Пронин В.* Стихи (Сан-Паулу, 1985), Стихи и романсы (Сан-Паулу, 2000).

интернат замкнулся в своём кругу: где-то в его недрах велась какая-то работа, о которой нам, приходящим, ровным счётом ничего не было известно. Достаточно будет привести пример шахматных партий с Сараевским корпусом, о которых шахматистам приходящим стало известно лишь в самый разгар игры.

Результаты такой постановки вопроса не замедлили сказаться. Лишившись своего «штаба», не имея места, куда раньше сходились все нити культурной работы гимназии, приходящие отошли от работы, и продолжали ее одни интернатчики. Одновременно изменялся и самый характер работы по кружкам. Прежде она велась самими учащимися, руководители из преподавателей играли лишь роль цензоров и изредка давали общие указания. Теперь же руководители вмешивались во внутреннюю жизнь кружка, брали на себя функцию президиума и вели работу фактически по своему усмотрению. Учащиеся отвыкали от самостоятельности и приучались к работе «в поводу».¹

Довольно быстро после отмены «сред» была прекращена работа и по «семинарам», и это довершило картину гимназического застоя. Главный Плетнёвский призыв «Думайте!» медленно, но верно, покидал стены гимназий.

Журнальная «лихорадка» не миновала и женской гимназии. С 1933/34 учебного года ученицы выпускали иллюстрированный журнал «Калиточка», но всего от одного до трёх номеров в год.

Извештай за 1932/33 учебный год сообщает, что в мужской гимназии действовало Общество с довольно странным названием «Литературно-национальное». В течение года состоялось 10 заседаний, на которых читались как рассказы из русской литературы, так и произведения самих членов кружка и исполнялись песни. Было прочитано два реферата: «Что такое социализм и марксизм?» с критикой и «Положение в Советском Союзе». Имена авторов рефератов в отчёте отсутствуют.

В 1937 году при мужской гимназии возникло «Общество любителей природы», которым руководил преподаватель Николай Александрович Измайлов, геолог по образованию. Довольно быстро в Общество вошло около двадцати человек. Работали три секции: ботаническая, зоологическая и минералогическая. В определении названий, собранных «любителями природы» минералов, помогал бывший гимназист (9-й вып.), князь Григорий (Георгий) Георгиевич Гагарин, к тому времени ассистент Белградского университета. А разбираться в растениях учил старший брат гимназиста Льва Мамонтова (20-й вып.), инженер-лесовод Борис Владимирович Мамонтов, подаривший Обществу две своих коллекции в качестве образцов того, как надо собирать и хранить ботанические коллекции. Гимназисты чаще всего выходили в парки Топчидер и Кошутняк на окраинах Белграда, ездили

1 «Памятка» 1986 г. С. 48–49.

на Фрушка-Гору и в городок Сремски Карловцы. В зимние месяцы в Обществе устраивались лекции и просмотры документальных фильмов о разных странах.

Большие выезды на природу устраивал и В.Э. Мартино, преподававший еще со времен Плетнёва природоведение и географию. Страстный охотник, известный учёный, орнитолог и зоогеограф, Владимир Эммануилович был горячо любим и учениками, и ученицами.

Устраивались для гимназистов и самые различные ознакомительные экскурсии. В числе наиболее интересных назовем посещение аэродрома в Земуне, типографии газеты «Время», художественного музея принца Павла, Этнографического музея и Музея икон и копий фресок из сербских монастырей и художественных выставок.

В эпоху бурного развития авиации всеобщее увлечение «небом» не миновало и гимназистов. В 1936/37 учебном году членами нового «Аэроклуба» состояли уже 28 мальчишек из средних классов. Клубом руководили бывшие гимназисты, а ныне студенты Белградского университета Владимир Николаевич Серединский (14-й вып.) и Андрей Андреевич Кабанов (16-й вып.). Примечательно, что при создании в 1928 году югославской гражданской авиации «Аэропут», все лётчики там были русскими. Участники Клуба занимались конструированием авиамodelей, посещая белградскую школу по изготовлению моделей. В 1937/38 учебном году дипломы этой школы получили 9 гимназистов. Главным событием были, конечно, поездки в аэропорт «Белград», где по жребию избранные счастливицы поднимались в небо! Можно только представить, сколько потом было восторженных рассказов в гимназии. Кроме того, в «Аэроклубе» читались лекции по истории авиации и её последним достижениям, учились пользоваться парашютом, вероятно, только на земле. Скажем тут же, что В.Н. Серединский стал впоследствии известным авиаконструктором в США.

Но и девочки решили не отставать – в 1939/40 учебном году «Аэроклуб» возник и в женской гимназии. В него записалось ни много ни мало, а 35 учениц. Руководство приняла на себя тоже выпускница гимназии 1933 года, преподавательница латинского языка Наталия Владимировна Бердникова (Комарова). О достижениях девичьего Клуба сведений, увы, не сохранилось.

Еще одно повальное югославское увлечение – шахматы. В 1934 году в мужской гимназии преподаватель Евгений Александрович Елачич создал шахматное объединение, заседания которого регулярно проводились дважды (!) в неделю. Только за один учебный год шахматисты встречались 51 раз. Начались турниры, сначала внутри гимназии, затем лучшие игроки стали выставляться на городские сражения между школьными командами.

Мы отсылаем читателя к биографиям непосредственных участников шахматных баталий братьев Сапроновых, Анатолия (20-й вып.) и Виктора (22-й вып), где обо всём рассказано подробно и с азартом.

Вообще история гимназического спорта началась с «дикого» футбола. Взрослые интернатчики радостно гоняли на пустыре тряпичный мяч, пока мудрый директор, оберегая их обувь, не запретил эту забаву. Тем не менее, позднее футбольная команда гимназии «Скиф» участвовала в городских соревнованиях.

Вскоре после перехода пансиона в город гимназией была приобретена шлюпка, названная «Русский гимназист». В то время килевые лодки были в Белграде редкостью, русская шлюпка обращала на себя исключительное внимание, чему немало способствовал ее безукоризненный вид – всегда аккуратный, чистый, и прекрасно тренированные гребные команды, которые имел каждый класс, начиная с пятого.

Но фантазии гимназистов пошли дальше. Зимой 1923 года для дальних походов решено было построить яхту.

Образовался так назыв[аемый] «К.Л.М.Д» (кружок любителей морского дела), во главе которого стоял энергичный и предприимчивый ученик четвертого выпуска Г. Лигнау со своими ближайшими помощниками и преемниками С. Тихомировым из пятого выпуска и С. Марковым седьмого выпуска. Инициативой Лигнау и Тихомирова была выстроена яхта. Яхта строилась учениками. Была она плоскодонная речного американского типа с выдвигаемым килем. Размером 2х6 метров, с палубой. Два кливера и грот в общей сложности были около 30-ти кв. метров. Чрезвычайно интересна история постройки яхты. Во дворе места для постройки не было. Решено было строить её на чердаке. Всю зиму на холодном чердаке группой «К.Л.М.Д.» упорно, настойчиво сооружалась яхта. К весне собрали корпус, и так как в двери он не проходил, то разобрали крышу и на верёвках спустили во двор, где и закончили отделку. В отделке принимал участие едва ли не поголовно весь интернат с I по VIII классы включительно. Всё, до последних мелочей, как блоки и кранцы, – все было сделано руками учеников. Весной 1924 года яхта «Землячка» была спущена. На ней и на шлюпке, кроме почти что ежедневных прогулок, совершались и более продолжительные и далёкие экскурсии в Земун, Панчево, Обреновац, Макиш, Умку и т. д., длившиеся неделю и больше.

К сожалению, через несколько лет шлюпка пришла в негодность и была продана. Та же судьба постигла и яхту.¹

Вспоминая свои гимназические годы, Николай Богатко (6-й вып.) написал в «Памятке» 1930 года:

1 «Памятка» 1930 г. С. 72.

Душой гимназического спорта являлся в то время Михаил Павлович Савицкий. Будучи ярким спортсменом, он прекрасно знал многие виды спорта и теоретически, и практически, всюду и везде увлекая учеников личным примером. <...>

Зимой 1923 г. были организованы М.П. Савицким в здании пансиона боксёрские курсы, а наряду с ними вечерние гимнастические занятия, которые привлекли большое количество учеников. Устраивались неоднократно боксёрские матчи, пользовавшиеся большим успехом.

Следующей зимой был основан «Русак» (Русский ученический спортивный клуб) под руководством Михаила Павловича. Зимой велись занятия гимнастикой, боксом; летом, едва просыхала площадка перед пансионом, поле деятельности переносилось туда и начинался сезон лёгкой атлетики. Весною 24 г. было устроено состязание четырёх младших и четырёх старших классов.

Кроме того, гимназия участвовала в ту же весну в эстафетном беге по улицам Белграда и пришла третьей из восьми. <...>

В 1925 г. в гимназии были организованы фехтовальные курсы под руководством одного из воспитателей пансиона – Владимира Яковлевича Захарова, которые функционировали до 1926 г.

С самого начала существования Русского Сокола в среде учеников наблюдалось известное к нему тяготение. Значительная группа учеников была записана в Русский Сокол и регулярно посещала занятия. Их стараниями были поставлены во дворе пансиона самодельные турник и параллельные брусья. С течением времени Сокол стали посещать главным образом младшие классы. В 1926 г. десять учеников были отправлены на казённый счет на всеславянский слет в Праге. Кроме этого ученики, как члены местного Русского Сокола, принимали участие во всех его выступлениях, как в вольных упражнениях, так и на снарядах.¹

Существовал и девичий отдел Сокола под руководством В.Д. Гортынской.

Кроме занятий в Соколе, в 1930-е годы многие гимназисты вступили в ряды русских скаутов-разведчиков в Белграде и Земуне, постепенно некоторые из них становились вожаками-инструкторами, а кое-кто сохранил это увлечение на всю жизнь: Владимир Гальской, 6-й вып., Лев Гижицкий, 24-й вып., Сергей Шауб и Николай Доннер, 23-й вып., брат Николая, Андрей, и Вера Бойе-ав-Геннэс, «Не окончившие гимназисты», и другие достигли уровня скаутмастера и стали крупными деятелями русского скаутского движения в послевоенное время.

Во второй половине 1930-х годов дело физического воспитания в гимназиях уже не было на высоте. Уроки гимнастики часто просто отменялись.

О богатой событиями театральной жизни «русского Белграда» (драматические спектакли, опера и балет) уже существует обширная литература. Мы же напоминаем о «плетнёвских средах» во времена смешанной гимназии.

¹ Там же. С. 72–73.

В рождественские дни декабря 1929 года силами гимназистов был поставлен «Ревизор» Н.В. Гоголя – знаменитый спектакль, надолго оставшийся в памяти русских белградцев. По сохранившейся афише мы имеем счастливую возможность назвать поимённо всех исполнителей ролей:

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий – ученик 8-го класса
Всеволод Сергеев

Анна Андреевна, жена его – ученица 7-го класса *Елена Исаева*

Мария Антоновна, дочь его – ученица 6-го класса *Татьяна Долинская*

Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ – ученик 8-го класса *Юрий Герцог*

Жена его – ученица 7-го класса *Ирина Лукина*

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья – ученик 8-го класса *Анатолий Королевич*

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений – ученик 7-го класса *Константин Григорович-Барский*

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер – ученик 8-го класса *Игорь Юскевич*

Петр Иванович Добчинский – ученик 7-го класса *Вадим Леговский*

Петр Иванович Бобчинский – ученик 8-го класса *Михаил Духовской*

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга – ученик 8-го класса *Георгий Асеев*

Осип, слуга его – ученик 7-го класса *Владимир Алексеев*

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь – ученик 7-го класса *Владимир Асеев*

Степан Ильич Уховертов, частный пристав – ученик 7-го класса *Владимир Ветер*

Полицейский Свистунов – ученик 8-го класса *Константин Зипалов*

Полицейский Держиморда – ученик 7-го класса *Олег Борисов-Морозов*

Абдулин, купец – ученик 7-го класса *Кирилл Тропин*

Февронья Петровна Пошлёткина, слесарша – ученица 7-го класса *Ираида Сапегина*

Жена унтер-офицера – ученица 7-го класса *Галина Жученко* (Лобач-Жученко, авт.)

Мишка, слуга городничего – ученик 6-го класса *Владимир Попов-Азотов*

Слуга трактирный – ученик 7-го класса *Всеволод Хитров*.

Режиссер спектакля С.В. Зозулин, воспитатель в интернате. Спектакль был сыгран «в пользу недостаточных учеников» гимназии на сцене «Сала Радничке Коморе». Начало в 8 часов вечера. В антрактах играл гимназический оркестр под управлением В.П. Ковалевского.

В апреле следующего, 1930 года, воспитанники мужской и женской гимназий в том же зале сыграли три пьесы А.П. Чехова – «Медведь», «Юбилей» и «Предложе-

ние» в пользу недостаточных учеников мужского интерната. Спектакль поставил неутомимый Сергей Васильевич Зозулин. Актёрский состав был примерно тот же, но время шло, многие талантливые исполнители получили аттестаты зрелости и вышли в жизнь.

28 июня 1932 года уже новый актёрский состав представил на сцене Русского офицерского собрания в Белграде комическую оперу «Иванов Павел» на слова Рапопорта на школьную тематику, в пользу учениц женской гимназии.

При женской гимназии с 1934 года действовала театральная студия, при этом «артистическая» жизнь девочек начиналась ещё в подготовительных школах с участия в традиционных рождественских спектаклях-ёлках.

Яркими событиями, отмеченными и русской, и югославской периодикой, стали два спектакля на сцене Русского дома: постановка «Женитьбы» Н.В. Гоголя 18 марта 1934 года, где все роли исполняли учащиеся русско-сербских гимназий, и театральная картина «Князь Владимир и киевские богатыри» данная 23 марта 1934 года. В этом грандиозном действе в составе «драматической труппы», хора и оркестра приняли участие 120 учеников обеих гимназий. Надо сказать, что все гимназисты были занятыми театрами. Администрация Русского дома не только выделяла для них бесплатные билеты, но и пропускала молодёжь на балкон перед самым началом спектакля, где они рассаживались на пустые места или на ступеньках в проходах.

Гимназические балы, особенно ежегодный рождественский бал для старших, славились на весь Белград. Помимо гимназистов и гимназисток, институток и кадет, на балы являлось множество гостей: юнкеров, русских офицеров на югославской службе, представителей русской и местной интеллигенции и знати. Небольшие танцевальные вечера и матинэ устраивались обычно в одной из студий Русского дома.

Шли годы, число окончивших гимназии приближалось к тысяче человек.

Гимназии в годы оккупации

С установлением в Сербии оккупационного режима директоров И.М. Ма-линина и Л.М. Сухотина сменили Б.С. Сергеевский в мужской и В.С. Левицкий в женской гимназии, но преподаватели, в основном, остались те же.

В феврале 1942 года в мужской гимназии обучалось 237 учеников (27 в 8-м классе). В женской гимназии 256 учениц (31 в 8-м классе). В каждой гимназии служило по 24 педагога. При женской гимназии имелся интернат (ул. Господар Йованова, 35), в котором обитали 22 девочки. Заведовала интернатом М.А. Сливинская.¹ 313 детей ходили в русскую начальную школу. С 1-го января 1942 года в

¹ Новый путь. Еженедельный информационный орган Бюро по защите интересов Русской эмиграции в Сербии. (Белград). Под редакцией Б.К. Ганусовского. №2, – 15.02.1942.

мужской гимназии была введена физическая и строевая подготовка, в том числе и стрельба в тире.

Не успевшая окончить гимназию Алла Борисовна Горская вспоминала, что в эти годы ввели «внеклассное воспитание»: у мальчиков курсы по починке автомобилей и столярное дело, для девочек – печатание на машинке, стенографию и гимнастику.

Последним в обеих гимназиях стал выпуск 1943/1944 учебного года.

Из статьи Татьяны Решиковой (Фриш), выпускницы женской гимназии 1943 года:

Наступила осень и нам, гимназисткам и гимназистам, пришло время возвращаться в классы. Этот первый в оккупацию учебный год был самым тяжёлым. Гимназия перестала получать государственную субсидию и теперь существовала на собственные средства, то есть, учение стало платным. Мы переживали множество лишений: страдали от холода и недостаточного питания. Невольно вспоминается первая холодная зима: окна в гимназии забиты картоном, мы сидим в классах в пальто, шапках и перчатках. Пальцы на руках коченеют, писать трудно; трудно и сосредоточиться – уж больно холодно! С нетерпением ждем большой перемены, когда получим по тарелке горячего супа. От этого становилось приятно и тепло, но, увы, ненадолго. А придя домой – та же картина. Но молодость брала свое и все препятствия преодолевались. Увы, не было больше никаких «матинешек», на которые мы с удовольствием ходили «дрыгать ногами», по выражению отца моей подруги. Нам же, по молодости лет, хотелось развлечений, и мы встречались по домам и танцевали под граммофон, но это далеко не заменяло веселых матине, где строгая Варвара Николаевна зорко следила за нашим поведением, а также за нашим внешним видом. Не дай Бог, у кого-то подмазаны губки или «патлы распущены»!

Так наступила осень 1942 года; начался новый учебный год. Гимназические ряды сильно поредели: многие из мальчиков поступали в ряды Русского Корпуса или уезжали на работы за границу. Летом я проводила своих лучших подруг, уезжавших в Германию. Мне было грустно и одиноко. Дома мы с мамой остались совсем одни. Родные, друзья и знакомые поразъехались.

Но в классах гимназии была уже другая картина: солнышко приветливо светило в окна; было тепло и уютно. Жизнь гимназии возвращалась в нормальную колею. Прошла зима, приближался день «стодневки», то есть оставалось сто дней до большой «матуры». Наш класс решил отметить это событие, и мы отпраздновали его в доме нашей соученицы Сони Тишанской, пригласив и гимназистов-одноклассников. Повеселились и даже потанцевали, правда, больше «шерочка с машерочкой» т. к. мальчиков в восьмом классе осталось лишь одиннадцать. Но разве многое нужно в юные годы, чтобы повеселиться, похотеть и чудесно провести время?

Подошла матура. Первые три дня – письменные работы по русскому и сербскому языкам и по математике. Мы притихли, но больше всего волновались

за предстоящий устный решающий экзамен по математике. Не могу не вспомнить волнения и доброты нашей «грозной» Варвары Николаевны (*Лучинская, авт.*) которая изо всех сил старалась помочь нам во время письменных экзаменов по математике, вплоть до подбрасывания шпаргалок. Как это было трогательно!

Закончены были письменные экзамены; мы были допущены к устным экзаменам. Началась «зубрёжка», оставалась лишь пара недель. И вот наступил день экзаменов. Одевшись в парадную форму и проглотив кусочек сахара с пятью каплями валерианки, я направилась в гимназию, по дороге забежав в Троицкую церковь помолиться. Прибежав в гимназию, я бойко направилась к группе соучениц, которые мне уже издали приветливо улыбались и, махая руками, что-то кричали. Оказывается, я попала в число освобождённых от устных экзаменов. Тут же подошел ко мне с одобрительной улыбкой наш учитель математики (он же и моя «классная дама» на протяжении трёх лет) Борис Михайлович Тизенгаузен и сердечно пожал мне руку, поздравляя меня.

Подошёл Видов дан – 28-е июня 1943 года. Все мы, окончившие гимназию, собрались в парадных формах в театральном помещении Русского Дома памяти Царя-Мученика Императора Николая II. Начался выпускной акт с доклада директора Владимира Севериновича Левицкого, после чего он начал раздавать аттестаты зрелости. Мы скромно и чинно подходили одна за другой и принимали награды, свидетельства и поздравления педагогического персонала. На душе было радостно и грустно. Я почувствовала теплоту слёз, катившихся по щекам. Нам в те юные годы хотелось поскорее стать взрослыми, окончить гимназию и почувствовать самостоятельность. Но в тот момент мы осознали, что восемь лет, проведённых в стенах нашей дорогой гимназии, были вероятно лучшими годами нашей жизни.

После нашего выпуска гимназия просуществовала ещё год. События на военных фронтах и политическое положение заставили большинство русских людей покинуть Югославию. С этим и закончилось существование нашей дорогой Русско-сербской гимназии в Белграде.¹

Последний учебный год в сильно сократившихся по численности учащихся классах гимназии прошёл под постоянными бомбежками Белграда союзнической авиацией. Подвалы Русского дома оказались надёжным убежищем. В Видов день 1944 года получили аттестаты гимназисты и гимназистки последних выпусков, всего 50 человек.

Тем временем трагическая развязка стремительно приближалась. Красная армия к концу лета уже вошла на территорию Югославии. В начале сентября командование Русского Корпуса добилось от немецких властей разрешения на эвакуацию из страны всех желающих уехать русских эмигрантов. Ученики 14 классов обеих гимназий так и не смогли начать новый учебный год. Очередной исход русской эмиграции начался утром 12 сентября с погрузки на грузовики на улице Кралицы

1 «Памятка» 1986 г. С. 159–161.

Натальи возле Русского дома. Гимназисты сдали в библиотеку все книги и вместе с родителями выехали в неизвестность – в Германию и Австрию. Некоторых по ошибке завезли даже в Маутхаузен.

Возможность продолжить обучение появилась лишь через год, когда после капитуляции Германии союзникам удалось как-то наладить существование лагерей перемещенных лиц (DP) и в некоторых из них, где были преимущественно русские, возникли школы и даже гимназии. Они открывались в основном при лагерных церквях. Удивительно было то, что бывшие гимназисты иногда снова встречались со своими педагогами.

Вероятно, наибольшую известность приобрела гимназия при Доме «Милосердный самарянин» под Мюнхеном, созданном священником, отцом Александром Киселёвым. Здесь, например, учились одноклассницы по Белграду Таня Дуброва, Катя Раевская и Лена Подшивалова и преподавала французский язык бывший педагог смешанной гимназии А.В. фон ден Бринкен. Неподдалеку, в лагере Шляйсхайм (Фельдмохинг), бывший директор мужской гимназии, полковник Борис Николаевич Сергеевский, создал «Гимназию Бесподданных», которую окончил его сын. В лагере «Парш» в Зальцбурге, уроки шли в бараке, где была церковь. Надя Коженкова, учившаяся в лагерной гимназии, рассказала, что в ней преподавала русский язык Елена Дмитриевна Исаева, выпускница 1931 года, успевшая окончить университет, а математику вёл её муж, Борис Иванович Митрохин, окончивший гимназию в 18-м выпуске. Занятия посещали несколько бывших белградок. В беженском лагере Сан Сабба в Триесте, тоже при лагерной церкви, работала русская начальная школа и гимназия, в которых вёл уроки русского языка и литературы старый гимназический преподаватель Михаил Александрович Аносов. Этой гимназией на протяжении 5 лет заведовал бывший житель Нови Сада, морской офицер Н.З. Кадесников (1895 – 1971). Неподдалеку от беженского лагеря в деревне Менхегоф под Касселем, вблизи замка гессенских князей Wilhelmsthal, в здании постоялого двора в середине 1945 года была основана гимназия им. М.В. Ломоносова. Её окончил выехавший из Белграда Андрей Доннер. В городе Регенсбург четыре учебных года работала Пушкинская гимназия.

В конце 1940-х годов начался массовый выезд из Европы, скорее похожий на бегство, русских эмигрантов, постоянно находившихся под угрозой выдачи в СССР. На этом история Первой русско-сербской гимназии в Белграде завершилась.

Из более чем тысячи человек, окончивших гимназию, 332 получили затем высшее образование. Это только те, кто известен авторам. Еще более тысячи человек учились в гимназии разное количество времени, но по тем или иным причинам не смогли её окончить. И это тоже не полный список.

Шестьдесят одна семья создана бывшими гимназистами!

Сегодня еще живут в разных странах те, кто посещал уроки в гимназиях. Их осталось совсем немного. Они с радостью поделились с нами своими воспоминаниями.

Близится 100-летняя годовщина создания 1-й русско-сербской гимназии в Белграде. Но уникальный опыт её существования, равно как и размышления Владимира Дмитриевича Плетнёва о воспитании новых поколений, не известны в современной России. Печально, но до сих пор учебные программы российских школ по-прежнему верстаются согласно нуждам и планам правительства. Вспомним слова В.Д. Плетнёва: «Нам приходилось решать трудный вопрос определения нужд нашего времени. Мы были обязаны дать ученикам возможность проявить свои собственные интересы ... и отыскать те истинно человеческие нужды, на которых следует построить современную школу».¹

В России всё это ещё только предстоит сделать.

1 Плетнёв Вл. Д., проф., указ. соч. С. 90.

ОСНОВАТЕЛЬ И ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ГИМНАЗИИ

В.Д. ПЛЕТНЁВ

В архивах России и Сербии отложилось немало документов, позволяющих нам проследить жизнь этого общественного деятеля, как в России, так и в эмиграции. К сожалению, сегодня на родине Владимир Дмитриевич Плетнёв забыт. В силу резкого неприятия белоэмигрантов в СССР забвение постигло подавляющее большинство людей того же масштаба, что и Плетнёв, вынужденных покинуть Россию уже в зрелом возрасте. Время оказалось к ним неумолимо.

Жизнь в России

Мальчик Володя родился в Орле 25 сентября (8 октября по н. ст.) 1877 года в дворянской семье. Иных сведений о его родителях разыскать не удалось. Отец поместил сына в Орловский Бахтина кадетский корпус, при этом был ли воспитанник Плетнёв своекоштным или пансионером, то есть обучался за счёт казны и жертвователей, авторам не известно. Отметим, что пансионеров в корпусе всегда было большинство. Можно сказать, что Володе повезло: он попал в знаменитое учебное заведение, созданное на огромное пожертвование орловского и курского помещика Михаила Петровича Бахтина.

Император Николай I в личном письме М.П. Бахтину, благодаря за пожертвование, извещает о награждении его орденом равноапостольного князя Владимира II степени, званием генерал-майора с оставлением вне службы, а корпус повелевает «именовать Бахтинским».

Попечениями Михаила Петровича в центре города было построено основное здание корпуса, ставшее самым крупным и красивым в тогдашнем Орле. Надо сказать, что этот корпус, конечно, в пределах допустимого уставами, отличала серьёзная учебная и нравственная подготовка кадет. Как правило, все преподаватели оканчивали военно-педагогические курсы или имели высшее военное образование. Среди кадетских заповедей высоко ставились чувство товарищества и братства, отвращение к фатовству, заботы о младших кадетам, как братьям, способность терпеть лишения.¹ Учебная программа корпуса была схожа с программой реальных училищ, при этом основной упор делался на математику. Кадеты изучали французский и немецкий языки.

В 1893 году в Орле торжественно отметили 50-летие корпуса, в честь чего были выпущены специальные жетоны, обладателем одного из них стал и кадет

1 http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/1883_1918/orl_bah/hist.htm

Плетнёв. Отметим, что именно в кадетском корпусе начал складываться его крепкий, целеустремлённый характер. Семь лет обучения не прошли для него даром, он достойно окончил корпус, поскольку сумел поступить для дальнейшего обучения в одно из лучших российских военных училищ.

В октябре 1894 года скончался Император Александр III Александрович. Об эпохе его царствования Владимир Дмитриевич много позже напишет чрезвычайно резко:

Отличительной особенностью печальной памяти царя Александра III было его глубокое презрение ко всякому знанию, к каждому носителю какой-либо общей идеи. При нем готовилась в значительной мере та смерть университетов, академий и высших школ, которую вносили к нам впоследствии наперсники его достойного сына.

Узкий формализм, война против независимой мысли, борьба с гуманитарными идеями, слепая муштра вводились везде и особенно в военной школе, как спасительные лекарства против свободомыслия предшествующей эпохи 60–70 годов.¹

Ко времени написания этих слов в 1918 году Владимир Дмитриевич отлично знал то, о чём писал. Но текст этот ляжет на бумагу лишь в будущем веке, а сейчас 18-летнего Владимира Плетнёва ждала служба, ибо иного пути судьба ему не предоставила.

В службу вступил из кадет Орловского Бахтина кадетского корпуса в Александровское военное училище юнкером рядового звания 1895 сент. 1.²

Оно располагалось в Москве и, вероятно, попасть сюда из провинции могли только кадеты, имевшие очень высокие баллы, ибо вступительных экзаменов не проводилось. Юнкера содержались полностью за счёт казны. Между прочим, отечественную историю в училище читал сам Василий Осипович Ключевский. В одном выпуске с Плетнёвым обучался Великий Князь Андрей Владимирович Романов, добрые отношения с которым сохранятся и после выхода из училища, и земляк из Орла, тёзка, Владимир Даниель.

Вот как описывает жизнь в училище окончивший его Александр Иванович Куприн в романе «Юнкера»:

1 Плетнев В.Д. Первый народный главнокомандующий, генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов. Петроград: Тип. Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1918.С. 8. (На экземпляре книги, хранящемся в Российской национальной библиотеке, подпись от руки: «В Российскую Публичную библиотеку от автора»).

2 ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10476. Послужной список подполковника В.Д. Плетнева на 1910 г. Далее: Послужной список.

С трудом, очень медленно и невесело осваивается Александров с укладом новой училищной жизни, и это чувство стеснительной неловкости долгое время разделяют с ним все первокурсники, именуемые на юнкерском языке «фараонами», в отличие от юнкеров старшего курса, которые, хотя и преждевременно, но гордо зовут себя «господами обер-офицерами». В кличке «фараон», правда, звучит нечто пренебрежительное, но она не обижает уже благодаря одной своей нелепости. В Александровском училище нет даже и следов того, что в других военных школах, особенно в привилегированных, называется «цуканьем» и состоит в грубом, деспотическом и часто даже унижительном обращении старшего курса с младшим... <...>

Юнкера старшего класса уже успели разобрать, по присланному из Петербурга списку, двести офицерских вакансий в двухстах различных полках. По субботам они ходили в город к военным портным примерить в последний раз мундир, сюртук или пальто и ежедневно, с часа на час, лихорадочно ждали заветной телеграммы, в которой сам государь император поздравит их с производством в офицеры.¹

Через два года пришёл час портупей-юнкеру Владимиру Плетнёву приступить к разбору вакансий из предоставленного Главным управлением военно-учебных заведений списка. Он выпускался по 1-му разряду, то есть за отличную учёбу имел право выбора полка в первом десятке выпускников. Выбор был им сделан, на первый взгляд, странный.

ВЫСОЧАЙШИМ приказом произведён в подпоручики в 177 пехотный резервный Красноставский полк 1897 авг. 13.²

Полк, по старой русской традиции, получивший название от польского города Красностав, входил в состав 44-й пехотной резервной бригады Варшавского военного округа.

Однако, в тексте Приказа есть существенное дополнение: с прикомандированием к 14-му сапёрному батальону, дислоцированному в Киеве. И это показывает, что молодой подпоручик делал свой выбор совершенно осознанно, определив свой дальнейший жизненный путь. Во-первых, он решительно отказывается от обыденной армейской карьеры пехотного офицера. К этому времени развитие российской армии остро поставило проблему нехватки офицеров в специальных частях и вакансии в сапёрные части ценились очень высоко, хотя бы по той причине, что они обычно стояли в крупных городах. И, конечно, престиж: сапёрные офицеры

1 Куприн А.И. Юнкера. Часть I, глава V. Электронная версия книги.

2 Послужной список.

считались в армии «умными». Так что в уездный городишко Царства Польского поручику Плетнёву ехать не пришлось. Его влекли иные дали.

За обучение в училище он был обязан тремя годами армейской службы. При этом он, как окончивший по 1-му разряду, приобрёл «старшинство», т. е. выслугу в офицерских чинах в 1 год. Его однокашник и друг Даниель выпустился в 14-й Севский пехотный полк, роты которого стояли в Полтаве и Кременчуге. Этот выбор совершенно понятен: в Полтавской губернии в селе Лихачёвка жила в своём небольшом имении его мама.

Как бы то ни было, наступил конец затворнической казарменной жизни. Свобода! Им 20 лет, им всего по двадцать лет! Стояло прекрасное лето. Вероятно, однокашники, в новеньких мундирах, поехали в положенный им по окончании училища отпуск домой, в Орёл. Возможно Плетнёв уже был знаком с Даниелями, а возможно именно в этот приезд тёзка познакомил его со своими многочисленными родственниками – у него оказалось больше десятка братьев и сестёр разных возрастов, в том числе и серьёзных девиц, обучавшихся в классической орловской гимназии. Впрочем, когда состоялось первое знакомство особого значения не имеет, однако, пройдёт время, и одна из сестёр однокашника, по имени Евгения, ответит согласием на его предложение руки и сердца.

Тем временем, Его Превосходительство, подпоручик Плетнёв, очевидно по собственной просьбе, откомандировывается в недавно сформированный Туркестанский военный округ, а именно в сапёрный полубатальон, расквартированный в Ташкенте. И это тоже не случайно: округ отдалённый, здесь повышенное жалование и ускоренная выслуга лет.

Он прибывает туда для несения службы. В следующем году полубатальон развёртывается в батальон. Со временем молодого, хорошо образованного офицера назначают на различные должности – скорее это можно назвать «общественной нагрузкой»: заведывающий офицерской библиотекой, обучающий в сапёрной школе, делопроизводитель по хозяйственной части, заведывающий оружием, квартирмейстер, что, видимо, позволило ему хорошо ознакомиться с огромной территорией Туркестана, тогдашней полуколониальной окраиной Российской Империи. Помимо этого, исполнение подобных должностей позволяло избегать общих строевых занятий и иметь свободное от службы личное время. И ещё одна интересная деталь: с 1-го января 1902 года он избран кандидатом в члены суда общества офицеров.

В этой неторопливой и не очень обременительной службе проходят три года, за которые Плетнёв сумел приобрести в Ташкентском уезде 20 десятин земли (это немногим более 20 гектар), которые будут приносить по 300 рублей дохода в год. Это важно. Дело в том, что для женитьбы офицер должен был достигнуть полных 23 лет, а также иметь «реверс», приносящий не менее 300 рублей в год, обеспечи-

вающий содержание будущей семьи. Очевидно, что в планах Плетнёва не только будущий брак, но и продолжение обучения, как единственный способ вернуться в европейскую часть страны.

Тем временем мир вошёл в XX век...

1 августа 1901 года последовал Высочайший приказ о производстве Владимира Плетнёва в поручики, после чего он получил законное право выйти в отставку. Ему уже почти 24 года. Но отставка не входит в его планы, ибо он готовится к продолжению образования в академии. Каждый претендент, подавший соответствующий рапорт, предварительно подвергался экзамену в своей воинской части, о чём вспоминает, поручик Плетнёв:

Когда пишуший эти строки впервые, много лет назад, встретился в Туркестане с подполковником Корниловым, в вопросах, заданных экзаменатором, красной нитью проходили полосы великих народных движений, героических проявлений цельных характеров, неумолимой логикой судеб призванных к жизни наций.

Я и сам любил историю, страстно и много ею занимался, и тогда на экзамене впервые испытал обаяние светлой личности моего учителя, сохранив навсегда о нем радостную память.¹

В этих словах как бы приоткрывается то, чем жил Плетнёв во время службы в Туркестане.

Наступает лето 1902-го года. Выбор сделан, все должности сданы. Отметим, что и в этом случае он осознанно выбирает не Николаевскую Академию Генерального штаба, а иную.

Согласно предписанию штаба 1-го Туркестанского Корпуса от 13 июня 1902 за №3448 командирован в г. Санкт-Петербург для поступления в Александровскую Военно-Юридическую Академию 1902 июля 26.

По выдержании приёмного экзамена зачислен в Александровскую Военно-Юридическую Академию штатным слушателем 1902 сентября 16.²

В мае-июне он покидает Ташкент, и вскоре состоялось таинство венчания Владимира Плетнёва и Евгении Даниель. Вероятно, это было в Орле, но мы этого точно не знаем. Вполне возможно, что шафером на свадьбе был однокашник и брат невесты, поручик Владимир Даниель. Невеста была почти на год старше жениха. Её отец, дворянин, коллежский асессор, Василий Иванович, по образованию лесничий, служил управляющим частными лесами графа В.В. Апраксина, что раскинулись в Орловской губернии. А мама, дочь титулярного советника Гиндербурга,

1 Корнилов. С. 7.

2 Послужной список.

Сабина Самуиловна, лютеранского вероисповедания, родила в течение двадцати лет тринадцать детей.¹

Через какое-то время после свадьбы молодой муж покидает свою жену и мчится в столицу для сдачи приёмных экзаменов в Академии.

Надо сказать, что двухгодичный курс наук в Академии был весьма основательным: уголовное, гражданское, государственное и военно-уголовное право, уголовное и военное судопроизводство, военно-административные законы (эти 7 предметов считались главными) и плюс еще 12 вспомогательных дисциплин, включая французский и немецкий языки. В старшем классе проводились практические занятия по военному судопроизводству. Каждый из офицеров к концу курса должен был представить письменную работу на заданную тему по одному из главных предметов.

С середины сентября Владимир становится слушателем Академии. Семья обосновывается в столице; они нанимают квартиру в Петербургской части города. Своего первенца Евгения Васильевна уедет рожать к маме, в деревню Лихачёвка.² Мальчика назвали старинным именем Ростислав.

За два года обучения Владимир Дмитриевич Плетнёв:

Произведён в штабс-капитаны 1904 октября 1.

По окончании полного курса наук в Александровской Военно-Юридической Академии по первому разряду удостоен 2-й премии имени статс-секретаря Философова в размере восьмидесяти шести руб.

За отличные успехи в науках произведён в капитаны 1905 мая 28.

Отчислен от Академии в распоряжение Главного Военно-Судного Управления 1905 июня 3.³

Капитана Плетнёва прикомандировывают к прокурорскому надзору Одесского военно-окружного суда для практического ознакомления с военно-судебной частью. Однако, Владимир Дмитриевич в Одессу не поехал.

Почему?

Здесь нам придётся вспомнить, каким был 1905-й год в истории Российской Империи. Ещё с прошлого года тянулась на Дальнем Востоке война с японцами: в феврале 905-го русская армия потерпела поражение под Мукденом, а в мае в Цусимском проливе японцы уничтожили русскую эскадру. Общие потери превысили 100 тысяч человек. Слушатели военной Академии, и Плетнёв в их числе, не могли

1 РГИА, ф. 1343, оп. 20, д. 276. О дворянстве Даниель.

2 В личной карточке, заполненной Ростиславом Плетнёвым в 1921 г. в Белграде, он указал местом своего рождения г. Харьков.

3 Послужной список.

не понимать, что война позорно проиграна, и легенда о непобедимости русской армии разлетелась в прах.

Сам 1905-й год начался с 9 января, с «Кровавого воскресенья», в Петербурге. Весьма вероятно, что Плетнёв находился в тот день в столице, (хотя фактически занятия в Академии уже завершились), но даже если он и не был прямым свидетелем, расстрел двух тысяч человек на улицах, мостах и площадях столицы, должен был потрясти его. Два главных, ещё с XIX века, русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?» требовали ответа. Несомненно, что именно в годы обучения в Академии и пребывания в Петербурге сформировались политические взгляды и пристрастия Владимира Дмитриевича.

А вал бурных событий первой русской революции всё нарастал. Февраль-март – время массовых демонстраций и забастовок по всей Империи, а 14 июня грянуло восстание на броненосце Черноморского флота «Князь Потёмкин-Таврический», совпавшее с продолжавшимися беспорядками в Одессе. Именно в июне Плетнёву пришлось искать свой ответ на вопрос «Что делать?» Это был переломный момент в его жизни. Он не хочет ехать в Одессу. О причинах такого решения мы можем только догадываться. Воспользуемся словом «осмотрительный человек», который, вероятно, предвидел будущие процессы над участниками беспорядков и не пожелал принимать в них участия. Но, скорее всего, Владимир Дмитриевич ещё в Академии решил вообще не связывать свою судьбу с военным судопроизводством. Он выбрал для себя карьеру преподавателя и научного деятеля. Воспользовавшись правом выпускника Академии по 1-му разряду на преподавание законовещения в военных училищах, не прибывая в Одесский военно-окружной суд, с разрешения прокурора, Плетнёв отправляется в Чугуевское «окружное» юнкерское училище, готовившее офицеров пехоты из нижних чинов полков Киевского военного округа.

Прибыл в училище 1905 июля 28.

Приказом войскам Киевского Военного Округа за №359 прикомандирован к Чугуевскому пехотному юнкерскому училищу на должность преподавателя 1905 октября 13.¹

Евгения Васильевна, ожидавшая второго ребёнка, находилась этим летом у матери на Полтавщине. В августе родился мальчик, крещённый тоже старинным именем Игорь.

Итак, после Туркестана и Петербурга, – Чугуев.² Заштатный городок в Змиевском уезде Харьковской губернии, в прошлом центр аракчеевских военных по-

1 Послужной список.

2 Сведения о Чугуевском училище авторам любезно предоставил журналист и военный историк А.В. Левченко, живущий именно в Чугуеве.

селений, застроенный одноэтажными каменными домами о трёх окнах на улицу и с треугольным фронтоном, одинаковыми до такой степени, что, как шутил родившийся здесь И.Е. Репин, даже голуби часто ошибались двором. Удобное, даже, скажем, красивое здание училища раскинулось покоем на древнем живописном Чугуевском городище. Городское население (около 15.000 человек) в основном состояло из потомков военных поселян, то есть крестьян, одетых в военную форму. В Чугуеве стоял довольно большой гарнизон, что фактически и определяло всю жизнь городка. «Чугуны», как прозвали юнкеров-чугуевцев, славились своей строевой подготовкой и замечательными хорами на весь военный округ. При этом в училище был довольно сильны украинские, «самостийнические» взгляды среди юнкеров и преподавателей. С этим Владимир Дмитриевич столкнётся впервые; много позже он откликнется на «украинский вопрос», остро стоявший в среде эмиграции, большой статьёй. (Отметим, что некоторые из его учеников, как, например, Н.Е. Шаповалов, станут впоследствии выдающимися украинскими деятелями).

Здесь, в крохотном Чугуеве, со встречи с молодым поколением, начнётся самостоятельная жизнь 28-летнего капитана Плетнёва, здесь завязка всей его дальнейшей судьбы, всех его побед и поражений.

В конце августа, на приёмных экзаменах, он познакомился с будущими коллегами – офицерским составом училища. Надо сказать, что с начала 1900-х годов юнкерские училища находились в процессе преобразования: если ранее училища выпускали юнкеров в армию подпрапорщиками, то теперь они начинали готовить офицеров-подпоручиков. Первый «офицерский» выпуск в Чугуеве состоялся в 1904 году. С получением нового статуса изменились учебные программы, появилась своя форма, пополнился преподавательский состав. Офицеры в училище делились на штатных «строевых» и преподавателей. Первые командовали и обучали военным наукам и строю, вторые – предметам. Важно и то, что как раз к моменту появления в Чугуеве Плетнёва начал значительно меняться социальный состав юнкеров. Реформа военных училищ повысила их престиж и открыла туда дорогу выпускникам гимназий, реальных училищ и «проблемным» студентам, поток которых усилился как раз в 1905 году в связи с закрытием из-за революционных событий университетов. Однако все эти изменения не могли, конечно, существенно и быстро изменить мрачную, невежественную атмосферу, царившую в училищах.

Плетнёву предстояло вести в старших классах курс «Законоведения» и – вот неожиданность! – русский язык (и литературу) и историю. Лекций у него было не так уж и много, но каждая требовала тщательной подготовки. Учебных пособий для этого ему оказалось недостаточно, однако в двух часах езды по железной дороге находился губернский Харьков, куда он и стал наезжать за книгами.

Тем временем, всё лето и осень беспорядки в России только нарастали.

Сохранились воспоминания об этом времени портупей-юнкера Чугуевского училища Петра Борковского, выпуска 1906 года, то есть ученика Владимира Дмитриевича:¹

Начались аграрные беспорядки. Повсюду вокруг Чугуева зарево пожаров. В Чугуев бегут, спасаясь, семьи разоренных помещиков. Почта, телеграф и железные дороги бастуют. Чугуев отрезан от всего мира. В Харькове, на паровозостроительном заводе образовался комитет: «Революционная власть Юга России». В Чугуев оттуда прислано предложение Училищу присоединиться к революции, обещая произвести в офицеры ВСЕХ юнкеров, грозя в противном случае взорвать его и истребить всех в нём находящихся... Днем здание Училища охраняется служителями под наблюдением дежурного офицера, а ночью – юнкерами. Дежурная рота спит одетой. Почту охраняют по очереди взвод юнкеров и ингерманландцы.² От них же по ночам ходит по городу дозор. Словом – все спокойно... Откуда-то доносятся слухи, что в Москве и Петрограде³ вся власть в руках революционеров...

В октябре в Одессе (!) случился крупный еврейский погром, а страну потрясла всеобщая стачка, в которой участвовало более двух миллионов человек. И, хотя эта мощная, невиданная до сей поры акция, не была поддержана уставшим от беспорядков населением, она вынудила правительство и Императора пойти на уступки.

17 октября 1905 года был опубликован Императорский Манифест, существенно изменивший жизнь России. Вкупе с Манифестом от 6 августа, учреждавшим Государственную Думу, новый документ юридически оформил Россию как конституционную монархию. «Мы, Николай Второй...» даровал своим подданным политические права и свободы: свободу совести, свободу слова, свободу собраний, свободу союзов и неприкосновенность личности.

Из воспоминаний П. Борковского:

18 октября, рано утром, вбегает в Училище Кап. Плетнев, весь сияет от радости... Целует встречных юнкеров и поздравляет с радостной вестью – дарованием конституции. «Теперь наша Родина – Россия – во единении Царя с лучшими людьми народа – Государственной Думой, пойдет крупными шагами вперед к величию и

1 Взлет и падение. Смутное время. 1904-1905 года. Машинопись. Коллекция А.В. Левченко. Автор П.А. Борковский, полковник, участник Великой войны и Белого движения. В эмиграции в КСХС-Югославии, позднее во Франции. Воспоминания написаны в старческом доме в Каннах (Франция).

2 В Чугуеве был расквартирован 30-й драгунский Ингерманландский полк.

3 Ошибка автора. В 1905 году – Петербург.

славе. Анархии – конец». Остальные офицеры Училища все задумчивы, косятся на Плетнева. Молчат и юнкера – на душе какая-то вопрошительная тяжелая грусть.

Новый педагог поставил перед коллегами «странный» вопрос: «Кого мы выделяем из наших юнкеров? Граждан и культурных людей, будучи каковыми они станут прекрасными офицерами, или усердных служак, осведомлённых лишь в узко профессиональных вопросах?». Для самого Владимира Дмитриевича проблема воспитания личности, гражданина, станет главной на всем его педагогическом пути. Это было ново, как для офицеров училища, так и для самих юнкеров, и довольно скоро о капитане Плетнёве составилось мнение, как о человеке талантливым, но «левом» или даже «розовом».

Из воспоминаний П. Борковского:

Капитан Плетнев, военный юрист, <...> прекрасный оратор, на своих лекциях законовведения и литературы объединял эти два предмета. Приводя примеры, он утверждал о влиянии общественного мнения – литературы – на прогресс Закона и обратно – о влиянии Закона на общественное мнение – литературу. Это развивало юнкеров, но и порождало заинтересованность в политике. Капитан Плетнев говорил: «Государственная власть должна понимать и сознать Идею своего Государства и соблюдать интересы народа. <...> Самое худшее, когда власть, идя впереди народа, задерживает народный прогресс – развитие жизни народа, тогда она уподобляется плотине, сдерживающей течение реки. Как бы ни была крепка плотина, но в конце концов, при бешеном напоре воды, она будет прорвана. Это – народная революция, с большими жертвами, разрушениями и неизвестными последствиями».

Помимо лекций в обязанности Плетнёва входили ещё и так называемые «репетиции» (до 60 в учебном году), то есть подготовка к контрольным работам, написание и проверка сочинений и т. п. Репетиции эти часто заканчивались по просьбе слушателей беседами на разнообразные жизненные темы. Многие юнкера полюбили своего темпераментного преподавателя, приучавшего их к самостоятельному мышлению, к ответственности за свои действия, со всем пылом беззаветной юности. Владимир Дмитриевич начал читать для старшего курса приватные лекции по истории государственного устройства: «Постепенное политическое развитие верховной политической власти». Юнкера, в свободное от основных занятий время собирались на квартире у Плетнёва или у «строевого» офицера, полковника Г.Г. Добровольского, любимца юнкеров по прозвищу Гри-Гри.¹ Услышанное ими было столь необычно, что породило горячие споры в молодой юнкерской среде. Через

1 Полковник Григорий Григорьевич Добровольский окажется в эмиграции в КСХС-Югославии. Один из создателей Объединения бывших чугуевцев.

25 лет эти лекции станут основой подобного же курса, который директор 1-й русско-сербской гимназии будет читать своим ученикам уже в Белграде.

Из воспоминаний подполковника А.И. Линицкого¹, преподававшего в те же годы военную историю и тактику:

Преподаватель Законоведения Плетнев... добродушный, по-видимому, хороший человек, но по духу, по своим взглядам совершенно не соответствовал своему назначению преподавателя военного училища. Сам лично, по своим взглядам, он причислял себя к «кадетской» партии, но в действительности, по-моему, был значительно левее, близок к социалистам. Под его влиянием стала проникать в училище «левизна» и в конце концов училище (юнкера) разделилось на две партии: «левых», как бы под негласным возглавлением Плетнева, и «правых», сочувствующих мне, по мнению Плетнева, самому «правому», чуть ли не близкому к Союзу Русского народа. Этот нехороший дух в училище был, по-моему, вплоть до ухода из него Плетнева.²

Трудно поверить в слова генерала о подобном глубоком «расколе» в училище. Строгое начальство этого просто не допустило бы. При огромной занятости юнкеров, «подрывные» частные лекции Плетнёва могли слушать едва ли десятка полтора человек. Давняя личная неприязнь генерала к Плетнёву? Возможно, да, но учтём и то, что «народная революция» всё-таки случилась, красные, увы, победили, и они оба оказались в эмиграции в одном и том же городе. Судьбы!

Владимир Дмитриевич обучает юнкеров и, одновременно, начинает готовить свою первую научную работу. Он часто наведывается в Харьковский университет, где на юридическом факультете в это время преподавал доктор уголовного права Михаил Павлович Чубинский, сын известного малороссийского этнографа и автора текста современного государственного гимна Украины. Профессор был старше Плетнёва на 7 лет. Они познакомились, не предполагая, конечно, что связывают свои судьбы на многие годы. Чубинский вёл активную политическую и общественную жизнь, возглавляя Харьковское бюро «Партии народной свободы» (Конституционно-демократическая партия, «кадеты»). Несомненно, что, помимо профессиональных разговоров, между ними имели место и долгие политические беседы, на которые их толкало само время.

Но уже в следующем, 1906 году, Чубинский уезжает из Харькова в Ярославль, где становится директором Демидовского юридического лицея. Вскоре он

1 Александр Иванович Линицкий (1871 – после 1935, Югославия). Генерал-майор. Участник Великой войны и Белого движения. В эмиграции в КСХС-Югославии.

2 ГА РФ. ф. Р-6797. Оп. 1. Объединение бывших юнкеров и офицеров Чугуевского военного училища. Белград. 1921-1941. Дело 42. Воспоминания генерала А.И. Линицкого, 1935 г. Л. л. 5 – 6 об.

переезжает в Петербург, где помимо университетского курса, преподаёт еще и в Военно-юридической Академии.

В отличие от «свободного» профессора Чубинского у военнотружущего Плетнёва карьерные возможности весьма ограничены. Тем не менее, даровитый капитан вовсе не собирался «застреть» навсегда в провинции. Уже весной 1908 года он представляет в свою *alma mater*, Александровскую академию, где у него оставалось немало добрых знакомых, магистерскую диссертацию «Основные принципы военно-уголовного процесса в связи с главными основаниями общего». Представленный текст получает одобрение профессуры Академии.

Из писем одного из главных «болельщиков» Плетнёва, Л. Пуликовского:

Друцкого я по поводу Вашей работы интервьюировал. Привожу по возможности дословно его отзыв. «Работа Плетнева блестяща по внутреннему содержанию; это сверх эрудиция и можно только удивляться, как человек этот, еще молодой, столько уже читал, столько знает». <...> «Работа Плетнева, повторил еще раз Друцкой, чисто научное глубокое произведение и особенно подкупает это одна идея, проходящая красной нитью через все сочинение – что то или иное состояние процесса в государстве **зависит от положения личности в нем**» (выделено авт). <...>

Сейчас же Вы должны будете труд свой напечатать, а осенью состоится защита (после напечатания). Мне кажется, что после моей телеграммы Вам необходимо приехать самому, чтобы выговорить себе более раннюю защиту с тем, чтобы осенью же Вам приступить к чтению лекций; для ускорения летом можете разослать печатные экземпляры всем официальным оппонентам. Ну, я за Вас рад от души, рад и за академию.¹

Вопрос о переводе в Академию на профессорскую должность был фактически решён в мае 1908 года. Осенью Владимир Дмитриевич с блеском защитил диссертацию и получил официальное приглашение занять должность экстраординарного профессора по кафедре военно-уголовного судопроизводства в Академии. Ему всего лишь 31 год.

1 РГИА. ф. 1102 оп. 3 д. 133. Документы разных лиц, изъяты из сейфов частных банков и кредитных обществ, находившихся в Петрограде (коллекция). Плетнев Владимир Дмитриевич, профессор. Письма бывших воспитанников Чугуевского юнкерского училища А.Г. Коптева, Н. Репина, Н.Е. Шаповалова и других своему преподавателю В.Д. Плетневу личного характера; фотография юнкера Давыдова. Л. л. 61-64.

Друцкой С.А. (1870 – после 1922, СССР). Князь. Генерал-майор. В 1908 г. экстраординарный профессор Академии. Личность юриста Л. Пуликовского авторам установить не удалось. В 1908 г. он служил столоначальником в Главном военно-судебном управлении.

Пришел момент расставания с юнкерами и коллегами в Чугуеве. Свою прощальную речь Владимир Дмитриевич закончил словами: «Помните, господа, один в поле – воин!».

ВЫСОЧАЙШИМ приказом пожалован орден Св. Станислава 3-й ст. 1908 декабря 6.¹
ВЫСОЧАЙШИМ приказом назначен экстраординарным профессором Александровской Военно-Юридической Академии с переводом в военно-судебное ведомство 1909 января 20.

Прибыл в Академию 1909 января 31.

Произведён <...> в подполковники 1909 марта 29.²

В Академии подполковник Плетнев занял ставшую привычной должность заведующего библиотекой (с октября 1910 г. по декабрь 1912 г.). Это совмещение должностей несомненно показывает, сколь остро он нуждался в дополнительном заработке, ибо жизнь семьи из четырёх человек в столичном Петербурге совсем иная, чем в оставленном им малороссийском Чугуеве. Но зато, если ты молод, талантлив и обладаешь характером, то служба в столице открывает перед тобой прекрасные возможности.

Владимир Дмитриевич быстро и органично вращается в динамичную петербургскую жизнь. Он возглавляет «Общество разумных развлечений служащих торговых предприятий», входит в редакцию газеты «Петербургский курьер». Восстановлены и близкие отношения с М. П. Чубинским, который не раз бывал у молодого коллеги дома. В 1910 году выходит в свет второй научный труд Плетнёва: «Из курса лекций по военно-уголовному процессу».

Через два года после переезда в Петербург Владимир Дмитриевич приглашён приват-доцентом кафедры уголовного права и судопроизводства юридического факультета Императорского университета. В числе иных, представленных в ректорат документов, была и копия «Послужного списка», последняя строка в котором гласит:

В службе сего штаб-офицера не было обстоятельств, лишивших его права на получение знака отличия беспорочной службы или отягчающих срок выслуги к сему знаку.³

Все эти годы бывшие юнкера, а ныне подпоручики, пишут своему профессору, обращаясь за советом и помощью. В своих письмах многие просят передать привет супруге, Евгении Васильевне, и старшему сыну, Ростиславу. Уезжая из Петрограда в 1919 году, Владимир Дмитриевич часть этих писем не уничтожил, а положил в сейф на хранение.

1 Послужной список.

2 Там же.

3 Там же.

Как трудно, как почти невозможно человеку поверить, что жизнь сломана и уезжаешь навсегда!

Мы приведем лишь два письма из двух десятков сохранившихся. Они связаны одной судьбой.

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Мы глубоко тронуты Вашим пожеланием. Каждый из нас не может выразить словами искренней признательности к Вам и благодарность так, как может благодарить человек, получивший при Вашей помощи ясное понятие о цели нашей жизни.

От лица всех своих товарищей шлю Вам искреннее пожелание жить много лет для пользы и блага общественного.

С искренним к Вам уважением,

П. Пархоменко. 23 ноября 1907 г. Чугуев.¹

Великий Учитель!

Обращаюсь к Вам с огромной просьбой не как к профессору, а человеку, помогите, спасите Вы душу человека, Вашего ученика.

У меня брат, любимый и добрый брат, он был юнкером в Чугуеве – Пархоменко.

Из его слов и дневника я знаю, что он поставил себе целью следовать Вашему учению, попал в среду офицеров, на каждом шагу отступающих от истины, он попал под их влияние, сознает свои ошибки, но слаб и не в силах бороться со злом. Помогите Вы! Я так уверенно пишу Вам, уважаемый учитель, даже забываю, кто Вы, а пишу, как другу, я знаю Вас и Ваше учение, Вы спасете его.

Пожалуйста (простите, что осмеливаюсь Вас просить), умоляю Вас, напишите ему, верните его на путь истины и правды. Я Вам уже теперь благодарна, а как потом еще больше буду благодарить. Я так уверена, что Вы его спасете, всегда, когда он вспоминает Вас, у него новый прилив энергии для борьбы со злом.

Пожалуйста, не упоминайте обо мне.

Его адрес:

Пенза, Изборский полк подпоручику Павлу Тимофеевичу Пархоменко

Простите мне за смелость писать Вам, но в отчаянии решилась. Я не жалуюсь Вам на него, я прошу помощи.

С глубоким уважением и почтением

Его сестра

Г. Рига

7. VIII. 1911 г.²

1 РГИА. ф. 1102, оп. 3, д. 133. Л. 1. Павел Пархоменко происходил из крестьян. Окончил училище в 1908 году, первым по баллам в выпуске. Фельдфебель.

2 Там же. Л. л. 54-55. П. Т. Пархоменко окончил Николаевскую Академию Генерального штаба (1914, 2 кл.). Доблестно воевал в Великую войну. Участник Белого движения. В эмиграции в Югославии (!). Вывезен или вернулся (?) в СССР. Арестован НКВД в 1947 г., осужден на 10 лет лишения свободы.

Надо полагать, что Владимир Дмитриевич не замедлил с письмом в Пензу. Как раз в это время он готовил вступительную лекцию в университете по объявленному курсу «Военно-уголовное судоустройство и судопроизводство». Он прочтёт её на юридическом факультете дважды: в 11 часов утра во вторник 20 сентября 1911 года и в субботу 24 сентября в 11 часов утра. Однако, в свидетельстве, поданном позднее в государственное казначейство, указано, что за чтение лекций в университете он «содержания от казны» не получает.

В 1910 г. подполковник Плетнёв имеет следующее годовое содержание:

Вознаграждение за преподавание 750 руб. Добавочных 405 руб. Квартирных 780 руб. Жалования по чину 1080 руб. За заведывание библиотекой 500 руб. Итого 3515 руб.¹

Для жизни в столице это совсем немного. Семья Плетнёвых снимает квартиру по адресу Б. Гребецкая д. 47 кв. 9. Название улицы говорит о тех, кто бытовал здесь ещё в Петровские времена. Это Петербургская сторона столицы, место, где всегда жило купечество и средней руки чиновничество.

В мае 1912 года В.Д. Плетнёв сдал экзамен на степень магистра уголовного права при юридическом факультете Харьковского (!) университета.

Логичен его следующий шаг – увольнение от военной службы «по болезни». 24 ноября 1912 года подполковник В.Д. Плетнёв прошёл медицинское освидетельствование комиссией при Петербургском Николаевском военном госпитале.

... комиссия пришла к заключению, что экстраординарный профессор Александровской военно-юридической академии, подполковник Плетнев страдает тяжелой формой истеро-неврастении и судорожным тиком, с понижением общего питания, почему комиссия полагает, что вышеназванный штаб-офицер по совершенно расстроенному на службе здоровью, продолжать военную службу не может и подлежит увольнению в отставку, а по увольнении от службы в отставку он имеет право на получение пенсии из Государственного казначейства, согласно пун. 3 ст. 9 Устава о пенсиях, объявленного при приказе по Военному Ведомству 1912 года за № 400.²

23 февраля 1913 года Владимир Дмитриевич вышел в отставку в звании полковника. Ему недавно исполнилось 35 лет. Он продолжает много и увлечённо работать, что позволяет нам несколько усомниться в тяжком приговоре военных врачей. Помимо преподавания в Академии и в Университете, он читает лекции на Санкт-Петербургских политехнических курсах товарищества профессоров и пре-

1 Послужной список.

2 РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 6996. Лист 5 об. Указано А.В. Левченко (Чугуев).

подавателей (с 1913 г.), в Техническом училище артиллерийского ведомства, ведёт курс «Уголовное судоустройство и судопроизводство» (1913 – 1916) на Высших женских (Бестужевских) курсах, где читает свой курс и М.П. Чубинский. Служит присяжным поверенным округа Санкт-Петербургской судебной палаты.

Да, надо было зарабатывать, поскольку, видимо, денег постоянно не хватало: мальчики растут, скоро старшему уже в гимназию. Сохранилась справка от 1914 года о выдаче приват-доценту В. Плетнёву 100 руб. за ведение практических занятий и чтение лекций в текущем полугодии из специальных средств Университета.¹

В 1912 году видные российские ученые преобразовали основанный тремя годами раньше «Славянский комитет» в «Славянское общество научного единения». Среди учредителей Общества академики: знаменитый психиатр В.М. Бехтерев (Председатель) и филолог А.А. Шахматов, профессор Белградского университета Р.И. Кошутич, членами Общества стали известные либеральные деятели и профессора-слависты. Вошел в Общество и профессор М.П. Чубинский. Душан Семиз, секретарь Общества, позднее писал:

... требовалось доказать представителям прогрессивной общественной мысли, что объединение балканских народов и самостоятельное, своими силами освобождение от многовекового владычества Турции – в этом есть задача и интерес России...²

Владимир Дмитриевич присутствовал на собраниях этого Общества, но будучи тогда военнотружущим, не мог ни войти в его состав, ни принимать открыто участие в его деятельности.

В связи с начавшейся на Балканах войной члены Общества 14 октября 1912 года обратились со специальным воззванием к российской общественности, ставшим известным во всей стране, и развернули широкую кампанию по поддержке славянских народов и сбору средств в пользу их воюющих армий.

Министерство внутренних дел не оставило без внимания эту «странную» активность учёных и предупредило их словами «Ваше дело заниматься наукой, а не политикой». Этот «окрик», естественно, профессора проигнорировали. Помимо публичных лекций по «балканскому вопросу» учёные организовали благотворительный концерт в пользу семейств раненых и погибших, а 12 декабря состоялось массовое мероприятие «День славянских флагов», в котором приняли участие все слои российского общества. Были собраны значительные средства, отправленные в Сербию.

1 ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10476.

2 Semiz D. Pred zoru velikih dana // Nova Evropa. Zagreb, 1929.Br. 8. S. 218.

В следующем 1913 году, будучи уже человеком штатским, Владимир Дмитриевич написал статью «Официальное решение балканской задачи», в которой выступил весьма эмоционально:

Четыре месяца кровь лилась, силы истощались, люди падали, а Европа молчала и бездействовала. Наконец беспримерные жертвы и усилия стали близки к осуществлению. Из-за гор трупов, из рек крови, из моря слез выступило светлое лицо близкого замирения и успеха. Тогда Европа в кавычках сказала – стой! Стой, потому что в Скутари¹ находится албанский народ, имеющий право на самобытность, и мы обязаны его отстоять. Но отчего же эта обязанность 4 месяца висела на чреслах Европы и только теперь упала на головы черногорцев?

Итак, мир во что бы то ни стало осуществлен, славянский союз получил вооруженный плацдарм Австрии у себя в тылу, Сербия исходный пункт экономического порабощения в своем сердце, ибо таково значение Скутари как стратегического ключа к южной Сербии, как экономического тарана австрийских влияний. Прочен ли, однако, этот мир?²

Пройдёт немногим более года и в августе 1914-го Европа получит чудовищный ответ на этот вопрос в виде многолетнего кошмара Первой мировой войны.

Но не только балканские проблемы занимают Владимира Дмитриевича Плетнёва, ставшего к этому времени учёным секретарем Общества.

В марте 1914 года он предпринимает большую поездку на Кавказ.

А.А. Закарян в статье «В.Д. Плетнёв об армянском вопросе. Накануне Первой мировой войны» пишет:

Пресса извещала, что он уже выехал из Петербурга и прибудет «прямо в Тифлис», прочтёт лекции здесь, в Ереване, Александрополе, Батуми и Баку. Во время пребывания в Тифлисе В. Плетнёв общается с широким кругом армянской общественности. Так, 20 марта он присутствовал на очередном 33-м вечере Кавказского общества армянских писателей. Вечер открыл Ов. Туманян и приветствовал его. Лекция В. Плетнёва на тему «Армянский вопрос и Европа» состоялась 25 марта в Тифлисе в казённом театре. До этого, 22 марта, В. Плетнёв прочёл лекцию в Ереване, 23 марта в Александрополе. Сообщения прессы свидетельствуют, что он был одним из лучших знатоков Армянского вопроса и сторонником его кардинального решения – полного претворения в жизнь требований 61-й статьи Берлинского договора 1878 года. <...>

1 Скутари (Скадар по-сербски), ныне г. Шкодер в Албании.

2 Интересы на Балканах и правительственное сообщение. Группа прогрессивных общественных деятелей. Статьи А.Н. Брянчанинова, В.Д. Плетнёва, Д.И. Семиза и проф. М.П. Чубинского. С.-Петербург: Типография «Виктория», 1913.– 40 с.

В. Плетнёв своими лекциями пытается донести Армянский вопрос до народа России и представить русскому общественному мнению неопровержимую истину, политическую аксиому – решение этого вопроса полностью соответствует интересам России. Сообщается также, что этот доклад он прочтёт 27 марта в Батуми, 29 марта – в Баку. <...>

Только безотлагательное проведение коренных реформ [в Турции] может окончательно спасти армян Малой Азии от полного уничтожения. <...>

Докладчик заключает, что русский народ должен протянуть руку помощи страдающим армянам. Погибает талантливый народ: «... пусть Россия, весь русский народ, во имя общечеловеческой культуры, во имя совести спасёт гибнущий народ. <...>

По сведениям печати, лекция продолжалась около четырёх часов. Переполненный театральный зал награждает В. Плетнёва продолжительными, бурными аплодисментами. ¹

С началом «Великой», как назовут её позднее, войны полковник Плетнёв призван в действующую армию и командирован на Кавказский фронт, где возглавляет штаб отдельной бригады; его знания и тонкое понимание межнациональных отношений на Кавказе здесь было особенно полезно.

Наступил роковой для Российской Империи 1917-й год! В отчаянные февральско-мартовские дни Владимир Дмитриевич в Петрограде. Отречение Государя и Февральскую революцию он принял с удовлетворением. Однако, как вспоминает его сын Ростислав, и сам Плетнёв, и Лавр Георгиевич Корнилов, бывавший у него в доме, считали, что любое потрясение государственных основ в то время, когда страна ведёт тяжелейшую войну, может иметь губительные последствия. ²

Владимир Дмитриевич со свойственной ему страстью включается в «работу». В марте-апреле фамилия Плетнёва не сходит со страниц столичной прессы. Журналисты даже придумали словечко «плетнёвцы», имея в виду членов некоего надпартийного союза «Родина и народная армия». (Именно так, всего через четыре года, станут называть себя учащиеся его белградской гимназии).

На выступлениях в полках петроградского гарнизона, на митингах и в своих лекциях он призывает оказывать всемерную поддержку Временному правительству как единственному органу государственной власти и, чувствуя создающееся двоевластие, резко выступает против действий Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Плетнёв агитирует за войну до победного конца и против введения 8-часового рабочего дня. Он сближается с военным министром А.И.

1 <http://hpj.asj-oa.am/5929/1/2014-1%2822%29.pdf>

2 См. воспоминания сына Ростислава в блоге Е. Соколова <https://esokoloff.wordpress.com/2014/07/30/rostislav-pletnev/>

Гучковым, входит в состав редакции министерской газеты «Русский инвалид». ¹ Однако, в мае Гучков уходит в отставку, а фамилия профессора Плетнёва исчезает со страниц газет.

Несомненно, Владимир Дмитриевич с радостью воспринял назначение генерала Корнилова Верховным Главнокомандующим русской армией (19.07.1917), однако, авторы не имеют никаких сведений о деятельности Плетнёва летом-осенью 1917 года вплоть до большевистского переворота 25-го октября. Известно лишь то, что именно в это время им была написана упоминавшаяся нами выше брошюра «Первый народный главнокомандующий, генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов».

Жена Владимира Дмитриевича, как обычно, уехала на лето вместе с сыновьями в Лихачёвку, в имение матери. (Возможно, с окончанием занятий в университете отец присоединился к ним). Но вернулась она лишь с Игорем – старший сын решил остаться на Полтавщине. Весь следующий год В.Д. Плетнёв, преподаватель, а затем, с 1919-го, профессор факультета общих наук (ФОН) Петроградского университета под самыми разными предлогами пытается вырваться из столицы. Он получает на руки несколько удостоверений о командировании «с научными целями» в Архангельскую губернию, в Туркестан, пропуск для поездок в Москву, но всё тщетно – семья Плетнёвых так никуда и не смогла выехать из голодающего Петрограда, в котором продукты уже не покупались, а «получались».

На бланке Ректора Университета.

4 декабря 1918 г. № 3386.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего преподаватель 1-го Петроградского Университета Владимир Дмитриевич Плетнёв согласно Декрета о мерах по улучшению положения ученых, опубликованного в «Северной Коммуне», 27 Октября с. г. №141 **имеет право на получение продуктов по 1-й категории.** ²

Только 18 февраля 1919 года Владимир Дмитриевич получает новую паспортную книжку и необходимый документ для выезда:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие профессору Первого Петроградского Университета Владимиру Дмитриевичу Плетневу, родившемуся 25-го сентября 1871 года, жительствовавшему в городе Петрограде, при нём жена Евгения Васильевна

1 Материалы о деятельности В.Д. Плетнёва весной 1917 года авторам предоставил петербургский историк К. А. Тарасов.

2 ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10476.

и сыновья Ростислав и Игорь для свободного проживания во всех городах Российской Социалистической Федеративной Советской Республике сроком на один год.¹

О том, каким образом Плетнёвым удалось пробраться сквозь воюющую страну на Юг, в расположение белых войск, теперь не расскажет никто. Но можно представить себе это путешествие по воспоминаниям людей, проделавших подобную «одиссею» в том же 1919 году. Они заедут в Лихачёвку, но уже не застанут там Ростислава, который вместе с дядей, Владимиром Даниелем – однокашником Плетнёва по Александровскому училищу, – уже воюет в Добровольческой армии.² Накануне нового 1920 года беглецы благополучно добираются до Новороссийска. Владимиру Дмитриевичу уже 42 года.

28-го февраля 1920 года все трое были эвакуированы из Новороссийска в Константинополь. Далее по непонятным причинам их пути разошлись: Евгения Васильевна с сыном некоторое время пробудет в лагере на о. Антигона, а Владимир Дмитриевич отправится прямо в Королевство СХС и 3-го апреля будет зарегистрирован в г. Парачин.³ Вскоре его выберут старостой русской колонии в этом городе. В мае жена и сын приедут в Белград.

В эмиграции

Русско-сербская гимназия в Белграде – главное детище жизни Владимира Дмитриевича Плетнёва. Первые годы его жизни в изгнании – это, в основном, труды и труды по становлению и развитию гимназии, несомненно, лучшего эмигрантского учебного заведения в КСХС-Югославии, и это самый важный итог его пребывания на чужбине. Как неожиданно пригодился Владимиру Дмитриевичу его не столь уж давний опыт преподавания в Чугуевском училище и в Петербургском университете!

Торжественный акт открытия гимназии, начавшийся молебном, состоялся 1/14 октября 1920 года. Владимир Дмитриевич был полон энтузиазма: всего за полгода своего пребывания в эмиграции ему и его соратникам удалось одолеть все препятствия и «открыть двери» в школу своей мечты. Отметим, что это было время, когда Русская армия еще вела бои в Крыму и огромная по численности волна эвакуированных с полуострова ещё не достигла берегов Дуная и Савы. Но уже тогда Плетнёв задумывался о трудном будущем, что ждёт подрастающее поко-

1 Там же.

2 См. биографию Р.В. Плетнёва в главе «Выпускники смешанной гимназии», 2-й выпуск.

3 ГА РФ, ф. Р-5942, оп. 1, д. 177, л. 64.

ление огромного русского рассеяния. Вот, что он напишет через пять лет в статье, выдержки из которой мы уже приводили.

В прежней русской школе эти вопросы гуманистическо-национального характера не были судьбоносными, поскольку сама среда человека делала национальным. Само собой разумеется, чувство национальности в старой русской школе не прививалось. <...>

В наших условиях школа обязана подготавливать ученика к максимально-му напряжению для выявления этого гуманитарно-национального потенциала, который русскому юноше даст возможность выдержать тяжёлый бой за свою национальную самобытность и подготовить к борьбе за гуманизацию народного духа в России. <...>

Насколько это необходимо России достаточно наглядно показали истекшие семь лет.

Разбирая основные положения гуманитарного плана гимназического образования за границей, следует остановиться на особом значении подготовки ученика к службе в особых условиях на русской территории. Тут необходимо подчеркнуть, что советское правительство относительно преподавания проводит ту же политику самодержавной России. <...>

Закрытие юридических факультетов, изуродование историко-филологических институтов, полное игнорирование выращенного с большим трудом аппарата торгово-экономических знаний – это дела непосредственных наследников самодержавного режима.¹

Для «Памятки» 1986 года гимназист 8-го выпуска, Иван Григорьевич Курило, написал статью, названную им «В.Д. Плетнёв»:

Имя первого директора нашей гимназии, Владимира Дмитриевича Плетнёва, тесно связано с основанием и первыми пятью-шестью годами существования гимназии. В эти годы (1920–1926), наша гимназия достигла наибольших успехов и за короткое время заняла четвертое по успехам место среди средних учебных заведений Королевства С. Х. С. – теперешней Югославии. Своими успехами гимназия и окончившие её во многом обязаны неутомимой энергии и педагогическому и организаторскому талантам В.Д. Это следует помнить не только бывшим воспитанникам гимназии, которые прошли «школу» В.Д., но и последующим выпускникам обеих наших гимназий, которые знают о Плетнёве только понаслышке. Недаром нашу гимназию называли в Белграде «плетнёвской», а окончившие её в первые 10–15 лет до сих пор с гордостью называют себя «плетнёвцами».

Начну с основания гимназии.

¹ Плетнёв Вл. Д., проф. Прва руско-српска гимназија у Београду (историјско-педагошки оглед). // Нови живот (Београд). 1925, Кн. XXIII, Бр. 3, – 27 июня 1925. С. 93.

Весной 1920 года, первая волна русской эмиграции достигла Белграда. Среди неё было много молодых людей, не успевших из-за революции и гражданской войны окончить среднюю школу в России. Тогда в В.Д. зародилась мысль дать возможность великовозрастной молодёжи и детям закончить среднее образование на родном языке и, таким образом, приобщить их к русской культуре. И он, со свойственной ему энергией, принялся за это трудное дело.

Я был свидетелем первых шагов по основанию гимназии. Помню, как однажды летом 1920 года, к нам на дачу, на Топчидерском Брду, где я жил с родителями, пришли двое мужчин: один – средних лет, небольшого роста, с бородкой, в военном, кителе; другой – постарше, в штатском костюме. Как я потом узнал, это были В.Д. Плетнёв и Пётр Иванович Рудченко, впоследствии один из преподавателей русского языка в нашей гимназии. Они пришли, чтобы уговорить моих родителей отдать меня в проектированную ими гимназию. Тогда им это не удалось, т. к. родители считали, что я не был достаточно подготовлен даже для первого класса. В гимназию я поступил в 1923 году, сразу в 4-ый класс, после домашней подготовки.

В.Д. был моим классным наставником в 4-ом и 5-ом классах. Он часто приходил на уроки и задавал ученикам вопросы, иногда не имевшие прямого отношения к предмету. Так, например, как-то на уроке в 4-ом классе он меня спросил – что я знаю о тогдашних политических событиях в Албании, о которых много писали в газетах? Делал он это для того, чтобы проверить общее развитие и интересы ученика и дать соответствующую оценку в конце учебного года.

В.Д. был сторонником строгой дисциплины. Наказания за крупные проступки были суровые. Однажды, в 4-ом классе, один из предприимчивых учеников стал продавать им самим сфабрикованные акции фиктивного предприятия. Слух об этом дошёл до директора. Наказание не заставило себя долго ждать: незадачливый зачинщик предприятия был исключён из гимназии на пару месяцев!

Тогда часто казалось, что наказание бывало несоизмеримо с проступком. Помню случай, «героем» которого я сам был в 6-ом классе. Как-то мы с отцом шли по улице, рассматривая витрины магазинов. Вдруг отец говорит: «Вот прошёл твой директор и поздоровался со мной». На следующий день, в гимназии, директор созывает общее собрание учеников. Перед учениками всех классов В.Д. рассказывает о происшедшем накануне случае со мной, как и о проступках других учеников, и тут же объявляет наказания. Мне досталось пять или шесть дежурств по гимназии за то, что не поздоровался с директором на улице! Тогда я воспринял наказание, как несправедливость и был глубоко обижен. С течением времени, однако, чувство это сгладилось, и я понял, что директор руководился желанием поддержать дисциплину среди учеников.

В.Д. был новатором в области средне-школьного образования. Во-первых, он выхлопотал разрешение на совместное обучение учащихся обоих полов, в то время как государственные средние школы в Югославии были строго разделены на мужские и женские. На основании собственного опыта могу сказать, что совместное обучение способствовало более интенсивному соревнованию в науках (не отставать от девочек!) и тем самым поднимало общий уровень класса.

Во-вторых, В.Д. ввел систему рефератов в дополнение к регулярным урокам. Об этих рефератах много писали другие бывшие ученики, в общем, в положительном смысле. Поэтому напомним о них только вкратце. Сначала рефераты читались в интернате по вечерам (так называемые «среды»). Позднее перешли к чтению по классам, в кружках (семинарах), объединявших учеников старших классов по отдельным предметам: литературе, истории, математике и т. д. Ещё позже, чтение рефератов происходило в каждом классе отдельно во время урока по данному предмету. Как бы то ни было, «рефератная» система должна была, по замыслу В.Д., способствовать развитию самостоятельного мышления и тем самым лучше подготовить гимназиста/стку к высшему образованию. Насколько мне известно, эта система не имела прецедентов ни в дореволюционных русских школах, ни в школах Югославии.¹

Владимир Плетнёв:

В самом деле, как показал опыт нашей четырехлетней жизни, 50% окончивших учеников рассеиваются по Европе и Америке, подыскивая себе лучшие условия для жизни. Исключая Польшу и Румынию (явных врагов русского национального дела), ученики Первой русско-сербской гимназии едут не только в Чехословакию, а продолжают учиться (или намерены туда ехать) и во Франции, Бельгии, Австрии, Германии, США.

Мы знали, что, посылая нашего ученика в страны высокой культуры легко будет потерять русского интеллектуального труженика для будущей службы в национальной демократической России, если в его сознание не привить глубокую моральную связь с душой, жизнью и чаяниями русского народа, охраняющими его от ассимиляции на чужбине. <...>

Насколько это необходимо России достаточно наглядно показали истекшие семь лет.²

Плетнёв подбирал в гимназию преподавателей с прогрессивными взглядами, которые не были рабами традиции и не закрывали глаза на недостатки старой русской школы.

Ему удалось привлечь в свою школу известных профессоров университетов, крупных ученых и целый ряд талантливых педагогов.

Понимая всю важность воспитания детей в условиях эмиграции в национальном духе, духовно и физически здоровыми, Владимир Дмитриевич принял деятельное участие в создании скаутской организации, видя в её работе непосредственное продолжение воспитательного процесса в гимназии.

1 «Памятка» 1986 г. С. 121–123.

2 Плетнёв Вл., указ. соч. С. 92–93.

Видный историк скаутского движения Р.В. Полчанинов в письме авторам сообщил:

А.Ф. Липский по своем приезде в Белград сделал в местной русской газете объявление о скаутском сборе. На это объявление откликнулось только 2 скаута, пришедших на этот сбор в полной форме русских скаутов. Это были сыновья профессора Плетнёва.

Уже в августе 1920 года было создано общество «Русский скаут», как вышестоящий орган в развитии национального скаутского (разведческого) движения в КСХС. Во главе общества встал В.Д. Плетнёв, начальником скаутской дружины первоначально являлся М.М. Туган-Барановский. В ноябре 1920 года он передал командование дружиной В.А. Евреинову, которого ещё до этого Плетнёв «сманил» вести в гимназии курс естествознания и географии. 13 января 1921 года на заседании начальников отрядов и членов общества «Русский скаут» было принято решение о выходе общества из подчинения Константинопольской организации русских скаутов. Плетнёв был избран старшим скаутом КСХС, Евреинов начальником организации, Туган-Барановский – старшим скаут-мастером.

Плетнёв был деятельным членом Общества русских ученых в КСХС, Русской академической группы, вместе с полковником В.М. Прониным (выпускником Чугуевского училища 1904 года) основал Общество ревнителей военных знаний (хотя уже в марте 1922 года вышел из него), состоял в Республиканско-демократическом объединении.

Борьба за сохранение гимназии именно такой, какой она виделась Владимиру Дмитриевичу и какой его неутомимыми заботами строилась, приносила директору постоянные неприятности, причём не столько со стороны югославского руководства, сколько от влиятельных представителей русской колонии в Белграде. Свои политические взгляды на то, что произошло с Россией в 1917 году и на каких началах её придется обустривать в будущем, он никогда не скрывал. Это были либеральные взгляды, сложившиеся в том числе и на основании его глубокого знания жизни бывшей Империи.

Мы даём беспощадную оценку нашей бывшей интеллигенции, к сожалению, глубоко обдуманную, чтобы её считать ошибочной; она повторяет мнение Чаадаева, содержащееся в его философическом письме. Там он видит основное свойство русского интеллигента: заниматься не своим основным делом. Русская школа и в эпоху Николая I и Николая II была чужда основной традиции последовательного развития видов народного сознания при изучении нашей прекрасной литературы, нашей отменной публицистики и нашей истории, на её широкой социологической основе. Постоянно избегая ставить фундаментальные вопросы,

русская школа одинаково боролась за сохранение буквы «ять», за окаменелые грамматические формы, и чуждалась живого развития народного духа.¹

Профессор Мирослав Йованович в своей книге отметил:

Уже в начале 1920-х годов известные эмигранты, поборники республиканских идеалов, открыто выражали свое негативное отношение к армии и Врангелю. Ещё в декабре 1920 года В.Д. Плетнёв, директор Первой русско-сербской гимназии в Белграде и русский представитель в Государственной комиссии Королевства СХС по вопросу русских эмигрантов заявил по этому поводу: «Мы в Сербии, и никаких правительственных представителей несуществующего <русского> Правительства нет. <...>

... при чем тут Военный Агент – никакой Армии нет и на территории Сербии нет Русских офицеров, а есть ТОЛЬКО БЕЖЕНЦЫ.²

Конечно, эти слова были произнесены с полемическим перехлестом. Програвшая войну Русская армия генерала П.Н. Врангеля не сложила оружие и не бежала, но была эвакуирована, сохранив, в основном, свой состав и управление в лагерях и впоследствии в эмиграции. Но нужно понимать и то, что это был момент, когда по мере формирования русской колонии в Югославии развернулась острейшая борьба за умы и сердца эмигрантов и, что для Плетнёва значительно важнее, за будущее поколение. Большое значение имело и то, в чьих руках окажутся немалые средства, которые выделяло правительство Королевства на приём и первоначальное обустройство русских беженцев. Столь откровенное неприятие военных, которых в югославской эмиграции оказалось большинство, дорого обойдётся неуступчивому Плетнёву. В одном агентском сообщении из КСХС от августа 1921 года сказано, что на Владимира Дмитриевича было организовано покушение, к счастью, неудачное.³

Помимо череды непрерывных хлопот, связанных со становлением гимназии и работой в скаутском движении, Владимир Дмитриевич всю свою энергию, силы и время отдавал решению множества вопросов по обеспечению жизни русских в Королевстве. Он входил в состав Государственной комиссии по приему и устройству русских беженцев, которая должна была координировать деятельность государственных учреждений и российских эмигрантских организаций – Российского общества Красного креста, Всероссийского Земского Союза, Всероссийского Союза городов, Управления главноуполномоченного по делам российских беженцев. Плетнёву и его сподвижникам удалось организовать более десятка курсов для

1 Плетнев Вл., указ. соч. С. 94.

2 Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920-1940. Москва: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2005. С. 52.

3 ГА РФ, ф. Р-5893, оп. 1, д. 26, л. 4.

офицеров, поставивших перед собой благородную задачу обучения людей мирной жизни в тяжёлых условиях эмиграции. С помощью Плетнёва был открыт госпиталь для русских детей, больных туберкулезом в Херцег-Нови на Адриатике.

В октябре 1922 года В. Плетнёв участвует в работе Съезда русских юристов за границей в Берлине, где делает доклад «Правовое положение русских беженцев в Югославии». Съезд принимает специальное обращение о положении русской эмиграции к Совету Лиги Наций. В апреле следующего года он представлял Королевство СХС на Первом Педагогическом съезде русских педагогов в Праге.

И всё же, со своими либеральными идеями неукротимый Владимир Дмитриевич оказался «белой вороной» в тех кругах, которые постепенно начали задавать основной тон в жизни русской общины в Королевстве СХС. О, он слишком хорошо знал эту консервативную армейскую среду, не желавшую делать никаких выводов из крушения Империи и поражения Белого движения! И не отступал ни на шаг.

Многие объясняли это противостояние просто «дурным характером» Плетнёва... Действительно, Владимир Дмитриевич ангельским характером не обладал: темпераментный и амбициозный, с редкостным умением выбирать себе друзей и создавать врагов.

В своём письме к министру просвещения КСХС от 13 декабря 1925 года (на 15-ти страницах), Владимир Дмитриевич писал:

Благодаря услугам, оказанным мною в борьбе южных славян за их освобождение и объединение и своей политической деятельности в России, с самого момента моего прибытия в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев мне было поручено устройство единственного югославянского органа, концентрировавшего в своих руках всю финансовую помощь русским беженцам, а одновременно я был призван оберегать их от своеволия автократических действий русской бюрократии.

Став во главе этого органа, нынешний народный депутат госп. Любомир Йованович полностью одобрял мою программу работы. <...>

Русские реакционеры вели против меня непрерывную борьбу, в самой Государственной комиссии, и в газете «Новое время». <...>

Основное отличие Гимназии состоялось в том, что я всеми силами стремился поставить её в полное подчинение Министерству народного просвещения. Все прочие [русские] школы были сконцентрированы в руках Государственной комиссии, которая руководила ими через свой Учебный совет.

В ноябре 1923 года г-ну Александру Беличу (сменившего г-на Любомира Йовановича во главе Государственной комиссии) удалось извлечь мою гимназию из ведомства Министерства просвещения и поставить в зависимость Государственной комиссии. В первое время Государственная комиссия помогала гимназии лишь в содержании детей в пансионате. Квартира, топливо и одежда детей оплачивались из частных источников. И персонал пансионата получал зарплату

от меня. Лишь позднее, они стали получать незначительную плату в виде субсидий от Государственной комиссии. Бухгалтерскую работу я доверил своей первой жене, Евгении Васильевне Плетнёвой.¹

Здесь надо сказать, что в 1923 году или немногим позже супруги Плетнёвы разошлись. Евгения Васильевна была самым верным помощником мужа в создании и становлении гимназии, хотя и занимала в ней незаметные, казалось бы, должности архивариуса, делопроизводителя, а затем библиотекаря. Ученики горячо ее любили. Она оставалась в гимназии практически до самой смерти в 1934 году.

Тем временем откровенная травля Владимира Дмитриевича его политическими противниками не только не прекращалась, а непрерывно нарастала. Обвинений Плетнёву было предъявлено много. Основные претензии выглядели так:

директор отстаивал право сохранить гимназию в ведении югославского Министерства просвещения;

директор отказался изъять из программы обучения гимназистов предмет «Государственное право» с явно демократическим уклоном, курс которого сам же и вёл;

обвинения в халатном ведении бухгалтерии, связанном с невозможностью обосновать затраты примерно 100. 000 динаров, что открылось с исчезновением счетов и бухгалтерской книги пансионата, после отъезда эконома М. П. Савицкого во Францию.

В белградской ежедневной газете «Новое время» Плетнёва обвиняли в том, что он собирается внедрить реформу русского правописания в гимназии, то есть ввести новую орфографию, что уже было сделано за границей в русских школах Эстонии, Латвии, Литвы, Чехословакии.

Обстановка в самой гимназии тоже постепенно накалялась, поскольку отнюдь не все члены Педагогического совета поддерживали действия своего директора, например, то, что он сам подбирал педагогов, хотя все признавали высокий уровень преподавания.

Сил на эту борьбу уходило с каждым годом всё больше, здоровье и нервы Владимира Дмитриевича расстроились. Он попросил временную отлучку из гимназии, намереваясь выехать за границу подлечиться. Разрешение было дано, и 14 октября 1925 года обязанности директора были возложены на Ивана Михайловича Малинина. К этому времени в Государственной комиссии был составлен обвинительный документ в адрес В.Д. Плетнёва (главный довод – недочёты в кассе и отсутствие счетов о тратах). Предлагалось уволить его с поста директора гимназии.

1 Архив Југославије. МПс. 66-1111-1442.

Владимир Дмитриевич узнал об этом документе и столь яркое проявление человеческой неблагодарности уязвило его чрезвычайно.

В 1922 и 1924 годах оба сына Плетнёва окончили отцовскую гимназию и один за другим уехали в Прагу учиться в университете. В 1920-е годы чехословацкое правительство ещё оказывало щедрую помощь русским студентам.

С отъездом детей Владимир Дмитриевич остался один. Это одиночество растянулось почти на два года. Лишь 19 января/1 февраля 1926 года в русском храме Св. Троицы в Белграде состоялось венчание Владимира Дмитриевича с Евгенией Альфредовной Лесевич. Ему уже шел 49-й год.

15 февраля он направляет письмо в Министерство просвещения, в котором жалуется, что не имеет возможность познакомиться с содержанием обвинений в его адрес. На следующий день Министерство направляет письмо в адрес Государственной комиссии, с рекомендацией «временного суспенсирования» (приостановки увольнения) Плетнёва, пока он сам не ознакомится с обвинениями. В конце марта Министерство просвещения получает ответное письмо В.Д. Плетнёва. Оно написано на 56-ти страницах! В нём, пункт за пунктом, опровергаются все обвинения чиновников Государственной комиссии.

Борьба директора Плетнёва кончилась поражением: письмом № 15031 от 4 июня 1926 года Государственная комиссия по делам русских беженцев известила Министерство просвещения, что на пост директора Первой русско-сербской гимназии в Белграде назначается И.М. Малинин.

Вскоре после этого чета Плетнёвых покинула Белград и больше в него никогда не возвращалась. Они уехали в Прагу, где учились его сыновья. Здесь Владимир Дмитриевич посчитал для себя необходимым вступить в Общеказачий сельскохозяйственный союз. В Праге же он написал и опубликовал отдельным изданием 40-страничную работу, посвященную украинской проблеме, одной из самых мучительных в жизни российской эмиграции. Вероятно, это была первая статья из задуманного им, но неосуществленного цикла «Вопросы жизни».

В ней он прояснил свои позиции в ответ на частые диспуты в среде русских эмигрантов различных течений с украинскими самостийниками. Он пишет:

«Украинский вопрос» возник, в сущности говоря, из революции 1917 г. Но корни его лежат в прошлой политике российского правительства, исполненной глубочайших ошибок и неумения объединить все живые силы русского народа для творческой и прогрессивной работы. Тем не менее, никакие ошибки русского правительства не могут быть сравнены, по своим последствиям, с заблуждениями вождей т. н. сепаратистского украинского движения. Лишённые политических навыков в прошлом, с необычайной самоуверенностью они прикрывают отсутствие опыта и образования крайностью выдвигаемых лозунгов и неистовством плотоядного шовинизма. Конечно, их деятельность была бы совершенно без-

опасной, если бы несчастная обстановка войны и последствия для России не перенесла деятельность украинских сепаратистов за границу, где она в некоторых странах получила особо благоприятное развитие. Окрыляемая значительной материальной помощью, получаемой из чужой государственной казны, эти вожди сгруппировали вокруг себя неопытную молодёжь.¹

В шести главах статьи Плетнев последовательно опровергает многие утверждения сепаратистов и их притязания. Он внимательно рассматривает возможность существования независимой Украины и её ориентацию на соседние с ней страны. В заключительной главе автор упомянул и своё Белградское детище:

В руководимой мной гимназии в Белграде я в течение пяти лет имел смешанный малорусско-великорусский состав. Опыт этого времени даёт мне глубокое удовлетворение вспоминать, какие благородные результаты из этого возникли. Взаимно уважая традицию и быт и прошлое друг друга, дети выходили в жизнь объединённые чувством духовного родства и общностью общерусских идеалов. И Гоголь, и Толстой, и Короленко, и Св. Димитрий Ростовский были для гимназии родными людьми, носителями старых знамён великодушия и подвига, героизма нравственного восторга, цвета которых только ярче выступают на старых знамёнах.²

Ценной находкой, несколько проясняющей дальнейшую судьбу Владимира Дмитриевича, оказалось отложившееся в РГАЛИ его собственноручное письмо из Касабланки, где обосновались Плетнёвы не позднее 1928 года, в Прагу к бывшему присяжному поверенному Михаилу Лазаревичу Заблоцкому. Приводим полностью текст письма:

4, Rue Pont a Mousson, app. 3. Casablanca. Maroc.
16/VII. 31.

Глубокоуважаемый Михаил Лазаревич!

Мой верный друг Яков Алексеевич Капелевич сообщил мне, что Вы были так добры взять на себя скучную и надоедливую работу пересылки мне моей чешской стипендии.

Позвольте горячо благодарить Вас за Вашу отзывчивость, которая сейчас для нас с женой имеет особенно большое значение.

1 Плетнев В.Д., проф. Вопросы жизни: Украинский вопрос. Может ли существовать изолированная Украина? Прага: изд. «Хутор», 1928.С. 3.

2 Там же. С. 39.

Вот уже шестой месяц как мы сидим в Марокко, куда приехали из Польши искать «счастья» и труда.

Мне дало выгодный заказ одно американское издательство написать историю польского восстания 1863 года по неизданным архивным документам. Кроме того, у нас в Варшаве оказалась сестра жены замужем за крупным промышленником, как мы полагали по её словам. Действительная жизнь, как и всегда, к несчастью, разбила наши идеалы.

Поляки (власти) по их теперешнему настроению, допускают пользование только односторонним архивным материалом, что, конечно, создало бы бронзированную историю восстания, и после бесконечно мучительных хлопот и попыток пришлось от работы отказаться.

Свойственник же мой оказался вовсе не промышленник, а агент по торговле с большевиками, и тут и жена моя, и я вынуждены были порвать всякие отношения. Промучившись почти два года без работы и потеряв срок возвращения в Чехию, возвращаться было не на что, мы получили соблазнительное приглашение из Марокко, где «работы сколько угодно и климат превосходен». Так писал мне человек, всем мне обязанный, и я, на старости лет, не имея выбора, получив помощь Лиги Наций, устремился к Африканскому раю. Глупо и смешно, и стыдно, пожалуй, да надо говорить правду о своём теперешнем житье. Вот и оказались мы с женой без всяких занятий, кризис здесь не меньший, чем в Европе; да ещё вдобавок, среди местной публики – колониальных рвачей французов и настоящих «ташкентцев» из среды русских.¹

Климат оказался ужасный, а между нами и Европой 3000 вёрст океана, наглухо закупорившего нас в африканском раю.

Если бы не чешская стипендия, которая только-только не даёт умереть с голоду, давно бы уже мы с женой были в океане. Покамест же боремся как можем, веря в какое-то чудо, которое может нас спасти.

Это банкротство Германии – вернейшей опоры большевиков, эта тревога в Америке и Англии, эта страшная напряжённость в Польше и, наконец, теперешние «реформы» Сталина, всё это очень похоже на движение вод Силоамской купели. Должен же когда-нибудь лопнуть этот нарыв в Москве, в котором скопились трёхсотлетние нагноения тяжкой болезни великого народа.

От эпохи грозного царя заражалась наша кровь азиатскими прививками, томилась наша душа от неисходного надрыва, истлевало в садизме внутреннего отупения наше, некогда, сильное тело. От описаний Флетчера так веет современным Кремлем, и от картофельных бунтов императора Николая I так отдаёт колхозом, что порою думаешь, уж не прожил ли триста с лишним лет как Поток-богатырь А.К. Толстого.²

1 «Господа ташкентцы» – серия сатирических очерков М.Е. Салтыкова-Щедрина о колониальном опыте в собственной стране, собранные в книге с этим же названием (1873).

2 Герой одноименной поэмы А.К. Толстого.

А ведь не хочется бессмысленно отдать ум и накопленный опыт и знания африканской земле. Вот и веришь, как ребёнок, чуду. Вот и ловишь, как моряк, признака хорошей погоды в неуловимых оттенках неба, вот и ждёшь всем содроганием истомившегося сердца крохотной возможности почувствовать себя человеком. Ох, это ужасное чувство бродячего пса, призреваемого от скуки или от милости, состояние взрослого, вечно трактуемого ребёнком.

Мы, как [слово неразборчиво] наших предков бродим между передней и гостиной, служа потехой домочадцам. Одно счастье только у нас ещё и осталось – глядеть из тени дорогих могил и святых воспоминаний в этот мрак и ночь и знать, что в нас ещё жива совесть. Хоть и неудобная для ношения эта тяжесть, но мы, старики, как к горбу привыкли к ней и как с горбом уйдём с ней в могилу.

Крепко благодарю Вас и прошу верить моему и жены моей глубокому уважению и признательности.

Преданный В. Плетнёв.¹

Супругам Плетнёвым так и не суждено было вырваться из Марокко.
Из статьи И.Г. Курило:

К сожалению, после ухода В.Д. из гимназии в 1925 году, рефератная система была постепенно оставлена, а сама гимназия была разделена на мужскую и женскую. <...>

В.Д. ушёл из гимназии по личным причинам и вскоре уехал из Югославии. Только после войны я узнал, что он обосновался в городе Касабланка, в Марокко.

В 1947 году, будучи уже во Франции, я получил первое письмо от В.Д. Он узнал мой адрес от нашей бывшей гимназистки. Таким образом между нами завязалась переписка, увы, не долгая: вскоре В.Д. скончался, кажется в 1948 году (в 1954-м, авт.).

В одном из писем В.Д. писал, что последние 11 лет его жизни принесли ему много страданий: безумие жены, квартира без освещения и воды, собственная тяжёлая болезнь, четыре операции без наркоза в течение десяти месяцев – всё это привело его к мысли о самоубийстве. Только «долг дружбы и верности по отношению к жене» остановил В.Д. от такого шага. Несмотря на все эти невзгоды, В.Д. написал и издал за это время книгу об Америке и Рузвельте и подготовил к печати другую – об Англии и её исторических традициях.

Письма В.Д. трогают до глубины души. В них он изливает душевную горечь по поводу современного состояния мира и аморальности людей, с которыми ему пришлось столкнуться в Марокко. В.Д. противопоставляет этим людям наших гимназистов, о которых отзываясь с большой любовью, как о людях «родных по духу и по задачам жизни». Видно, наша гимназия была его любимым детищем.

1 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 1568 (Комитет по улучшению быта русских писателей в Чехословакии), оп. 1, ед. хр. 251.

Он пишет, что «наша школа не умерла под немецкими бомбами и под нажимом большевиков, она жива своим духом потому, что в мире духа ничто не умирает».

Большой русский патриот, веривший в будущее России, В.Д. окончил свою земную жизнь в одиночестве на чужбине. Я уверен, что большинство учеников В.Д. до сих пор хранит о нём благодарную память, как о человеке, давшем им хорошую основу для дальнейшего образования и приобщившим их к русскому языку и культуре.¹

Основатель и первый директор гимназии В.Д. Плетнёв скончался в Касабланке 22 июня 1954 года. Видимо, он, в силу своей жизненной ситуации, не встречался ни с кем из довольно большой русской колонии в Касабланке. Несмотря на все усилия, авторам не удалось разыскать никаких следов его захоронения.

Казалось бы, Владимир Дмитриевич проиграл. Изгнание его из Югославии действительно сломало ему жизнь. Отметим, однако, что за 25 лет «стояния» гимназии из стен её вышло целое созвездие достойных людей, выученных им и его последователями «удивляться». Вы сможете сами в этом убедиться, читая их жизнеописания в следующих главах.

И разве сам факт 50-летнего существования разветвлённого Объединения бывших учеников 1-й русско-сербской гимназии в Белграде, основанного в 1963 году в США, не является лучшей наградой создателю и первому директору их *alma mater*?

Труды В.Д. Плетнёва:

Основные принципы военно-уголовного процесса в связи с главными основаниями общего. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1908.

Из курса лекций по военно-уголовному процессу. СПб.: типо-лит. А.Ф. Маркова, 1910.

Интересы на Балканах и правительственное сообщение. Статьи А.Н. Брянчанинова, В.Д. Плетнева, Д.И. Семиза и проф. М.П. Чубинского / Группа прогрессивных общественных деятелей. Санкт-Петербург: тип. «Виктория», 1913.

Первый народный главнокомандующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов. Пг.: Тип. Т-ва А.С. Суворина, 1918.

Вопросы жизни: украинский вопрос: может ли существовать независимая Украина?: Посвящ. памяти всех, погибших в борьбе за Россию, Прага: Хутор, 1928.

Roosevelt (with Pierre Lyautey). [Casablanca]: [impr. A. B. C], [1943].

1-й брак: Евгения Васильевна П., (ур. Даниель; 22.11.1874 г. или, по другим источникам, 22.11.1876 – 16.09.1934, Пожаревац, Сербия).

1 «Памятка» 1986 г. С. 123–124.

Все годы работы мужа в гимназии Евгения Васильевна была его верным помощником, приняв на свои плечи самую неблагодарную канцелярскую работу. Служила попеременно архивариусом, делопроизводителем и библиотекарем.

Евгения Васильевна принадлежала к древнему, давно уже обрусевшему роду французских гугенотов. В Петербурге, в Российском государственном историческом архиве (РГИА) находится дело о дворянском происхождении отца Евгении, по профессии лесничего, Василия Ивановича Даниеля. 17 марта 1875 года он был удостоен ордена Св. равноапостольного Князя Владимира 4-й степени, что давало право на получение потомственного дворянства. Мама её, Сабина Самуиловна (ур. Гинденбург), была лютеранского вероисповедания.¹ По закону того времени все дети, «прижитые» от такого брака, должны быть крещены в православной вере, что и было сделано. Из дела явствует, что Евгения выросла в многодетной семье: у нее было 12 братьев и сестер, из которых не менее десяти благополучно дожили до взрослых лет. Девочка Женя выросла на природе в лесничествах, где служил её отец. Там в тишине почти отшельнической жизни сформировался её характер. Известно, что два её брата и сестра «воспитывались», как тогда говорили, в Орловской классической гимназии. Вполне вероятно, что Евгения обучалась там же. По окончании гимназии она уехала в Петербург, где училась на Высших женских курсах при биологической и физической лабораториях, которые создал и вёл знаменитый в России учёный и педагог Пётр Францевич Лесгафт.² По словам сына Ростислава «матушка была любимой его ученицей». Всё это говорит о незаурядной натуре этой скромной девушки, будущей жены Владимира Плетнёва. Они обвенчались в 1902 году. Невесте было уже 25 лет. Молодые сразу же уехали в Петербург, где муж стал слушателем Академии.

Уже ранней весной следующего, 1903 года, Евгения выехала в имение матери рожать своего первенца, Ростислава.

Следующие четыре года Плетнёвы прожили в Чугуеве. Евгения Васильевна вела хозяйство, растила сыновей. Судя по письмам бывших учеников Владимира Дмитриевича, в их доме постоянно бывали юнкера, которых она принимала с материнской заботой. Нужно ли говорить, какую добрую память она оставила о себе?

В 1909 году Плетнёвы вновь и уже, казалось бы, навсегда, перебираются в Петербург. Муж с головой погружается в работу и общественную деятельность, оставляя для семьи лишь малую толику своего времени. Вероятно, это не очень

1 РГИА, ф. 1343, оп. 20, д. 276.

2 Лесгафт П. Ф. (1837 – 1909), биолог, анатом, антрополог, врач, педагог. Также известен как создатель теоретической функциональной анатомии в палеонтологии и научной системы физического воспитания. Общественный деятель.

устраивало Евгению Васильевну, имевшую за плечами специальное образование. Но у авторов нет сведений о том, чтобы она где-то служила.

Большевицкий переворот Плетнёвы категорически не приняли. Пережив голодный 1918 год в Петрограде, они всё-таки сумели добраться до Новороссийска. В Лихачёвке Евгения Васильевна навсегда простилась с мамой.

Мы не знаем, как долго муж уговаривал Евгению Васильевну эмигрировать, но наверняка это решение далось Евгении Васильевне очень и очень трудно: ведь в воюющей стране она оставляла многочисленную родню, и своего сына Ростислава. 17 февраля 1920 года Плетнёвы навсегда покинули Россию, оказавшись в Константинополе. Возможно, что ничего не зная о судьбе старшего сына, Евгения Васильевна не захотела уезжать слишком далеко от России. Владимир Дмитриевич выехал в Королевство СХС, а она с сыном Игорем оказалась в беженском лагере на о. Антигона, входившем в архипелаг Принцезы острова в Мраморном море.¹ Конечно, как и подавляющее большинство вынужденных эмигрантов, она верила, что скоро вернётся в Россию, хотя муж и утверждал обратное.

Стояло самое начало лета 1920 года. Три месяца, проведённые на острове, дали ей возможность немного прийти в себя после случившейся катастрофы и приготовиться в душе к новой жизни. Хороших новостей из России не было.

Владимир Дмитриевич довольно быстро организовал вызов жены и сына в КСХС и уже в мае они отплыли из Константинополя в Сербию на пароходе «Бриенн».

Трудности же эмигрантской жизни отнюдь не смутили её, тем более, что материальное положение семьи было относительно хорошим. Занявшись созданием гимназической библиотеки, она нашла своё место в жизни.

Мальчики – а они всегда для матери остаются мальчиками – росли и умнели, наступило время, когда оба, один за другим, уехали учиться в Чехословакию.

В 1923 году или немного позднее, после двадцати лет совместной жизни, семья Плетнёвых распалась. Евгения Васильевна осталась одна. Несомненно, для неё это было очень тяжело.

Но она не покинула гимназию, продолжала трудиться, в 1924 году участвовала в работе педагогического съезда при Ученом совете Державной комиссии. В самое трудное для себя время, когда отчетность о финансовой деятельности гимназии оказалась не в порядке, Владимир Дмитриевич обратился за помощью к бывшей жене, попросив её вести бухгалтерию.

Гимназия оказалась спасением для Евгении Васильевны, став ее «домом». В её добрую душу, как когда-то чугуевские юнкера, вошли эти мальчишки и девчонки со своими заботами и радостями. Здесь она знала всех, и все знали её. Она оста-

¹ См. биографию Игоря Плетнёва в главе «Выпускники смешанной гимназии», 4-й выпуск.

валась в гимназии ещё долгое время и после того, как бывший её муж был снят с должности директора, а затем покинул Королевство СХС.

Последний год своей жизни Евгения Васильевна прожила в Пожареваце у младшего сына Игоря, который там учительствовал в сербской гимназии, где и скончалась.

После кончины Евгении Васильевны Плетнёвой в «Извештае» Первой русско-сербской мужской гимназии за 1934/35 год, был помещен некролог.

Светлой памяти Е.В. Плетнёвой

16 сентября 1934 г., после продолжительной и тяжелой болезни скончалась Евгения Васильевна Плетнёва.

Эта смерть, несомненно, представляет горькую утрату для гимназии. Ушёл человек, который не только участвовал в создании и устройстве гимназии, но и во всей её жизни на протяжении 15-ти лет. На скромной должности, в самом начале архивариуса, а затем библиотекаря гимназии, Евгения Васильевна умела тихо, но заметно принимать участие почти во всех видах деятельности гимназии. Проявляя усердие и добросовестность, она широко понимала свою должность библиотекаря – согласно традициям и заветам лучших российских школ. В эту свою работу она вносила много любви и была подлинным руководителем ученикам в подборе книг для чтения, терпеливо и с вниманием относилась к личной заинтересованности и вкусах каждого ученика.

Помимо того, сердце Евгении Васильевны было полно любви к детям и в ней ученики находили приют и помощь в любой своей нужде. Если кто-либо из учеников пережил горе, неприятность или несчастье, каждый у Евгении Васильевны находил искренний совет, сочувствие и помощь. Чем могла, она помогала всем, в любых ситуациях. Она была постоянным защитником всем обиженным и несчастным. Она умела, подходом собственным лишь ей одной, достигнуть и исправить всё, так, что её посредничество никогда и никому не казалось не у места или лишним. Весь Педагогический совет признавал за ней это своеобразное право заступничества перед потерпевшими несчастье. У всех учеников Евгения Васильевна пользовалась бесконечной любовью и глубоким уважением.

С уходом Евгении Васильевны лишь одним из видов её деятельности в гимназии можно будет возместить другими лицами. С её кончиной гимназия потеряла незаменимого человека, личность, по которой все глубоко скорбят и чьё отсутствие тяжело переживают. Светлую память по ней навсегда сохранят все те, кто её знал: товарищи по работе, родители учеников, а в особенности русские дети, благодарные ей за любовь и нежность к ним.

Вечная ей память!

Ещё при жизни Евгения Васильевна создала Фонд, выделявший по 200 динаров ежегодно для награждения отличившихся учеников. После кончины матери её сыновья продолжили её дело.

Из 12 сестёр и братьев Евгении Васильевны авторам известны трое:

Владимир Васильевич Даниель (Даниэль), капитан железнодорожных войск, проектировщик бронепоездов. Участник Белого движения. Отказался эмигрировать из Новороссийска. Расстрелян в лагере на строительстве Беломоро-Балтийского канала.

Мария Васильевна Д., (01.01.1866 – ?). Окончила Орловскую Николаевскую женскую гимназию. Прошла полный курс наук и сдала экзамены в училище Лекарских помощниц и фельдшерниц Санкт-Петербургского Дамского Лазаретного комитета, Российского Общества Красного Креста.

Валентина Васильевна Д., (1900 – 1983, Сан-Франциско). Муж Степан Андреевич Дмитриев, участник Белого движения.

У Владимира Дмитриевича и Евгении Васильевны было двое детей:

Ростислав, (28.03.1903, Лихачёвка, Полтавской губ. – 26.11.1985, Монреаль, Канада), гимназист, 2-й вып.;

Игорь, (12.08.1905, Лихачёвка, Полтавской губ. – 24.08.1984, Белград), гимназист, 4-й вып.

2-й брак Владимира Дмитриевича (19.01/01.02.1926, Белград): Евгения Альфредовна, (ур. Лесевич; ок. 1891 – ?, Касабланка). Свидетелями по жениху были: А.А. Миончинский, капитан артиллерии, и М. С. Глянцев, студент философского ф-та Белградского ун-та (отец гимназиста Александра Глянцева, 19-й вып.).

15-ЛЕТИЕ ПЕРВОЙ РУССКО-СЕРБСКОЙ ГИМНАЗИИ В БЕЛГРАДЕ

Директор мужской гимназии, Иван Михайлович Малинин, поместил в отчёте Министерству просвещения («Извештай») за 1934/35 учебный год небольшую статью, посвящённую юбилею. Приводим её полный текст.

15-летие основания гимназии

В этом учебном году исполнилось 15-лет с основания Первой русско-сербской гимназии в Белграде. В первые классы уже поступают дети первых выпускников этой школы. В условиях тяжёлого и длительного изгнания 15 лет представляют значительный срок. Было достаточно времени для размышлений, пересмотра воспитательной и преподавательской методики; внесена ясность в понимание задач школы и конечных целей, к которым мы стремимся.

Оглядываясь на прошлое, можно с уверенностью сказать, что педагогическая работа за последние 15 лет протекала под знаком постоянных поисков и никогда не останавливалась на том, что уже было достигнуто. Живой организм гимназии постоянно, пускай и медленно, изменялся, развивался и всякий застой был ему чужд. Не боясь сознаваться в своих ошибках, приветствуя каждую обоснованную и благожелательную критику, гимназия постоянно стремилась улучшить всю свою работу и развивать духовное влияние школы на своих учеников. Этот дух постоянных поисков чего-то лучшего стал традицией, которую сразу с энтузиазмом приняли преподаватели, в разное время и с разных сторон пришедшие в педагогический штат. Ясно отдавая себе отчет в том, что само 15-летнее существование подлинно русской национальной гимназии вне родины – явление неординарное, едва ли не уникальное, весь школьный персонал стремится сохранять её на надлежащей высоте. Мы должны постоянно оправдывать длительное содержание русской гимназии со стороны братского народа.

Гимназия не благотворительное учреждение. Поэтому она сознательно требовала от своих учеников очень многого. В ней не следовало оставлять неспособных учеников и тех, для кого основанием пребывания в школе не является настойчивая и добросовестная работа, а также и тех, чьё влияние на друзей могло оказаться вредным.

Глубоко сожалея о всех тех учениках, которые не были в состоянии идти в ногу со своими одноклассниками, Педагогический совет гимназии всё же считал

необходимым общие интересы предпочесть личным. В целях достижения большинством лучших результатов совет был вынужден освободить классы от неспособных учеников, у которых не оставалось какой-либо надежды на продолжение обучения. Учитывая методы своей работы, а также потенциал преподавателей, гимназия была в состоянии очень много дать ученикам, и ныне она им дает не меньше. Поэтому мы считаем, что можем предъявлять высокие требования к ученикам, прежде всего требовать от них добросовестно, упорно и самостоятельно трудиться, по-настоящему, а не формально, осваивать учебную программу.

Гимназия стремится подготовить своих учеников к тяжёлым условиям жизни, которые ожидают их после получения аттестата зрелости. Без навыков к труду и без приспособленности к самостоятельной работе судьба молодого человека будет печальна. Но ужасна она будет и для тех душ, которые не будут в себе ощущать внутреннюю духовную жизнь и будут жить одними интересами сегодняшнего дня. Тяжело будут переживать столкновение с суровой действительностью и молодые души с идеалистическим настроем. Гимназия всеми возможными средствами стремится к тому, чтобы ее ученики не были ни пустыми идеалистами, ни бездушными реалистами.

Гимназия всегда стремилась укрепить любовь учеников к своей родине, знакомя их с прошлым своего народа, выдвигая всё то, что велико, возвышено, положительно, но, одновременно, ничего и не замалчивая. Богатство духовного наследия русской культуры настолько разнообразно и велико, что нет необходимости приукрашивать и идеализировать прошлое. Это даже опасно, поскольку каждая неправда, даже доброжелательная, является отравой в деле воспитания молодого поколения.

При сегодняшнем положении русской эмиграции, как ни тяжело ученикам говорить о современной России, гимназия всё-таки не могла игнорировать и вопросы современного состояния их родины. Она всеми силами старается привить ученикам чувство своей неотъемлемой принадлежности к русскому народу и России, их родине, невзирая на её сегодняшний, неприемлемый и непримиримый партийно-государственный аппарат. Гимназия считала своей обязанностью развить в учениках любовь не только к прошлому своей родины, но и любовь к сегодняшней и будущей России, твердо веря в то, что наша родина, Россия, никогда не перестанет существовать.

Постоянно ставя перед собой лишь осуществимые задачи, гимназия, в интересах достижения важнейших целей, иногда сознательно пренебрегала менее важными. К ним, например, относятся некоторые вопросы школьной дисциплины, так легко заметные в жизни школы. Давая приоритет самодисциплине ученика над соблюдением общих правил, гимназия стремилась добиться развития внутренних черт характера ученика, а не его внешних манер. Предоставляя ученикам достаточно

свободы, которая зачастую может показаться излишней, гимназия добилась значительных результатов в улучшении общего поведения учеников, и, одновременно, в создании духа и традиций школы. Такие распространённые явления в мужских учебных заведениях как драки, ссоры, поддразнивания, были полностью искоренены, а если и происходили, то исключительно редко и считались необычными. Из школы вытеснено и то старое восприятие «мы» и «они», которое разделяло учеников и учителей на два враждебных лагеря. Не утрачивая внешнего уважения наставников со стороны учеников, была достигнута простота и искренность во взаимоотношениях между ними.

Рассматривая 15-летний период существования гимназии, путь реализации её устремлений, вырисовывается некая ясная картина, вопреки ряду в разное время допущенных, сознательных и, возможно, еще неосознанных, промахов, – ошибок не было в основной постановке целей школьного воспитания. На протяжении 15-ти лет создано нормальное русское учебное заведение, продолжающее свою жизнь, не переставая развиваться и усовершенствоваться. Учиться в нём нелегко, требуются большое напряжение со стороны учеников и самоотверженная работа преподавателей. Гимназия не смеет и не может быть обычным учебным заведением; в силу своего исключительного положения она обязана стоять выше и своим упорным трудом, своим неугасающим стремлением к достижению лучшего и большего должна оправдать те жертвы, которые для её содержания терпит братский народ.

Судя по тому, как выпускники гимназии оканчивают высшие учебные заведения, вступают в ряды культурных тружеников и работают врачами, инженерами, педагогами на пользу своей второй родины – Югославии, можно с уверенностью сказать, что гимназия оправдала себя. Всё это убеждает нас в том, что, когда наступит время, и выпускники нашей гимназии смогут приложить свои силы для творческой работы на своей родине – в России, эта работа и тогда окажется плодотворной, культурной и полезной для страны, давшей им образование.

Перевод с сербского языка. Опубликовано в «Руско-српска мушка гимназија. Извештај за школску 1934/35 годину». Београд, 1935. С. 7–9.

ПЕРСОНАЛ ГИМНАЗИЙ

Здание 3-й мужской гимназии, в которой открылась
Первая русско-сербская гимназия. – Открытка 1912 г.

Здание Реальной гимназии, в котором в 1922–1929 гг. размещалась
Первая русско-сербская гимназия. – Открытка 1910-х гг.

Основные положения

В своей статье 1925 года уволенный создатель гимназии Владимир Дмитриевич Плетнёв писал:

Среди многочисленных нужд значительного числа беженцев (до 50. 000 людей) особенно остро выразилась нужда в устройстве русской школы гражданского типа, как и типа значительно отличающегося по сравнению со школой дореволюционной и революционной России.¹

Добиться разрешения на создание «школы», найти финансирование, подобрать помещения и даже собрать детей в классы на первый учебный год – всё это было трудно, важно, но не было самым главным. Кому доверить преподавание в стенах своего детища – вот что стало для директора главным вопросом. Для построения «новой школы» Плетнёву нужны были не просто блестящие педагоги – но единомышленники. И он эту задачу решил.

Когда В.Д. Плетнёв летом 1920 года составил первый список педагогов своей гимназии, в нём было шесть университетских профессоров. Однако, не все они смогли к нему придти. Во втором, 1921/22 учебном году, в гимназии оказалось уже десять профессоров российских университетов и профессоров Белградского университета.

С осени 1920 года учащиеся общались в классах с выдающимися учёными и деятелями искусства:

Владимир Чорович – сербский язык;

Милош Московлевич – сербский язык;

Милан Башич – сербский язык;

Юлий Вагнер – биология;

Лев Сухотин – история и латинский язык;

Евгений Аничков – английский язык;

Александр Доброклонский – латынь;

Михаил Георгиевский – история, русский и латинский языки;

Владимир Евреинов – география;

Георгий Пио-Ульский – физика;

Юрий Никольский – русский язык;

Александр Шапкин – химия;

Илья Шапшал – гигиена;

¹ Проф. Вл. Д. Плетнёв. Прва руско-српска гимназија у Београду (историјско-педагошки оглед). // «Нови живот», Белград, 1925, Кн. XXIII. Бр. 3, – 27 июня 1925, стр. 88.

Степан Колесников – рисование;
Илья Слатин – пение.

Дух «плетнёвской» гимназии, о котором восторженно вспоминают гимназисты первых выпусков, созидался незримо, день за днём, месяц за месяцем. Именно в течение первых десяти лет в гимназии выучились те, кто стал впоследствии видными деятелями мировой науки и культуры.

Таким образом, отличительной особенностью Первой русско-сербской гимназии в Белграде в сравнении с другими русскими и сербскими средними учебными заведениями в Королевстве СХС – Югославии стал чрезвычайно высокий научный и профессиональный уровень её педагогического персонала. Можно сказать, что Плетнёву удалось создать гимназию, ставшую самой элитной средней школой в стране.

В течение всех пяти лет, которые Плетнёву довелось руководить гимназией, он сам приглашал в неё новых педагогов, не доверяя это дело никому. Иногда Педагогический совет роптал, но в этом вопросе Владимир Дмитриевич был неумолим.

За всю историю гимназий в них продолжительное время или короткий срок преподавало 117 педагогов, включая 28 сербов (вели сербский язык и югославскую литературу, историю и географию Югославии). Профессоров Белградского университета было 23 (9 сербов и 14 русских). Три сербских преподавателя были сотрудниками Сербской Королевской Академии наук. Имея уже университетские зарплаты, большинство русских профессоров отказалось от оплаты труда в гимназии, считая своим долгом и обязанностью участвовать в обучении русской молодёжи на чужбине.

В первые годы, при директоре В.Д. Плетнёве, состав Педагогического совета оставался относительно постоянным и менялся скорее в связи с изменением учебной программы (упразднение английского языка и проч.) и отъездом из КСХС некоторых преподавателей. Позднее, часто менялись сербские учителя по «национальным предметам». Их назначало Министерство просвещения, направляя в гимназию на первое место службы молодые кадры, только окончившие университет, учитывая их знание русского языка, семейные обстоятельства, или преподавателей, у которых в белградских сербских школах не было достаточного количества часов в неделю.

Директора обеих гимназий, даже и после отставки Плетнёва, продолжали установленное им неписанное правило посещать уроки своих преподавателей и таким образом контролировать и усовершенствовать преподавательский процесс. В интересах экономии средств и рационализации они же преподавали один-два предмета, но с меньшим числом уроков.

В 30-е годы, в связи с расформированием и объединением русских средних учебных заведений, в обе белградские гимназии направлялись педагоги закрывшихся кадетских корпусов, девичьих институтов и гимназий в Поновиче и Велика Кикинде. Так, в русско-сербские гимназии попало 30 русских новых преподавателей. Например, в 1932/33 учебном году в женскую гимназию было направлено 6 новых преподавателей и столько же уволено или направлено в другие школы.

В 30-е годы в «свою» гимназию, как на первое место государственной службы, вернулись четыре бывших её ученика: Николай Богатко, Всеволод Прокофьев, Лидия Девель и Наталия Комарова.

Количество преподавателей в одном учебном году в обеих гимназиях оставалось приблизительно одинаковым: 22–27. Однако в предвоенном 1940/41 учебном году в мужской гимназии их было 17, а в женской – 20.

Необходимо отметить, что ряд русских учителей преподавал в обеих гимназиях, но был в составе Педагогического совета лишь в одной.

Относительно оплаты русских преподавателей можно сказать, что все они находились в незавидном положении в течение всего межвоенного периода, независимо от того преподавали ли они в русских или югославских школах. Не имевших югославского гражданства принимали на постоянную (по контракту) службу или временную – гонорарную. Их средняя месячная зарплата составляла 1. 500 динаров. Гонорарные учителя зачастую получали и того меньше. При этом они не могли претендовать на югославскую пенсию. Югославам полагались надбавки «на дороговизну» и на членов семьи, чего не имели российские граждане. При принятии югославского подданства материальное состояние русских педагогов могло улучшиться почти вдвое. Отметим, однако, и то, что зарплаты всех педагогов в стране росли очень медленно.

Возраст преподавателей русских гимназий в Белграде («плетнёвской» и женской ВСГ) в 1928/29 учебном году считался идеальным (см. таблицу), т. е. из 51 человек 40 имело возраст 30–50 лет. Считается, что в этом возрасте, педагог уже имеет нужный опыт и ответственно выполняет свою работу.

Возраст преподавателя:	26–30	31–35	36–40	41–45	46–50	51–55	56–60	61–65
Количество преподавателей:	3	3	15	9	9	8	4	1

За все годы существования гимназий в них в разное время, помимо преподавателей, было занято 25 воспитателей и классных надзирателей (наставников) и 10 служащих администрации – врачи, библиотекари, экономеры, бухгалтеры.

Директора гимназий

МАЛИНИН Иван Михайлович, 19.10.1883, Одесса – 10.03.1961, Пловдив, Болгария.

Директор смешанной гимназии с 20 октября 1925 г. С сентября 1930 года до 15 апреля 1942 г. **директор мужской гимназии.**

Латинский язык, философия, пропедевтика.

Философ.

В семейном архиве семьи И.М. Малинина сохранилась рукопись его автобиографии, которую мы приводим полностью:

Родился 19 октября 1883 г. в Одессе в семье ординарного профессора Новороссийского университета, доктора гражданского права Михаила Ивановича Малинина (1845–1885), декана Юридического факультета, и его супруги Веры Афанасьевны, урожд. Письменко (1865 – исчезла в 1926 г.). Дед Иван, протоиерей, был настоятелем соборного храма в Одессе.

Проживал постоянно в Одессе вплоть до отъезда в 1919 г. в Екатеринодар. Учился в Одесском Университете от 1903 до 1908 г. Лишний год провёл в Университете вследствие интереса к студенческим сходкам, забастовкам и сочинениям Плеханова. По той же причине просидел две недели в Одесском арестном доме. Государственные экзамены сдал, однако, очень удачно и был оставлен в 1908 г. при Университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии. В 1910 г. назначен ассистентом лаборатории экспериментальной психологии. В 1911 г. сдал магистерские экзамены и получил звание магистранта философии. В 1912 г. сделался приват-доцентом Одесского университета. В 1916 г. избран, а в 1917 г. утверждён штатным доцентом того же Университета.

С 1913 г., помимо философских курсов, читал по поручению факультета курсы по педагогике и дидактике. Одновременно читал лекции на Одесских Высших Женских Курсах того же содержания, что и в Университете, и по музыкальной эстетике в Одесской Консерватории.

Начиная с 1911 г. многократно присутствовал на окончательных испытаниях в гимназиях в качестве депутата от Одесского Учебного Округа. В 1914 г. сделался постоянным членом Совета Попечителя Округа. Летом 1914, 1915 и 1916 гг. читал лекции по педагогической психологии на многочисленных летних курсах для преподавателей земских и городских начальных школ и учителей гимназий. В те же времена выступал с многочисленными публичными лекциями. Обладал тогда весьма значительным ораторским талантом, привлекая на свои лекции большое число слушателей и заслужил шутивную кличку Ивана Златоуста. В моей памяти осталась лестная оценка моего красноречия, сделанная одним из моих слушателей на курсах, организованных Обществом распространения

просвещения среди евреев г. Одессы, и сказанная публично в вагоне трамвая в присутствии случайно сидевшей там же матери. «Так он же дурак, этот Малинин: ему надо было пойти в адвокаты, он бы просто загребал золото», – говорил мой слушатель, пожилой еврей-учитель.

В 1916 г., как довольно уже видный специалист по школьным вопросам, принимал участие в работах комиссии Министерства Народного Просвещения в Петербурге по выработке учебных планов Высших Педагогических Институтов.

Всем этим, вероятно, объясняется то обстоятельство, что в момент революции 1917 г. я оказался лицом весьма известным в Одессе и несомненным любимцем народов, населявших этот город. Я сразу попал в председатели многочисленных и многолюдных собраний и митингов, оказался способным председателем и тем еще увеличил свою известность. Революционный Комитет, заменивший Городскую Думу, избрал меня своим членом, затем членом Городского Школьного Совета и почётным мировым судьёй. В сентябре 1917 г. министр народного просвещения проф. [Сергей Сергеевич] Салазкин вызвал меня в Петербург и предложил мне пост Попечителя Одесского Учебного Округа. В октябре последовало моё назначение. До апреля 1918 г. Одесса оставалась как бы самостоятельной республикой, отрезанной от Петербурга и Москвы, но не подчинявшейся и возникшей к тому времени самостоятельной Украине. Украинские войска вошли в Одессу лишь в апреле 1918 г. Я был тотчас же смещён с должности Попечителя, но учительство и население Одессы немедленно избрало меня Комиссаром по делам великорусских школ, а так как их было очень много, то моё значение и влияние оказалось значительно большим, чем комиссаров по школам других национальностей. Защищал я интересы русских школ так энергично, что однажды получил даже телеграмму из Киева с приветом «смелому борцу за русскую школу». Летом и осенью 1918 г. был дважды избираем от Одесского Университета делегатом в Киев на съезды профессоров высших школ на Украине. Поздней осенью того же года от двух последовательных министров гетманского правительства, проф. [Николая Прокопьевича] Василенко и [Владимира Павловича] Науменко, получил предложения: от первого – занять вновь место Попечителя Одесского Учебного Округа, и от второго – быть товарищем министра при нём. Под предлогом болезни от того и другого я отказался.

В январе 1919 г. Одесса была внезапно захвачена добровольцами ген. Деникина. Его приказом отменены были все распоряжения украинских правительств, и восстановлены на своих прежних должностях сменённые украинцами чиновники. Я оказался снова Попечителем Учебного Округа. В феврале пришел приказ о закрытии украинских школ в Одессе. Я послал телеграмму о невозможности закрыть все, и сообщил, что подробный доклад посылаю почтой. В начале марта последовало телеграфное распоряжение приехать в Екатеринодар для личного доклада. Я выехал во второй половине марта, но не успел ещё сделать свой доклад, как пришло известие о захвате Красной армией Одессы. До первой половины апреля я оставался в Екатеринодаре без дела, а затем последовал приказ ген. Деникина о причислении меня к управлению делами просвещения (Министерству Просвещения) с возложением на меня обязанностей Помощника

Начальника Управления (т. е. товарища министра). В то время должность Начальника Управления Просвещения была соединена с должностью Начальника Управления Юстиции. Очень скоро, однако, обнаружилось, что с продвижением войск и расширением территорий Управление Юстиции не могло справиться со школьными делами. Так назрела необходимость создать отдельное Управление Просвещения, а вместе с тем стал вопрос о Начальнике его. Единственным и уже давнишним кандидатом на этот пост был профессор Московского Университета П[авел] И[ванович] Новгородцев. Однако, он не решался вступить в эту должность, опасаясь за судьбу своей семьи, находившейся тогда в Москве. Он предложил ген. Деникину возложить временно несение обязанностей Начальника на меня, как Помощника Начальника. Тут только выяснилось, что именно проф. Новгородцев обратил внимание Деникина на меня, присмотревшись во время своего пребывания в Одессе ко мне и к моей работе на посту Попечителя Округа и прислушавшись к мнениям различных лиц обо мне. Руководить же работой Управления собирался он сам, оставаясь в тени. Работа, однако, оказалась мало интересной для него, так как сводилась лишь к материальной поддержке школ, спасению их от развала и к различным административным мелочам. Новгородцев постепенно отошёл от дел, предоставив мне, видя, что и сам со всем справляюсь. Так в должности Помощника Начальника, исполняющего обязанности Начальника, я и остался почти до конца.

В декабре 1919 г. деникинские войска оставили Ростов. В январе 1920 г. все Начальники Управлений были уволены в отставку, и было создано казачье правительство. Все «бывшие люди» просидели февраль и март в Новороссийске. Гражданская война со всеми её эксцессами понемногу приближалась. Военные власти объявили всеобщую эвакуацию в Крым. Как раз в этот момент югославский посланник Милан Ненадич передал высшим гражданским чинам в отставке приглашение тогдашнего премьера Пашича приехать в Югославию и помочь молодому государству в его работе. Я получил особое приглашение, так как был известен сербскому правительству по моей работе в Одессе в роли председателя Общества помощи сербам, бежавшим в Россию в связи с оккупацией Сербии в 1914 г. австрийскими и германскими войсками. Обстоятельства были таковы, что после недолгих колебаний и взвешиваний предложение Ненадича было принято.

Продолжение гражданской борьбы из Крыма было явно бессмысленно, оставаться в чужом Новороссийске в разгаре гражданской войны представлялось рискованным и для меня самого и для моей семьи. Так сделался я эмигрантом.

В апреле 1920 г. я вступил на территорию Югославии. В августе был приглашен референтом по учебным делам Всероссийским Союзом Городов, который открыл тогда почти по всем тем городам Югославии, где были русские колонии, до двадцати больших и малых школ. В 1922 г. назначен членом Совета по русским школам при Министерстве Просвещения, а в 1923 г. – членом Школьного Совета Державной Комиссии по делам русских беженцев. Был представителем упомянутых двух Советов на первом педагогическом съезде в Праге в 1923 г. и председателем второго педагогического съезда там же в 1925 г. На том и другом

был избран постоянным членом Педагогического Бюро в Праге. В 1925 и 1926 гг. читал лекции по дидактике в Педагогическом Институте имени Яна Амоса Коменского в Праге, тоже в течение летних каникул. В 1925 г. назначен Директором русско-сербской гимназии в Белграде. В 1926 г. был избран от Белграда делегатом на Зарубежный эмигрантский съезд в Париже по списку левой оппозиции, но фактического участия в работах съезда принять не удалось вследствие подавляющего большинства реакционно настроенных делегатов. В правых кругах русской эмиграции не раз подымался вопрос о моём удалении из гимназии вследствие левизны и недостаточного «патриотизма», но трудность найти более подходящего директора и доброе отношение ко мне сербов, особенно Председателя Государственной Комиссии профессора Белградского Университета и Президента Сербской Королевской Академии Наук, А.И. Белича, делали безуспешными все попытки сменить меня. И только в марте 1942 г., приказом ген. Крейтера, поставленного немцами Начальником русской эмиграции, я был удален с должности директора Гимназии, вследствие педагогического и политического разномыслия и моей связи с полковником Ф.Е. Махиным, ныне генерал-лейтенантом Народной Освободительной Армии Югославии.

После отъезда ген. Крейтера в Германию стал Заведующим Русской Публичной Библиотекой в Белграде.

С 1920 по 1930 г. проживал в Земуне по ул. Сибинянина Янка, 8 (против кладбища). От 1930 по 1935 г. – по ул. Краля Петра, 5. С 1935 г. проживаю в Белграде по ул. Добриньской, 7. Белград, 3 XII 1944. ¹

Владимир Молчанов, гимназист 16-го выпуска, писал о своём директоре и преподавателе:

... проф. И.М. Малинин ... твёрдой рукой вёл гимназию до самой войны. Это был умелый администратор, за плечами у него имелись многие годы педагогической деятельности. Авторитет его стоял высоко среди коллег и в Министерстве образования. При нём учебная программа претерпела некоторое изменение: она была приспособлена к местным условиям. Это отнюдь не отразилось на её академическом уровне. Теперь обнаружился крен в сторону таких предметов, как математика, физика, химия и языки. ²

Являясь членом Русского научного института в Белграде, Иван Михайлович нередко выступал там с публичными докладами. Так, 6-го и 13-го ноября 1933 года на двух вечерах он представил слушателям Института доклад «К вопросу о психологии бунта (опыт психоанализа одного конкретного случая)».

1 Машинопись. Собрание А. Арсеньева.

2 «Памятка» 1986 г. С. 169.

После оккупации Сербии Иван Михайлович ещё год возглавлял мужскую гимназию. Но 15 апреля 1942 г. он был уволен.

Сохранились два письма, которые проясняют суть происшедшего. Приводим их полностью:

Пуномоћни Биро Руске Емиграције у Србији
Vertrauensstelle der Russischen Emigration in Serbien
Бюро Русской Эмиграции в Сербии
С № 162
Београд, Кр. Наталије ул. Бр. 33

11 апреля 1942 г.

Милостивый Государь Иван Михайлович,
причины Вашего освобождения от должности Директора гимназии изложены в предписании моём Начальнику Учебного Отдела, которое Вам, конечно, известно.

Они заключаются в несходстве наших взглядов на современную постановку учебно-воспитательного дела и прежней Вашей связи с Махиным.

Во избежание кривотолков я, согласно выраженному Вами желанию, подтверждаю, что связь эта выражалась в переписке в виде поздравлений к наступающим праздникам, которые Вы ему посылали от имени своего, педагогического персонала и учащихся, что доказывает несоответствие наших политических взглядов.

Какой-либо денежной связи или, как это, по Вашим словам, говорят в широкой публике, состояния Вашего «на жаловании» у Махина отнюдь не установлено.

Примите уверение в моем к Вам уважении,

Начальник Бюро
Генерального штаба генерал-майор
Крейтер (подпись)¹

Последовал ответ И.М. Малинина:

Господину В.В. Крейтеру

Милостивый Государь Владимир Владимирович,
я получил Ваши приказ и письмо от 11 сего апреля и передаю сегодня же исполнение обязанностей директора старейшему преподавателю гимназии.

Жест внимания, выразившийся в выдаче мне за продолжительную службу пособия в размере двухмесячного содержания, я оценил вполне.

Причины моего освобождения от должности мне известны, хотя для полной ясности я должен сказать, что я не имел до сих пор ни случая, ни повода ознако-

¹ Машинопись. Собрание А. Арсеньева.

миться с Вашими политическими взглядами, равно как и с Вашей точкой зрения на современную постановку учебно-воспитательного дела.

Неизвестно мне и Ваше предписание Начальнику Учебного Отдела. Вероятно, из него мне было прочитано Ваше мнение о недопустимости моего дальнейшего пребывания директором гимназии вследствие связи с Махиным.

Я думаю, однако, что расхождение существует, в особенности если Вы возводите в ранг политических взглядов и обмен новогодними поздравлениями между лицами, стоявшими во главе русских учреждений. Я же лично расцениваю этот обмен условными любезностями (кстати сказать, вероятно, больше чем десятилетней давности) такими же, как и те шаблонные и лишённые реального содержания формулы, которыми мы начинаем и заканчиваем наши письма. Но я допускаю, что всё можно рассматривать под любым углом зрения. В моей же служебной карьере нынешнее мое освобождение от службы не является особенной новостью: в своё время я по той же причине был удалён с поста Попечителя Одесского Учебного Округа приказом комиссара украинского правительства Петлюры, затем вычеркнут из списка доцентов Университета в Одессе распоряжением комиссара рабоче-крестьянской власти при Университете, и вот теперь Вами. И всё по одной и той же причине – расхождения политических взглядов.

Касательно второй причины моего освобождения от службы я должен сказать, что ещё меньше я осведомлен о Ваших педагогических воззрениях. Ни Вы лично, как и никто другой от Вашего имени не сообщал мне Ваших теоретических взглядов в этой области, сведения же о практическом воплощении их в жизнь в бытность Вашу преподавателем одной из провинциальных сербских школ – в Белграде не доходили. Но и тут я допускаю весьма возможное расхождение, принимая во внимание значительное различие нашей предшествующей деятельности.

О более же глубоком расхождении нашем, лежащем вне области политики и педагогики, я догадался давно по стилю ведения Вами заседания общего собрания преподавателей и родителей, созванного как то зимой.

Примите уверения в моем к Вам уважении.¹

(Напомним, что Ф.Е. Махин, глава Белградского представительства «Земгора», после начала партизанского движения ушел «в горы»).

После увольнения с поста директора гимназии вплоть до освобождения Белграда в октябре 1944 г. Иван Михайлович оставался безработным. Позднее короткое время он состоял управляющим Русской публичной библиотекой, при Русском доме памяти Императора Николая II, переименованном в Дом советской культуры в Белграде.

В 1945 году новыми властями И.М. Малинин был назначен преподавателем русского языка на курсах при Министерстве просвещения для преподавателей средних учебных заведений, затем на курсах при Генеральном штабе Югославской

1 Машинописная копия письма, без даты и подписи. Собрание А. Арсеньева.

армии и в Высшей офицерской школе. С марта по ноябрь 1946 год Иван Михайлович не работал – он поправлялся после автомобильной аварии. С декабря 1946 по май 1947 года Малинин состоял руководителем семинара по русскому языку при Высших шестимесячных экономических курсах Хозяйственного Совета, с ноября 1947 года преподавал русский язык в Центральном доме Югославской армии и в Дипломатической школе.

В феврале 1948 года Иван Михайлович и его жена Вера Петровна приняли советское гражданство.

Сохранились удостоверения о том, что в ноябре 1948 года Иван Михайлович состоял внештатным преподавателем русского языка и сотрудником белградских ежедневных газет «Борба» и «Политика», в январе 1949 года – преподавателем в Государственном институте физкультуры, с 25 января – лектором русского языка на Естественно-математическом факультете Белградского университета, а с 30 декабря 1950 года давал уроки и на курсах при Сербской Академии наук.

Загадочное учреждение, называвшееся *Институт по историческим вопросам при Управлении координирования работы научных институтов в Белграде* (в сущности, это был орган югославской госбезопасности – УДБА), своим распоряжением от 25 октября 1950 года дало задание «профессору Малинину, гражданину СССР» представить исторический очерк о русской эмиграции в Югославии, содержащий сведения по девяти конкретным пунктам.

В переводе с сербского они гласят:

1. Организация и развитие русской академической жизни и научной работы в Югославии, с 1921 по 1944 гг., по этапам. В чём проявляется вклад русских учёных, профессоров и преподавателей в югославскую науку – в общем плане и по отдельным специальностям. Особо отразить работу русских профессоров в университетах Белграда, Загреба, Любляны (и на факультетах) в Скопье и Суботице. Составить список профессоров, с характеристиками их научной деятельности в Югославии и их судьбами. Участие профессуры в общественной и политической жизни;

2. История (в общих чертах) развития различных объединений русских педагогов: Общества русских ученых, Союза педагогов (пражского), Объединения преподавателей (белградского), а также просветительных учреждений: Русского народного университета, Русского научного института, Съезда русских учёных в Белграде 1928 г., и их итоги, в особенности относительно белградских обстоятельств. Самые важные связи белградских русских учёных с подобными русскими и иностранными учреждениями за рубежом;

3. О русских студентах (численность, материальное обеспечение, учение и работа) в югославских высших учебных заведениях. Студенческие объединения, настроения в их рядах, в разные периоды, связи с подобными югославскими объединениями;

4. Представить состояние и работу каждой из русских школ в Югославии (кадетские корпуса, гимназии, начальные школы, детские сады). Педагогическая направленность, школьная программа и достигнутые результаты. Работа русских школ в годы оккупации;

5. Как складывалась общественная жизнь русской эмиграции в Югославии, и как случилось, что преобладали элементы правой и монархической направленности. Подробно об их работе, махинациях и фальсификации общественного мнения;

6. Основные виды деятельности либеральных элементов, сгруппированных вокруг Национального эмигрантского комитета, а позднее – Русского национального объединения. Причины неудачи «Зарубежного» съезда в Париже и несостоявшегося политического объединения эмиграции. Отношение либералов к засилью монархистов в Югославии, до 1941 г. и в годы оккупации;

7. Отношения и настроения массы эмиграции, в первую очередь большинства русской интеллигенции;

8. Переориентация в рядах русской эмиграции в годы оккупации. Возникновение новых условий в связи с формированием Русского корпуса и участие русских культурных деятелей в эти годы, как и в новых учреждениях, возникших в рамках Русского корпуса;

9. Участие русских эмигрантов в Народно-освободительном движении и в Союзе советских патриотов. Как налаживалась жизнь русских эмигрантов после освобождения страны. Основная характеристика их настроений и колебаний, в период до обнародования декрета о возможности получения советского гражданства.¹

Иван Михайлович только принял за исполнение этого «ответственного» задания, от которого он по понятным причинам не мог отказаться, как через десять дней, а именно 15 октября 1950 года, супругам Малининым, как советским гражданам, находящимся на территории Югославии, было отказано в гостеприимстве. Им вручили официальное предписание покинуть страну до 1-го декабря.

Иван Михайлович в соответствующем отделе Министерства внутренних дел предъявил документ о том, что он выполняет заказ Института исторических вопросов и ему было продлено проживание в Югославии до 1-го мая 1951 года.

После приказа властей, опубликованного в газетах, Малинины 15 декабря явились на регистрацию, как иностранцы, и подобно всем, сдали паспорта и прошение на постоянное проживание. Институт и председатель Сербской Академии наук ходатайствовали в адрес Президиума правительства о выдаче Малининым постоянной прописки в Белграде.

28 декабря 1950 года Иван Михайлович был вызван в Управление внутренних дел, и начальник отдела, ведающего высылкой русских, сообщил ему, что Малининым разрешается дальнейшее проживание и работа в Югославии, что паспорт им

1 Машинопись, оригинал. Собрание А. Арсеньева.

будет вручён вместе с пропиской в Белграде. Чиновники нашли паспорта Малининых, в них были зачёркнуты выездные визы, поставлена помета «аннулировано», скреплённая печатью.

Однако, на этом «хождение по мукам» двух пожилых людей не закончились. В начале 1951 года Иван Михайлович был допрошен органами Отдела государственной безопасности (УДБА). Сотрудники особо интересовались, почему Малинин до сих пор не сменил и не намерен менять советское гражданство. Последовал спокойный ответ: «Подобно тому, как Огнеслав Костович, изобретатель цеппелина, которого так оценили в Югославии за то, что до конца своей жизни он не принял российское подданство, так и русскому подобает оставаться русским». На свой второй вопрос, на какие средства живёт товарищ Малинин, сотрудник услышал: «На скромную пенсию, не являющуюся милостыней, а честно заработанную. Высылка из Югославии означала бы отобрать у меня всё, на что я имею полное право, без какой-либо моей вины».

Лишь 4 июня 1951 г. Иван Михайлович снова был приглашён по известному адресу, где уже новый начальник объявил ему, что Малинины либо должны принять югославское гражданство, либо будут вынуждены покинуть Югославию. После ознакомления с обещанием, которое прежний начальник дал Малининым, новый пообещал проверить показания профессора, и через месяц его известить, а пока Малининым нужно готовиться к отъезду.

После очередного объявления в газетах, И.М. Малинин 15 июля явился в Управление, надеясь получить разрешение на постоянное проживание в Белграде. Оказалось, что для Малининых и для ряда русских таковые ещё не были оформлены.

Итог: 10 сентября 1951 года Иван Михайлович Малинин вместе с супругой были арестованы и «экспультированы» (*так!*) в Болгарию.

В Пловдиве Ивана Михайловича приняли на работу преподавателем русского языка в Педагогическом институте, а с октября 1953 года – штатным преподавателем Кафедры иностранных языков при местном Высшем медицинском институте.

Внук Малининых, врач Живко Тешич, будучи студентом, несколько раз приезжал в Болгарию из Белграда, навещал бабушку и дедушку.

Иван Михайлович Малинин скончался 10 марта 1961 года, от артериосклероза.

Жена Вера Петровна М., (ур. Яворская; 02/15.02.1881 – 16.02.1968, Пловдив, Болгария). По первому браку Фролова.

20 июля 1911 года в храме Равноапостольных Константина и Елены в Одессе состоялось бракосочетание штатного преподавателя Второго общественного реального училища Ивана Михайловича Малинина и преподавательницы Реального училища Веры Петровны Фроловой, вторым браком.

13 марта 1914 года у супругов родилась дочь Наталья. Семья эвакуировалась из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». Прибыв в КСХС в апреле 1920 г., семья Малининых сначала попала в сербский город Кралево, откуда перебралась в Земун.

Из сохранившихся документов известно, что Вера Петровна окончила Вторую Мариинскую женскую гимназию в Одессе, четыре года вела подготовительные классы в гимназии, окончила трехгодичные Высшие Фребелевские педагогические женские курсы в Петербурге (1906) и десять лет состояла преподавательницей Реального училища Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Одессы, была членом Центрального профессионального союза служащих в государственных и общественных учреждениях Херсонской губернии.

В эмиграции, с 20 июля по 1 октября 1920 года, она была начальницей Русской школы и детского сада в Белграде, с 1 октября 1920 г. – начальницей Русского реального училища и детского сада в Земуне, а с 1 сентября 1939 до 1 сентября 1944 года – преподавательницей Русской начальной школы в Белграде.

Дочь Наталья, гимназистка, выпуск женской гимназии 1933 г. По мужу Тешич. Внук Живко (в крещении Виталий) окончил русскую начальную школу.

Труды И.М. Малинина:

«Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина», Белград, 1934, «Спор Платона с софистами в диалогах», «Парменид», «Философские взгляды Чаадаева», «Проблемы эстетики в понимании неокантианцев» и др.

БРЮХАТОВ Андрей Дмитриевич, 19.06.1870, Шатский уезд, Тамбовской губ. – 26.12.1933, Белград.

История и латинский язык в 1930/1931 учебном году.

Андрей Дмитриевич происходил из старинного русского дворянского рода Пензенской губернии. На короткое время, в 1926 г., был назначен директором гимназии. В эмиграции А. Брюхатов сохранил российское гражданство. Был женат.

СУХОТИН Лев Михайлович, 25.12.1879, Москва – 01.06.1948, Брюссель.

Директор женской гимназии с момента разделения по 1941 г.

История и латинский язык. С 1920 по 1930 г. в смешанной гимназии, с 1930 по 1941 г. в женской гимназии.

Историк, литературовед, деятель культуры.

Лев Михайлович происходит из дворян Тульской губернии. В детстве ему очень повезло: он учился в частной московской классической гимназии Л.И. Поливанова, славившейся новейшими методами преподавания, прогрессивным духом и особым вниманием к словесности и гуманитарным наукам. В ней учились дети Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Плещеева, А. Островского, будущие поэты В. Соловьев, В. Брюсов, К. Бальмонт, М. Волошин, А. Бугаев (Андрей Белый), художник А. Головин.

Андрей Белый позднее написал о своих гимназических годах:

К моему прискорбию, индивидуальностью нашего класса было отсутствие индивидуальности; следующий, старший класс (Сухотин, Голицын, Бочков и др.) развивал интересы к поэзии, литературе, театру; у нас я развивал в мыслях тенденции ко всему этому; но сложившаяся *головка* класса интересовалась иным: шли разговоры о велосипедных гонках, о том, кто вне гимназии носит смокинг; богатые, равнодушные к культуре, избалованные родителями сынки с четвертого класса заговорили о высшем свете.¹

С Андреем Белым, Лев Сухотин резвился в «рое поливановцев», которые посещали Андрея и Михаила Толстых в доме писателя в Хамовниках.

Лев Михайлович блестяще окончил историко-филологический факультет Московского университета. Не успев ещё защитить докторскую диссертацию, он уже состоял приват-доцентом на университетской кафедре русской истории и был принят действительным членом в Общество истории и древностей Российских. Лев Сухотин стал сотрудником академика С.Ф. Платонова.

Вместе со Львом Толстым он участвовал в компании помощи голодающим и часто был гостем в Ясной Поляне. В своих «Яснополянских записках» личный врач семьи Д.П. Маковицкий под датой 14 июня 1909 года записал:

Л.Н. Толстой разговаривал с Л.М. Сухотиным, готовящимся в профессию по русской истории об истории освобождения крестьян. Разговор длился полтора часа. Лев Михайлович рассказал многое, Л.Н. заинтересовавшее, новое. <...>

Говорил обстоятельно и обширно о наказах крестьян Олонецкой и Архангельской губерний и о наказах дворян на совещаниях по земельному вопросу при Екатерине II.

Л.Н.: Меня интересует нравственный элемент, который играл роль в освобождении крестьян с самого начала и до конца.

1 Белый А. На рубеже столетий. Москва: «Художественная литература», 1989. С. 306.

Лев Николаевич с негодованием говорил о нынешнем разрушении общины.¹

Отец Льва Михайловича вторым браком был женат на старшей дочери писателя, Татьяне Львовне, которая таким образом стала мачехой Льва Сухотина.

Лев Михайлович участвовал в Белом движении, состоя в Вооруженных силах Юга России (ВСЮР). Супруги Сухотины и с ними жена брата Алексея были эвакуированы из Одессы 01.03.1920 г. Зарегистрированы во Вранье 21.04.1920 г.²

Оказавшись позднее в Белграде, Лев Михайлович с радостью откликнулся на предложение В.Д. Плетнёва войти в педагогический коллектив создаваемой им гимназии. После разделения смешанной гимназии в 1930 г. Лев Михайлович был назначен директором женской гимназии и руководил ею вплоть до выпуска весной 1941 года. Там же он преподавал указанные выше предметы.

Современники считали его мягким, либеральным человеком, при этом умевшим твёрдой рукой вести гимназию и поддерживать её успехи на высоком уровне. Молодые подопечные любили своего директора. Одна из гимназисток отметила: «Англофил и европеец по виду, он очень интересно преподавал историю. Старался объективно передать свои знания, не выдавая личных симпатий и политических взглядов».³

Л.М. Сухотин много сделал для устройства русских школ за рубежом. В 1928 году в Праге вышла его статья «К вопросу о преподавании истории в русской средней школе». Им были написаны учебники: «История Древнего мира» (1925), «Учебник русской истории», ч. ч. 1 и 2 (1926–1927), «История средних веков» (1929), «История нового времени» (1931). Большинство из них были переведены на сербский язык и введены как обязательные учебники в югославских средних учебных заведениях и ежегодно переиздавались.

В 1935 г. Сухотин принял югославское подданство.

Общественная деятельность Льва Михайловича была обширна. Он ярко проявил себя в работе русского Педагогического совета (при Государственной комиссии, ведавшей делами русских беженцев), где играл видную роль в составлении программ русских учебных заведений в КСХС–Югославии. Состоял членом многих общественных организаций: Союза русских писателей и журналистов (со дня его основания в 1925 году), Русского археологического общества, Русского научного института в Белграде, членом «Издательской комиссии» по выпуску в Белграде серии книг «Русской библиотеки» – произведений русских писателей,

1 У Толстого 1904–1910: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Литературное наследство. Том 90. Книга третья. Москва: «Наука», 1979. С. 442.

2 ГА РФ, ф. 5982, оп. 1, д. 177, л. 78.

3 «Памятка» 1986 г. С. 148.

оказавшихся в эмиграции, членом «Пушкинского комитета» по празднованию и изданию «Белградского пушкинского сборника» (1937) и др.

При такой нагрузке, Лев Михайлович находил время для научной и литературной работы. Он опубликовал как свои исторические исследования – об опричнине, брачных союзах ближайших потомков Св. Князя Владимира, Боярской думе в XVI веке, так и литературоведческие труды – «Фет и Елена Лазич» (1933), антологию «Любовь в русской лирике XIX века» (1927), включающую аналитические комментарии составителя.

Очень вероятно, что именно «англофильство» и леволиберальные взгляды Льва Михайловича сыграли решающую роль, когда летом 1941 года новая администрация, ведавшая в условиях оккупации делами русских эмигрантов в Сербии, уволила директора Сухотина без объяснения причин. Эта же администрация произвела изъятие некоторых книг из фондов Русской публичной библиотеки при Русском доме.

Супруги Сухотины все годы немецкой оккупации прожили в столице, тщетно пытаясь получить визу на выезд в Бельгию к сыну. Театральный режиссер Ю.Л. Ракин записал в своем дневнике 27 июля 1941 года:

«Жутко было читать в газете о сожжении во дворе Русского дома целого ряда русских книг. <...> Зачем из Сухотина делать страдальца времён Савонаролы, сжигать его учебник?!»¹

По окончании войны Лев Михайлович короткое время давал частные уроки русского языка Александру Ранковичу, министру внутренних дел новой Югославии (вероятно по рекомендации академика-лингвиста Александра Белича, хорошего знакомого Сухотина). Это знакомство помогло Льву Михайловичу беспрепятственно выехать с женой в Бельгию.

Отец Михаил Сергеевич С., (01.01.1850, Москва – 04.08.1914, с. Суворово, Мценского уезда Орловской губ.), действительный статский советник, Новосильский уездный предводитель дворянства, депутат I Государственной Думы (с 1906);

1-й брак отца: Мария Михайловна С., (ур. Боде-Колычёва; 09.03.1856 – 22.03.1897), мать Льва Михайловича. 2-й брак отца: Татьяна Львовна Толстая.

Сестра Наталия, (16.01.1882, Москва – 11.11.1925, Канн, департамент Приморские Альпы, Франция). В замужестве княгиня Оболенская.

Братья:

Михаил, (1884 – 1921), правовед, кавалергард, состоял в Красной армии;

Сергей, (1887 – 1926), участник убийства Г.Е. Распутина;

¹ Рукописные дневники Ю.Л. Ракина хранятся в фондах Театрального музея Воеводины. Нови Сад.

Алексей, (7/19.11.1888, усадьба Кочеты, Тульская губ. – 21.02.1942, Ульяновск), дипломат, лингвист и переводчик;

Жена (с 1905 года): Елена Петровна С., (ур. Базилевская; 16.09.1885 – 04.06.1958, Брюссель);

Сын Михаил Львович С., (1905 – ?), гимназист, 4-й вып.

ЛЕВИЦКИЙ Владимир Северинович («Северин»), 05.05.1879, Киев – ?.

Директор женской гимназии с лета 1941 по сентябрь 1944 г.

Заведующий мужским интернатом гимназии с 1926 по 1931 г.

Природоведение в смешанной гимназии с 1926 г. **Природоведение и химия** с 1930 г. в обеих гимназиях. **География и гигиена** в женской гимназии.

ЛЕВИЦКАЯ (ур. Божкова) Мария Х., 21.01.1881, Тифлис – ?.

Рукоделие с 04.10.1926 по 05.09.1935.

Владимир Левицкий окончил гимназию в Прилуках (Полтавская губ.) и биологическое отделение физико-математического факультета Университета Св. Владимира в Киеве. Работал ассистентом при университете (1908–1911), преподавал на Высших женских курсах, был директором коммерческого училища в Киеве (1918–1919) и инспектором классов Киевского кадетского корпуса. Участник Белого движения на той же должности.

В конце января 1920 г. эвакуирован из Одессы с частью персонала и кадет корпуса на пароходе «Церкес». С пересадками на другие пароходы и поезда, через Варну, Софию, Белград, Панчево, Сисак, окончательно при Сводном кадетском корпусе Владимир Северинович с кадетами оказался в казармах г. Сараево, Босния. Там Корпус был переименован в Русский кадетский корпус в Сербии.

До 1-го августа 1922 г. В.С. Левицкий преподавал в корпусе природоведение и историю, а затем был направлен преподавателем природоведения и инспектором классов в Русскую реальную гимназию в Поновиче-Хростоваце (Словения).

С переездом (вместе с женой) в Белград, Владимир Северинович принял югославское подданство и с 10 октября 1926 г. начал вести уроки природоведения в «плетнёвской» гимназии.

С 1926 по 1931 г. Владимир Северинович заведовал мужским интернатом гимназии. Он был заботливым заведующим; имея самые скромные средства, «построил» форму для гимназистов, улучшил питание и обстановку в интернате.

В годы немецкой оккупации Белграда В.С. Левицкий назначен директором женской гимназии. В эти военные годы в учебную программу ввели так называемое «Внешкольное образование» под руководством специалистов со стороны.

В сентябре 1944 г. В.С. Левицкий с женой покинули пределы Югославии. В 1945 г. они находились среди русских семейств и белградских гимназистов в интернате в Саксонии. Дальнейшая их судьба не известна.

Мать София Антоновна Л., (ур. Лучинская). Участница Белого движения. Эвакуирована из Ялты на корабле «Корвин».

Жена Мария Х. Левицкая эвакуирована вместе с мужем из Одессы в конце января 1920 года. В 1922–1926 годы до переезда семьи Левицких в столицу преподавала рукоделие в Русской реальной гимназии в Поновиче-Хростоваце.

ЛАВРОВ Сергей Васильевич, 1873 – 7/20.12.1944, Белград.

Директор мужской гимназии в 1942 году.

Латинский язык.

Славист, педагог, общественный деятель.

Сергей Васильевич состоял в Петербурге директором гимназии Императорского человеколюбивого общества, помогавшем детям-сиротам. Сразу же после захвата власти большевиками он один, без семьи, эмигрировал в КСХС, обосновавшись уже в 1918 году в Белграде. Жена его, Елизавета Акимовна, категорически отказалась уезжать из России. С нею остались и четверо детей.

С.В. Лавров был одним из первых русских эмигрантов, кто рассказал о положении в Советской России. В одном сборнике, вышедшем на сербском языке, он поместил свой очерк «Большевицкий рай» (1919). Вскоре, уже на русском языке, были опубликованы две его книги: «Краткая сербская грамматика для русских» (1920) и «Русско-сербский словарь» (1922). С.В. Лавров был членом Школьно-педагогического совета при белградском представительстве Всероссийского союза городов (ВСГ), и в 1920-е годы ездил по городам КСХС в качестве инспектора русских начальных школ. В 1930-е годы преподавал латынь в сербской Государственной мужской реальной гимназии в Земуне.

В 1921 году в Белграде на средства М.И. Стефановича были изданы «Воспоминания о Царской семье и её жизни до и после революции» Татьяны Мельник (ур. Боткиной). С.В. Лавров принял живейшее участие в подготовке издания.

Внук его, Кирилл Юрьевич Лавров (1925–2007), известный ленинградский и петербургский актёр театра и кино, побывав ещё в советское время в Белграде, нашёл на Новом кладбище в Белграде могилу Сергея Васильевича. Ему даже повезло получить в подарок портрет деда и увезти его с собой в Ленинград.

СЕРГЕЕВСКИЙ Борис Николаевич («Калиф»), 27.02.1883 – 03.06.1976, Лос-Анджелес.

Директор мужской гимназии с 1943 г. до закрытия осенью 1944 г.

История, география в мужской гимназии.

Историк. Генерального штаба полковник.

СЕРГЕЕВСКАЯ (ур. Лен (Lehn) Елизавета Эрнестовна, 30.08.1894, Германия – 22.04.1972, Лос-Анджелес.

Немецкий язык.

Борис Александрович происходит из дворянской семьи Псковской губернии, сын профессора Петербургского университета, сенатора и члена Государственного совета России. Он окончил с золотой медалью Ларинскую классическую гимназию в Петербурге, Константиновское артиллерийское училище в 1904 году и Николаевскую военную Академию с причислением к Генеральному штабу в 1911 году. Вольнослушателем Борис Николаевич окончил Императорский археологический институт.

Б. Сергеевский служил в л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригаде. Участник Великой войны, награждён Георгиевским оружием. Начальник службы связи в Ставке Верховного Главнокомандующего. Полковник (август 1917). 20 октября 1917 г. Временное правительство произвело Б.Н. Сергеевского в генерал-майоры, однако он это производство не признал и генералом никогда не именовался.

Участник Белого движения. Галлиполиец, командир Офицерской роты. В апреле 1920 г. эвакуирован в Болгарию, откуда после ареста болгарскими властями 29 декабря 1922 г. выслан в КСХС.

Первое время Борис Николаевич состоял библиотекарем в Первой русско-сербской девичьей гимназии с общежитием в г. Велика Кикинда, где уже с начала 1920-х годов служила классной дамой, а затем преподавателем немецкого языка Елизавета Лен. Она происходила из немецкой семьи, окончила гимназию в немецком городе Кассель (?) и философский факультет университета в Марбурге.

Позднее Б. Сергеевский начал преподавать историю в Донском Императора Александра III кадетском корпусе, возглавил Объединение киевлян-константиновцев. А Елизавета Эрнестовна с 1924/25 учебного года перешла преподавателем в Мариинский донской девичий институт в Белой Церкви. В 1928 году они стали мужем и женой. В 1933 г. Елизавета крестилась в православную веру в белградском русском храме Св. Троицы.

С 1931 г. супруги Сергеевские находятся в Белграде, где Елизавета Эрнестовна начинает вести уроки немецкого языка в мужской (с 13 октября 1931 г.) и в женской

(с 7-го июля 1932 г.) гимназиях, а муж преподаёт историю и географию в мужской. И так продолжалось вплоть до закрытия обеих гимназий в 1944 г.

В Белграде Борис Николаевич, будучи членом Русского общевойскового Союза (РОВС), исполнял должность генерала для поручений при начальнике РОВС, состоял членом Общества офицеров Генштаба и Союза русских писателей и журналистов в КСХС–Югославии. Сергеевский читал лекции на высших военных курсах генерала Н.Н. Головина, часто выступал в белградской прессе, был видным деятелем и воспитателем в югославском «Русском соколе», а позднее в Германии.

Из статьи Владимира Молчанова, гимназиста 16-го выпуска:

Б.Н. Сергеевский преподавал историю и географию (физическую и экономическую) России в старших классах. На своём веку мне приходилось слушать профессоров югославских, немецких и, наконец, американских. Положа руку на сердце, могу сказать, что Борис Николаевич многих из них превосходил своим умением подойти к ученику и преподавать материал. Понять молодую душу. Захватить и воодушевить. Для этого у него были ценные данные: любовь к молодёжи, необыкновенная эрудиция и талант преподавателя. <...>

Его уроков мы ждали с нетерпением и часто сожалели, что они быстро кончались. Незабываемы эти уроки, а на самом деле лекции, иллюстрированные схемами сражений. Курс истории не заканчивался царствованием императора Александра 3-го. Б.Н. рассказывал нам о трагическом правлении царя-мученика и о втором смутном времени на Руси. Мы изучали географию и экономику России, а заканчивали курсом по изучению СССР. Таким образом у нас создавалась полная и правдивая картина прошлого и настоящего нашей родины.¹

Семья Сергеевских покинула Белград в сентябре 1944 г. и прошла через несколько лагерей перемещённых лиц под Мюнхеном, в Фельдмохинге и в Шляйсхайме, где Борис Николаевич создал русскую гимназию для эвакуированных детей – Гимназию Бесподданных.

В Германии полковник Сергеевский возглавлял 2-й отдел РОВС в 1949 – 1950 гг. В 1951 г. всей семьёй они переехали в США. В Сан-Франциско Борис Николаевич преподавал в русской приходской школе-гимназии (1951–1954).

Сын Андрей, (02.12.1928, Марбург – 07.11.2010, Лос-Анджелес). «Неокончившие гимназисты» см. Инженер.

Труды Б.Н. Сергеевского:

«Пережитое. 1914» (1933), «История военного искусства. Лекции, читанные на старшем курсе в 1932–1933 году» (1933), три сокольские пьесы, изданные Обществом «Русский сокол» (1937). Учебник «Прошлое русской земли», Нью-Йорк, 1954.

¹ «Памятка» 1986 г. С. 170–171.

Преподаватели гимназий

АНИЧКОВ Евгений Васильевич, 02/14.01.1866, Боровичи, Новгородской губ. – 08/21.10.1937, Белград.

Английский язык. 1920/1921 учебный год.

Историк литературы, фольклорист, прозаик. Доктор филологии.

Свои юные годы Евгений провёл в Тифлисе и в Вильне, по месту службы отца. В 1878 году семья переехала в Петербург, где по окончании 2-й гимназии, он в 1883 году поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, но в 1887 году был исключён вместе с братом за участие в студенческих беспорядках.

Воинскую повинность Евгению Аничкову, как бывшему студенту, пришлось отбывать на Украине.

Вернувшись в столицу, Евгений Васильевич восстановился в университете и окончил его в 1889 году. С 1895 года он уже приват-доцент по кафедре истории западноевропейских литератур в Киевском университете; с 1901 года – заведующий кафедрой. В том же году Е. Аничков принял участие в создании русской Высшей школы общественных наук в Париже, где и начал преподавать, одновременно изучая провансальскую литературу. Занимался он и изучением творчества Шекспира. По возвращении в Россию Евгений Васильевич читал лекции в Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах. Докторскую диссертацию он защитил в 1904 году.

Аничковым написаны многие критические статьи о современной ему русской литературе, в частности – поэзии. Он был близок к эсерам и дважды его арестовывали. В университете курс его лекций посещал А.А. Блок. Поэт поддерживал знакомство с Евгением Васильевичем и консультировался с ним при работе над драмой «Роза и крест». В 1914 году вышел главный труд Е.В. Аничкова «Язычество и Древняя Русь».

Аничков посещал в Петербурге (1912–1913) заседания «Общества славянского научного единения», где познакомился с будущим основателем гимназии В.Д. Плетнёвым.

С началом Великой войны доктор Аничков добровольно вступил в ополчение, затем служил военным цензором, а в 1917 году он был откомандирован с русским отрядом (корпусом) во Францию, оттуда – на Салоникский фронт, где находился в составе русских частей. Затем Евгений Васильевич продолжил службу во Французской армии, в чине лейтенанта.

С 1920 года Е.В. Аничков в КСХС. До 1926 году он работает в должности профессора сравнительных литератур и старофранцузского языка философского факультета Белградского университета. В 1926 г. Е.В. Аничков приглашён в Старую Сербию (ныне Македония), в Скопье он десять лет служит профессором философского факультета.

Интересные воспоминания об Аничкове оставил протоиерей Василий Зеньковский:

Впервые я узнал Евгения Васильевича, когда был студентом на естественном отделении физико-математического факультета [в Киеве]. Е.В. был тогда приват-доцентом на историко-филологическом факультете (по истории западной литературы), но его лекции привлекали студентов со всех факультетов – так что ему приходилось читать на самых больших аудиториях, чтобы все желающие могли его услышать. <...>

Мы много беседовали с Е.В. на научные темы. Он был хороший, настоящий историк (школы Александра Веселовского), интересы его были направлены в сторону изучения религиозных мотивов в обрядах и т. п. Его прекрасные книги («Обрядовые весенние песни на Руси», «Язычество на Руси») были мне очень по душе. Хотя Е.В. был настоящий болтун, но знания были у него большие. Более поздняя его работа об Иоахиме Флорском была мне чрезвычайно близка.¹

Е.В. Аничков сотрудничал во многих сербских литературных журналах, в Праге опубликовал на русском языке книги «Христианство и Древняя Русь» (1924), «История эстетических учений» (1926), «Западные литературы и славянство» (1926), а в Париже – роман «Язычница» (1931). Неоднократно бывая в Италии, он навещал своего давнего петербургского друга Вячеслава Иванова, который, в посвященном ему стихотворении «Сверстнику», писал:

Старина, еще мы дюжи мыкать
 По свету скитальцев русских долю,
 В рубище всечеловеков кликать
 Духов День, Финиста-птицу, Волю.
 <...>
 Свидимся – в нас древний хмель забродит,
 И кипит ключом воображенье.

В Белграде Евгений Васильевич основал Русскую академическую группу, состоял почётным членом Союза русских писателей и журналистов, членом редак-

¹ Зеньковский В., протоиерей. Мои встречи с выдающимися людьми. Часть I: Киев // Записки русской академической группы в США. (NewYork). Т. XXVI. 1994. С. 7–8.

ции литературно-политического журнала «Призыв» (1926–1927), был участником Первого съезда русских зарубежных писателей и журналистов (Белград, 1928).

После выхода на пенсию Е.В. Аничков возвратился из Скопье в Белград. В 1936 году его избирают главным редактором юбилейного «Белградского Пушкинского сборника» (1937). К несчастью, не дождавшись выхода из печати этого ценного издания, Евгений Васильевич скоропостижно скончался.

Отец Василий Иванович А., (1838–1881), штабс-капитан л.-гв. Стрелкового батальона, майор в отставке. Военный юрист. Актер-любитель, участвовал в литературском спектакле с И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским.

Мать: Ольга Петровна А., (ур. Дирина).

Брат: Иван.

Жена: Анна Митрофановна А., (ур. Авинова; 1868–1935), прозаик, критик, переводчик. Литературный псевдоним «Иван Странник». После революции Анна Митрофановна осталась в Советском Союзе.

Сын Игорь Евгеньевич А., (23.05.1897, усадьба Зализень, Боровичский уезд – 21.05.1978, Ленинград), жил с матерью. Советский лингвист, по образованию философ. Доктор филологических наук (1947). Неоднократно, начиная с 1928 года, был репрессирован и высылался из Ленинграда.

АНОСОВ Михаил Александрович, 17/30.10.1875, Тамбов – после 1957, Норвегия.

Русский и латинский языки в мужской гимназии с 01.09.1935 по 1941 г.

Михаил Александрович учился в Московском университете, по окончании которого успешно служил, достигнув ранга коллежского советника (по другим сведениям – статский советник, что вызывает сомнения по возрасту). Вероятно, Михаил Александрович был женат ещё в России и имел дочь, родившуюся около 1899 года. По его словам (в лагере в Триесте), дочь осталась в России и скончалась в 1944 году.

М. Аносов – участник Белого движения. Эвакуирован в КСХС, где стал преподавателем русского языка в русских учебных заведениях: Русском кадетском корпусе в Сараево (20.10.1921 – 01.09.1928), Крымском кадетском корпусе в Белой Церкви (01.09.1928 – 01.09.1929), Первом русском великого князя Константина Константиновича кадетском корпусе в Белой Церкви (01.09.1929 – 01.09.1935).

Переехав в Белград, Михаил Александрович начал вести занятия в гимназии. В своих воспоминаниях, кадет Алексей Боголюбов написал и об Аносове:

Латынь в корпусе ввели с нашего 17-го выпуска. Поэтому мы её не любили! Два первые года (5-й и 6-й классы) латынь нам преподавал Михаил Александрович Аносов, бывший студент Московского университета, интеллигент, либерал,

любитель русского театра, поэзии, музыки, философии и так далее. Мы этим широко пользовались. В начале урока задавали ему «наводящие» вопросы и потом большую часть урока с интересом слушали его рассказы о выдающихся людях начала этого века: Шаляпине, Неждановой, Блоке, Бальмонте, Вл. Соловьеве, Кизеветтере, Морозове, Мамонтове и так далее. До латыни нам было мало дела.¹

В «Памятке» 1986 г. пишет о Михаиле Александровиче и Владимир Молчанов из 16-го выпуска:

Было бы несправедливо не упомянуть М.А. Аносова – преподавателя русской литературы в старших классах. В России он был учителем гимназии. Это был как бы сошедший со страниц нашей классической литературы персонаж: неисправимый идеалист и энтузиаст. Литература была его страстью. Он и нас сумел обворожить своими чарами. Его коньком был А.С. Пушкин. Вспоминаются наши «литературные суды» над «Евгением Онегиным», «Медным всадником».

При разборе «Хоря и Калиныча» класс разделился на две неравные части; «болельщики Хоря» остались в меньшинстве. Нередко класс походил на дискуссионный клуб, где решались «вечные вопросы» все теми же русскими мальчиками. Мы с удовольствием писали сочинения и с нетерпением ждали их разбора. М.А. указывал на стиль, а вернее – угадывал будущих «литераторов». Его заслуга в том, что мы полюбили нашу литературу и стали бережно относиться к русскому языку. Это было особенно важно для детей уже родившихся в изгнании и росших в чужой культурной среде.²

Михаил Александрович страстно любил русскую поэзию, на своих уроках он читал наизусть множество стихотворений и следил за тем, чтобы и ученики заучивали их наизусть. В 1941 году Михаил Александрович вышел на пенсию. По окончании Второй мировой войны он остался в Югославии, но летом 1950 года выехал в Триест, оказавшись в беженском лагере Сан Сабба. Здесь были созданы начальная школа и гимназия для детей русских беженцев. Михаил Александрович пришел туда преподавателем русского языка и литературы, и, конечно же, его ученики опять записывали в тетради услышанные от него стихи русских поэтов и учили их наизусть.

О жизни в лагере вспоминает Наталия Драгановна Изюмова, живущая ныне в США:

Люди охотно делились тем немногим, что имели. Получит кто откуда-то какой-нибудь паёк или посылку от родственников, обязательно занесёт что-нибудь

1 Боголюбов А. Воспоминания кадета Семнадцатого выпуска // Кадетская перекличка. (Нью-Йорк). № 74, 2003.С. 197.

2 «Памятка» 1986 г. С. 171.

из полученного (мыло, яблоко) своему знакомому. Были и такие, что и уехавши из Триеста и далеко не блестяще где-то устроенные, всё ещё помнили о нуждах оставшихся. Так старый профессор Михаил Александрович Аносов, бывший преподавателем в лагерной школе ... и попавший в «далёкую, холодную» Норвегию, получив вдобавок к крошечному месячному пособию, которое он имел от норвежского правительства, ещё какую-то «премию», посылал деньги в лагерь с тем, чтобы они были поделены среди троих оставшихся там его друзей.¹

Получив норвежскую визу в конце июня 1952 года, М. Амосов покинул лагерь в Триесте. В Норвегии он жил в домах престарелых, содержавшихся государством. Состояние этих заведений было безукоризненным: чистота, внимательный уход, хорошее питание. И всё-таки окружение было совсем чуждое, «не с кем словом перемолвиться». Настоящим счастьем для любого учителя становятся письма от бывших учеников. Этой радостью не был обделён и Михаил Александрович, он вёл с ними обширную переписку, равно как и с друзьями и знакомыми, рассеянными по всему свету, сообщая, что неизменно радуется жизни. Самой большой его отрадой оставалось чтение. Он продолжал жить в мире своей любимой поэзии; Бог весть, где он доставал книги на родном русском языке, преподаванию которого он посвятил всю свою жизнь.

БЕЗОБРАЗОВ Сергей Сергеевич, 29.02/12.03.1892, Санкт-Петербург – 04.02.1965, Париж.

История. С 1923 по 1925 г.

Доктор богословия, епископ Катанский Кассиан.

Сергей Сергеевич принадлежал к известной в истории России дворянской фамилии, сын сенатора. Он окончил 1-ю Петербургскую гимназию в 1910 году и историко-филологический факультет Петербургского университета в 1914-м.

Способный молодой человек был оставлен профессорским стипендиатом по кафедре истории религий. В 1917 году он защитил магистерскую диссертацию и был утверждён доцентом кафедры истории Церкви при историко-филологическом факультете университета. Кроме того, Сергей Сергеевич преподавал на Высших (Бестужевских) женских курсах (1918) и являлся профессором Туркестанского университета по кафедре истории религий в Ташкенте в 1920–1921 годы. После возвращения в Петроград отстранён по распоряжению советских властей от преподавания в университете в августе 1921 года, оставшись преподавателем Петроградского Пра-

¹ *Наталья Изюмова. Campo San Sabba: Жизнь в беженском лагере в Триесте 1950-1955. Машинопись. С. 16. Собрание А. Арсеньева.*

вославного богословского института. Это было негосударственное высшее учебное заведение, созданное в 1920 году вместо закрытой большевиками Петроградской духовной академии, для обучения духовенства и мирян. В 1923 году институт закрыли, но Сергей Сергеевич был уже далеко – годом раньше ему удалось нелегально перебраться в Белград. Жена его осталась в Петрограде, где вскоре скончалась.

Наряду с преподаванием истории в гимназии Сергей Сергеевич был деятельным членом Белградского кружка преп. Серафима (1923) и Братства Св. Софии. Много времени он отдавал и Русскому студенческому христианскому движению (РСХД). В 1925 году С.С. Безобразов переехал в Париж, где стал доцентом Св. Сергиевского богословского института по кафедре Священного Писания Нового Завета (1925–1939). В 1932 году Сергей Безобразов был пострижен в монашество. В следующем году он участвовал во встрече православных и протестантских богословов в Нови Саде. С 1937 года – архимандрит. В годы Второй мировой войны он находился на Афоне, состоя членом братии русского Св. Пантелеймоновского монастыря, но вернулся в Париж на предыдущую должность уже в 1945 году. С 1947 года – доктор наук, епископ Катанский Кассиан, ректор и профессор на той же кафедре Священного Писания Нового Завета по 1965 год. Председатель комиссии Библейского общества по ревизии русского перевода Нового Завета, почётный доктор наук Фессалоникского университета.

Владыка Кассиан принадлежал к тому поколению высокообразованных людей, каких теперь больше нет. Он знал около десяти иностранных языков и уже ближе к концу жизни «ради спорта» выучил испанский язык.

Один из его учеников писал:

Как человек, он отличался исключительной добротой, очень напоминающей в этом отношении его мать, и деликатностью. У него так и не расцвёл присущий ему сильный семейственный инстинкт, но у него была постоянная потребность покровительствовать кому-нибудь из младшего поколения. <...>

Другой чертой характера епископа Касьяна являлся его необыкновенно страстный характер.¹

Отец Сергей Владимирович Б., (1857, Санкт-Петербург – 1936, Алексинац, Сербия). Юрист, тайный советник, статс-секретарь Государственного совета, сотрудник Энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона, сенатор (1916–1917). Много писал об охоте. В 1919 г. – управляющий делами Особого совещания при Главнокомандующем Вооружёнными силами Юга России (ВСЮР). В эмиграции в КСХС.

1 *Зеньковский В., прот.* Мои встречи с выдающимися людьми – часть II: Белград. Прага // Записки Русской академической группы в США. (New York). Том XXVII. 1995. С. 16.

Мать Вера Антоновна Б., (ур. Арцимович; ок. 1861 – 21.10/03.11.1930, Белград).

Сестра Ольга, (06.09.1895, Санкт-Петербург – август 1944, Греция), сестра милосердия в санитарном поезде при Добровольческой армии. Окончила медицинский факультет Загребского университета (1926). В замужестве Чеботарёва. Работала с мужем в разных городах Югославии. Спасаясь от коммунистов Тито, семья перебралась в Грецию, но это их не спасло: Ольга и её муж, оба врачи, и их одиннадцатилетний сын Алексей были убиты греческими коммунистами.

БЕЛОВИДОВ Пётр Иванович, 16.12.1869, Ставропольская губ. – 14/27.04.1940, Белград.

Закон Божий с 1920 по 1930 г. в смешанной гимназии и с 1936 по 1939 г. – в мужской. Протопресвитер.

Пётр происходил из казачьей семьи, сын священника. Он окончил Ставропольскую духовную семинарию (1891), рукоположен во иереи в 1894 году. Служил в Ставропольской епархии, был законоучителем в Майкопе, настоятелем Карского собора. Протоиерей с 1913 года, законоучитель в Новороссийском училище (1918–1920). Оба сына, офицеры Добровольческой армии, пали на Гражданской войне.

Участник Белого движения. Эвакуирован через Константинополь в КСХС. По несчастному стечению обстоятельств жена его осталась в Советской России.

Как записал позднее о. Пётр, ещё на пароходе «Константин», идущем из Константинополя, он услышал выступление проф. В.Д. Плетнёва.

Торжественное открытие Первой русско-сербской гимназии в Белграде состоялось на Покров Пресвятыя Богородицы, 14 октября 1920 года, и началось с молебна, который был отслужен протоиереем Петром в актовом зале Третьей мужской гимназии. Через месяц, 13 ноября там была отслужена первая всенощная для русских беженцев, а на следующий день и первая Божественная литургия. Эти дни можно считать днями основания русского прихода в Белграде и началом регулярных богослужений (правда, до этого службы совершались изредка, то в бараках, то в беженской столовой на улице Короля Петра).

С 1924 по 1940 год отец Пётр оставался бессменным настоятелем русского храма Св. Троицы в Белграде, в создании которого он принимал деятельное участие.

В Белграде о. Пётр жил одиноко, в семье своего секретаря Александра Петровича Рудко. О настоятеле белградского прихода сохранилась следующая запись:

Главная забота отца Петра была обращена к созданию церковного хора. Обладая прекрасными музыкальными знаниями и регентскими способностями, он целые ночи просиживал за столом, по памяти восстанавливая и записывая

церковные песнопения, чтобы днём, после уроков в школе и треб в приходе, разучивать их с певчими. <...>

Богослужение в белградском русском храме отличалось особым характером, пожалуй, единственным за рубежом. Оно было строго уставно. Благодаря отцу Петру был создан богослужебный дух и уклад, который дышал седой стариной, и в то же время живым молитвенным горением.¹

Отец Пётр участвовал в заседаниях 1-го и 2-го Карловацких зарубежных церковных соборов (1921, 1938) и состоял членом Епископского совета при управляющем русскими православными общинами в КСХС (с 1927). Протопресвитер с 1936 года.

Скончался отец Пётр в Великую Субботу, до последних дней совершая службы – в Великие Четверг и Пятницу.

БИЛИМОВИЧ (полная фамилия **Бич-Былина Билимович**) **Антон Дмитриевич**, 08/20.07.1879, Житомир, ныне Украина – 17.09.1970, Белград.

Математика с 1928 по 1935 г. в смешанной и мужской гимназиях.

Действительный член Королевской сербской Академии наук (с 1945 г. – Сербской Академии наук и искусств).

Антон Дмитриевич родился в семье военного врача. Он окончил Киевский кадетский корпус в 1895 году и продолжил образование в Николаевском инженерном училище в Петербурге, но вскоре перешёл на математическое отделение физико-математического факультета Университета Св. Владимира в Киеве и с золотой медалью окончил его в 1903 году. Талантливый молодой человек был оставлен ассистентом при кафедре механики. В 1912 году Антон Билимович защитил магистерскую работу и был направлен на стажировку в Париж и в Геттинген. Вернувшись в Россию в 1914 году, Билимович с 1918 года стал профессором и ректором Новороссийского университета в Одессе. Большое значение для А.Д. Билимовича, как учёного, имел приезд в Одессу знаменитого математика, академика А.М. Ляпунова. Антон Дмитриевич в своих воспоминаниях отметил: «Несмотря на бурную окружающую нас жизнь революционной Одессы, при наших встречах мы разговаривали почти исключительно о математике, о механике, о новых направлениях, о новых приложениях математики к задачам механики».

В январе 1920 года А.Д. Билимович с супругой и сыном покинул Одессу и вскоре обосновался в Белграде, где сразу был принят профессором прикладной математики на философский факультет (позднее переименованный естественно-ма-

1 Неклюдов В. Церковная жизнь русских в Югославии // Часовой. (Брюссель). 1939. № 236–237. С. 11–12.

тематический). Он читал курс теоретической механики в векторном изложении, основал при университете и возглавил Математический институт. Одновременно Антон Дмитриевич преподавал высшую математику на сельскохозяйственном факультете. В 1925 году был избран членом-корреспондентом, а в 1935 году – действительным членом Королевской сербской Академии наук. Антон Дмитриевич нашёл время, чтобы семь лет вести математику в гимназии. Он написал сербские учебники по геометрии для средних школ и фундаментальный трёхтомный учебник по теоретической механике.

Из статьи Владимира Молчанова (16-й вып.):

Не каждого может увлечь математика. Многое зависит от преподавателя. Нам необыкновенно повезло: ряд лет нашим учителем был профессор А.В. Билимович. Это выдающийся учёный, профессор российских университетов. Он читал лекции в Белградском университете, а кроме того состоял членом Югославской Академии наук, был доктором Оксфордского (Англия), а также ряда других университетов. За ним числится несколько крупных трудов и множество статей в специальных журналах. А.В. сумел сделать сухой рациональный предмет интересным и увлекательным. Математика, вдруг, стала понятна и даже некоторых захватила. Несколько человек пошли на математический факультет и впоследствии стали сами профессорами. Математика дисциплинировала наши молодые и порывистые умы и приучала к логическому мышлению. В дальнейшем это нам очень помогло.¹

С 1920 года Антон Дмитриевич состоял членом правления Русской академической группы в КСХС, принимал в 1928 году деятельное участие в создании в Белграде Русского научного института, в изданиях которого опубликовал ряд своих ценных работ.

После оккупации Белграда во время Второй мировой войны А.Д. Билимович по собственному желанию вышел на пенсию, а после освобождения Югославии снова был восстановлен во всех должностях.

Он перевёл с древнегреческого на сербский язык «Начала» Евклида, снабдив их комментариями (1957), написал ряд статей об Архимеде, Галилее, Ньюtone, Ломоносове.

В феврале 1955 года Антон Дмитриевич окончательно вышел на пенсию, но продолжил свои учёные труды.

Особенно ценными для науки являются его работы в области механики неголономных систем, небесной механики, механики твёрдого тела, геофизики, гидродинамики. А.Д. Билимович стал основателем Белградской школы механики, которая была тесно связана с русской школой. Им были основаны «Математический

1 «Памятка» 1986 г. С. 171–172.

журнал» (1932), издававшийся на французском языке в Белграде, Математический институт при Сербской Академии наук и искусств (1946), он являлся одним из основателей Югославского общества механиков. Неоднократно награждался орденами как до, так и после войны.

Антон Дмитриевич был похоронен на Новом кладбище в Белграде.

Брат Александр Б., (2. 03.1876, Житомир – 21.12.1963, Монтерей, США, штат Калифорния). Экономист. Профессор.

Жена Елена Андреевна Б., (ур. Киселёва; 15/27.10.1890, Воронеж – 08.07.1974, Белград), живописец. Дочь известного автора учебника по математике. Первая женщина, окончившая Императорскую академию художеств в Петербурге в 1907 г.; была любимой ученицей Репина. Елена Андреевна писала в основном портреты, соединяя традицию русской реалистической школы с приёмами постимпрессионизма. После смерти сына, написав «Портрет сына на смертном одре», навсегда оставила живопись. Свои работы эмигрантского периода художница завещала Воронежскому областному музею.

Сын Арсений Антонович Б., (08/21.05.1918, Одесса – 12/25.03.1944, Белград), гимназист, 15-й вып. Врач.

ВАГНЕР Юлий Николаевич, 13.12.1865, Неаполь – 04.10.1944, Австрия; (по другому источнику – 04.04.1945, Вена; по третьему источнику – апрель 1945, Вена; по четвертому источнику – 1946; по пятому источнику – умер в США).

Естествознание с 1920 по 1934 г. в смешанной и мужской гимназиях.

Учёный зоолог-энтомолог, педагог.¹

Мальчик, названный Юлием, родился в многодетной семье (три сына и три дочери), происходившей из древнего саксонского дворянского рода, перешедших на русскую службу при Екатерине II или при Павле I. Родился он в Неаполе, где в то время работал его отец, известный учёный-зоолог. Раннее детство он провел в Казани, затем семья переехала в Петербург, где Юлий Николаевич окончил 8-ю гимназию и естественный разряд физико-математического факультета Петербургского университета в 1888 году. Он стал хранителем «Зоотомического кабинета» университета при кафедре беспозвоночных, занимался в лаборатории этого кабинета, работал на Соловецкой биологической станции. Ю.Н. Вагнер был принят в члены Русского энтомологического общества и Русского географического общества. В 1891 году молодого учёного направили на Байкал и в Забайкальскую область.

1 Более подробную биографию Ю.Н. Вагнера см.: *С.И. Фокин. Зоолог Юлий Николаевич Вагнер Неаполь – С. Петербург – Киев – Белград // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. Санкт-Петербург: «Нестор-история», 2009.*

По материалам своих исследований Юлий Николаевич защитил докторскую диссертацию в 1896 году, став через два года ординарным профессором сельскохозяйственного отделения Киевского политехнического института.

Как и многие профессора и интеллектуалы того времени, Ю.Н. Вагнер был членом партии кадетов, вероятно, сочувствовал революционным событиям 1905 года и состоял на заметке в Министерстве внутренних дел.

В 1911 году он переехал в Петербург где работал в Зоологическом музее Императорской Академии наук, но позднее вернулся в Киев на практическую работу, став руководителем энтомологического отдела Киевской сельскохозяйственной станции. В эти годы им написан ряд учебников по зоологии для средних учебных заведений.

Большую часть своей научной жизни Ю.Н. Вагнер занимался анатомией беспозвоночных и, как это ни странно звучит, обособленной группой насекомых – блохами. В этой узкой области зоологии он был, безусловно, одним из мировых лидеров.

За научные труды Юлию Николаевичу был Высочайше пожалован орден Св. Анны 2-й ст. (1901), а в 1906 году – орден Св. Владимира 4-й ст.

Во время Великой войны Ю.Н. Вагнер работал в местном Военно-промышленном комитете, занимавшемся организацией помощи армии. После Февральской революции он вошёл в Исполнительный комитет, созданный украинскими сторонниками Временного правительства. В марте 1917 года учёный вернулся в Политехнический институт, около года руководил там кафедрой энтомологии.

Но бурные политические события захватили и его: весной 1918 года Ю.Н. Вагнера пригласили войти в состав правительства независимой Украины гетмана П.П. Скоропадского, где он возглавил Министерство труда. Юлий Николаевич был убеждённым противником советской власти и подписал в октябре 1918 года «Обращение 10-ти» к премьер-министру Ф.А. Лизогубу с протестом против установления связей между Украиной и Советской Россией. Их требования не были приняты, и приказом от 24 октября 1918 года Ю.Н. Вагнер был отправлен в отставку.

После прихода к власти С.В. Петлюры учёный в начале 1919 года покинул Киев и уехал в Одессу. Но уже в следующем, 1920 году, Юлий Николаевич со своей второй женой и двумя детьми, эмигрировал в Королевство СХС. В Белграде он быстро получил место профессора зоологии на сельскохозяйственном факультете Белградского университета и принял приглашение В.Д. Плетнёва вести уроки в гимназии.

В письме к М.Н. Римскому-Корсакову от 2 февраля 1922 года Юлий Николаевич так описывал ситуацию в Белграде:

Все профессора, приехавшие сюда, так или иначе устроились. Большинство получили кафедры. У нас на Агрономическом факультете теперь семеро русских профессоров. <... >

Жизнь здесь в смысле внешности вполне нормальная – как у нас в давнее время. Мне моего заработка вполне хватает. Кроме того, я ещё преподаю в гимназии. Вообще я в материальном отношении ни в чём не нуждаюсь и могу даже помогать другим. Хуже дело обстоит с духовною пищей. Страна мало культурная. Хороших библиотек нет, решительно всё для работы научной, начиная с приборов и кончая простыми банками и обыкновенными реактивами, – надо выписывать из-за границы. Необходимая научная литература совершенно отсутствует. Например, нет ни одной книги, даже популярной, по энтомологии. Одним словом, положение плохое, как было у нас в начале шестидесятых годов XIX в. Считаю, что наш долг не уезжать отсюда, пока не оставим стране нужных учебников и других необходимых руководств по своей специальности. Это надо сделать, хотя бы за оказанное нам гостеприимство.¹

И Юлий Николаевич энергично берётся за дело: при факультете им основан Энтомологический институт, написаны учебники по зоологии, учреждено Энтомологическое общества КСХС–Югославии. Он состоял деятельным членом Русского научного института в Белграде и членом Библиографической комиссии по подготовке «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом».

Перед приходом Красной армии в Белград в 1944 году 79-летний Ю.Н. Вагнер с супругой покинули Югославию и оказались в Австрии.

Отец Николай Петрович В., (1829–1907), известный учёный-зоолог, профессор Казанского (1861–1871), затем Петербургского (1871–1894) университетов. Основатель первой отечественной биологической станции в полярных широтах. Популярный писатель.²

Мать Екатерина Александровна В., (ур. Худякова).

1-й брак (с 1889): Екатерина Николаевна В., (ур. Дзвонкевич), слушательница Высших (Бестужевских) женских курсов. Дочь народовольца, участница революционного движения.

Сын от 1-го брака Николай В., (25.01.1893 – 27.08.1953, Высокие Татры, Чехословакия), учёный-зоолог. Окончил Киевское коммерческое училище и агрономический ф-т Политехнического института. Работал в Ветеринарной академии и Украинской академии наук. В 1925 году уехал в Чехословакию, занимался научной деятельностью при Карловом университете в Праге. Трагически погиб в горах при сборе материалов для научной работы.

1 Санкт-Петербургский филиал архива РАН. ф. 902, оп. 2, д. 89, л. 1–4.

2 Вагнер Н.П. Повести, сказки и рассказы Кота-мурлыки. Первое издание в 1872 г.

2-й брак: Евгения Игнатъевна В., (? – 24.12.1983, штат Нью-Йорк).

Сын Орест (Ор) В., (1915, Киев – 04.04.1945, погиб в м. Страшнинцы, Югославия), гимназист, 14-й вып. Врач. Служил в Русском Корпусе.

Дочь Ия.

ГЕОРГИЕВСКИЙ Михаил Александрович, 1888, Бежица, Орловская губ., ныне Бежицкий район города Брянска – 25.07.1950, Москва.

Русский и латинский языки, история и философия. С 1920 по 1939 г. в смешанной и мужской гимназиях.

Историк, общественно-политический деятель, идеолог Национально-трудового Союза (НТС).

Михаил Александрович был сыном прачки и рабочего. Он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1913 году и оставлен в университете в звании приват-доцента, коим и прослужил до 1917 года. Революцию учёный ощутил как национальную катастрофу. Два года (1918–1919) он читал лекции, будучи доцентом, на историческом факультете Варшавского университета, перемещённого в 1915 году в Ростов-на-Дону. В этом городе зимой 1917 года генерал М.В. Алексеев начал формирование Добровольческой армии.

М.А. Георгиевский принял участие в работе южнорусского правительства – Особого совещания при генерале А.И. Деникине. После поражения Добровольческой армии Георгиевский покинул родину.

В конце 1919 года он прибыл в КСХС и уже в следующем году был приглашён профессором богословского факультета Белградского университета (курс древне-еврейского языка) и одновременно стал вести уроки в «плетнёвской» гимназии.

Михаил Александрович – член-основатель Русского археологического общества в Югославии (1921), член Союза русских писателей и журналистов, Русского научного института (1928), исследователь памятников ассирийского законодательства, пионер в изучении так называемого «Винчанского письма» (письменности древней придунайской цивилизации).

Из статьи Владимира Молчанова (16-й вып.):

Он был настоящий полиглот: владел главными европейскими языками – немецким, французским и английским, а также классическими – греческим и латинским. И в те времена у людей бывали «НОВВУ». Имелось оно и у М.А.: в свободное время он вырезывал по дереву. И еще одно, в котором он признавался только близким друзьям – он писал стихи... по-санскритски! И, однако, это был отнюдь не тип кабинетного учёного. М.А. любил Россию и активно участвовал в общественно-политической жизни эмиграции.

Ряд лет М.А. преподавал историю. Это были не уроки в средней школе, а скорее лекции университетского уровня. На всю жизнь запомнились художественные образы творцов нашей культуры и строителей государства российского. С

тёплым чувством вспоминаются наши пылкие дискуссии. М.А. всегда обстоятельно и убедительно отвечал на наши вопросы. Его мотто было: не существует глупых вопросов, а только неумные ответы.¹

В начале 1931 года М.А. Георгиевский вступил в русский Союз национальной молодежи, преобразованный затем в Национально-трудовой союз нового поколения (НТС НП). На II съезде Союза в конце 1931 года он стал одним из идеологов этого движения, заняв пост Генерального секретаря Исполнительного бюро. М.А. Георгиевский – автор Программы (1933) и Устава Союза (1935). Согласно Уставу, не допускался приём в Союз лиц, родившихся до 1895 года, но для Михаила Александровича было сделано исключение. Доктрина солидаризма – социального мира в противоположность «борьбе классов» – изложена им в газете «За Россию!», органе НТС НП.

Профессор Георгиевский в 30-е годы объездил всю Европу, не только встречаясь с членами Союза и выступая с политическими докладами, но и находя нужные контакты в официальных кругах разных стран. Так, в 1936 году он посещает Берлин и там выясняет, что никакое сотрудничество НТС с нацистскими властями невозможно.

В военные годы М. Георгиевский, живя с женой в Земуне на территории так называемого «Независимого государства Хорватии» (НГХ), практически не принимал участия в деятельности НТС НП. В октябре 1944 года, когда Красная армия была на подступах к Белграду, при попытке перебраться из Земуна в Венгрию Георгиевский был захвачен титовскими партизанами, передан сотрудникам отдела военной контрразведки СМЕРШ 2-го Украинского фронта и этапирован в Москву, где был помещён во Внутреннюю тюрьму НКВД СССР на Лубянке. Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР осуждён к высшей мере наказания и расстрелян 25 июля 1950 года в той же тюрьме.

Только в 2013 году Михаил Александрович Георгиевский был реабилитирован Генеральной прокуратурой России.

Жена Елена Алексеевна Г., (? – 10.09.1993, Стокгольм), член НТС, скончалась в доме для престарелых.

ГРИНКОВ (Гриньков) Алексей Васильевич, 29.01.1893, Курская губ. – 16.07.1966, Земун, пригород Белграда.

Пение в 1935/36 и 1937/38 учебных годах в мужской гимназии.

Хормейстер, духовный композитор.

Алексей Гринков поступил в Московскую консерваторию в 1912 году. Но революции и гражданская война помешали ему завершить музыкальное образование. Алексей Васильевич проявлял особый интерес к православному духовному

1 «Памятка» 1986 г. С. 170.

пению, являлся приверженцем новой московской композиторской «школы Синодального училища» и считал себя учеником А.Т. Гречанинова. В России, вероятно, он ещё не был регентом. Неизвестно был ли он участником Великой войны и Белого движения. В начале 1920 года эвакуирован с Юга России.

В марте-мае 1920 года А.В. Гринков управлял русским мужским хором в Салониках (Греция), с ноября 1920 года по октябрь 1921 года – мужским хором в русском лагере Тузла (Турция). С октября 1921 года по апрель 1923 года состоял регентом Русского посольского храма в Буюк-Дере (близ Константинополя). С апреля 1923 года по июль 1925 года преподавал пение и музыку в английской гимназии на турецком острове Проти (British High School for Russian Children).

Наконец, в 1925 году он переехал в КСХС и обосновался в Земуне, в котором проживало более тысячи русских беженцев-эмигрантов.

Алексей Васильевич был талантливым музыкантом и необыкновенно деятельной натурой.

С 1925 по 1929 год работал преподавателем по классу теории музыки в частном Земунском музыкальном училище Антонины Хростицкой. Одновременно состоял регентом хора Русской церкви (храм Св. Архангела Гавриила в Земуне). Очень скоро этот смешанный русский хор достиг высокого исполнительского уровня и считался одним из лучших русских хоров в Сербии, выступал в столице и других городах.

С марта 1929 года Гринков являлся регентом русского хора при сербском Вознесенском храме в Белграде, с которым принимал участие в торжественных богослужениях: перезахоронении останков генерала Петра Николаевича Врангеля (1929), погребении убиенного короля Александра I Карагеоргиевича (1934), почивших митрополита Киевского и Галицкого Антония (1936) и Патриарха Сербского Варнавы (1937).

Одновременно Алексей Васильевич состоял регентом Хорватского певческого общества «Томислав» в Земуне (1930–1944) и дирижёром при Украинском художественно-драматическом обществе в Белграде (до 1941). Давал уроки пения в мужской гимназии и до начала войны был регентом в белградской Русской начальной школе.

Ученик Русской начальной школы и хорист Андрей Витальевич Тарасьев вспоминал:

Репетиции хора были в школе раз в неделю, когда было меньше уроков. Гринков садился за рояль, и мы обступали его, но строго следили, чтобы не смешать партии. Во время спевков он был спокоен и терпелив, учил нас «с голоса», аккомпанируя себе и нам. Он неторопливо объяснял нам слова и выражения на церковнославянском, часто переводил их и лишь после этого разучивал с нами мелодию. Но во время церковных служб или других выступлений Алексей Ва-

сильевич преображался, становился строгим и требовательным, дирижировал темпераментно, немножко подпрыгивая при этом, и, благодаря своему довольно большому носу и пряди густых волос надо лбом, в эти моменты походил на петушка. Мы очень любили своего «Гринька». ¹

Обладая абсолютным слухом, Алексей Васильевич подрабатывал и как настройщик роялей в Белградской опере (1937–1940).

Занимался он не только аранжировками, но и сочинением собственных духовных песнопений.

После поражения Югославии в Апрельской войне 1941 года Белград был оккупирован германским Рейхом, а Земун (на противоположном берегу р. Савы) оказался на территории нового пронацистского образования – «Независимого государства Хорватия» (НГХ). Связь этих городов была затруднена. А.В. Гринков вместе с своей женой продолжали жить в Земуне; он оставался регентом Хорватского певческого общества.

С 1-го ноября 1942 года, на протяжении хорватской оккупации и в первые годы после освобождения Земуна и восстановления целостной Югославии Гринков служил директором городского Музыкального училища, где вёл теорию музыки, диктовку, гармонию и управлял хором учеников.

Ухудшение межпартийных и межгосударственных отношений между СССР и Югославией в 1948 году, как и «директорствование» Гринкова во время оккупации страны, привели к его увольнению с поста директора и вообще к изгнанию из Музыкальной школы. Однако, музыкальная деятельность Алексея Васильевича не прерывалась. С осени 1948 года в Земуне он состоял регентом любительских хоров различных обществ, где ему приходилось осваивать новый, «титовский» репертуар в виде маршей и партизанских песен (в основном переводов с русского). По всей вероятности, для семьи Гринковых это был единственный источник их скромных доходов.

Преданный музыке и делу Церкви, Алексей Васильевич Гринков до самой своей кончины управлял и скромным смешанным русско-сербским хором храма Св. Архангела Гавриила. Формально «русский церковный приход» в Земуне существовал до 1972 года.

Жена Ольга Г., (13.06.1898, Елисаветград, ныне Кропивницкий, Украина – 26.11.1980, Белград). Последний регент хора прихода храма Св. Архангела Гавриила.

¹ Тарасьев А., *иподиакон*. Русские церковные хоры и регенты в Белграде. 1920–1970 // Новый Журнал. (Нью-Йорк). №259. 2010.С. 479.

ДАВАТЦ Владимир Христианович, 06.06.1883, Владимир-на-Клязьме – 07.11.1944, Сиеница, Сербия.

Физика, математика и космография с 1936 г. в женской гимназии.

Учёный-математик, военный историк, профессор.

Владимир Даватц происходил из старинного шведского баронского рода. В 1891 году семья Даватц переехала в г. Вольск, Саратовской губернии, где Владимир окончил реальное училище в 1901-м, а в 1907 году – физико-математический факультет Харьковского университета. В 1906 году, как редактор газеты «Волжанин» в Вольске, Владимир Даватц был арестован, предположительно за какую-то леволиберальную публикацию. В тюрьме он близко сталкивается с революционерами, которые произвели на него отрицательное впечатление в смысле своей морали и нравственных качеств.

Отбыв наказание, Владимир за собственный счёт отправился в Геттинген, где учился и работал два года, после чего вернулся в Харьков, где в 1913 году сдал экзамен на магистра чистой математики. С 1914 года В.Х. Даватц – приват-доцент математики Харьковского университета, затем профессор математики Харьковских Высших женских курсов и Харьковского коммерческого института.

В бурные послереволюционные годы профессор состоял в Партии народной свободы, избирался в её руководящие органы, писал статьи для партийных изданий. Во время гражданской войны В. Даватц – главный редактор газеты «Новая Россия» в Харькове, гласный Харьковской городской думы и член городской управы.

В 1919 году Владимир Даватц вступил добровольцем в Вооружённые силы Юга России (ВСЮР) и был зачислен в команду бронепоезда «На Москву!», сражался с красными. За боевые отличия произведён в звание младшего фейерверкера. Подпоручик с января 1920 года. Попав с армией генерала П.Н. Врангеля в Крым, он сотрудничал в газетах «Юг России», «Таврический голос» и др.

После эвакуации Крыма он оказался в Галлиполи, где читал курс математики для офицеров-артиллеристов В.В. Даватц стал одним из основателей и видных деятелей Общества Галлиполийцев – предтечи Русского Общевоинского Союза (РОВС), членом которого потом состоял с первых дней его основания. Со своей воинской частью из Галлиполи он попал в Болгарию, откуда в 1921 году был выслан в КСХС.

В.Х. Даватца можно назвать одним из первых историков Белой борьбы и русской военной эмиграции (книги: «На Москву», «Русская армия на чужбине», «Годы: очерки пятилетней борьбы»). Он входил в окружение генерала П.Н. Врангеля, принимал участие в инспекционных поездках Главнокомандующего по местам дислокации частей Русской армии в Югославии.

В Белграде талант публициста В.Х. Даватца проявил себя в полной мере. Он редактирует местные газеты «Новое время» и «Россия», сотрудничает в журнале

«Часовой», «Вестник Галлиполийцев» и др., состоит членом и секретарем правления Союза русских писателей и журналистов и Русского научного института (где читает курс высшей математики), посещает вечера русских поэтических кружков, состоит в редакционной коллегии «Русской библиотеки», в которой в Белграде было опубликовано более 50-ти книг – художественных произведений русских писателей, оказавшихся в эмиграции. Вместе с тем, Владимир Христианович находит время, чтобы с 1936 года вести уроки в женской гимназии.

Во время Второй мировой войны В.Х. Даватц, после длительных сомнений, вступил рядовым в Русский Корпус:

Что же делать, если сейчас Белая борьба ведётся только в Русском корпусе и если наши бывшие союзники пошли вместе с большевиками?

Один из корпусников, служивший с ним в одной роте, позднее вспоминал о нём:

Трудно представить себе лучший пример бескорыстного и любовного служения нашей идее, нежели дал этот учёный, писатель и поэт. В преклонном возрасте, он добросовестно переносил все тяготы боёв и походов и решительно отказывался от каких бы то ни было привилегированных должностей в штабе, канцелярии или в складе. Тяжело было старику, но дух сознания необходимости жертвы, подвига и долга не покидал его.¹

Своему больному белградскому другу, театральному режиссеру Юрию Львовичу Ракитину, Владимир Христианович писал из Корпуса в 1943 году:

Только два осталось места людям.
Или шлем надвинув глубоко,
Свою грудь отдать соседним грудям,
Чтобы сердце сделалось одно.

И тогда, на свете всё забывши,
Растворившись в жертвенном пути,
С этим сердцем подымаясь выше,
На костёр пылающий взойти.

Или голову украсив схимой
Пред Господней волею святой,
Передать Ему всё, что любимо,
Что в миру прельщало красотой.

1 Светлой памяти профессора В.Х. Даватца // Вестник РОВС. (Санкт-Петербург), №10–11. 2005. С. 27.

И где ангелы не смеют молвить,
Дерзновенно приоткрыть уста:
Не просить, а только славословить,
Ибо есть Любовь и Красота.

Владимир Христианович Даватц погиб во время бомбардировки села Сиеница, где стояли части Русского Корпуса. Несколько стихов, написанных огрызком карандаша на клочках бумаги, были обнаружены и сохранены одним из его сослуживцев:

Мы не спим, которые уж сутки,
Где-то враг блуждает по горам,
К темноте прислушиваясь чутко,
Мы стоим в наряде по постам.

Дождевою сеткою покрыто –
Плачет небо каплями давно.
То, что будет, пеленою скрыто,
Но не всё ли это нам равно?

Так бери ружьё наизготовку, –
Каждому свой путь определён,
Но у каждого в руках – винтовка,
И в стволе лежит уже патрон.

ДАНИЛОВ Даниил Данилович («Дэ в кубе»), 26.09.1877, ст. Константиновская, Область Войска Донского – февраль 1945, село Шушара, Банат, Сербия.

Математика с 1935 по 1940 г. в женской гимназии.

Полковник.

Даниил родился в семье полковника станицы Раздорской. Он окончил Донской Императора Александра III кадетский корпус в Новочеркасске в 1895 году, затем Михайловское артиллерийское училище в 1898-м и Михайловскую артиллерийскую академию в Петербурге в 1904-м году. Офицер 9-й Донской казачьей батареи. Преподаватель Тифлисского кадетского корпуса.

Участник Белого движения. Полковник.

В декабре 1920 года Даниил Данилович прибыл в КСХС в составе эвакуированного Крымского кадетского корпуса, в котором продолжил преподавать математику в 1920/21 учебном году, находясь в лагере Стрниште (Словения). Затем он поочередно вёл математику в Первой русско-сербской девичьей гимназии с общежитием г. Велика Кикинда, в Харьковском девичьем институте (Нови Бечей)

и в Мариинском Донском институте (Белая Церковь), где состоял и инспектором классов. Переехав в Белград, с 1935 по 1940 год Данилов вёл уроки в женской гимназии. Одна из гимназисток вспоминала о Д. Данилове:

Гроза-математик – в нашем классе его не было. В своё время он преподавал маме в Харьковском институте. Мама рассказывала, что перед его уроками читали Евангелие – так его боялись! В сущности, это был мягкий и хороший человек и, как потом выяснилось, держал у себя в квартире душевнобольную сестру, не отдавая её в лечебницу, и сам за ней ухаживал.¹

С осени 1940 года Д. Данилов перешёл в кадетский корпус в Белой Церкви, где прослужил до эвакуации корпуса в 1944 году. Там кадеты придумали ему прозвище «Дэ в кубе».

По воспоминаниям кадета Михаила Лермонтова:

Он никогда не носил военной формы. Сухой, невысокого роста, в очках с тонкой оправой на строгом лице. Я его никогда не видел улыбающимся. Говорил он в нос. Так как он долго преподавал в девичьих институтах, то от него мы часто слышали: «Вам, госпожа, коров пасти, а не математикой заниматься». Вообразите! Называть кадета «госпожой»! Нас, кадет, которые всей своей внешней и внутренней выправкой стремились стать настоящими мужчинами, обзывают девчонкой – непростительная обида!

Старый педагог, Даниил Данилович, посвятил большую часть своей жизни русским детям, и несмотря на наше отрицательное к нему отношение, во многих кадетах заложил фундамент будущих инженеров и архитекторов. Сколько раз я его вспоминал в последующие годы, когда мне, в течение сорока с лишним лет, пришлось зарабатывать «хлеб насущный» именно математикой!²

В сентябре 1944 года Даниил Данилович не эвакуировался с кадетским корпусом на Запад, видимо, он не мог оставить больную сестру. Он оставался в Белой Церкви и во время прихода в город Красной армии 1 октября 1944 года.

По свидетельствам современников:

Наспех собранные из местных коммунистов группы «партизан» со свежими нашивками красными звездами и с разнокалиберным оружием, появились в городе значительно позже.

Дней через десять начал действовать СМЕРШ. Последовали аресты русских, около 50-ти было расстреляно югославскими «комиссарами». В начале декабря вышел

1 «Памятка» 1986 г. С. 136.

2 *Лермонтов М.* Я помню день своего поступления. // Бюллетень Объединения кадет в Венесуэле. (Каракас). №54. С. 53.

приказ: всех местных немцев и русских эмигрантов сослать в концлагерь. В явочном зале был поставлен стол, мимо которого должны были проходить арестованные и под угрозой расстрела класть все наличные драгоценности, как то, кольца, браслеты, цепочки, часы. Русских заключённых из здания у железнодорожного вокзала вскоре перевели в городскую тюрьму, где зимой, в Сочельник и на Рождество, «партизаны» над ними издевались, держали в холоде. Люди умирали. Затем последовали ночные вызовы, по спискам. О [судьбе] вызванных ничего не известно. Часть русских была вывезена в немецко-русский лагерь, созданный в селе Шушара.¹

Лишив следователей удовольствия его допрашивать и расстрелять, полковник Даниил Данилович Данилов повесился в лагере на собственном поясе.

ДЕВЕЛЬ Лидия Алексеевна (Иванникова), 07.03.1909, Двинск – 27.10.1989, Нью-Йорк.

Сербский язык в женской гимназии с 28.09.1934 г. до закрытия гимназии.

Поэт, педагог. Литературный псевдоним Лидия Алексеева.

Родившись на Севере, Лидия Алексеевна своей родиной считала Севастополь, в котором провела всё детство:

Мне только память о тебе – наследство,
Мой дальний город, белый в синеве,
Где и сейчас трещит кузнечик детства
В твоей до камня выжженной траве.

Пыль на шоссе лежит, как россыпь мела,
Босой ногой так бархатно-жарка...
И вот навстречу море зашумело
И дёгтем понесло издалика...

На берег мой ракушечный сошла бы,
Где створки раскрываются в тепле,
Где мокрые оливковые крабы
Топыряются на солнечной скале, –

А под скалой лежит ещё, быть может,
Мое колечко – много тысяч дней:
Я обручилась им, совсем как дожди,
Российской Адриатикой моей.

¹ Судьба чинов персонала Корпуса // Седьмая кадетская памятка. Юбилейная. 1920–1995. Нью-Йорк – Лос-Анджелес – Сан-Франциско – Монреаль – Каракас – Буэнос-Айрес – Париж – Белград: Объединение кадет российских кадетских корпусов за рубежом, 1997. С. 428–430.

В конце 1920 года Лидия вместе с родителями была эвакуирована в Константинополь. В середине 1922 года семья Девель выехала в Болгарию, а затем в КСХС. Своё среднее образование Лидия начала в 1-й русско-сербской девичьей гимназии с общежитием в городке Велика Кикинда, а затем перешла в гимназию в Белграде. Сразу по выходе из гимназии Лидия Девель поступила на отделение славянской филологии философского факультета Белградского университета, которое окончила летом 1934 года, а уже с 28 сентября началась её педагогическая деятельность: она пришла преподавать сербский язык и литературу в «свою» женскую гимназию в Белграде. Многочисленные её ученики будут помнить Лидию Алексеевну до конца её дней. Она станет равноправной участницей многих встреч, вечеров, которые организовывало Объединение бывших гимназистов в Нью-Йорке.

В 1937 году Лидия Девель вышла замуж за писателя-прозаика Михаила Иванникова.

Обладая настоящим поэтическим даром, Лида с ранних лет писала стихи. С начала 30-х годов она уже печаталась в русских периодических изданиях и сборниках в Белграде, в Варшаве, в Таллинне. Состояла членом гимназического литературного кружка «Новый Арзамас», кружка «Литературная среда», членом Союза русских писателей и журналистов в Югославии, секретарем белградского Союза ревнителей чистоты русского языка.

Осенью 1944 года, когда к Белграду приближались советские войска, Лидия Иванникова решает покинуть Югославию. Оставив в Белграде отца и мужа, она с матерью оказалась в лагере для перемещённых лиц недалеко от города Куфштейн в Австрии. Далее последовало около пяти лет жизни на положении беженки.

В последний раз целует ветер горный
 Мои глаза, горячие от слёз, –
 В последний раз смотрю на кряж узорный
 Сквозь хохот убегающих колёс.

Смотри, смотри – недолго длиться чуду:
 Еще один скалистый поворот –
 И мой Тироль, подобно изумруду,
 С ладони жизни в память упадёт.

В 1949 году Лидия Алексеевна расстаётся с мужем по его просьбе и уезжает вместе с мамой из Европы в США. Обосновавшись в Нью-Йорке, первые годы она работала на перчаточной фабрике, а потом, в течение 18-ти лет служила уже по специальности в Славянском отделе Публичной библиотеки Нью-Йорка.

В США Лидия Девель-Иванникова продолжила писать стихи, реже – прозу, часто публиковалась в русской зарубежной периодике: «Новом журнале», «Возрождении», «Гранях», «Современнике», «Литературном современнике», «Мостах», альманахе «Встречи».

Она выпускает несколько сборников своей лирики: «Лесное солнце» (1954), «В пути» (1959; 2-е изд. 1962), «Прозрачный след» (1964), «Время разлук» (1971), «Стихи. Избранное» (1980). Поэтические произведения Лидии Алексеевой вошли в известные антологии «На западе», «Муза диаспоры» и «Содружество».

Лидия Алексеевна занималась и поэтическими переводами: с сербского, эстонского, украинского и английского языков. Особенную ценность представляет её перевод на русский язык религиозно-дидактического произведения «Слёзы блудного сына» (1622) дубровницкого поэта Ивана Гундулича.

Похоронив в 1963 году мать, Лидия Алексеевна жила в одиночестве.

В этом есть и своя улада,
Если в жизни идешь одна, –
Мне спешить никуда не надо,
Никому всерьёз не нужна.

И ничьей не связана властью,
Проживу, пожалуй, и так:
Улыбаясь чужому счастью
И глядя чужих собак.

Несколько раз она летала в Европу встречаться с друзьями: в Белград, в Тироль, в Париж.

Почти никто из её друзей не знал, что Лидия Алексеева близкая родственница Анны Ахматовой. В частном письме она пояснила:

У меня родство с Анной Ахматовой довольно близкое; её отец и отец моей мамы – родные братья, т. е. мама – её двоюродная сестра. Мамин отец – Владимир Антонович Горенко, а отец А. Ахматовой – Андрей Антонович, так что Антон Горенко общий дед мамы и Анны Ахматовой. Мои родители никогда не встречались с Анной Андреевной. Они жили в Крыму, а Анна в Петербурге, и она не проявляла интереса к родственникам. Но мамин родной брат Анатолий жил в Петербурге и постоянно бывал в доме Горенко. Рассказывал: «За Аней ухаживает поэт», – вероятно это был Гумилёв.¹

О жизни Лидии Алексеевны в Нью-Йорке, в нанятой квартирке на Манхэттене, её друг Валентина Синкевич писала:

Голос у неё был тихим, свои стихи «доносить» до слушателей не умела. Во всем её облике была какая-то неяркость, старомодность – это касалось не только

1 Письмо Л. А. Иванниковой к А. Б. Арсеньеву от 9 декабря 1988 г.

одежды и прически, но и манеры держаться и говорить. Мне всегда казалось, что она идёт куда-то мимо, многого не замечая. Существовала вне быта. Алексеева не была бедна, но жила она в негритянско-пуэрториканском районе, где ютилась нью-йоркская беднота. Её квартира помещалась на первом этаже некогда презентабельного дома и была лёгкой добычей грабителей-мальчишек; в отсутствие хозяйки они не упускали случая пробраться в квартиру. Тянули они всё, что можно было продать хотя бы за бесценок. В полной сохранности оставались только книги и бумаги. Дважды мальчишки стащили и русскую пишущую машинку; третью Лидия Алексеевна не приобрела, махнула рукой. Уходя из дома, она оставляла несколько долларов с запиской, что наличных денег в квартире больше нет.¹

ДОМ НА МАНХЕТТЕНЕ

Над двором, прямоугольной бездной,
Тусклый дом безрадостно возник,
Перечёркнут лестницей железной,
Словно неудачный черновик.

Но за мутью всех незрячих окон,
Слой над слоем и из года в год,
Кто-то вьёт свой человеческий кокон,
Кто-то плачет, курит и поёт.

Чьё-то сердце там упрямо бьётся,
Чьи-то в копоти цветут мечты...
А на дне бетонного колодца
Бродят одичалые коты.

Из этого дома, этаж за этажом перечёркнутого зигзагом пожарной лестницы, поэтесса уезжала летом в отпуск – обязательно куда-нибудь на лоно природы – и привозила стихи о деревьях, о лесной живности, о грибах, о солнце... Из домашних животных Алексеева особенно любила котов, постоянно кормила этих бездомных нью-йоркцев, ежедневно находивших к ней дорогу.

Старый кот с отрубленным хвостом,
С рваным ухом, сажей перемазан,
Возвратился в свой разбитый дом,
Посветил во мрак зеленым глазом.

¹ Синкевич В. Племянница Анны Ахматовой // Алексеева Л. Горькое счастье. Собрание сочинений. Москва: «Водолей Publishers», 2007. С. 6–7.

И, спустясь в продавленный подвал,
Из которого ушли и мыши,
Он сидел и недоумевал,
И на зов прохожего не вышел.

Захрустело битое стекло,
Человек ушёл, и тихо стало.
Кот следил внимательно и зло,
А потом зажмурился устало.

И спиной к сырому сквозняку
Он свернулся, вольный и надменный,
Доживать звериную тоску,
Ждать конца – и не принять измены.

Писала Лидия Алексеевна редко. Говорила, что не умеет «делать» стихи, заставляя себя писать, когда нет настроения. Стихи её любили даже взыскательные критики. Поэзию её хвалили в печати, читатели писали ей восторженные письма, поэты различных поколений относились к ней с большим уважением. Не было у неё поэтической позы ни в жизни, ни в поэзии. Алексеева не кокетничала с темой смерти, не драматизировала её. И здесь она верна себе, своему чувству меры:

Не спрашивай, что будет там, потом,
Когда настанет миг прощанья и свободы, –
Ведь если что-то ждёт – какое чудо в том!
А если ничего... Какой великий отдых!

Уже в преклонном возрасте Лидия Алексеевна упала и сломала бедро. Для неё это было началом конца. Несмотря на операцию и все усилия врачей, она по-настоящему уже не поправилась. Воля не только к творчеству, но и к жизни у нее постепенно угасла. Когда после похорон друга поехали в её бывшую квартиру – торопливый супервайзер уже очистил комнаты для новых жильцов. Весь архив и все книги странной квартирантки он сжёг вместе с другими вещами.

Отомкнуть земные двери,
Разойтись волной...
Ни разлуки, ни потери
Больше ни одной.

Только мерное движенье
Вечного огня
И покой уничтоженья
Мира и меня.

Прощаясь мирно с радостью земной,
Я оставляю всю её в наследство:
И солнцем позолоченное детство,
И молодость с лирической луной.

И зрелости свободной тишину,
И бледную прохладу увяданья,
И с тихой музой редкие свиданья –
Всё в малой горсти бережно сомкну

И брошу в мир, как на последний суд,
В бутылке запечатанное слово, –
И, может быть, у берега родного
Она пристанет, и её найдут.

Только после её ухода поэтесса стала известна и в родной России. В 1998 году в Москве вышел сборник лирики «Поэтессы русского зарубежья: Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич», а в 2007 году вышла книга: Лидия Алексеева. «Горькое счастье. Собрание сочинений».

Отец Алексей Викторович Д., (10/23.10.1886, Двинск – 09.08.1967, Белград). Происходил из рода эльзасских гугенотов Develle. Константиновское артиллерийское училище (1906). Академия Генерального штаба (1917). Участник Великой войны и Белого движения. Галлиполиец. Полковник. В эмиграции в КСХС, Белград. Член Общества офицеров-артиллеристов. Работал бухгалтером на югославских железных дорогах.

Мать Клавдия Владимировна Д., (ур. Горенко; 01.02.1889, Евпатория – 16.02.1963, Нью-Йорк).

Муж Михаил Дмитриевич Иванников, (06/19.09.1904, Георгиевск, Терская обл. – 07.09.1968, Белград). Развод. Выдающийся югославский кинооператор и режиссёр документальных фильмов и кинохроники. До недавнего времени М. Иванников – забытый русский прозаик, печатавшийся в зарубежных журналах «Современные записки», «Новый журнал». В 2012 году в Санкт-Петербурге вышла в свет книга: Михаил Иванников «Правила игры. Собрание сочинений».

ДЕЛОВА Инна Петровна (Скурыдина), 08.02.1892, Полтава – 18.12.1981, Сан-Франциско.

Французский язык в женской гимназии с 1932/33 учебного года до закрытия в 1944 г.

Не известно при каких семейных обстоятельствах уроженка Полтавы, девица Инна Делова, 21 сентября 1919 года покинула родной город, присоединившись

к эвакуированному в тот день местному Петровскому Полтавскому кадетскому корпусу. Так начались её долгие странствия по миру. Кадеты выехали во Владикавказ, но в марте 1920 года, уходя от наступающей Красной армии, Полтавский корпус, объединенный с Владикавказским, вышел по Военно-грузинской дороге в Кутаиси, куда прибыл 29 марта. В начале июня корпус прибыл в Крым, где местом его дислокации стала Ялта. 1-го сентября Инна Делова была принята преподавателем французского языка в новосформированный Крымский кадетский корпус, директором которого был назначен В.В. Римский-Корсаков. В состав корпуса вошли кадеты других бывших корпусов, оказавшиеся в Крыму – их приказом отчислили из Русской армии генерала П.Н. Врангеля.

Инна прошла с Крымским корпусом всю его эпопею, до дня его расформирования 1 сентября 1929 года в КСХС: эвакуацию из Ялты 1 ноября 1920 года, пересадку в Константинополе на пароход «Владимир», прибытие в адриатический порт Бакар (8-го декабря), выезд железной дорогой в Словению, где кадет и весь штат преподавателей поселили в обветшалые бараки бывшего австро-венгерского лагеря для военнопленных «Стрниште». Месяцами педагогический персонал безвозмездно исполнял свои обязанности, переживая там и голод и холод. Наконец в октябре 1922 года случился последний переезд Корпуса в бывшие австро-венгерские казармы в г. Белая Церковь. Там кадеты и их педагоги оказались уже в сравнительно сносных и с каждым годом улучшающихся жизненных условиях.

После формирования из нескольких корпусов единого Первого русского Великого князя Константина Константиновича кадетского Корпуса, Инна Петровна оказалась за штатом. Она оставалась в Белой Церкви, перебиваясь случайными заработками, до своего переезда 31 октября 1932 года в Белград, где она начала преподавать французский язык в женской гимназии.

По окончании Второй мировой войны И.П. Делова переехала в США, обосновавшись в Сан-Франциско.

Муж Константин Константинович С., (? – 19.05.1982, Сан-Франциско), ротмистр 2-го л.-гв. гусарского Павлоградского полка. Служил в Русском Корпусе.

ДИМИТРИЕВИЧ Рашко, 15.03.1898, Белград – 30.07.1988, Белград.

Сербский язык с 1930 по 1936 г. в мужской гимназии.

Историк литературы, писатель, переводчик, педагог.

Отец Рашко Димитриевича был врачом. Рашко окончил реальную гимназию в Белграде и начал учиться на медицинском факультете в Монпелье (Франция), но, решив сменить профессию, перешёл в романскую группу философского факультета Белградского университета. Диплом получил в 1922 году. На стипендию

Французского правительства Димитриевич усовершенствовался в университетах Страсбурга и Парижа, изучая мировую литературу.

По возвращении в КСХС Рашко Димитриевич начал преподавать в гимназиях в Земуне (1924–1930) и в Белграде (1930–1940). Одновременно он учительствовал в русско-сербской мужской гимназии.

Он много путешествовал по Европе. В 1940 году Димитриевич был избран профессором Художественной академии в Белграде.

По окончании Второй мировой войны Р. Димитриевич состоял членом редакционной коллегии книгоиздательства «Просвещение» (1948–1955), редактировал собрание сочинений Мольера, произведения Гейне. Писал и сам прозу, стихи, эссе. Переводил сочинения французских писателей (Доде, Бальзака, Ж. Санд, Дидро, Мольера, Кассу, Дюамеля, Жироду, Мориака), а с немецкого – Клейста и Гауптмана.

В 1955 году он вернулся к преподавательской работе, читая курс мировой литературы на философском факультете Белградского университета, а в качестве гонорарного преподавателя на философском факультете в Нови Саде (тогда при Белградском университете).

Несомненно, он был талантливым педагогом. Среди нескольких поколений студентов Рашко Димитриевич снискал славу одного из самых любимых университетских преподавателей послевоенного периода. Студенты его буквально обожали за увлекательные лекции, на которых всегда собиралась молодёжь с других отделений и даже с других факультетов.

ДОБРОКЛОНСКИЙ Александр Павлович, 10/23.12.1856, Павловский Посад, Богородского уезда, Московской губ. – 21.11/04.12.1937, Белград.

Латинский язык с 1920 по 1923 г.

Доктор богословия, историк Церкви. Статский советник.

Александр Павлович родился в семье священника. Он окончил в Москве Заиконоспасское духовное училище, а затем семинарию и Духовную Академию в 1880 году. Начал преподавательскую службу в различных семинариях, а с 1892 года он уже приват-доцент при кафедре церковной истории Московского университета. Через семь лет А. Доброклонский – профессор церковной истории Новороссийского университета, будучи при этом с 1915 по 1919 год и ректором. В 1911 году он защитил докторскую диссертацию. Автор фундаментального труда «Руководство по истории Русской Церкви». Современники отмечали беспристрастность доктора Доброклонского как историка, его исключительную тщательность, педантичность, научную честность и определенный консерватизм его взглядов. Начиная с 1913 года семь лет подряд он избирался гласным Одесской Думы.

Новая советская власть в 1919 году уволила доктора Доброклонского, как преподавателя ненужного «клерикального» предмета, а Чрезвычайная комиссия (ЧК) на месяц (июль) арестовала 63-летнего профессора. Красные покинули Одессу, но перед очередным их появлением, в январе 1920 года, А.П. Доброклонский с женой сочли за лучшее эмигрировать.

В Белграде он был приглашен ординарным профессором на богословский факультет Белградского университета, коим и прослужил 17 лет. А.П. Доброклонский состоял консультантом по учебным делам при Государственной комиссии, ведавшей интересами русских беженцев (с 1923 г.). Избирался председателем Общества русских учёных (1928–1937), Русского педагогического общества (до 1937 г.) и Русского научного института в Югославии (1936–1937).

Центральная тема исследований А.П. Доброклонского в эмиграции – взаимоотношения церкви и государства и защита церковной свободы.

Жена Мария Григорьевна Д., (ок. 1884 – 18/31.07.1932, Белград).

ЕЛАЧИЧ Евгений Александрович («Халдей», «Буй-Саныч»), 1880 – 1944, Южная Сербия.

Химия, природоведение, немецкий язык с 1921 по 1944 г. в смешанной и мужской гимназиях.

ЕЛАЧИЧ Вера Ивановна, ? – 1944, Южная Сербия.

География с 1921 по 1933 г. в смешанной и женской гимназиях.

Отец Евгения, по профессии юрист, был по происхождению сербом. Е. Елачич учился в Санкт-Петербургском университете на математическом факультете, затем – на естественно-историческом. Окончил университет в 1903 году, после чего начал преподавать в школе. С 1904 года он работал в Петербургском учебном округе инспектором народных училищ и попечителем домов трудолюбия. В 1905 году Е. Елачич уволился и организовал попечительства в местностях, пострадавших от неурожая, участвуя в кампании помощи пострадавшим крестьянам Спасского уезда Казанской губернии (в тех местах у семьи Елачичей было небольшое имение). За эту деятельность в 1907 году Евгений Елачич был награждён орденом Св. Анны 3-й степени.

Параллельно Евгений Александрович занимался и тем, что впоследствии привело его на литературно-педагогический путь, – был членом Постоянной комиссии по устройству народных чтений. На специальных собраниях для народа читались вслух разные художественные, обучающие и другого рода произведения.

Цели этих занятий были просты и благородны: отвлечь простых людей от постоянного пьянства, а также, по мере возможности, повысить их культурный уровень.

С 1905 года Евгений Елачич сотрудничал с журналами «Вестник Европы», «Русский учитель» и др., а годом раньше начал публиковать собственные научно-популярные статьи и книги, преимущественно по биологии и зоологии, такие как «Происхождение видов и дарвинизм», «Как животные защищаются от своих врагов», «О взаимоотношениях животного и растительного мира», «О жизни на морских глубинах» и многие другие.

Важными путями привлечения детей к чтению научно-популярных книг Елачич считал общение с природой: наблюдения, экскурсии в музеи. По его мнению, детская книга по естествознанию «должна быть и научной, и популярной». Самым интересным и известным было произведение Е.А. Елачича по биологии – «Крайний Север как родина человека». И по сей день российские исследователи Севера помнят эту работу и часто на неё ссылаются. Важную часть деятельности писателя составляли переводы на русский язык ряда книг А.Е. Брема.

В 1909–1910 годах Евгений Александрович жил в Самаре, до 1917 год работая редактором критико-библиографического журнала «Что и как читать детям?». Не известно, принимал ли он участие в Великой войне, но эмиграция после революции стала для семьи неизбежной.

Ещё в России Евгений Александрович женился на Вере Ивановне Рихтер, дочери главного управляющего железными дорогами Санкт-Петербурга. С женой и дочерьми Верой, Ольгой и Марией он выехал из Одессы и оказался в КСХС, на своей исторической Родине.

Евгений Елачич пришёл в «плетнёвскую» гимназию на следующий год после её открытия, в 1921 году, а с 1930 года, после разделения гимназий, остался преподавать в мужской, вплоть до её закрытия в 1944 году.

Преподавателем работала и его супруга Вера Ивановна, до 1933 года обучавшая учениц гимназии географии.

Чутко воспринимая окружающий мир, Евгений Александрович был очень энергичным и в то же время эмоциональным человеком и, несомненно, талантливым педагогом.

Именно он настоял на возвращении в гимназию исключенного Сашу Глянцева (19-й вып.). Александр Михайлович Глянцев написал об этом эпизоде в своей книге:

Лишь благодаря усилиям моего классного руководителя, Е.А. Елачича, которому тоже многим обязан, на следующий год меня снова приняли в гимназию. И опять Е. Елачич! Он заметил мои способности к иностранным языкам, и за его счёт я обязан был брать дополнительные уроки у преподавательницы француз-

ского языка. А это в моей жизни сыграло решающую роль. Кроме того, Елачич часто приглашал меня к себе на Шуматовачку улицу, где собиралось по несколько гимназистов: кто в шахматы играл, кто читал редкие книги из библиотеки преподавателя. Перед нами на столе всегда было блюдо с орехами и сладостями... Елачич относился к поистине настоящим педагогам. Педагогам по зову сердца и души.¹

Многие гимназисты вспоминают своего преподавателя добрым словом. Анатолий Сапронов, гимназист 20-й выпуска:

Увлечение шахматной игрой имело в нашей гимназии давнюю историю. Из года в год функционировал шахматный кружок, которым бессменно руководил наш энциклопедист-преподаватель Е.А. Елачич. Был он сам игрок не из слабых, при том сильно и страстно переживал собственные поражения, и потому старался привить нам чисто любительский подход к игре. Он был решительным противником расширения шахматной игры за пределы гимназии.²

В своих воспоминаниях о Белграде бывшая гимназистка и педагог Лидия Алексеевна Девель (выпуск женской гимназии 1930 г.) пишет о том, как она четыре года секретарствовала в созданном Елачичем «Обществе ревнителей чистоты русского языка»:

Евгений Александрович был высок, худ, педантичен, вегетарианец, и держал нас всех в повиновении. Был в правлении и его брат Гавриил Елачич, поэт, погибший в первую бомбардировку Белграда в 1941 году.³

Помимо работы в этом Обществе и в Союзе русских писателей и журналистов, Е.А. Елачич был и деятельным членом Русского музыкального общества в Белграде – читал лекции-доклады о русской музыке. Был он также и видным членом Российского союза городов.

В эмиграции вышла лишь одна книга Евгения Александровича – рассказы «Сильные духом» (в серии книг «Библиотека для юношества», Белград, 1930). Любопытно, что его книги в 1922-1926 годах еще продолжали переиздаваться на его родине, хотя сам автор уже находился в эмиграции.

Не потеряв никого из членов семьи в братоубийственной Гражданской войне в России, Евгений Александрович и Вера Ивановна Елачичи погибли на его родине в годы Второй мировой войны от рук некоей «тройки дражиновцев» в

1 Агафонов А. (Глянцев). Записки бойца армии теней. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. С. 28.

2 «Памятка» 1986 г. С. 156.

3 Алексеева Л. Из воспоминаний о Белграде // Русский альманах 1981. Париж, 1981. С. 367.

южной Сербии. «Дражиновцы» – это отряды четников генерала Дражи Михайловича, которые воевали не столько против оккупантов-немцев, сколько против югославских коммунистов-партизан.

Ныне потомки русской ветви Елачичей разбросаны по многим странам мира.

Отец Александр Е., (1847, Самара – 1916, Санкт-Петербург), юрист, специалист в области аграрных реформ.

Мать София Кирилловна Е., (ур. Холодовская; 1851 – 1929), тетьа композитора Игоря Стравинского.

Братья:

Гавриил, (около 1894 – 24.03/06.04.1941, Белград), поручик гвардейского Московского полка, поэт;

Александр, ротмистр л.-гв. гусарского Павлоградского Императора Александра III полка.

Жена Вера Ивановна Е., (ур. Рихтер), преподаватель географии. Отец Иван Иванович Р.

Дочери:

Татьяна, гимназистка, 6-й вып.

Мария, (ок. 1912 – 13/26.10.1924, Белград), ученица Русского детского дома в Белграде;

Ольга, (07.01.1912, Санкт-Петербург – ?), гимназистка, 8-й вып.

ЖАРДЕЦКИЙ Вячеслав Сигизмундович, 16.04.1896, Одесса – 21.10.1962, Элкинс, штат Западная Вирджиния, США.

Математика с 1930 по 1935 г. в женской гимназии.

Астроном, механик, астрофизик, педагог.

Вячеслав Жардецкий окончил классическую гимназию в Одессе и физико-математический факультет Новороссийского университета в 1917 году. Способный молодой человек был оставлен на кафедре астрономии для подготовки к профессорскому званию. Он начал работать в Одесской обсерватории, но вскоре получил место ассистента в Пулковской обсерватории в Петрограде и уехал в столицу. Его первая научная работа посвящена спектру звезды Вега (альфа созвездия Лиры).

Опрометчиво приехав в отпуск в Одессу, Вячеслав Сигизмундович оказался на территории занятой Белой армией и войсками Антанты. Наступление Красной армии в январе 1920 года вызвало волну эмиграции, и Жардецкий отплыл в КСХС.

В Белграде, под влиянием югославского астронома и геофизика М. Миланковича, он увлекся небесной механикой и начал работать ассистентом при Астрономической обсерватории, а с марта 1921 года – ассистентом на кафедре прикладной

математики философского факультета Белградского университета. Одно время, с 1923 года В. Жардецкий состоял помощником директора Института географии.

В том же году, после защиты докторской диссертации Вячеслав Сигизмундович был принят доцентом на кафедре прикладной математики, с 1929 года – экстраординарным, а с 1939 года – ординарным профессором теоретической физики. Много времени учёный отдавал спорту, он занимался фехтованием, играл в футбол, был хорошим шахматистом.

Круг его знаний был весьма обширен: он читал лекции по теории векторов, гидромеханике, математической физике. В Белграде вышли его книги «Гидромеханика» (1932) и «Основы теоретической физики» (1941), а в издании Сербской Королевской Академии наук – докторская диссертация и монография «Математические исследования эволюции Земли» в 1935 году.

В.С. Жардецкий состоял членом Русского научного института в Белграде, публиковал свои работы в их периодическом издании.

Во время Второй мировой войны Вячеслав Сигизмундович перестал преподавать, «уйдя на пенсию», а в январе 1944 года с семьёй переехал в Грац (Австрия), где работал в качестве приглашённого профессора физики и астрономии местного университета. Позднее исполнял обязанности директора Института физики и астрономии (1947–1949) и был лектором по геофизике в Высшей технической школе Граца.

В 1949 году семья Жардецких переехала в США. В Нью-Йорке Вячеслав Сигизмундович работал в Ламонтской геологической обсерватории при Колумбийском университете в качестве внештатного научного сотрудника, где занимался изучением распространения волн и сейсмологией. В этой должности он оставался до конца жизни. Одновременно, с 1951 года и до ухода на пенсию Жардецкий был профессором механики в Манхеттенском колледже. Излюбленной его темой была теория зонального вращения Земли, которая объясняет миграцию континентов. Будучи весьма разносторонним учёным, Жардецкий проявлял интерес к истории науки, а также и к социальным проблемам. Много сил отдавал участию в работе редакций научных журналов. Последние годы жизни работал как издатель-переводчик Американского геофизического союза. Состоял членом многих научных обществ, был избран в члены Американской Академии наук и искусств.

Научное наследие В.С. Жардецкого обширно, как по тематике, так и по объёму. Среди его публикаций монография «Теория фигур небесных тел» (1958) и книга «Периодические полярные движения и деформация земной коры» (1962), которая вышла за неделю до кончины автора.

Отец Сигизмунд Ж., польский политический деятель.

Мать Мария Ж., (ур. Кудрявцева).

Жена (с 1927 года): Татьяна Федоровна Ж., (ур. Тарановская; дочь профессора истории славянского права).

Сын Олег, (11.02.1929, Белград – 10.01.2016, Стэнфорд, штат Калифорния).
Гимназист, «Не окончившие гимназисты», см.

ЖЕРНАКОВА-НИКОЛЕВА Александра Евграфовна («Царица Хатшепсут»),
21.05.1897, Москва – 14.02.1981, Сан-Франциско.

Древняя история в мужской и женской гимназиях.

Магистр философии, египтолог, полиглот, драматург, поэт, педагог.

Александра происходила из богатой сибирской купеческой семьи. В детстве дружила с детьми московского профессора Ивана Владимировича Цветаева. О ней, талантливой девушке, читающей труды на латинском и греческом языках и печатавшейся в журнале «Жизнь для всех», Марина Цветаева однажды заметила: «Из этого вундеркинда ничего не выйдет. Своё некоторое дарование она растеряет в светских удовольствиях».

Александра Евграфовна эмигрировала во Францию, где в Париже получила диплом магистра философии. Делом её жизни стало изучение Древнего Египта. Её уважали как специалиста по античным египетским культам, она состояла членом Общества французской египтологов.

Из Франции Александра Евграфовна переехала на жительство в Королевство Югославию, и в Белграде начала свою преподавательскую деятельность. Гимназистка Татьяна Вендерович вспоминала:

Образованнейшая, умнейшая женщина, профессор-египтолог, Александра Евграфовна была уверена в том, что мы все произошли от египтян. В 16 лет А.Е. окончила университет, но «горе от ума» – можно было свободно применить и к ней. С одной стороны, блестящий педагог, с другой – вечно возбуждавшая смех своей наружностью и манерой одеваться.

Помню первое её появление у нас в пятом классе (1942/43 учебный год): после спокойного, скучноватого Марка Николаевича Лосева, вошла в класс фигура... Голубой, выцветший костюм, на жакете которого криво приколотая брошка – огромный красный якорь... «слегка» растрепанная блондинка. Вид на первый взгляд, весьма комичный, кроме глаз – острых, умных, всё видящих и многое выдавших. Встретили мы ее хихиканьем, перешедшим в хохот. Думаю, что она привыкла к таким выпадам. Спокойно остановившись в дверях, она сказала: «Ну что-ж, посмейтесь, а я подожду; когда насмеётесь вдоволь, скажите и я начну урок!» Этим она нас, как говорится, облила холодной водой, и мы стихли. Но зато, как мы полюбили её уроки!

На всю жизнь запомнила её фигуру: рассказывая урок, ходит взад и вперёд, от стенки к стенке, у доски перед кафедрой. Слушали мы её затаив дыхание и знали её предмет прекрасно. Ходили слухи, что она очень ревнива, – её муж Николай Михайлович работал внизу в библиотеке. Этого мы пропустить никак не могли. Без всякой надобности, после уроков, мы забежали в библиотеку и, как нам тогда казалось, усиленно «строили ему глазки». Александра Евграфовна сидела за круглым столом справа и искоса наблюдала. Правда, такое поведение было чревато последствиями, так как следующий урок мог быть очень неприятным, с придираками, а то и с двойкой. Тем не менее, мы любили нашу «царицу Хатшепсут».

Между прочим, уже теперь, в Америке, живя в Сан-Франциско, мы встречались с ней очень радостно. Много вспоминали. Она часто устраивала лекции, на которые приглашала меня петь, что я делала с большим удовольствием. В разговоре я как-то упомянула ей, что мы ее называли «царицей Хатшепсут», чем привела её просто в умиление.¹

Из воспоминаний гимназиста Александра Сутулова:

Самой большой аттракцией и сильным впечатлением в первом классе конечно была преподавательница истории Александра Евграфовна Николаева. Это была женщина лет сорока, очень странной внешности и способа одевания, а также и поведения. Волосы у нее были выкрашены под цвет светлой блондинки, с какой-то странной диадемой или красной шапочкой в них. Ходила она в тёмном и довольно длинном платье с поясом, наподобие римского или египетского, и обыкновенно в коротких чулочках. В гимназии поговаривали, что она пытается одеваться, так как её одевала мама, когда она была девочкой. Естественно поэтому, что первое наше впечатление было связано с чем-то комичным. Однако первые же уроки показали, что развлечений и шалостей на её уроках не будет. Достигла это она очень простым и довольно педагогическим способом. Во-первых, она увлекательно преподавала и умела нас заинтересовать историей. Во-вторых, она никого и никогда не наказывала, а лишь в наказание за наши шалости не читала нам во второй части урока тех увлекательных книг, которые она мастерски нам подбирала, а начинала спрашивать уроки. Таким образом, на её уроках была всегда мёртвая тишина, и мы всегда с интересом слушали все, что нам рассказывалось и читалось. А послушать было что. Кроме курса русской истории нам передавались старинные легенды и рассказы из нашего далёкого прошлого, мы знакомились с чудесной мифологией древнего мира, читались исторические романы с самыми захватывающими эпизодами и происшествиями. Тогда это меня, конечно, интересовало больше по содержанию, как фабула, но позже я понял, насколько ценен был её труд, вложенный в работу с нами. Незаметно и легко Александра Евграфовна ввела нас в классику, сумела передать её содержание и привить к ней вкус.

Был у Александры Евграфовны и свой конёк. Она обожала древний Египет и была большой его поклонницей. Это была какая-то страстная любовь к этой

1 «Памятка» 1986 г. С. 135–136.

древней стране, которая заставляла её часто терять и чувство реальности. Она, например, совсем серьезно вела диспут о том, что даже русские происходят от египтян и думаю, что странность ее наряда можно тоже частично объяснить попыткой подражать древним.

Но это, конечно, были мелочи. В нашей памяти эта преподавательница останется в самом лучшем воспоминании и, безусловно, она повлияла на наше общее развитие.¹

С мая 1926 года Александра Евграфовна состояла членом Союза русских писателей и журналистов в КСХС и была избрана делегатом Первого съезда русских писателей и журналистов за рубежом (Белград, 1928). В 1930-е годы в Белграде был опубликован её исторический роман «Тайны египетских иероглифов», а 8 ноября 1942 года на театральной сцене Русского дома состоялась премьера спектакля по её пьесе в 3-х действиях «Жизнь и сказка». Помимо этой пьесы, ею была написана драма «Тайна замка Майерлинг» и пьеса в стихах «Да здравствует культура!». Она же автор воспоминаний «Цветаевский дом» (об укладе жизни в семье профессора И.В. Цветаева).

После Второй мировой войны супруги некоторое время жили во Франции, а затем переехали в США, в Сан-Франциско, где принимали участие в культурной жизни русской диаспоры.

Отец Евграф Александрович Ж., (1847, Ирбит, Пермской губ., ныне Свердловской обл. – 1908, Новониколаевск, ныне Новосибирск), богатый сибирский и московский купец. Занимался хлеботорговлей в Сибири и благотворительностью, городской голова Колывани (сегодня в его отреставрированном доме Городской музей Колывани), потомственный почетный гражданин Новониколаевска, купец 1-й гильдии и староста храма Румянцевского музея в Москве.

Мать (2-й брак Евграфа Ж.): Елизавета Ильинична Ж., родилась в Москве.

Муж Николай Михайлович Николаев, библиотекарь Русской публичной библиотеки при Русском доме имени императора Николая II в Белграде (см. ниже, в разделе «Служащие администраций гимназий»).

КОЛЕСНИКОВ Степан Фёдорович, 11/23.07.1879, село Адрианополь, Славяно-Сербского уезда, Екатеринославской губ. – 14/27.05.1955, Белград.

Рисование, чистописание с 1920 по 1924 г.

Выдающийся русский живописец, педагог.

Степан родился и вырос в окрестностях Одессы в состоятельной крестьянской семье. Художественные способности у него проявились рано. В 1897–1903 годы

¹ Александр Сутулов окончил гимназию в 23-м выпуске 1943 г.

он учился в Одесском художественном училище, а в 1903–1909 годы в Санкт-Петербургской Императорской академии художеств у И.Е. Репина, В.Е. Маковского и др. Блестяще окончив академию, Степан Колесников получил звание художника и «заграничную пенсию» – жил и работал в Германии, Франции, Бельгии, Италии. Позднее объездил Бессарабию, Украину, Кавказ, Болгарию и Сербию, а в 1913 году – Туркестан и Китай. С. Колесников – участник многих выставок в России, получал премии за свои работы. Первая персональная выставка художника состоялась в Петербурге в 1912 году. Его работы экспонировались в Мюнхене, Лондоне, Риме, Венеции. С началом Первой мировой войны семья переезжает в Москву. Степан Федорович писал там картины по военной тематике, которые экспонировались на благотворительных выставках, он был сотрудником иллюстрированных журналов «Нива», «Огонёк» и др.

С октября 1917 года семья художника жила на даче под Одессой (где был написан цикл картин из цыганского быта), а в 1919 году Степан Фёдорович с женой и детьми по Военно-Грузинской дороге через Турцию перебрался сначала в Грецию, а затем в КСХС. Вскоре семья устроилась на жительство в Белграде. По просьбе В.Д. Плетнёва Степан Фёдорович взялся вести занятия в гимназии. В эти же годы он был приглашён сценографом в Королевский национальный театр (1921–1926). Оставаясь верным реалистическим традициям, Степан Федорович выполнял монументальные стенные росписи интерьеров общественных зданий, писал портреты, натюрморты, иконы, но преимущественно пейзажи, которые имели огромный успех.

Талант художника был высоко оценён в Югославии. Король Александр I Карагеоргиевич неоднократно поручал ему руководство реставрацией картин и отделкой монастырей. Живописец был удостоен Ордена Св. Саввы в 1924 году. Персональные выставки С.Ф. Колесникова довольно часто проходили в Белграде, Праге, Париже. Ныне его произведения хранятся в галереях и частных коллекциях в России, Сербии, Швейцарии, Германии, Англии, Франции, США.

В 1943 году художник тяжело заболел (болезнь Паркинсона), что почти полностью лишило его возможности работать.

1-й брак (с 1899 г.): Ирина Федоровна К., (ур. Папандопуло; ок. 1879 – 24.02/09.03.1941, Белград), дочь греческого помещика;

2-й брак (после 1941 г.): Мария Григорьевна К., (1897 – 06.12.1966, Белград)

Дети:

Любовь, (1901, Одесса – ?);

Фёдор, (ок. 1905, Одесса – 12/25.08.1946, Белград), гимназист, 4-й вып.

КОШИЦ **Георгий Павлович** («Чекист»), 06.09.1890, Денеши, близ Житомира, ныне Украина – 24.07.1973, дача в Роудоне, близ Монреаля, Канада.

Математика и физика с осени 1933 г. в мужской гимназии до её закрытия в 1944 г.

Георгий Павлович окончил физико-математический факультет Московского университета в 1913 года и начал преподавать в гимназии в Ростове-на-Дону. Участник Белого движения. Галлиполиец. Эвакуирован в Болгарию, затем был приглашён в качестве преподавателя математики в Крымский кадетский корпус в г. Белая Церковь и переехал в Королевство СХС. С 25 февраля 1923 года по 1 сентября 1929-го вёл занятия в Крымском корпусе до его расформирования. После этого Георгия Павловича пригласили в Париж, в Версальский русский кадетский корпус, где он провёл два учебных года, но затем вернулся в Югославию.

Перед отъездом отцу подарили на память замечательную медную шкатулку, на крышке которой рельефом изображён дом в Ясной Поляне и портрет Льва Толстого. Эта шкатулка до сих пор у меня.¹

Георгий Павлович поступил на службу Первый русский кадетский корпус в Белой Церкви и читал там математику до 1 августа 1933 года.

Кадет Константин Синькевич вспоминал о своём педагоге:

Войдя в помещение с портфелем под мышкой, он принимал рапорт дежурного и в то же время обводил глазами стоящих кадет, буквально терроризируя их сверлящим взглядом. Выбирал очередную жертву. По окончании рапорта он бросал краткое «Садитесь» и так же отрывисто вызывал к ответу: «Иванов – к доске! Синькевич – к доске!» Затем давал каждому задание и начинал урок с классом, время от времени оборачиваясь к стоящим у доски, чтобы проверить, не получают ли они помощи. Шпаргалить у «чекиста» было немыслимым делом.

Кличка кличкой, но Кошиц был не только знатоком своего предмета, но и неплохим педагогом. Он не требовал ничего иного, кроме знаний, возможно, осуществляя свои требования не всегда дипломатичным путем. Но многие кадеты, особенно избравшие позже карьеру инженеров-механиков, были ему благодарны: знания, полученные в корпусе, чрезвычайно помогли им в университете. Сербские однокурсники наших студентов не имели такой блестящей подготовки, и наши нередко подрабатывали репетиторством отстающих сербов.²

Здесь, в Белой Церкви, Георгий Павлович познакомился со своей будущей женой, Верой, приезжавшей погостить в семью своего дяди, тоже служившего в корпусе. Они обвенчались и здесь же родились обе их дочери. Переехав в Белград, Георгий Павлович пришёл преподавать в русско-сербскую мужскую гимназию.

1 Письмо дочери Георгия Павловича, Елены, к А. Арсеньеву от 20.06.2018 г.

2 Российская кадетская перекличка. (Москва). №7, 2009.С. 74–75.

После освобождения Белграда Красной армией и партизанами Тито, семья Кошицей, не желая бросать престарелых родственников, вынужденно осталась в социалистической Югославии.

Нашего папу, как и многих других русских в Белграде, вскоре арестовали и допрашивали, и советский офицер, размахивая оружием пытался склонить папу к стукачеству, но папа невозмутимо предлагал ему – «Стреляйте, пожалуйста!» Продержали его в тюрьме месяц, но наконец выпустили и оставили в покое.¹

Георгию Павловичу всё же удалось найти педагогическую работу: четыре года он вёл курс математики в средней метеорологической школе в Белграде (1946–1950). Наконец, в пору гонений на русских эмигрантов после разрыва отношений с СССР в 1948 году, Георгию Павловичу со всей семьёй было предложено покинуть страну. Надо сказать, что, не смотря на все трудности очередного переезда в неизвестность, уезжали они с радостью. Почти на пять лет они оказались в лагере перемещённых лиц в Триесте (Италия), где глава семьи вёл уроки в одной из школ при лагере. Бюрократические препоны в конце концов разделили семью: родители, числившиеся в «русской квоте» на эмиграцию в США, в 1955 году пересекли океан и обустроились на жительство в местечке Глен-Ков, в штате Нью-Йорк. Георгий Павлович служил там на фабрике, изготавливавшей дамские сумочки. Дочерей же, числившихся по «югославской квоте», Америка не приняла, и они выехали в Канаду. Только в 1971 году родители переселились в Монреаль в семью младшей дочери Елены.

Брат Сергей, (? – 1975, Болгария). Жил в столице Болгарии, Софии. Последняя встреча братьев состоялось в Монреале, в 1972 г. Елена Георгиевна смогла устроить это свидание благодаря своей работе в Международном отделе радио Канады и переписке с болгарскими слушателями.

Жена Вера Павловна К., (ур. Гейер-Ломоносова; 05.12.1896, Лохвица, Полтавская губ. – 03.08.1983, Роудон). Окончила Полтавский институт благородных девиц и 8-й класс гимназии г-жи Старицкой, после чего поступила на медицинский ф-т Киевского ун-та, но учёба была прервана гражданской войной. Семья была эвакуирована вместе с Полтавским кадетским корпусом, где служил родной брат её матери, К.Ф. фон Коссарт. Первые месяцы в КСХС Вера провела при корпусе в Стрниште (ныне Словения), а затем перебралась в Загреб. Будучи уже серьёзной пианисткой, она поступила в местную музыкальную Академию, которую и окончила, зарабатывая на жизнь частными уроками. Навещая время от времени семью своего дяди в Белой Церкви, Вера познакомилась с Георгием Кошицем и вышла за него замуж. Всю свою долгую жизнь Вера Павловна продолжала давать уроки игры на фортепьяно.

Дети: Марина и Елена, «Неокончившие гимназисты», см.

1 Из того же письма дочери.

КУЧИНСКИЙ Сергей Иванович, 10.09.1886, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина – 07.07.1969, Риека, Хорватия.

Рисование и чистописание с 1924 г. в смешанной гимназии, далее в женской гимназии до её закрытия в 1944 г.

Живописец, график, сценограф, педагог.

Сергей вырос в семье судьи и провел детство и юность в Москве. Идя по стопам отца, он окончил юридический факультет Московского университета, но одновременно учился и окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (1905–1913). В 1913 году Кучинский впервые выставил свои работы в Москве. Перед революцией Сергей Иванович с женой Еленой Александровной жили в Петрограде, где в 1916 году родилась их дочь Наталия.

В 1920 году Кучинские эмигрировали в КСХС и поселились в Белграде. Художник писал пейзажи, натюрморты, портреты, оформлял спектакли в Королевском национальном театре, в русских драматических труппах, включая труппы Русского общедоступного театра (с 1933 г.) и Общества русских сценических деятелей в Сербии (в годы оккупации, 1941–1944), выступавших на сцене Русского дома имени Императора Николая II.

Сергей Иванович принимал участие во многих выставках русских художников в Югославии, а в 1940 году провёл в Белграде свою персональную выставку. В феврале 1943 года С. Кучинский принял участие как сценограф и администратор в создании ученического спектакля, устроенного родительским комитетом мужской гимназии. В январе 1944 года он создал костюмы и декорации для спектакля по пьесе Е.А. Садовниковой «Волшебный клубок», поставленного О.П. Миклашевским с учениками русской основной (начальной) школы в Белграде.

По окончании Второй мировой войны Кучинские остались в Югославии, короткое время Сергей Иванович оформлял спектакли Национального театра в Белграде (1945–1946), а в 1947 году переехал на жительство в портовый адриатический город Риеку, где возглавил художественную часть местного Народного театра, оформляя преимущественно спектакли русского классического репертуара. Работал также для местного Итальянского театра.

С. Кучинский участвовал в выставках Общества художников Хорватии, провел в Риеке четыре персональных выставки (1953–1965). Особую популярность приобрели его графические работы цикла «Старая Риека». В 1965 году Сергей Иванович побывал на родине, в Москве, где создал цикл зарисовок нового и старого (по воспоминаниям) города, который показал на выставке «Москва и Риека – две любви» (Риека, 1965).

Жена Елена Александровна К., (? – 25.04.1973, Париж), заведующая Русской начальной школой в Белграде;

Дочь Наталия, (27.04.1916, Петроград – ?, Париж), гимназистка, выпуск женской гимназии 1935 г.

ЛЕДНЁВА Серафима Ивановна («Симка»), 18.07.1876, Пенза – 06.08.1963, США.

Пение. Педагог-воспитатель и преподаватель со дня основания женской гимназии до её закрытия в 1944 г.

Серафима Ивановна вместе с овдовевшей родной сестрой Верой Ивановной Доуша, эмигрировала в КСХС. Сама она замуж не вышла, полностью посвятив себя гимназисткам.

В должности начальницы Детского сада и Русской начальной школы в Белграде, основанных в 1920 году Всероссийским союзом городов (ВСГ), Серафима Ивановна, как опытный педагог и воспитатель, сменила Веру Петровну Малинину. Оба эти учреждения находились в частном двухэтажном доме рядом с речным портом на реке Саве, непригодном для занятий, не удовлетворяющим и необходимым гигиеническим условиям. Помещения были малы, недостаточно светлые. В доме не было нужного инвентаря и не было места для квартиры начальницы, которая в нём должна была проводить весь день. При этом учащихся было около сотни. С мая 1924 года Русская начальная школа переехала в здание «напротив Калемегданской крепости», а под конец 1925 года ещё раз – в пустое здание по ул. Милоша Великог, 69. Там же ютилась и низшая, а позднее высшая (полная) Русская женская гимназия. До 1926 года Серафима Ивановна заведовала Русской начальной школой и преподавала пение.

С началом процесса разделения смешанной Первой русско-сербской гимназии в Белграде в 1926/27 учебном году открылась Русская женская гимназия (для учениц с 1-го по 5-й класс). Пока эта гимназия не пополнилась всеми очередными старшими классами, её директором (до 1930 г.) была С.И. Леднёва. Последние годы перед переездом в открывшийся Русский дом имени Императора Николая II гимназия размещалась в «Учительском доме» по ул. Шумадийской (впоследствии Бульвар Освобождения) и в ней училось более 150-ти гимназисток. При женской гимназии имелся и свой Женский интернат (по улице Битольска, затем Гарашанина, 4). Им тоже заведовала С.И. Леднёва, а до 1931 года единственной воспитательницей в интернате была её сестра, В.И. Доуша, которая ведала и хозяйственной частью.

С 13 января 1931 года директором женской гимназии стал Л.М. Сухотин. Серафима Ивановна оставалась заведующей интернатом и воспитательницей, и продолжала до 1935 года преподавать пение. Кроме того, она была ещё и классной наставницей. Вся жизнь её в те годы была служением, граничащим с самопожертвованием. Это был старой закалки педагог, опытнейший воспитатель.

Гимназистки прозвали ее «Симка» и, по-своему, любили. Татьяна Бурмистрова, выпуска 1938 года, записала в «Памятке», что Серафима Ивановна охотно играла им в зале «Соколаны» на роле вальсы, танго и другие старинные танцы.¹

1 «Памятка» 1986 г. С. 164.

В сентябре 1944 года С.И. Леднёва, в составе «русского транспорта» покинула Белград. Позднее из одного из лагерей перемещённых лиц (DP) в Германии она переехала в США.

Сестра Вера, (17.03.1892, Москва – ?). Носила фамилию мужа – Доуша.

ЛУЧИНСКАЯ Варвара Николаевна, 23.11.1879, Варшава – 22.07.1962.

Французский язык в женской гимназии с 1930 и до закрытия в 1944 г.

Педагог-воспитатель.

До революции 1917 г. у Варвары Николаевны была собственная частная гимназия. Она эмигрировала во Францию, а в начале 1920-х гг. её разыскивали в Германии, вероятно, муж.

На 5-е марта 1924 г. Варвара Николаевна с мужем зарегистрированы в КСХС, в Белой Церкви. Затем они переехали в Белград и с 1930 г. В.Н. Лучинская без перерыва учительствовала в женской гимназии. Видимо Варвара Николаевна была яркой личностью, потому что многие гимназистки помнили ее и написали теплые слова в «Памятке» 1986 г.

Светлана Иванова:

Вот, наша Варвара Николаевна. Тонкая, стройная, в чёрном закрытом платье с высоким белым воротничком. Неизменно, на всех церковных службах, поющая на клиросе. Как сейчас вижу её полные тоски глаза, слышу ее прочувственный голос: *Святителю отче Николае, моли Бога о нас!* Помню, как на переменах, когда надо было излить энергию, многие от неё убегали, крича: «Варвара идёт!» Кто кому ножку подставит, кто вне очереди несётся покупать вкусные, «сутуловские» горячие пирожки к завтраку. «Варвара» тут как тут, отводит в сторону разбушевавшуюся ученицу и возмущённо говорит: «Мерзавка, как ты себя ведёшь!» И, схватив за руку, а зачастую и ущипнув выше локтя, усовещивает, что приличным ученицам так бегать, толкаться или кричать нельзя. «Стань в угол!» От небольшого щипка «мерзавка» морщится, будто ей нестерпимо больно, а подруги за спиной Варвары строят рожи, чтобы чем-то утешить «обиженную». Раздаётся звонок, все расходятся по классам и Варвара, подойдя к провинившейся, ласково говорит: «Иди на урок и не шали!» Спокойно и тихо в коридоре. «Варвара», «Симка» и «Антошка» (классные дамы) идут в учительскую, или заглядывают в классы. Их забота о «птенцах» непрерывна.¹

Галина Рещикова, выпуск 1943 г.:

1 «Памятка» 1986 г. С. 146.

Подошла матура. Первые три дня – письменные работы по русскому и сербскому языкам и по математике. Мы притихли, но больше всего волновалась за предстоящий устный решающий экзамен. Не могу не вспомнить волнения и доброты нашей «грозной» Варвары Николаевны, которая изо всех сил старалась помочь нам во время письменных экзаменов по математике, вплоть до подбрасывания шпаргалок. Как это было трогательно!¹

Варвара Николаевна очень любила церковные богослужения. В 30 – 40-е годы она была псаломщицей и пела в «малом хоре» левого клироса Св.-Троицкого храма в Белграде. Этот хор составляли прихожане, хорошо знавшие чин службы и церковное пение, но не входившие в состав регулярного церковного хора, который пел на правом клиросе. По воспоминаниям гимназисток она всегда деятельно участвовала и в богослужениях в гимназической церкви.

В.Н. Лучинская жила отдельно от мужа. Она сохранила российское подданство.

Муж: Вячеслав Авксентьевич Л. (? – до 23.10.1958, Белая Церковь), полковник.

МАРТИНО Владимир Эммануилович, 09/21 или 22.06.1888, село Шули, Таврической губ., ныне село Терновка вблизи Севастополя, Балаклавского района – 15.09.1961, Ростов-на-Дону, СССР.

Природоведение и география с 1924 г. в смешанной, затем и в мужской, и в женской гимназиях.

Орнитолог, зоогеограф, эколог. Педагог.

Сын Владимира Эммануиловича, Кирилл, гимназист 13-го выпуска, о своём роде рассказал так:

В конце XVIII века в Средиземном море промышлял итальянский пират Пьетро Мартино, выходец из Неаполя. Его 39-летний сын Эммануил решил сменить профессию и с «нанятой им на свой кошт» командой из 37-ми греков (пиратов) поступил на русскую службу, в русский флот под командой графа А.Г. Орлова. Вскоре получил звание подпоручика флота и занял должность переводчика. Попав в Крым, он вышел из военной службы и получил соответствующий гражданский чин коллежского секретаря. Выйдя на пенсию с правом носить мундир, стал помещиком и в 1831 г., за заслуги, оказанные российским войскам в борьбе с турками на Чёрном море, род Мартино был возведён в российское дворянское достоинство. Его потомки, теряя из поколения в поколение кровожадность, мельчали...²

1 Там же. С. 160.

2 Маслов Ю. Восемьдесят лет с ружьем // Мастер ружье. (Москва). №7 (88), июль 2004. С. 16.

Когда родился сын Владимир, материальное положение отца стало совсем шатким. Тем не менее, Владимир Мартино сумел окончить Новороссийский университет и Московский сельскохозяйственный институт в 1913 году, став со временем крупным учёным-зоологом.

В начале своего пути Владимир Мартино получил место в Департаменте земледелия в столице. В феврале 1917 года случилась революция. Империя рухнула и к власти пришло Временное правительство, которое в мае того же года поручило В.Э. Мартино преобразовать бывший «Заказник императорских охот» площадью в 3.000 гектаров леса в Государственный заповедник. Он был назначен первым директором Заповедника. Владимир вернулся в родной Крым. Вместе со своим заместителем, зоологом М.П. Розановым, и бывшими егерями он занимался, с одной стороны, изучением фауны горного леса, а с другой – защитой этой фауны, в частности оленей, от браконьеров.

Времена были очень тревожные! Леса все более и более стали наполняться вооружёнными людьми. Одна из близких к Заповеднику старых деревень, Саблы, издавна славилась буйством своих обитателей и их браконьерскими наклонностями. А демобилизованный здоровенный сабловец-браконьер, вооруженный трехлинейной винтовкой, был особенно опасен. <...>

В январе 1918 г., когда Мартино и Розанов ехали из Заповедника в Симферополь в автомашине, они были обстреляны сабловцами, и Розанов даже получил ранение лица осколками разбитого стекла. <...>

Директор Заповедника Владимир Эммануилович Мартино был молодой человек среднего роста, сухопарый, но плечистый, с неправильными, но располагающими чертами лица, сильно близорукий, зоолог по специальности, питомец Новороссийского (ныне Одесского) университета. Он был общителен, насмешливо остроумен и фанатически предан науке. Супруга Мартино – Евгения Вениаминовна, сухощавая блондинка, была тоже родом из Крыма. Не получив специального образования, она, обученная супругом, прекрасно знала птиц и зверей, недурно стреляла и была, быть может, еще более фанатичным полевым зоологом, чем ее муж. Преобладание в семье зоологических интересов ярко сказывалось и на сыне Кирише.¹

В тяжёлые годы гражданской войны им удалось фактически спасти заповедник от разграбления.

Сын, Кирилл Владимирович, вспоминал:

В конце 1920 г. отец был приговорён татарами-браконьерами к смерти за то, что мешал охотиться в заповеднике. Вот и покинули мы родину на военном

1 И.И. Пузанов, профессор Таврического ун-та. Источник: <http://istoriya-krima.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st017.shtml>

транспорте «Якут»: я с матерью на одной койке в кубрике, а отец с другими мужчинами – на палубе.¹

На «Якуте» покинуло родину почти 300 человек, а сколько было ещё в трёх катерах, которые «Якут» вёл на буксире, известно одному Богу. Семья Марино через Константинополь прибыла в КСХС.

В 1924 году директор гимназии В.Д. Плетнёв пригласил Владимира Эммануиловича вести уроки географии и природоведения. Он не ошибся: учителя Марино горячо полюбили и ученики, и ученицы.

Гимназистка Светлана Иванова, выпуска 1943 года, вспоминала:

Особенно приятно было класть толстые белые мелки учителю географии В.Э. Марино. В его руке, как по мановению волшебной палочки, мелок творил чудеса. На доске появлялись тигры, львы, хитрая лиса, ёжик, сурок, или гора, озеро, река, иллюстрирующие урок географии. Сам страстный охотник, В.Э. хорошо изучил природу и зверей. В толстых очках, с добрыми близорукими глазами, он легко натягивал четверку вместо тройки или пятерку вместо четверки. Двоек барышням не ставил.²

Одновременно с преподаванием он работал на различных должностях в сельскохозяйственных школах, природоохранных и охотоведческих учреждениях, в музеях.

Все было хорошо до апреля 1941 года, до поражения Югославии в Апрельской войне с Германией и её союзниками. А после нападения Германии на Советский Союз отец и сын Марино оказались среди «оборонцев», т. е. тех, кто поддерживал СССР.

В августе 1941 года дирекция гимназии по настоянию Бюро по делам русских эмигрантов в Сербии вынуждена уволить Владимира Эммануиловича Марино в числе пяти преподавателей по политическим мотивам. Его известили, что линия его мировоззрения не совпадает с принятым ими путём, причём отметили, что коренное расхождение в идеологии нисколько не умаляет педагогической деятельности г-на В. Марино.

Увольнение, по словам самого Владимира Эммануиловича, совпало со временем наибольших немецких успехов и с чудовищной немецкой пропагандой, и поэтому можно считать, что уволенные преподаватели проявили должное присутствие духа, ясность мысли и верность родине.

Вскоре после окончания Второй мировой войны отец и сын Марино, оставшиеся в Югославии, приняли советское гражданство. Владимир Эммануилович нашёл работу в Сараево хранителем, а затем и научным сотрудником государственного

1 Маслов Ю., указ. соч. С. 18.

2 «Памятка» 1986 г. С. 148.

музея. В местном университете он читал курсы сельскохозяйственной энтомологии и зоологии позвоночных. Продолжалась и его научная работа, которая вылилась в опубликованную в 1947 году в Белграде книгу «Птицы Югославии», написанную в соавторстве с Дмитрием Сергеевичем Матвеевым, учеником Владимира Эммануиловича. Книга включала и материалы, собранные Марино-младшим.

После разрыва отношений с СССР и странами социалистического лагеря в 1948 году в Югославии началась «охота на ведьм». Были репрессированы и отец, и сын. Старший просидел в тюрьме без суда 9 месяцев. Затем семья в полном составе была выдворена из Югославии в Болгарию, где Владимир Эммануилович служил охотоведом и старшим научным сотрудником в Академии наук Болгарии.

В мае 1955 года семья репатрировалась в СССР. На просьбу жить и работать в Крыму Марино получили отказ. Местом жительства власти определили Егорлыкский зерносовхоз в Ростовской области, который служил тогда неким подобием фильтрационного лагеря.

В конце концов Владимир Эммануилович был трудоустроен лаборантом (!) на кафедре зоологии Ростовского Государственного университета. Через пять лет, в 1960 году, он добился права защитить кандидатскую диссертацию в Москве, которая признана была Ученым советом как докторская. Он еще успел опубликовать множество своих научных работ.

Свою зоологическую коллекцию (1700 экземпляров) В.Э. Марино подарил Зоологическому музею АН СССР.

Брат Виктор М., (1893 – 09.01.1979, Тунис). Мичман военного времени. Участник Белого движения. Эвакуирован из Одессы. В мае 1920 г. в КСХС. В эмиграции в Тунисе. Жена Ирина Степановна М., дочь Ирина, (? – 1994) и ещё трое детей.

Жена Евгения Вениаминовна М., (ур. Степанова), дочь героя русско-японской войны (старшего офицера крейсера «Варяг»), позднее генерал-майора флота Вениамина Степановича С. Соавтор нескольких научных работ мужа.

Сын Кирилл, гимназист, 13-й вып.

МОСКОВЛЕВИЧ Милош, 22.10.1884, с. Варна, близ Шабаца, Сербия – 30.06.1968, Белград.

Сербский язык с 1920 по 1923 г.

Доктор филологических наук, педагог, общественно-политический деятель.

Милош родился в крестьянской семье. Он окончил гимназию в 1904 году и отделение сербского и русского языка философского факультета Белградского университета в 1908-м.

Получив диплом, М. Московлевич начал преподавать в гимназиях, сначала в Нише (1908–1909), а затем в 3-й мужской гимназии в Белграде (1909–1914). В 1911/12 учебном году он ездил на усовершенствование в Москву и Петербург. В годы Великой войны служил цензором военной почты (1914–1917), затем М. Московлевича командировали в Россию, где он занимался пропагандистской поддержкой Королевства Сербии и возглавлял Сербский институт с 1917 по 1919 год. В 1918 году Московлевич состоял инспектором по делам сербских подданных, оказавшихся в России.

После войны он вернулся на родину, уже в новое государство, Королевство СХС, и продолжил преподавание в 3-й мужской гимназии (1919–1921). Милош Московлевич неоднократно избирался депутатом Народной Скупщины (Парламента) от сельскохозяйственной партии (1921–1927), одновременно с этим, с перерывами, преподавал в разных учебных заведениях столицы.

В 1928 году М. Московлевич защитил докторскую диссертацию. Позднее он состоял директором видного книгоиздательства «Сербская литературная задруга» (1931–1933), сотрудником лексикографического отделения Сербской Королевской Академии наук (1933–1939), преподавал в Педагогическом институте в Белграде (1938–1945).

По окончании Второй мировой войны М. Московлевич занимал пост министра лесного хозяйства Народной Республики Сербии в 1945–1946 году, был послом Югославии в Осло (1946–1949) и в Каире (1949–1950). Вернувшись на родину, он служил научным сотрудником Института сельского хозяйства при Сербской Академии наук и искусств (1950–1960). Редактор и сотрудник ряда газет и журналов, знал европейские языки.

Им выполнен ряд переводов русской художественной литературы (Лермонтова, Тургенева, Л. Толстого, Крылова и Шолохова). Милош Московлевич – автор учебника русского языка (1939), Русско-сербского (1949) и Сербско-русского (1959) словарей.

МОШИН Владимир Алексеевич, 26.09/09.10.1894, Санкт-Петербург – 03.02.1987, Скопье, Югославия (ныне Македония).

История и Закон Божий в мужской гимназии, 1942/43 и 1943/44 учебные годы. Историк, славист, византолог, археограф, основатель югославской палеографической науки, протоиерей, академик Македонской АН.

Преподаватель.

Сын литературоведа, писателя и краеведа, Владимир Алексеевич прожил большую жизнь. Из 92 лет, отпущенных ему судьбой, 65 лет он жил в Югославии.

Владимир Мошин учился на втором курсе историко-филологического факультета Петербургского университета, когда началась Великая война. Осенью 1914 года Владимир добровольцем вступил в действующую армию. Он участвовал в боях Брусиловской армии, был награждён Георгиевской медалью и произведён в прапорщики. Позднее Владимир продолжил образование на историко-филологических факультетах Тифлисского (1917–1918) и Киевского университетов, в Киевском археологическом институте. В августе 1920 года он вступил в Добровольческую армию, затем воевал в составе Вооружённых сил Юга России (ВСЮР). После взятия красными Перекопа, Владимир Алексеевич вместе с женой, Ольгой Яковлевной (исполнявшей обязанности полкового врача) был эвакуирован из Крыма на угольщике «Аскольд». В декабре 1920 года семья высадилась в порту Бакар в КСХС и была направлена в городок Копривница в Хорватии, у границы с Венгрией.

Вскоре В.А. Мошин установил научные связи с Белградским и Загребским университетами. В 1921 году он сдал в Белграде выпускные государственные экзамены за университетский курс по исторической группе историко-филологического факультета перед Белградской комиссией Общества русских ученых. Супруги получили преподавательскую работу в местной гимназии в Копривнице. Владимир Алексеевич вёл историю и географию, продолжая одновременно и научные исследования.

В своих «Воспоминаниях», написанных в конце жизни, В.А. Мошин отметил:

Благодаря гостеприимному отношению всего местного общества, оказавшего приют как русским семьям, так и беженцам-одиночкам, очень быстро все мы живо вошли в местную среду, где культурное хорватское общество, семьи тамошних сербов и богатые еврейские дома соперничали между собой в размерах внимания к нам и посильной помощи особо нуждающимся беженцам. <...>

В коллективе гимназии царил дух славянофильства, отражая общее настроение хорватской интеллигенции. В служебной обстановке преподаватели жили дружно, не перенося в школу настроения улиц, в связи с политической борьбой хорватской националистической партии.¹

В годы, проведенные в Копривнице, Владимиром Алексеевичем были написаны три больших сочинения: «Древнейшая этнология Восточной Европы», «Варяжский вопрос» и «Черноморская Русь». Весной 1928 года в Загребском университете он защитил докторскую диссертацию о норманнской колонизации на Чёрном море.

Получив приглашение от философского факультета в Скопье, Владимир Алексеевич отправился в Македонию, где в 1930–1932 годы в ученом звании доцента преподавал историю Византии и историю Рима, а после окончательного переезда с

1 Мошин В., протоиерей. Воспоминания. Осташков: Изд. «Цветослов», 2012.С. 77, 83.

женой из Копривницы в Панчево (под Белградом) – был избран приват-доцентом в Белградском университете, где вел курс византиноведения с 1932 по 1942 год. Владимир Мошин был хорошо известен в большой русской колонии в Панчево своим участием в деятельности Русско-югославского комитета, он редактировал Русско-югославский альманах (1937), в котором был опубликован его труд «Третий Рим и южные славяне», состоял регентом русско-сербского церковного хора.

С течением времени В.А. Мошин становится выдающимся византологом и славистом, специалистом по славянской археографии, является основателем югославской палеографической науки, членом Русского научного института и Русского археологического общества в Белграде, принимает участие в международных конгрессах в Белграде, Праге и Афинах. Он был неоднократно командирован на Афон, принял участие во Втором Всезарубежном соборе Русской православной церкви за границей (Сремски Карловцы, 1938).

Близко его знавшая Римма Владимировна Булатова, писала:

Кроме общего благоприятствования для русской эмиграции в Югославии, где она вошла в местную жизнь органично и глубоко, как нигде в других странах, быстрому и целеустремленному формированию молодого учёного способствовали и личные качества Владимира Алексеевича – прежде всего его дар быть идеальным учеником, жадно впитывающим от учителей и всего окружения нужные познания, отношение к науке, методику исследования. Присущие В.А. Мошину черты характера – открытость, неизменная доброжелательность к людям, христианская терпимость и любовь, лёгкий и весёлый нрав в сочетании с архиглубоким и серьёзным отношением к работе, делали его бесценным товарищем для коллег, а впоследствии – для многочисленных его учеников.¹

В начале 1939 года В.А. Мошин снова переехал в Скопье, где продолжил свою научную и педагогическую деятельность. Там его застала немецкая оккупация. Из «Воспоминаний»:

6 апреля рано утром, около 6 часов мы услышали торжественно-истерическую речь Гитлера, в которой объявлялась война Югославии... Воцарилось томительное ожидание наступающей катастрофы. Немецкое наступление с болгарской стороны было стремительно. Сразу установилась немецкая комендатура, в разных пунктах города были поставлены часовые. Немецкие патрули по дороге подбирали всех прохожих и длинной колонной гнали их за проволочную ограду. В эту колонну неожиданно попал и я. Моё счастье было, что колонна проходила мимо здания университета, в которое мне удалось ускользнуть. В мёртво опу-

1 Булатова Р. В. Основатель югославской палеографической науки – В.А. Мошин // Русская эмиграция в Югославии. Москва: Издательство «Индрик», 1996. С. 184–185.

стевшем здании я пробрался в свой византологический кабинет, захватил 3–4 редкие книги и свою коллекцию фотографий сербско-греческих грамот... И с ними подмышкой добрался до дому.¹

После перехода Южной Сербии (ныне Македония) под власть пронацистской Болгарии, профессорский состав Скопьянского университета был причислен к философскому факультету Белградского университета и В.А. Мошин с женой в товарном вагоне, с книгами и носильными вещами переехал в Белград.

В своих «Воспоминаниях» он отметил: «В эти годы глубокой подавленности под гнётом оккупации, в мыслях о страданиях Родины, для нас с женой русская церковь стала главным духовным прибежищем». Супруги бывали в храме Св. Троицы ежедневно, иногда и утром и вечером. В.А. Мошин руководил церковным хором. Ольга Яковлевна, обладая прекрасным голосом, пела в хоре.

В 1942 году Владимир Алексеевич принимает священнический сан и начинает преподавать на богословских курсах. Он участвует в работе Богословского кружка при митрополите Анастасии (Грибановском), служит в русском храме Св. Троицы и преподаёт в мужской гимназии.

Осенью 1944 года, после прихода Красной армии в Белград, протоиерей Владимир Мошин был арестован.

Из «Воспоминаний»:

Советские воины не проявляли никакого недружелюбия к моей священнической рясе... В первый же вечер, во время обхода арестовывали всех, подозреваемых в сотрудничестве с немцами, к их числу относили и русских эмигрантов. Арестовали и меня. <...>

В подвале были профессора университета, политические деятели периода оккупации, соседи-эмигранты. <...>

Наутро меня вызвали на допрос к молодому советскому офицеру. Это был культурный, очень симпатичный боевой офицер, который подробно расспросил меня о положении русских в Белграде, о русской церкви. После окончания допроса сразу передал меня в местный орган управления для немедленного освобождения и сам вывел меня на улицу, чтобы предохранить от возможных неприятных столкновений.²

В апреле 1945 года протоиерей Владимир Мошин был принят в юрисдикцию Московской Патриархии. Семья Мошиных, как и семьи других иереев русского храма в Белграде, приняла советское гражданство. В этот период В.А. Мошин размышлял о переезде и продолжении научной работы в СССР, но было одно су-

1 Мошин В.А., указ. соч. С. 126.

2 Там же. С. 136.

щественное обстоятельство, которое исключало такой переезд – невозможность совмещать в СССР научную работу и обязанности священника.

Летом 1947 года семья переехала в Загреб, где В.А. Мошин вступил в должность директора Архива Югославской Академии наук и искусств (1947–1959). Работа в загребском Архиве положила начало основному делу его жизни, которым он занимался в течение полных сорока лет – научное описание, изучение и каталогизация собраний славянских рукописных памятников (кириллических, глаголических и латинских), грамот и иных юридических актов. Для подготовки специалистов Владимир Алексеевич организовал при Архиве практические курсы по архивистике и палеографии. Была налажена консервация и реставрация ветхих рукописей. Одновременно он работал над особым разделом палеографической науки – филигранологией (описание водяных знаков на бумаге, позволяющее датировать бумажные рукописи). Им была разработана новая методика работы с бумажными рукописями, при введении дополнительных параметров для характеристики водяных знаков.

Получив отпуск из Русской православной церкви, протоиерей Василий Мошин был причислен к клиру Загребской епархии Сербской православной церкви, где служил сверхштатным священником и состоял регентом хора православного Преображенского храма. В 1959 году он вышел за штат, чтобы заниматься только наукой, а через некоторое время был также вынужден оставить свой пост директора загребского Архива и вернуться в Белград, где в течение шести лет продолжил плодотворную работу в отделе рукописей Национальной библиотеки Сербии, создав там Археографический отдел и свою археографическую школу (читал курсы по славянской кирилловской палеографии, иллюминации рукописей, по истории переплётной техники и по филигранологии). Еще одна сфера интересов Владимира Алексеевича в области палеографии – орнаменталистика, расшифровка образов и символов древних орнаментов.

В 1958 году В.А. Мошин побывал на родине. Он был приглашен на IV Международном съезде славистов в Москве. С 1960 года он состоял членом Археографической комиссии при Министерстве культуры СССР, занимался передатировкой древнеславянских рукописей в Москве, Ленинграде и Одессе.

В результате политической интриги, в 1967 году В.А. Мошин был вынужден покинуть Белград. Он снова переезжает в Скопье, где до 1971 года работает сотрудником отдела по описанию славянских рукописей Национальной македонской библиотеки. Тут он развернул работу по созданию нового центра археографических исследований, а также читал курсы по палеографии, готовил описания собраний рукописей, составлял уникальный, многотомный «Дипломатический корпус» – собрание древних актов и прочих памятников истории македонского народа Средних веков, когда македонцы, в условиях сложной внешней и внутренней политической

действительности, пребывали под суверенитетом соседних мощных держав – Византии, Болгарии, Сербии и Турции. В 1971–1974 годы Владимир Алексеевич Мошин состоял ординарным профессором филологического факультета Университета в Скопье по кафедре истории южных славян, был избран академиком Македонской АН. После выхода на пенсию В.А. Мошин продолжил работать в архивах Дубровника, в Черногории и в Косово.

Среди более 260-ти его научных работ и монографий, выделяются исследования: «Греческие указы сербских князей», «Документы из архивов Афонской Горы», «Средневековые игумены Хиландарского монастыря», «Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII веках», «Кириллические рукописи Исторического музея Хорватии и Копитарова фонда», «Филиграния XII–XIII веков», пять томов «Памятники средневековой и новейшей истории Македонии».

Отдавший жизнь служению Богу и Науке, протоиерей Владимир Мошин в последние годы своей жизни почти ослеп. С 1980 года он диктовал сестре и друзьям свои «Воспоминания». Они были опубликованы посмертно, на сербском (2008) и русском (2012) языках.

Отец Алексей Николаевич М., (16.05.1870, Великие Луки, Псковской губ. – 15.02.1929, Новоржев), литератор, краевед.

Мать Серафима Петровна М., (ур. Панова; 26.07.1872, Москва – 26.01.1959, Ленинград).

Братья: Константин (1893–1894); Сергей (20.01.1898, Москва – 27.05.1965, Сан-Паулу, Бразилия), корнет, участник Белого движения, во Вторую мировую войну служил в Русском Корпусе. После войны – протодиакон в Аргентине и Бразилии; Павел (ок. 1900 – ?).

Сестра: Галина (в замужестве Карпова; ок. 1902 – ?, Ленинград).

Жена (с 19.05.1920): Ольга Яковлевна М., (ур. Кирьянова; 1895 – 14.12.1977, Скопье), преподавательница французского языка и музыки (фортепьяно).

НЕКЛЮДОВ Владислав Григорьевич, 25.01.1899, город Белый, Смоленская губ. – 30.11.1949, Белград.

Закон Божий с 1927 г. до закрытия мужской гимназии в 1944 г. Преподавал и в Русской начальной школе в Белграде.

Протоиерей.

Владислав родился в семье потомственного клирика. Окончив Бельское духовное училище по первому разряду, поступил в Смоленскую (по другим сведениям в Московскую) семинарию, в которой успел проучиться до революции три

года (во всех классах на «отлично»). Пройдя тяготы и ужасы гражданской войны и эвакуации, он оказался в КСХС.

Здесь Владислав Григорьевич окончил богословский факультет Белградского университета в 1926 году. В годы учения состоял председателем Кружка русских студентов этого факультета имени Иоанна Богослова. Рукоположен во диакона в 1923 году и в том же году стал священником. Состоял вторым помощником настоятеля Русской церкви Св. Троицы в Белграде с 1924 по 1948 год. Духовник и соратник владыки Антония Храповицкого, первоиерарха Русской Православной Церкви зарубежом. На руках о. Владислава и келейника Феодосия владыка скончался в 1936 году.

Из статьи Владимира Молчанова (16-й вып.):

Встаёт перед духовным взором кроткий образ нашего законоучителя – о. Владислава Неклюдова. Нас, детей, а затем подростков и юношей, покоряла и обезоруживала его безобидность и истинно христианское смирение. Он был воплощением доброты; чем-то напоминал старца Зосиму. <...>

Он любил молодёжь, и мы к нему тянулись. Понимал и всегда находил нужное слово, чтобы поддержать в трудную минуту. Уроки, особенно собеседования, проходили интересно и оживленно. Много запало в наши души навсегда. Наши сомнения и возражения о. Владислав терпеливо и с неизменным доброжелательством выслушивал и рассеивал, приводя примеры из нашей же жизни и делясь своим богатым житейским опытом. На исповедь мы шли с душевным трепетом, а уходили успокоенные и очищенные. Его слова были особенно убедительны так как их он подтверждал всей своей жизнью.¹

Протоиерей с 1931 года, редактор периодической однодневной церковной газеты «День русской славы» (1931 – 1940), издававшейся каждый год в день памяти Св. Равноапостольного кн. Владимира. С 1937 года о. Владислав редактировал и одноименный журнал. С 1940 года о. Владислав стал настоятелем Св.-Троицкого храма.

Иподиакон Андрей Тарасьев писал о нём:

Отец Владислав был поистине истовым молитвенником. Кто хоть раз присутствовал в алтаре при его служении Божественной литургии, запомнил это на всю жизнь. <...>

Незабываемы и его Пасхальные заутрени, на помосте, сколоченном на этот случай, возле храма Святой Троицы, при пятитысячной толпе, его глаза и голос, когда он бросал в эту массу молящихся своё «Христос Воскресе!». Он был исключительно музыкален.²

1 «Памятка» 1986 г. С. 170.

2 Тарасьев А., указ. соч. С. 472.

В военные годы о. Владислав выступал против создания Русского охранного корпуса, а в середине 1940-х годов состоял в рядах подпольной антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП). Он остался в Белграде после эвакуации Управления РПЦЗ во главе с митрополитом Анастасием, призывая прихожан не выезжать из Югославии. В 1945 году вместе с клиром он перешел в подчинение Московскому патриархату, приняв в следующем году советское гражданство.

Вместе с о. Иоанном Сокалем, настоятелем Св. Троицкого храма, о. Владислав в 1948 году был приглашён в Москву на юбилейные торжества по поводу 500-летия автокефалии Русской православной церкви, отмечавшиеся в Свято-Троицкой Сергиевской лавре.

После разрыва отношений между Тито и Сталиным, в 1949 году он был арестован югославскими властями и на показательном процессе над группой русских эмигрантов обвинён в «шпионаже» в пользу Советского Союза. По официальному заявлению властей до окончания суда «поп Неклюдов» в одиночной камере покончил жизнь самоубийством.

Много позднее, в своих воспоминаниях епископ Василий Родзянко (13-й вып.), тоже арестованный югославскими властями, написал о судьбе о. Владислава следующее:

Во время перевозки из одной тюрьмы в другую меня бросили в маленькую камеру, где находились семь человек. Я попал в группу русских эмигрантов, некоторых знал, они были в тюрьме по делу хорошо известного мне отца Владислава Неклюдова, моего законоучителя в гимназии и духовника. Он попал в тюрьму, потому что две секретные службы, советская и югославская, во время противостояния Тито и Сталина использовали его, чтобы натравливать сторонников того и другого друг на друга. Заключённые показали мне документы, где было сказано, в чём обвиняли каждого из них, в том числе и отца Владислава. Но они сказали, что это всё остановлено жертвой отца Владислава. Он повесился в соседней камере и этим прекратил дело. Это так и осталось тайной – сам ли он повесился, как это было официально заявлено, или ему «помогли». Но, судя по документам для суда, которые я имел возможность прочитать, можно было предположить, что он отдал свою жизнь за тех, кого могли репрессировать: ему было ясно, что он оказался между двумя окончательно поссорившимися организациями – НКВД в Советском Союзе и аналогичной структурой в Югославии. И те, и другие его знали, и те, и другие его допрашивали. И за ним мог бы потянуться огромный шлейф людей, которые его знали – прихожане и просто знакомые. Как всё было на самом деле, одному Богу известно. Но ясно одно: он – новомученик, отдавший свою жизнь за Церковь, а значит – за людей, за Христа Спасителя, в Которого глубоко верил и Которому был предан всей душой.¹

1 Материалы к книге епископа Василия (Родзянко) «Моя судьба. Воспоминания». Собрание Е. Муравьевой, Санкт-Петербург.

Жена (с 7/20 ноября 1922): Варвара Ивановна Н., (ур. Баршман-Борщевская; ок. 1894– ?)

Сын (усыновлен в 1945 г.), Кирилл Владиславович Н., (род. 07/20.04.1929).

НИКОЛЬСКИЙ Юрий Александрович, 20.03/01.04.1893, Елисаветград, ныне Кропивницкий, Украина – январь 1922, Харьков?.

Русский язык и литература. 1920/1921 учебный год.

Литературный критик, историк литературы.

Юрий Александрович окончил Выборгское коммерческое училище в 1911 году, но, видимо, поняв, что это была ошибка, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, который и окончил в 1916 году. Он занимался в знаменитом Пушкинском семинарии проф. С.А. Венгерова, участники которого начали составление словаря поэтического языка А.С. Пушкина. Молодой учёный был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, в круг его научных интересов вошло творчество И.С. Тургенева, А.А. Блока, взаимоотношения А.А. Фета и Я.П. Полонского, И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского.

Юрий Александрович восторженно встретил Февральскую революцию, однако пораженческие настроения в обществе и разложение в армии привели его к глубокому пессимизму: «Каждый Божий день встаёшь утром и спрашиваешь себя, цела ли еще Россия, а она гибнет как-то фатально».

Незадолго до большевистского переворота 1917 года Юрий Никольский и его брат Сергей уходят на фронт вольноопределяющимися. Юрий служил в артиллерийской бригаде в Бессарабии разведчиком-наблюдателем, принимал участие в боях.

В 1918 году он поселился в Москве, а лето провел в оккупированном германскими войсками Крыму, где пишет очерк «Искусство в Крыму». Некоторое время он преподавал в Нижегородском университете. Мученическая смерть 19-летнего брата, служившего в Добровольческой армии и расстрелянного чекистами, обусловила резкую антибольшевистскую позицию Юрия Никольского.

С октября 1919 года Юрий Александрович преподаёт в Петроградском университете, готовится к сдаче магистерских экзаменов. Попытка бежать за границу через Финляндию не удалась.

В частном письме от февраля 1920 года он писал:

Я не оставил мысли эссоветизироваться при первой возможности, напр. летом (снятие блокады!). Я грежу о моей Сербии, где я займу кафедру русской литературы и буду изучать лирику Дубровника, влияние Петрарки и – на берег Адриатического моря, где поёт солнце.

В июле 1920 года ему удаётся получить от Академии наук командировку в Одессу, а оттуда в Тирасполь для изучения архивов и музеев. Там Ю.А. Никольский сумел пересечь линию фронта и перебраться в занятый Белой армией Крым. 14 ноября 1920 года на французском броненосце «Вальдек Руссо» он вместе с пятьюстами русскими беженцами покинул Крым и через Константинополь и Болгарию прибыл в Королевство СХС, оставив в советской России свою невесту Ирину Оболенскую.

В Белграде Юрий Александрович сразу получает место приват-доцента в местном университете и приступает к изучению литературы южных славян. Он печатается в сербских академических изданиях и эмигрантских журналах Софии, Парижа, Праги.

Вскоре после открытия гимназии Ю. Никольский начинает в ней свою работу, которая, к сожалению, продлилась всего один учебный год.

Мысли о невесте не давали ему покоя и, встретившись в Белграде с Василием Витальевичем Шульгиным, Юрий Александрович решает принять участие в его рискованном предприятии: нелегально пробраться в Россию. В.В. Шульгин едет туда в поисках сына, Никольский в надежде вывезти невесту. Перебравшись в Варну, группа смельчаков 30 августа 1921 года уходит оттуда на шхуне в Крым.

Эта отчаянная попытка стоила ему жизни. На советской территории Юрий Никольский и ещё один член группы были арестованы как шпионы, отправлены в тюрьму (предположительно в Харьков), где оба скончались от тифа.

Выдающийся литературовед Б.М. Эйхенбаум в некрологе памяти Ю.А. Никольского писал:

Судьба Никольского, его образ благородного юноши, способного начинающего учёного, обстоятельства его трагической гибели приобрели в глазах современников почти легендарный характер. <...>

Он был человеком выдающимся и характерным – действительной индивидуальностью. Самая отчуждённость от века была в нём явлением органическим, заслуживающим внимание.¹

Нам остаётся отметить, что творческие грёзы Юрия Александровича Никольского и начавшиеся осуществляться в Белграде мечты – исследовать поэзию Дубровника эпохи Возрождения, блестяще осуществит его ученик, Илья Николаевич Голенищев-Кутузов, выпускник гимназии первого учебного года.

Отец Александр Иванович Н., (1860 – 1933), врач, депутат III Государственной думы от г. Одессы (партия кадетов).

1 Биографические сведения почерпнуты нами в книге: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Том 4, Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1999 (статья С.В. Шумилина, при участии Р. Д. Тименчика).

ПИО-УЛЬСКИЙ **Георгий Николаевич**, 24.01.1864, Псков – 31.07/13.08.1938, Белград.

Физика с 1920 по 1922 г.

Генерал-майор, учёный в области теплотехники и специалист по паровым турбинам.

Отцом Георгия был директор губернской гимназии. Окончив Введенскую гимназию в Санкт-Петербурге, Георгий поступил в Морское инженерное училище Императора Николая I в Кронштадте. Получив там специальность инженера-механика флота, продолжил образование в Николаевской Морской академии, на отделении механики. Блестяще окончив ее, был командирован в Швецию, для ознакомления с организацией машиностроительного производства и, одновременно, для принятия судовых двигателей и надзора за постройкой минных транспортов. По возвращении в Россию Г.Н. Пио-Ульский стал конструктором и советником Балтийского кораблестроительного завода, преподавал в Кронштадтском инженерном училище, вскоре стал профессором кафедры паровых машин и основ машиностроения в Институте инженеров путей сообщения Императора Александра I. На этой кафедре Георгий Николаевич первым в России оборудовал лабораторию для испытаний паровых машин. В 1906 году он был избран профессором Кораблестроительного отделения Санкт-Петербургского политехнического института Императора Петра Великого. И тут он тоже организовал лабораторию испытаний паровых машин и турбин.

Во время Великой войны Г.Н. Пио-Ульский был назначен начальником механического отделения Центральной технической лаборатории Военного министерства. Отлично знающий все новинки мировой техники, он добился применения паровых турбин на судах военного флота России. Им были разработаны проекты этих турбин для крейсеров-дредноутов «Кинбурн» и «Измаил». Это было апогеем работы учёного в области турбиностроения. В России им был опубликован ряд научно-технических работ, на русском и ведущих иностранных языках, которыми он прекрасно владел. За свою деятельность Георгий Николаевич был удостоен орденов Св. Владимира 3-й ст., Св. Станислава 1-й ст. и Св. Анны 1-й ст.

После Октябрьского переворота 1917 года Георгий Николаевич из Петрограда перебрался на Дон, где до 1919 года преподавал в Донском политехническом институте в Новочеркасске, а затем переехал в Екатеринодар, чтобы организовать там новый Северо-Кубанский политехнический институт. Поражение Добровольческой армии вынудило Пио-Ульского с семьёй в 1920 году покинуть пределы родины.

Он был приглашён гонорарным профессором на технический факультет Белградского университета, а после принятия югославского гражданства стал ординарным профессором на кафедре термодинамики, кинематики машин и паровых турбин. В университете Георгий Николаевич развил кипучую деятельность:

им написаны учебники по паровым турбинам и термодинамике. Капитальный учебник Г.Н. Пио-Ульского «Курс паровых турбин», без ведома автора был переиздан в Советском Союзе в 1931 году, а позднее был опубликован и на французском языке в Париже.

Заботой профессора Пио-Ульского в университете было сделано обновление, вернее, – возобновление музея машин. Он принимал активное участие и в устройстве новой технической лаборатории на факультете. Свои научные работы профессор публиковал в югославских и иностранных журналах.

Заметной была и общественная деятельность Георгия Николаевича в среде русской эмиграции. Он был в числе основателей Русского научного института в Белграде, являлся одним из основателей и многолетним председателем Союза русских инженеров в Королевстве СХС–Югославии, при котором издавался единственный в эмиграции технический журнал на русском языке «Инженер». В нём он был постоянным сотрудником, а долгое время и редактором.

Королевским Указом от 15 августа 1929 года Г.Н. Пио-Ульский был награждён югославским орденом Св. Саввы 3-й ст.

Незадолго до своей болезни, 12 мая 1937 года он выступил на Съезде Союза русских инженеров в Югославии и прочёл содержательный доклад «Русская эмиграция и её значение в культурной жизни других народов». Этот его труд был опубликован посмертно в Белграде в 1939 году. Особенно в нём впечатляет перечень заслуг российских научных и технических кадров, творивших в XX веке в эмиграции.

Жена Наталия Антоновна П-У., (ур. Юноша-Шанявская; ? – 28.12.1936, Белград);

Дети:

Мария и Гали П-У.;

Владимир, (22.02.1888, Кронштадт – 25.08.1965, Лейквуд, США). Окончил то же училище в Кронштадте, что и отец. Участник Великой войны и Белого движения. Полковник. В Русском Корпусе, унтер-офицер транспортной роты.

Антоний, (16.07.1894, Ораниенбаум – 20.02.1956, Нью-Йорк), участник Великой войны и Белого движения, первопоходник, галлиполиец. Полковник (1920). Служил в Русском Корпусе. В 1945 г. Антоний Георгиевич был в офицерской школе Русской освободительной армии (РОА), в зенитном полку. 1-й брак: Александра П-У., ур. Есеновская. Сын Константин Антониевич П-У. (12.04.1935, Белград). 2-й брак: Вера Дмитриевна П-У., (ур. Плетнёва, в предыдущем браке Краснова). Сестра милосердия в Русском Корпусе.

ПОГОДИН Александр Львович, 03/15.06.1872, Витебск – 03/16.05.1947, Белград.

Русская литература с 1930 по 1935 г. в женской гимназии.

Филолог-славист, историк литературы, педагог.

Александр Львович родился в дворянской семье. Он блестяще окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1894 году, был учеником В.И. Ламанского и А.Н. Веселовского. Александр Погодин был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре славянской филологии. Одновременно он начал читать лекции по славянским древностям в Археологическом институте. Одной из его первых книг является труд «Из истории славянских передвижений».

В марте 1901 года был А. Погодин командирован в Ковенскую губернию для изучения говоров литовского языка. С 1901 по 1908 год он – экстраординарный профессор Варшавского университета, где в 1904 году защитил докторскую диссертацию («Следы корней-основ в славянских языках»). Обвинённый в полонофильстве, Погодин лишился кафедры и был вынужден покинуть Варшаву. Он вернулся в Петербург, где преподавал в частных средних и высших школах. После того, как Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, Александр Львович развил активную публицистическую деятельность в пользу сербов, опубликовал книгу «История Сербии». В 1910 году А. Погодин приглашён профессором славянской филологии в Харьковский университет, коим и прослужил вплоть до эмиграции в КСХС в 1919 году вместе с женой и сыном. В 1920 году А. Погодин принят лектором русского языка на философский факультет в Белграде.

Если в первые два десятилетия учёный занимался языкознанием, исторической археологией и славянскими древностями, то в дальнейшем он занялся изучением истории и литературы славян, а в эмигрантский период своей жизни, в скромном положении лектора русского языка и словесности (истории русской литературы) и в условиях, когда ему постоянно приходилось искать приработок, Погодину пришлось ограничиваться сравнительно мелкими статьями и рецензиями, касающимися славянской этнографии и литературы.

Самым ценным результатом работы Александра Львовича в Белграде являются: первая на сербском языке книга «История русской литературы» (1927) и «Русско-сербская (литературная) библиография, с 1800 по 1925 год», изданная на сербском языке Сербской Королевской Академией наук в двух томах в 1932-м и в 1936-м годах, не утратившая научного значения до наших дней.

Как и многие учёные, оказавшиеся в КСХС–Югославии Александр Львович проявил себя ярким общественным деятелем: уже в 1921 году он возглавил Русский научный кружок, члены которого проводили экскурсии и изучали сербские древности. Вскоре этот кружок превратился в Русское археологическое общество

в Югославии, председателем которого стал А.Л. Погодин. Он сотрудничал в белградской ежедневной газете «Новое время» (1921–1930) и в сербских литературных журналах, был членом Союза русских писателей и журналистов. В белградском Русском научном институте (1928–1941) возглавлял отделение языка и литературы, где часто читал доклады и руководил семинарами.

Лишь в 1939 году Александр Львович был избран ординарным профессором Белградского университета, однако вспыхнувшая вскоре война и оккупация страны лишили его возможности серьезнее заняться наукой. Учёный был уволен в отставку со скромной пенсией. После гибели старшего сына Михаила и тяжкого ранения младшего сына, Алексея, ученый-энциклопедист, обогативший славяноведение многими оригинальными трудами, доживал свой век в горе и нищете. На родине он в течение многих десятилетий был практически забыт.

1-й брак: Вера Исидоровна П., (? – 25.05/07.07.1922, Земун, пригород Белграда).

Сын от 1-го брака: Михаил, (1901 – октябрь 1941, Соко-Баня, Сербия). Окончил философский ф-т Белградского ун-та, преподавал немецкий язык, историю и другие предметы в гимназиях провинциальных городов (Врбас, Соко-Баня), поэт и прозаик, оккультист, член русских литературных кружков в Белграде. Убит сербскими повстанцами по ложному доносу. Владея немецким языком, Михаил Александрович был вынужден служить переводчиком. Его обвинили в доносах оккупантам, вывели из ресторана и на улице застрелили.

2-й брак: Маргарита Николаевна П.

Сын от 2-го брака: Алексей, (10.06.1925, Панчево – 30.10.2004, Толстовская ферма, г. Наяк, штат Нью-Йорк.). Гимназист, 24-й вып. Священник.

СОЛОВЬЁВ Александр Васильевич, 18.09.1890, Калиш, Царство Польское, ныне Польша – 15.01.1971, Женева.

Русский язык и литература с 1921 по 1925 г.

СОЛОВЬЁВА (ур. Раевская) Наталия Николаевна, ок. 1898, Санкт-Петербург – 05.01.1989, Женева.

Французский язык с 17.06.1931 по 1934 г. в обеих гимназиях.

Александр происходил из семьи потомственного дворянина, юриста. В 1908 году он окончил 6-ю классическую гимназию в Варшаве и продолжил образование на юридическом факультете Варшавского университета. Однако, отцовская профессия, видимо, не устроила молодого человека, и он перешёл на филологический факультет,

но после окончания учебы был оставлен ассистентом на юридическом. Александр Васильевич выбрал своей специализацией историю русского и славянского права.

Когда во время Великой войны положение Варшавы стало опасным, университет в 1915 году эвакуировался в Ростов-на-Дону, где А. Соловьёв успешно сдал магистерский экзамен. Он остался в Ростове и после большевистского переворота в Петрограде, в 1918/19 учебном году ещё читал студентам курс сравнительного славянского права и курс русской истории в Археологическом институте. История же творилась буквально за университетскими стенами: здесь генерал М.В. Алексеев и его сподвижники начали формировать Добровольческую армию. Здесь рождалось Белое движение. В Ростовский добровольческий полк вошла молодёжь, в том числе и студенты А.В. Соловьёва. В ночь с 9/22 на 10/23 февраля 1918 года армия под командованием генерала Л.Г. Корнилова ушла на Кубань в свой легендарный «Ледяной поход». В город вошли красные.

В 1920 году Александр Васильевич покинул родину, эмигрировав в Королевство СХС.

Отец Наташи Раевской, адвокат, пропал без вести во время революционных событий в Петрограде. Мать с двумя дочерьми добралась до Крыма. Наталия служила сестрой милосердия в армии генерала П.Н. Врангеля вплоть до её эвакуации. Через Болгарию три женщины Раевские попали в КСХС, в Сараево. В обосновавшемся там Русском кадетском корпусе Наталия служила медицинской сестрой. С 1923 по 1925 год она преподавала французский язык и танцы в русской гимназии в Поновиче (Словения), а её мать была директрисой этого заведения.

В 1925 году Наташа Раевская оказалась в Белграде и познакомилась с профессором Александром Соловьёвым. Вскоре они обвенчались. К этому времени он уже четыре года (с 1921 г.) вёл в старших классах «плетнёвской» гимназии уроки русского языка и литературы. В университете Соловьёв читал на юридическом факультете созданный им курс сравнительного славянского права.

В 1927/28 учебном году Наталия Николаевна начинает преподавать французский язык в Русской женской гимназии Всероссийского союза городов (ВСГ), а муж готовит и в 1928 году защищает докторскую диссертацию «Законник короля Стефана Душана» – одно из лучших исследований этого важнейшего сербского источника. Труды А. Соловьёва о ключевых светских и церковных (Кормчая Св. Саввы Сербского) документах сербского средневекового права принесли ему широкую известность в научных кругах.

В 1931 году супруги Соловьёвы приняли югославское подданство, а в 1933 году у них родился сын. Его нарекли Александром в знак благодарности Королю за сердечный приём и гостеприимство, оказанное им русским эмигрантам в Югославии.

Александр Васильевич играл весьма заметную роль среди русской интеллигенции в Белграде: состоял членом Русского археологического общества, Русского научного института, Русского музыкального общества, Союза русских писателей и журналистов, принимал участие в международных конгрессах. В 1936 году он был избран ординарным профессором по кафедре истории права южных славян на юридическом факультете.

Каковы же были политические взгляды А.В. Соловьёва в предвоенные годы? Пожалуй, как и значительная часть русской эмиграции на Балканах, он принадлежал к правой части спектра русской эмигрантской мысли, не переходя при этом в крайности. Опираясь на свои познания истории, средневековой литературы и палеографии А.В. Соловьёв защищал идею об историческом единстве русского народа, остро критикуя тех, кто в попытке повлиять на массовое сознание стремился разделить части средневековой русской истории для конструирования искусственных наций. Квинтэссенцией этих взглядов стала работа «Национальное сознание в русском прошлом», опубликованная в Белграде в 1925 г. как сокращённая версия труда, задуманного еще в России. А.В. Соловьёв остро критиковал попытки вычленивать из русской средневековой истории корни искусственных наций новейшего времени в работах украинского историка М.Я. Грушевского и его белорусского коллеги М.В. Довнар-Запольского. <...>

Крайне показательно, что А.В. Соловьёв писал о единстве русского народа в XII веке, возражая против превращения топонимических названий в этнонимы – «Судальская земля» и «Киевская земля» и сравнивая это единство с историческим единством сербского народа.¹

В годы оккупации семья жила в Белграде, но супруги полностью прекратили преподавательскую деятельность. Александр Васильевич, конечно, работал, но писал в основном «в стол», лишь изредка его небольшие статьи появлялись в печати. В 1942 году они привели в «свою» гимназию сына, но Алику удалось отучиться там только два года. Летом 1944 года, по мере приближения Красной армии к столице, Соловьёвы, как многие эмигрантские семьи, обсуждали главный вопрос: уезжать или нет? Они решили остаться, полагаясь, видимо, на то, что «в политике» замешаны не были.

Однако, почтенный учёный и его жена ошиблись. Сначала А.В. Соловьёв и его коллега С.Н. Троицкий были подвергнуты «суду чести» (общественный товарищеский суд), на котором рассматривался вопрос об их «коллораации с оккупантами». Суд признал их вину незначительной и постановил уволить обоих профессоров,

1 А.Ю. Тимофеев. Русский правовед из Варшавы как пример судеб белой эмиграции в Югославии в течение и по окончании Второй мировой войны // Историки-слависты МГУ. Многоликий и беспокойный славянский мир. Москва: Издание МГУ, 2016. С. 469–492.

фактически оставшихся без средств к существованию. Немного позднее, когда послевоенные страсти, казалось бы, улеглись, Александру Васильевичу предложили место профессора и декана нового юридического факультета Сараевского университета. Семья переехала в 1947 году в Боснию. Там Александр Васильевич успел даже опубликовать несколько научных статей в местных изданиях. Но уже в следующем, 1948 году, когда после известной Резолюции Информбюро отношения между социалистической Югославией и другими странами «народной демократии» были прерваны, началась настоящая «охота за ведьмами» – прежде всего за теми, кто, поддавшись пропаганде, принял советское гражданство. Соловьёвы этой ошибки не допустили, тем не менее 9 октября 1949 года, по доносу одного из студентов, они оба были арестованы, как политически неблагонадежные.

Его обвинили в том, что он получил от членов университетской делегации юридического факультета из Болгарии текст резолюции Информбюро и не донёс об этом. Представления А.В. Соловьёва о чести привели его к глубочайшей ошибке – поверив в обещание, которое следователь дал, упомянув слово офицера, профессор признался на допросе, что действительно получил спорный текст, но поспешил его уничтожить, т. к. не желал иметь к нему никакого отношения, не читал его и не передавал никому другому. На допросах его начали бить, пытаясь получить информацию о русском заговоре.¹

Власти конфисковали квартиру Соловьёвых, все личные вещи и рабочие записи учёного. Следствие велось около 6-ти месяцев, затем профессор в ожидании суда почти год провёл в тюрьме в Сремска Митровице. 16-тилетний сын Алик оставался в квартире один, в совершенно бедственном положении.

Через шесть месяцев, проведённых в следственном изоляторе, неожиданно, как и была арестована, на пороге их квартиры появилась Наталия Николаевна – совершенно седая, измождённая, потерявшая от цинги зубы. Клочок бумаги, выданный ей, величиной в половину листа обычного формата за подписью помощника общественного прокурора Боснии и Герцеговины Э. Крзича гласил, что *«товарищ Наталия Соловьёва отпущена на свободу за недостатком доказательств вины»*.

Показательный суд над 60-летним профессором Соловьёвым состоялся лишь весной 1951 года. Он был приговорён к восемнадцати месяцам тюрьмы, которые он уже отбыл в предварительном заключении. Александра Васильевича освободили из-под стражи прямо в зале суда. Весь следующий год на свободе семья жила только на то, что зарабатывала Наталия Николаевна частными уроками – ни на какую службу их не брали. Власти предъявили Соловьёвым ультиматум: покинуть страну до конца текущего года, иначе они будут депортированы. В последний момент им,

1 Тимофеев А.Ю., указ. соч.

наконец, улыбнулась удача: они получили въездные визы в Швейцарию и в конце 1951 года выехали в Женеву.

И снова потянулись годы жизни «бесподданными», когда за спиной только блестящее имя учёного в той области, которая в Швейцарии никого не интересовала. Они жили, зарабатывая переводами и – опять! – преподаванием иностранных языков. Лишь в 1955 году Александр Васильевич возглавил кафедру славянских литератур при Женевском университете, преподавая славянские языки и русскую литературу. Читал он там и курс истории Византии, кроме того занимался переводами и редактированием французских изданий русской классики: Ф. Достоевский, Л. Толстой и др. В 1961 году университет присвоил Александру Васильевичу звание профессора *Honorius causa*. В эти годы он проявил себя в двух новых областях – в геральдике и литературоведении.

В Женеве Соловьёвы до предела сузили круг общения. Александр Васильевич интенсивно работал, много писал. Новости узнавал из газет, всегда предпочитая их журналам. Преодолеть все жизненные невзгоды Александру Васильевичу помогали отменное чувство юмора и музыка. До конца своей жизни он прекрасно играл на фортепьяно, исполняя произведения любимых композиторов: Шопена, Рахманинова, Скрябина. Он был тонким ценителем искусства и, как отмечали его знакомые, сохранил прекрасный почерк. Раз в году родители навещали в Вашингтоне семью сына, который, работая в Библиотеке Конгресса, часто приносил отцу необходимые тому для работы книги. Во время пребывания в США, Александр Васильевич прочёл несколько лекций в американских университетах. Сын регулярно отвечал семейным визитом в Швейцарию.

Только в 1964 году, Соловьёвы получили швейцарское гражданство, а ещё через четыре года Александр Васильевич вышел в отставку. Ряд его трудов о русской музыке опубликован в Швейцарии посмертно.

Печально, что только в год кончины профессора его вклад в изучение сербского средневековья был по достоинству оценен Сербской Академией наук и искусств. Его труды публикуются в Белграде. В научном мире А.В. Соловьёва причислили к корифеям истории права, особенно Югославии, где ему выпало пережить и свои звёздные часы, и свою Голгофу.

Впрочем, такова судьба многих выдающихся деятелей русской эмиграции первой волны.

Наталия Николаевна пережила своего мужа почти на десять лет.

Родители Натальи Николаевны: Отец Николай Николаевич Раевский, юрист, адвокат; Мать Наталия Александровна Р., (ур. Леман; 1872 – 18/31.08.1941, Белград), начальница русского детского дома и гимназии в Поновиче-Хрastoваце (Словения).

Отец Александра Васильевича, Василий Федорович С., юрист, председатель съезда мировых судей в Калише.

Сын Александр, (26.03/08.04.1933, Белград – 1998, Вашингтон). Сотрудник Библиотеки Конгресса США. «Не окончившие гимназисты», см.

ТАРАСЬЕВ Виталий Васильевич, 28.04/11.05.1901, с. Новая Карань, близ Мариуполя, Екатеринославской губ., ныне Украина – 25.03/07.04.1974, Белград.

Закон Божий с 1933 по 1944 гг. в мужской гимназии, а с 1940 по 1944 гг. – в женской гимназии.

Митрофорный протоиерей.

Потомственный священник (иерей Гавриил, протоиерей Сисой, протоиерей Василий). Учился в Екатеринославской духовной семинарии, которую не успел окончить из-за происшедшей революции. Во время гражданской войны Виталий и его родной брат Алексей оказались в Добровольческой армии. Брат был зарублен в одном из боёв. Виталий воевал вплоть до эвакуации войск Русской армии из Крыма и попал в Галлиполийский лагерь. Лишь в 1921 году он был вывезен в КСХС в составе воинских частей. Оказавшись без средств для продолжения образования, молодой человек пару лет зарабатывает на жизнь физическим трудом – на сахарном заводе, лесопильне в г. Кралево, на каменоломнях при постройке моста через р. Дрина у м. Байна-Башта. Позднее ему удалось поступить в сербскую духовную семинарию в Призрене, которую он окончил в 1926 году, а в 1930 году он завершил обучение на богословском факультете Белградского университета.

Первым из семьи Тарасьевых он был принят псаломщиком в причт русского Свято-Троицкого храма в Белграде и стал членом Братства Преп. Серафима. На известном «левом клиросе» русского храма, где собиралась петь верующая русская молодёжь, Виталий познакомился со своей будущей женой Людмилой Литвиновой. В феврале 1931 года молодые были обвенчаны и в день празднования Св. Троицы того же года Виталия рукоположил во иереи митрополит Антоний (Храповицкий). И до последних дней своей жизни Виталий Тарасьев оставался приходским священником этого храма.

Труд каждого приходского священника отнюдь не лёгкий, в русском же храме служение иерея было особенно напряжённым: длинные службы по монастырскому типу, ежедневные литургии, большое количество треб, по всей территории столицы, ибо «русский Белград» не был разделён на несколько приходов. Иерей Виталий вошёл в состав Епископского совета при Управляющем русскими общинами в Королевстве Югославии. Молодой священник посчитал необходимым

принять на себя обязательства вести уроки Закона Божиего в Русской начальной школе, а позднее – в русских мужской и женской гимназиях.

Тяготы и опасности военных лет свидетельствуют о силе его веры. Сразу после первых утренних разрушительных бомбардировок Белграда, 6-го апреля 1941 года, отец Виталий со своей семьёй отправляется в храм и служит воскресную Св. Литургию в переполненной церкви. Под очередной бомбёжкой он возвращается домой, а после обеда снова отправляется служить – в русскую «Иверскую часовню» на Новом кладбище, так как в этот день была его «чреда» служить Всенощную, накануне завтрашнего Праздника Благовещения. Кладбище было переполнено обезумевшим народом, спасающимся от немецких бомб. Служба неустранимого священника, который со своими несовершеннолетними сыновьями, Василием и Андреем, спокойно совершал богослужение, действовал успокаивающе на людей. Они теснились вокруг небольшой часовни и участвовали в песнопениях радостного Благовещения, возвращающих им веру в жизнь.

В эти тяжёлые годы оккупации «батюшка Виталий» держит новый жизненный экзамен – не только чувство сострадания беспомощным и страждущим, но – реальная помощь. Двери его гостеприимного дома, на всем известной Ивановчачкой улице, были открыты для каждого, кто нуждался в помощи и утешении, даже пропитании.

Ранней осенью 1944 года линия фронта быстро приближалась к Белграду. Наступил момент принятия судьбоносного решения, поскольку из Белграда эвакуировались на Запад Св. Синод Русской Православной Церкви за границей и множество русских семейств. Вокруг царил суматоха и разруха. Отца Виталия убеждали, чтобы и он с семьёй готовился к отъезду, предупреждали об опасностях, грозящих со стороны «безбожных красных», высказывались даже подозрения об истинных причинах его решения остаться. И снова он занял твёрдую позицию: духовный пастырь не покидает своё стадо, не бежит, а разделяет судьбу прихожан. Церковь должна, елико возможно, игнорировать политические и прочие земные неурядицы и вражду.

Первые послевоенные годы были очень трудными для Сербской Церкви, как и для остатков русской паствы в Югославии. Уже в 1945 году под политическим давлением белградский Св.-Троицкий храм стал Подворьем Московской Патриархии. Очень скоро это привело к новым и большим осложнениям. По обвинению югославских властей в шпионаже в пользу СССР в Белграде и Сараеве было арестовано два русских священника, весной 1950 года настоятель Подворья протоиерей Иоанн Сокаль уехал в СССР. Настоятелем стал отец Виталий Тарасев, с 1940 года находившийся уже в сане протоиерея.

Многие русские покинули Белград перед вступлением в столицу Красной армии и партизанских частей. Отец Виталий остаётся без сослужащих, без дяко-

на, хора и прочих клириков, необходимых для устройства и жизни епархии. Но ему удалось устоять: при помощи кучки оставшихся сотрудников и членов своей семьи он возобновляет церковную жизнь прихода и придаёт ей новый размах, тесно сблизившись с терпевшей притеснения братской Сербской Православной Церковью. Он приглашает братьев-священников служить в русских церквях, сам регулярно является гостем всех белградских храмов, в особенности на их храмовых праздниках. На протяжении 25-ти лет о. Виталий «поучал» поколения сербских богословов, присутствовавших на его службах или участвовавших в них «прислужниками».

Нуждающимся прихожанам русского храма годами поступала посильная русская помощь с Запада. Отец Виталий непосредственно занимался её распределением и раздачей, посещал больных и обессилевших, ездил в дома для престарелых – причащал, отпевал, отвечал на уйму писем с воплями о помощи. При всем этом он строго соблюдал традиции храма Св. Троицы: ежедневное служение Св. Литургии.

Его подвижническая жизнь и глубокая вера не остались незамеченными. Отец Виталий не только «русский священник», его храм в Белграде посещает большое количество сербов.

Не миновали протоиерея Виталия и церковное признание, и награды. С 1955 года он – митрофорный протоиерей, получает право носить два наперсных креста, совершать службы при открытых Царских вратах, удостоивается ряда орденов. Но, «батюшка Виталий» остаётся все тем же, скромным приходским священником.

Тяжело больной, свою последнюю Св. Литургию он отслужил в субботу, 30 марта 1974 года, в пятую неделю Великого поста. Затем он отправился причастить двух немощных прихожан. Возвращаясь домой, он упал на улице. Через два дня священник Виталий Тарасьев отошёл ко Господу. Старший сын его займёт место скончавшегося отца. Позднее настоятелем Св.-Троицкого храма станет его внук, носящий имя своего деда.

Отец Василий Т., протоиерей.

Брат Алексей, погиб в бою.

Жена Людмила Борисовна Т., (ур. Литвинова-Массальская; 23.06.1907, г. Чарджуй, Туркестан, Россия, ныне Чарджоу, Туркменистан – 20.10.1986, Белград), дочь генерал-майора. Псаломщица Св.-Троицкого храма в Белграде.

Сыновья: Василий, (1932, Белград –1996, там же), митрофорный протоиерей; Андрей, (род. 1933, Белград), филолог-славист, педагог, регент. Оба учились в гимназии, «Не окончившие гимназисты», см.

ТОМИЧ Божидар М., 1894, Босния – 1970, Белград.

Сербский язык с 1923 по 1930 г. в смешанной гимназии и с 07.11.1930 г. по 1941 г. в женской гимназии.

Педагог, литературовед, лингвист.

Одновременно с 1921 по 1941 год преподавал сербский язык и югославскую литературу в 3-й мужской гимназии в Белграде.

Гимназистка Татьяна Бурмистрова (выпуск женской гимназии 1938 г.) написала:

Нашим любимым преподавателем [был] профессор сербского языка Божидар М. Томич. Каждый год мы ходили к нему на дом на «Славу», которая приходилась на св. Николая. А в последнем году, в восьмом классе [в 1938 г.], мы вместе с ним переживали смерть его маленькой дочери Лиляны, которая умерла от дифтерита; от этой же болезни умер и сын его, 10-ти лет. Эта утрата сказалась на его здоровье, он часто пропускал уроки и присылал напечатанные на пишущей машинке задания, чтобы мы могли окончить благополучно 8-й класс.¹

Конечно, русские гимназисты не знали яркого прошлого своего педагога, которое описал в своих воспоминаниях бывший ученик 3-й сербской гимназии Добривое Зечевич:

Профессор Божидар Томич преподавал нам сербско-хорватский язык и югославскую литературу. Был он нашим любимым преподавателем, несомненно первым. Силой своей исключительной личности он решающим образом влиял на наше общее образование. В нашу гимназию [профессор] прибыл в ореоле национального героя. Деятельный член «Молодой Боснии», товарищ Гаврила Принципа по гимназии в Тузле, он участвовал в подготовке покушения в Сараево и был осуждён в 1915 году на 11 лет каторги. В суровых боснийских казематах Австро-Венгерской монархии он пробыл до окончания Великой войны. <... >

На нас он оказывал сильное влияние, имея в виду, чтобы мы поняли и приняли его идеи «югославянства», в которое он сам в те годы всё ещё верил, хотя уже и дули сильные ветры в противоположном направлении. Его программа преподавания литературы охватывала произведения всех югославских писателей. <... >

Когда он пришёл в наш класс, ему было лишь 34 года, но здоровье его уже было сильно подорвано. Последствия пребывания на каторге сказывались всю его жизнь, он чувствовал себя всё хуже и хуже. Даже в тёплые дни он являлся в гимназию в зимнем пальто. Тяжёлая форма ревматизма по временам превращала его в инвалида. Скрюченными пальцами он иногда даже не мог взять перо в руки. В начале 1930-го года его направили директором гимназии в Херцег-Нови,

1 «Памятка» 1986 г. С. 165.

на Адриатику, где был более благоприятный климат, однако, уже в сентябре того же года [профессор] возвратился в нашу гимназию.

Во время оккупации Белграда он был узником лагеря «Баница». В 1952 г. его отправили на пенсию. В его семье возникли тяжёлые материальные проблемы. Профессор был вынужден давать частные уроки неуспевающим ученикам. Его третий ребенок спасается отъездом в Америку. В 60-е годы, под гнётом новых несчастий, профессор Томич убежище находит в некоторого рода религиозном мистицизме. Однажды я встретился с ним на улице. Он обрадовался мне, подошёл, перекрестил и расцеловал. Сказал, что идет навестить несчастную семью, а у него таких десятков, в них царит горе, одно тяжелее другого. Единственную помощь, которую он им может оказать, – это теплое человеческое слово утешения. Вид и душа его тогда были как у старца Зосимы.

Помимо двух своих статей, опубликованных до войны, в те годы у него появилась возможность ещё раз проявить свое уважение к поступку Гаврила Принципа. Своему ученику, видному коммунисту и историку Владимиру Дедиеру, который писал книгу «Сараево 1914», профессор Томич смог сообщить что-то новое о своем друге.

В последние годы жизни он был привязан к дому при том, что несчастья непрерывно обрушивались на его семью. Помощь была необходима. Наша группа выпускников гимназии 1931 года, регулярно навещала его, утешала и помогала материально, всячески стараясь не ущемить достоинство профессора и его чудной супруги Милки. Так продолжалось до его ухода в 1970 году.¹

Помимо преподавательской деятельности, Божидар Томич редактировал полное собрание сочинений Филиппа Вишничича (1935), адаптировал для юношества издание романа Сервантеса «Дон Кихот», писал литературоведческие статьи.

Виднейший партийный и государственный деятель новой Югославии, Марко Никезич, вспоминал, что, будучи гимназистом, спорил со своим классным руководителем Божидаром Томичем. Ученик открыто защищал идеи коммунизма, а профессор яростно возражал: «Именно вы, коммунисты, стали прародителями фашизма!»

В оккупированном Белграде в 1942 году Б. Томич опубликовал резкую критическую статью о довоенных литературных журналах, сотрудниками которых были члены подпольной Коммунистической партии Югославии. («Если вчитаться во всё то, что там было напечатано, станет понятно, как ловко и вероломно коммунисты распространяли свои подрывные идеи, отравляя сербский народ и постепенно подготавливали его к своему кровавому террору».)

Остававшийся на своих незыблемых патриотических и идеалистических позициях, Божидар Томич, конечно, не мог себя чувствовать комфортно в послевоенный период при новом строе «Второй Югославии».

¹ Сто година 3. београдске гимназије. Београд, 1991. С. 209–210.

ТОПОР-РАБЧИНСКИЙ Владимир Викентьевич («Блоха»), 24.05.1877, Варшава – май 1945, Аннаберг, Саксония, Германия.

Русский язык и философия с июля 1932 г. в штате мужской гимназии (с перерывами) и женской гимназии до их закрытия в 1944 г.

Владимир окончил классическую гимназию и историко-филологический факультет Варшавского университета. Он преподавал на Высших педагогических женских курсах, в Киеве (1908–1910), затем в Варшаве (1910–1912). С 1911 по 1915 год оставался при кафедре государственного права этого же университета для подготовки к профессорскому званию.

В 1908 году в Варшаве молодой учёный опубликовал исследование «Макиавелли и эпоха Возрождения. Введение в изучение Макиавелли» (переиздана в Санкт-Петербурге в 2002 г.). С 1915 году В. Топор-Рабчинский доцент, а вскоре – экстраординарный профессор Варшавского университета, в военные годы – профессор юридического факультета Донского университета в Ростове-на-Дону. Отметим, что в эти же годы в Ростове преподавал и будущий педагог гимназии А.В. Соловьёв. В 1916 году в Ростове-на-Дону вышла в свет книга Владимира Викентьевича «Энциклопедия права. Курс лекций», ч. 1–2. Известна также его статья «Святой Владимир и память о нём».

Он принял участие в Белом движении и был эвакуирован 25 марта 1920 года из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». Оказавшись в Королевстве СХС, Топор-Рабчинский десять лет, начиная с 1921 года, преподавал русский язык и словесность в Первой русско-сербской девичьей гимназии с общежитием в г. Велика Кикинда, а после закрытия её служил два года в Харьковском девичьем институте в Нови Бечее. С июля 1932 года Владимир Викентьевич начинает вести тот же курс в мужской (с перерывами) и женской гимназиях в Белграде. За малый рост и подпрыгивающую походку жестокие ученики наградили его прозвищем «Блоха», но искренне любили его уроки.

В 1937 году в юбилейном «Белградском Пушкинском сборнике» помещена статья В.В. Топор-Рабчинского «Этическое сознание Пушкина».

Владимир Викентьевич покинул Белград перед наступлением советских войск. По свидетельству Татьяны Дуброва («Не окончившие гимназисты»), в мае 1944 года старый учитель оказался в группе русских белградцев в Саксонии, в городке Аннаберг (у самой границы с Чехией). С больными ногами, почти парализованный, он не смог бежать дальше и покончил жизнь самоубийством, выбросившись, вернее, с трудом выпав из окна.

Отец Викентий Николаевич Т-Р., (04.10.1849 – после июня 1911). Участник русско-японской войны. Генерал с января 1909 г. Окружной интендант Киевского военного округа. Четверо детей (на 01.11.1907).

Сестра София Викентьевна Т-Р., (1887 – до 05.02.1994, Лос-Анджелес), писательница (прозаик, драматург), бывший секретарь и стенографистка в Главном штабе армий при ген. Деникине и ген. Врангеле. Между двумя мировыми войнами жила в Белграде. Скончалась в возрасте 107 лет.

ФЛОРОВСКИЙ Георгий Васильевич («Летучий голландец»), 28.08.1893, Елисаветград, Одесской губ., ныне Кропивницкий, Украина – 11.08.1979, Принстон, штат Нью-Джерси, США.

Закон Божий в мужской гимназии с 1940 г. и до её закрытия в 1944 г.

Выдающийся богослов, историк Церкви, педагог.

Митрофорный протоиерей.

Георгий родился в семье священника. Он окончил с золотой медалью 5-ю гимназию в Одессе, в 1911 году и историко-филологический факультет Новороссийского университета в 1916-м. Молодой учёный был оставлен при кафедре философии и психологии для подготовки к профессорскому званию, преподавал в гимназиях логику и философию. Защитив магистерскую диссертацию в 1919 году, Г. Флоровский занял на факультете должность приват-доцента.

Однако родители его решили эмигрировать и в конце 1919 года вся семья покинула Россию, обосновавшись в январе следующего года в Софии.

В Болгарии Георгий Васильевич преподавал детям, принимал участие в деятельности Русского религиозно-философского общества, став одним из основателей евразийства.

В декабре 1921 года Г. Флоровский переехал в Прагу, где читал лекции по русской литературе и состоял ассистентом в семинаре Русского юридического факультета при Пражском университете. Здесь он в 1923 году защитил докторскую диссертацию («Историческая философия Герцена»), продолжая преподавательскую деятельность и сотрудничество в крупных журналах русской эмиграции. Он отошёл от новой ориентации лидеров евразийства, выдвигая приоритет православия и культуры.

В 1926 году Православный Свято-Сергиевский богословский институт пригласил Георгия Васильевича на должность профессора патрологии, и он переезжает в Париж. Одновременно он преподаёт философию и греческий язык.

В 1932 году Георгий Васильевич был рукоположен во иереи.

С 1933 года о. Георгий выезжал в летние месяцы в Англию для чтения в колледжах лекций по истории православной церкви. В 1937 году в Париже вышла его самая известная книга «Пути русского богословия», являющаяся фактически историей русской интеллектуальной мысли. В 1939 году Г.В. Флоровский был избран членом-корреспондентом Русского научного института в Белграде.

Начало Второй мировой войны застало о. Георгия с супругой в Швейцарии, в конце 1940 года они переехали в Югославию, где оставались до осени 1944 года. Короткое время Георгий Васильевич преподавал Закон Божий в кадетском корпусе в Белой Церкви и в Мариинском Донском девичьем институте (февраль – декабрь 1940 г.). С переездом в Белград о. Георгий стал законоучителем мужской гимназии вплоть до её закрытия в 1944 году. Отец Георгий состоял секретарём Учебного комитета при Архиерейском Синоде Русской православной церкви за границей. После освобождения Белграда Красной армией и партизанами Тито, семья Флоровских с огромными трудностями в ноябре 1944 года добирается до Праги, а в декабре 1945 года переезжает в Париж, где Георгий Васильевич возобновил преподавание в Богословском институте, выезжая с лекциями в Англию и Германию.

Г.В. Флоровский участвовал как представитель православной церкви в работе 1-й ассамблеи Всемирного Совета церквей в 1948 году и был избран в состав высших органов Совета.

В сентябре 1948 года семья Флоровских переехала в США, где о. Георгий получил место профессора догматического богословия и патрологии, а вскоре стал и деканом Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке (до 1955 г.). Одновременно он преподавал богословие в Колумбийском университете, а позднее и в других университетах США. Все эти годы он занимал ведущие позиции в экуменическом движении. В 1964 году о. Георгий вышел на пенсию, покинул Гарвард и переехал в Принстон, где работал приглашённым профессором на Кафедре славистики и богословия. Георгий Васильевич состоял членом Американской и Британской академий наук.

Отец Василий Антонович Ф., (ок. 1852, Новгородская губ. – 19.02/03.03.1928, София), протоиерей, настоятель кафедрального собора в Одессе, ректор Духовной семинарии в Одессе.

Мать Клавдия Георгиевна Ф., (ур. Попруженко; 1863–1933).

Брат Анатолий, (14.12.1884, Елисаветград – 27.03.1968, Прага), историк. Окончил историко-филологический ф-т Новороссийского ун-та в Одессе. В эмиграции – в Болгарии и Чехословакии.

Жена (с 1922 года): Ксения Ивановна Ф., (ур. Симонова), дочь известного русского педагога в Финляндии, выпускница Бестужевских женских курсов в Петербурге, художница и переводчица.

ЧЕЛИЩЕВ Виктор Николаевич, 13.09.1870, Боровск, Калужской губ. – 01.05.1952, Сан-Франциско.

Юриспруденция в старших классах с 1925 по 1931 г. С 1927 г. преподавал **Законоведение** в обеих гимназиях.

Правовед, педагог, писатель-мемуарист.

Виктор Николаевич, по его словам, – выходец из «среднего достатка помещицкой семьи старого дворянского корня». Он окончил гимназию в Калуге и юридический факультет Московского университета в 1893 году. Преподаватель права в Московском университете, а так же мировой судья Симоновского участка Москвы (1898–1916).

Во время Великой войны В.Н. Челищев был уполномоченным Всероссийского земского союза и Союза городов. На совещании «Земгора» он сделал доклад «Практические возможности в деле оказания помощи увечным воинам земскими учреждениями». После Февральской революции 1917 года Челищев был избран председателем совета Всероссийского союза юристов и назначен председателем Московской судебной палаты.

Участник Белого движения. Начальник Управления юстиции при Особом совещании ВСЮР (ноябрь 1918 – февраль 1920). Обер-прокурор 1-го департамента Сената при генерале П.Н. Врангеле. Некоторое время преподавал в Ялтинской гимназии. Летом 1920 года В. Челищев был эвакуирован из Новороссийска на о. Принкипо, некоторое время с семьей жил в Константинополе, откуда часть семьи переехала в КСХС, в Белград.

С 1924 по 1929 год Виктор Николаевич работал в Министерстве юстиции, а в 1925 году начал преподавать в гимназии. Во время отсутствия В.Д. Плетнёва в 1925 году вёл его курс государственоведения. В октябре 1925 года В.Н. Челищев стал одним из членов-учредителей Союза русских писателей и журналистов в Белграде, в котором неоднократно избирался членом Правления и состоял в редакции журнала «Призыв». В издательстве этого Союза в 1926 году был опубликован сборник его рассказов, озаглавленный «Алёшка Чураков». В Белграде им была написано много рассказов, большая часть которых описывает русскую деревню, жизнь в дворянских усадьбах и, конечно, охоту. Рукопись «Воспоминаний о жизни в Калужской губернии: быт и нравы российской провинции конца XIX – начала XX века» была опубликована в России в 2009 году в Калуге.

В эмиграции В.Н. Челищев продолжал свою общественную деятельность: был председателем Союза русских юристов, югославским представителем Русского заграничного исторического архива в Праге, председателем Объединения прогрессивной и демократической русской эмиграции в КСХС, куда входил и директор

гимназии В.Д. Плетнёв. В Югославии Виктор Николаевич сохранил свое российское подданство.

Весной 1931 года В.Н. Челищев получил месячный отпуск для лечения: у него обнаружилось проблемы с сердцем. По окончании учебного года, он покинул Югославию и переехал на жительство в Прагу, а с 1934 года обосновался в Париже, где провёл все военные годы. Там он работал над второй частью своей семейной хроники «Охотники», которую опубликовали в России в 2007 г. в г. Реутов. Его внук вспоминал:

Дедушка был очень общительный человек. В гостях у нас бывали не только соседи, но также генерал Антон Иванович Деникин, его адъютант полковник П.Н. Колтышев, князь П.Д. Долгоруков, профессор П.Б. Струве и многие другие. Разговоры велись на всевозможные темы: воспоминания о жизни в России, оживлённые дискуссии о провале Белого движения, состоянии жизни в Советском Союзе и т.д. Но для дедушки самой любимой темой была охота. О ней он мог рассказывать всегда, и эта тема для него была самая интересная.¹

В 1946 году Виктор Николаевич перебрался к сыну Андрею в Калифорнию.

Жена Александра Николаевна Ч., (ур. Ясинская; ? – декабрь 1923, Белград).

Дети: Ольга, (07.06.1899, Москва – ?); Анна, (13.07.1900, Москва – ?); Андрей, (07.12.1901 – 07.04.1994, Напа, шт. Калифорния), агроном-винодел, всемирно признанный знаток и дегустатор вин; Александра, (ок. 1905, Москва – ?), окончила Харьковский девичий институт в Нови Бечее в 1924 г.; Николай, (29.01.1915, Москва – ?); Виктор.

ЧОРОВИЧ Владимир, 27.10.1885, Мостар, Герцеговина – 12.04.1941, гора Олимп, Греция.

История Югославии с 1920 по 1931 г. в смешанной и мужской гимназиях.

Выдающийся сербский историк, филолог и литератор.

Владимир Чорович родился в сербской купеческой семье. Он окончил гимназию в г. Мостар в 1904 году и отделение славянской филологии, археологии и истории Венского университета, где и защитил докторскую диссертацию в 1908 году. Два года (1908–1909) молодой доктор усовершенствовался в Мюнхене у известного византиниста К. Крумбахера и занимался в архивах Парижа и Болоньи.

¹ *Подбудный М.* Виктор Николаевич Челищев – автор хроники «Охотники» // Охота и охотничье хозяйство. (Москва), 2007, № 2.

С 1909 года он поселился в Сараеве, где получил работу куратора Библиотеки Краеведческого музея, а вскоре стал ее управляющим. В довоенные годы В. Чорович вёл интенсивную научную и литературно-общественную жизнь, сотрудничал во многих журналах, был секретарём Сербского просветительного и культурного общества «Просвещение». После того, как Гаврило Принцип 28 июня 1914 года застрелил престолонаследника Австро-Венгрии эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену Софию, В. Чорович был арестован, хотя он и не имел прямого отношения к покушению, и приговорён к восьми годам каторги из-за деятельности в упомянутом сербском обществе. Тем временем на полях Европы бушевала Великая война.

В 1917 году, под сильным нажимом мировой общественности, Владимир Чорович указом нового императора Австро-Венгрии и короля Венгрии Карла IV был амнистирован. Вместе с писателями национальной югославянской направленности В. Чорович в Загребе начал издавать журнал «Литературный юг» и активно занялся политикой. Он присутствовал 1 декабря 1918 года на торжественном провозглашении Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) в Белграде.

В столице новой страны началась его педагогическая деятельность: он был избран экстраординарным (1919), затем – ординарным (1921) профессором истории Югославии философского факультета Белградского университета, а в 1934 году – членом-корреспондентом Сербской Королевской Академии наук. Два учебных года, с 1934 по 1936 год, В. Чорович состоял ректором Белградского университета. Вместе с тем, с самого момента открытия «плетнёвской» гимназии в Белграде, этот видный учёный одиннадцать лет посвятил обучению русской молодежи.

В самом начале немецкой оккупации Югославии в апреле 1941 года Владимир Чорович вместе с группой югославских политиков на самолёте покинул столицу. Но их самолёт был сбит немцами над горой Олимп в Греции.

СОЛОНСКИЙ Александр Александрович, 22.02/06.03.1882, Боровичи, Новгородской губ. – 29.10.1976, Женева.

Врач и руководитель Амбулатории при Детском доме, врач гимназии в 1923–1929 гг. и врач в женском интернате с 1929 г.

А.А. Солонский – один из главных сподвижников основателя гимназии В.Д. Плетнёва.

Александр Александрович вырос в многодетной семье столяра. Он окончил церковно-приходскую школу, четырёхклассное Городское училище в Боровичах и фельдшерскую школу при Морском госпитале в Кронштадте в 1900 году. В службе с 18-ти лет: практикант-фельдшер в Кронштадтском военном госпитале. В мае 1900

года Солонский назначен в учебно-артиллерийский отряд Балтийского флота на броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков», но в том же году переведён в Тихоокеанскую эскадру. В должности старшего помощника врача А.А. Солонский находился в плавании на броненосце «Полтава» с 1901 по 1904 год. Участник Русско-японской войны. Принимал участие в обороне Порт-Артура, попал в плен после сдачи крепости и был интернирован. За работу под огнём во время морского боя с японцами был награждён солдатским Георгиевским крестом 4-й степени.

Вернувшись в Петербург, Александр Александрович устроился работать фельдшером в больнице Путиловского завода и одновременно продолжил свое образование. Он окончил экстерном Николаевский кадетский корпус (1908) и затем Военно-медицинскую академию в 1914 году. Докторскую степень А.А. Солонский получил в 1916 году. Участник Великой войны в должности флагманского врача 2-го отряда траления мин Балтийского флота, был награждён орденами Св. Станислава и Св. Анны с мечами.

После Февральской революции 1917 года матросское собрание выбрало врача Солонского в Центральный комитет Балтийского флота, где он занимал должность секретаря. Вероятно, ещё до октябрьского переворота, видя крушение российской армии и флота, он вышел в гражданскую службу, заняв должность ассистента Николаевской детской больницы в Петрограде (позднее переименована в Больницу им. Филатова). Переболев тифом, врач Солонский попал в круговерть гражданской войны. Сначала он был мобилизован в Красную армию и направлен на фронт, начальником санитарной части Первой кавалерийской дивизии. Однако, в сентябре 1920 года Александр Александрович вместе со всем санитарным обозом оказался в плену у «зелёных», оттуда попал в Белую армию и, добравшись до Севастополя, служил там короткое время в госпитале. В ноябре врач Солонский эвакуирован из Крыма на пароходе «Австрия» и 20 ноября 1920 года он высаживается в порту Мелине в Которской бухте Адриатики.

Он входит в медицинскую комиссию Генерального штаба по освидетельствованию раненых воинов в Мелине. Вскоре А. Солонский переезжает в Белград, где трудится как врач-педиатр в Детской амбулатории им. бельгийской королевы Елизаветы (1921–1933), а затем – врачом-педиатром Амбулатории Общества Российского Красного Креста в Белграде.

С 1934 по 1946 год Александр Александрович становится заведующим этой амбулаторией, которая в 1937 году была переименована в Поликлинику, и служит там до её упразднения новыми югославскими властями.

О работе доктора Солонского в гимназии тепло вспоминал епископ Василий, бывший гимназист (13-й вып.) Владимир Родзянко:

Очень интересный был доктор, симпатичный. Приходит к нему ученик и просит: «Доктор, мне сегодня быть без гимназии». «Быть без гимназии» – значит не ходить на уроки. ... «А что у тебя болит: сербский язык или математика?» – шуточно спрашивал Александр Александрович. Но затем, поговорив с ребенком, вдруг говорил сестре: «Запишите его без гимназии». И она записывала. Это было немножко по-семейному. Но когда доктор видел, что кто-то начинает пользоваться его добротой, он нас слегка прижимал.¹

Во время немецкой оккупации Русская Поликлиника под его руководством сделала более сорока тысяч прививок от тифа и дизентерии.

В 1946 году доктор А. Солонский мобилизован и направлен в город Титов Велес в Македонии, где два года работает директором и врачом детского диспансера. В 1948 году он возвращается в столицу и до выхода на пенсию в 1958 году врачует в детских амбулаториях. Но и став пенсионером, Александр Александрович продолжил свою службу людям, уже как внештатный врач на станции скорой помощи в Белграде.

В 1965-м Александр Александрович Солонский приехал в Россию в качестве туриста и посетил Боровичи – город своего детства и городской деревянный вокзал, чудом сохранившийся в том же виде со времени, когда он отправился отсюда в свою долгую подвижническую жизнь, полностью отданную служению страждущим.

После 1965 года он покинул Югославию и поселился у дочери в Женеве.

Помимо своих ежедневных врачебных забот, Александр Александрович писал научные труды, изучал демографию, распространение туберкулёза и экономическое положение русской эмиграции в КСХС–Югославии, составил юбилейную памятку «Поликлиника Российского общества Красного Креста старой организации в Белграде, 1920–1940». Состоял деятельным членом Русского научного института в Белграде, Русско-сербского общества врачей.

Для «Памятки» 1930 года им написана статья «Гигиена и здоровье учащихся Первой русско-сербской гимназии в Белграде с 1 сентября 1922 г. по 1 декабря 1929 г.», выдержки из которой помещены нами в главе «Первая русско-сербская гимназия в Белграде».

В Архиве Дома Русского Зарубежья им. Александра Солженицына в Москве находится личный фонд А.А. Солонского, переданный его дочерью Наталией.

Отец: Александр Иванович С.

Мать: Наталья Никитична С., (ур. Плаксина).

Брат: Василий Александрович С.

¹ Материалы к книге епископа Василия (Родзянко) «Моя судьба. Воспоминания». Собрание Е. Муравьевой, Санкт-Петербург.

1-й брак: Мария Александровна С., (ур. Суглицкая; 20.01.1880 – ?), выпускница историко-филологического ф-та Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге.

Дети от 1-го брака: Иван, (1904 –?); Лидия, (29.12.1913, Санкт-Петербург – ?), гимназистка, выпуск женской гимназии 1932 г. Врач.

2-й брак: Августа Анатольевна С., (ур. Алексеева; 10.07.1901, Сретенск, поселение, входившее в 3-й военный отдел Забайкальского казачьего войска – 04/17.07.1955, Белград), дочь Генерального штаба генерал-лейтенанта, сестра милосердия.

Дочь Наталия, (род. 23.01.1930, Белград), «Не окончившие гимназисты», см. В замужестве Тенце. Живёт в Женеве.

АБРАМЦЕВ Александр Иванович («Ну-с»), ок. 1891 – 21.05/03.06.1941, Белград. **История и латинский язык** с 1929 по 1938 г. в женской и мужской гимназиях.

Действительный статский советник. Участник Белого движения. С весны 1919 г. преподавал историю в Донском Императора Александра III кадетском корпусе в Новочеркасске. Вероятно, с корпусом эвакуирован с Юга России на о. Лемнос, далее в Египет, а позднее попал в КСХС, в г. Билече (Герцеговина). С 12.11.1925 по 01.09.1929 г. служил инспектором классов в Крымском кадетском корпусе в Белой Церкви до его расформирования.

С 1929 по 1938 год жил в Белграде.

АЛЕКСИЧ Радомир, 17.04.1900, Анджелат, близ Андриевицы, Сербия – 25.04.1978, Белград.

Сербский язык в мужской гимназии с 1931 по 1941 г.

Лингвист-диалектолог.

Радомир окончил гимназию и отделение сербского языка и истории философского ф-та Белградского ун-та в 1926 г. Он был оставлен ассистентом в университете на отделении истории сербского языка и диалектологии, некоторое время совершенствовался в Кракове. Доктор филологических наук (1929). Доцент ун-та в Белграде с 1937 г. Одновременно Алексич вёл занятия в гимназии.

В 1941 г. Р. Алексич отказался подписать воззвание о борьбе с коммунистами и был уволен. На какое-то время его даже заключили в лагерь, потом освободили, восстановили на службе, но вскоре опять исключили из университета.

По окончании Второй мировой войны Р. Алексич – профессор диалектологии и истории сербского и древнеславянского языков филологического ф-та Белградского ун-та. Он – автор учебников сербской грамматики, хрестоматии по

древнеславянскому языку, сотрудник при составлении словарей, редактор журнала «Наш язык». Переводил произведения А.С. Пушкина.

Радомир Алексич вышел на пенсию в 1969 г.

АНДРЕЕВ Александр Лаврентьевич («Пипин»), ? – до 17.04.1958, Лейден, Голландия.

Математика в смешанной гимназии с 1920 по 1929 г. и в 1930/1931 учебном году в мужской гимназии.

Инженер, преподаватель.

Участник Белого движения в рядах Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). В январе-марте 1920 г. эвакуирован из Новороссийска. В мае 1920 г. обосновался в КСХС.

За невысокий рост, гимназисты прозвали Александра Лаврентьевича «Пипин короткий».

БАШИЧ Милан, 13.02.1868, Белград – 27.05.1927, Белград.

Сербский язык в 1920/1921 учебном году.

Литературовед, государственный деятель, педагог.

Милан Башич окончил гимназию и историко-филологическое отделение «Великой школы» в Белграде и начал преподавать в гимназиях Королевства Сербии – в Шабаце и Нише. Он увлекался политикой, основал и редактировал газету «Слава» (1896), работая инспектором образования в городах Неготин и Градиште. Переехав в Белград, М. Башич стал профессором церковнославянского языка на богословском ф-те, одновременно учительствуя в белградских гимназиях. Вышел на пенсию в 1925 г.

Как ученый-филолог М. Башич изучал древнюю сербскую литературу, переводил на современный язык средневековые сербские тексты. Состоял членом Лексикографического отделения Сербской Королевской Академии наук, публиковался во многих газетах и журналах.

БОГАТКО Николай Николаевич, 14.11.1907, Житомир, ныне Украина – ?

Гимнастика с 1929 по 1935 год в смешанной и мужской гимназиях.

Николай Николаевич окончил гимназию в 1926 г. См. биографию в 6-м выпуске.

БОШКОВИЧ Радосав, 10.01.1908, Орья-Лука, близ Даниловграда, Черногория – 05.07.1983, Белград.

Сербский язык в женской гимназии с 1931 по 1936 г.

Филолог, славист.

Радосав окончил гимназию в Подгорице и философский ф-т Белградского ун-та в 1930 г. Как стипендиат Польского и Югославского правительств, выезжал на усовершенствование в Краков и в Прагу. Доктор филологических наук с 1933 г. Преподаватель 2-й мужской гимназии в Белграде (1931–1936). Ассистент с 1936 г., доцент в 1939 г., экстраординарный (1948) и ординарный с 1956 г. профессор сопоставительной грамматики славянских языков и древнеславянского языка при философском ф-те Белградского ун-та. Редактор журнала «Наш язык».

После Второй мировой войны Р. Бошкович редактировал переводы на сербско-хорватский язык трудов И.В. Сталина и собрание сочинений В.И. Ленина.

фон ден БРИНКЕН Александра Мечиславовна (Вячеславовна), 21.03.1885 – 10.03.1982, США.

Французский язык с 1920 до осени 1923 г.

Педагог.

Происходит из старинного баронского рода, вышедшего из Вестфалии, где впервые упоминается в XII веке. В России Бринкены осели в Курляндии.

Уволена директором В.Д. Плетнёвым в связи с тем, что подала на него жалобу в Государственную комиссию по делам русских беженцев.

В 1923/24 учебном году А.М. Бринкен переведена в Русскую реальную гимназию в Земуне (пригород Белграда), пару лет преподавала французский язык в Русской женской гимназии Всероссийского союза городов (ВСГ) в Белграде.

Вероятно, в конце 1920-х гг. покинула КСХС. По окончании Второй мировой войны Александра Мечиславовна некоторое время преподавала французский язык в гимназии «Милосердный самарянин» в Мюнхене. Позднее переехала в США.

ВЕЛЬКОВИЧ Момир, 14.07.1899, Рашка, Сербия – ноябрь 1944, Белград.

Сербский язык с 1930 по 1936 г. в мужской гимназии.

Литературовед, педагог, поэт.

Момир Велькович происходил из состоятельной городской семьи: его отец Чедомир был государственным чиновником. Момир окончил гимназию в Крагуеваце в 1919 г. и группу югославской литературы и сербского языка философского

ф-та Белградского ун-та. Далее он продолжил обучение в Германии, Франции и Чехословакии.

Вернувшись на родину М. Велькович начал работу преподавателем в гимназии в Шабаце (1923–1925), затем, после переезда в Белград, он служил во 2-й мужской гимназии (1928–1940), а параллельно вел уроки сербского языка в русско-сербской мужской гимназии.

Позднее М. Велькович преподавал в Театральной школе в Сараеве, короткое время жил в Белграде, где состоял поочередно: директором Сербского королевского национального театра (1940), директором 4-й женской гимназии (до 1943 г.), директором Национальной библиотеки (с 1943 г. до своей кончины). Выдающийся деятель книгоиздательства «Сербская литературная задруга», участвовал в редакциях энциклопедических словарей, член сербской делегации ПЕН-клуба. Предметом его научного интереса была сербская литература, он писал учебники, составлял хрестоматии. Его авторская поэзия насыщена социальными темами, идеалами югославянства и славянства. Несомненно, М. Велькович находился под сильным влиянием русской классической литературы.

После освобождения Белграда Момир Велькович был обвинён в том, что работал в Министерстве просвещения при Сербском правительстве в годы оккупации. 3 ноября 1944 г. он был арестован и вскоре расстрелян.

ВОРОБЬЁВА Елена Николаевна, ок. 1870 – 01/14.12.1943, Белград.

Английский язык в смешанной гимназии.

Елена Николаевна преподавала в гимназии с самого ее открытия и до 15 сентября 1924 г., когда изучение английского языка было прекращено.

Больше Елена Николаевна в КСХС-Югославии нигде не преподавала, в списках преподавателей югославских учебных заведений ее имени нет. Жила с мужем в Белграде, скончалась вдовой.

ВРАНЕШЕВИЧ Марко, 15.03.1903, Нови-Град, Босния – 21.05.1974, Белград.

Сербский язык с 1937 по 1941 г. в мужской гимназии.

Литературовед, поэт, общественный деятель, педагог.

Марко Вранешевич происходил из семьи священника. Он окончил гимназию в Бихаче (Босния) и философский ф-т Белградского ун-та по кафедре югославской литературы и сербского языка. Был направлен преподавателем сербского языка в Донской Императора Александра III кадетский корпус в Горажде (1927–1930), а затем – в кадетский корпус в Белой Церкви (1930–1937). Переехав в Белград, М.

Вранешевич вёл занятия сразу в двух гимназиях: в русско-сербской мужской и во 2-й сербской (1937–1941). Затем – в 8-й и 9-й мужских гимназиях.

Как поэт, Вранешевич сотрудничал со многими литературными журналами. Его стихи переводились на ряд языков, в том числе и на русский. При этом он и сам свободно писал стихи по-русски. Он был избран секретарем сербского ПЕН-клуба в 1939–1941 гг. С 1941 г. Марко Вранешевич участвовал в Народно-освободительной борьбе с оккупантами.

По окончании Второй мировой войны он состоял в редколлегии журнала «Глас», был членом многих общественных организаций, директорствовал в 3-й мужской гимназии. На экономическом ф-те Белградского ун-та преподавал русский язык.

В мае 1949 г. Марко Вранешевич был арестован по облыжному обвинению в шпионаже в пользу СССР и отправлен в концлагерь на Голи Оток (Гольый остров) на Адриатике. Освобождён тяжело больным в 1951 г., но и тогда остался под постоянным наблюдением органов безопасности.

Тяжесть пережитого и отсутствие какой-либо возможности применить себя в новой социалистической стране заставили его уйти из жизни.

ВУШОВИЧ (ур. Несторович) Борислава, 11.06.1899, Заечар – ?

Сербский язык и литература с 1922 г. в смешанной гимназии и далее в женской гимназии до 1935 г.

Педагог.

Борислава происходила из интеллигентной сербской семьи. Она окончила отделение сербско-хорватского языка и литературы философского ф-та Белградского ун-та в 1925 г. Преподавала в различных гимназиях города Лозница и Белграда.

Отец Йован Несторович, журналист и политик. Сотрудник и редактор партийной газеты «Самоуправа», органа Народной радикальной партии.

Муж Данило Вушович (р. 1900), преподаватель (см. ниже).

Дочь Гордана В. (род. 1934).

ВУШОВИЧ Данило В., 13.12.1900, с. Бршно близ Никшича, Черногория – 1939, там же.

Сербский язык в мужской гимназии в 1930/31 учебном году.

Лингвист-диалектолог.

Старший из четырёх сыновей в культурной черногорской семье. После окончания гимназии в Никшиче и философского ф-та Белградского ун-та преподавал в

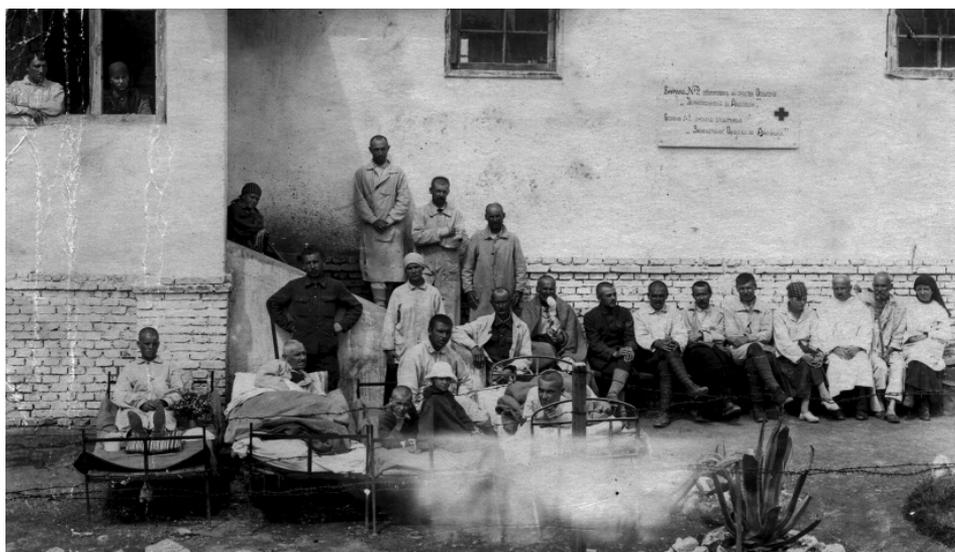
В ожидании эвакуации из Ялты. Февраль 1919 г.
Собрание А.А. Корлякова, Париж.

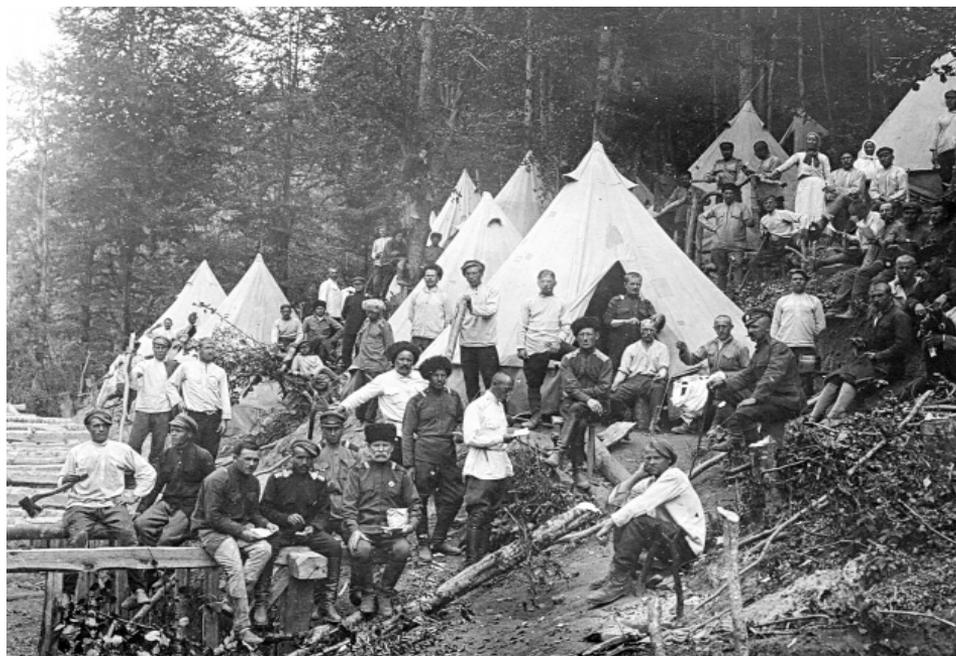
Эвакуация русских детей из Крыма, 1920 г.
Собрание А.А. Корлякова, Париж.

Транспорт с русскими беженцами в Которской бухте
Королевства СХС. Ноябрь 1920 г.
Собрание семьи М. Йовановича, Белград.

Лазарет тифозных русских беженцев в Мелине, Которская бухта, 1921 г.

Казачьи части Русской армии на постройке дорог в Сербии. 1921–1923 гг.

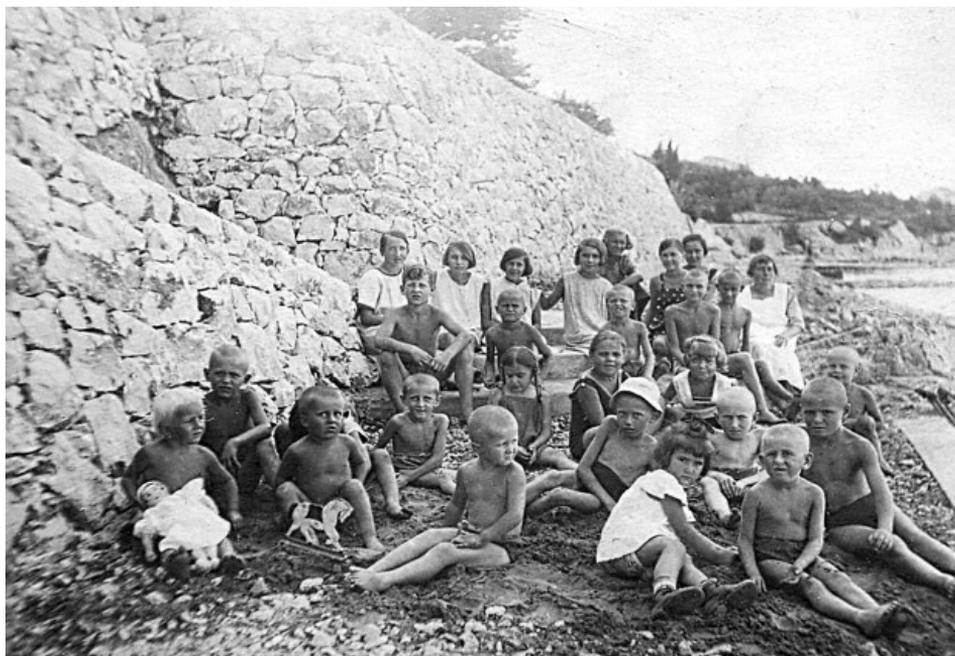
Русская семья в картонно-каменной кабинке средневековой крепости Ревелин.
Дубровник, 1930-е гг.

Йованова улица в Белграде, ок. 1925 г.

Русские офицеры и студенты на работах по реконструкции центра Белграда. 1920-е гг.

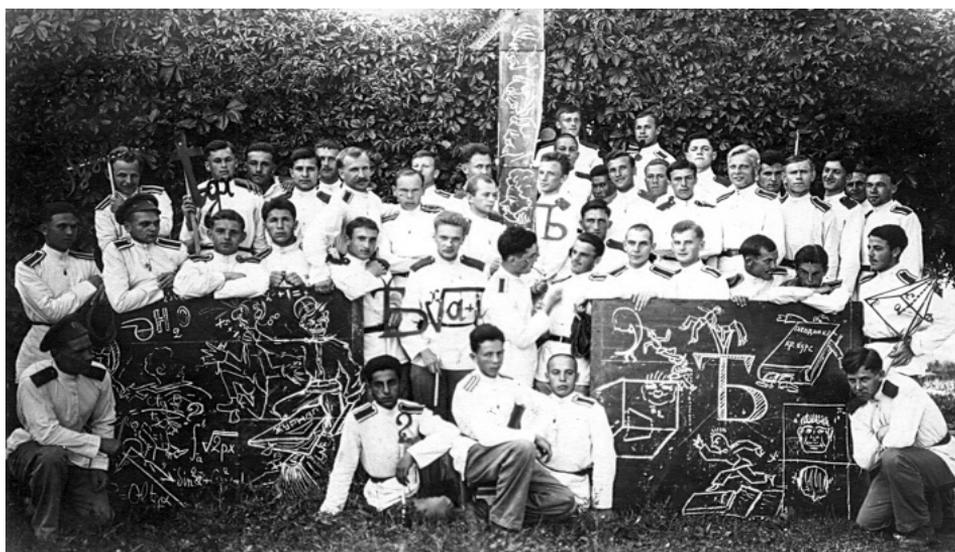
Русские дети на оздоровительном курорте
у Адриатического моря. Цриквеница, 1922 г.

Русская начальная школа в одном из городов Королевства СХС, нач. 1920-х гг.

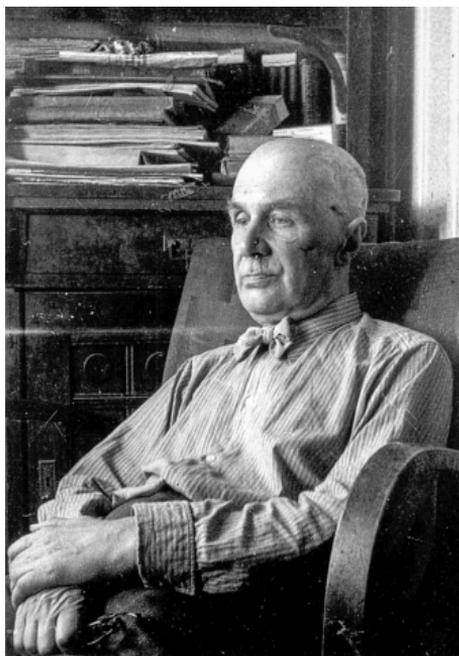
Дортуар Харьковского девичьего института. Нови Бечей, 1920-е гг.

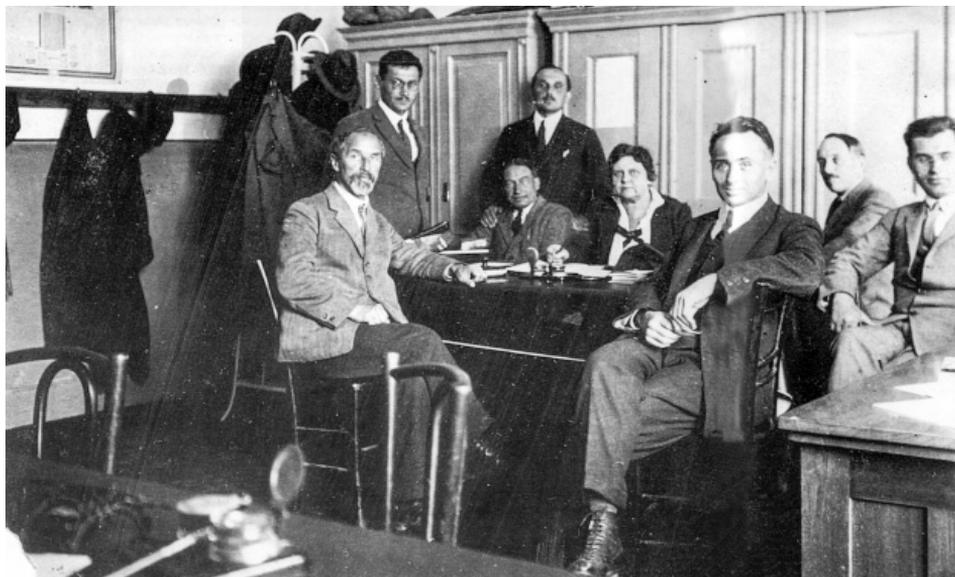
41-й выпуск Донского Императора Александра III кадетского корпуса.
Горажде, 1930 г.

В.Д. Плетнев, основатель и первый директор гимназии. Белград, 1925 г.

И.М. Малинин, директор смешанной и мужской гимназий. Белград, 1930-е гг.

Персонал гимназии, 1926 г.: Н.А. Чернышев, В.Э. Мартино, А.Л. Андреев, А.В. Соловьев, И.В. Павская, Л.В. Коленко, Л.М. Сухотин, Божидар Томич.

Мужской интернат гимназии. Белград, 1930 г.: Воспитатели В.С. Зозулин и В.И. Попов-Азотов. Гимназисты: Михаил Мяч, Владимир Остальский, Ростислав Клисич, Николай Пржевальский, Валентин Дукшт-Дукшинский, Лев Ковалинский, Всеволод Стокасимов, Георгий Бискупский, Алексей Дударев, Алексей Малов, Олег Борисов-Морозов.

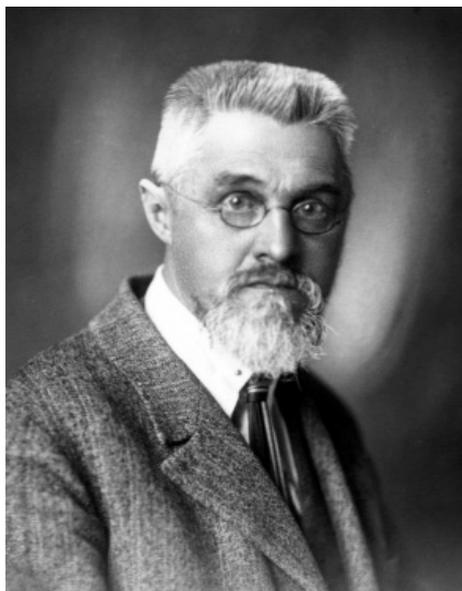
Сапожная мастерская в мужском интернате. Белград, 1920-е гг.
Собрание Милич Миличевича, Белград.

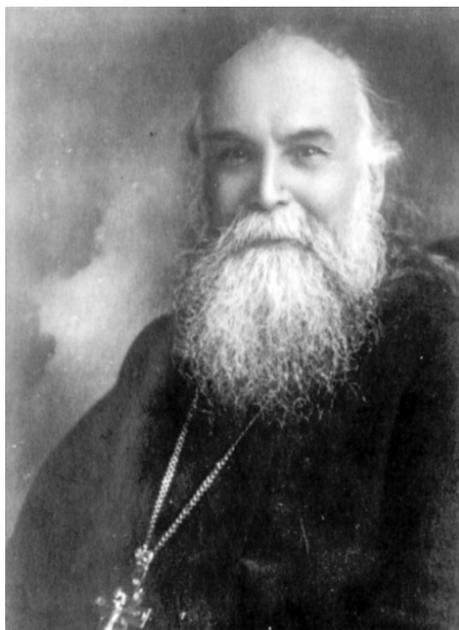
Часы досуга в мужском интернате. Белград, сер. 1920-х гг.
Собрание Милич Миличевича, Белград.

7-й класс выпуска 1925 г. Собрание Милич Миличевича, Белград.

Ю.Н. Вагнер, природоведение.
Белград, 1920-е гг. Собрание С.И.
Фокина, Пиза.

Протоиерей Петр Беловидов.
Закон Божий, Белград, 1930-е гг.

Персонал гимназии в 1925 г. Стоят: А.П. Хлюстина, А.В. Соловьев,
М.А. Георгиевский, Е.А. Елачич, А.Г. Никшич, Н.В. Павская, (?).
Сидят: Г.Г. Сахновский, И.И. Тропина, отец Петр Беловидов, В.Д. Плетнев,
А.В. Коленко, А.М. Сухотин, А.Л. Андреев.

Е.А. Елачич. Химия, природоведение.
Белград, 1920-е гг.

В.Х. Даватц. Математика, физика,
космография. Белград, 1923 г.

Г.П. Кошиц. Математика. Белград, 1930-е гг.
Собрание Е.Г. Лебедевой, Монреаль.

М.А. Георгиевский. История,
русский язык и латынь.
Земун, 1930-е гг.

А.В. Соловьев. Русский язык и литература. Белград, 1930-е гг.

О.П. Миклашевский. Режиссер гимназических спектаклей. Белград, 1935 г.
Собрание И.О. Миклашевского, США.

В.А. Эккерсдорф. Руководитель Студии выразительного чтения. Белград, 1920-е гг.
Собрание Е.В. Турони, Вашингтон.

В.М. Греч. Руководитель Студии сценического искусства. Белград, 1926 г.

Сала Радничке Коморе У БЕОГРАДУ

Угао Немањине и Студеничке улице

Воскресенье, 29 декабря 1929 года

СПЕКТАКЛЬ

учащихся 1-ой Русско-Сербской Гимназии въ Бѣлградѣ, въ пользу недостаточныхъ учениковъ той же гимназии

РЕВИЗОРЪ

комедія въ 5 актахъ Н. В. Гоголя

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій	уч-къ VIII кл. Сергѣевъ
Анна Андреевна, жена его	уч-ца VII кл. Исаева
Марія Антоновна, дочь его	уч-ца VI кл. Долинская
Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ	уч-къ VIII кл. Герцогъ
Жена его	уч-ца VII кл. Лукина
Аммось Федоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья	уч-къ VIII кл. Королевичъ
Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній	уч-къ VII кл. Григоровичъ-Барскій
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ	уч-къ VIII кл. Юсевичъ
Петръ Ивановичъ Добчинскій	уч-къ VII кл. Ледовскій
Петръ Ивановичъ Бобчинскій } городскіе помѣщики	уч-къ VIII кл. Духовской
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга	уч-къ VIII кл. Ассѣвъ I-й
Осипъ, слуга его	уч-къ VII кл. Алексѣвъ
Христанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лекарь	уч-къ VII кл. Ассѣвъ II-й
Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ	уч-къ VII кл. Вѣтеръ
Свистуновъ } полицейскіе	уч-къ VIII кл. Зипаловъ
Держиморда }	уч-къ VII кл. Бор-Морозовъ
Абдулинъ, купецъ	уч-къ VII кл. Тропинъ
Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша	уч-ца VII кл. Сапѣгина
Жена унтеръ-офицера	уч-ца VII кл. Жученко
Мишка, слуга городничаго	уч-къ VI кл. Поповъ-Азотовъ
Слуга трактирный	уч-къ VII кл. Хитровъ

Гости и гости, купцы, просители.

Администраторъ В. И. Щучкинъ

Режиссеръ С. В. Возулинъ

Въ антрактахъ играетъ гимназическій оркестръ подъ управленіемъ В. П. Ковалевскаго

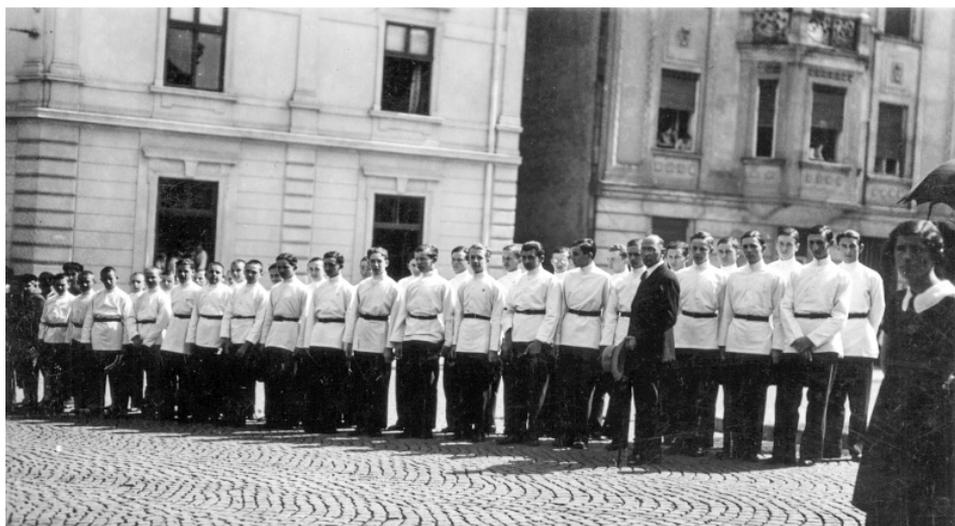
Начало точно въ 8 часовъ вечера

Послѣ поднятія занавѣсы просятъ публику въ заль не входить.

Цѣны мѣстамъ отъ 5 дин. до 30 дин. — Билеты продаются въ книжныхъ магазинахъ „Славянская Взаимность“ (Франкопанова 25), „Возрожденіе“ (Добринская ул. 12) и въ кассѣ Іеріа Интерната Гимназии (Новопазарская ул. 52).

6-й выпуск гимназии 1926 г. Сидят, слева направо: Божидар Томич, А.Л. Андреев, А.В. Соловьев, И.И. Тропина (?), М.И. Малинин, А.П. Хлюстина, Л.М. Сухотин, Л.В. Коленко, М.А. Георгиевский.

Делегация гимназистов с воспитателем И.Н. Лукиным на перенесении останков защитников Белграда в 1914 г., 29 апреля 1934 г.

Владимир Родзянко, ок. 1925 г.
Собрание семьи Родзянко, США.

Александр Глянецев. Белград, 1937 г.

Гимназија Краљева Сербии Београд Број сведка СВЕДОЧАНСТВО О ВИШЕМ ТЕЧАЈНОМ ИСПИТУ <u>Парфенов Игор</u> син <u>Игоря Парфенова</u> и жене му <u>Клавдије</u> рођен <u>4 јуна 1905</u> у <u>Владиковцу</u> округа <u>Будва</u> окре <u>Травничка</u> свршио је школске <u>1924 - 1925</u> године осми разред <u>Гимназије Краљева Сербии у Београду</u> и положио <u>први</u> аути виши течајни испити у времену од <u>13 јуна</u> до <u>23 јуна</u> <u>1925</u> године. Према успеху показаном на вишем течајном испити и годишњим оценама на најстаријем разреду, испитни му одбор излаже ово сведочанство: Чланови одбора: <u>Милич Миличевич</u>, <u>Милич Миличевич</u>, <u>Милич Миличевич</u>, <u>Милич Миличевич</u> Чланови одбора: Милич Миличевич, Милич Миличевич, Милич Миличевич, Милич Миличевич	Латински језик <u>8 (добра)</u> Српски језик с књижевном <u>8 (добра)</u> Немачки језик <u>8 (добра)</u> Француски језик Руски језик с књижевном <u>8 (добра)</u> Латински језик с књижевном <u>8 (добра)</u> Грчки језик с књижевном <u>8 (добра)</u> Историја народна и општа са <u>8 (добра)</u> Јестивостница <u>8 (добра)</u> Физика <u>8 (добра)</u> Математика <u>8 (добра)</u> Алгебра <u>8 (добра)</u> Геометрија <u>8 (добра)</u> Филозофски провађањима Историја Српског народа <u>8 (добра)</u> Владња Према горњем успеху припремљених испитних му одбор признаје вредности и стремности са факултета Училишта. Дат. Београд <u>16. јуна</u> 1925 <u>Београд</u> Председник одбора: <u>М. Милич</u> Чланови: <u>М. Милич</u>, <u>М. Милич</u>, <u>М. Милич</u>, <u>М. Милич</u> О Б Е Н Е За улазак: оцена (25), врло добро (24), добро (23), пожељно (22). За излазак: примерно (20), врло добро (21), добро (22), пожељно (23).

Атестат зрелости гимназиста Игора Парфёнова. Белград, 1925.
Собрание Милич Миличевича, Белград.

Библиотека Матице српске

1130320016

Л. М. СУХОТИНЪ.

Учебникъ Русской Исторіи

II

БЪЛГРАДЪ
1 9 2 7

Один из учебников истории А.В. Сухотина.
Фонд Библиотеки Матицы сербской, Нови Сад.

белградских гимназиях. В 1930 г. защитил докторскую диссертацию о языке поэта Петра Негоша. Редактор полного собрания сочинений П. Негоша (1935).

Жена Борислава, преподаватель.

ГАН (Ганн) Александр Рудольфович, 29.12.1888, Тифлис – ?.

Гимнастика с 01.09.1935 по 1941 г. в мужской гимназии.

Полковник, педагог.

Александр Рудольфович окончил кадетский корпус в Тифлисе, Военную академию в Киеве и Высшую офицерскую гимнастическую школу в Петербурге в 1913 г. Участник Гражданской войны на Юге России. Эвакуирован в 1920 г. из Севастополя в КСХС.

С ноября 1921 г. по 1 августа 1933 г. преподавал гимнастику в Донском Императора Александра III кадетском корпусе в Билече и Горажде, где заведовал так же и сапожной мастерской. Кадеты его запомнили как маленького и незаметного, скромного и доброго человека. После расформирования Донского корпуса Александр Рудольфович был переведён в кадетский корпус в Белую Церковь. Там он продолжил преподавать гимнастику и возглавил Кружок любителей сокольской гимнастики.

Во время Второй мировой войны Александр Рудольфович оставался в Белграде, где состоял на особом учёте немецких оккупационных властей. Дальнейшая его судьба не известна.

Жена Антонина Алексеевна Г., (ур. Вознесенская; ок. 1896 – 14/27.02.1942, Белград).

Сын Владимир, (1941 или ранее – после 1989). В эмиграции в США.

ГЕОРГИЕВСКАЯ Анастасия Спиридоновна, 1888, Плоцк, Царство Польское, Мазовецкое воеводство – 01.02.1977, Белград.

Русский язык с 03.09.1940 г. и, вероятно, до закрытия женской гимназии.

В 1920-е годы в провинциальном сербском городе Велики Бечкерек (позднее переименован в Петровград, а после Второй мировой войны – в Зренянин), расположенном в плодородной равнине на севере Сербии, обосновалась большая колония русских беженцев. Вскоре там были открыты русский детский сад и начальная школа. С 1927 по конец 30-х гг. А.С. Георгиевская в этой школе преподавала русский язык.

Перебравшись в Белград, она с 3 сентября 1940 г. и, вероятно, все годы оккупации города, преподавала русский язык в женской гимназии.

По окончании Второй мировой войны А.С. Георгиевская осталась жить в Югославии вместе с семьёй дочери.

Муж Александр Георгиевский.

Дочь Ирина Александровна Г., (28.10.1916, Киев – 29.08/10.09.1956, Белград).
В замужестве Крицкая.

ГЕРЦОГ (ур. Шпилёва) Вера Юрьевна, 30.09.1885, Санкт-Петербург – 15.08.1968, Вашингтон.

Рисование и чистописание с 01.07.1935 г. и до закрытия женской гимназии.

Педагог. Художник-любитель.

Вера Юрьевна окончила гимназию, высшие строительные курсы, Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица и Училище при Императорском обществе поощрения художеств в Петербурге.

Оказавшись в эмиграции в КСХС, она преподавала рисование и чистописание в Первой русско-сербской гимназии с общежитием в Велика Кикинде, Харьковском девичьем институте в Новом Бечее (1925–1932), Мариинском Донском девичьем институте в Белой Церкви (1932–1935). В 1935 г. переведена в столицу.

Вера Юрьевна выехала из Белграда в 1944 г. В январе 1946 г. вместе с сыном и его женой она находилась в беженском лагере «Чина-Чита» под Римом. В мае 1947 г. семья Герцогов находится еще в Болонье, а в 1948 г. они выезжают в Аргентину, в Буэнос-Айрес, где проживут до 1953 г.

В этом году сын Юрий был вызван на работу для НТС в Германию. Поехала ли в Европу Вера Юрьевна не известно. Однако, когда в 1963 г. сын с семьёй переехал в США, в Вашингтон, Вера Юрьевна жила там и продолжала свою преподавательскую деятельность.

Муж Алексей Владимирович Г., (1867, Белгород – 1927, Нови Бечей, КСХС).
Участник Белого движения. Офицер.

Сын Юрий Г., (11.05.1913, Санкт-Петербург – 27.04.1972, Вашингтон), гимназист, 10-й вып.

ГОРТЫНСКАЯ (ур. Чалеева) Вера Дмитриевна, 1901 – 01.05.1985, Белград.

Гимнастика и рисование в женской гимназии.

Педагог.

Вера Дмитриевна окончила женскую гимназию Туровича в Петербурге и Фребелевские курсы ритмической и шведской гимнастики при Педагогическом институте в Киеве.

Эмигрировала в КСХС в 1920 г. вместе с матерью. Преподавала гимнастику в русских школах Королевства: в Нови Саде, Земуне и в Белграде, где вела гимна-

стику в русской женской гимназии Всероссийского Союза городов (ВСГ). После ее закрытия в 1930 г. Вера Дмитриевна была приглашена вести гимнастику в 1-й русско-сербской женской гимназии.

В. Гортынская училась на философском ф-те Белградского ун-та. Одновременно она создала первую в Белграде школу детского балета. Некоторое время держала свою школу танцев, в которой обучала пластике, ритму и классическим бальным танцам.

Муж (с 1929 г.): Михаил Михайлович Г., (07.04.1902, Киев – 1939, Белград). Гимназист, 1-й вып.

Дети: Дмитрий (род. 1931, Белград), Михаил (род. 1934, Белград), проживает в США. Внук Борис Михайлович Г., (род. 1954, Белград), сценарист, режиссер, кинооператор.

ДАВИДЕНКО Сергей Фёдорович, 18.07.1882, Москва – 11.10.1966, Нью-Йорк.

Пение в женской гимназии в 1936–1938 гг. Регент гимназического хора.

Воспитатель в мужской гимназии в начале 1930-х гг.

Инженер, композитор, регент, педагог.

Сергей Фёдорович окончил Московский институт инженеров путей сообщения и курс Московской консерватории по классу композиции. Работал на железной дороге в Москве, одновременно проходил курс по холодильному делу. Во время Великой войны заведовал передвижением санитарных поездов при Ставке Верховного главнокомандующего. Участник Белого движения.

С. Давиденко был эвакуирован в декабре 1919 г. из Одессы в Королевство СХС. До 1939 г. жил в Земуне и работал по специальности. В Белграде получил два патента: на холодильники с сухим льдом и на пустотелые кирпичи. В начале 1930-х гг. участвовал в постройке Русского дома имени Императора Николая II в Белграде. В женской гимназии в 1936–1938 гг. преподавал пение и был регентом церковного хора гимназисток при домовом храме Покрова Пресвятыне Богородицы.

В конце 1930-х гг. играл на альти в симфоническом оркестре Белградского радио.

По окончании Второй мировой войны Сергей Фёдорович с супругой переехал в США. Наряду с выполнением технических работ в течение 17-ти лет был первым альтистом в оркестре Квинс Колледжа.

Жена Мария Исааковна Д., (ур. Шевелёва; 17.07.1901, Баку – 07.09.1978, Нью-Йорк).

ДЕРБЕК Владимир Альбертович, 05.10.1868, Санкт-Петербург – после 1940 г., Югославия.

Гигиена в мужской и женской гимназиях с 1930 по 1934 г.

Врач в обеих гимназиях до 1940 г.

Военный врач-отоларинголог. Статский советник.

Владимир Альбертович окончил училище при евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны в Санкт-Петербурге в 1886-м и Военно-медицинскую академию в 1890 г. Младший врач в 25-й артиллерийской бригаде. Служил в Приамурском военном округе (1900–1901). Вернувшись в Петербург, состоял в должности ординатора в Клинике при Военно-медицинской академии. Доктор медицины с 1902 г. Позднее служил младшим врачом в 1-м кадетском корпусе в Москве и старшим врачом в Полтавском кадетском корпусе. Участник Белого движения в той же должности. С 1919 г. во Владикавказском кадетском корпусе.

В эмиграции в Королевстве СХС с 1920 г. Уже с 1-го сентября и в течение девяти лет служил врачом в Крымском кадетском корпусе до его расформирования. Переехав в столицу, Владимир Альбертович состоял с 1930 по 1937 г. врачом-специалистом в поликлинике Российского общества Красного Креста.

Брат Фридрих Альбертович Д., (1871 – ?). Коллежский советник, морской врач. В белых войсках Восточного фронта.

Жена Ядвига Д., (? – до 1965).

Дочь Ольга. Участница Белого движения. Сестра милосердия Крымского кадетского корпуса в 1923 г. В эмиграции в КСХС.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Борис Михайлович, 20.05.1895, Рига – ?, Белград.

Пение 1925–1928 гг. в смешанной гимназии и в 1931–1936 гг. – в мужской гимназии.

Педагог, композитор духовных сочинений, регент церковного хора гимназистов.

Б.М. Добровольский окончил Училище правоведения в 1908 г. В то же время проявлял большой интерес к музыке. Коллежский асессор, служил чиновником Министерства земледелия в Петербурге. Участник Великой войны и Белого движения. Офицер. Эвакуирован с семьей с Юга России в КСХС, поселился в Белграде, где много лет управлял русскими и сербскими хоровыми коллективами. Одновременно или поочередно это были: Певческое общество «Станкович», русский студенческий хор, Сербско-еврейское певческое общество, хор Белградской оперы, (где он работал и репетитором), хор при храме Св. Александра Невского, хор при храме Св. Николая. В Институте музыкознания Сербской Академии наук и искусств хранится ряд его духовных сочинений, изданных музыкальным обществом «Станкович» в 1925–1926 гг.

Одновременно с преподаванием в гимназии Борис Михайлович был и регентом хора учеников Русской начальной школы в Белграде.

Б.М. Добровольский принял югославское гражданство. По окончании Второй мировой войны остался в Югославии, но его деятельность в это время неизвестна.

Жена Александра Д., (ур. Величко; 05.12.1890, Санкт-Петербург – ?).

Дети: Георгий (10.05.1911, Санкт-Петербург – ?), Владимир (январь 1913, Санкт-Петербург – ?).

ЕВРЕИНОВ Владимир Алексеевич, 17/29.08.1887, с. Борщень, Судженский уезд Курской губ. – 03.12.1967, Париж.

Естествознание и география с 1920 по 1923 г.

Ученый биолог, помолог (специалист по яблокам), общественный деятель, педагог.

Отец Владимира был юристом. Владимир Евреинов окончил физико-математический ф-т Петербургского ун-та в 1913 г. и до 1917 г. служил в Курском уездном и губернском земствах. Позднее был принят ассистентом в Университет Св. Владимира в Киеве. Почетный мировой судья и предводитель дворянства в Судженском уезде.

После февраля 1917 г. В.А. Евреинов – комиссар Временного правительства Курска, в августе 1917 г. – член Московского государственного совещания. Магистр естественных наук (1919). Эвакуирован с женой из Одессы 01.03.1920 г. Короткое время жил в Константинополе, затем в Болгарии. Однако, уже 17 апреля того же года зарегистрирован в г. Чуприя, КСХС.¹

Один из основателей русского скаутского движения в КСХС. В ноябре 1920 г., после решения о выходе общества «Русский скаут» из подчинения Константинопольской организации русских скаутов был избран командующим дружиной скаутов в КСХС. С января 1921 г. Владимир Алексеевич – начальник организации. Одновременно состоял помощником особоуполномоченного Всероссийского союза городов (ВСГ).

В 1923 г. В.А. Евреинов переехал на жительство в Прагу, где читал курс по плодоводству в Русском институте сельскохозяйственной корпорации. Защитил докторскую диссертацию по помологии в Карловом ун-те в 1926 г. В 1928 г. В.А. Евреинов переехал во Францию, где стал директором частного имения, затем руководил питомниками в районе Тулузы по выращиванию персиков. С 1946 г. до выхода на пенсию – профессор Высшей агрономической школы в Тулузе.

Автор научных работ по сортам яблок, ягод, плодоводству и садоводству. Имеет награды Французской сельскохозяйственной академии.

1 ГА РФ, ф. 5982, оп. 1, д. 177, л. 58/об.

Брат Дмитрий Алексеевич Е., в эмиграции в КСХС с 09.04.1920 г.
Жена Кира Дмитриевна Е.

ЕЛАЧА Стеван, 14.01.1880, Зрманья, близ города Книн, Хорватия – 12.07.1939, Белград.

Сербский язык с 1923 по 1930 г.

Филолог, литературовед, поэт.

Стеван родился в семье военного чиновника. Он окончил классическую гимназию в 1900 г. и философский ф-т Загребского ун-та, отделение славистики с классической филологией в 1904-м. Следующие три года преподавал сербский язык в Сербской учительской школе в Карловаце (Хорватия). Из-за националистических распрей Стеван Елача в 1913 г. был вынужден эмигрировать из Австро-Венгрии, в состав которой входила тогда Хорватия, в Королевство Сербия. Еще один год, до начала Великой войны, он преподавал в гимназии в Скопье. Когда началась война, он вступил в армию вольноопределяющимся и вошел в состав Военной миссии Сербии в США (1918–1919). Вернувшись в новую страну, Королевство СХС, С. Елача снова преподает: в 3-й мужской гимназии в Белграде (1920–1935) и одновременно в «плетнёвской» гимназии. Позднее он директорствовал в гимназии в Белой Церкви (1935–1938).

Стеван Елача писал стихи, рассказы, литературоведческие труды, состоял редактором газеты «Народ» (1921–1923) и редактором собраний сочинений югославских писателей.

ИЗМАЙЛОВ Николай Александрович («Комета»), ? – 1980-е годы, Скопье.

Природоведение, география, химия и космография с июля 1935 до закрытия в 1944 г. в мужской гимназии.

Педагог, геолог.

Николай Александрович окончил духовную семинарию в Новгороде и отделение естественных наук физико-математического ф-та Харьковского ун-та.

Оказавшись в КСХС, с начала 1920-х гг. преподавал ряд предметов в Первой русско-сербской девичьей гимназии с общежитием в Велика Кикинде, до ее закрытия в 1931 г., а затем преподавал в сербской гимназии в Новом Бечее.

С июля 1935 г. Измайлов учительствовал в мужской гимназии в Белграде. С октября 1937 г. он руководил гимназическим «Обществом любителей природы». Помимо выездов на природу с целью сбора коллекционных материалов, в Обществе устраивались лекции и показы документальных фильмов. Из воспоминаний гим-

назиста Александра Сутулова, у которого Николай Александрович был классным наставником:

Самым близким для нас человеком был наш классный наставник Николай Александрович Измайлов. Это был человек лет пятидесяти, еще очень свежий и бодрый, естественник по образованию. Приехал он к нам из Мариинского Донского девичьего института и в гимназии был первый год, как и мы. Это был в высшей степени добродушный и деликатный человек, относившийся к нам с отеческой заботливостью и вниманием, любивший нас и интересовавшийся каждым из нас. Мы это как-то сразу оценили и очень полюбили его. Преподавал он нам природоведение, а впоследствии химию, космографию, геологию и географию. Своими предметами он очень увлекался, преподавал прекрасно и старался свои знания передать нам в наиболее интересной и приемлемой для нас форме. Старшие классы, сразу подметившие стремительность движений в его объяснениях и попытку наглядно представить движение планет, назвали его «Кометой». С тех пор для всей гимназии и для нас Николай Александрович стал «кометой». Он знал, что его так зовут, и не обижался. Бывало, войдет в класс, еще не совсем успокоившийся и с улыбкой говорит дежурному: «Чего же ты, махальщик, не кричишь «Жесть!» (это у нас был знак о приближении начальства) ведь вот же Комета идёт». Мы, конечно, были страшно довольны таким замечанием и смеялись от всего сердца.¹

По окончании Второй мировой войны Н.А. Измайлов остался в Югославии. В 1950–60-е гг. он работал в Геологическом институте Македонии в Скопье, часто ездил в командировки, обследовал юг страны. Самостоятельно или в соавторстве публиковал научные труды по геологии республики Македонии и области Косово – о Тиквешском угольном бассейне, о железорудном бассейне Македонии и о её тектонике и др.

ИЛИЧ Драголюб, 04.08.1888, с. Дубле, область Мачва, Сербия – 14.04.1972, Белград.
Сербский язык и литература с 1922 по 1940 г. в смешанной и мужской гимназиях.
Педагог, публицист.

Драголюб окончил 1-ю белградскую гимназию в 1906 г. и отделение югославской литературы философского ф-та Белградского ун-та в 1911-м.

Драголюб Иличу пришлось участвовать в трёх войнах подряд: в 1-й и 2-й балканских и в Великой войне. Он дослужился до чина пехотного подполковника, став при этом инвалидом. Получил Золотую медаль за храбрость (1912), Орден Белого орла 5-й ст. с мечами, а за гражданские заслуги – Орден Св. Саввы 4-й ст. (1938).

¹ Александр Сутулов окончил мужскую гимназию в 23-м выпуске 1943 г.

Д. Илич преподавал в духовных семинариях в Белграде (1920) и в Сремски Карловцах (1921), 3-й мужской гимназии в Белграде (1922). Служил директором 2-й мужской реальной гимназии в Белграде, гимназии в городе Валево (1940). В годы Второй мировой войны Министерство просвещения назначило Д. Илича инспектором учебных заведений в Сербии (1941). По окончании войны Д. Илич – преподаватель 4-й мужской и женской гимназий в Белграде (1945), до выхода на пенсию в 1946 г. Отлично владел русским, французским и немецким языками.

Он проявил себя и в публицистике, писал об эволюции взглядов М. Горького, некоторые разделы книги «Современная Россия».

Как преподаватель «национальных предметов» дольше всех сербских педагогов вел занятия в «плетнёвской» гимназией.

... десять лет наш старый товарищ по работе в гимназии Драголюб Иванович Илич, в качестве преподавателя и сербского секретаря гимназии, является нашим посредником в сношениях с сербскими учреждениями. Все трудные минуты гимназия находит в нём верного советника, доброжелательного ходатая.¹

Отец Йован И.

Жена (с 07.06.1920): Наталия Адриановна И. (ур. Крюкова; 21.03.1885, Москва – ?), преподавательница вокала в Музыкальной школе «Мокраяц» в Белграде.

Дочь Грлица, (род. 25.02.1921, Белград).

КАЛАНТАРОВ (Каландаров) Георгий Сергеевич, 03.07.1875, Санкт-Петербург – 07.03.1942, Нормандия, Франция.

Юрист, писатель, преподаватель.

География. В 1923/24 учебном году.

Фамилия Калантаров имеет армянские корни. Георгий Сергеевич окончил естественный ф-т Петербургского ун-та. Сдал экзамен на юриста и служил юрисконсультантом при Совете министров по вопросам федеративного права. Во время Великой войны был переводчиком при Генеральном штабе. Участник Белого движения. Первопоходник. Эвакуирован из Новороссийска и, через Салоники, прибыл в Королевство СХС, в местечко Враньска-Баня. Летом 1920 г. возвратился в Крым в Русскую армию. После новой эвакуации, осенью 1920 г., обосновался сначала в Герцеговине, а позднее в Белграде.

В 1927 г. Георгий Сергеевич переехал во Францию, в Париж, а с 1929 г. жил в деревне в Нормандии. Там он трагически погиб – был сбит автомобилем.

¹ Воспоминания директора гимназии И.М. Малинина. «Памятка» 1986 г. С. 17.

Под псевдонимом «Егор Корвейский» Г. Калантаров публиковал рассказы в журналах. Посмертно была опубликована его поэма «Пров: De Hominis Nature» (Париж, 1947).

Жена Клавдия Ивановна К., (1878 – ?)

Дети: Дмитрий, (14.07.1903, Санкт-Петербург– ?), окончил электро-механическое отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1929 г.; Екатерина, (1905 – ?).

КОВАЛЕВСКИЙ Василий Павлович, ? – 19.02.1960, Лос-Анджелес.

Гимнастика с 15.09.1924 г. по декабрь 1929 г.

Воспитатель в мужском интернате.

Оказавшись в эмиграции в КСХС, Василий Ковалевский записался студентом в Высшую коммерческую академию в Белграде. Одновременно, с 1-го марта 1923 г. начал работать чертёжником при Городском управлении Белграда.

В.П. Ковалевский преподавал в гимназии и одновременно «воспитывал» учеников в интернате. Там он создал оркестр струнных инструментов и учил гимназистов на них играть.

Вероятно, в сентябре 1944 г. В. Ковалевский покинул Белград, а позднее, побывав в одном из беженских лагерей в Европе, перебрался в США.

КОЖИН Владимир Николаевич («Бультдог»), 14/27.12.1885, Санкт-Петербург – январь 1945, Белая Церковь.

Немецкий язык и государственное право в женской гимназии с осени 1930 по 07.07.1932 г.

Владимир Николаевич окончил курсы немецкого языка при Берлинском ун-те и юридический ф-т Петербургского ун-та в 1910 г.

Эвакуирован в КСХС. В Белграде в Русской прогимназии Всероссийского союза городов (ВСГ) преподавал немецкий язык.

С осени 1932 г. перешёл в кадетский корпус в Белой Церкви, в котором оставался до эвакуации корпуса осенью 1944 г.

Владимир Николаевич остался в городе и разделил печальную судьбу русской колонии Белой Церкви – был арестован и заключён в импровизированную тюрьму. Примерно 50 русских эмигрантов были расстреляны коммунистами где-то у дороги из Белой Церкви в г. Вршац.

КОЛЕНКО Леонид Васильевич («Лёнька»), 1878 – 15.01.1960, Белград.

Математика, физика и черчение с 1922 по 1944 г. в смешанной и мужской гимназиях. **Математика** в женской гимназии с сентября 1930 по июнь 1935 г.

ЩУЦКАЯ Евгения Витальевна, 1893 – 26.02.1973, Белград.

Немецкий язык с осени 1932 по июнь 1936 г. в женской гимназии, с 1936 по 1944 г. – в мужской.

Леонид Васильевич – один из немногих преподавателей гимназии, который работал в ней почти с самого момента открытия, а всего – двадцать два года. Среди гимназистов слыл добрейшей души человеком.

Уже будучи в эмиграции, он женился на Евгении Витальевне Щуцкой, преподавательнице немецкого языка в Харьковском девичьем институте в Нови Бечее (1921–1932), до его закрытия. В 1932 г. она была переведена в Белград. В 1-м браке Евгения Васильевна была за полковником Петром Михайловичем Щуцким (Щуцкой), (? – 04.05.1927, Нови Бечей, КСХС).

По окончании Второй мировой войны Леонид Васильевич вместе с женой остались в Югославии. Об их жизни в эти годы сведений нет.

КОМАРОВА Наталия Владимировна (Бердникова, Амосова), 04.02.1914, Киев – 1989, Австралия.

Латинский язык.

Выпускница гимназии 1933 г. Биографию Натальи Владимировны см. в этом выпуске.

КУЗЬМЕНКО (Кузменко) Андрей Николаевич, 17.10.1894, Херсон – 31.08.1962, Торонто, Канада.

Музыка, хоровое пение в женской гимназии до закрытия гимназии в 1944 г.

Первые годы жизни в эмиграции Андрей Николаевич преподавал пение и был регентом в Первой русско-сербской девичьей гимназии с общежитием в г. Велика Кикинда. В 1924 г. он переехал в Белград, где некоторое время был регентом церковного хора при Русском храме Св. Троицы. В гимназии преподавал пение и руководил смешанным и девичьим хором при гимназическом домовом храме.

До прихода советских войск в Белград, в сентябре 1944 г., Андрей Николаевич покинул с семьёй пределы Югославии, устроившись на службу в Берлине, позднее обосновался в Чехословакии: Карловы Вары и Марианске-Лазне. В 1949 г. после прихода к власти коммунистов, семья Кузьменко вынужденно покинула Чехословакию и, прожив некоторое время в беженском лагере в Неаполе, с помощью друзей переехала в Торонто.

Жена Анна Константиновна К., (ур. Стефанская; 1904, Могилёв-Подольский, ныне Украина – 01.04.2000, Торонто). Окончила Харьковский девичий институт в Нови Бечее в 1923 г.

Дочь Светлана, (27.11.1926, Стари Бечей– ?), гимназистка, «Не окончившие гимназисты», см.

ЛЕВИЦКАЯ (ур. Божкова) Мария Х., 21.01.1881, Тифлис – ?.

Рукоделие с 04.10.1926 по 05.09.1935 г.

Жена директора гимназии В.С. Левицкого.

ЛОСЕВ Марк Николаевич, 29.05.1871, Санкт-Петербург – 18.11/01.12.1941, Белград.

История с 1935 г. в женской гимназии.

Военный юрист, полковник.

Марк Николаевич окончил с отличием все учебные заведения, где он учился: 2-й кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Александровскую Военно-юридическую академию (1899), куда немного позднее поступит будущий создатель гимназии В.Д. Плетнёв. С 1900 г. М. Лосев состоял и. д. столоначальника Главного военно-судного управления, откуда был переведен в Отдельный корпус пограничной стражи в 1901 г. Полковник (1908). Удостоен орденов: Св. Анны 3-й и 2-й ст., Св. Станислава 2-й ст., Св. Владимира 4-й ст. Эвакуирован в Королевство СХС с Юга России.

Преподаватель истории и географии в Мариинском донском девичьем институте в Белой Церкви, а в 1935 г. пришёл в гимназию в Белграде.

Жена София Л., (ур. Лесиг или Лессиг; 07.01.1873, Смоленск– ?).

Сын Всеволод (? – 02 или 03.02.1973, Аргентина), участник Белого движения. В эмиграции окончил Николаевское кавалерийское училище в Белой Церкви. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Аргентине. Член Правления и секретарь Союза Императорской кавалерии и конной артиллерии. Был женат.

ЛУКИНА Анна Ивановна, 1893 – ?.

Математика с 1930 по 1944 г. в женской гимназии. 1931/32 учебный год – в мужской гимназии.

Анна Лукина окончила семиклассную гимназию в Бобруйске и дополнительный 8-й педагогический класс (отделение математики) в Риге. В Киеве она окончила физико-математическое отделение Высших женских курсов.

Преподавала математику в гражданском училище в Киеве (1915–1919).

Эвакуирована в Королевство СХС. До 1925 г. Анна Ивановна преподавала математику в Русской гимназии Всероссийского союза городов (ВСГ) в Поновиче-Храстоваце (Словения), до лета 1928 г. – в Мариинском донском девичьем институте в Белой Церкви, после чего была переведена в Русскую женскую гимназию Всероссийского Союза городов в Белграде.

МАКСУТОВ Иван Иванович, князь, 29.10.1883 – 06.10.1981, Лозанна.

Гимнастика с 1920 по 1922 г.

Иван Иванович происходил из татарского княжеского рода. Он окончил 3-й Московский Императора Александра II кадетский корпус и Александровское военное училище (1909), откуда был выпущен поручиком в лейб-гвардии Гренадерский полк. Учился в Генерального штаба Николаевской военной академии. В составе этого полка Иван Максutow вступил в Великую войну. Высочайшим приказом от 5 февраля 1916 г. был удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени. Произведён в полковники. Участник Белого движения. В начале 1920 г. эвакуирован из Новоросска в Константинополь на пароходе «Константин». С мая 1920 г. в КСХС.

Одновременно с преподаванием в гимназии основал в Белграде частную школу фехтования. Вёл фехтование в сербских военных училищах. Руководил стрелковыми курсами, в начале 1930-х годов организовал клуб планеристов.

И. Максutow служил в Русском Корпусе. С 10 октября 1941 г. – командир взвода 1-й юнкерской роты 1-го полка. С 14 апреля 1942 г. командовал ротой в том же полку. Затем в штабе Корпуса.

По окончании Второй мировой войны И.И. Максutow жил в Австрии, а затем в Швейцарии, где организовал местный отдел Объединения выпускников 3-го Московского Императора Александра II кадетского корпуса. Скончался на 98-м году жизни.

Жена Татьяна Васильевна М., (ур. Максимова, княгиня; ? – 01.02.1975, Лозанна).

МЕДЕНИЦА (ур. Джурич) Десанка, 31.03.1899, Шабац, Сербия – ?.

Сербский язык с 11.11.1940 по 1944 г. в женской гимназии.

Десанка окончила гимназию в родном городе Шабаце и отделение «Южнославянские литературы и языки» философского ф-та Белградского ун-та в 1930 г. Она преподавала в гимназиях Шабаца, Цетинье, но дольше всего – во 2-й мужской гимназии в Белграде (1930–1944). Одновременно вела уроки и в женской гимназии.

МИЛАНОВИЧ Бранислав Б., 28.09.1911, с. Макрешане близ г. Крушевац, Сербия – 1997, Белград.

Сербский язык два учебных года с 1936 г. в мужской и женской гимназиях.

Педагог, лингвист-диалектолог, профессор университета.

Бранислав окончил гимназию и группу сербского языка и югославских литератур философского ф-та Белградского ун-та в 1934 г. После сдачи «профессорского экзамена» в 1936 г. поступил на работу в Министерство просвещения. Одним из первых мест его работы были русско-сербские гимназии в Белграде. Молодого преподавателя Министерство вскоре направило на юг Сербии, в гимназии городов Велес и Крушевац. Во время Апрельской войны 1941 года Б. Миланович попал в плен к итальянцам, в 1943 г. ему удалось присоединиться к отряду итальянских партизан.

С августа 1945 г. Б. Миланович преподавал в гимназии в Аранджеловаце. Вступил в коммунистическую партию Югославии. В 1950 г. Миланович приглашен ассистентом на кафедре южнославянских языков философского ф-та Белградского ун-та, а затем стал профессором, но уже филологического ф-та.

МОЛЧАНОВ Пантелеймон Сергеевич («Пантелеймоша»), 14.01.1877, Владимирская губ. – ?

Русский язык. История. С 05.07.1935 по 03.09.1940 г. в младших классах женской гимназии. Далее до 1944 г. – в мужской гимназии.

Полковник. Педагог.

Пантелеймон Сергеевич кончил 2-ю мужскую гимназию в Москве, историко-филологический институт князя А.А. Безбородко в Нежине и двухлетние преподавательские курсы при Главном управлении военных училищ в Петербурге. С 1914 г. он преподавал в Одесском кадетском корпусе. Участник Белого движения. В составе Русского кадетского корпуса эвакуирован в КСХС. До 25 июня 1921 г. преподавал в нём русский язык. С 28 ноября 1921 по 1-е сентября 1929 г. вёл русский язык и литературу в Крымском кадетском корпусе в Белой Церкви одновременно в Мариинском донском девичьем институте (октябрь 1928 – июнь 1935 г.).

Любопытную подробность вспомнили бывшие кадеты-«крымчане». В те годы в корпусе почти не было учебников. П.С. Молчанов и второй педагог тех же предметов Ф.И. Миляшкевич готовили для своих учеников конспекты на папиросной бумаге. Разбирать их записи было подлинной мукой, но они очевидно спасали положение. Оба преподавателя были отличными чтецами и заменяли отсутствие книг исполнением в классах повестей и рассказов.

После объединения Русского и Крымского кадетских корпусов в Белой Церкви Пантелеймон Сергеевич оставался в корпусе до 1-го июля 1935 г.

Переехав в Белград, П. Молчанов начал вести уроки в женской гимназии.

МОРГОНОВ Сергей Александрович, 1885 – ?

Техническое черчение с 15 сентября 1925 г. по весну 1927 г.

Инженер-технолог.

Сергей Александрович окончил Технологический институт в Петербурге (в 1929 г. в Белграде нострифицировал свой диплом инженера). Участник Белого движения. Летом 1920 г. находился на о. Халки близ Константинополя. Вскоре переехал в Королевство СХС. С 1921 г. состоял членом Союза русских инженеров в Белграде.

Жена Маргарита Назарьевна М., (1893, Иркутск – 20.05.1928, Панчево).

Сын Сергей М., гимназист, 14-й вып.

МУХИНА (ур. Храповицкая) Анна Михайловна, 05.08.1899, Санкт-Петербург – 29.06.1979, Белград.

Химия, физика, природоведение и гигиена с осени 1930 по 07.07.1932 г. в женской гимназии.

Педагог, актриса.

Анна Михайловна с мужем и сыном выехала с Юга России в Королевство СХС. Семья обосновалась в Белграде. Уже через четыре года, в 1925 г., она окончила философский ф-т Белградского ун-та, что давало ей право преподавать в школах и гимназиях. Однако, любовь к театру и желание играть на сцене сблизили ее с русской художественной средой столицы. С 1926 по 1944 г. она играла в составе ряда театральных трупп, исполняя в их постановках и главные роли: в Белградском русском художественно-драматическом обществе, Театре русской драмы Ю. В. Ракитиной, Русской студии театрального искусства, Русском общедоступном драматическом театре, труппе Общества русских сценических деятелей в Сербии. Её сценическое имя было Анна Храповицкая.

Муж работал по специальности (в 1931 г. он нострифицировал свой российский диплом). Семья не нуждалась, в элитном районе города ими был построен или приобретён дом.

Два учебных года Анна Михайловна работала по специальности в женской гимназии.

Их сын, окончив университет в 1943 г., по свидетельству старожилов Белграда, оказался в партизанских отрядах и, вероятно, погиб. По окончании Второй мировой войны Мухины остались в Югославии. После кончины мужа, с 1951 г., Анна Михайловна читала лекции по русскому языку на филологическом ф-те Белградского ун-та. Выйдя на пенсию, стала давать частные уроки. Последние годы её опекала студентка из Черногории, которая снимала комнату у неё в доме.

Муж Борис Герасимович М., (28.04.1891, Смоленск – 07/20.11.1949, Белград), инженер-электромеханик. Окончил Электротехнический институт Императора Александра III в Петербурге.

Сын Александр, гимназист, 17-й вып.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Николай Николаевич, 20.09.1914, Петроград – 23.06.1945, Белград.

История и латынь в мужской гимназии с 20 сентября 1939 г. по 1944 г.

Историк. Педагог.

Николай Николаевич окончил Сорбонну не позднее весны 1934 г. Знал все основные европейские языки. Он прибыл в Белград, согласно полицейской регистрации, из Бельгии. Как вспоминает Георгий Мельников, выпускник гимназии 1935 г., он брал уроки латыни у Немировича-Данченко летом 1934 г., готовясь к поступлению в 8-й класс гимназии после увольнения из кадетского корпуса, где латынь не изучали. Экзамен бывший кадет выдержал успешно.

В первые годы пребывания в Королевстве СХС Николай Николаевич служил чиновником в Сербской Королевской Академии наук. С сентября 1939 г. он начал вести уроки в мужской гимназии.

В 1941 г. Н. Немирович-Данченко женился на сербке.

В годы оккупации Николай Николаевич состоял членом антифашистской подпольной организации Союз советских патриотов (ССП), созданного В. Лебедевым (4-й вып.), Ф. Высторопским (6-й вып.) и еще несколькими бывшими гимназистами.

НИКШИЧ Александр Григорьевич, ? – 14.03.1930, замок Вурберг, Словения.

Математика в младших классах. С 1921 по 1930 г.

Гимназист Александр Феттинг (13-й вып.) вспоминал:

Арифметику преподавал Алексей Григорьевич Никшич, русский-черногорец. Болел туберкулёзом, вечно кашлял. Если кто не умел правильно ответить, он

говорил «что же вы путаетесь в трех соснах? Ведь это так просто!» Мне было его жаль, т. к. он был очень болен. Потом он уехал в санаторию Вурберг в Словении. Я ему писал детские письма. Раз он прислал образец на картоне – Св. Николая Чудотворца и написал: «Вот молитесь Ему; меня скоро не станет». Этот образец я сохранил на всю жизнь. В кармане, среди бумаг. Пропал образец лишь в конце 2-й войны. Во время сильных бомбардировок я молился Святителю. Никшича похоронил католический священник в Вурберге т. к. православного там не было.¹

Жена: Лидия Александровна Н., (1892 – 4/17.01.1941, Белград).

ПАВСКАЯ (ур. Якимова) Надежда Владимировна, ок. 1866 – 16/29.03.1943, Белград.

Французский язык с 1923 по 1929 г. в смешанной гимназии, а затем два учебных года в мужской.

В 1920 г. семья Павских была эвакуирована из Новороссийска в Константинополь на пароходе «Константин». Вскоре они прибывают в Королевство СХС и останавливаются в Белграде, где Надежда Владимировна проживёт до своей кончины.

Муж Иван Владимирович П., (31.08.1870, Санкт-Петербург – 04.12.1948, лагерь перемещённых лиц Фишбек под Гамбургом), генерал-лейтенант. Участник Белого движения. Первопоходник. В эмиграции служил чиновником в Министерстве путей сообщения в Белграде.

Сын Иван, (14.12.1895, Санкт-Петербург – 28.12.1971, Гамбург), полковник. Окончил кадетский корпус (1913), Павловское военное училище (1914). Капитан л.-гв. Измайловского полка. Участник Великой войны и Белого движения. Воспитатель и преподаватель в Донском императора Александра III кадетском корпусе (1921–1926), затем – таксист в Белграде. В 1931 г. в Белграде вступил в ряды НТС. Во время Второй мировой войны служил в РОА. После 1945 г. в Германии. Содействовал защите русских, которым грозила насильственная репатриация в СССР.

ПОПОВИЧ Никола М.

География и история Югославии с 1920 по 1923 г. **Общая история** в мужской гимназии в 1940/1941 учебном году.

С 1929 по 1945 г. Никола Попович преподавал историю в престижной 3-й белградской мужской гимназии, расположенной в стильном здании на Негошевой

¹ «Памятка» 1986 г. С. 127.

улице, в котором с 1920 по 1923 г. в вечерние часы ютилась «плетнёвская» гимназия. Н. Попович взялся вести там уроки географии и истории Югославии.

Выпускник 3-й сербской гимназии, Владета Миланкович о своем преподавателе писал:

Он был незаурядной личностью и многое нам дал. Приучил к дисциплине, концентрации памяти, привил общую культуру. Холостяк. Среднего роста, полный, в очках с толстыми стеклами, хромал на одну ногу, ходил с палкой. Некрасив. Предыдущие поколения прозвали его «миссирской бабой», у нас он был «Ниджа». Всегда был безупречно одет. Имел свои постоянные места в кинотеатре «Колизей» и в Национальном театре. Изысканный господин с тонкими манерами. С нами бывал несдержанным и сварливым, но не злопамятным. Очень требовательный. Человек высокой культуры, часто заменял больных коллег, преподавал и немецкий, французский, географию.¹

ПРОКОФЬЕВ Всеволод Георгиевич, 20.11.1908, Оренбург – октябрь 1983, Ташкент, СССР.

История Югославии в мужской и женской гимназиях с 1933 по 1940 год.

Латинский язык в женской гимназии.

Историк. Преподаватель.

Всеволод Георгиевич окончил гимназию в 8-м выпуске. См. биографию в этом выпуске.

ПРОСКУРНИКОВ Павел Григорьевич, 22.03.1885, Харьков – 29.04.1973, Weesen, Швейцария.

Пение. Несколько лет, до 01.07.1935 г. в мужской гимназии.

Регент гимназических хоров, педагог. Архимандрит.

Отец Павла Георгиевича был священником. Сам он принял участие в Белом движении, будучи рядовым, вплоть до эвакуации Крыма и был эвакуирован с матерью и женой на транспорте «Ялта» в Константинополь. Вскоре Проскурниковы переехали в Королевство СХС, в Белград. Павел Григорьевич служил чиновником Государственной комиссии по делам русских беженцев. Принял югославское подданство.

В 1920-30-е годы – регент церковного хора при сербском храме Вознесения Пресв. Богородицы в Земуне (пригород Белграда) и в русском храме Св. Троицы.

¹ Сто година 3. београдске гимназије. Београд, 1991. С. 244.

Иподиакон Андрей Тарасьев, знавший лично Петра Проскурникова, рассказал:

У него был сравнительно небольшой хор, но исключительно из певчих профессионалов. Он был человеком весьма сдержанным, спокойным, и это отражалось на стиле пения его хора – безукоризненно точном, стилистически выдержанном, весьма умеренном в динамике. <... >

Когда в 1934 г. был закончен в районе Дединье дворец Карагеоргиевичей и при нём церковь Св. Андрея Первозванного (небесного покровителя этой королевской семьи), Проскурников со своим хором перешёл туда, где и оставался до начала войны и немецкой оккупации Сербии в апреле 1941 года.¹

В первые военные годы Павел Григорьевич руководил хорами гимназического храма Покрова Пресвятой Богородицы в Русском доме.

В 1944 г. он с женой покинул пределы Югославии и переехал на жительство в Швейцарию. В 1946 г. в Крестовоздвиженском храме в Женеве митрополит Анастасий (Грибановский) рукоположил его во иереи. Отец Павел был настоятелем Св. Троицкого храма в Берне (1946–1971), протоиерей (1951). После смерти жены пострижен 17 сентября 1961 года в монашество, наречён Петром; архимандрит с 21 октября 1961 года.

Жена Елена П., (ур. Пустовойтова; 14.03.1885, Сукаль – 1961, Берн).

РАДОВАНОВИЧ Воислав, 14.01.1894, с. Павлица, близ г. Рашка, Южная Сербия – 26.04.1957, Белград.

География Югославии с 1923 по 1925 г.

Этнограф, геоморфолог. Выдающийся сербский учёный XX века. Его научные работы и труды по истории культуры входят в сокровищницу югославской науки.

Воислав родился в семье учителя, стоявшего на социалистических позициях, из-за чего семья часто переезжала из села в село. Он окончил гимназию в Нише в 1912 г. Участник Великой войны, был тяжело ранен на фронте. Демобилизовавшись, Воислав записался на географическое отделение философского ф-та Белградского ун-та, которое окончил в 1921 г., и был направлен преподавателем немецкого языка в гимназию в Скопье. Профессор Й. Цвийич пригласил своего ученика, В. Радовановича, ассистентом в Институт географии в Белграде. Уже через три года после окончания университета Воислав Радованович защитил докторскую диссертацию. Следующие два года он служил преподавателем философского ф-та в Загребском ун-те, затем – экстраординарным и ординарным (с 1938 г.) профессором этнологии

¹ Тарасьев А., указ. соч. С. 471.

и этнографии философского ф-та в Скопье (при Белградском ун-те). В этом городе он состоял куратором, а затем и директором Национального музея.

В 1941 г. он с семьёй был вынужден бежать из Скопье, занятого болгарами, и годы оккупации Сербии они провели в Белграде. Две его дочери были коммунистками, сын в 1943 г. был отправлен в лагерь Маутхаузен.

По окончании Второй мировой войны В. Радованович был избран профессором антропогеографии на естественно-математическом ф-те и на кафедре этнологии философского ф-та Белградского ун-та. Член-корреспондент Сербской Королевской Академии наук (после войны – Сербской Академии наук и искусств), основатель и первый директор Института этнографии (1947).

Помимо большого числа научных работ, В. Радованович был автором учебников географии и атласов.

РУДЧЕНКО Петр Иванович, 1872 – 23.02/08.03.1931, Белград.

Политическая экономия. Русский язык с 1920 по 1923 г.

Экономист, педагог. Статский советник.

В Петербурге Петр Иванович служил в Министерстве финансов. Последняя должность – ревизор Департамента государственного казначейства. Преподаватель Киевского коммерческого института.

Участник Белого движения. В 1919 г. П. Рудченко эвакуирован с женой из Новороссийска в Константинополь на пароходе «Константин». Вскоре супруги прибыли в Королевство СХС. Пётр Иванович плыл на одном пароходе с В.Д. Плетьвым и стал одним из ближайших его помощников в деле создания гимназии.

В Белграде П. Рудченко состоял профессором ун-та, а так же советником югославского Министерства финансов. В соавторстве с сотрудниками министерства писал официальные отчёты и самостоятельные исследования – о состоянии и развитии сети железных дорог, государственном бюджете, сельском хозяйстве в КСХС и проч.

Жена Вера Александровна Р., (1875 – 1934, Белград).

САВИЦКИЙ Михаил Павлович, 18.02.1892 – 28.07.1963, Париж.

Гимнастика с 1922 по 15.09.1924 г.

Поручик 9-го Уланского полка. Участник Белого движения. Эвакуирован из Крыма в Галлиполи в составе 2-го Кавалерийского полка.

В первой половине 1920-х гг. Михаил Павлович жил в Белграде, затем переехал во Францию.

Николай Богатко (6-й вып.), ставший и сам впоследствии преподавателем гимнастики в родной гимназии, вспоминая о Михаиле Павловиче, назвал его «Душой гимназического спорта». Савицкий прекрасно знал многие виды спорта и теоретически, и практически, всюду и везде увлекая учеников личным примером. До своего отъезда Михаил Павлович успел организовать боксёрскую секцию, занятия гимнастикой и лёгкой атлетикой. В соревнованиях участвовали гимназисты всех классов.

САХНОВСКИЙ Григорий Григорьевич («Гри-гри»), 02.10.1891, Полтава – 19.03/01.04.1931, Белград.

Немецкий язык с 1920 по 1929 г. в смешанной гимназии и до своей кончины в мужской гимназии.

Юрист, педагог, поэт.

Григорий Григорьевич происходил из дворян Полтавской губернии. Он окончил в Киеве закрытое среднее учебное заведение, известное как «Коллегия Павла Галагана». Интересно, как в ст. 2 Устава Коллегии декларируется цель её работы: «Доставить некоторому числу молодых людей средства подготовительного образования к университету и способствовать развитию самостоятельного педагогического дела в России путём учебно-воспитательной практики».

Г.Г. Сахновский два года изучал математику, но затем избрал другую профессию и окончил юридический ф-т Московского ун-та. Он был оставлен на кафедре государственного права у проф. С.А. Котляревского для подготовки к профессорскому званию. Во время Великой войны работал в Обществе Красного Креста в отряде кн. П.Д. Долгорукова. В гражданскую войну вместе с доктором Д.С. Пасмаником редактировал газету в Ялте и работал в Комиссии по расследованию большевистских злодеяний.

Эвакуирован из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». В 1920 г. обосновался в Королевстве СХС, в Белграде. Г. Сахновский сотрудничал в ежедневной «Русской газете» (выходила в 1920 г.), состоял членом русского «Литературного кружка» (в 1927 г. избран его председателем) и с 1926 г. членом Союза русских писателей и журналистов в КСХС.

Почти 11 лет он посвятил обучению гимназистов немецкому языку, который многим из них весьма пригодился во взрослой жизни.

Автор научного труда «Кризис социалистической идеи» (Нови Сад, 1927). Туберкулёз легких в конце концов свёл Григория Григорьевича в могилу. В последние годы он писал лирические стихи под псевдонимом «Гр. Наленч».

Жена Надежда Владимировна С., (1897 – 01.04.1964, США). После смерти мужа вдова опубликовала его поэтическое наследие 1928–1931 годов в сборнике «Стихи», Париж, 1932.

Приводим одно из последних стихотворений Г.Г. Сахновского:

Мне шепчет память: «Я прилягу
В тени летейской отдохнуть.
Дней ускользающую влагу
К первоистоку не вернуть».

Да, знаю, – яростью не брызнет
Раскрепощённая струя;
И поглощает волны жизни
Сухой песок небытия.

И только иногда певучий,
Жестокий пробегает ток:
На тёмной и тяжёлой туче,
Безумствуя, дрожит цветок.

Неистовый, самозабвенный,
Над пеплом плавится закат.
В крови холодной и растленной
Бушуют зори и звенят.

Любимые глаза и губы
Впиваются, как иглы, в плоть. . .
Но луч земной и слишком грубый
Не может тени побороть.

СЕВРЮГИНА (ур. Сировт) Анастасия Александровна («Анастаська», «Бама»),
1889 – 1966, Буэнос-Айрес.

Русский язык с 1930 по 1944 г. в младших классах женской гимназии.

Анастасия Александровна окончила гимназию в Самаре и историко-филологическое отделение Высших женских курсов в Москве. Преподавала в гимназии в Кунгуре, Пермской губ. (1912–1914) и в начальной школе в Москве (1915–1918).

Эмигрировала в Королевство СХС. С 1920 г. Анастасия Севрюгина работала педагогом в русских учебных заведениях: в белградской Русско-сербской женской гимназии Всероссийского союза городов (ВСГ) преподавала историю и географию (1925–1929), а с 1930 года начала вести уроки в женской гимназии.

Перед приходом Красной армии в Белград осенью 1944 г. Анастасия Александровна покинула Югославию и после войны из лагеря для перемещённых лиц в Германии перебралась в Аргентину.

СКУБАЧЕВСКАЯ Нина Константиновна, 03.01.1898, Харьковская губ. – 28.12.1943/10.01.1944, Белград.

Немецкий язык с 1-го июля 1935 по 1943 г. в женской гимназии, а в некоторые учебные годы и в мужской гимназии.

Нина Константиновна происходила из потомственных дворян Харьковской губернии. Она окончила немецкую гимназию в Харькове и Высшую школу иностранных языков им. Демидова в Петербурге.

Эвакуирована с мужем в феврале 1920 г. из Одессы в Салоники на корабле «Рио-Пардо». С мая 1920 г. супруги находятся в Королевстве СХС. Нина Константиновна преподавала немецкий язык в Первой русско-сербской девичьей гимназии с общежитием в г. Велика Кикинда (1921–1931), в Харьковском девичьем институте в Нови Бечее (1931–1932) и Мариинском Донском девичьем институте в Белой Церкви (1932–1935). С переездом в Белград Нина Константиновна пришла в женскую гимназию.

Муж Николай Петрович С., (1886, Харьковская губ. – ?), подпоручик.

СЛАТИН Илья Ильич, 1888, Харьков – ?, Германия.

Музыка и пение с 1929 по 1931 г. в мужской гимназии.

Пианист, дирижер, композитор, педагог.

Участник Белого движения до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий Князь Александр Михайлович». Член известного в Белграде «Трио Слатин». После 1945 г. семья в Германии, где Илья Ильич вместе с супругой продолжил концертную деятельность.

Отец Илья Ильич С., (07/19.07.1845, Белгород – 13.04.1931, Харьков), выдающийся дирижер, пианист и педагог, основатель Харьковского отделения Русского музыкального общества.

Братья: Владимир, (01.09.1889, Харьков – 22.06.1947, Белград), скрипач и Александр, виолончелист.

Жена София Николаевна С., (ур. Давыдова; 1890 – ?). Певица (сопрано).

Дочь Надежда, (1915, Россия– ?), гимназистка, «Не окончившие гимназисты», см.

СОРОКИН Пётр Александрович, 06.01.1876, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина – 26.11.1969, Панчево.

Математика с 1920 по 1922 г.

В России Петр Александрович служил преподавателем Суворовского кадетского корпуса в Варшаве, который с началом Великой войны был переведён в Москву.

В мае 1920 г. П.А. Сорокин находился в Королевстве СХС, в Белграде. В июне 1937 г. Пётр Александрович переехал на постоянное жительство в Панчево. Сохранил российское гражданство. Был холост. По окончании Второй мировой войны остался в Югославии. О дальнейшей его жизни сведений нет.

СТАНИЧ Милия П., 15.01.1909, с. Баре, Шавник, Черногория – после 1979, Белград.
Сербский язык в мужской гимназии с 1939 года и в военные годы.

Лингвист, специализировался по сербскому языку.

Милия окончил гимназию в г. Плевле в 1929 г. и отделение южнославянских литератур и языков философского ф-та Белградского ун-та в 1933-м. С 1934 г. он преподавал во 2-й мужской гимназии в Белграде. М. Станич переводил художественную литературу с французского языка, писал стихи и прозу, написал школьный учебник грамматики сербскохорватского языка. Состоял редактором ряда журналов.

После Второй мировой войны продолжил педагогическую деятельность в гимназиях и в Военном училище в Белграде, преподавал в педагогических школах и институтах в Сербии и Черногории. Последнее место работы – Институт сербскохорватского языка при Сербской Академии наук и искусств. Автор многих книг и исследований. Вышел на пенсию в 1976 г.

ТАРАСОВ Климент Захарович, 1891 – 10.05.1967, Париж.

Гимнастика. Мужская гимназия в военные годы.

Военный лётчик-наблюдатель.

Окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков в 1917 г. Участник Белого движения. Первопоходник. В 1919–1920 годы состоял во 2-м авиапарке. Эвакуирован в КСХС. В 1922–1923 годы жил в г. Нови-Врбас, где был членом отдела Общества русских офицеров. Вероятно, вскоре переехал в Белград.

По окончании Второй мировой войны обосновался во Франции, где был членом Союза русских летчиков. Был женат.

Дочери Вероника, (род. ок. 1923) и Александра, (ок. 1925 – 08/21.05.1945, Белград), обе учились в гимназии, «Не окончившие гимназисты» см.

ТИЗЕНГАУЗЕН Борис Михайлович, барон, 22.05.1881, Рига – 13.03.1975, США.

Математика и физика в мужской гимназии с 1931 по 1941 г. (по другим сведениям, до 1936 г.).

Физика (?) и **математика** в женской гимназии в военные годы.

Принадлежит к старинному немецко-балтийскому графскому и баронскому роду, который поселился в Ливонии в XIII в.

Участник Великой войны. Согласно сообщению, опубликованному в газете «Русское слово» от 14 апреля 1915 года, прапорщик барон Борис Михайлович Тизенгаузен прибыл в Херсон на излечение.

Эвакуирован с женой и сыном в Королевство СХС, вероятно, на одном из кораблей, который в конце 1920 года причалил в Которской бухте, так как на положении «контрактного начинающего преподавателя» с 1921/22 по 1927/28 учебный год преподавал математику в Реальной гимназии черногорского города Даниловград. В следующем учебном году вёл математику и физику в Реальной смешанной гимназии города Ягодина (Сербия).

С 1-го ноября 1930 по 1-ое сентября 1931 г. вёл те же предметы в кадетском корпусе в Белой Церкви, а затем переехал в Белград, где до 1941 г. преподавал математику и физику в мужской и женской гимназиях.

Георгий Мельников, (15-й вып.), посвятил педагогу такие строки:

Поведение во время уроков было самое образцовое и вежливое по отношению к преподавателям и к классному воспитателю, Б. Тизенгаузену. Он не убеждал, не угрожал, а говорил спокойно и этого было достаточно. Мы чувствовали, что он нас если и не любил, то считал взрослыми, готовыми идти в высшие учебные заведения. Б. Тизенгаузен и выглядел настоящим немецким аристократом. Он в гимназии, а И.Н. Лукин в гимназическом интернате, были высоко квалифицированными воспитателями, следя только за тем, чтобы всё было по правилам, не вмешиваясь в детали и в личную жизнь.¹

По окончании Второй мировой войны Борис Михайлович переехал в США и обосновался в Калифорнии.

Сын от 1-го брака: Дмитрий Т., (08.11.1912, Херсон – ?), гимназист, 11-й вып. Инженер-строитель.

1 «Памятка» 1986 г. С. 152.

2-й брак (с 1933 г., Белград): Нина Т., (ур. Марченко; 29.01.1894, Херсон – ?).
3-й брак: Елена Саввовна Т., (29.01.1891 – 28.11.1975, Сан-Франциско).

ТРОПИНА (ур. Сидорина) Ирина Ильинична, 31.03.1885, Новочеркасск, Область Войска Донского – ?

Русский язык с 1923 по 1933 г.

Педагог.

Ирина окончила женскую гимназию в 1901 г. и прослушала 7 семестров философского ф-та на Высших женских (Бестужевских) курсах. После сдачи государственного экзамена на преподавателя средних учебных заведений Ирина Ильинична с 1913 г. заведовала начальной школой.

Участница Белого движения. После гибели мужа эвакуирована с дочерью 22 февраля 1920 г. из Новороссийска в Египет (Александрия) на корабле «Саратов». Позднее оказалась в Королевстве СХС.

С февраля 1921 г. И. Тропина вела уроки в Русской начальной школе в Белграде, а затем была командирована преподавательницей в Русскую реальную гимназию «Поновиче», на север страны, в Словению. В 1923 г. Ирина Ильинична вернулась в Белград и десять лет преподавала в гимназии, а затем учительствовала в столичной Русской начальной школе (1933–1938).

Муж Борис Тропин, капитан артиллерии 1-го кл., погиб во время гражданской войны.

Дочь Ольга Борисовна Т., (17.04.1909– ?), гимназистка, 8-й вып.

ХЛЮСТИНА (ур. Сверчевская) Александра Павловна, ? – 07.04.1972, Руан, Франция.

Французский язык с 1923 по 1929 г. в смешанной гимназии, затем в мужской гимназии вплоть до её закрытия.

Александра Павловна окончила гимназию в Ялте и Faculte de lettres (Sorbonne), а по прибытии в Королевство СХС – философский ф-т Белградского ун-та.

Бывшие её ученики в один голос вспоминают Александру Павловну, как прекрасного педагога, сумевшую выучить их хорошему французскому произношению и беглому владению языком.

Знание языка, полученное в гимназии, буквально спасло жизнь Александру Глянцеву (19-й вып.), участнику французского Сопротивления в годы Второй мировой войны, и очень помогло многим её ученикам, оказавшимся во Франции в послевоенные годы.

Осенью 1944 г. Александра Павловна с мужем покинули Белград и перебрались во Францию. Скончалась она в Русском доме в Руане «La Residence des Sapins».

Муж Евгений Дмитриевич Х., (ок. 1880, родовое имение «Мещерское» Ефремовского уезда Тульской губ. – 28.05.1963, Сен-Рафаэль, департамент Вар, Франция). Окончил Императорский Александровский лицей. Предводитель дворянства Ефремовского уезда Тульской губ. Во время Великой войны открыл в Ефремове два лазарета для раненых, организовал снабжение армии продовольствием и обмундированием. Участник Белого движения, состоял в продовольственных комитетах Добровольческой армии в Одессе, Ростове, Севастополе. В Белграде служил в Министерстве финансов.

ЧЕКАЛОВА Евдокия Тимофеевна («Евдошка»), 1886 – ?

Рукоделие с 05.07.1935 г. до закрытия женской гимназии в 1944 г.

Педагог.

Окончила женскую гимназию в Ейске и специальные Московские курсы рукоделия для преподавания этого предмета в учебных заведениях. В 1915–1920 гг. вела этот предмет в Кубанском девичьем институте в Екатеринодаре.

Оказавшись в эмиграции в КСХС, с 1921 по 1935 г. преподавала в Маринском Донском девичьем институте в Белой Церкви, одновременно служила на гонораре в сербской городской гимназии (1926–1930).

С 5-го июля 1935 г. была переведена в Русско-сербскую женскую гимназию в Белграде.

Гимназистка Светлана Иванова (выпуск женской гимназии 1943 г.) написала о ней так:

Евдокия Тимофеевна Чекалова («Евдошка»), наша классная дама и учительница рукоделия, учила нас, как со вкусом подбирать нитки для вышивки и аккуратно рукодельничать. Если кто накрутил узлов или вышил небрежно, она характерным взглядом поверх пенснэ смотрит укоризненно, сверляще. Заставляет сделать всё заново, чистенько, не то двойка обеспечена: а по рукоделию это стыдно. Но когда вышивка сделана узорно и шарф связан на пятерку, «Евдошка» с умилением, сняв пенснэ, улыбается и говорит: что хорошо, то хорошо!¹

Брат Александр Тимофеевич Ч. Новочеркасское казачье училище (1915). Хорунжий. Участник Белого движения. Первопоходник. Скончался от ран 13.05.1918 г. в Новочеркаске.

¹ «Памятка» 1986 г. С. 147.

ЧЕРНЫШЁВ Николай Александрович («Факир»), 1877 – 24.05/06.06.1947, Белград.

Русский язык и литература с 1926 г. в смешанной гимназии. После разделения гимназий вел занятия в обеих: в женской до 07.07.1932 г., в мужской до конца 1939/40 учебного года.

Воспитатель в мужском интернате с первых дней его существования.

Николай Чернышёв окончил Учительский институт в Москве и там же Высшую коммерческую школу. Участник Белого движения. Эвакуирован в Королевство СХС.

Николай Александрович прослужил в гимназии 20 лет с момента её создания. Он начал как воспитатель мужского интерната. Об этом времени Н.А. Чернышёв написал статью в «Памятке» 1930 г., выдержки из которой помещены нами в главе «Первая русско-сербская гимназия».

Театральный режиссер Ю.Л. Ракитин в дневнике под 10-м августа 1940 года записал: «Встретил Чернышёвых. Он сообщил, что выгнали его из гимназии. Он левый».

В этом же 1940 году Николай Александрович вместе с выпускником гимназии и бывшим обитателем интерната Фёдором Высторопским (6-й вып. см.) начал выпуск журнала «Учитесь русскому языку» («Учите руски»). В качестве учебных примеров они обширно использовали тексты из советской литературы и периодики.

В годы оккупации Николай Александрович Чернышёв стал деятельным членом подпольного антифашистского Союза советских патриотов (ССП), созданного Ф. Высторопским и еще несколькими бывшими гимназистами. В октябре 1944 года Николай Алексеевич подписал обращение в Комендатуру Белграда, требуя освободить арестованных в столице русских эмигрантов.¹

Н.А. Чернышёв был женат.

ШАПКИН Александр Алексеевич, 1884 – 11/24.07.1940, Белград.

Химия с 1920 по 15.12.1925 г.

Инженер-химик, педагог.

В дореволюционной России А.А. Шапкин был профессором Петербургского Технологического института и начальником лаборатории Главной таможни.

¹ Подробнее см. в биографии В.А. Лебедева. 4-й вып.

ШАПШАЛ Илья Федорович, 26.01/07.02.1878, Санкт-Петербург – 12.05.1949, София.

Гигиена в 1920/1921 учебном году.

Врач. Хирург-анатом.

Илья Шапшал окончил 6-ю мужскую гимназию в Петербурге в 1897 г. и поступил учиться на естественное отделение физико-математического ф-та Петербургского ун-та. Его дважды исключали за участие в студенческих беспорядках, поэтому он окончил медицинский ф-т Новороссийского ун-та в Одессе только в 1908 г. Ученик одесского анатома профессора Н.А. Батуева, под руководством которого подготовил и защитил докторскую диссертацию в 1917 г. Приват-доцент Новороссийского ун-та, затем профессор анатомии человека на Высших женских медицинских курсах в Одессе (1917–1918).

Илья Федорович не принял советскую власть и в 1920 г. эмигрировал в Болгарию, но вскоре переехал в Королевство СХС, куда был приглашён профессором нормальной анатомии на медицинский ф-т Белградского ун-та (1921–1923). Состоял членом Общества русских ученых в КСХС.

Получив заманчивое предложение возглавить кафедру анатомии медицинского ф-та Софийского ун-та, Илья Федорович в 1923 г. переехал в Болгарию. Он занимал этот пост до 1933 г. И.Ф. Шапшал написал первый на болгарском языке трёхтомный учебник «Анатомия человека» (1926–1930), который был переиздан в 1946–1948 годы. Одновременно учёный был одним из создателей анатомической терминологии на болгарском языке. Илья Фёдорович сотрудничал в медицинских журналах, принимал участие в международных конгрессах, состоял членом Русской академической группы в Болгарии и членом правления Союза русских врачей (1938).

Жена Анна Севастьяновна Ш.

Дочь Наталия, (в замужестве Власова), медик. Переехала из Болгарии в СССР.

ШОКОЛИ-РАДОЙЧИЧ Людмила.

Кулинарное мастерство. В женской гимназии в военные годы.

ШРАМЧЕНКО Лариса Владимировна (Барановская-Шрамченко), 08.02.1884, Санкт-Петербург – 07.03.1969, близ Буэнос-Айреса.

Рисование и чистописание с 1929 по 1935 г. в женской гимназии.

Живописец.

Лариса родилась в дворянской семье. Она училась в Императорской Академии художеств в Петербурге у профессора Я.Ф. Ционглинского. В годы Великой-

войны Лариса Шрамченко служила сестрой милосердия при российском Обществе Красного Креста. После революции эмигрировала в Королевство СХС.

Живописные работы Л. Шрамченко не раз экспонировались на русских выставках в Белграде: в Белградском университете (1924), Большой выставке русского искусства (1930), Русского художественного общества (1933). Лариса Владимировна организовывала несколько коллективных выставок в Белграде, а в 1938 г. провела персональную выставку в Панчево, где показала свыше 40 работ, преимущественно портретов. Во время оккупации Белграда принимала участие в выставках-аукционах работ русских художников в августе 1942 г. и в декабре 1943 г.

По окончании Второй мировой войны Л.В. Шрамченко выехала в Аргентину. Скончалась в доме для престарелых близ Буэнос-Айреса.

ЮКИЧ Марица А.

Сербский язык 26 октября 1937 г. по осень 1940 г. в женской гимназии.

Много лет Марица Юкич преподавала в 4-й мужской гимназии в Белграде. Дополнительно Министерство поручило ей вести уроки языка в Русско-сербской женской гимназии.

ЯКИМОВ Всеволод Георгиевич.

Сербская история в мужской гимназии в военные годы.

Выслан с женой-сербкой и сыном в Болгарию в сентябре 1951 г.

В разные годы в гимназиях недолгое время преподавали сербский язык педагоги, биографические сведения о которых нам не удалось собрать:

Бошкович Бошко

Гроссман Людмила

Димитриевич Душанка

Коларич Лепосава

Лукич Вера

Митрович Никола

Рончевич Никола

Руководители творческих студий

ВАСИЛЬЕВ Николай Матвеевич.

Руководитель музыкальной студии в гимназии.

Николай Матвеевич происходил из донских казаков. Он окончил 3-ю Московскую школу прапорщиков в 1917 г. Служил в Донской армии. С весны 1920 г. Н. Васильев находится в Донском офицерском резерве, затем в 3-м Донском запасном батальоне. Поручик. Эвакуирован в КСХС.

Обладавший природным дарованием и несомненно получивший музыкальное образование в России, Николай Матвеевич был приглашён в Белграде дирижером Оркестра Королевской гвардии. Он выступал и как пианист-аккомпаниатор. Сочинял романсы, музыку к спектаклям, джаз-оперетты «Шагай по жизни» (1934) и «Песни Таити» (1937). Про последнюю критика отметила: «Подражание американизмам русского композитора, преподносит приятную музыку, легкие джаз-шлягеры, по шаблонам тех, которые мы часто слушаем, но мелодии госп. Васильева веют русским теплом, печалью, они явно сентиментальны. Сами за себя они говорят о таланте госп. Васильева».

Николай Матвеевич принимал участие в спектаклях учащихся Русской начальной школы и гимназии, в балетно-концертных выступлениях русских артистов в Русском доме. Там он в 1943 г. выступил дирижёром при постановке оперы «Царская невеста» Н.А. Римского-Корсакова.

ГРЕЧ (ур. Коккинаки) Вера Мильтиядовна, 08.02.(или 08.11.) 1893 – 23.03.1974, Париж.

Сценическое искусство с 1937 по 1942 г.

Выдающаяся актриса театра и кино, педагог.

Вера Коккинаки происходит из греков-понтийцев. С 1916 года Вера участвовала в спектаклях 2-й студии Московского художественного театра (МХТ). В 1919 году в составе «Качаловской группы» МХТ выехала за границу. После гастролей в США и Берлине осталась вместе с мужем в эмиграции. С 1922 года Вера Греч состояла в «Пражской труппе» МХТ, с которой гастролировала во многих странах Европы, неоднократно и в городах КСХС. С 1926 года жила с мужем в Париже.

По приглашению сербского Национального театра, в 1936 году супруги работали в Белграде – ставили спектакли на сербской сцене, играли и режиссировали в белградских русских театральных труппах, до 1942 года.

Среди учениц Веры Мильтиадовны были гимназистки Татьяна Лукьянова и София Тишанская, ставшие актрисами сербской сцены.

Возвратившись в Париж, В. Греч и П. Павлов продолжили там свою интенсивную театральную деятельность. Вера Мильтиадовна играла и ставила пьесы в Театре русской драмы, с 1944 по 1946 год работала в Театральной секции при Союзе советских патриотов (ССП), в Русском драматическом театре (1948–1952), Русском театре (1955–1960), руководила драматической частью Нового театра оперетты, вела драматическую студию при Русской консерватории им. С. Рахманинова, снималась в кинофильмах. С 1952 по 1955 год она работала в Англии, где открыла с мужем собственную театральную студию в Кембридже. В 1960-е годы В. Греч часто выступала на встречах в русских домах для престарелых в окрестностях Парижа.

Отец Мильтиад Иоаннович К., гражданин Греции.

Брат Константин, (1893, ст. Цимлянская, Область Войска Донского – 1938, Краснодарский край). Подданный Греции. Расстрелян в ходе «греческой операции» НКВД в Краснодарском крае.¹

Муж Поликарп Арсеньевич Павлов (23.02.1885 – 23.04.1974, Париж), актер, режиссёр. Похоронен вместе с женой на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

ДОРИАН Анна Ананьевна, 17.01.1886, Казань – 16.06.1968, Белград.

Оперная и концертная певица (меццо-сопрано), исполнительница русских и цыганских песен, актриса драмы. В 1920-е годы играла и пела на сценах Народного театра в Белграде и театра в Скопье (Македония). После переезда из Скопье в Белград, Анна Ананьевна выступала в составе русских театральных трупп и в сербском Народном театре. В феврале 1937 года ролью в спектакле «Осенние скрипки» И. Сургучёва А. Дориан отметила 30-летие своей артистической деятельности.

Анна Ананьевна не вела театральной студии в гимназиях. Она выступила режиссёром ученического спектакля, устроенного родительским комитетом мужской гимназии в оккупированном Белграде. Спектакль, представленный зрителям 28 февраля 1943 года, состоял из трёх отделений: пьеса В. Лебедева и Е. Садовниковой «Весёлые каникулы», музыкальный дивертисмент и пьеса-шутка Е. Садовниковой «Звездочёт». Администратором и сценографом выступил преподаватель гимназии С. Кучинский.²

По окончании Второй мировой войны А.А. Дориан осталась в Югославии.

1 Протокол Комиссии НКВД и прокуратуры Союза СССР №4 от 17.01.1938 г.

2 Афиша спектакля в коллекции А. Арсеньева.

МИКЛАШЕВСКИЙ Олег Петрович, 08/21.03.1903, по официальным документам 1900, Ялта – 27.06.1991, Плэйн-Вью, штат Нью-Йорк.

Руководитель Театральной студии в обеих гимназиях, конца 1930-х – начала 1940-х гг. Преподавал дикцию, занимался разбором стилей театральных пьес, ставил гимназические спектакли.

Олег Петрович родился в состоятельной дворянской семье Таврической губернии. 16-летним юношей он вступил вольноопределяющимся в Добровольческую армию, в 15-й уланский Татарский полк. Воевал в Вооруженных силах Юга России и в Русской армии. Был ранен. В 1920 году эвакуирован на о. Проти, затем в Галлиполи, где состоял в Офицерском учебном кавалерийском полку.

Семь лет, с 1922 по 1929 год, Миклашевскому пришлось прожить в Константинополе, где он зарабатывал игрой на фортепиано и скрипке в ночных ресторанах и даже основал свой оркестр.

В 1929 году Олег Петрович переехал на жительство в КСХС, в Белград. С юношеских лет и до последних дней своей жизни он считал своим настоящим призванием сцену. Мечта сбылась – Миклашевский стал играть в русских театральных труппах, которые в Белграде возникали, гасли и объединялись. С 1933 года при Русском доме памяти Императора Николая II был создан постоянный Русский общедоступный драматический театр, в работе которого он принял самое деятельное участие. Вскоре интересный, стройный, талантливый Олег Миклашевский стал любимцем публики, в амплуа молодого героя, «jeune premier». Изредка он принимал участие в постановках пьес на сербских сценах, в 1937–1939 годы играл и в спектаклях русской труппы в Загребе.

Талант его был многогранен: актёр и режиссёр театра, музыкальный исполнитель и композитор. Кроме того, увлекаясь лыжами, он подрабатывал как инструктор лыжного спорта.

Олег Петрович состоял в Обществе офицеров-артиллеристов в Югославии.

Немецкая бомбардировка Белграда, Апрельская война, развал и оккупация страны приостановили русскую общественную жизнь столицы. Однако, уже в мае 1941 года энергичный Олег Миклашевский создал Общество русских сценических деятелей в Сербии, став в нем актёром и главным режиссёром. Несмотря на военное время, в феврале 1942 года снова поднялся занавес в театральном зале Русского дома. Из-за полицейского часа начало спектаклей было перенесено на 4 часа дня. Репертуар контролировала цензура. Последний русский спектакль был дан 3 сентября 1944 года. Вскоре почти все артисты покинули Белград до его занятия войсками Красной армии и частями югославских партизан. Олег Миклашевский с Нонной Белавиной уже 8 сентября оказался в Вене.

Но ещё до всех этих событий, в январе 1944 года Олег Петрович вместе с детьми из русской основной школы (7 – 10 лет) создал задорный спектакль по

пьесе Е.А. Садовниковой «Весёлый клубок» с пением и танцами, в котором вместе со школьниками и сам вышел на сцену в роли Паука.¹

Четыре года Олег Петрович жил и работал в лагере перемещённых лиц близ Мюнхена. В июле 1949 году семья Миклашевских прибыла в США. Сердце Олега по-прежнему влекло его к театру, но русского театра на новом континенте не было. Попытки Миклашевского создать русскую труппу в Нью-Йорке не увенчались успехом. Надо было зарабатывать на жизнь, не выбирая работу. Состоялись только несколько выступлений Олега Петровича на американской сцене, им были написаны пара злободневных сценических скетчей. Отдушиной оставались лишь редкие выступления на мероприятиях русской диаспоры Нью-Йорка, тех, кто прибыл в США из Югославии или Европы.

Отец Пётр М., военный врач.

Сестра Валентина, в эмиграции жила во Франции, затем переехала в США, где скончалась.

2-й брак (с 30.06/13.07.1933, Белград): Людмила Михайловна М., (ур. Костина; 1909 – 27.07.1974, Скрадин близ г. Шибеник, Хорватия), окончила Мариинский донской институт (1928), балерина, актриса, поэт.

3-й брак (с 08/21.09.1941, Белград): Людмила Георгиевна М., (ур. Крокос, в 1-м браке Седова (1909 – ?), актриса.

4-й брак (с 1944, Германия): Нонна Сергеевна М., (ур. Белавина; 15/27.04.1915, Евпатория – 24.08.2004, штат Нью-Йорк), окончила Харьковский девичий институт (1932) и юридический ф-т Белградского ун-та (заочно), одновременно работала в провинциальном суде Восточной Сербии, актриса, поэт. Отец, священник С. Белавин, убит титовскими партизанами в 1941 г. близ Пожареваца.

Сын Игорь, (род. 07.03.1946, Дайсенхофен близ Мюнхена), магистр технических наук, работал в авиационной компании в США.

ЭККЕРСДОРФ Виктор Адольфович, 06/19.06.1894, близ г. Остров, Псковской губ. – 12.09.1952, Лугано, Швейцария (похоронен в Мюнхене).

Руководитель Студии выразительного чтения в женской гимназии (ок. 1940 – 1942).

Виктор лишился матери, когда ему было всего три месяца, а его сестре Евгении – пять лет. Отец Виктора, Адольф Александрович, немец по происхождению, лютеранин по вероисповеданию, был военным. Поэтому мальчик родился там, где на тот момент стоял полк, в котором служил отец. Об отце Виктор позднее напи-

¹ Афиша спектакля в коллекции А. Арсеньева.

шет: «Крупного, светлого ума, огромной эрудиции, начитанный человек, высокой нравственности. Любим всеми. Любитель книг, театра».

Адольф Александрович всецело посвятил себя семье, детям. Вести дом и детей ему помогала дальняя родственница, православная. Воспитание было строгим, религиозным, сблизившим брата и сестру с православной церковью, чему отец отнюдь не препятствовал. Дети росли русскими. Семейные поездки в Петербург и через Малороссию на Кавказ навсегда остались в памяти впечатлительного мальчика.

В 10 лет Виктор поступил в 1-ю Варшавскую классическую гимназию. Не прошло и двух лет, как в 1905 году от туберкулёза скончался горячо любимый отец. Молодой организм отозвался на этот шок острой формой суставного ревматизма – посещение гимназии стало проблемой. Мальчика принял в свою семью дядя, родной брат отца, Философ Александрович, пехотный генерал, живший в Тамбове. Позднее сестра Евгения, вышедшая замуж за тамбовского помещика, забрала брата к себе.

Здесь, в русской провинции, Виктор будет учиться в разных гимназиях, а, получив среднее образование, уедет из Тамбова в столицу, где поступит в Военно-медицинскую академию. Медицина интересна молодому Эккерсдорфу, но еще больше его увлекает театр: Московский Художественный театр (МХТ).

Ещё в гимназические годы в Тамбове он знакомится с князем С.М. Волконским, бывшим директором Императорских театров, жившем тогда неподалеку от Тамбова в имении Павловка. Князь Сергей Михайлович к тому времени стал известным специалистом в области актёрской техники. Он даёт Виктору уроки, ставит ему речь, дикцию, интонацию, отрабатывает жесты. Виктор участвует в нескольких любительских спектаклях как актёр.

И вот пришёл 1917-й год. Летом Виктор возвращается в Тамбов и записывается волонтером в больницу. После большевистского переворота в Петрограде власть в Тамбове довольно быстро перешла в руки «красных». В начале 1918 года они расстреляли мужа сестры. Вдова с братом в августе бегут из Тамбова, намереваясь нелегально покинуть страну. Где-то «на границе с Украиной» их задерживают. Сестру Евгению отпускают, самого же Виктора из-за «неточности» записи в паспорте арестовывают, перевозят в Брянск, в «арестный дом», а затем помещают в тюрьму, так называемый «работный дом», под опеку местной ЧК. Чекисты развлекались тем, что каждую ночь вызывали из камеры двоих и одного из них, по жребии, убивали, стреляя в спину. Арестанты считали выстрелы. На следующий день приводили новых сидельцев, взамен «выбывших». Однажды выведут и Виктора, но погибнет тот, с кем он шёл под руку. Он возвращается в камеру, попадает под какую-то амнистию и, в октябре, его отпускают. Много позже он расскажет дочери, что видел из тюремного окна детей, собиравших орошённую кровью землю с того места, где был расстрелян их отец.

Он коротко побывает в Москве, где увидится с князем Волконским, и устремится на юг в поисках сестры. Это уже зима 1918-го года, гражданская война в разгаре. Однажды состав, в котором ехал Виктор Эккерсдорф, попадает между двумя бронепоездами, ведущими ожесточённую артиллерийскую дуэль. Пассажирам удаётся спастись на ближайшей станции. Как студент-медик, Виктор Адольфович пытается устроиться работать в санитарный поезд, но врач его прогоняет, установив у него тиф. Больной, он продолжает идти пешком, в деревнях его укрывают и кормят крестьяне.

Наконец Виктор Адольфович достигает Одессы, откуда 25 марта 1919 года эвакуируется и, после странствий по нескольким странам, окончательно поселяется в Белграде. Жизнь его в изгнании тяжела и полна лишений. Иногда он, имея прекрасные природные данные, зарабатывает актёрским трудом. Виктор Эккерсдорф естественно вписался в культурную жизнь Белграда, входил в разные союзы и общества и явился одним из основателей Белградского русского художественно-драматического общества.

Скудных актёрских доходов не хватало на то, чтобы прожить, и Виктор Адольфович находит службу по медицинской части: технический лаборант по микробиологии в «Центральном Гигиеническом заводе» (Институт здравоохранения). В эти годы главным источником духовных сил для него становится церковь. С 1925 по 1940 год он пишет ряд статей для религиозно-философского журнала «Путь», который выходит в Париже под редакцией Н.А. Бердяева.

В июле 1921 года в Белграде Виктор Эккерсдорф обвенчан с Ниной Романово-Романовской. В 1930 году у них родится дочь Елена.

Осенью 1925 года Виктор Адольфович предпринимает поездку в Париж, надеясь устроиться жить там, но – тщетно. Здесь он занимается в студии С.М. Волконского, совершенствуя свою театральную технику, и доводит её до профессионального уровня. Князь Сергей Михайлович передаёт ему рукопись своей, только что законченной книги – руководство для всей последующей театральной работы Виктора Адольфовича.¹ Весной следующего года он возвращается в Белград.

Все годы до оккупации весной 1941 года Белграда нацистами, Эккерсдорф посвящает сцене, эстраде, литературе, культурно-общественной жизни.

В домашней обстановке Виктор Адольфович неустанно упражнял голос, разрабатывал роли, придумывал сценки, постановки. Подражал и изображал в лицах. Имея слух, передавал, всегда тонко и в меру, всевозможные акценты, включая иностранные. Во всех условиях жизни декламировал: Пушкина (включая

1 Ещё не опубликованный труд С.М. Волконского «Законы речи и правила чтения» существует лишь в нескольких рукописных экземплярах.

сказки), других классиков, символистов. Его декламация неизменно волновала слушателей. <... >

Незадолго перед войной Эккерсдорф открывает при Русско-Сербской женской гимназии в Белграде Студию выразительного чтения. Был прекрасным педагогом: умел увлечь, вдохновить. Разъясняя сделать доступным. Ревностно внедряя принципы «системы Волконского», построенной на смысловой логике речи, добился отличных результатов у учениц своей студии, особенно во введенном им групповом чтении: в отличие от классического греческого хора, скандировавшего монотонно и в унисон, подобранные по тембру голоса участниц хора читали выразительно, они повышали и понижали голос, делали паузы, ударения, варьировали интонацию одновременно, сыгравшись до предельной точности. Создавалось впечатление мощного многострунного человеческого органа.

Эккерсдорф увлекался также самим языком. Углублялся в красоту слова, его значение. Выписывал пословицы, меткие слова. Изучал народную, региональную речь, лексику разных профессий.

Был прирождённым рассказчиком. Считал своим долгом поднимать настроение окружающих шуткой, анекдотом. Мог экспромтом, красноречиво говорить на любую тему. Писал так же легко и плавно, как и говорил.

Будучи актёром, человеком театра, Виктор Адольфович Эккерсдорф писал то, что неразрывно переплеталось с искусством драмы.¹

Приводим установленный нами неполный список девушек, занимавшихся в студии Виктора Адольфовича:

Лаврова Ирина, выпуск 1942 г.; Сорока Наталия, выпуск 1942 г.; Мамонтова Елена, выпуск 1942 г.; Донецкая Ирина, выпуск 1943 г.; Киреева Татьяна, выпуск 1943 г.; Сенявина Мария, выпуск 1943 г.; Тишанская София, выпуск 1943 г., Лукьянова Татьяна, выпуск 1942 г., ставшая впоследствии выдающейся драматической актрисой.

Сохранилась Программа 1-го литературного вечера, данного Студией выразительного чтения 18 декабря 1940 года на сцене Русского дома имени Императора Николая II.

В первом отделении исполнялись:

Ч. Диккенс, отрывок из «Сверчка на печи», И.А. Крылов «Кот и повар», М.Л. Моравская «Нынче Гришка удрал в Америку», К.Д. Бальмонт «Умирающий лебедь», два стихотворения И.Ф. Анненского из «Трилистника в парке», Ф.И. Тютчев «Пошли, Господь», А.С. Пушкин «Анчар», «Отцы пустынноики» А.С. Пушкина и «Море» В.А. Жуковского в исполнении всех участниц студии.

Во втором отделении:

¹ Из «Биографического очерка», составленного дочерью, Еленой Турони (ур. Эккерсдорф). Собрание А. Арсеньева.

Отрывок из «Евгения Онегина», И.А. Крылов «Гуси», Н.С. Гумилев «Волшебная скрипка», Ф.И. Тютчев «Фонтан», А.С. Пушкин «Арион», М.Ю. Лермонтов «Гладиатор», Д.С. Мережковский «Христос воскрес!», Э. Верхарн «Ветер» в исполнении всех участниц студии.¹

Их учитель и сам с успехом выступает на сцене. Его любимая роль – Чацкий из «Горя от ума».

В 1942 году семья Эккерсдорфов выезжает в Мюнхен, где Виктор Адольфович находит место неквалифицированного работника в службе здравоохранения. Жизнь в воюющей стране невероятно тяжела, жена больна, к этому добавляются почти ежедневные бомбёжки. Он заболевает туберкулёзом, лечится, но безуспешно.

Наконец май 1945 года приносит некоторое облегчение, если не материальное, то хотя бы моральное. Виктор Адольфович теряет работу, но у американских оккупационных властей находит заработок жена. Они начинают хлопоты, связанные с выездом в США.

В Мюнхене второй половины 1940-х годов огромное количество русских беженцев. Эккерсдорфу удаётся несколько раз выступить на эстраде. Он пользуется успехом, но – новая беда – постепенно теряет голос. А оформление виз все тянется и тянется. В 1948 году уходит из жизни жена – рак.

Выезд из Германии несколько раз срывается (1951, 1952 годы), поскольку Виктор Адольфович находится под наблюдением врачей. Туберкулёзным больным до излечения въезд в Америку закрыт.

Эккерсдорф лечится амбулаторно, затем ложится в туберкулёзную больницу, из которой его переводят в лёгочный санаторий в Лугано, в итальянскую Швейцарию. Первая операция на лёгком результата не дала. Но Виктор Адольфович в ожидании второй операции не прикован к постели, он гуляет, общается, пишет.

Смерть наступила во сне, 12 сентября 1952 г., от инфаркта.

Дочь перевезла тело отца в Мюнхен и похоронила рядом с матерью на кладбище в Зольне, близ Мюнхена.

Из некролога:

Он создал в Белграде группу молодёжи, с которой, в частности, пропагандировал хоровую декламацию. Он не только занимался обучением их художественному и выразительному чтению, но, что самое важное, – он развивал в них вкус, учил их тому красивейшему и чистейшему литературному языку, которым сам мог гордиться и о котором многие уже забыли даже тогда.²

В.А. Эккерсдорф оставил значительное эпистолярное наследие, в том числе текст «Жизнь. Мои воспоминания», который хранится у дочери.

1 Программа вечера. Собрание А. Арсеньева.

2 Е. Турони «Биографический очерк». Собрание А. Арсеньева.

Я ненавижу и осуждаю всякое убийство, кто бы ни убивал, и всякое насилие, кто бы ни насилывал.¹

Отец Адольф Александрович Э., (? – 1905). Подполковник.

Мать Ольга Константиновна Э., (ур. Багенская; ? – 1894). Дочь военного врача. Окончила в Петербурге Елизаветинский институт. Писала стихи, прозу.

Сестра Евгения, (1889 – ?).

Жена (венчание 04/17.07.1921, Белград): Нина Анатольевна Э., (ур. Романько-Романовская; 21.11.1898 – 19.12.1948, Мюнхен), дочь статского советника, прокурора, художника.

Дочь Елена, (род. 19.11.1930, Белград). Замужем за американским учёным Турони (Thurony). Елена Викторовна была сотрудницей Библиотеки Конгресса в Вашингтоне. В 2018 г. живёт в Вашингтоне. Вдова.

1 Там же.

Воспитатели и классные наставники

БАЙКОВ Г. И.

Воспитатель мужского интерната и классный надзиратель в 1924/25 учебном году.

БЛИНОВ Михаил Ефремович, 09.11.1883, Владимирская губ. – 11.09.1940, Белая Церковь.

Воспитатель и помощник классного руководителя в мужском интернате в 1927/1928 учебном году.

Педагог.

Михаил Ефремович окончил Харьковский университет в 1907 г. Участник Великой войны в составе 79-й артиллерийской бригады. Поручик. Участник Белого движения. Эвакуирован из Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. капитан М. Блинов числится в составе Алексеевского артдивизиона в Чехословакии. С 1922 по 1926 г. – член Союза русских педагогов в Чехословакии.

Переехав в Югославию в 1927 г., Михаил Ефремович один учебный год прослужил в гимназии.

ВОЛКОВ В. П.

Воспитатель мужского интерната и классный надзиратель в 1923/24 учебном году.

ЗАХАРОВ Владимир Яковлевич («Жук»), около 1875 – 15/28.11.1945, Белград.

Воспитатель в мужском интернате в 1924–1926 гг. Классный надзиратель в мужской гимназии в 1938–1941 гг.

Владимир Яковлевич воевал в войсках адмирала А.В. Колчака на Восточном фронте вплоть до эвакуации Приморья. Полковник. Позднее В.Я. Захаров оказался в КСХС, в Белграде. В 1925 г., работая в гимназии, он организовал фехтовальные курсы, действовавшие до его увольнения.

ЗОЗУЛИН Сергей Васильевич («Затыка»), 29.09/08.10.1885, Киев – 15.03.1966, Гринвилль, Северная или Южная Каролина, США.

Воспитатель в мужском интернате с 1929 г. С 1-го октября 1934 по 1941 г. классный надзиратель мужской гимназии.

Сергей Васильевич окончил гимназию в Полтаве и политехнический институт в Петербурге в 1913 г. Инженер. Прапорщик артиллерии (1914). Поручик, начальник связи 27-й артиллерийской бригады. Участник Белого движения с начала 1919 г. Ober-офицер для поручений при заведующем передвижением войск Крымско-Азовского региона. С 1920 г. в мобилизационном отделении военных сообщений.

В эмиграции в Королевстве СХС, в Белграде. Член Общества офицеров-артиллеристов. Сохранил российское гражданство, работал частным чиновником.

Сергей Васильевич оказался талантливым педагогом. Не имея ни специального образования, ни какого-либо опыта работы на театре, он рискнул взяться с гимназистами за постановку «Ревизора». И они победили: в рождественские дни декабря 1929 года на сцене «Сала Радничке Коморе» в Белграде был дан этот оставшийся надолго в памяти русских белградцев спектакль, поставленный Сергеем Васильевичем силами только учеников гимназии. В антракте играл гимназический оркестр под управлением В.П. Ковалевского. В апреле следующего года Сергей Васильевич с тем же актерским составом поставил три коротких пьесы-шутки А.П. Чехова. Деньги, вырученные от спектаклей, пошли в пользу «недостаточных учеников» мужской гимназии.

В 1951 году С.В. Зозулин переехал в США, где состоял членом Общества ветеранов.

Брат Василий, инженер, окончил Институт инженеров путей сообщения императора Александра I в Петербурге в 1908 г., работал инженером в Белграде. Сын брата Игорь, гимназист, 7-й вып.

Жена Тамара З., (ур. Неумытая; 20.10.1910, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина – ?), гимназистка, выпуск женской гимназии 1930 г.

КУДИНОВА (ур. Колочинская) Антонина Ивановна («Антошка»), ? – 1974, США)

Воспитательница в женском интернате, классная дама в гимназии.

Из воспоминаний гимназистки Светланы Ивановой:

Как сейчас помню милую Антонину Ивановну – «Антошку», мать Зои Кудиновой: когда во время церковной службы стало дурно Светлане Кузьменко, дочери регента хора, Антонина Ивановна с материнской заботой наклоняется над бедной девочкой, прикладывает холодный платок к ее лбу и дает нюхать нашатырь. Та потихоньку открывает глаза. «Антошка» говорит: «Голубка моя, лежи, я сейчас водички принесу, тебе уже лучше, всё пройдет!»

Муж Василий Григорьевич К., (26.01.1887, Одесса – ?).

Дочь Зоя (07.12.1918, Вознесенск, Херсонской губ., ныне Украина – ?). Доктор медицинских наук. Жила в Санта-Моника, Калифорния.

ЛУКИН Иван Николаевич.

Воспитатель мужского интерната с 1926 г. С 1938 по 1941 г. классный надзиратель в мужской гимназии.

Капитан Лукин И.Н. служил воспитателем в Киевском кадетском корпусе. Участник Белого движения в Вооружённых силах Юга России в той же должности. Эвакуирован в 1920 г. с остатками корпуса в КСХС.

О подробностях этой эвакуации бывшие кадеты вспоминали:

Ко дню эвакуации Одессы, 25 января 1920 г., в здании кадетского корпуса размещались не только одесские кадеты, но и 2-я рота Полоцкого корпуса, а также и Киевский корпус, вывезенный в Одессу после занятия Киева красными. Киевляне были размещены на третьем этаже корпусного здания, сохранив свой офицерский и преподавательский персонал, который покинул Киев вместе с ними. <...>

С утра были отправлены в порт подводы с личными вещами кадет и персонала, под охраной двух взводов 1-й роты Одесского корпуса и кадет полочан. Немного позже были посланы в порт самостоятельно кадеты 1-й роты Киевского корпуса, без офицеров. Обе части добрались до порта с большими трудностями, так как в городе уже шла стрельба и нападения на отряды белых, проходившие через Одессу. <...>

Кадеты и все скопившиеся в порту, подверглись жестокому пулемётному обстрелу со стороны Воронцовского дворца; были ранены два и убит один кадет киевлянин. <...>

Кадеты и чины персонала были подобраны английским крейсером «Церес», но всё имущество пришлось бросить на молу, где оно было разграблено. <...>

После отхода «Цереса» из порта, все кадеты и чины персонала были пересажены в открытом море на пароход «Рио Негро», который и довез всех до Салоники, откуда поездом они были отправлены в Югославию, и, через Белград, доставлены в Панчево. По дороге, на узловых станциях, какие-то организации, в том числе и русские, кормили кадет. В Панчево все были размещены в здании школы, где во дворе находились русские солдаты, возвращавшиеся в Россию. В скором времени, кадет киевлян (взвод 1-й роты) перевезли в Сисак, вблизи от Загреба. <...>

Их разместили в военных казармах. С назначением ген. Адамовича директором Сводного Русского кадетского корпуса, остатки всех трёх корпусов в

Сисаке и в Панчево стали кадрами одного военно-учебного заведения, которое в июне 1920 г. было объединено и устроено в Сараево. ¹

В Русском кадетском корпусе Иван Николаевич остался до 27-го декабря 1922 года. С 1926 года служил в гимназии.

Гимназист и впоследствии кадет, Миливой Секулич, в своей книге упоминает Ивана Николаевича:

Воспитателем в интернате был Иван Николаевич Лукин. Он носил пенсне, курил полушки, вдевая их в деревянные вишнёвые мундштуки, ездил по городу на старинном велосипеде, и когда меня увидел, он маме сказал: «Он еще дитё» (вместо правильной формы – дитя). Голова у него была удлинённая и овальная – за что его прозвали Огурцом. Было у него два помощника – оба по фамилии Архангельский: один повыше – вечный студент технического факультета, а другой – поменьше, круглый, и его прозвище было Пузырь. ²

Георгий Мельников, (15-й вып.), вспоминал Ивана Николаевича Лукина как «высоко квалифицированного воспитателя». О роли Лукина в своей судьбе очень тепло рассказал Владимир Родзянко, (13-й вып.), будущий епископ Василий.

Судьба И.Н. Лукина в 1941 г. и позднее неизвестна.

СТРОГАНОВ Александр Васильевич, воспитатель гимназистов младших классов, живших в интернате на Новопазарской улице.

ТКАЧЁВ Вячеслав Матвеевич, 14.09.1885, станица Келермесская, Майкопский отдел Кубанского казачьего войска – 25.05.1965. Краснодар.

Выдающийся лётчик. Генерал-майор авиации.

Руководитель внешкольного воспитания в 1942–1944 гг.

На военную стезю казак Вячеслав Ткачёв вступил с раннего детства. Родители отдали мальчика в Нижегородский, графа Аракчеева кадетский корпус, по окончании которого Вячеслав поступил в Константиновское военное училище. В 1906 году Ткачёв был выпущен во 2-ю Кубанскую казачью батарею. Однако, в 1910 году, сотник Ткачёв, видимо приложивший к переводу из батареи определённые

1 Кадетские корпуса за рубежом 1920–1945 // Редакционная комиссия А.М. Росселевич и др. [Нью-Йорк]: Издание Объединения кадет российских зарубежных кадетских корпусов, 1970. С. 329–333.

2 Секулич М. Русские в Сербии. [Нью-Йорк]: Издание автора. [2000]. С. 45.

усилия, был прикомандирован офицером-воспитателем Одесского кадетского корпуса. Отметим, что это были годы мощного развития авиации, которая постепенно становилась новым видом вооружения русской армии. В Одессе и состоялось приобщение молодого активного офицера к авиации: по собственной инициативе он прошёл обучение в частной авиационной школе. В 1912 году по рекомендации куратора российской авиации, Великого Князя Александра Михайловича Ткачёв зачислен в Севастопольскую военно-авиационную школу, которую окончил с отличием, совершив больше всех соучеников тренировочных полётов. За блестящую учёбу в школе Вячеслав Ткачёв был награждён орденом Св. Анны 3-й степени. Он получил назначение в 3-ю авиационную роту в Киев. В следующем году Ткачёв совершает на «Ньюпоре» рекордный перелёт Киев-Одесса-Керчь-Тамань-Екатеринодар. За это достижение Киевское Общество воздухоплавания наградило его золотым жетоном с надписью: «За выдающийся полёт 1913 г. ». Столица Кубани восторженно приняла своего земляка. Несколько раз он поднимался в небо, демонстрируя своё мастерство.

Прошёл ещё год, и Россия вступила в Великую войну. На фронте подъяесаул Ткачёв командует 20-м авиационным отрядом, приданным штабу 4-й армии. В военных действиях молодой лётчик показал себя с самой лучшей стороны и первым в русской авиации был награждён Георгиевским крестом IV степени за разведывательные полёты 1914 года.

В декабре 1914 года Вячеслав Ткачёв становится первым лётчиком в России, сбившим в бою вражеский самолёт. Нужно сказать, что в те времена на аэропланах не было никакого вооружения, и Ткачёв расстрелял немецкий «Альбатрос» из личного пистолета. После этого случая лётчики стали устанавливать на своих «этажерках» пулемёты и реально сбивать вражеские самолёты.¹

Карьера его стремительно пошла вверх: в августе 1916 года Ткачёв возглавил 1-ю истребительную авиагруппу, лётчики которой в сентябре участвовали в прорыве немецкой воздушной блокады в боях под Луцком. Позднее он назначен инспектором авиации Юго-Западного фронта, в марте следующего года произведён в полковники. Исполняя должность начальника полевого управления авиацией при штабе Верховного главнокомандующего, он фактически становится генерал-инспектором всей российской авиации. В 1917 году Ткачёв завершил работу над первым в истории русской авиации учебным пособием «Материалы по тактике воздушного боя», в котором он обобщил боевую практику своей авиагруппы.

После большевистского переворота, находившийся в Могилёве при Ставке Вячеслав Ткачёв бежит в родные края – на Кубань, и уже в начале 1918 года принимает участие в боях белого партизанского отряда против войск Северо-Кавказской

1 Источник: fstanita.ru/?q=heroes/tkachev-vyacheslav-matveevich

советской республики. Воюет рядовым! С приходом на Кубань Добровольческой армии он вливается в её состав, несколько раз попав в плен к красным. В дальнейшем Вячеслав Михайлович создал и возглавил авиаотряд, а позднее возглавлял всю авиацию в Вооружённых силах Юга России (ВСЮР) и Русской армии вплоть до эвакуации из Крыма после поражения Белого движения. Он стал одним из первых кавалеров вновь учреждённого ордена Св. Николая.

В 1920-м году супруги Ткачёвы оказались в Королевстве СХС, не случайно начав жизнь в эмиграции в городе Нови Сад, ибо именно здесь, в небольшом по тем временам городе на излучине Дуная, где постепенно сложилась довольно значительная русская колония, в 1920-е годы билось сердце молодой королевской авиации. На государственную службу были приняты более тридцати русских авиаторов, инструкторов, авиамехаников, радиотехников, метеорологов – военная элита! Некоторое время Вячеслав Матвеевич служил инспектором авиации Королевства СХС. В 1921 году новисадцы создали Общество офицеров Российского военно-воздушного флота, бессменным председателем которого стал В.М. Ткачёв. За время жизни в Нови Саде поменял несколько мест службы. А в 1930-е годы семья Ткачёвых переехала в тогдашний пригород Белграда Земун, где обитала тоже значительная русская колония. Здесь был создан новый центр Югославской военной авиации. Вячеслав Матвеевич получил место в Управлении воздухоплавания, пристально следя за развитием любимой авиации в странах мира. Он регулярно публиковал свои обзоры в печати («Наша крила»), одновременно в течение десяти лет состоял техническим редактором и сотрудником сербского журнала и издательства «Воздухопловни гласник», где выпустил несколько брошюр по авиационной стратегии.

Ещё будучи в Нови Саде, Вячеслав Матвеевич посчитал своим долгом принять участие в воспитании подрастающего поколения русской эмиграции, работая в новисадском отделе «Русского сокола», а позднее, оказавшись в Земуне, в Белградском краевом Союзе Русского сокольства – гимнастическом обществе с национальной идеологией. В. Ткачёв написал и издал брошюры «Памятка Русского сокола» (1934) и «Сокольская пропаганда» (1936), сотрудничая в это время в журнале «Русский сокол в Королевстве С. Х. С. – Югославии». Ткачёв состоял также в Обществе русских офицеров в КСХС-Югославии и печатался в столичном журнале «Военный сборник Общества ревнителей военных знаний». На белградских Высших военно-научных курсах генерала Н.Н. Головина Вячеслав Матвеевич прочёл курс лекций по тактике военно-воздушных сил. Однако, после поражения Югославии в Апрельской войне и оккупации Сербии немцами всё резко изменилось.

Вот как описывает своё положение в это время сам Вячеслав Матвеевич:

Оккупация Югославии гитлеровцами и развязанная ими война против России принесли мне тяжёлые испытания. Я был убеждён, что при недовольстве

народов России Советской властью немецко-фашистским полчищам, покорившим чуть ли не всю Европу, будет гарантирована победа и на Востоке. И я заколебался – что же теперь будет с моей Родиной?

Выдвинутый обстоятельствами на какую-то роль в русской эмиграции, я, однако, относился к оккупантам с большим недоверием, вёл борьбу с так называемыми «казаками-самостийниками» (стремившимися к созданию самостоятельной «Казаккии»), которых немцы поддерживали. Когда немцы сместили возглавителя русской эмиграции [*в Сербии, авт.*] генерала Скородумова, русские выдвинули на замещение этой должности двух кандидатов: генерала Крейтера и меня. Для переговоров немцы подослали ко мне специальное лицо, выставив условия, по которым я, прежде всего, должен был признать правильность гитлеровской политики относительно моей Родины. Я не мог поступиться своей совестью, своим патриотическим чувством, и отказался занять предлагаемую мне «почётную» должность, хотя этот отказ и обрекал меня и мою жену на полуголодное существование.

С 1942 года я занял должность начальника внешкольного воспитания русской молодёжи – учащихся мужской и женской гимназий в Белграде. Эта работа вполне устраивала меня: с одной стороны, я получил возможность бороться с тлетворным влиянием Союза гитлеровской молодёжи «Гитлерюгенд», с другой – не принимать никакого участия в войне и ничем не помогать врагам моей Родины. <...>

Приближение к Белграду советских войск вызвало панику среди русских эмигрантов, и несколько тысяч из них эвакуировались в Германию. В г. Земуне, где я жил, из 1500 русских эмигрантов осталось 150. В те дни я встретился со знакомым сербским подполковником Джуричем.

– Как, неужели Вы остаётесь? – воскликнул он неодобрительно. – Что Вы делаете, генерал? Разве можно так рисковать?

– Пусть лучше расстреляют свои, чем пользоваться рукой спасения, протянутой врагами русского народа и моей Родины, – ответил я ему.

Следственные органы МГБ не поверили в искренность моих побуждений, и я был арестован. На следствии я с полной откровенностью и со всеми подробностями рассказал о своём прошлом, считая, что раз я решил вернуться на Родину, то мне нужно быть откровенным с нею до конца. Именно в таком духе я вёл себя как при допросах в Белграде, так позже и в Москве. В конце 1944 года в Белграде следователь сказал мне: – Вот вы все стремитесь на Родину, мы вас доставим в Москву, где ваша судьба и будет в дальнейшем решена. Согласны?

Я согласился без всяких колебаний.

Весной 1945 года (уже в Москве) следствие было закончено. Я долго ждал результата и думал: что же меня может ожидать? Главная моя вина перед Советской властью – это участие в гражданской войне на стороне белых. С тех пор прошло 25 лет. Тяжесть моей вины в значительной мере уменьшилась моим искренним раскаянием. За время эмиграции я ни в каких подрывных и секретных акциях против Советской власти не участвовал, так же как не участвовал в войне против

моей Родины – в 1941-45 гг. И ко всему, я с полным сознанием и добровольно перешёл на сторону Советской власти.

04.08.1945 года Особое Совещание под председательством Берия вынесло решение о заключении меня на 10 лет в исправительно-трудовые лагеря. По отбытии наказания (11.02.1955 года) я не воспользовался правом иностранного подданного, а просил разрешения поселиться в родном краю – на Кубани. <...>

Я подал заявление и в сентябре 1955 года был принят в гражданство СССР.

В 1956 году меня разыскала жена, проживающая во Франции в доме для престарелых, и по её просьбе французское правительство разрешило мне въезд во Францию для совместной жизни с женой в том же доме для престарелых. Но я не пожелал покинуть Родину, обрётённую мною с такими трудностями и жертвами, и ответил французскому правительству отказом. А жене объяснил – когда я устроюсь, то буду хлопотать о её приезде в Россию.¹

У авторов есть возможность добавить некоторые подробности к жизнеописанию Вячеслава Матвеевича Ткачёва, воспользовавшись другим, заслуживающим доверия источником.

В октябре 1944 года он сам пришёл в «Смерш» 3-го Украинского фронта, но арестован был только в декабре и этапирован в Москву. Ордер на арест и начало следствия датированы 7. 01.1945 г. Следствие закончено в августе 1945 г. и Ткачёв получил 10 лет по статьям 58-4, 58-8 и 58-11. Потом он вспоминал, что не рассчитывал на такой срок и больше всего возмущался, что шёл по статьям «терроризм». Он написал Хрущёву 16 писем с требованием снять с него обвинения в терроризме: «Я боролся с вами честно на поле боя». Реабилитирован только в июне 1992 г.

Ткачёв отсидел в лагерях, в основном, в Потье. После освобождения ему запретили жить в центральных городах, и он поселился на родине, в Краснодаре. Сначала работал диспетчером уличного освещения, но потом из-за болезни (болел с 1929 года) перешёл в артель инвалидов-переплётчиков им. Чапаева. В 1957 году выхлопотал нищенскую пенсию по инвалидности 2-й группы 296 руб. (после реформы 1961 г. – 29 руб. 60 коп.). По некоторым данным Ткачёв ещё чем-то подрабатывал.

Писать Ткачёв начал ещё в лагере. Написал книгу «Русский сокол» (1961, 2-е изд. 2015) о своём друге П.Н. Нестерове, легенде русской авиации, публиковал отрывки из своих воспоминаний в журналах «Кубань» (1962) и «Огонёк» (1964), как и ряд заметок по истории авиации. После его кончины осталось много неопубликованного, среди которых была и рукопись книги «Крылья России: воспоминания о прошлом русской военной авиации 1910 – 1917 гг.», законченная в 1960 году.²

1 Ткачёв В.М. Крылья России: воспоминания о прошлом русской военной авиации 1910 – 1917 гг. Гуманитарный издательский центр «Новое культурное пространство». Санкт-Петербург. 2007.С. 606–609.

2 После десятка попыток историков авиации опубликовать текст, книга вышла лишь в 2007 г. в Петербурге.

Во многом из-за своих воспоминаний Ткачёв и остался в Советском Союзе. Они его и сгубили. С Ткачёвым сначала заигрывали «Воениздат» и Исторический отдел штаба ВВС. По их заказу он и писал воспоминания. Последние годы жил полунищенски только ради этой книги. Жил в полуподвальном помещении на улице Шаумяна в Краснодаре. Никогда не жаловался. Не обращал внимания на бытовые трудности. Ему оказывали поддержку старые русские лётчики, помогали приезжать в Москву и работать в архиве. Однако, у Ткачёва образовалось большое количество завистников и недоброжелателей из числа лиц, кормившихся в то время на истории русской авиации, в основном политработников ВВС. Ткачёв бескорыстно делился с ними своими знаниями, но, когда он начал писать собственные воспоминания, они начали его травить: «Белогвардеец», «Антисоветчик» и т. п. Дело даже дошло до того, что Ткачёву запретили работать в архивах, т. к. его обвинили в подделке хранящихся там документов. Ткачёв написал в 1964 году письмо Хрущёву, но было уже поздно. «Оттепель» уже кончалась. Многие из «друзей», кормившихся при Ткачёве, отвернулись от него. «Воениздат» отказался печатать его воспоминания: «Вас никто печатать не обещал».

Вся эта подлость свалила Ткачёва, и он пять месяцев пролежал в краснодарской больнице. Едва оправившись, он купил билет на самолёт до Москвы, чтобы продолжить там борьбу за издание воспоминаний. Была нелётная погода. Ткачёв долго ждал в аэропорту вылета самолёта, простудился и с воспалением лёгких опять попал в больницу. Оттуда он уже не вышел.¹

Вячеслав Матвеевич Ткачёв похоронен на Славянском кладбище в Краснодаре. На фасаде дома, в подвальном помещении которого он провёл последние годы, его почитатели установили в 1998 году мемориальную доску, а в 2000 году – мраморный памятник на его могиле.

Жена Надежда Алексеевна Т., (ок. 1886 – 29.06/06.07.1966, Франция). При содействии русских военных организаций во Франции Надежде Алексеевне удалось выехать из Югославии. Она скончалась в русском доме для престарелых в Ганьи, пригороде Парижа.

ТРУШНОВИЧ Ярослав Александрович, 03/16.04.1922, Ессентуки, СССР – 09.08.2012, Франкфурт-на-Майне.

Классный наставник гимназистов младших классов мужской гимназии в годы оккупации до ее закрытия в 1944 г.

Ярослав окончил гимназию в 22-м выпуске. Подобную его биографию см. в главе «Несколько жизнеописаний гимназистов».

¹ Письмо Р.М. Михеева к А.Б. Арсеньеву от 1 июля 1994 г.

Служащие администраций гимназий

БРЯНСКАЯ Мария Алексеевна, 22.09/05.10.1877, Москва – 05.01.1967, Белград.

Врач с 10 июля 1939 г. в женской гимназии.

Врач-гинеколог, хирург.

Мария Алексеевна окончила гимназию в Москве в 1895 г. и медицинский ф-т Лозаннского ун-та в 1906-м. После чего она прошла усовершенствование в больницах Парижа и Милана. В 1910–1918 гг. служила в московских больницах.

В феврале 1920 г. эвакуирована из Одессы и 18 марта 1920 г. прибыла в КСХС. С 1-го июня 1920 по 1946 г. М. Брянская состояла начальником отделения женских болезней Амбулатории Российского общества Красного Креста в Белграде. Одновременно была врачом Окружной канцелярии обеспечения рабочих в Белграде (1922–1926) и в Больнице для государственного транспортного персонала (1930–1933). Занималась и частной практикой. Мария Алексеевна приняла югославское подданство. Знала языки: французский, немецкий, английский, итальянский.

Муж: Виктор Диодорович Б., (08.04.1868 – 08/21.01.1944, Белград), действительный статский советник. Окончил юридический ф-т Московского ун-та. Товарищ Московского городского головы, почётный мировой судья. Участник Белого движения. Галлиполиец. В эмиграции с октября 1920 г. В КСХС прибыл 28 декабря 1920 г. из Болгарии. В Белграде состоял представителем «Земгора» в КСХС, членом Русского школьного совета при Государственной комиссии, ведающей делами русских беженцев, короткое время заведовал Русской публичной библиотекой в Русском доме в Белграде.

Сын Всеволод, (? – 19.02.1948, Франция).

ВЕЛИХОВ Борис Александрович, 21.09.1876, Санкт-Петербург – 30.05/12.06.1944, Белград.

Библиотекарь в гимназической библиотеке в Русском доме имени Императора Николая II с осени 1933 по ноябрь 1941 г.

Инженер путей сообщения, педагог.

Борис Велихов – потомственный дворянин Харьковской губернии. Он окончил частную гимназию Я. Г. Гуревича с золотой медалью, а затем Институт инженеров путей сообщения Императора Александра I в Петербурге в 1902 г. и юридический ф-т Юрьевского ун-та с дипломом 1-й степени. До эвакуации из России преподавал математику на средних электротехнических курсах в г. Елец Орловской губернии.

Оказавшись в Королевстве СХС, Борис Александрович короткое время работал как «временный инженер» в отделе по съёмкам русла рек Савы и Дуная при Министерстве строительства в Белграде. В декабре 1921 г. он начал вести уроки математики в Первой русско-сербской девичьей гимназии с общежитием в г. Велика Кикинда, где оставался до закрытия этого учебного заведения летом 1931 г.

Был он высок, худ, с длинными ногами, седыми волосами и бородкой «клином». Борис Александрович сильно напоминал Дон Кихота и американского «дядюшку Сэма». Писал стихи, охотно танцевал со своими ученицами на балах.

Один учебный год Б. Велихов преподавал математику в Харьковском девичьем институте в г. Нови Бечей, а следующий учебный год – в Мариинском Донском институте в Белой Церкви.

В ноябре 1941 г. Б. Велихов был уволен из гимназии новыми оккупационными властями и фактически оставлен без средств к существованию. Он пытался подрабатывать писанием статей в белградской сербской и русской периодике.

Среди выпускниц русских учебных заведений Борис Александрович остался в памяти прежде всего тем, что для более легкого запоминания математических формул подавал их в стихотворной форме:

- Объём шаров зубрит кто туп: Четыре третьих, пи эр куб.
- Чтоб всё по части получить, на дробь нам нужно разделить. Чтоб часть по целому узнать, на дробь нам нужно умножать.
- И в трети поставится той единица, кто «3» с тремя «эн» сокращать не боится.
- Не делай ошибки ужасной, безбожной: лишь члены подобные складывать можно.
- Пред вами конуса модель, его поверхность пи-эр-эль.

Перед уходом выпускниц из института, Борис Александрович писал им на цветных открытках жизненные наставления и свои стихи. Вот одно:

ГОРЕ

Я умереть хочу, чтоб причинить Вам горе.
Минутную, но властную печаль.
Оно пройдёт и разметётся вскоре,
Но, всё-таки, меня немного будет жаль.

Цветы распустятся, наступит праздник лета...
И Вам, порой, захочется цветов.
Тогда невольно вспомните поэта,
Что плёл возлюбленной венки из тусклых слов.

Но поздний зов – увы – рассеется напрасно,
Уж не сорвёт поэт с Парнаса роз.
И будете на миг из-за меня несчастны,
И станут очи милой тёплыми от слёз.

Велика Кикинда, 15 июня 1930 г. ¹

Не случайно Борис Александрович питал особые чувства к девушкам на чужбине – обе его дочери остались в послереволюционной России.

Борис Александрович хорошо владел латынью. 21 декабря 1935 г., при чествовании гимназией 2000-летия римского поэта Горация, он прочитал свои переводы шести од великого поэта (три оды были им переведены совместно с братом, в 1914 г.). Помимо этих переводов, в 1936 году был опубликован его перевод известного стихотворения «Святой Савва» сербского поэта Воислава Илича.

Отец Александр Тимофеевич В., (1839 – 1888), товарищ председателя Общества российских железных дорог, председатель советов Русского и Международного банков в Петербурге.

Брат Лев Александрович В., (17.01.1875, Санкт-Петербург – после 1940, СССР), надворный советник, юрист, публицист, политический деятель, депутат 4-й Государственной думы от Петербурга. В СССР подвергался арестам и репрессиям.

Жена Надежда Васильевна В., (1882– ?).

Дочери София, (1904, Санкт-Петербург – ?) и Нина, (1907, Санкт-Петербург – ?). Обе жили в Ленинграде.

ГРОТТО-СЛЕПИКОВСКИЙ Всеволод Анатольевич, 18.08.1895, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина – 12.10.1977, Париж.

Воспитатель в мужском интернате с 1922 г.

Всеволод Анатольевич учился на юридическом ф-те Новороссийского ун-та. Участник Великой войны, как вольноопределяющийся 5-го запасного артиллерийского дивизиона (1917). Участник Белого движения, в Добровольческой армии и в Вооруженных силах Юга России. Первопоходник. В Крыму – личный адъютант генерала Я.А. Слащёва. Штабс-капитан артиллерии.

Эвакуирован в Королевство СХС в начале 1920-х гг., жил в Белграде. В середине 20-х гг. Всеволод Анатольевич уехал во Францию. В Париже работал таксистом и состоял в правлении Общества русских таксистов.

Отец: Анатолий Казимирович Г-С., (ок. 1864 – 6/19.10.1937, Белград). Полковник.

¹ Цветная открытка Б.А. Велихова к институтке Т.А. Борисевич. Собрание А. Арсеньева.

Мать: Варвара Петровна Г-С., (ур. Мазуркевич; 27.10.1870, Екатеринослав – 10.07.1939, Панчево).

Братья: Георгий (см. ниже); Пётр; Анатолий, (12.03.1902, Екатеринослав – 05.12.1972, Аргентина), врач.

Жена: Наталия Г-С., (ур. Скобилевская; 12.09.1895, Екатеринослав– ?).

ГРОТТО-СЛЕПИКОВСКИЙ Георгий Анатольевич, ок. 1886, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина – до 1977.

Заведующий мужским интернатом с 1922 по 1926 г.

Георгий Анатольевич – участник Белого движения, состоял в Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован с женой 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». В мае 1920 г. находится в КСХС, жительствова в Белграде.

По поручению директора гимназии В.Д. Пленнёва занимался подготовкой и редактированием рефератов гимназистов, которые они по средам или воскресеньям читали в интернате.

ГРОТТО-СЛЕПИКОВСКАЯ (ур. Павлова) Елена Семёновна, 22.12.1897, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина– ?

Заведующая хозяйством в мужском интернате с 1922 г.

Елена Семёновна – участница Белого движения. Эвакуирована с мужем Георгием Анатольевичем Г-С. 25.03.1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер».

Сын Георгий, (22.12.1921/04.01.1922, Белград – 1977, Панчево), «Не окончившие гимназисты», см.

После развода, Елена Семёновна вышла замуж (с 26.11.1939) за Ипполита Горбунова, участника Белого движения.

ДАНИЛОВИЧ Мария Н.

Делопроизводитель женской гимназии с 29.12.1931 г.

ДОУША (ур. Леднёва) Вера Ивановна, 17.03.1892, Москва – ?

Воспитательница и заведующая хозяйственной частью женского интерната.

Эвакуирована в КСХС со своим сыном и сестрой. В Королевстве СХС-Югославии сохранила чехословацкое подданство, приобретённое ею как бывшей

женой гражданина Чехословакии. В Белграде подрабатывала частными уроками французского языка.

Сестра Серафима Ивановна Леднёва, (18.07.1876, Пенза – 06.08.1963, США).
Преподаватель женской гимназии.

Сын Владимир, (1914 – ?), гимназист, 17-й вып.

КЛЮЧАРЁВ Дмитрий Евгеньевич, 26.10.1889, Екатеринодар – 1956, Сан-Франциско.

Врач в мужской и женской гимназиях с 1940 по 1944 г.

С 28 августа 1928 г. зарегистрирован полицией как житель Белграда. Зарабатывал на жизнь водителем авто и учился. Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1935 г. Принял югославское подданство в 1937 г.

В военные годы вступил в Русский Корпус, оставаясь в Белграде, как военный врач. В 1943 г. состоял начальником отделения в лазарете Русского Корпуса в чине гауптмана. Проявил особый героизм, спасая больных и раненных из корпусного лазарета, подвергнувшегося массированной бомбардировке авиацией союзников 17 апреля 1944 г.

После 1945 г. в США, в Сан-Франциско.

КУЗНЕЦОВ Константин Дмитриевич, 1878 – ?

Секретарь женской гимназии.

Константиновское артиллерийское училище (1898). Участник Великой войны и Белого движения. Член Общества офицеров-артиллеристов.

МАЛАМА Николай Николаевич, 31.12.1873, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина – 04/17.12.1940, Белград.

Воспитатель в мужском интернате с 1926 по 1928 г.

Н.И. Малама окончил Полтавский кадетский корпус в 1892 г. и Павловское военное училище в 1894. Участник Великой войны. Награждён Георгиевским оружием. Во время гражданской войны некоторое время служил в гетманской армии (1918), а затем воевал в составе Вооружённых сил Юга России (ВСЮР). Полковник (1918). Эвакуирован в феврале 1920 г. из Новороссийска в Александрию на корабле «Саратов». В начале 1920-х гг. прибыл в КСХС.

В Белграде работал чиновником в отделе Государственной статистики. Сохранял российское гражданство. Был вдов. Состоял в Обществе офицеров-артиллеристов в КСХС.

Отец Николай Федорович М.

Мать Надежда Викторовна М.

Сестры: Вера, в замужестве Мещерская, и Ольга, в замужестве Грунау.

Брат Владимир. Офицер.

Жена Мария Альфонсовна М. (? – 17.10.1920, Александрия, Египет).

НЕДБАЕВСКИЙ Максим Иванович, 22.01.1870 или 1872, станица Каневская, Кубанской обл. – 11.10.1964, Нови Сад.

Воспитатель в мужском интернате с 1924 по 1927 г.

Максим Иванович окончил Николаевское кавалерийское училище в 1894 г. Участник Белого движения. Полковник Кубанского Казачьего Войска. Эвакуирован с юга России в КСХС. Холост. В 1920-е гг. жил в Нови Саде. Затем в Белграде.

По окончании Второй мировой войны остался в Югославии, вернувшись в Нови Сад.

Брат Пётр Иванович Н., (23.12.1880, станица Каневская Кубанской области – ?, лагерь Прокопьевск, Кемеровской обл., СССР). Полковник. Участник Белого движения. Первопоходник в составе Кубанской дружины. Эвакуирован из Батума в 1919 г. на корабле «Марк Аврелий». В эмиграции в КСХС. Атаман Новисадской общеказачьей станицы, позднее – Новисадского вольно-казачьего хутора. Во время Второй мировой войны находился в казачьих частях германской армии. Выдан в Лиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Умер в лагере.

НИКОЛАЕВ Александр Михайлович, 20.03/02.04.1900, Санкт-Петербург – март 1963, Сан-Франциско.

Секретарь мужской гимназии.

Пятилетним мальчиком Александр Михайлович был перевезён родителями во Владивосток, а затем в Китай. Он окончил гимназию в Харбине и еще юношей присоединился к Белому движению. Корнетом-кавалеристом совершил Сибирский поход через тайгу от Екатеринбурга до Байкала.

В 1923 г., будучи уже в Берлине, Александр Николаев женился на Александре Евграфовне Жернаковой. Несколько лет они путешествовали по Европе, пока не переехали в Королевство СХС.

Семья обосновалась в Белграде, где Александр Михайлович был частным чиновником, а затем арендовал библиотеку у Союза писателей и журналистов. Позднее он начал работать в гимназии и, одновременно, библиотекарем Русской публичной библиотеки в Русском доме имени Императора Николая II.

Перед освобождением Белграда, в сентябре 1944 г. семья эвакуировалась в Германию, где они попали во французскую зону оккупации. Живя в г. Ванген, Александр Михайлович принимал участие в общественной и культурной жизни: выступал на литературных судах адвокатом и в любительских спектаклях, читал свои исторические и бытовые романы.

В 1950 г. Николаев с супругой переехали в США, в Сан-Франциско. Здесь ему пришлось заниматься физическим трудом, тем не менее, из своих трудовых денег он систематически посылал в разные европейские страны материальную помощь нуждающимся русским людям. Он устраивал русские спектакли, в которых участвовал сам как артист. Сотрудничал в газете «Русская жизнь», куда помещал свои рассказы, фельетоны, юмористические стихи. Особенно преуспел в сочинении акrostихов. Лирические стихи писал только жене.

Николай Михайлович был глубоко верующим человеком.

Жена (с 1923 г.): Александра Евграфовна Н., (ур. Жернакова; 1897–1981), преподаватель гимназии.

ПЛЕТНЁВА (ур. Даниель) Евгения Васильевна, 22.11.1874 по другим источникам 22.11.1876 – 16.09.1934, Пожаревац, Сербия.

Служила попеременно архивариусом, делопроизводителем и библиотекарем.

Подробные сведения о жизни Евгении Васильевны см. в тексте биографии её мужа в главе «Плетнёв Владимир Дмитриевич».

ПОЛЯНСКАЯ Анна Митрофановна, 18.03.1888, Санкт-Петербург – ?

Медсестра.

Сестра милосердия во время Великой и Гражданской войн. Приехав в КСХС, с февраля 1923 г. работала медсестрой в Поликлинике Российского общества Красного Креста в Белграде. Вдова. Анна Митрофановна сохранила российское подданство.

Муж Владимир П., (1893 – 20.08.1921, Белград). Полковник.

Дочь Ольга, (род. 22.09.1921, Белград), «Не окончившие гимназисты», см.

ПОПОВ-АЗОТОВ Василий Иванович, 1868, Ставрополь – 16.08.1932, Панчево, похоронен в Белграде.

Заведующий мужским интернатом в 1926 – 1927 гг.

Полковник.

Василий Иванович окончил Киевский кадетский корпус, Алексеевское военное училище (1888) и педагогические курсы. Командир роты 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. Во время гражданской войны состоял в белых войсках Восточного фронта на той же должности. Эмигрировал в Китай. В. Попов-Азотов находился в Шанхае с 1922 по 1924 г., некоторое время был директором корпуса. С остатками корпуса и персонала 6-го декабря 1924 г. прибыл на пароходе «Портос» в адриатический порт Сплит, в КСХС и был направлен в Русский кадетский корпус в Сараево, где состоял воспитателем до 9-го января 1926 г. Затем переехал в Белград.

Вдовец. Скончался от туберкулёза.

Жена Вера П. -А.

Дети: Владимир, (14.04.1914, Омск – 12.05.1979, Австралия), гимназист, 12-й вып. Окончил технологическое отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1944 г.; Георгий, (? – 01.10.1986, Перт, Австралия), участник Белого движения. Первопоходник. Затем – в белых войсках Восточного фронта. Летом 1920 г. – в войсках Временного правительства Приамурской земской управы. В эмиграции в Шанхае (1922–1924), затем – в Австралии. Две дочери.

ПУЗИНСКИЙ Александр Францевич, 26.05.1873, Аккерман, Бессарабской губ., ныне Украина – 30.11/13.12.1941, Белград.

Эконом гимназии.

Юрист. Статский советник. Служил прокурором Херсонского окружного суда.

Эвакуирован в 1919 г. на пароходе «Рио-Пардо» из Одессы в Салоники, и по железной дороге прибыл в Королевство СХС, в Белград.

Холост. В эмиграции сохранил российское подданство. В первые годы жизни в КСХС служил чиновником.

Братья: Владимир, (14.09.1877, Аккерман – 17.05.1931, Ленинград), полковник гвардии. Участник Великой и Гражданской войн. Советский военный служащий. Репрессирован и расстрелян. Посмертно реабилитирован; Михаил, капитан, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1916).

РОСЛОВ Александр Петрович, 20.10.1893 – 16.10.1978, Париж.

Воспитатель в мужском интернате с 1922 по 1924 г.

Будучи студентом Университета Св. Владимира в Киеве, А. Рослов окончил 4-ю Киевскую школу прапорщиков в 1916 г. и отправился на фронт. Участник Белого движения в бронепоездных частях. Поручик. Эвакуирован из Крыма. Галлиполиец. Первые годы эмиграции жил в КСХС. Позднее переехал во Францию.

Жена Вера Владимировна Р., (? – 1992, Париж).

СЛИВИНСКАЯ (ур. Вишневская) Мария Андреевна, ок. 1880 – ?

Заведующая женским интернатом гимназии в годы оккупации Белграда.

В годы Великой войны и позднее во время гражданской Мария Андреевна жила в Киеве и занималась благотворительностью. В 1919 г. семья Сливинских покинула Россию.

С конца 1920-х годов и до конца 1930-х Сливинские жили в Дубровнике на собственной вилле «Флора мира». Муж, Александр Владимирович, работал по своей специальности – инженер-строитель и подрядчик при строительстве шоссейных дорог. В летний сезон они принимали у себя русских «знаменитостей». Например, у них какое-то время дважды отдыхал поэт Игорь Северянин, которого Александр Сливинский возил по побережью Адриатики на собственном авто. В летние сезоны гостили «сливки» белградского культурного общества: оперные певцы, театральные деятели, профессора, врачи.

Еще до начала войны и оккупации Италией Дубровника Сливинские переехали в Белград. В 1940 г. М.А. Сливинская возглавляла в столице «Татьянинский комитет», основанный ещё в 1931 г. для оказания помощи обездоленным русским людям, учащейся молодежи, детям, престарелым и больным женщинам. Во время войны и какое-то время после её окончания Мария Андреевна продавала вывезенное из Дубровника имущество, в том числе ковры. На вырученные деньги существовала их семья.

В 1945 г. чета Сливинских покинула Югославию.

Муж Александр Владимирович С., (11.09.1886 – 21.12.1953, Монреаль, Канада). Настоящая фамилия до 1914 г. – Слива. Николаевское инженерное училище (1908). Академия Генерального штаба (1914). Участник Великой войны. Начальник штаба Киевского военного округа. Георгиевский кавалер. В 1918 г. в гетманской армии. Начальник Генштаба. Войсковой старшина. Участник Белого движения. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Великий князь Александр Михайлович». В мае 1920 г. в КСХС. Вернулся в Крым в состав Русской армии. Служил в отделе генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего до эвакуации Крыма. Эва-

куирован на корабле «Сегед». Осенью 1925 г. находился в Болгарии в составе Корниловского полка. Полковник. В Югославии состоял членом Общества офицеров Генштаба. С 1945 г. в Германии, с 1951 г. – в Канаде.

Детей не было. Пасынок.

СТРАТОНОВ Александр Васильевич, 21.11.1880, Екатеринодар – до 12.09.1930, Земун, близ Белграда.

Воспитатель в мужском интернате с 1925 по 1927 г.

Александр Васильевич окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1914 г. Участник Великой войны и Белого движения. Состоял при Управлении военными сообщениями, со 2-го ноября 1919 г. стал начальником военных сообщений Донецкого региона. В эмиграции в КСХС. А. Стратонов жил в Земуне и в Белграде. Полковник. Член Общества офицеров Генштаба. Сохранил российское подданство.

В состоянии душевного расстройства А.В. Стратонов застрелился.

ТКАЧЕНКО Петр Михайлович, 1874 – 25.05.1957, Дублин, Ирландия.

Делопроизводитель-секретарь с 1922 г. смешанной гимназии, а с 1930 по 1941 г. – мужской.

Петр Михайлович – воспитанник Ставропольской духовной семинарии. Военную службу он начал в Анапском резервном батальоне вольноопределяющимся. Окончил Тифлисское военное училище в 1900 г. и вышел в 78-й Навагинский полк (г. Наваги на Кавказе). П. Ткаченко служил в строевых частях и в штабах Кавказского военного округа и Кавказской армии, закончив службу в июне 1918 г. начальником отделения демобилизационного управления штаба Кавказского фронта. Участник Белого движения с октября 1918 г. Подполковник.

Эвакуирован в КСХС, Белград.

По окончании Второй мировой войны выехал из Югославии вместе с женой и жил в Ирландии.

Жена Лидия Болеславовна Т.

История души человеческой,
хотя бы самой мелкой души,
едва ли не любопытнее и не полезнее
истории целого народа.

М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»

НЕСКОЛЬКО ЖИЗНЕОПИСАНИЙ ГИМНАЗИСТОВ

Нобелевский лауреат, поэт Иосиф Бродский как-то отметил, что единственное имеющееся в распоряжении человека средство, чтобы справляться со временем, есть память.

Из этих восемнадцати мальчиков и девочек, бывших гимназистов, чьи жизнеописания вы прочтете ниже, кто-то родился ещё в России, а кто-то вырос на берегах Дуная и Савы. Каждому из них выпала своя судьба, кому-то – страшная судьба. Троим из них довелось прожить до конца своих дней в Югославии, остальных жизнь разметала по всему свету.

Нам представляется, что и эти жизнеописания, собранные вместе, и биографии других учеников «плетнёвских» гимназий, которые представлены в следующих главах книги, создают яркую картину жизни целой эпохи, память о которой мы и пытаемся сохранить. Эпохи, объемлющей почти столетие. Это часть, пусть малая часть, истории жизни государства Российского, ибо подавляющее большинство русских эмигрантов во всех странах рассеяния всегда считало себя гражданами России.

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ Илья Николаевич, князь, 12/25.04.1904, с. Наталино Саратовской губ. – 26.04.1969, Москва.

Поэт, филолог, переводчик. Специалист по романской и славянской литературам.

1-й выпуск 1921 года.

В 1920-м году 16-летний Илья вышел из тифозной палаты госпиталя в Софии, столице Болгарии. Ему повезло: он выжил. Так началась его новая, уже взрослая жизнь. Почти сразу же семья Голенищевых-Кутузовых – раненый и контуженый в Великой войне отец, мать и сестра – переехала в КСХС, в Белград, как раз тогда, когда был объявлен первый набор в русско-сербскую гимназию.

Через год, получив аттестат зрелости, Илья сразу же записался на романское отделение философского факультета Белградского университета. Уже в гимназии Илья обрел своего «мэтра», который фактически определил весь дальнейший жизненный путь талантливого юноши. Это был Евгений Васильевич Аничков, профессор кафедры сравнительных литератур.

Ещё до защиты диплома в 1925 году состоялся поэтический дебют Ильи Голенищева-Кутузова в сборнике «Гамаюн, птица вещая» (Белград, 1924) вместе со своими новыми друзьями, поэтами «русского Белграда».

Молодой педагог был направлен преподавать французский язык в черногорский город Никшич, но вскоре ему удалось перевестись в старинный город-крепость на Адриатике Дубровник. Там Илья Николаевич познакомился и подружился с драматургом и поэтом Иво Войновичем (1857–1929) и с польским композитором Людомиром Михалом Роговским (1881–1954), который сочинил 5-актную оперу «Марко Королевич» на либретто Голенищева-Кутузова.

В бенедиктинском монастыре Дубровника Илья Николаевич с увлечением изучал труды средневекового мастера латинской прозы Бернара Клервоского, идеи которого были переосмыслены провансальскими трубадурами и поэтами Италии. Из Дубровника Кутузов несколько раз ездил в Италию: во Флоренцию – «к Данте», в Рим – к Вячеславу Иванову. Там, иногда вместе с Е.В. Аничковым, они вели беседы о поэзии и религии, о кризисе культуры, об античной Греции и средневековье.

В 1929 году И.Н. Голенищев-Кутузов принял югославское гражданство.

На полученную французскую стипендию он отправился в Париж для совершенствования в образовании. Во французских научных кругах он приобретает имя, благодаря исследованиям творчества Боккаччо, Петрарки и Филиппа де Мезьера, становится известным и в русской литературной и интеллектуальной среде. Илья пишет стихи (сборник «Память», 1935 г.) и прозу, много публикуется, сотрудничая с русской эмигрантской прессой, знакомится с Н.А. Бердяевым, Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус, с А.М. Ремизовым, В.Ф. Ходасевичем и другими выдающимися деятелями русского зарубежья.

С докторатом Сорбонны (диссертация на тему «История Гризельды во Франции в XIV и XV вв», Париж, 1933) русский князь, подобно далматинскому «нобилю» прежних эпох, возвращается в Дубровник. В этом же году в Белграде вышла подготовленная им «Антология новой югославянской лирики», где в качестве переводчиков выступили сам Голенищев-Кутузов, А.П. Дураков и Е.Л. Таубер.

По рекомендации Аничкова в мае 1934 года Илья Николаевич переезжает в столицу страны на постоянную работу преподавателя в Пятой мужской гимназии и одновременно становится приват-доцентом философского факультета, читает лекции о старофранцузском языке.

Тридцатые годы – период бурной научной деятельности Кутузова: вместе с американским славистом Мильманом Пэрри он объезжает горные селения Герцеговины, Боснии и Черногории, где сохранились эпические традиции, записывая там песни гусяров; создает в Белграде кружок русских поэтов «Литературная среда», члены которого выпускают сборник своих стихотворений; на страницах югославских и эмигрантских газет и журналов печатаются его статьи и эссе о Пушкине, Гоголе, Достоевском, Л. Толстом, Вяч. Иванове, А. Белом и др.; публикует свои стихи; пишет очерки и о современной литературе, о писателях Запада и югославских авторах; сотрудничает в «Белградском Пушкинском сборнике» (1937); принимает участие в подготовке намеченного на сентябрь 1939 года Третьего международного конгресса славистов в Белграде (не состоялся из-за начавшейся войны).

В эти же годы Илья Николаевич обращает пристальное внимание на то, что происходит в Советском Союзе и на советскую литературу. Он становится частым посетителем Земгора, которое возглавлял Ф.Е. Махин, бывший белый офицер, завербованный НКВД. Библиотекой «Земгора» заведовал Фёдор Высторопский, гимназист 6-го выпуска.

В 1938 году Илья Николаевич опубликовал в сербском журнале «Смена» статьи о первом томе «Поднятой целины» М.А. Шолохова и романе А.Н. Толстого «Пётр I»; в результате номера журнала со статьями были конфискованы, а автор был арестован югославской полицией по обвинению в советской пропаганде. Более того, учёный был лишен югославского гражданства и уволен со службы как лицо политически неблагонадежное. Однако, после жалобы в Верховный суд, И. Голенищев-Кутузов был восстановлен в гражданстве и смог продолжить работу.

Вероятно, эти события заставили Илью Николаевича задуматься о возможном отъезде в СССР. Он обратился в советское представительство в Болгарии с просьбой о возвращении на родину, однако безуспешно. Осенью 1940 г. после установления дипломатических отношений между СССР и Югославией И. Голенищев-Кутузов повторил попытку, которая также не увенчалась успехом.

Позднее, в 1963 году, будучи уже в СССР, Илья Николаевич напишет: «Неугасимая любовь к Родине заставила некоторых эмигрантов ещё в тридцатые годы

поверить в достижения Советского Союза и как неизбежное принять Октябрьскую революцию».

В моих последних, татарских,
Ещё не крещённых глубинах
Над пеплом усадьбы барской
Слышится свист Соловьиный.

Мне видится дикое поле,
Дотла сожжённые сёла.
О вольная воля,
Разбойничьей песни весёлой!

Во мне пламенеет, клубится
Вся страсть возмущённой стихии:
Я больше не в силах скрыться
От страшного зова России.

1936 г.

Во время короткой Апрельской войны Илья Николаевич посчитал своим долгом вступить добровольцем в югославскую армию. После капитуляции Югославии он вернулся в Белград, но 4-го ноября 1941 года был арестован гестапо.

Вместе с группой профессоров Белградского университета Голенищев-Кутузов был отправлен в концлагерь «Баница» (пригород Белграда), где он сидел в одном бараке с известным сербским филологом, академиком Александром Беличем (1876–1960).

Голенищев-Кутузов был освобождён 22-го ноября, а уже зимой по приглашению выпускника гимназии Ф.Е. Высторопского Илья Николаевич вступил в подпольную антифашистскую организацию Союз советских патриотов (ССП) и взял на себя руководство одной из подпольных групп.¹ Большая часть членов ССП после его разгрома и произошедших арестов в 1944 году ушла в партизанские отряды. Илья Николаевич воевал в одном из них в регионе Банат.

После освобождения Белграда Кутузов на короткое время был назначен директором Русского дома, затем, в 1945 году, политическим комиссаром г. Панчево, а позднее вернулся к преподавательской деятельности в белградских гимназиях.

Последствия не заставили себя ждать: после опубликования 28 июня 1948 года так называемой «Резолюции Информбюро» и разрыва отношений между

1 Подробно об ССП см. в биографиях В. Лебедева, 4-й вып. и Ф. Высторопского, 6-й вып.

Югославией и СССР, коммунистическая власть перешла к открытому преследованию остатков русской эмиграции. В эти годы острый конфликт между двумя коммунистическими режимами по поводу бывших русских беженцев, принявших советское гражданство, вышел на международный уровень: вопрос обсуждался на IV сессии Генеральной ассамблеи ООН в ноябре 1949 г.

Члены ССП военного времени, в том числе и Голенищев-Кутузов, выступившие в поддержку «Резолюции Информбюро», подверглись репрессиям. Многие были арестованы и помещены в концлагерь Голи Оток («Голый остров») в Адриатическом море. В 1950 году госбезопасности Югославии (УДБА), как верная ученица советских чекистов, задумала организовать показательный процесс над раскрытой ею группой «советских шпионов». Этого требовал и политический момент, переживавшийся Югославией. Находившиеся в лагере были переведены в политическую тюрьму в Сремска Митровица и подвергнуты новым допросам с применением физического насилия. К ним были просоединены несколько человек из оставшихся на свободе. Так Илья Николаевич оказался в тюремной камере.

1 августа 1951 года в районном суде Белграда начался процесс над группой из 12 «советских шпионов», широко освещавшийся югославской прессой. Вместе с Ильей Николаевичем на скамье подсудимых оказались его соратники по ССП, в том числе и бывшие гимназисты: врач Владимир Александрович Лебедев (4-й вып.), архитектор Павел Васильевич Крат (6-й вып), учившийся в гимназии, но не окончивший ее Георгий Олегович Наумов, служащая Нина Александровна Дубельштейн (Кнежевич по мужу), также не окончившая гимназию. К русской группе присоединили одного серба: Люба Крагуевич, слесарь-механик, бывший участник Октябрьской революции в России, член СКП (б) с 1928 года.¹ Обвиняемые жили в различных городах Югославии: Белграде, Нише, Белой Церкви, Велико-Градиште, Смедерево. Всем вменялось в вину то, что они были завербованы органами советской разведки (НКВД) и контрразведки (СМЕРШ). Через десять дней, 11 августа, судья объявил вердикт: Голенищев-Кутузов – 4 года строгого тюремного режима. Такой же срок заключения получил Павел Крат, по 6 лет тюрьмы судья определил Борису Заболоцкому и Георгию Наумову, 9 лет досталось Владимиру Лебедеву. Несчастный Люба Крагуевич получил 14 лет. Нина Дубельштейн-Кнежевич за недоказанностью обвинения была «благородно» признана невиновной и освобождена в зале суда.

Из тюрьмы Илья Николаевич вышел только в 1953 году (или в 1954-м). Он сразу же пытается связаться с сыном и выехать во Францию, но его выдворяют в Венгрию без какого-либо багажа. В Будапеште Илье Николаевичу удастся получить

1 Вероятно, имелась в виду Сербская коммунистическая партия (большевиков), которой никогда не существовало. Однако эта аббревиатура была приведена в газетах.

работу в качестве профессора кафедры русского языка в университете им. Ленина; в институте славяноведения он прочёл курс лекций по истории югославской литературы.

Наконец, летом 1955 года И.Н. Голенищев-Кутузов смог выехать в СССР, лишившись на этом долгом пути на родину своего архива, рукописей и всех книг.

Илья Николаевич, однако, не унывал: дома он обрёл новую семью и новых друзей. Он был принят на работу старшим научным сотрудником в Институт мировой литературы (ИМЛИ) АН СССР в отдел зарубежной литературы, а позднее читал лекции по истории французской и итальянской литератур в Московском университете (МГУ).

Среди почти двухсот научных трудов И.Н. Голенищева-Кутузова академик Д. С. Лихачев выделял его труды о Данте и вторую («советскую») докторскую диссертацию на тему «Итальянское Возрождение и славянские литературы XV-XVI веков» (Ленинград, 1963). Вдова Ильи Николаевича и его самоотверженный сотрудник, Искра Вениаминовна, вспоминала:

Начало широкой известности Ильи Николаевича в Советском Союзе было положено на защите его докторской диссертации в Пушкинском доме, которая проходила в какой-то непривычной для подобных акций приподнято-торжественной атмосфере и при большом стечении народа. Оппонентами его являлись такие признанные корифеи отечественной филологии, как академики В.Д. Жирмунский, М.П. Алексеев и Д.С. Лихачев.¹

В 1967 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга И. Голенищева-Кутузова «Данте». Впоследствии Илья Николаевич состоял членом многочисленных итальянских «дантовских» и филологических обществ.

Не забывал Кутузов и свою юношескую любовь: поэзию Далмации. Им была составлена антология этой поэзии с подробным предисловием и комментариями, сделаны переводы стихов с латинского, сербскохорватского и итальянского языков.

Подвижническую работу знатока романских и славянских литератур И.Н. Голенищева-Кутузова помнят в Югославии, где о нём опубликован ряд статей в энциклопедиях.

Скончался Илья Николаевич накануне 40-летия своей научной и литературной деятельности.

Двадцать лет по лестницам чужим,
Двадцать лет окольными путями
К цели неизвестной мы спешим.
Наш народ давно уже не с нами.

¹ Голенищева-Кутузова И.В. Об авторе этой книги // Голенищев-Кутузов И.Н. Лики времени. Парижские эссе. Москва: Издательство МЦНМО, 2004. С. 13.

Он велик, могуч и молчалив.
Хоть бы проклял нас, но нам ответил.
Мы забыли шум родимых нив.
Всуге трижды прокричал нам петел.

Отреклись мы от родных глубин
И прервали связь святую сердца.
Дожили до роковых седин
С кличкой иностранца, иноверца.

Чем отверженности смыть печать,
На какую смерть идти и муку,
Чтобы сердцем снова ощущать
Круговую верную поруку?

Белград, 1938.

Отец Николай Ильич Г-К., (1875 – 16/29.12.1925, Белград). До 1907 г. служил в корпусе жандармов. Полковник. С 1920 г. в эмиграции в Югославии.

Мать Вера Александровна Г-К., (ур. Бодиско; 1877 – 1961), дочь отставного капитана Александра Яковлевича Б. и Наталии Степановны, ур. Чихачёвой.

Сестра Ирина, гимназистка, выпуск женской гимназии 1929 года. В замужестве Груничева.

1-й брак (с 1925 г.): Елена Александровна Г-К., (ур. Циглер; 04.03.1902, Ижевск – 21.04.1977, США). Развод. Сын Илларион, «Ларик», (род. 19.08.1926, Дубровник), «Не окончившие гимназисты», см. В эмиграции во Франции, позднее в США, Чикаго.

2-й брак (с 1937): Ольга Вальтеровна Г-К., (ур. фон Бреверн; 30.12.1910, по другим источникам 1912 – 1983, Швейцария). Филолог.

3-й брак: Искра Вениаминовна Г-К., (ур. Мурштейн; 1925 – 2010, Москва). Филолог. Многолетний сотрудник ИМЛИ.

СТЕНБОК-ФЕРМОП (Stenbock-Fermor) Лев Георгиевич, граф, 16.02.1902, имение Васильевка, Херсонской губ., ныне Украина – 1972, Бужумбура, Бурунди.

Инженер-строитель.

2-й выпуск 1922 года.

Стенбок-Ферморы – древняя шведская аристократическая фамилия, потомки которой в России поселились в Эстляндии и Петербургской губернии.

Судьба Льва Георгиевича уникальна даже среди многих захватывающих историй жизни бывших гимназистов. До Февральской революции 1917 года жизнь молодого графа, единственного ребенка в семье, шла по ясному сценарию: обучение в гимназии, летом – отдых в имении. Далее – университет и так называемое «блестящее будущее». Но ему не довелось окончить на родине даже гимназию.

Когда гражданская война пришла на Юг России в родное имение Васильевка, отец был дважды арестован красными. Но отчаянно смелой супруге оба раза удалось выкупить мужа. От греха подальше они уехали в Одессу, откуда в феврале 1920 года, когда на улицах уже стреляли по офицерам и кадетам, все трое эвакуируются на британском крейсере вместе с воспитанниками Одесского, Киевского и Полоцкого кадетских корпусов.

После скитаний на Балканах Стенбок-Ферморы оседают в КСХС, в Словении. Началась тяжёлая беженская жизнь. Отец время от времени находил работу (за подённую плату) в разных учреждениях маленького городка. Тем не менее Льва отправили в Белград, чтобы он смог завершить среднее образование – видимо, какие-то средства им удалось все-таки вывезти.

В 1922 году после получения аттестата зрелости Лев вернулся в провинциальный Ормож. Для продолжения образования сына была выбрана Бельгия, в которой русские эмигранты в те годы довольно быстро находили возможность заработка. По-видимому, свою роль сыграли сведения о том, что именно в Бельгии различными фондами организована существенная материальная поддержка студентов русского происхождения. Известно, что в 1923 году 61% русских студентов в Бельгии получали стипендии. При этом инженерное образование в Бельгии считалось лучшим в Европе.

Основными спонсорами учащихся в Бельгии были государство, крупные банки и «Комитет защиты бельгийских интересов в России», объединявший компании, которые до революции вели дела в России и надеялись после падения большевиков туда вернуться.¹

¹ Все биографические сведения и подробности жизни русских эмигрантов в Бельгии и Конго почерпнуты из двухтомной монографии *Ронин В. Русское Конго 1870–1970. Книга-мемориал*,

Все верили, что долго Ленин и компания не продержатся. Жизнь рассудит иначе – случается, что даже прагматики-европейцы ошибаются.

Немалую поддержку молодым беженцам предоставлял «Бельгийский Патронаж для русской университетской молодёжи за границей». В его Правление входили профессор, адвокаты, промышленники и политики либерального направления, а возглавлял «Патронаж» один из директоров крупнейшего в Бельгии частного банка «Сосьете Женераль» Эмиль Франки. Большую, год от года возрастающую помощь русским студентам в Бельгии оказывал католический фонд «Бельгийская помощь русским», основанный кардиналом Д.-Ж. Мерсье.

Бельгийское гостеприимство удачно дополнялось дешёвизной жизни. Снижение обменного курса бельгийского франка в 1924 году сделало переезд сюда особенно выгодным. И «тихой радостью» для русских эмигрантов было существование в Бельгии Его и Ее Величеств.

В 1924 году граф Стенбок-Фермор становится студентом университета в Генте, готовясь стать инженером. Он получил стипендию «Американского комитета для предоставления образования русской молодёжи в изгнании» и кое-что доплачивал Патронаж, чтобы довести сумму до 300 франков в месяц. Тем не менее, как свидетельствует его дядя, (вероятно Владимир Васильевич, живший в Югославии), племянник жил впроголодь.

На следующий год пришло печальное известие из КСХС о том, что старый граф тихо отошел ко Господу, а мать начала зарабатывать на жизнь уроками иностранных языков. Ни о какой помощи сыну с её стороны не могло быть и речи.

Как бы то ни было, молодой человек проявил упорство и получил диплом инженера в 1928 году. «Упорным» помогала и сама система преподавания в бельгийских вузах, требовавшая постоянного посещения всех занятий и предусматривавшая почти еженедельные контрольные работы, что не позволяло отвлекаться.

В этом же году, в июне в Бельгийское Конго отправилась августейшая чета. Отныне поехать в Центральную Африку значило некоторым образом приобщиться к жизни и интересам королевской семьи. В Бельгии газеты не упускали ни малейшей подробности этой поездки, описывали природу «нашего Конго», быт его населения. Капиталы и кадры потекли из метрополии в Африку в невиданных прежде масштабах. Обратной стороной блестящей бельгийской медали оказалось то, что компании, работавшие в Африке, резко сократили приём на работу иностранцев.

Да и в Европе с работой стало совсем скверно, и счастье, что Лев устроился чертежником, коим и проработал больше года, прежде чем нашлась вакансия государственного служащего для работы в Центральной Африке. Не исключено,

что Льву пришлось воспользоваться связями в аристократических кругах Бельгии. Слово «Африка», едва ли хоть раз прозвучавшее в родном доме на далёкой Херсонщине, Лев произнёс в ноябре 1929 года на семейном совете: молодая жена-бельгийка Эдит, тёща и со всем согласная 4-месячная дочь. Жребий был брошен – решили ехать вдвоём!

Это было весьма рискованное решение: отъезд в Конго для белого эмигранта был сродни русской рулетке: немногим удавалось протянуть там больше года. Далее – болезнь, пароход, Бельгия, больница.

Но расставшимся с иллюзиями изгнанникам из большевистской России, в которой только что торжественно отметили 10-летие революции, терять в Европе было нечего. А в Африке маячил хороший колониальный оклад и возможность помогать родным, зачастую просто бедствовавшим.

Среди африканских колоний Бельгийское Конго котировалось очень высоко. Первыми дорогу туда проложили моряки, за ними последовали врачи, агрономы, инженеры. Поток русских в Африку будет год от года нарастать, хотя далеко не каждому удастся туда попасть. Молодому графу это удалось, но он не мог тогда и подумать, что проведёт в Африке всю свою жизнь.

Наша пара обосновалась в Усумбуре, административном центре области Урунди, подмандатной (от Лиги наций) территории Руанда-Урунди. Добирались сюда обычно пароходом из Марселя в Дар-эс-Салам, а затем поездом через британскую подмандатную территорию Танганьика.

Возможно именно граф Стенбок-Фермор стал 190-м совершеннолетним русским («Russes»), зафиксированным на территории Бельгийском Конго и Руанда-Урунди колониальной администрацией на 1 января 1930 года. В это время «русское Конго» достигло своей максимальной численности.

С должности помощника инженера началась почти 40-летняя карьера Льва Георгиевича, которая пройдет в этом краю холмов и больших озёр. Работал он на строительстве дорог, часто в отдалённых, глухих местах.

Работа по прокладке линии начиналась с того, что негры (народности тутси) короткими тесаками вырубали густую, высокую траву и кустарник, а белые работали у инструментов. Расставив всех для работ, инженер подолгу ходил, измеряя дистанции. За ним рабочие носили дальномер и сумку с планами и чертежами. Чтобы добраться из палаточного лагеря до места работ и обратно к услугам начальника был «типой» – гамак, подвешенный к двум крепким палкам, который четверо носильщиков несли на плечах. Так проходил месяц за месяцем, вдали от семьи и каких-либо признаков цивилизации, при том, что ближайший врач зачастую находился в 10–12 днях пути.

Но всё-таки не эти профессиональные трудности отравляли порой жизнь нового «колониала». Обостренное чувство собственного достоинства вчерашнего

беженца-изгоя, незнакомое тому, кто сам не побывал в эмигрантской шкуре, не позволяло сносить пренебрежение, а иногда и грубость, и прямое хамство бельгийских начальников и коллег по работе. У многих русских эмигрантов старшего поколения, попавших в Конго, проявлялась эта особая чувствительность, связанная с утратой своего бывшего положения в России. Русскую молодежь в Конго больше всего задевала и психологически угнетала зависимость от бельгийского начальства, далёкого и некомпетентного. Впрочем, и местные начальники часто поражали их своим умением устроить из всего хаос. Происходившие из культурной среды, хорошо образованные русские специалисты заметно выделялись на общем фоне белого населения Конго.

В Руанде-Урунди Лев Георгиевич столкнулся с завистью коллег, понявших, что появился опасный конкурент, умеющий работать лучше и иначе, чем они.

Первое время службы для Льва было трудное, – вспоминал его дядя, – в особенности, когда местные инженеры стали писать на него доносы. Но комиссия, ревизовавшая его по этому поводу, констатировала лишь быстроту работы, тщательность её выполнения, а главное дешёвизну, и после доклада об этом в метрополию его повысили.

Спасением для Льва Георгиевича несомненно была семья и работа.

В январе 1931 года у него родился сын, получивший редкое «русско-французское» имя Жорж-Владимир-Шарль, в котором соединились имена обоих дедов – русского Георгия и фламандца Шарля.

Находясь в Конго, многие русские «колониалы» считали для себя важным принимать посильное участие в жизни соотечественников в Бельгии. Наиболее популярным средством помощи «нашим» стали пожертвования на благотворительную деятельность. Из Конго приходили десятки, сотни и даже тысячи франков, главным образом «на церковь». Свои двести франков пожертвовал в эти годы и Лев Георгиевич.

Подходил к концу его первый «терм» в Африке: за три года молодой помощник инженера завершил начатое до него строительство дороги Китега – Нгози – Астрида и построил новую от Нгози до Гисоро.

Мировой экономический кризис, от которого граф, казалось бы, убежал в Африку, догнал его, когда в начале 1933 года он с женой вернулся в Брюссель и серьёзно там застрял. В эти годы, когда почти 40% активного населения Бельгии осталось без работы, начала сворачиваться и деятельность компаний в Тропической Африке, почти целиком ориентированных на экспорт сырья. С весны пошли сокращения персонала, пароходы, направлявшиеся из Антверпена в Бому и Матади, казались почти пустыми по сравнению с теми, что шли им навстречу. В первую очередь из-

бавлялись, конечно, от иностранцев – их или прямо увольняли или отказывали им в новом контракте. Лев Георгиевич был вынужден снова прибегнуть к своим связям, но даже госпожа Мари Леклер де Во, бельгийская аристократка, вице-председательница благотворительной организации «Помощь бельгийских матерей русским матерям, проживающим в Бельгии», получила от генерал-губернатора колоний сухой ответ, что наймом государственных служащих для Конго занимается Министерство колоний. Стенбок вернулся в Руанда-Урунди лишь в июне 1935 года. В то время на всей этой территории оставалось едва ли больше десятка «Russes».

Верная Эдит, оставив детей в пансионате в Бельгии, через месяц последовала за мужем. Лев Георгиевич почти сразу же стал инженером 1-го класса, а в конце 1936 года, после того, как он получил бельгийское подданство, его взяли в штат. На юге округа Стэнливилль (это уже Конго) Стенбок-Фермор более года размечал трассу будущей дороги Лова – Валикале, месяцами не выходя из леса. Он же строил шоссейные дороги в провинции Костермансвилль в 1937–1938 годах. Немалую помощь мужу оказывала Эдит, которая, во время его отлучек, сама присматривала за действиями сотен местных рабочих. Начальство высоко ценило технические познания графа, но часто пеняло ему, что он слишком кропотлив и медлителен. Натурально, времена кризиса – охотничий сезон для интриганов. Возвращаясь домой «из леса», свои редкие часы досуга Лев Георгиевич любил проводить за шахматной доской.

Отметим, что именно кризис подтолкнул многих, в том числе и людей из России, к тому, чтобы вообще оставить службу и создать собственное дело, то есть стать «колоном». События, происходившие в Европе в эти последние мирные годы, чрезвычайно волновали русскую диаспору. Общее мнение все-таки склонялось к тому, что «войны не будет». В это верили настолько, что даже после разгрома Польши Германией и СССР, многие смельчаки ехали в отпуск в Бельгию: Польша – это же далеко на востоке, не понимая ещё, что 1 сентября началась Вторая мировая война. Однако, менее чем через год, 10 мая 1940 года Германия напала на заранее объявившую о своем нейтралитете Бельгию. Это потрясло все белое население колоний. После 18 дней боёв король Бельгии Леопольд III подписал капитуляцию своих войск. Правительство выехало во Францию, а после её разгрома в Лондон. Король же остался в стране, объявив себя военнопленным.

Для семьи Стенбок-Ферморов наступили чёрные, полные тревог дни, ведь в Брюсселе оставалась мать Эдит и двое их детей. Новости приходили в Усумбуру лишь кружным путём и с большим опозданием. Переписка постепенно восстановилась через Международный Красный Крест и нейтральные страны, такие как Швейцария, Португалия; люди в Бельгии и Конго обменивались так называемыми почтограммами, проходившими по крайней мере тройную цензуру, в том числе «Censure Congo Belge». На бланках почтограмм было написано «не более 25 слов для новостей строго

личного и семейного характера». Летом выяснилось, что «всё хорошо». Эта тяжёлая, гнетущая неизвестностью жизнь врозь тянулась и тянулась бесконечно.

Из далекой Африки русские эмигранты неотрывно следили за боями на Восточном фронте:

... день за днём переставляя флажки на карте. Сначала не без злорадства: «Большевики отступают». После Сталинграда с гордостью: «Русские наступают».

Годы войны были временем тяжкого труда всего населения Конго, независимо от цвета кожи. Добыча важнейших для военной промышленности союзников металлов, поставка каучука и продовольствия в воюющие армии возросли в разы. Специалистов не хватало, а имевшиеся работали на износ. Множеством смертей среди русских «колониапов» отзовутся военные годы в 45-м и в 46-м. Умирили молодые, не дожившие и до пятидесяти лет. Не от пули и не под бомбами – они надорвались, работая в далёкой Африке.

Граф Лев Георгиевич продолжал трудиться; работал он тщательно, но, судя по отзывам о нём за 1944–1947 годы, начальство порой жаловалось, что с представлением проектов он запаздывает.

Отрезанные войной от Европы, русские эмигранты в те годы особенно остро переживали любые, даже случайные встречи с соотечественниками. Как-то раз горному инженеру Игорю Василевскому, жившему в совершенной глуши, «один из рабочих сообщил, что неподалеку идёт пешком, слоновьими тропами, караван во главе с белым. <...>

Оказалось – русский, граф Лев Стенбок-Фермор, инженер-строитель. Провели вместе два дня. <...>

Между тем в Европе война подходила к концу, и в один прекрасный майский день в поселке Камитуга, на юге Киву, пронзительный гудок сирены возвестил о победе. Вечером, вспоминала Надежда Коробкова, устроили шествие, на какой-то повозке провезли, а затем сожгли изображение Гитлера.

Гордость за свою родину, победившую в этой долгой страшной войне, переполнила сердца русских «колониапов». Со свойственным нашим соотечественникам умением доводить свой патриотический энтузиазм до крайностей дело иногда доходило до анекдотов.

На православную Пасху 1945 г., 6 мая, несколько русских в Катанге съехались, как и в прежние годы, в греческую церковь в Элизабетвиле. После литургии, когда выходили из храма, штабс-капитан врангелевских войск, сын петербургского градоначальника, застреленного революционером, инженер Фёдор фон дер Ла-

униц, по словам очевидца, князя Оболенского, «всех удивил, заставив всех нас... петь новый русский гимн». Трудно поверить в эту историю, но ведь и выдумать её невозможно. Итак, в канун победы, в Светлое Воскресенье, на юге Бельгийского Конго, стоя у церкви, белые офицеры и дети белых офицеров дружно пели: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь!»

В первые послевоенные годы на выезд из колоний в Европу образовалась значительная очередь. Но, вероятно, Эдит Стенбок-Фермор, как бельгийке, удалось вырваться к детям сразу же после окончания войны. Лев Георгиевич увидит деток лишь в феврале 1947 года. Узнали ли выросшие дочь и сын своего папу? На пароходе, следовавшем из Матади в Антверпен, организовали шахматный турнир, в котором граф, большой любитель шахматных баталий, занял первое место.

Скорее всего Эдит осталась с детьми в Бельгии, когда муж опять отправился в Конго, без которого он уже не мыслил своей жизни. Он вернулся к себе домой в Усумбуру, административный центр маленькой Руанды-Урунди в 1948-м, когда русских с паспортами беженцев там насчитывалось всего семь человек.

Льву Георгиевичу присвоили звание «инженер провинции» и поставили во главе Службы общественных работ Руанды-Урунди. Выше его пока еще ни один государственный инженер русского происхождения в бельгийской Африке не поднимался. Однако, через три года выяснилось, что на этом посту – по мнению местных властей – граф показал себя не лучшим образом, не проявив достаточной твердости с подчиненными. В ноябре 1951 года его переместили из Усумбуры в Костермансвилль (Киву), где он возглавил уже региональную Службу общественных работ.

Превосходный знаток техники, он во всё вникал, много ездил по провинции, однако чисто управленческая работа ему поначалу давалась с трудом, тем более, что в подчинённой ему структуре отчаянно не хватало кадров. Со стороны начальства упреки в административных упущениях сыпались градом. Потом дело как будто выправилось, но 1 января 1953 года графа всё же вернули в Руанда-Урунди на должность ниже – руководителем Службы строительства дорог и мостов. Званию «инженер провинции» эта должность не соответствовала, о чём в ежегодных отзывах о его работе непременно упоминалось. Отныне Стенбок-Фермор занимался лишь дорогами. Десятилетний план для Руанда-Урунди предусматривал значительное расширение дорожной сети.

Прошло еще пять лет. В июне 1958 года после почти тридцати лет службы по контракту с правительством приблизился срок ухода в отставку, так как по закону государственные контракты заканчивались, когда служащему исполнялось шестьдесят лет. Льву Георгиевичу исполнилось всего 56, и он никогда не жаловался на здоровье. Он обратился к губернатору Руанды-Урунди с просьбой продлить его «терм» на год, а затем предоставить еще один хотя бы двухлетний, дабы завершить

строительство первого участка шоссе Усумбура – Астрида и довести до конца ряд других проектов. Губернатор отказал – видимо, слишком много грехов накопилось в послужном списке графа. 22 июля 1958 года Стенбок-Фермор улетел в Бельгию, вероятно, для того, чтобы оформить развод. Уже в следующем году Лев Георгиевич снова у себя дома, уже навсегда.

В августе 1959 г. в Усумбуре у графа Льва Стенбок-Фермора и его второй жены Мадлен, племянницы урундийского мвами (короля) родился их первый ребёнок. Девочку, в жилах которой кровь русских графов шведского происхождения слилась с кровью аристократии этнической группы тутси, Лев Георгиевич назвал Надежда-Роз, в честь своей матери Надежды Германовны.

Какое-то время во время хаоса в соседнем Конго территория Руанды-Урунди стала прибежищем многих белых беженцев, в том числе и русских. Так что Льву Георгиевичу ещё было с кем поговорить на родном языке.

В 1961 году Урунди проголосовала за то, чтобы стать независимым королевством, а Руанда проголосовала за независимую республику. Прошёл год и Руанда-Урунди разделилась на два независимых государства, Усумбура стала столицей Королевства Бурунди и была переименована в Бужумбуру. На престоле оказался король Мвами Мвамбуца IV, шестнадцатый монарх в своей династической линии, вероятно, как это ни странно, родственник графа по его второй жене. Через несколько лет его сместили...

О дальнейшей жизни графа Стенбок-Фермора сведений нет. Племянник его, Иван Иванович, уехал из Африки в 1952 году. Со своим одноклассником по гимназии, Юрием Юрьевичем Сенотовичем-Бережным, служившим в Конго далеко Руанды-Урунди, Лев Георгиевич никогда не встретался.

Он похоронен на местном европейском кладбище в Бужумбуре.

Отец Георгий Васильевич С-Ф., граф, (ок. 1867 – 05.10.1925, Ормож, Словения). Александровский лицей (1885). Елисаветградский предводитель дворянства. Участник Белого движения. С 01.06.1921 г. в КСХС.

Мать Надежда Германовна С-Ф., графиня, (31.05.1881, Московская губ. – ?). Давала частные уроки иностранных языков. Зарегистрирована в Белграде в октябре 1924 г.

1-й брак: Эдит Алис Леопольдин С-Ф., (ур. Ван дер Менсбрюгге (Van der Mensbrugge); 1904, Гентбрюгге, Бельгия – ?).

Дочь род. в июле 1929 г. в Бельгии. Сын Жорж-Владимир-Шарль, род. в январе 1931 г. в Бельгии.

2-й брак: Мадлен, африканка. Дочь Надежда-Роз, род. в августе 1959 г. в Усумбуре. Были и ещё дети.

ГРЕБЕНЩИКОВ Олег Сергеевич, 11.07.1905, Пернов, ныне Пярну, Эстония – 12.09.1980, Москва.

Геоботаник. Композитор, художник, поэт.

3-й выпуск 1923 года.

Семья Гребенщиковых была обеспеченной, но небогатой. Зимой жили в Петербурге, летом – на даче в Луге или Гатчине, а позже – у родственников на хуторе в Полтавской губернии или в селе Высокое под Смоленском. Жизнь в деревне среди природы впервые привлекла к ней внимание мальчика. Впервые и навсегда; а первым его наставником стала бабушка, Софья Николаевна Зволянская. Мальчику тогда шёл восьмой год. Дальнейшее «ботаническое образование» связано с Реальным училищем Варвары Павловны Кузьминой (1916 г.), бывшей по отзывам Олега Сергеевича, замечательно талантливым педагогом. В этой школе были великолепные коллекции растений, насекомых, минералов, прекрасно оборудованные кабинеты, лаборатории, даже небольшой музей. Занятия часто проводились на экскурсиях в природе, в Эрмитаже, а главное – в них не было той «казённости», которая убивает в детях всякий интерес к предмету. С той, еще школьной поры, Олег Сергеевич на всю жизнь сохранил глубокий интерес к египтологии после прекрасных школьных занятий, проходивших, как правило, в египетских залах Эрмитажа.¹

Олег Гребенщиков был эвакуирован с родителями и братом из Новороссийска на пароходе «Габсбург» и в мае 1920 года семья обосновалась в Королевстве СХС: сперва это был курорт Враньска-Баня, затем – Земун, пригород Белграда. В юности он увлекался скаутизмом, футболом, коллекционированием почтовых марок.

Олег, получив аттестат зрелости, поступил на сельскохозяйственно-лесной факультет Белградского университета, который окончил в 1937 году, получив профессию инженера-лесоведа. Учение далось не просто: студентом он подрабатывал физическим трудом на стройках, продавцом газет, разносчиком, рабочим в садоводстве, чиновником, курьером.

Еще в студенческие годы Олег поступил в Королевский Национальный театр в Белграде. Он начал статистом, затем стал администратором балетной труппы, продолжая иногда выступать на сцене. Это помогло жить и в дальнейшем: при общей безработице, а также вследствие нежелания принять югославское подданство, он не смог поступить на службу по специальности, а продолжал работу в театре. Одновременно Олег брал уроки гармонии и контрапункта (у русского композитора И.А. Персиани, ученика Римского-Корсакова). В редкое свободное время неуто-

1 Из некролога, написанного известным геоботаником Г.М. Проскурняковой // Жизнь и приключения геоботаника, художника, композитора, поэта Олега Сергеевича Гребенщикова (1905-1980). Москва: НИА – Природа, 2006.С. 50–51.

монный юноша на собственные средства совершал путешествия и ботанические исследования (под руководством профессора, тоже русского эмигранта, П.И. Черняховского), сотрудничая с Ботаническим институтом Белградского университета и с Естественно-историческим музеем Сербии. Ему удалось совершить научные экспедиции в страны Балканского полуострова, после которых Гребенщиков опубликовал на разных языках ряд работ по географии флоры, открыв при этом шесть новых видов растений. Свой гербарий, составивший около восьми тысяч экземпляров, Олег Сергеевич преподнёс в дар упомянутому выше музею.

Музыкальные штудии дали свой результат: с 1938 года Олег Гребенщиков начинает серьёзно заниматься сочинением музыки к театральным постановкам, пишет симфонические произведения, увлекается живописью (масло, акварель, гуашь, карандаш). Всего с 1924 по 1946 год он выступил более чем в 70-ти балетах и операх (чаще всего в мимических ролях), писал сценарии к балетам и музыку к спектаклям. Всю свою жизнь этот разносторонне одаренный человек писал стихи на русском языке.

В годы оккупации Югославии вместе с некоторыми выпускниками гимназии О.С. Гребенщиков стал членом подпольной антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП), действовавшей в Белграде, продолжая при этом работу в театре.¹

По окончании Второй мировой войны Олег Сергеевич недолго работал переводчиком в штабе Красной армии в Белграде. В 1945 году, покинув театр, он устроился на работу в Институт биологии и биогеографии при Сербской Академии наук.

В 1947 году О. Гребенщиков принял советское гражданство. Осенью 1948 году он был избран внештатным лектором на естественно-математическом факультете, где читал лекции по курсам систематики высших растений и ботанической географии с геоботаникой. Именно он впервые создал учебный курс по растениям Югославии.

В связи с конфликтом югославского правительства со странами Коминформа, в Югославии с 1949 года началось жестокое гонение на русских, принявших советское гражданство. Прошли аресты, судебные процессы, кончавшиеся тюрьмой или концлагерем, последовали и бессудные высылки за пределы страны. Однако, прошения семьи Гребенщиковых о репатриации в СССР оставались без ответа. Наконец, Олегу Сергеевичу, счастливо избежавшему ареста и тюрьмы, а также его матери и дочери, югославские органы разрешили выезд к родной сестре Елене в Чехословакию и 3-го июня 1950 года семья прибыла в Братиславу.

1 Подробнее об ССП см. в биографиях В.А. Лебедева, 4-й вып. и Ф.Е. Высторопского, 6-й вып.

После ряда временных работ в начале 1951 года ему удалось поступить в Институт кормов в Виглаше, близ Зволена, где он проводил классификацию лугов и пастбищ. В октябре следующего года он возвратился в Братиславу. Новая работа: заведующий Лабораторией геоботаники и систематики растений Словацкой Академии наук. В это время Гребенщиков пишет ряд научных работ и две книги.

В июне 1956 года семья, получив разрешение на репатриацию в СССР, выехала в Москву, где Олег Сергеевич получил работу в качестве младшего научного сотрудника-редактора в секторе Отдела биологии Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ). Он вступает во Всесоюзное географическое общество, а также в Союз советских композиторов. В это время рождаются «Рапсодия на македонские темы», «Греческие танцы» и другие сочинения. Его музыкальные произведения исполняются на концертах и транслируются по радио.

В 1958 году Олег Сергеевич вторично женится.

Продолжается его кипучая работа, научные экспедиции по всей стране. В 1961 году он становится старшим научным сотрудником. Будучи полиглотом, О.С. Гребенщиков является автором 4-х язычного «Геоботанического словаря» (М.-Л., «Наука», 1965). В 1958 году он защищает кандидатскую диссертацию, а в 1970-м – докторскую при Институте географии АН СССР.

В 1978 году в Москве вышла из печати его прекрасно иллюстрированная книга «Жемчужины Югославии» – достойное приношение от русских эмигрантов, благодарных за приют на балканской земле.

В сентябре 1980 года Олега Сергеевича не стало.

В 2006 году почитатели талантов своего многолетнего коллеги по Институту географии РАН выпустили сборник: «Жизнь и приключения геоботаника, художника, композитора, поэта – Олега Сергеевича Гребенщикова (1905–1980)». Там есть такие слова:

Худощавый, вытянутый в длину человек, похожий на Дон-Кихота... Его облик и манеры были необычны для советского человека и сформировались явно под влиянием воспитания в семье царского офицера и очень непростой человеческой судьбы, которая подвергла их многочисленным испытаниям, начиная с юных лет.

Отец Сергей Яковлевич Г., (26.09.1873, Полоцк, Витебской губ., ныне Белоруссия – 07.08.1933, Белград), генерал-майор. Николаевское кавалерийское училище (1895), Академия Генерального Штаба (1907). Командовал л.-гв. Драгунским полком. С декабря 1917 г. в отставке. Служил старостой Сумского уезда на Украине. Участник Великой войны и Белого движения. Эвакуирован из Новороссийска в феврале 1920 г. Преподаватель Высших военно-научных курсов генерала Н.Н.

Головина в Белграде. Писал стихи (сборник «Родина». Белград, 1931) и мемуары («Воспоминания генерала С.Я. Гребенщикова». Симферополь, 2009).

Сергей Яковлевич является автором стихотворения, написанного им в 1928 году:

МОЕМУ СЫНУ

(по окончании университета на чужбине)

Закончив высшую науку,
На поле жизни вышел ты.
Теперь отдайся кисти, звуку,
Осуществляй свои мечты!

Ты распахнись широким кругом,
Живи, работай, создавай.
Природе будь, как прежде, другом:
В ней свежесть чувств воспринимай!

Не забывай страны родимой,
Ты именем её гордись
И цепью мощною, незримой
Будь связан с ней – и к ней вернись...

Живи в её былых созданных,
Пока она в цепях лежит;
Не презирай её в страданиях:
Российский дух всё победит.

И в дни надежды и сомнений,
В пути, покое или труде,
В победы дни, в дни унижений,
Где б ни был ты, всегда, везде

Имей в душе и сердце Бога –
С Ним ты поборешься с бедой,
С Ним на земле твоя дорога
Пройдёт под яркою звездой!

Мать Ольга Сергеевна Г., (ур. Зволянская, 20.09.1883 – 09.10.1961, Москва).

Брат Игорь, (03.02.1912, Санкт-Петербург – 1986, Гатерслебен, ГДР), окончил Русский кадетский корпус в Сараево (1929) и лесное отделение агрономического ф-та Белградского ун-та (1934). С 1942 г. жил в Германии, после войны принял советское гражданство и обосновался в ГДР (Берлин, затем Гатерслебен), где работал по специальности, как генетик и энтомолог.

Сестра Елена, (в замужестве Арбатская; 13/26.10.1915, Санкт-Петербург – ?, СССР), окончила Мариинский Донской девичий институт в Белой Церкви (1933) и сельскохозяйственный ф-т Белградского ун-та. Жила в Чехословакии, Прага, Братислава, с 1960 г. находилась в СССР (Казахстан, Липецк, Симферополь).

1-й брак: Варвара Васильевна Г., (ур. Яковлева; скончалась от рака 07.01.1949, Белград). Дочь Мария, (род. 1946, Белград).

2-й брак (с 1958 г.): Галина Алексеевна Г., (ур. Дьякова).

Дочь Дарья (род. 1958, Москва).

АНАГНОСТИ Пётр Дмитриевич, 09.07.1909, Одесса – 03.11.1996, Белград.

Архитектор, профессор Белградского университета.

6-й выпуск 1926 года.

Пётр успел окончить два класса 2-й одесской гимназии. Вместе с родителями и братом Владимиром в декабре 1919 года он был эвакуирован из Одессы на пароходе «Рио-Пардо». Через Константинополь и Салоники семья прибыла в КСХС, в город Вранье и вскоре – в Белград. Пётр окончил архитектурное отделение технического факультета Белградского университета в 1930 году. В студенческие годы стал деятельным членом сербской сокольской организации, даже вожаком, и пел в известном белградском любительском хоре «Обилич».

После сдачи государственного экзамена при Министерстве строительства Пётр Анагности стал сотрудником известного архитектора проф. Б. Несторовича в его ателье, в котором разрабатывал детали нескольких важных проектов (Народный банк в Скопье, Дом ремесленников в Белграде, ныне это палата Белградского радио и др.). Он состоял сотрудником выдающегося архитектора, проф. А. Дероко (храм Св. Саввы, Общежитие студентов богословского факультета в Белграде, Епархиальный дом в Нише) и проф. П. Баяловича. После 1934 года Петр Анагности самостоятельно спроектировал более тридцати зданий в Земуне, Нови Саде, Соко-Банье, Битоле, Панчево, Вранье, Крушеваце, Скопье.

С 1932 года П. Анагности, как гражданин Югославии, инженер-подпоручик запаса, с 1936-го – поручик, с 1945-го – капитан 2-го класса. Во время Апрельской войны он воевал в составе сербского батальона. 18 апреля 1941 года капитан Анагности был взят в плен и отправлен в лагерь в Оснабрюк, за которым последовали лагеря: Варбург, Шютценхаус (Саксония), Кольдиц-Шлосс, Любек, Стрип (Галиция), Страсбург, Биркенбрюгге (Померания), Алексисдорф, Бадхорн, откуда 24 апреля 1945 года Пётр Дмитриевич был освобождён канадскими воинскими частями. В лагерях он участвовал в подпольной деятельности, изготавливал поддельные документы для побегов. Позднее Пётр Дмитриевич написал и опубликовал на собственные средства книгу «Колдиц-Любек. Воспоминания из лагерей 1941–1943 годов», изданную в Белграде в 1983 году.

По окончании Второй мировой войны Анагности вернулся в Югославию. С 1946 года началась его преподавательская карьера. Сначала он – ассистент, а с 1957 года – ординарный профессор начертательной геометрии и перспективы архитектурного факультета в Белграде, где временами избирался деканом факультета. В 1948 году Петра Дмитриевича Анагности назначили директором проектного института «Белград», коим он проработал два года.

Естественно, велика была и его общественная нагрузка. Он был членом Научного совета Всеславянского комитета Югославии (1947), депутатом от Бел-

града на Конгрессе Союза ветеранов войны, председателем Совета архитектуры и градостроительства Республики Сербии (с 1969 г.).

Свою преподавательскую деятельность П. Анагности продолжил, обучая студентов на строительном и машиностроительном факультетах в Белграде, а также в Сараево, Нови Саде, Скопье, Суботице. Одновременно с этим он выполнял и монументальные проекты (как сотрудник или самостоятельно). Как архитектор он принял участие в реконструкции здания Народного музея в Белграде, Музея Воеводины в Нови Саде, юридического факультета в Белграде и др. Вышел на пенсию Пётр Дмитриевич лишь в декабре 1979 года, достигнув семидесяти лет. В 1985 году он стал кавалером Ордена труда с красным знаменем.

Отец Дмитрий Георгиевич А., (01.08.1881, Кагул – 12/25.02.1957, Белград). Из семьи обрусевших греков, бессарабских купцов. Окончил юридический ф-т Одесского ун-та. Служил в Городском управлении Одессы.

Мать Неонила А., (ур. Щукина; 01.09.1888, с. Яськи под Одессой – 1969, Белград). В Одессе писала театральные рецензии для газет.

Брат Владимир, гимназист, 4-й вып.

Жена (с 1934 г.) Екатерина Константиновна А., (ур. Фомина; 02.02.1909, Новочеркасск – 1992, Белград).

ЛОБАЧЁВ Юрий (Джордже) Павлович, 19.02/04.03.1909, Скутари, ныне Шкодер, Албания – 23.07.2002, Санкт-Петербург.

График, художник комиксов.

9-й выпуск 1929 года.

После прихода в России к власти большевиков, оставшийся не у дел бывший российский дипломат Павел Артемьевич Лобачёв, служивший в 1900-х годах на Балканах (Цетинье, Косовска Митровица, Канея, Салоники) решил в 1919 году покинуть Грецию. Семья Лобачёвых пароходом прибыла в Дубровник. Хотя профессия отца предполагала почти постоянное пребывание за границей, а сам Юра родился вне России, но тоска родителей по родине и горячее желание вернуться, видимо, были впитаны им с самого юного возраста.

На новом месте семью ждала трагедия: в марте 1921 года от сахарного диабета скончался сам Павел Артемьевич, а менее, чем через год в Нови Саде умерла его жена. 13-летний Юрий и его младший брат остались сиротами. Юра с братом Святославом попали в сиротский дом, откуда они довольно быстро сбежали; какое-то время оба беспризорничали, зарабатывая на жизнь чисткой обуви. По воспоминаниям Юрия Павловича их жизнь изменила брошенная на скамейке в парке русская газета, из которой они узнали о существовании в Белграде «плетнёвской» гимназии и интернате при ней. Мальчики отправились «зайцами» в Белград. Юра успешно сдал приёмные экзамены, к которым его, естественно, никто не готовил, и был принят во второй класс с правом проживания в интернате. Фактически гимназия спасла братьев Лобачёвых, впрочем, и ещё очень многих.

В 1997 году в Белграде вышла книга воспоминаний Юрия Павловича «Когда Волга впадала в Саву: мой жизненный роман». Приводим отрывок из книги (перевод с сербского):

Мы с братом Святославом рано утром, крадучись, вышли из товарного вагона и первым пароходом из Земуна прибыли в Белград. Разыскали Новопазарскую улицу, где находилось общежитие Первой русско-сербской гимназии. Прибыли туда к 10-ти часам. Были мы неподстриженными, в лохмотьях, пыльные, очень усталые и... голодные. Заведующий интернатом, Гротто-Слепиковский, воспитатели и ученики, все собрались поглядеть на это чудо. Ещё и потому, что мы оба не особенно правильно говорили по-русски. Выслушав мой рассказ, а я ничего не скрыл, и узнав, что нам неизвестно, где в Белграде проживают наши старшие брат и сестра, заведующий обещал, что постарается решить наш вопрос. Воспитателю Н.А. Чернышёву он велел нас выкупать (к счастью, у нас вшей не было, что их всех очень удивило), кое-как одеть, накормить и отправить спать. После шести месяцев мы впервые помылись теплой водой, мылом, вытерлись настоящими полотенцами. До тех пор Дунай был нашей купальней, песок – мылом,

а солнце – полотенцем. Как в раю, мы вкусили щи, тефтели с макаронами, горячий сладкий чай, хлеба – сколько угодно! А сама кровать! Нас уложили в помещении для больных, и мы вмиг уснули.

На ужин нам подали кашу с горячим сладким чаем, и снова – неограниченное количество хлеба. После ужина (дежурные гимназисты убрали посуду, вытирали столы, прибирали столовую), весь интернат окружил нас. Каждый что-то спрашивал, говорил, советовал. До тех пор, пока воспитатель не приказал оставить нас в покое.

В те годы ученики представляли весьма пёстрое общество. Кроме мальчиков, здесь были и совсем взрослые люди, которые, как я узнал позднее, пережили гражданскую войну, сражались в Белой армии, и не успели получить законченного среднего образования. Лишь сейчас им это удавалось.

На следующий день Титика и меня вызвали к заведующему. Он мне задал ещё пару вопросов, относящихся к нашим родителям. Сообщил, что нас принимают в интернат, но я должен буду сдавать экзамены в гимназию, чтобы они могли определить меня в соответствующий класс. Святослав был еще слишком мал, и он лишь в следующем учебном году поступит в гимназию.

Сама гимназия только-только переехала из Третьей мужской гимназии, где находилась со дня своего основания, в здание старой «реалки» (реальной гимназии) у Калемегдана (ныне там Педагогический музей). Другими словами, она переехала в совсем другой конец города. Для того, чтобы я туда попал, мне дали сопровождающего.

Я сдал экзамены из сербского языка, математики, географии и французского языка. В русском языке провалился. Однако, директор на это не обратил внимание, он знал, что первый класс я окончил в новисадской гимназии, где русский язык не преподавался. И так, в сентябре 1922 года я стал учеником 2-го класса Первой русско-сербской гимназии в Белграде. Был принят и в интернат. Там получил форму: серую русскую гимнастерку, брюки того же цвета, темно-синюю гимназическую шапку с римским номером класса (какую носили все белградские гимназисты), чёрные ботинки и тёмно-серое зимнее пальто. Ко всему этому два комплекта нижнего белья.

В интернате на первом этаже жили ученики с 1-го по 3-й класс, на втором этаже – с 4-го по 6-й, а на третьем – 7-й и 8-й классы. В комнатах, в зависимости от их размера, находилось 3–5 кроватей. На каждом этаже было по две комнаты с умывальниками, по два туалета, а в полуподвальном этаже – две столовых, кухня, позднее – души. В здании еще находилась квартира заведующего, комната дежурного воспитателя (все они жили в городе), канцелярия, кладовые и погреб.

Будили нас в 6 часов, затем – умывание, в 7 ч. – завтрак, до 8. 30 ч. – свободный час, затем – приготовление уроков. В 12 ч. – обед, в 13 ч. – отправление в гимназию. Шли, как кто хотел. У кого были деньги, мог на трамвае: сперва один «А» (до ул. Курсулина), потом на втором «1» (до Калемегдана). Большинство из нас шло пешком. Можно было [идти] тремя путями. <...>

В интернате воспитатели следили за дисциплиной, но ученику предоставлялась достаточная свобода. Например, не было определено, где гимназист будет готовить свои домашние уроки. Мог и в своей комнате. А их можно было украшать – цветами в вазах, картинками или фотографиями на стенах. По воскресеньям и в праздничные дни можно было выходить в город, если не нёс дежурство или не был наказан. Наказания были очень редкими, преимущественно из-за плохих отметок, грязи в комнате или курения в ней.

В интернате возникло несколько кружков: литературный, математический, исторический, театральный... Был и оркестр, с балалайками, мандолинами, гитарами, бас-балалайкой и бубнами. Каждый класс имел свою футбольную команду. Перед зданием интерната был большой пустой участок – наше футбольное поле. Были столярная и сапожная мастерские, в них добровольно трудились некоторые ученики старших классов. Во всех этих кружках принимали участие и гимназисты, которые жили у своих родителей.

По средам, когда не выдавались домашние задания, после ужина в интернате кто-нибудь из учеников старших классов выступал с лекцией, на тему по своему выбору. Это происходило на совершенно добровольном начале. Единственным условием было доклад не читать с листа, а говорить. Продолжался он около 30 минут, после чего, в течение 20-ти минут, происходили прения. Затем пили чай и начинались танцы. Конечно, только старые танцы: вальс, мазурка, па-де-катр, па-д-эспань, полька. Современные танцы, как шимми, фокстрот, пасодобль, позднее – чарлстон, запрещались. В течение школьного года высшие классы, исключая 8-й (который готовился к аттестату зрелости) устраивали концерт с декламациями, скетчами, музыкой и танцами. Драматический кружок раз в году готовил по крайней мере одну «премьеру». Старшие классы периодически издавали журналы, стенную газету. В них я был иллюстратором. Многие гимназисты состояли в сокольском обществе, другие были скаутами-разведчиками.

Мой класс был последним, в котором были и девочки. После концертов парни обязательно провожали девочек домой. Часто выбирая самую длинную дорогу.

Как я упоминал, в старших классах были и совершенно взрослые мужчины, у которых были и офицерские чины. Например, гимназист 7-го класса Георгий Лигнау был мичманом. <...>

После моего окончания 4-го класса, тем из нас, которым не к кому было уехать на каникулы, директор гимназии В.Д. Плетнёв и заведующий интернатом устроили сюрприз. Нас разделили на четыре группы, в которых половина гимназистов была из старших классов. По жребию, каждая группа на три недели отправлялась в четыре направления: Дубровник, Любляна, Охрид, Сараево. Оплачивался возвратный билет и каждому в сутки следовало по 11 динар на пропитание (столько государство отпускало каждому в интернате на еду). Ночевать можно было в домах «Фериального союза», именно предусмотренных для такого вида туризма в Югославии. В моей группе (получившей Сараево) нас было семь человек.

Старшиной мы выбрали Алёшу Родина, гимназиста 8-го класса. С собой мы взяли музыкальные инструменты – две мандолины, две балалайки, три гитары. <...>

После окончания гимназии, мне, оставшемуся без родителей, государство выдало однократную помощь – 400 динар. Тогда я в магазине готового платья купил себе первый костюм и первые новые ботинки.

Уже в начальных классах гимназии Ю. Лобачёв проявил интерес к рисованию, в чём был поддержан преподавателем гимназии С.Ф. Колесниковым. Известный в Белграде художник, профессор Белградской Академии художеств, стал заниматься с мальчиком отдельно. Но тут случилась крупная неприятность: в 1927 году Юрий был исключён из гимназии за карикатуру на нового заведующего интернатом. Правда, мудрые руководители гимназии не отчислили Лобачёва окончательно, и оставшиеся два учебных года Юрий работал и учился, и аттестат об окончании гимназии получил по заслугам. Эти годы он жил в семье Владимира Эммануиловича Мартино, учителя географии, который был у Юрия классным наставником. И сын его Кирилл Мартино, и Юрий Лобачёв впоследствии окажутся в рядах Союза советских патриотов (ССП).

После гимназии Юрий записался на философский факультет и окончил отделение истории искусств, а затем и двухгодичную заочную французскую школу рисования. Он зарабатывал на жизнь чернорабочим, разносчиком газет и книг, служащим французской строительной фирмы (1932–1934). Рисовал торговую рекламу. За шесть лет, начиная с 1935 года, Юрий Лобачёв создал свыше 30 комиксов для газет «Политика» и «Политикин забавник» и журналов «Мика миш» и «Микијево царство»: «Гайдук Станко» (1936), «Царский глашатай» (1936), «Дубровский» (1937), «Женитьба царя Душана» (1938), «Барон Мюнхгаузен рассказывает» (1940) и др. Одним из первых он избрал для комиксов сюжеты национальной сербской литературы. В эти же годы под псевдонимом «Стрип» Лобачёв работал карикатуристом в сатирическом журнале «Ошишани еж» («Остриженный ёж»), иллюстрировал книги Ж. Верна, А.С. Пушкина, А.С. Новикова-Прибоя и др. в издательствах «Земљорадничка задруга» и «Народна просвета».

В 1934 году Юрий женился на дочери русского генерала Константина Валериановича Апухтина Елизавете, выпускнице Первой русско-сербской девичьей гимназии с общежитием в г. Велика Кикинда. Венчание совершил священник Иоанн Сокаль, отец гимназиста Анатолия, 16-й вып.

Можно сказать, что в эти годы Юрий Лобачёв был далек от политики, хотя иногда заходил на собрания различных политических объединений. Неприятный случай случился с ним, когда он пришел на собрание членов НТС НП, «нацмальчиков», как их дразнили в Белграде. Дело кончилось дракой, поскольку Юрий назвал происходящее глупостью.

С 1936 года Юрий Лобачёв работает иллюстратором и карикатуристом в газете «Политика», директором которой был журналист В.С. Рибникар (1900–1955), член КПЮ, в будущем видный участник партизанского движения Й. Тито. В мае 1940 года, когда в Белград приехала первая официальная делегация из СССР во главе с А.И. Лаврентьевым, Ю. Лобачёв, как сотрудник газеты, освещавшей данное событие, сопровождал советскую делегацию в качестве переводчика.

6 апреля 1941 года Германия и её союзники, подвергнув бомбардировке Белград и другие города, напали на Югославию. Началась Апрельская война. Юрий Лобачёв не был подданным Югославии, но посчитал своим долгом вступить в армию и защищать приютившую русских беженцев страну. Однако, воинская часть, в которой он оказался, уже на следующее утро попала в плен. Но Лобачёву очень повезло, и он сумел бежать и вернуться в Белград. Здесь он узнал, что издание «Политики» прекращено. Нужно было как-то зарабатывать и по совету В.С. Рибникара Юрий Павлович согласился на должность технического редактора нового иллюстрированного издания «Коло», издававшегося под патронатом одного из немецких информационных агентств.

В 1942 году Юрий Павлович стал членом подпольной антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП), созданной несколькими выпускниками гимназии. Он входил в «тройку», возглавляемую Сергеем Марковым, гимназистом 7-го выпуска. В задачу Лобачёва входило привлечение на свою сторону бойцов Русского Корпуса и изготовление фальшивых документов для переправки людей в лес к партизанам. Кроме того, работая в «Коло», он добывал из архива агентства фотодокументы, собрав за три года более пяти тысяч фотографий, запечатлевших зверства гитлеровцев на захваченных территориях. Как переводчик и проводник Юрий Павлович участвовал в освобождении Белграда осенью 1944 года, затем с Красной армией он дошёл до Вены. Был ранен, контужен.

В мае 1945 года Ю. Лобачев вернулся в Белград, где стал художественным редактором журнала «Дуга» («Радуга»), работал карикатуристом и иллюстратором.

В 1946 году Ю.П. Лобачёв с женой и сыном приняли советское гражданство. В 1949 году в связи с конфликтом между Югославией и СССР Юрий Павлович был арестован, а в июне прямо из тюрьмы привезён на железнодорожную станцию Панчево, куда была также доставлена его семья и еще несколько семей русских эмигрантов. Вся группа была посажена в поезд, отправленный на югославо-румынскую границу, после чего вагон с людьми был отцеплен и локомотив просто толкнул его через границу. После короткого пребывания в лагере в городе Сигет на Тисе Юрию Павловичу с помощью румынских друзей-журналистов удалось выбраться в Бухарест. Там они проживут с 1949 по 1955 год. Юрий Павлович иллюстрировал книги под псевдонимами «Ю. Новак», «Ж. Пауло», «Jurascu»; рисовал политические карикатуры для журналов и газет.

В ноябре 1955 года Лобачёвы получили разрешение репатрироваться в СССР. На родине жанр комиксов не существовал, и Юрий Павлович долгие годы иллюстрировал произведения югославских писателей, оформлял рекламные брошюры, детские игры, рисовал сатирические плакаты. Через десять лет ему удалось возобновить сотрудничество с югославскими издательствами. Журнал «Политикин забавник» опубликовал его комиксы «Гайдук Велько» (1965), «Сатурн приходит на помощь» (1966; сокращенный вариант – в советском журнале «Костёр»), «Приключения в горах» (1966–1967). В виде отдельных тетрадей и альбомов были переизданы старые комиксы и выпущены новые: «Барон Мюнхгаузен рассказывает» (1988) и «По следам народных фантазий» (1989–1990), «Сказки» А.С. Пушкина (1991). В 1989 году два комикса – «Сказка о попе и о работнике его Балде» и «Золушка» – были опубликованы в СССР в журнале «Весёлые картинки».

Со временем пришло и признание: Юрий Лобачёв получил Гран-при 2-го Салона югославского комикса в Винковци (1985) и премию «Максим» 1-го салона комиксов в Заечаре (1996). В 1996 году имя художника было присвоено Школе комикса в Белграде. Годом позднее там же вышла в свет его книга мемуаров, а в 2011 году в России был снят документальный фильм «Юрий Лобачев. Отец русского комикса» (реж. П. Фетисов).

Отец Павел Артемьевич Л., (1874, Вильно, ныне Вильнюс, Литва – 02.03.1921, Дубровник). Дипломат, бывший российский консул в Македонии.

Мать Зинаида Владимировна Л., (ур. Власенко; 1879 – 27.02.1922, Нови Сад).

Братья Артемий, (?– ок. 2002, Ницца) и Святослав, гимназист, 13-й вып.

Сестра Евгения жила с мужем и дочерьми в Париже.

Жена Елизавета Константиновна Л., (ур. Апухтина; 05.05.1915, Санкт-Петербург – ?).

Сын Дмитрий, (род. 23.02/08.03.1935, Белград), выехал с родителями в СССР. Окончил ф-т журналистики МГУ. Всю жизнь проработал во французской редакции иновещания Гостелерадио СССР.

ЮСКЕВИЧ (Юшкевич, Youskevitch) Игорь Иванович, 13.03.1912, Пирятин, Киевской губ. – 13.06.1994, Нью-Йорк.

Балетный танцовщик, балетмейстер, педагог.

10-й выпуск 1930 года.

Уже в отроческом возрасте Игорь обращал на себя внимание своим атлетическим телосложением. Будучи членом патриотической организации «Русский Сокол», он много занимался спортом, выступал в цирке на трапеции и не гнушался тяжёлой чёрной работы.

В знаменитом гимназическом спектакле «Ревизор» в декабре 1929 г. Игорь исполнил роль почтмейстера Шпекина.

После окончания гимназии Игорь записался на технический факультет университета, продолжая заниматься балетом в белградский частной школе Елены Поляковой. Замечательные пластические способности и атлетические мышцы юного Юскевича были по достоинству оценены Ксенией Грундт, русско-югославской балериной, которая в 1932 году предложила Игорю стать её партнером. Уже через год в Париже Юскевич показался с Грундт в спектакле.

Петербургская прима Ольга Преображенская взяла Юскевича в свою знаменитую парижскую школу, откуда молодой танцовщик попал сначала в труппу Брониславы Нижинской, а затем, в 1935 году, к дягилевскому танцовщику Леону Войцеховскому. В его труппе Игорь исключительно удачно выступал в балетах «Видение розы», «Сильфиды», «Карнавал». В то время вместе с Юскевичем танцевали известные балерины Блинова, Тараканова, Войцеховская, Раевская. Особое впечатление произвели его выступления в балетах Войцеховского «Порт-Саид» и «Заколдованная любовь». В 1934–1935 годы Юскевич танцевал и в Opéra-Comique в составе Русской балетной труппы (дирекция Е. Искольдова и Б. Дашевского).

В 1936 году Игорь Юскевич гастролировал с труппой полковника де Базиля в Австралии и в Новой Зеландии. Его партнершами были Тамара Чинарова, Валентина Блинова и Елена Кирсова. Гастрольный успех Юскевича, его дар интерпретации балетных образов, привели танцовщика в одну из лучших в те годы трупп – «Русский балет Монте-Карло», куда его приняли в качестве ведущего солиста. С именем Игоря Юскевича связан расцвет этой труппы. Танцовщик необычайной сценической целостности, великолепно сложенный, блестящий партнер, он был одним из лучших воспитанников школы русского балета в эмиграции. Юскевич стал любимейшим исполнителем главных ролей в балетах Леонида Мясина. В частности, им были созданы яркие роли Офицера в «Парижском веселье», Бога в «Седьмой симфонии», Героя в «Красном и чёрном».

В 1936 году в Париже Игорь счёл необходимым участвовать в благотворительном концерте в пользу Союза русских военных инвалидов. Особенно мощно раскрылся талант артиста в партиях классического репертуара. Танцовщик много работал тогда с Мией Славенской и Тамарой Тумановой. С последней в 1941 году он потряс нью-йоркскую публику в дуэте «Чёрный лебедь».

Переехав в США, Игорь Юскевич служил в Американском Военно-Морском флоте с 1944 по 1945 год. После окончания службы он появляется на американской сцене.

Не будет преувеличением сказать, что именно с появлением в Соединённых Штатах Игоря Юскевича связано рождение американского балета как такового. Позднее он вспоминал: «Русский балет помог тысячам зрителей в Америке развить интерес к искусству. Интерес, необходимый для создания искусства любой формы».

В 1946 году его пригласили в «Американский балетный театр», где он стал партнёром знаменитой кубинской балерины Алисии Алонсо. Дуэт Алонсо – Юскевич был известен во всём мире, они много гастролировали по Северной и Южной Америке.

Выступление Алисии Алонсо и Игоря Юскевича в балете «Жизель» один из критиков сравнивал с исполнением партии Лючии Марией Каллас. Именно этот романтический балет стал символом высочайшего искусства прославленного танцовщика.

Вместе с Алонсо И. Юскевич участвовал в создании кубинского балета. Известный балетный критик Ирен Лидова, видевшая Алонсо и Юскевича в Венесуэле в 1950 году, отмечает необычайную элегичность дуэта и блестящее партнёрство танцовщика. В 1950-е годы он выступал также в балетах «Трамвай 'Желание'», «Темы и вариации», «Ромео и Джульетта», «Елена Троянская» и многих других. В эти годы он много и увлеченно работает с Джорджем Баланчиным.

В 1955 году Юскевич вернулся в «Американский балетный театр» уже не только танцовщиком, но и в качестве художественного консультанта. Лучшими его достижениями стали выступления с Ириной Боровской в балетах «Дама и Единорог» и «Арлекиада» (постановки Бориса Романова). В это время он много гастролировал в США. До конца своих дней Юскевич оставался поборником драматургического начала в балете, всегда предпочитая его абстрактному.

С 1960 года артист постоянно живёт в США, преподаёт в Техасском университете. В 1963 году он выступил на сцене «Метрополитен-Опера» в спектакле «Адриана Лекуврёр». Покинув сцену, много времени Игорь уделял преподаванию танца, восстанавливая также старые балеты во многих американских театрах.

Через три года Игорь Иванович создал собственную балетную студию. Долгое время он являлся художественным руководителем Нью-Йоркского международного балетного конкурса (1983–1994). Профессор-эмеритус.

Отец Иван Дмитриевич Ю., (30.01.1876 – 19.04.1960, США). Коллежский советник. Юрист (судья), городской голова. После 1945 г. в США.

Мать София Александровна Ю., (12.02.1888 – 23.09.1970, США).

Брат Борис, гимназист, 8-й вып.

Жена (с 1938 г.): Анна Скарпова, (настоящая фамилия Scarpa; ок. 1912, Урбино, Италия – 15.02.1997, Нью-Йорк). Балерина. Русская по матери.

Дочь Мария, (род. 1945, Нью-Йорк). Балерина, педагог.

СВИЩЁВ (Свищов) Георгий Иванович, 12/25.09.1912, Санкт-Петербург – 04.02.1980, Белград.

Богослов. Преподаватель.

11-й выпуск 1931 года.

Семья известного ученого-топографа И.С. Свищёва эмигрировала в КСХС с Юга России. Старший сын, Георгий, после окончания гимназии записался на богословский факультет Белградского университета, а позднее – на медицинский факультет, который не окончил. В 1930-е годы Георгий Свищёв сотрудничал с белградским журналом «Окультизм и йога», который издавал бывший гимназист Александр Асеев, 2-й вып. В 4-м и 5-м выпуске этого журнала был опубликован очерк Г. Свищёва «Свет Метохии». Очерк был написан по результатам его поездки по поручению редакции на юг Сербии. Студент-богослов побывал в городах Печ, Джаковица и Призрен, где он подробно изучил мистерии дервишей и сохранившиеся в чистом виде древнеарабские посвятительные традиции.

В 1946 году Георгий Свищёв принял гражданство Югославии.

О своей судьбе Георгий Иванович напишет в письме от 30 ноября 1954 года академику Александру Беличу, известному сербскому культурному деятелю, русофилу, выпускнику Московского университета и председателю Сербской Академии наук и искусств:

Свищёв Георгий, сын Ивана Свищёва, профессора Технического факультета Белградского университета, рожден в 1912 году. Окончил гимназию в Белграде и Богословский факультет (так как всегда интересовался философскими учениями Востока), а затем начал изучать медицину на Медицинском факультете. Храню зачётные факультетские книжечки и прочие документы эпохи оккупации.

В 1939 году поступил в кадры старой Югославской армии, в составе которой пробыл до самого начала войны и в первые военные годы. В апреле 1941 года был взят в плен немецкими войсками, как действующий борец, и до самого освобождения страны в 1945 году находился в лагере VB, как военнопленный, значившийся под № 36532.

По возвращении из плена я застал пустой дом. Отец не возвратился в страну, и всё его имущество было подвергнуто конфискации, дом был полностью опустошен, включая мои личные вещи и гардероб. Всё, что у меня имелось – старая военная форма, в которой я прибыл из плена.

Оставшись, таким образом, без каких-либо средств для жизни, тут и там я старался получить работу, приличествующую интеллигенту, однако нигде не был принят, потому что мой отец покинул страну. На факультете мне отказали, как сыну «беженца». Никто не учёл мои личные симпатии к стране, отличное поведение в лагере, в котором я, будучи переводчиком, спасал товарищей коммунистов и остальных патриотов, и поэтому избирался заместителем председателя АФВ

нашего лагеря, и не учитывался основной факт – моё возвращение в разрушенную страну, для принятия участия в её восстановлении. Всё это мне не помогло.

Чтобы не помереть с голоду, вместе со своей 69-летней тёткой, которую я ещё застал в Белграде, я стал подрабатывать физическим трудом – как автомеханик, поскольку разбирался в автомобильном деле. Так я проработал целых десять лет, до сегодняшнего дня. Но, из-за слабой физической кондиции, голодания и болезней, привившихся и пережитых в плену за колючей проволокой, в течение 4-х с половиной лет, а затем напряжённого физического труда автомеханика, мое здоровье пошатнулось. У меня уже не хватает сил для физического труда. Поэтому, любой интеллектуальный труд явился бы для меня спасением.

Владею французским, русским и немецким языками, неплохо рисую-черчу.

Следует подчеркнуть, что в эту страну я возвратился, в ней остался и после 1950 года, так как с ней я связан всей своей жизнью и чувствами, другую страну не знаю. При переписи населения я заявил себя сербом, ибо таким себя и считаю.

Белград, 30 ноября 1954 г. Ул. Смедеревска, д. 2.¹

Академик А. Белич на этом письме оставил пометку: «Пускай придёт в понедельник, 6-го с. м. в 10 1/2 часов. А. Б.».

Их встреча состоялась, и Георгий Иванович вскоре получил место библиотекаря богословского факультета в Белграде. В этой должности он проработал до 1974 года, до выхода на пенсию. Через 20 лет после того, как Георгий Иванович прервал обучение на Богословском факультете, он всё-таки окончил его 8 июня 1959 года. Студенты многих выпусков помнили факультетского библиотекаря и были благодарны ему за профессиональную помощь во время их учёбы.

Один из его знакомых и почитателей, будучи тогда молодым ассистентом философского факультета, записал о Георгии Свищёве:

Я постучал в дверь библиотеки и вошёл. Там застал лишь пожилого человека, который почти лёжа кидал дрова и древесный уголь в печь. В уверенности, что это служитель, я сказал, что меня направили к Георгию Свищёву. Человек встал на ноги и равнодушно сказал: «Это я». Когда я ему сообщил, какие мне нужны книги русских философов и богословов, писавших об интуиционизме, Свищёв не заглянул в каталог. Про одну он сказал, что она в 1937 году была похищена и ему известно, кто этот похититель (еще здравствующий), а ряд других книг он вскоре принёс с полка в соседнем помещении. Когда я спросил про труд Флоренского «Столп и утверждение истины», он сказал, что в библиотеке имеется, единственный в нашей стране, пронумерованный экземпляр № 99, и он может мне его предоставить, при условии передачи ему паспорта и чтении этой книги тут, за столом, в его присутствии. Читая эту работу, мы стали обмениваться мнениями.

1 Архив Српске Академије наука и уметности (А САНУ). Београд. Фонд А. Белића. АБ–VIII–67.

Я поражался его эрудиции, осознавая свои скудные познания в христианской философии. Свищёв постепенно смягчался и становился дружелюбнее.

Стечением обстоятельств Георгий Иванович переехал в район, в котором я жил. Приближалась его старость, и он заключил договор с семьёй своих соседей, что они будут о нём заботиться и наследуют права на его квартиру и имущество. Наши встречи стали довольно частыми. Я просил его говорить со мной только по-русски. Он с вдохновением читал наизусть стихи русских поэтов, всех периодов. Его квартира с фотографиями предков, иконами, семейными реликвиями и книгами больше походила на музей или на петербургский аристократический уголок. Показывая мне книги, Свищёв говорил, что это лишь остатки огромной библиотеки, которую его отец вывез из России. Все они представляли большую ценность, и он намеревался всю библиотеку продать в США. По какой-то причине это ему не удалось. <...>

Был он талантливым и увлекательным рассказчиком. Он олицетворял подлинного интеллектуала, постоянного искателя-исследователя. Поэтому и оставался вечно одиноким, не всегда понятным для своего окружения.

До войны семья Свищёвых проживала в собственном, наново отстроенном особняке в Белграде (перекресток улиц Таковска и Яши Продановича, тогда Варшавской). После окончания гимназии Георгий Иванович уехал в Париж, в Институт Св. Сергия, который покинул перед самым окончанием из-за спора, возникшего у него с профессорами, по вопросу христианской антропологии. В 1936 году скончалась его мать, а в первые дни бомбардировок Белграда, в апреле 1941 года погибла его невеста, фотографию которой он держал на своем столе до последнего дня своей жизни. Все годы войны он провел в немецком плену. <...>

Георгий Иванович Свищёв скончался сидя в кресле, за книгой. Судьба его рукописей, книг и коллекций (переписка, открытки, почтовые марки) была драматичной. Обидно, что личный архив этого интеллигентного человека распылчился и не сохранён в своей целостности.¹

В букинистический магазин при Матице сербской в г. Нови Сад поступило много книг из личной библиотеки Георгия Свищёва, относящихся к религиям Востока, среди которых были редкие русские издания: Бхагават-гита: Песня Господня (Париж, 1926); Азана йога (Шанхай, 1940); Буддизм (Асунсьон, 1956).

Отец Иван Сергеевич С., (11.11.1875, усадьба в пригороде Белгорода – 22.06.1973, Лос-Анджелес, похоронен на кладбище в Голливуде). Происходит из государственных крестьян Курской губ. Генерального Штаба генерал-майор.

В детстве мальчик Ваня чуть не утонул, его спасли в последний момент. В службу в русскую Императорскую армию Иван Свищёв вступил 1 октября 1895 г.

¹ Ћорђевић Р. Библиотекар Георгије Свишчев (Ћорђе Свишћов), теолог // Српска теологија у двадесетом веку. Књига 2. Београд: Православни богословски факултет, 2007.С. 217–219.

юнкером рядового звания в Военно-топографическое училище в Санкт-Петербурге. В 1903 г. он уже штабс-капитан корпуса военных топографов. Затем Иван Сергеевич окончил Николаевскую Академию Генерального штаба по геодезическому отделению в 1905 году, а также Сейсмические курсы Академии наук. Молодой учёный занимался исследованиями в Пулковской обсерватории, был связан с работами К.Э. Циолковского. В последующие годы И.С. Свищёв – начальник Военно-топографического училища и профессор Академии Генштаба, Политехнического и Педагогического институтов. Участник Белого движения с 1918 г. Эвакуирован в КСХС.

В Белграде Иван Сергеевич был избран профессором университета и занял пост начальника научного отдела Военно-топографического института. Он развил огромную общественную деятельность: устроил на службу в Военно-топографический институт около ста русских военных топографов, организовал 6-месячные геодезические курсы для чинов Русской армии, уволенных с Королевской пограничной службы, и впоследствии добился трудоустройства всех слушателей. Их было более 300 человек.

Он же организовал общественный Комитет помощи русским студентам в годы экономического кризиса (1929–1932) и состоял его постоянным председателем.

Иван Сергеевич читал лекции в Белградском отделении зарубежных Высших военно-научных курсах Генерального Штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, подготовил и издал ряд ценных учебников.

Осенью 1944 года Иван Сергеевич Свищёв выехал в Германию, где вступил в ряды Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (КОНР) в чине подполковника, преподавателя топографии 1-й объединенной офицерской школы. По окончании Второй мировой войны находился в лагере DP Шляйсгейм под Мюнхеном. Там неумолимый Иван Сергеевич организовал и стал председателем специальной комиссии по установлению профессиональной квалификации «перемещённых лиц», желавших выехать из Германии в другие страны. Комиссия выдала соотечественникам более 40 тысяч квалификационных свидетельств.

В 1949 году И.С. Свищёв переехал в США. В Лос-Анджелесе он состоял председателем Комитета помощи русским военным инвалидам. Участник монархического движения.

Мать Мария Николаевна С., (1886 – 22.03/04.04.1936, Белград).

Брат Вячеслав, (ок. 1913 – после 1945, СССР). Окончил кадетский корпус в Белой Церкви в XII выпуске и строительное отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1940 г. В 1942 г. Вячеслав Свищёв женился. После освобождения Белграда он был арестован органами СМЕРШ Красной армии и вывезен в Советский Союз. Дальнейшая судьба его не известна.

Падчерица Тамара Николаевна Баскевич.

ОРДОВСКИЙ-ТАНАЕВСКИЙ Игорь Константинович, 21.04/04.05.1916, Гельсингфорс, Россия, ныне Хельсинки, Финляндия – 28.03.1996, Лос-Анджелес.

Топограф, землеустроитель. Главный специалист и организатор кадастрового департамента штата Карабобо, Венесуэла.

Окончил 4 класса гимназии, сдал экзамены «малой maturity».

Игорь родился в мглистый апрельский день в Гельсингфорсе, в большой наёмной квартире на Фабричной улице. В это время его отец, Константин Дмитриевич, капитан второго ранга Императорского флота России, был как раз в городе, ставшем во время Великой войны основной базой Балтийского флота. Он принимал в командование эскадренный миноносец «Внушительный». Это был тихий, носивший очки, невысокого роста и хрупкого телосложения человек. Однако, к середине 16-го года, имея уже за плечами опыт двух войн, кавторанг Ордовский-Танаевский успел принять деятельное участие в создании русского подводного флота, командуя поочерёдно несколькими подводными лодками. Усиленное (тройное) даже в мирное время денежное содержание для офицеров подплава оказалось весьма кстати семье, в которой к тому времени было уже трое детей. Впрочем, платили не напрасно: в те времена каждое погружение на «потаённых судах» было буквально спуском в неизвестность, а о спасательных средствах ещё не шло и речи. Вероятно, «тихий» Константин Дмитриевич был действительно мужественным человеком.

Мама Игоря, Евгения Ильинична, в девичестве Михайлова, происходила из морской семьи. Обстоятельства их женитьбы заслуживают отдельного рассказа.

Мичман Константин Ордовский-Танаевский находился в Порт-Артуре с самого начала Русско-японской войны. После начала тесной осады японцами Порт-Артура с суши, командование флота решило прорываться во Владивосток. 28 июля 1904 года русская эскадра вышла в открытое море. Бронепалубный крейсер 1 ранга «Аскольд», на котором вахтенным начальником служил Константин Дмитриевич, возглавлял отряд крейсеров, шедший в кильватерной колонне за броненосцами. В середине дня началось первое в этой войне крупное сражение с японским флотом, известное в истории как «сражение в Жёлтом море». Трудно сегодня представить себе весь ужас морского боя тех времен, когда уже действовала крупнокалиберная артиллерия и кромсали корпуса судов торпеды. Железная коробка, расстреливаемая неприятелем, чудовищный грохот орудий, и вокруг только взрывы и вода, вода. Ад кромешный!

В результате жестокого боя русские броненосцы повернули назад к Порт-Артуру, а крейсера «Аскольд» и «Новик» пошли на прорыв сквозь японскую эскадру. В бою «Аскольд» получил тяжелые повреждения, но, тем не менее, сумел прорваться и своим ходом добрался до ближайшего порта – Шанхая. Погибли один офицер и десять матросов, ранения получили четыре офицера, и 44 члена экипажа, был

ранен в голову командир судна. Нет сведений о том, сколько человек остались невредимыми и кто вёл судно более суток, но несомненно, что на командном мостике практически постоянно находился вахтенный начальник. В Шанхае экипаж судов был интернирован. По свидетельствам людей, видевших в то время Константина Дмитриевича, он производил впечатление сумасшедшего.

Россия войну проиграла. Ещё до подписания 5 сентября 1905 года в Портсмуте, США, мирного договора между Россией и Японией, интернированные русские суда и их экипажи получили возможность вернуться домой. 28 августа «Аскольд» был торжественно встречен во Владивостоке.

В этом городе вот уже полтора года жила с тётёй девица Евгения Михайлова. Она приехала из Петербурга к своему жениху, лейтенанту Зенилову, не зная, что тот погиб на крейсере «Рюрик» в бою с японской эскадрой ещё 1 августа 1904 года: моряки затопили своё судно, получившее серьёзные повреждения и исчерпавшее все возможности сопротивления.

Вполне возможно, что Константин Дмитриевич был знаком с лейтенантом Зениловым, хотя на «Рюрике» он не служил. Флотский мир – особый мир братства, тем более тесный после войны на Дальнем Востоке, и память о погибших товарищах священна. Так или иначе, в январе 1906 года Константин сделал предложение и не был отвергнут.

После венчания был устроен торжественный приём в кают-компании транспорта «Ксения», на который посажённым отцом пригласили Н.О. Эссена, под командованием которого Константин когда-то служил на крейсере «Новик».

Об этом событии рассказал в своих воспоминаниях о жизни семьи старший сын Константина Дмитриевича, Борис:

Мама рассказывала следующий эпизод на свадебном приеме: адмирал Эссен произнес поздравительную речь. Отцу полагалось на неё ответить, но он был очень застенчивым и, встав с бокалом в руке, произнёс: «Собственно говоря... Собственно говоря...» и дальше не пошло. Адмирал дёрнул его за фалду и сказал: «Садись, Костя, мы всё поняли». ¹

Борис Константинович допустил одну неточность: Н.О. Эссен тогда ещё не был адмиралом.

Игорь стал четвёртым ребенком в семье – и последним. Роды принимал его двоюродный дед, Иван Александрович, главный врач Гельсингфорского госпиталя. Военно-морской врач по образованию и службе, он так же был и гинекологом. Через пару лет это вполне мирное умение не раз спасёт жизнь самого Ивана Алек-

¹ Здесь и далее выдержки из рукописи воспоминаний старшего брата, Б. К. Ордовского-Танаевского. Архив М. Ордовского-Танаевского.

сандровича и всей его семьи (жена, трое детей и няня), когда они пробирались из голодающего Петрограда на юг через охваченную гражданской войной страну. Его услуги были весьма кстати боевым подругам командиров в армиях всех цветов, как, впрочем, и селянкам в деревнях и на хуторах, где приходилось пережидать бои.

Впрочем, до февральской революции в России оставался ещё год, до захвата власти большевиками – меньше двух.

В Великую войну в августе 1914 года Балтийский флот вступил под командованием адмирала Н.О. Эссена. На Балтике началась минная война, и маленькие миноносцы, которыми командовал Константин Дмитриевич, стали использоваться для минного траления – занятие, мягко говоря, совсем небезопасное. Семья находилась в Либаве.

Отец ушёл на войну в первый же день со своими кораблями. Я помню, как мы с мамой вышли на мост через канал, а внизу по каналу проходили военные корабли. И вдруг мы увидели отца на мостике. Мы кричали, махали платками, и он нас заметил и перекрестил. Мама плакала. В тот момент мы, дети, не понимали, что такое война, но поняли это очень скоро. <...>

В одну, далеко не прекрасную ночь, мама и нянька подняли нас сонных с постелей, наспех одели, сунули каждому какой-то узелок с вещичками, маленькому брату Кириллу дали в руки пустой чайник, и мы выскочили на улицу. Вокруг были пожары, и город был освещён как днем. Мы торопливо шли к мосту, с которого несколько дней назад смотрели на корабли внизу и видели отца на мостике. Ожидалось, что мост взорвут, чтобы немцы не могли пройти через него. Наивные рассуждения. Во-первых, немцы вошли в Либаву только через полгода, а во-вторых, была обводная дорога помимо моста, но в панике об этом забыли. Мама остановила пустую телегу, посадила нас, и мы попали в густую толпу беженцев, запрудивших мост. За городом остановились в какой-то деревне и спали на сеновале. Таким образом, мы оказались едва ли не первыми беженцами на земном шаре. Все же, с пересадками, добрались до Петербурга и первое время жили в Лесном, где был Лесной институт. Всё это происходило без отца, в уже начавшемся российском хаосе, с невероятно забытыми народом, узлами, корзинками и чемоданами железнодорожными вокзалами. Со всем этим мама справлялась одна, оставляя нас без присмотра где-нибудь в углу. Нянька по дороге где-то отстала и больше мы её не видели. В Петербурге остались недолго и в 1915 году переселились в Гельсингфорс, в Финляндию. К этому времени сестра и я были уже грамотны, умели читать и писать. В этот период в Петербурге отца мы вообще не видели, он всё время был на флоте, в море. В Гельсингфорсе сняли квартиру на Фабричной улице и опять, уже в третий раз, обзавелись мебелью. Было куплено даже пианино, отец хорошо играл ещё с детства.

Здесь, в Гельсингфорсе, в 1916 году родился наш младший брат Игорь. Как этот бедный ребенок рос и вырос в условиях лишений и голода, когда уже скудные продукты выдавались по карточкам, одному Богу известно.

Пожаловаться на жизнь в Гельсингфорсе нельзя. Пока не наступил голод летом 1917 года, жили хорошо. На дом приходили каждый день две учительницы, одна по всем предметам, другая, француженка, для французского языка. В школы детей никто не посылал, ездили в Нюландскую гимназию сдавать экзамены. Сестра окончила первый класс, а я приготовительный. На этом наше образование, не считая домашней учебы, кончилось и через три года возобновилось уже в эмиграции, за границей.

В декабре 1916 года капитан II ранга Ордовский-Танаевский назначен командиром только что вышедшей из капитального ремонта бронированной канонерской лодки «Грозный». Экипаж – 160 матросов и 11 офицеров. Незаметно подкрался февраль 1917 года с его революционными событиями и матросскими митингами в Кронштадте и Гельсингфорсе, где прокатилась волна беспощадных самосудных расправ над неугодными матросам офицерами флота. 1 марта выстрелом в спину был убит командующий флотом адмирал А.И. Непенин. В Февральскую революцию на Балтике погибло около ста офицеров.

По счастью «Грозный» находился в это страшное время в плавании...

2 марта Император Николай II Александрович составил и подписал отречение от престола, которое он закончил словами «Да поможет Господь Бог России!» Бог не помог: Российская Империя пошла ко дну. Власть в воюющей и быстро впадающей в хаос стране перешла в руки Временного общественного правительства. Мир удивился, но не вздрогнул, будучи круглосуточно занятым массовым уничтожением людей газами, пулями, снарядами и бомбами, падающими с неба из летательных аппаратов, над созданием которых работал дед Игоря.¹

И сразу же забурлило Великое Княжество Финляндское. Идея создания самостоятельного государства вывело флегматичных финнов на улицы. В марте 1917 года в Финляндии создается Гельсингфорский сейм рабочих организаций, быстро наладивший сотрудничество с русскими Советами рабочих и солдатских депутатов, с матросскими комитетами Балтийского флота. Летом были созданы Рабочая гвардия порядка и Красная гвардия.

В начале октября 17-го немецкая армия и флот начали операцию «Альбион» по захвату Моозундского архипелага вблизи Эстонии, закрывавшему доступ в Рижский залив. Канонерская лодка «Грозный» приняла участие в известном Моозундском морском сражении.

Этот бой русские проиграли.

1 Дед Игоря, офицер Дмитрий Александрович О-Т., (1854 – 1880), изобрел летательный аппарат с машущим крылом, названный впоследствии «орнитоптером». Весной 1880 г. на аппарате, использовавшем в качестве двигателя мускульную силу ног «лётчика», его брат Николай поднялся в воздух с крыши дома, стоявшего на холме, и планировал более двух вёрст.

Борис:

В один тревожный день маме сообщили в штабе: «Грозящий» потоплен в бою в Кассарском Плёсе. Мама вернулась и вечером повезла нас в большой русский собор на Скатудене и отслужила, не зная подробностей, панихиду по погибшим. Сведения штаба оказались не первый раз ошибочными. «Грозящий», в полузатонувшем состоянии (у него был оторван нос), самоходом дошел до Гельсингфорса. Отец остался жив и не ранен. Он сорок два часа простоял без отдыха на мостике. Возвращение отца, до пояса, заросшего бородой, было для нас большой радостью.

Константин Дмитриевич, как и большинство русских офицеров, чурался политики, но, несомненно, обладал чувством собственного достоинства. Он подал прошение об отставке. Ему исполнилось всего 37 лет, на его руках семья, четверо детей, младший из которых, Игорёк, уже деловито топает по квартире. Никакой «мирной» профессии у него нет.

Но ответа на его прошение не будет. Буквально через неделю-другую власть в России захватили большевики во главе с В.И. Ульяновым (Лениным). Мир ещё раз удивился, но так и не понял, что экстравагантные призывы к мировой революции, раздавшиеся из осеннего Петрограда – это отнюдь не шутки. Так началась в новейшей истории коммунистическая эпоха.

Невесёлый новый, 1918 год, Константин Дмитриевич с семьёй встретили на территории иностранного государства.¹ В Суоми началась гражданская война, в которой подавляющее большинство русских военных, находившихся в Финляндии, не имело ни малейшего желания участвовать. Естественно, что «красные финны» тут же получили тайную поддержку большевиков, заявивших о своем якобы нейтралитете. И красные, и белые финны пообещали разделаться с русскими, осмелившимися принять участие в военных действиях. Финская пресса в ужасе писала, несмотря на запрет главнокомандующего, расстрелы русских продолжаются непрерывно. Красное безумство сменилось белым террором. Погибли сотни и сотни. Расстрелы тем более дают впечатление полного произвола, поскольку жертв выбирали и казнили в местах, где не совершалось никаких актов насилия. Главнокомандующим был генерал русской службы Карл Густав Маннергейм.

Только в начале лета 1918 года Константину Дмитриевичу удалось вывезти семью в Петроград.

1 23 ноября/06 декабря 1917 г. финский сейм в одностороннем порядке провозгласил Финляндию независимым государством. 18/31 декабря в Смольном Ленин подписал «Постановление Совета Народных Комиссаров о признании независимости Финляндской Республики».

Бросив в четвертый раз всё то, что не успели за гроши продать, мы под финским конвоем были доставлены на пристань, где погрузились на забитый людьми транспорт «Рига» и, ещё под Андреевским флагом, вышли в море. В Петроград мы вошли под красным флагом, и здесь высадились. Было лето и было жарко.

Действительно здесь было «жарко»: это был переезд «из огня да в полымя».

Толпы матросов и солдат ходили по квартирам, выискивая офицеров, которых расстреливали без суда. Повальные обыски происходили по ночам, офицеров вытаскивали из постелей и в негодном виде сажали их в грузовики. Обратно никто не возвращался. Шел повальный грабёж квартир всех «буржуев». Мы переехали в пустую квартиру на углу Съезжинской и Большой Пушкарской на Петербургской стороне. Затем от разных друзей, знакомых и родных собрали самую необходимую мебель и как-то устроились. В городе кое-где можно было достать по карточкам хлеб и сушёную зелень. Старший, очень честный дворник пришел сообщить, что трое жильцов бросили свои квартиры и уехали. Так вот, у них в сараях есть запасы дров, и если, ещё не совсем забытое обращение «Ваше благородие» достанет папирос, то он перенесёт с другими дворниками дрова в наш сарай. Папиросы отец достал в морском складе и появилась возможность готовить еду.

По сей день на Марсовом поле в Петербурге стоит сооруженный в те дни монументальный памятник «Борцам революции» с текстами тогдашнего наркома просвещения А.В. Луначарского, в том числе и таким: *«В красные страшные дни славно вы жили и умирали прекрасно»*.

В августе 1918 г. после убийства в Петрограде Председателя местной ЧК М. С. Урицкого и покушения в Москве на Ленина в стране был объявлен «Красный террор». Стало очевидно, что жизнь в Петрограде становится смертельно опасной.

Осенью, когда начались холода, Константин Дмитриевич перевёз семью на дачу к родственникам жены. Сам же ночевал в пустой квартире. К этому времени относится одно из его «чудесных спасений». Как-то поздно вечером, он был вынужден вернуться из квартиры на корабль, где забыл портфель с документами.

Не желая будить швейцара, отец вышел через чёрный вход на двор и на улицу, пешком пришёл на корабль и остался на ночь в своей каюте, где все-таки было теплее, чем в нетопленной квартире. В эту ночь на грузовике подъехали к дому солдаты арестовывать живших в доме офицеров. Поскольку никто не ото-звался на стук, швейцар своим ключом открыл дверь в нашу квартиру. Солдаты учинили обыск, забрали всё, что им понравилось, и уехали.

Константин Дмитриевич, узнав о происшедшем, больше там не ночевал.

В ноябре 1918 года несколько морских офицеров решили уехать с семьями на юг России, где по слухам росло сопротивление большевикам. Они где-то достали небольшое торговое судно и на нём решили по каналам Мариинской системы добраться до Волги и спуститься по ней на юг. Зимовать решили в монастыре на Ладожском озере и весной тронуться в путь. Предложили отцу присоединиться к ним. Отец отказался, потому что мы не имели зимних одежд, брошенных в Гельсингфорсе. Эта группа уехала без нас. Далеко они не уплыли. В верховьях Невы, у обводного канала Ладожского озера корабль задержали революционные рабочие и расстреляли всех, включая грудных детей. Об этом мы узнали уже в Новороссийске.

В ноябре же начальство Балтийского флота командировало Константина Дмитриевича в Астрахань. Ему надлежало вступить в командование дивизионом субмарин в количестве 4 штук в составе Астраханно-Каспийской флотилии. Ещё две лодки в разобранном виде были отправлены поездами. Получив тёплую одежду для всей семьи, подъёмные деньги и соответствующий мандат, Константин Дмитриевич, Евгения Ильинична и дети покинули Петроград навсегда. Это путешествие запомнилось 9-летнему Борису на всю жизнь.

В штабном вагоне доехали до Саратова на Волге. Здесь произошла заминка. Поступили сведения, что Сызранский мост через Волгу якобы взорван. Нам нужно было добраться до переправы через Волгу на пароме и на восточной стороне сесть на поезд в Астрахань. От поезда до парома три версты пешком. Пошли мы ночью, в мороз, неся на руках, что смогли. Отец нёс в одной руке корзинку, а на другой маленького брата Игоря. Шли по тропинке, протоптанной несметным количеством пешеходов в глубоком снегу. Когда дошли, увидели, что паром-ледокол так облеплен людьми, что и самого парома-то не видно. Отряд вооружённых красноармейцев навёл какой-то порядок в толпе. И тут помогла магическая бумага, мандат, с требованием ко всем властям всячески помогать К.Д. Ордовскому-Танаевскому, едущему в Астрахань по личному поручению тов. В.И. Ленина. Красноармейцы пробили дорогу к парому, сняли с парома десятка три спекулянтов и погрузили нас на паром. На той стороне нам очистили место в теплушке и через двое суток, с бесконечными, долгими остановками, мы доехали до Астрахани. Отец ушёл в город пешком, а мы остались на вокзале. Через полдня отец вернулся на грузовике. Магический документ действовал всюду так, как будто сам Ленин приехал. Привезли нас в соборную церковь, и здесь три солдата, сопровождавших грузовик, выселили на наших глазах настоятеля с семьёй (жена и шесть взрослых дочерей) прямо во двор на мороз и сказали отцу: «Товарищ, занимайте этот дом, других мест в городе нету». Высадив нас, солдаты уехали. Дом был в семь комнат с громадной русской печью в коридоре. Мы заняли только две комнаты, и отец вернул бедного настоятеля с семьёй обратно в дом. Батюшка тут же явился к нам с крестом и стал служить нам молебен и долголетие. По требованию отца нам привезли грузовик железнодорожных шпал, и настоятель с дочерьми напил много дров. Вечером

в доме стало тепло. Настоятель принес маленькую кадучку припрятанного меда, и это было наше первое лакомство с начала революции.

Собственно, командовать Константину Дмитриевичу было нечем и нечем. Вмерзшие в лёд суда стояли у пристани. Всех офицеров перестреляли ещё год назад. Команды были собраны из рыбаков и штатских, нанявшихся за паёк. Отряд матросов мародёрствовал в городе. Бессмысленность его положения была очевидна; мысль бежать из большевистской России, вероятно, родилась у него еще в Петрограде. Оставалось понять, как это сделать.

Дожили мы в Астрахани до первых дней апреля 1919 года. Были свидетелями восстания рабочих против большевиков и террора. Красноармейцы и матросы подавили восстание с невероятной жестокостью. Тысячи рабочих были спущены под лёд посредине Волги. Это рассказал очевидец казней, бывший боцман Князев, когда-то служивший под началом отца. Он очень помогал нам в Астрахани продуктами.

Побег из Астрахани Константин Дмитриевич совершил сразу же, как только по Волге с грохотом прошел ледоход. Вместе с боцманом он вышел в море, по которому ещё плыли льдины, ночью, в свежую погоду, на рыбацком парусно-моторном катере, рискнув не только собой, но и жизнью всей семьи. Через два дня, 7 апреля, в сопровождении корабля под английским флагом, они пришли в Порт Петровск (ныне это Махачкала, столица Дагестана). На молу сидел то ли священник, то ли дьякон и ловил рыбу.

Ошвартовались у маленькой пристани, и тут увидели, что к нам бежит отряд индусов с ружьями наперевес. Все произошло за две минуты. Отца и Князева арестовали и увели, а на судне оставили двух индусов сторожить маму и нас, детей.

Город был в руках белых и англичан. Константина Дмитриевича арестовали по подозрению, что он – большевистский агент. Он просидел под следствием на гауптвахте целый месяц. Семью поддержал офицер, знавший его по Балтике – морская взаимовыручка пришла на помощь и тут. Какое-то время Евгения Ильична тратила остаток «керенок», затем нашла работу на военном складе. Жили в бывшей школе, превращённой в общежитие, в половине класса, выгороженной «перегородкой» из парусины.

Муж вернулся грязный, в помятом мундире, голодный, измождённый. Но теперь они были свободны, ибо Константин Дмитриевич категорически отказался вступать в белую флотилию – «Хватит, навоевался!» Он решил пробираться с семьей к Черному морю.

Это было одно из самых интересных путешествий, вроде тех, что описаны в авантурных рассказах о путешествиях по Америке двести лет назад. Из Порт Петровска в Екатеринодар (ныне Краснодар) мы ехали три недели, сначала пароходом до станицы Старотеречной на море. Там пристани не было, высадились в море на парусные рыбацьи баркасы и до самого Екатеринодара мы все пахли рыбой, т. к. выкупаться и помыть одежду никакой возможности не было. Потом ехали на волах в телеге до Кизляра, где предполагали сесть на поезд. Да, поезд был, старенький паровозик и три товарных вагона. Какие-то добрые люди помогли нам влезть в этот поезд и проехать четырнадцать вёрст, а дальше дорога была разрушена гражданской войной. Дальше шли кусочки дороги пешком, ехали на телегах, запряженных волами, со скоростью одна верста в час, телегах с верблюдами с той же скоростью, на лошадях, ночуя на сеновалах в казачьих станицах, опять кусочки поездом, опять пешком и т. д. Предводительствовал нашим караваном, как мы его прозвали, «гусар в красных штанах», с усами как у Тараса Бульбы. Так мы добрались до Екатеринодара, главного города Кубанской области. Увы, город тоже был переполнен беженцами, как и все города России.

Но это ещё не был конец пути. Только в июле они добрались до Новороссийска. Поселились в общежитии на горе на краю города.

Всё население общежития состояло из офицеров и их семейств. Однажды к ночи с гор спустились банды «зелёных», которые нападали на всех, и убили перед самым общежитием возвращавшегося из порта офицера. Через день нам привезли на грузовике оружие – десяток ружей – и организовали охрану. Днём сторожили мы, мальчишки, а ночью посменно дежурили офицеры. И в Новороссийске мы надолго не задержались. Летом 1919 года отца перевели в Севастополь, и мы на древнем, маленьком транспорте спокойно пришли в Севастополь. Здесь было тепло, очень красиво и очень голодно.

Константин Дмитриевич вернулся на службу, заняв «мирную» должность помощника заведующего морским транспортом, а с ноября – начальника отряда транспортов Черного моря.

Первое время спали на привезённом в тюках конском волосе, который был скручен в твердые канаты, и мы с утра сидели и расплетали их. Получили и тик, то есть матерьял для матрасов и сшили мешки по размеру кроватей, которых, кстати, кроме одной, не было. Постепенно появилась старая мебель, два стола, стулья и, неизвестно для чего, старый шкаф. Вешать в него было нечего, и он пошел на дрова. Как говорится, с бору по сосенке, составилось немного кухонной утвари и даже старый медный самовар.

Одна из комнат в их служебной квартире, в которой лежало пять матрасов, получила прозвище «повальная». Здесь нашёл приют не один десяток случайных

бездомных путешественников. Однажды на пороге дома возник Иван Александрович, принимавший Игоря в далеком 1916-м. Несколько дней его семья спала в «повальной», пока глава семейства не получил назначения в Севастопольский госпиталь, а с ним и квартиру. Позднее им удалось выехать во Францию еще до эвакуации Белой армии из Крыма. Он и Константин Дмитриевич встретятся в Сербии.

А однажды вечером отец пришёл со службы не один. С ним пришли три человека, одетых в старую военную форму. Это были остатки сербской военной миссии времен Великой войны, которые позднее были представителями при штабе армии генерала А.И. Деникина. Они тоже спали три ночи у нас в «повальной», пока отец не устроил их на транспорт в Константинополь. Старший из этих сербов, полковник Милан Ненадич, долго благодарил отца и мать за помощь.

Летело время в сумятице бестолковой, непонятной жизни и в подспудном ожидании неминуемой катастрофы. Дети выросли быстро и становились мощниками.

По временам, спускаясь по бесконечной лестнице с горы в порт, мы переходили по разводному понтонному мосту через Южную бухту и шли на промысел в город. Однажды, я и мама принесли два пуда брюквы. Выдумывали из нее всякие блюда, но без других примесей получалась все равно брюква. Есть её было неприятно, даже голодному. Старые обыватели ходили пешком в окрестные татарские аулы и выменивали вещи на баранину. У нас менять было нечего.

Поздней осенью 1919 года Константина Дмитриевича определяют для продолжения службы в русской морской базе в Константинополе, которая существовала лишь номинально, ибо русского оккупационного флота там не было. Им назначили явиться для отправки на транспорт «София».

Мама категорически отказалась покидать Россию: «Это наша страна, нас никто не любит за границей, нам нечего одеть, нельзя появляться за границей рваными нищими, детям давно пора идти в школу, и так уже два года потеряны. Гражданская война кончится, и мы вернёмся в Петроград». Отец напомнил маме: «За мной уже приезжали в Петрограде ночью, второй раз чудесного спасения не будет. Сейчас идёт война, и я не имею права ослушаться приказа. Времена тревожные. Уехав один, я не могу гарантировать вам никакой помощи. Случись что, и мы можем вообще не встретиться». Мама сдалась.

По этому случаю со складов нам выдали голубой мадеполам для одежды маме и нам, а отцу новую английскую солдатскую форму. Дали также продукты на дорогу и ящик табаку. Одолжили по соседству швейную машину, и мама с сестрой засели за работу. Одели нас в голубой цвет. Полученную кожу обменяли

на подержанную обувь, напекли лепёшек в дорогу, завязали наши самодельные матрасы в тюки и были готовы к отъезду.

По несчастному стечению обстоятельств и в чудовищной неразберихе «София» ушла с их вещами, но без них. Через три дня отплыли на «Дыхтау».

Свободных кают не было, и мы разместились на решётках машинного отделения. Подстелили данные нам рогожи. Как быстро меняется психология: от барской квартиры в Гельсингфорсе до решётки над машинным отделением на грузовом пароходе. Всё в жизни условно. Над машинным отделением было тепло, и была крыша над головой. В камбузе получили по фунту твёрдых как скала ржаных сухарей. Что ещё человеку нужно? Одолжили у жены старшего офицера чайник, получили кипяток и, размачивая в нем сухари, пили из общей кружки.

Мы были не единственными пассажирами. Была ещё, занявшая небольшую кают-компанию, группа из балета, две балерины и танцор. Эти ехали богато. Везли горы сундуков и чемоданов, очевидно балетный гардероб, граммофон и массу съедобных деликатесов от зернистой икры и до конфет, вин и ликеров.

Когда мы вышли в море, мы долго смотрели на удалявшийся берег Крыма. Тогда мы ещё не подозревали, что больше не вернёмся в Россию.¹

Никто из них, смотрящих сегодня на нас с сотен памятных фотографий времён исхода из Крыма пронзительно печальными глазами, не верил – **никто не верил в слово «навсегда»!** Никто из них, тем более мальчик Игорёк, задумчиво грызущий молочными зубами свой сухарь, не знает, что в этот момент они становятся беженцами на все оставшиеся им дни. И будут они бежать и бежать, меняя города и страны, пока не окажутся где-нибудь в Чили, Парагвае или в Венесуэле.

Дальше всё произошло именно так, как описано во многих книгах и мемуарах. Почти три недели суда стояли на рейде в карантине. Перед выходом на берег всех беженцев отвезли в примитивную баню на берегу Босфора, в лагере, окружённом оградой из колючей проволоки. «Обращение как с преступниками», – пишет Борис Константинович. Но это – всего лишь первый лагерь, которых потом будет много. Будет и совсем невообразимое: страшные лагеря ГУЛАГа, на родной земле, под охраной «своих», с красными звёздами на ушанках.

Мы привезли с собой целый мешок денег, керенок и «колокольчиков» (тысячерублёвых билетов, выпущенных на юге России в гражданскую войну). И кто-то сказал отцу, что один банк ещё меняет их на турецкие лиры. Лира тех времен была большими деньгами. На одну лиру можно было прожить три дня. Отец взял с собой этот мешок с деньгами и обменял их на лиры. Получил двести

1 Екатерина Ильинична вместе с дочерью Еленой и ее мужем будут высланы из Югославии в 1950-е годы и окажутся в Казахстане.

сорок лир, для нас – огромный капитал. Отец передал маме только половину денег, и мы несколько дней утопали в сладостях. Мама не умела экономить. Деньги жгли ей руки.

Две меблированные комнаты они наняли за 48 лир в месяц в греческом квартале Фенер. На запряженную ослом арбу погрузили вещи и пошли за ней пешком по хлопковой и вонючей грязи. Отец, мать и четверо детей. Наконец пришли.

Нас окружила толпа грязных баб, которые бесцеремонно щупали нашу одежду и вещи. Мы были в ужасе, не понимая, куда деваться от этих баб. Но вот из дома вышел огромного роста грек и, хватая баб за волосы и раздавая тумаки, разогнал толпу. В доме не было ни водопровода, ни канализации, ни электричества. Общая кухня внизу, четыре вделанных в ниши мангалки, которые топили древесным углём (его тоже развозили на ослах по улицам). Воду надо черпать ведром из колодца в углу кухни. Уборная во дворе за загородкой, прикрытая досками яма, а в досках дырка. И насекомые – мириады блох и клопов! Поначалу мы довольно сносно питались. Русская морская база платила отцу очень скромное жалованье в турецких лирах. Но в июне это кончилось.

Положение семьи день от дня становится всё более и более безнадёжным. Борис каждый день уходил в город, иногда ему удавалось поднести кому-то корзину с покупками и хоть что-то подработать. Довольно быстро он освоил скромный лексикон «уличного» турецкого языка. Евгению Ильиничну взял швейкой в свою мастерскую хозяин дома, где они жили, но весь её заработок уходил на оплату жилья.

У нас пропала всякая надежда, что мы выживем. Тут Американский Красный крест открыл бесплатную кухню для русских беженцев, которых было уже очень много. Раз в день давали пищу на дом. Одно блюдо какой-нибудь каши. Эта кухня была очень далеко, и я ходил с глиняным горшком, мяса грязь, за этой едой. Полтора часа туда, полтора обратно. Еды было слишком мало, чтобы жить, и слишком много, чтобы умереть. Мы очень боялись за здоровье отца, он уже с трудом ходил от слабости.

Тем не менее Константин Дмитриевич каждый день уходил в поисках работы. Провидение однажды привело его к книжному магазину братьев Зелич, сербов, живших в Стамбуле уже в четвёртом поколении. Он вошёл. Работы для него в магазине не нашлось, но радушные сербы на всякий случай записали его адрес. Наверное, они угостили замёрзшего русского офицера непрременной рюмкой ракии, от которой он не посмел отказаться, и чашкой кофе. Наверное, они разговорились, и уж вполне определённо, что Константин Дмитриевич – «собственно говоря...» – рассказал о своём давнем, как будто в какой-то «не бывшей жизни», знакомстве с

полковником Ненадичем, ночевавшем у него в «повальной» комнате в Севастополе. Иначе почему бы вдруг в Константинополе, в греческом квартале Фенер, в одном Богом забытом переулке случилось историческое событие?

В конце нашей улочки появился турецкий почтальон. Очевидно, это было впервые в истории этого переулка, потому что за почтальоном шла горланящая толпа. Подойдя к нашему дому, почтальон вынул из сумки пакет, осмотрел его и постучал в наш дом. Открыли двери, и вместе с ним в дом ввалилась галдящая толпа любопытных. Он поднялся к нам на второй этаж, сопровождаемый хозяином со свирепым видом (мужчина в доме, да ещё и турок!) и галдящей толпой. Хозяин стал раздавать направо и налево тумачи, а затем, вооружившись дубиной, выкинул толпу на улицу. Почтальон вручил нам заказной пакет, получив расписку, стал ждать «на чай». Дать ему было нечего, и он ушел, посылая на наши головы тысячи турецких проклятий. Пакет был из Королевства сербов, хорватов и словенцев, в дворцовом конверте с коронами и печатями. В приложенном письме на русском языке, министр двора короля Петра I писал, что наш адрес он получил от Зелича, который описал ему наше положение. Министром двора был тот самый, ставший уже генералом, полковник Ненадич. Он предлагал нам переехать в Белград, приложил письмо к консулу и чек на расходы. Добрые дела не забываются!

Мы немножко приоделись, расплатились с хозяином и, по третьему классу пассажирского поезда, поехали. Снежным утром, в конце октября 1920 года, мы переехали Болгаро-Сербскую границу.

Именно в эти же дни завершалась крымская трагедия Белого движения. 29 октября/11 ноября 1920 года генерал-лейтенант Петр Николаевич Врангель отдаёт «Приказ» об эвакуации из Крыма *«всех, кто разделял с армией её крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага»*. Из портов Севастополя, Евпатории, Керчи, Феодосии и Ялты выйдут 126 судов, на которых покинут Россию 146. 000 человек, не считая судовых команд. Более 40. 000 из них будут позже приняты в Королевстве СХС.

В эти же октябрьские дни 1920 года, а именно 2/15 октября, в Белграде начались уроки в 1-й русско-сербской гимназии. Но до поступления в гимназию Игоря должны ещё пройти долгие семь лет.

У нас нет подробных сведений о «новой», мирной жизни семьи Константина Дмитриевича в Сербии. Жили трудно, жили как все. Известно, что они не смогли найти жильё в Белграде: это им оказалось не по карману. Они устроились на другом берегу Савы, в пригороде Белграда, Земуне, где сложилась большая русская колония. Сюда же, в Земун, приедут и родственники Ордовские-Танаевские. Они,

конечно, встречались, но их отношения не стали близкими. В Земуне жили семейства Родзянок, Гранитовых и многих других, чьи дети позднее оканчивали гимназию.

На главной улице Земуна стоял десяток-другой двух и трёхэтажных домов, а всё остальное – это крестьянские хаты. Мы сняли в одной из хат две комнаты с кухней. Воду носили ведрами за три квартала, и это было очень тяжело при морозе с ветром. Удобства находились во дворе, выгребная яма и над ней будка и сиденье. Выгребные ямы уборных вычищались городом за особую плату.

С 1920 года Государственный комитет по приёму и устройству русских беженцев выплачивал безвозмездное пособие семьям беженцев в составе 4-х и более человек в размере 1. 000 динар. Это были существенные деньги: столько же получал профессор университета. Но в течение последующих двух лет пособие постоянно сокращалось, пока не прекратилось вообще в 1922 г. Константин Дмитриевич нашел место мелкого чиновника в Министерстве путей сообщения, но всё равно денег в руках хозяйки дома хронически не доставало.

Старшие дети пошли учиться в русские школы в Земуне. Борис учился в реальном училище. Все учителя были старыми, испытанными педагогами дореволюционных российских школ. С 13-ти лет Борис уже начал работать. Сестра Елена училась и помогала матери по дому; она начала писать стихи, которые время от времени появлялись в газете М.А. Суворина «Новое время».

Игорь рос «на улице». Гонял с мальчишками на пустыре тряпичный мяч «крпеньяча». Вероятно, он очень скоро услышал от сербских дружков популярную дразнилку «рус – купус», что значило «русский – капуста» из-за приверженности русских семей ко щам да борщам. Детям, в отличие от взрослых, нечего делить, их ссоры коротки, а слезы высыхают быстрее, чем трава после дождя. Это «дворовое» детство сделало из него открытого, компанейского и доброго человека, знающего цену настоящей дружбы. Все его звали Игорёк, и это имя сохранится за ним на всю жизнь.

Окончив школу, сестра Елена сразу же устроилась на работу. Довольно быстро она вышла замуж за русского землемера Виктора Путинцева, с которым уехала в провинцию. Борису же в 1928 году удалось поступить на технический факультет Белградского университета и получить студенческое пособие. С трудами и с перерывами в учёбе он окончил факультет в 1936 году и стал инженером.

Игорь после окончания начальной школы пришёл в гимназию в 11 лет. Учился он посредственно, остался в 4-м классе на второй год, а сдав в следующем 1932-м году экзамены «малой матуры» вообще ушёл. Почему? Вероятной причиной могли стать материальные затруднения в семье. А возможно шестнадцатилетний Игорь понял, что учебная программа гимназии ему не по плечу.

Это был крепкий, жилистый парень среднего роста. Обыденное лицо, добрые глаза, скрытые большими бровями, редкая скромная улыбка. Характером – в отца. Он ушёл в жизнь, «в люди», лишившись при этом возможности находиться в уникальной гимназической среде. Отметим, что и его брат Кирилл тоже не смог получить среднего образования.

Полученное из гимназии свидетельство давало некоторые преимущества при устройстве на работу. Но Игорь жил случайными заработками. Известно, что, приехав к родственникам в Вршац, он сразу же нашел временную работу: подряды на покраску домов и оград. Один или в компании – Бог весть. Наконец, его взяла в свою семью сестра, возвратившаяся в Белград. Наверное, это спасло Игоря. Её муж постепенно выучил Игоря премудростям профессии землеустроителя.

Тем временем жизнь в Королевстве Югославия быстро менялась. После убийства в 1934 году в Марселе короля Александра I Карагеоргиевича отношение властей к русским беженцам существенно изменилось в худшую сторону. Но вряд ли это как-то серьезно сказалось на семье Константина Дмитриевича. Нет никаких сведений о том, чтобы он принимал участие в тогдашней жизни русской общины, был членом какого-то Общества или хотя бы раз посетил с супругой Русский дом... Похоже, что он был сломлен, и понимал, что жизнь его клонится к закату. Он спас своих детей, вывел их в жизнь. Теперь дом опустел...

Еще в Константинополе у главы семьи начались проблемы с желудком, вероятно, от постоянного недоедания. Лечиться Константин Дмитриевич отказывался, ссылаясь на отсутствие денег и на то, что еще ни разу не было, чтобы хотя бы двое эскулапов поставили ему один и тот же диагноз. Кончилось это срочной операцией в октябре 1939 года. На операционном столе он и скончался. На 60-м году оборвалась жизнь героя русско-японской и Великой войн и одного из первых командиров российского подводного флота. Среди его наград орден Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» за оказанные отличия в делах против японцев в 1904 г. при защите крепости Порт-Артур и Св. Анны 2 ст. с мечами «За самоотвержение, мужество и тяжкие труды в обстановке военного времени» (декабрь 1916 г.). Он был похоронен на русском участке Нового кладбища в Белграде. Могила не сохранилась.

После смерти отца дочь Елена приняла маму в свою семью.

Весной 1941 года известные политические события в Югославии нарастали со скоростью цунами. После чудовищной бомбардировки беззащитного Белграда и других югославских городов 6 апреля 1941 года началась короткая Апрельская война.

Немцы заняли всю Югославию за 10 дней. Когда мы уходили из Белграда в первый день бомбардировки, в канавах вдоль дороги валялись сербские офицерские мундиры. «Защитники Отечества» на ходу переодевались в штатское

и позорно бежали. Королевское правительство удрало в Лондон раньше всех, бросив свою страну на произвол судьбы. Население разбивало витрины магазинов и грабило всё, что можно было унести. Разбитые водопроводные трубы и порванная электрическая сеть лишили население света и воды.

В действительности всё было не совсем так, но не будем осуждать Бориса Константиновича за слишком категоричные суждения. Он видел то, что видел – но только в Белграде. Попытки сопротивления, конечно, были, в них приняли участие и русские эмигранты.¹

Так или иначе, Югославия капитулировала. Обещанная Советским Союзом военная помощь не пришла – да и не могла прийти, поскольку в апреле 1941-го СССР еще был союзником нацистской Германии. В Земуне часть населения, хорваты и многочисленные граждане немецкого происхождения, встречали немецкие танки цветами.

Немцы, с помощью самих сербов, железной рукой навели порядок в Белграде. Был введён комендантский час, проведена перерегистрация всего населения. Жизнь без удостоверения личности, которое выдавалось в том числе и русскими организациями, стала просто невозможной: продовольственные карточки, наём жилища и т. п. При этом большинство русских эмигрантов лишилось работы и каких-либо средств к существованию.

Пока в русских колониях разбирались «что да как», грянуло утро 22 июня, и всё стало намного серьезнее. В бывшем Королевстве Югославия, разодранном оккупантами на части, вспыхнула реальная гражданская война. В отделившейся Хорватии проходят этнические чистки: уничтожают православных, а титовские партизаны начинают свою активность с охоты на русских эмигрантов в провинции. Так каждый русский эмигрант вновь оказался перед необходимостью выбора: с кем ты?

В начале сентября уже семейного Бориса забрали на принудительные работы в Германии. Больше он в Сербию не вернётся. Двумя неделями позже 25-летний Игорь сделал свой выбор, записавшись в «Русский Корпус». 1-й полк, 1-й батальон, 1-я юнкерская рота. В этой же роте, но в другом взводе, служит его кузен Сергей Шауб, Ордовский-Танаевский по маме,² а в 3-й «индейской» роте – другой кузен, Вадим. Боевое крещение Игорь примет в известном победном бою юнкеров в декабре 1941 года на руднике «Столице».

В 1942-м он окончит Военно-училищные курсы и будет произведён в подпоручики. Он не совершит никаких подвигов, не будет ни разу ни награждён, ни отмечен в приказах по Корпусу, но честно пройдёт боевой путь Корпуса от самого

1 См. биографию А.М. Глянцева, 19-й вып.

2 Сергей Шауб, гимназист, 23-й вып.

начала до самого конца и сложит оружие перед англичанами в Австрии в мае 1945-го. Много позже он скажет своему сыну Константину: «Не дай тебе Бог узнать, что такое война!». Игорь никогда не откажется от своего выбора и сохранит теснейшую дружбу с бывшими корпусниками.

В одном полку Русского Корпуса, в одном взводе служили два Игорька. Фамилия второго была Полянский. Это были два друга «не разлей вода». Полянский был старше своего тезки на 7 лет, уже женат на сестре милосердия по имени Ариадна, служившей в корпусном госпитале, у них росла дочь Ирина, а в 1943-м родится вторая дочь, Людмила. Конечно же, это радостное событие отметил весь взвод в сельской «кафане» или в «крчме».

Чуть позже Игорёк Ордовский тоже женился. Как это случилось, он никогда не рассказывал; в 1944 году у него родилась дочь Ирина, но семья быстро распалась.

Пути двух Игорьков разошлись, когда весной 1944 года Полянский ушёл из Русского Корпуса и записался в 1-ю казачью дивизию Корпуса генерала Паннвица. Поэтому, когда семьи корпусников эвакуировались из Белграда, Полянские присоединились к Казачьему стану в Италии. Две женщины – бабушка Евгения, дочь её Ариадна, и две девочки.

Рассказывает старшая дочь, Ирина Полянская:

Выехав из Югославии, мы попали в Италию, где беженцы были очень хорошо встречены. Люди, итальянцы, говорили: «Не бойтесь! Войне скоро конец!» Оттуда мы перешли в Австрию. Собственными ногами в караване вместе с другими людьми. Нас, девочек, разделили таким образом: Людмила, как меньшая, была с мамой, а бабушка была со мной. Во время этого очень трудного похода на Людмилу напали всякие болезни: ветрянка, простуда. И поэтому мама должна была передвигаться немного отдельно от всей группы, чтобы никого не заразить. Вероятно, мы останавливались на ночь в каких-то «убежищах», которые мы находили вдоль дороги.¹

В горах шёл холодный дождь вперемешку со снегом. Ещё живы свидетели этого казачьего Исхода – прохождения бесконечного потока людей и повозок через горные итальянские сёла и городки. В одной семье бережно хранят детские ботинки. Это казачка отдала башмаки своего умершего сына итальянскому хлопчику, стоявшему у дороги босым в весенней грязи. Люди шли навстречу своей страшной судьбе с пением благодарственных молитв. Их было около тридцати тысяч. В городке Тимау казаки передали под расписку свою казну местному священнику-католику с единственной просьбой: если они не вернуться, построить на эти деньги церковь. Казаки не вернулись. Католики-итальянцы построили церковь,

¹ Аудиозапись воспоминаний Ирины Игоревны Полянской. Архив М. Ордовского-Танаевского.

используя элементы русской храмовой архитектуры, а рядом создали музей, с небольшой экспозицией о казаках.

Спустившийся с гор «Казачий Стан» ожидала выдача в СССР. Все четверо – бабушка, мама и две девочки были в Лиенце, где 1 июня 1945 года английские солдаты, избивая палками и стреляя в безоружных, закидывали людей в грузовики, как грузчики загружают кузов мешками. На станции их загоняли в вагоны состава, тут же уходившего в советскую зону.

Ирина:

Мама мне рассказывала, как очень много людей собрались для молитвы. И на этих людей напали. Началась паника, одного священника убили. В этой суматохе я отпустила руку бабушки и потерялась. Кто-то из убежавших забрал меня с собой в горы, в лес. На следующий день меня вернули, и я начала искать мою маму. Мне было около пяти лет, и люди послали меня искать маму туда, где лежали умершие люди. Они лежали покрытые простынями. Я не знаю, как мы нашли друг друга, потому что мне никто об этом не говорил, наверное, чтобы не напоминать мне об этом.

Среди мёртвых тел кто-то обнаружил живого мальчика, которого прикрыл собою отец. Русского мальчика усыновила австрийская семья, он живет в Лиенце.

Однако бывших корпусников, несмотря на все усилия советского правительства, эта чаша минует.

В конце лета 1945 года у входа в лагерь, где содержались пленные корпусники, Игорь повстречал Ариадну Полянскую, жену друга. И узнал жестокую правду. Её муж исчез.

Потом уже вместе они писали запросы в Международный Красный крест, расспрашивали всех, кто остался цел после выдач – все тщетно. Их общий друг рассказал, что – возможно! – Игорь Полянский был выдан «советам» в числе казачьих офицеров, приглашенных английским командованием на якобы «конференцию» в городе Шпиталь, затем поездом доставлен в Венгрию, где был расстрелян.

Ирина:

Согласно правилам той эпохи, человек, который исчез во время войны и не нашёлся в течение двух лет, считался умершим. Так и случилось с моим отцом Игорем Николаевичем Полянским. Мама осталась вдовой. Она не знала, что с ним случилось. Он погиб.

И тогда Игорь поступил так же, как когда-то его отец во Владивостоке – он предложил Ариадне Николаевне выйти за него замуж. Они обвенчались в лагерной церкви. В лагерной церкви.

Ирина:

Мы узнали, что они собираются жениться, потому что об этом нам сказала бабушка. Она сказала немножко грустно, потому что она очень любила моего первого папу и говорила, что он был настоящим кавалером. По-моему, у мамы было красивое платье, красно-бордового цвета, которое ей очень шло, и я помню, что они были печальны. Это я знаю.

Уже в конце 1945 года начался массовый исход русских, старых эмигрантов и тех, кому удалось избежать выдачи в СССР, из разрушенной войной Европы. В августе 1947 года, имея на борту 850 беженцев, из порта Бремена вышел американский корабль «Генерал Стургис». Основное «население» парохода составляли русские. Семья Игоря Ордовского-Танаевского была среди них. Ночью 2-го сентября корабль бросил якорь у берега Венесуэлы. Наутро перед глазами беженцев предстал песчаный берег с рыбацкими хижинами и пальмовые заросли. Местные газеты дали фотографию русской сеньоры в шубе, которая ест свой первый в жизни банан.

Ирина:

Нас забрали и привезли в Каракас, в отель «La Asia». Там выдали по 30 боливар каждому взрослому и сказали, что дальше устраивайтесь, как сами сможете. Дело в том, что Люся была довольно слабого здоровья. Папа её даже украл из санатория в Австрии, потому что корабль отходили ждать было некогда. И в пути – он её на какой-то тачке вёз – она оттуда выпала, и он только через какое-то время заметил, что её нет. Похоже, что путешествие или изменение климата на неё тоже повлияли и нам посоветовали увезти её из Каракаса. Папа познакомился – подружился – с людьми, которые нашли ему работу в муниципальной инженерии в Валенсии.

Это была работа землеустроителя в кадастровой службе, но ещё до того Игорю пришлось потрудиться на уборке сахарного тростника.

Очень скоро Игорь Константинович стал главным специалистом кадастровой службы всего штата Карабобо, которую по существу сам и создал. Тогда в разных штатах Венесуэлы этого вообще не было. Игорь очень многих бесплатно выучил своему ремеслу, как русских, так и венесуэльцев. Они сняли маленький домик в Кампо де Карабобо неподалёку от знаменитого памятника на месте сражения войск Симона Боливера в июне 1821 г., давшего Венесуэле независимость. С тех пор страна больше не воевала, и это чувство, что здесь нет и не может быть войны, было самым радостным для всех, приехавших сюда из Европы.

Ирина:

У нас были только две кровати, одна для бабушки, вторая для нас, дочерей, а папа и мама спали на полу. Я помню, что маму что-то укусило, и это место у неё очень болело и сильно распухло.

Так как у нас было принято есть за столом, то нашим первым столом был просто пенёк, который накрыли чемоданом, и это служило нам и скатертью, и столом. Я помню, как удивлялась бабушка, видя, что люди брали свою тарелку и уходили куда-то в уголок или в гамак, или могли просто на земле сесть и кушать. Матрасы для всех были сшиты мамой и бабушкой из отбеленной ткани от мешков из-под муки. Их набивали кукурузными листьями. Мама и бабушка шили и вязали на всех нас.

Однажды к нам пришёл один из соседей, венесуэлец, а в руках у него было мачете. Когда его увидела бабушка, она крикнула маме: «Готовься, мы пережили войну, но теперь нам отрежут головы!» Этот человек стал потом большим другом всей нашей семьи.

Кое-что из сшитых вещей продавалось или просто дарилось соседям. Игорь сам делал кирпичи для ремонта дома «из грязи» с сухой травой и сушил их на солнце. Они были счастливы – не было войны. Игорь много работал, дома вычерчивал на ватмане тушью земельные планы, которыми как картинами восхищались не только дети, но и взрослые заказчики.

Ирина:

Мама всегда была очень работающей, ведь ее отец был сельским священником и у него было в приходе 13 деревень, где он был настоящим авторитетом. И мама всегда ходила к соседям, помогала убирать дома, заниматься с детьми, при большом несогласии бабушки, которая выросла в аристократической семье с няней и прислугой.

Мы начали посещать нашу первую школу, и мы были сенсацией всего этого поселка. Нас прозвали «мусью», и все приходили к нам домой, потому что никто до этого не видел «мусью». То есть иностранцев.

Они жили открыто и весело, словно старались догнать, вернуть свою молодость, отнятую у них войной. Все их дети говорят одно: наш дом был всегда наполнен любовью. Всей семьёй ездили на ежегодные праздники, которые устраивались в Маракае. Ходили в театр, на свадьбы и на разные праздники венесуэльских друзей.

Но и война ещё долго не отпускала Игоря.

Он купил мотоцикл, на котором вместе с соседом по утрам уезжал на работу.

Ирина:

Ещё не было шоссе, которое вело в Валенсию, а старая дорога была очень длинной. И в зависимости от того, выпили они или нет, мотоцикл двигался либо прямо, либо зигзагами.

«Землемеры Валенсии», почти все бывшие корпусники, собирались часто и пили крепко. Дома их ждали «с метлами» разъярённые жёны. Цветочки и подарки, конечно, помогали мало. Проспавшись, Игорь ставил на проигрыватель пластинку с любимым «Борисом Годуновым» и включал его на полную громкость. В конце концов Игорь бросил пить раз и навсегда.

Через два года, когда в семье ожидалось пополнение, они переехали в новый дом. На участке, подаренном Игорю городским Советом, в районе Валенсии La Raya по его чертежам построили дом. В январе 1950 года родился первый совместный ребенок Ариадны и Игоря – девочка, крещёная Евгенией, как по занятому стечению обстоятельств звали обеих бабушек: одна была рядом, а вторая, Евгения Ильинична, жила в далёком Казахстане, не ведая ни о своём сыне, ни о внучке. Через три года родится сын, названный в честь деда Константином.

В памяти Кости сохранился один важный эпизод:

Я помню, однажды я пришёл из школы. Папа был дома. На его вопрос: «Как дела?» я радостно сообщил, что выучил новое английское слово «to kill». Что значит «убивать». И тут же я получил такую затрещину, что у меня в ушах зазвенело. «За что?» – заорал я. «Забудь это слово навсегда», – сказал мне отец. Я помню его лицо – такое лицо, что я тут же перестал орать. «Навсегда!» – повторил он.

Игорю удалось получить от муниципалитета бесплатный участок для постройки церкви. Построили храм вскладчину. В этой церкви служил литургии приезжавший к родителям Иоанн Максимович, архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, прославленный во Святых Русской Православной Церковью.

Выпадали и тяжёлые времена, когда случалась очередная революция и наступала пора безработицы. В какой-то из таких моментов Игорю пришлось пойти работать на фабрику по переработке сахарного тростника.

В 1962 году Игорь получил работу по проектированию дороги в дальнем южном штате Баринас. Оставив старших дочерей дома, уехали с младшими детьми почти на год. Проехать по «льянос», тропическим равнинам, можно было только на джипе. Многочисленные реки пересекали на паромках, то есть плотках, которые тянули тросом или прямо на машине. Когда шли сильные дожди, вода в горных реках поднималась совершенно неожиданно и шла стеной и однажды едва все не утонули. Поселились в небольшом поселке Сьюдад Боливия.

Рассказывает сын Константин:

Жизнь там была настоящей деревенской жизнью. Для меня это были счастливые времена, поскольку я научился и на лошади скакать, коров доил и масса, чего делал. Ну и, естественно, опасностей было много, но, когда ты ребёнок, ты опасности эти не видишь. Папа был и строг, и справедлив. Мама меня, конечно,

всегда защищала во всём, но папино слово было последним. Я ходил в местную школу, в третий класс и закончил там вторую половину года. Это были просто столы со скамейками под каким-то навесом. Знаю, что жизнь там была нелегка для папы и мамы. Но тогда с работой было очень тяжело. Папа целыми днями «пахал поле», то есть делал планировки. Длинные, длинные дни в жуткой жаре. Даже сейчас я как будто чувствую это пекло. Папа приходил с работы, снимал свои тяжёлые резиновые сапоги, в жуткой грязи, и моей задачей было мыть их, чтобы на следующий день у папы сапоги были чистые. Мама отлично ездила верхом и помогала папе раздавать зарплату его сотрудникам прямо с коня. Мы много ездили через горы, через маленькие посёлки. И я помню, что всегда в этих горах был туман.¹

Игорю в это время было сорок шесть лет. Трехсоткилометровое шоссе Баринас – Сан Кристобал, на границе с Колумбией, прочерченное рукой Игоря на планах и картах, было построено. Вместо плотов-паромов стоят мосты, вместо поселков выросли небольшие городки.

Старшие дочери закончили школу и заневестились. Младшего, Костю, в 1964 году приняла к себе семья дяди Бориса Константиновича, который давно уже обосновался в Лос-Анджелесе.

В феврале 1969 года окончательно перебрались в Лос-Анджелес и Игорь с Ариадной. Дочь Женя тоже была уже там. Они продали дом и абсолютно всё, что имели в Валенсии. Сняли небольшую квартиру. Игорь сам нашёл работу простым рабочим в фирме, изготавливавшей детали и компоненты для самолётов. Впоследствии компания была куплена большой корпорацией Barry Wright Corporation, в которой Игорь Константинович и закончил свою рабочую жизнь, выйдя на пенсию. Ариадна работала медсестрой в старческом доме. Братья Игорь и Борис встречались редко: слишком они были разными людьми.

Константин:

Жили мы тогда довольно скромно, и если чего-то у нас в материальном смысле не доставало, то в душевном смысле у нас было более, чем достаточно.

В 1978 году маме сделали тройное шунтирование сердца. Папа очень нервничал – и я тоже. Ведущим врачом-кардиологом больницы был египтянин, операция прошла очень хорошо. И я навсегда благодарен ему за то, что он надолго продлил жизнь моей мамы.

Но через одиннадцать лет, 19 августа 1989 года, Ариадна Николаевна скончалась: оторвался тромб, и поражение мозга оказалось смертельным.

¹ Аудиозапись воспоминаний Константина Игоревича Ордовского-Танаевского. Архив М. Ордовского-Танаевского.

Константин:

Я думаю, что душу отца мы «похоронили» в тот же день, что и маму. Физически он с нами еще жил, но всё то, ради чего он жил, в тот день перестало существовать. Тогда у меня была компания, я взял его на работу к себе, чтобы он был занят. Он приезжал к нам домой. Было видно, как он одинок. Старался что-то в своей жизни сделать, но это у него очень неуклюже получалось. Два года спустя у него обнаружили рак. Отец скончался 28 марта 96-го года в день рождения мамы. Как будто он решил подарить ей единственное, что у него осталось – свою собственную жизнь.

Ирина:

У нас было то, что можно назвать семьей. Со всеми своими высокими и худыми моментами, но мы всегда могли надеяться на своих родителей и на бабушку, которые нас воспитывали с любовью и ответственностью и сделали из нас хороших людей. И я благодарю Бога за наших родителей, сестер, бабушку, за всех.

Константин:

В те годы, когда мы жили вместе в Лос-Анджелесе, я понял, каким замечательным человеком был мой отец. Мой уровень образования был значительно выше, чем у папы – но у меня был ноль знания жизни по сравнению с отцом. И я очень прислушивался к папе, хотя иногда я, конечно, спорил с ним, но для меня отец был человеком, с которым я, так сказать, советуюсь до сих пор. И я так жалею, что не отдавал ему больше своего времени. Но это уже прошедшее и, как он говорил, нужно смотреть вперед.

Отец Константин Дмитриевич О-Т., (15.09.1880, Санкт-Петербург – 31.10.1939, Земун, Югославия). Капитан II ранга.

Мать Евгения Ильинична О-Т., (ур. Михайлова; 22.11.1881, Санкт-Петербург по другим данным 22.08.1883 – 1960, Алма-Ата, СССР). Венчание 23.01.1906, Владивосток. Жила в Белой Церкви, Югославия в 1943 г. Депортирована из Югославии в СССР с семьей дочери Елены.

Сестра Елена, (02.10.1907, Либава, ныне Лиепая, Латвия – январь 1996, Алма-Ата, ныне Алматы, Казахстан). 1-й брак Виктор Иванович Путинцев, по 2-му браку Ковальская. Детей нет. Елена Константиновна вместе с первым мужем и матерью была депортирована из Югославии в 1949 г. через Венгрию в СССР. Первые годы жили в провинции. Позднее переселились в Алма-Ату.

Братья:

Борис, (02.06.1909, Владивосток – 31.08.2000, Лос-Анджелес). Инженер. Жена Ксения Васильевна О-Т., ур. Ишеева. Гимназистка, вып. женской гимназии 1930 г. Дочь Ксения, (1943, Вена – 1980, Париж).

Кирилл (31.03.1911, Владивосток – 08.05.1945, Вена). Погиб во время бомбардировки Вены. Был женат на австрийской подданной.

1-й брак Игоря: Галина. Преподаватель.

Дочь от 1-го брака: Ирина, (род. 1944, Белград). Окончила Белградский ун-т по специальности фармакология и медицина. В 1966 году переехала в США. Живёт в Лос-Анджелесе. Замужем. Дети: Винсент и Наталия. Внуки.

2-й брак: Ариадна Николаевна О-Т., (ур. Рубцова; по 1-му браку Полянская, 28.03.1919, Одесса – 19.08.1989, Лос-Анджелес). Единственная дочь священника Николая Михайловича Рубцова (? – после 1920) и Евгении (14.08.1892 – 30.09.1957, Валенсия, Венесуэла). Отец – участник Белого движения. Семья эвакуирована из Одессы на пароходе «Решид-Паша». В 1-м браке за Игорем Николаевичем Полянским (1909 – 1945?).

Дочери от 1-го брака Ариадны Николаевны. В законодательстве Венесуэлы усыновление (удочерение) не предусмотрено. Поэтому обе дочери до замужества носили фамилию Полянская:

Ирина Игоревна, (ур. Полянская; 25.04.1940, Кралево). Окончила техникум в Валенсии. Работала администратором у одного из крупнейших в Валенсии владельца земельных участков и недвижимости. После смерти её шефа, сын попросил её продолжить работать с ним. Пенсионерка. Живёт в Валенсии, Венесуэла. Муж Арнальдо Луиджи (род. в Валенсии). Дети: Ира, Арнальдо и Аурелио.

Людмила Игоревна, (ур. Полянская; 04.12.1942, Белград). Окончила тот же техникум, что и сестра Ирина. С юности заинтересовалась модой. При первой же возможности открыла небольшой собственный магазин, в котором продавала то, что шила сама. Предприниматель. Муж Воймир Владыло. Хорват. Семья живёт в Валенсии. Дети: Воймир, Вани, Вики.

Дети Игоря Константиновича от 2-го брака с Ариадной Николаевной:

Евгения, (род. 06.01.1950, Валенсия). Менеджер, продажа недвижимости. Муж (с 1968 г.): Jose Luis Hernandez, мексиканец. Метрдотель. На пенсии. Семья живёт в Лос-Анджелесе. Дети: Jose Luis-junior, Helen. Внуки.

Константин, (род. 28.03.1953, Валенсия, Венесуэла). Топ-менеджер. Директор компании «Karlson-tourism», Москва. Гражданин Венесуэлы, Konstantino Ordowskij. Окончил университет UCLA (University of California, Los Angeles) в 1975 г. по специальности биохимия и магистратуру по бизнесу во Франции в 1982 г. Работал в США и Венесуэле. В 1993 г. переехал в Россию. Живёт и работает в Москве. Дважды женат. В 1-м браке пятеро детей (двое приёмных). Живут в США. 2-й брак (14.06.2009, Москва): Марина Владимировна (ур. Бурмистрова, по 1-му браку Гуреева; 31.05.1972, Москва). Сын от её 1-го брака Артём, (род. 05.03.1998, Москва). Студент.

РОДЗЯНКО Владимир Михайлович, 22.05.1915, имение «Отрада», Екатеринославской губ. – 17.09.1999, Вашингтон.

Епископ Сан-Францисский и Западно-Американский Автокефальной Православной Церкви в Америке Василий. ¹

13-й выпуск 1933 года.

Будущему гимназисту Володе достался исторический дед – Михаил Владимирович Родзянко, Председатель Государственной думы III и IV созывов, один из главных участников трагических событий февраля-марта 1917 года, которые привели к крушению Российской империи. Судьба деда и его действительная роль в тех судьбоносных для России и мира событиях волновали епископа Василия до самого конца жизни.

Первая его встреча с дедом случилась в Новочеркасске в 1919 году, когда в стране уже полыхала гражданская война и многочисленный клан Родзянок был вынужден покинуть свое родовое имение «Отрада» и устремиться на Юг страны. ²

Когда я впервые увидел деда мне было четыре года. Я уже многое понимал. Эта встреча запомнилась мне на всю жизнь. Я помню, что дед посадил меня на колени. Он пил чай по-русски, с подстаканником, и вдруг показал мне фокус: опустил ложку в стакан, и эта ложка преломилась, потом он её вынул, и ложка была опять целая. Это был, конечно, эффект преломления света в воде. Но я подумал, что мой дедушка – кудесник, чужодей. А он, держа меня на коленях, стал рассказывать сказку. Помню, что мне с ним было очень хорошо, интересно. <...>

Конечно, в четырехлетнем возрасте далеко не всё понимаешь, но иной раз дети видят и чувствуют многое, по-своему, конечно, по-детски, но взрослые об этом не догадываются. Мы многое понимали и чувствовали, что происходит нечто трагическое. И у меня уже тогда, в детстве, создалось ощущение, что мир весь такой плохой, что всё вокруг плохо и тяжело и нет просвета. Но, конечно, дети есть дети. Когда нас, беженцев, ожидавших пароход в Новороссийске, поместили в какие-то старые вагоны, стоявшие на запасных путях, то мы целый месяц жили в этих пустых вагонах. Там холодно было, неуютно, взрослые очень страдали. Мы, дети, забирались на верхние полки, это было наше царство, и там

1 При жизни епископа Василия в газетах и журналах были опубликованы многочисленные интервью с ним. Было сделано и множество его аудио- и видеозаписей. В 2015 г. издательство Сретенского монастыря в России выпустило в свет книгу о жизни владыки Василия «Моя судьба. Воспоминания», составитель Д.В. Гливинский. Известен так же многосерийный документальный фильм под тем же названием, созданный в Университете Наталии Нестеровой. Кроме того, изданы и его богословские труды. При составлении жизнеописания владыки Василия мы черпали сведения из этих источников. Речь самого владыки, выделенная нами, в основном совпадает с текстом указанной выше книги.

2 В боях в Киеве погиб Георгий Михайлович Родзянко, офицер Добровольческой армии, родной дядя Владимира.

играли. И в общем, как-то украшали жизнь играми и детским подходом ко всему, но, конечно, чувствовали, что вокруг – страшное горе.¹ <...>

Нам необходимо было быть в Новороссийске, потому что оттуда – это было решено – мы должны были отплыть из России в неизвестность. Я помню семейный совет там, в Новороссийске. Взрослые сидели за столом и обсуждали вопрос, куда ехать. Мы, дети, играли под столом и слышали всё, о чем они говорили. Я отчётливо помню, как мой дядя Николай, брат моего отца, твёрдо произнёс: «Нет, я – во Францию». И действительно он потом уехал во Францию. <...>

А мой дед тогда сказал: «Ну, ты поезжай куда хочешь, а я – в мою Сербию». Это было сказано с такой любовью, с таким сердечным отношением к этой стране, что я запомнил это на всю жизнь.

Потом был трофейный немецкий или австрийский пароход «Габсбург» и долгое, мучительное путешествие. Из Греции через Болгарию семейство Родзянок прибыло в Королевство СХС.

Мы уже подъезжали на телегах, которые день и ночь тащили волю по Южной Сербии, к местечку, которое называлось Враньска-Баня. ... Это был маленький курорт, деревенско-сельский. ... Нас встретил молодой сербский священник. Он сразу взял меня на руки и проявил невероятную ласку, любовь, заботу, познакомил со своей матушкой. Оба были очень приветливы. Они поняли главное, что мне нужно в тот момент, – это спать. Меня уложили на огромную подушку, я почувствовал себя словно в раю и сразу заснул. Но главное – выражение лица этого человека. Я никогда его не забуду. Я не помню его имени, скорее всего я и не знал его. Но я помню, что значил для меня этот батюшка в тот момент. Я впервые увидел священника так близко. Кто знает, может быть, неслучайно я стал священником, священником именно Сербской Православной Церкви. <...>

Я полюбил сербов. Я полюбил Сербскую Церковь. Я почувствовал, что Сербия – родная для меня страна. Моя Сербия, как сказал дедушка. Она стала моей Сербией тоже. Я понял, что он имел в виду. Я понял, что Сербия дала нам, русским беженцам, рай на земле в известном смысле, как и то, что всё, что было до этого – и на корабле, и до корабля, было адом на земле.

Дед, Михаил Владимирович, был благожелательно принят королем Александром и премьер-министром Николой Пашичем, с которым он был знаком ещё по России. За заслуги перед Сербией правительство назначило ему пенсию, которая хорошо пополняла семейный бюджет. Какое-то время семья прожила в Панчево, вблизи Белграда, где Володе исполнилось пять лет и где ему была сделана под общим наркозом операция на колене. Вскоре дед получил назначение – пост управляющего в местечке Беодра, в бывшем имении венгерского магната графа

1 К этому времени в семье было четверо детей: Владимир и три старшие сестры.

Карачони, уехавшего в Будапешт, и все переехали туда. Семья жила в графском замке. Отец, Михаил Михайлович, занимался привычным для него по России делом: вёл всё хозяйство имения, земли которого постепенно распределялись между крестьянами. Жизнь в Беодре во многом напоминала ту, к которой и взрослые и дети привыкли еще в родной «Отраде».

Хотя мы жили неплохо, но всё же это была чужбина. И все тосковали по России – мы, дети, конечно, меньше, чем взрослые. Россия была далеко, и взрослые говорили, что там правят какие-то ужасные люди, которые мучают русский народ. Я помню в детстве эти разговоры за столом: надо спасти Россию. ... Я всё это слышал и накалялся чувством патриотизма: что надо вернуть Россию назад, к тому, какой она была. Мои родные рассказывали, какой была Россия до войны.¹

Здесь нужно сказать о том, что очень многие в среде русской колонии в КСХС, состоявшей в основном из военных, людей монархических взглядов, к фигуре деда Владимира относились резко отрицательно, вменяя ему в вину его участие в отречении от престола за себя и за сына Алексея Императора Николая II, трактуя эти события как попытку захвата власти самим Михаилом Владимировичем. Он всё это тяжело переживал.

Однажды, встретившись с генералом Врангелем, дед спросил его: «Зачем вы раздули компанию против меня, несправедливую, даже клеветническую?» И он ему довольно цинично ответил: «Нам нужен был козёл отпущения, мы выбрали Вас». <...>

А тем временем наступила черная полоса в моей жизни. У нас была большая семья, за стол садились двадцать два человека – мои родители, сестры и братья, дедушка и бабушка, три тётушки. Две их горничные Глафира и Фрося, дальние родственники Мухановы, ещё кто-то, кого я уже и не помню. ... Моя мать буквально валилась с ног. Заниматься со мной у неё не было времени. И тогда решили взять гувернёра. Так появился Николай Семёнович. Это был brave белый офицер. О нём говорили, что он настоящий патриот России. <...>

Гувернёр Николай Семёнович был одним из тех офицеров, кто плохо относился к моему деду. И вымещал это на внуке. Он уводил меня далеко от дома в заброшенный сарай, привязывал ремнём или верёвкой к решётке окна и нещадно избивал ремнём. После этого он ставил меня коленками на кукурузу, и я стоял так, пока на коленях не появлялись капли крови. Это был садист. С тех пор и до старости колени – моё слабое место. Бог ему судья, да простит ему Господь это зверство. Я не знаю, как он объяснял моим родителям, за что наказывает меня. То, что мне приписывалось, я не понимал. Но каждое утро я просыпался с мыслью:

1 Примерно в эти годы стало известно, что В.И. Ленин потребовал уничтожить всех членов семьи Председателя Думы М.В. Родзянко.

Боже мой. Опять начинается день, а, значит, и весь этот ужас. Вот такая у меня была жизнь. Эти экзекуции оставались тайной – я никому о них не говорил.

Когда всё это открылось, губернёр был немедленно уволен, но последствия этой душевной травмы еще долго отравляли жизнь мальчика Володи. У него пропал всякий интерес к жизни, лишь в гимназии ему удалось понемногу придти в себя.

Мальчика ждало ещё одно испытание. Поздно вечером 24 января 1924 года от инфаркта скончался его дед.

На следующее утро, едва проснувшись, я спросил: «Как дедушка?» И мать ответила: «Он умер». – «Мама, что ты говоришь?» – «Да, да. Ну, по-человечески говоря, конечно, плохо, но, может быть, ему там лучше, легче?» Я бросился в соседнюю комнату и вдруг увидел на стене что-то такое, что трудно передать словами. Я не столько увидел, сколько почувствовал: там стоял дедушка и смотрел на меня. Никогда не забуду его любящий взгляд из-за порога смерти.

На официальной церемонии прощания с Михаилом Владимировичем Родзянко присутствовал Король Александр, члены правительства во главе с премьер-министром, большинство русских, живших в Белграде. Улицы столицы были заполнены народом. В том, как прошло прощание, выразилась заслуженная любовь сербов к этому человеку.

Вскоре после кончины деда всё большое семейство Родзянок переехало в тихий бывший австро-венгерский городок Нови Бечей на берегу Тисы. Старшие сестры уже учились в расположенном здесь Харьковском девичьем институте. Здесь, по достижении семи лет, Володя впервые исповедовался.

И вот наступила моя первая исповедь. Впечатление от неё, от того, как батюшка отнёсся ко мне, прочитав мои каракули, как он говорил о моих грехах и старался направить меня на путь истины, осталось на всю жизнь. Должен сказать, что, по старой русской традиции, это особая веха в жизни человека. Теперь, конечно, многое переменялось и забылось. Но у нас в семье существовала старая, дореволюционная традиция воспитания детей, и моя мать была очень строга в этом отношении. Вся семья была верующая, церковная. И меня воспитали в соответствии с этими обычаями. Чувство освежения, очищения, чего-то совершенно нового, ангельского было незабываемо.

Володя поступил в «плетнёвскую» гимназию в 1925 году. Поскольку семья его жила в Нови Бечее, он получил место в интернате.

Моя детская психика была глубоко травмирована «воспитательными методами» Николая Семёновича. И можно представить, какой трудной была моя жизнь в интернате, как нелегко давалось мне общение с товарищами.

Наша гимназия была организована по типу старых дореволюционных классических гимназий. Главный упор в преподавании делали не на физике и математике, а на гуманитарных науках. <...>

Мы учили русскую историю, без всяких белых пятен, без искажений – так, как оно было на самом деле. Мы учили также русский язык и русскую литературу. Мы знали русскую литературу XIX века без купюр, как это, к сожалению, было в то время в России. И мы жили этим духом. <...>

Гимназия отличалась от соседних, чисто сербских. У нас учились не только русские, но и сербы, были сербские учителя, которые преподавали сербскую географию, сербскую историю, сербскую литературу, сербский эпос и, конечно, сербский язык. У нас сразу же установились контакты между русскими и сербскими детьми, хотя взрослые их немножко ограничивали: они боялись, что мы можем утратить нашу русскость. Но такое, конечно, происходило. Девушки выходили замуж за сербов, наши юноши женились на сербках. И действительно, они оказались как бы потерянными для русской эмиграции, которая бережно хранила традиции русской культуры в сербском окружении.

В гимназии на пятом году её существования уже довольно много внимания уделялось спорту. 10-летний Володя увлёкся самым популярным видом спорта – футболом. Родители подарили ему настоящий футбольный мяч, что было воистину «царским» подарком в те времена. Но однажды во время игры во дворе интерната мяч перелетел забор в соседний двор, где исчез, словно его никогда и не было. Володя так горевал по поводу этой потери, что вообще бросил играть. Кстати говоря, футбол был вскоре запрещён заведующим интерната во имя сохранности детской обуви.

В Троицком храме я встретил молодого иеромонаха отца Иоанна.¹ О нём было известно, что он очень любил детей. Много лет спустя, когда он был в Китае, о нём рассказывали удивительные истории: как он спасал детей и как создал дом для сирот в Шанхае. Но моя с ним встреча произошла задолго до Шанхая. Он был ещё совсем молодым человеком, а я ребёнком, как и мальчишки, мои друзья по алтарю, алтарники. Я стал алтарником, потому что этого хотел мой отец. Он обратился к настоятелю белградской церкви с просьбой взять меня в алтарь, чтобы я прислуживал. Я помню, как Лева Бартошевич, алтарник, старший

1 Архиепископ Иоанн (в миру Максимович Михаил Борисович; 1896–1966). Епископ Шанхайский (26.05.1934); после захвата Шанхая коммунистами эмигрировал с паствой на о. Тубабао (Филиппины). Архиепископ Сан-Францисский (14.08.1963). Причислен к лику святых РПЦЗ в 1994 г.

товарищ по гимназии (он был на класс старше) сказал: «Твой отец хочет, чтобы ты был алтарником, так вот, приходи».¹

Я прекрасно помню свой первый приход. Это было во время Великого поста. Я пришел на литургию преждеосвященных даров. Она была трогательная с великопостным песнопением. Я начал свою церковную службу забитым мальчишкой во время Великого поста с его особыми службами и пением. Я не понимал, что со мной в это время происходило, но знаю: встреча с отцом Иоанном многое в моей жизни изменила. <...>

После богослужений отец Иоанн собирал нас, мальчишек, в церкви и беседовал с нами. С первой же встречи его ласковая улыбка, его удивительные пронизательные глаза, первые же его слова затронули мою душу. Он говорил со мною как старший друг, и такой подход у него был абсолютно ко всем. Я ходил за ним всюду, чтобы слушать то, что он говорил. Другие мальчишки тоже ловили каждое его слово. Мы стайей ходили за ним, и он иногда останавливался прямо на улице, чтобы успеть что-то сказать. Мы провожали его до дома, и он ещё долго стоял у калитки, продолжая или оканчивая свои рассказы, пока не слышался голос его отца. Наконец мы нехотя расходились. Это продолжалось изо дня в день в течение нескольких месяцев. <...>

Он был очень образованным монахом, но в то же время это был человек не от мира сего. В хорошем, очень хорошем смысле этого слова. Он жил миром Евангелия, святых отцов, церковной настроенности. А окружающий мир для него как-то почти не существовал. Ходил он часто босиком или в сандалиях – даже в холод. Одевался очень просто, носил простую рясу или подрясник. И вид у него был невзрачный, но удивительно духовный. А главное, в нем была изумительная любовь ко всем людям, без исключения, которую я больше ни у кого не встречал. Он заметил, что со мною что-то не так, и начал врачевать мою душу. Он произвёл на меня такое сильное впечатление, что я решил: буду служить Церкви так же, как отец Иоанн. Я представлял, что тоже буду монахом, как и он.

У меня началась новая жизнь, полная смысла и радости. Отец Иоанн сумел мне показать – именно показать – иной мир, светлый, замечательный, райский. Тот рай, в котором мы были и который утратили. <...>

Это было в конце учебного года. Скоро нужно было возвращаться на летние каникулы домой в Нови Бечей. Я приехал с каким-то особенным настроением, задумчивый. Сестры меня спрашивали: «Что с тобой? Ты какой-то отрешённый». Я молчал, потому что не хотелось говорить о том, что хранилось где-то глубоко в сердце.

Однажды я пошёл в старый заросший парк и забрался в чащу, чтобы меня никто не мог видеть, кроме Самого Христа. И там я дал Ему обет, что стану монахом. Это было очень сильное переживание. Мне хотелось быть таким, как отец Иоанн, хотя, как я теперь понимаю, таким мало кто мог стать.

1 Бартошевич Лев Георгиевич, будущий епископ Женевский Леонтий. Гимназист, 12-й вып.

Это была весна 1927 года, Володе исполнилось 12 лет. В ноябре того же года русское зарубежье отметило восьмидесятилетие Императрицы Марии Фёдоровны, матери последнего российского Императора. В большом зале сербского офицерского собрания в Белграде состоялся торжественный вечер, на который собралось множество людей.

В зале находился также митрополит Антоний.¹ Когда все выходили, отец Иоанн подвёл меня к нему и представил. Тот ласково на меня посмотрел: «Володя Родзянко? Так мы ж с тобой родственники. Храповицкие и Родзянки, правда, дальние, но родственники. Будешь моим племянником? Иди сюда». Он посадил меня в машину и повёз на свою белградскую квартиру, хотя вообще жил в Сремских Карловцах, в патриаршем дворце. Позже я часто бывал там. К нему можно было прийти совершенно запросто. Он был очень гостеприимным человеком, хотя и занятым, разумеется. Но всегда находил время для посетителей. Я слышал удивительные рассказы митрополита Антония о Царстве Божиим. О том, как наш человеческий грех создал все те ужасы, которые мы переживаем в этом грешном мире. Владыка Антоний заплакал, когда узнал о моем детстве, о садисте-губернёре. Под воздействием этих двух людей – отца Иоанна и владыки Антония – моя измученная душа начала потихоньку оттаивать.

Был ещё один человек, который помог мне залечить мою травмированную душу – воспитатель нашего интерната Иван Николаевич Лукин. Это был белый офицер, и в нём соединялось всё лучшее, что было свойственно нашему офицерству до войны. Он был одним из тех, кто жизнь свою отдавал за идеалы порядочности и преданности, которые красные уничтожали. ... Иван Николаевич нашёл подход к двенадцатилетнему мальчику, заговорил с ним как со взрослым и разбудил в нём нечто дремавшее. Благодаря Ивану Николаевичу у меня пробудился интерес к чтению. Я полюбил русскую литературу. <...>

Однажды Иван Николаевич обратился ко мне: «Вот ты рассказываешь интересные вещи. А почему бы тебе это не записать?» С этого началась моя «литературная деятельность», отроческое увлечение. Под руководством Ивана Николаевича начал работать наш литературный кружок. Мальчишки избрали меня председателем. Ну, помню, были шутки: раз дед председатель, то и внук должен быть председателем. Дразнили, конечно.

Мы издавали даже ученический журнал, и там были наши рассказы. Помню, как мой друг Боря Григорович-Барский описал своё путешествие с родителями по Дунаю.² Оно называлось «От Вены до Железных ворот». ... Я встретился с Борисом в Америке, когда ему и мне было больше семидесяти лет. Мы вспоминали эти годы, наш литературный кружок. Это была наша последняя с ним встреча, вскоре после этого он умер от инфаркта. <...>

1 Митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий). Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ).

2 Борис Петрович Григорович-Барский, одноклассник Владимира, 13-й вып.

Отношение людей [к гимназии и ее ученикам] было просто замечательное. Помню, как мы, мальчишки, бежали по улицам Белграда, болтали друг с другом по-русски. И вдруг нас остановил старичок-серб. На ломаном русском языке он начал говорить нам, что очень рад, что мы, русские дети, находимся здесь, в Белграде, и как они, сербы, любят нас, русских. Это была незабываемая встреча, когда старый серб, нам, мальчишкам, признался в своей любви к России и к русским.

В начале 1930-х годов повальным увлечением гимназистов старших классов стала радиотехника. Почти у каждого ученика в пенале был детекторный приёмник, для которого правдами и неправдами добывались наушники и – главное – антенна! Для того, чтобы что-то услышать на столь примитивный приёмник, нужна была огромная антенна. Чтобы раскинуть её, мальчишки залезали на высокие деревья и крыши, для чего выдавалось специальное разрешение. В гимназии это ученическое радиолюбительство поощрялось. И можно представить себе безумную радость Володи Родзянко, когда сквозь эфирные потрескивания и шумы в его наушниках раздалось: «Овде Радио «Београд»!

И вот радио «Белград» сообщило о том, что в России взорван храм Христа Спасителя.¹ Наши преподаватели рассказывали нам, что это был памятник победы в Отечественной войне с Наполеоном. Мы узнали о храме много подробностей: о том, как этот памятник строился, как весь народ участвовал в этом и т. д. И в нашей стенной газете появились статьи на эту тему. Я помню, как сам написал, конечно под влиянием того, что слышал от преподавателей, статью о храме Христа Спасителя и о Симоновом монастыре, который был взорван приблизительно в это же время. Я писал о том, что мы, новое поколение России, должны вернуться на родину, чтобы восстановить всё разрушенное большевиками.

Однажды нас, мальчиков, пригласили к митрополиту Антонию. Мы принесли с собой стенную газету, расстелили её на столе. И тут взрослые, друзья владыки, которые пришли с нами, подошли и начали рассматривать газету, читать заметки. Владыка тоже читал. И вдруг заплакал. Он плакал и благодарил нас: «Спасибо вам, дети, что вы делаете это, что идёте этим путем». Владыка Антоний плакал над храмом Христа Спасителя.

Члены литературного кружка, в котором состоял Володя Родзянко, решили устроить вечер, на котором молодые авторы смогли бы представить публике свои произведения. Прежде всего они нарисовали афишу, на которой красовались имена участников вечера.

1 Декабрь 1931 г.

Среди тех, кто писал стихи, был мой друг Володя Гранитов.¹ Очень хорошие стихи писал. На вечерах они имели успех. Потом другие кружковцы читали свои рассказы, а под конец и я свою повесть.

На афише значилось: Владимир Родзянко. «Первая любовь». И конечно, надо мной начали подтрунивать: первая любовь Володи, первая любовь Володи... Но всё-таки я повесть прочитал. Среди слушателей были преподаватели. Они наши творческие порывы очень поддерживали, особенно Иван Николаевич Лукин.

В моей повести Коля Корсаков встречается через несколько лет девушку, в которую он был влюблён, она его спрашивает: «Вы помните то удивительное лето?» А он ей отвечает: «Tempora mutantur at nos mutatur in illis», то есть «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними». На этом рассказ заканчивался. Наш директор, профессор Иван Михайлович Малинин, который преподавал у нас латинский язык, объяснил мне, что иногда древние латинские поэты, когда нужно было для звучания, ударение меняли. И я прочитал фразу именно с этим ударением. Иван Михайлович тогда чуть со стула не упал от смеха. Такая вот была веселая концовка.

Но наступили другие, серьёзные времена, когда мне надо было решать, что делать дальше.

Пока что было ясно только то, что у семьи не было средств для учебы Володи в университете. Но свет не без добрых людей. Когда Володя был уже в восьмом классе, завязалась переписка его родителей с некоей американкой, миссис Шарлоттой Бартоу. Она обратилась к представителям русской эмиграции в Париже, предлагая материальную помощь русским детям, желавшим получить высшее образование. Володя сам (знакомые помогли с переводом на английский) написал ей письмо о том, что он хотел бы пойти на богословский факультет, чтобы служить Церкви.

Пришел ответ, очень милый, но такой: «Прежде, чем решиться изучать богословие и служить Церкви, вам надо поближе познакомиться со здешним миром. Поэтому, когда вы окончите гимназию, приезжайте в Париж. Хотя я живу далеко, в Америке, я сделаю так, что вы будете жить в Париже. Когда вы присмотритесь к парижской жизни, мы решим, куда вам идти».

Получив аттестат зрелости, 18-летний Владимир отправился в Париж. Родственников семьи Родзянко, близких и дальних (в том числе семья Юсуповых), да и просто знакомых и друзей «исторического деда», во Франции жило множество. Володе удалось познакомиться с виднейшими представителями русской эмиграции. Нужно сказать, что это были годы жестокого раскола в русской Церкви за границей. Молодой Владимир Родзянко оказался среди тех, кто принимал участие в попытках преодолеть этот раскол, которые, однако, не дали результата. Так или

1 Владимир Владимирович Гранитов, одноклассник В. Родзянко, 13-й вып.

иначе, вернувшись в Королевство Югославия, Володя поступил на богословский факультет Белградского университета. Однажды его сестра привела в дом гостей, студентов Маню и Женю Колюбаевых из священнической семьи, шепнув при этом матери: «Я привела Володе невесту». Она как в воду смотрела: через какое-то время Володя понял, что отчаянно влюблен и перед ним встал вопрос, как быть с его обетом стать монахом. Владыка Антоний, к которому он обратился со своими переживаниями, удивленно спросил:

«Где ты... какой... Где ты дал обет?» – «В кустах». – «В каких кустах?» Я ему рассказал. «Сколько тебе лет было тогда?» – «Двенадцать». – «Ну что ты? Какой же это обет? Это детское. А почему ты сейчас не можешь быть монахом?» И тогда я ему рассказал всё. «Хм, а как её зовут?» – «Мария». – «Господи, благослови Владимира и Марию». Так мой вопрос был решён.

Однако, когда молодой человек сделал предложение, Маня ответила отказом.

Я опешил: «Что? Почему?» – «Не могу, и всё». – «Да что, что такое?» – «Я Вас очень люблю, но не могу». Я начал добиваться. Ужас, дурацкие мысли лезут в голову. Наконец она сказала: «Я не могу быть матушкой». – «Почему?» – «Не могу. Я хорошо знаю, что значит быть матушкой. Я не сумею». – Ну, хорошо. Тогда обещаю, что я не стану священником до тех пор, пока Вы сами не согласитесь стать матушкой. А если не скажете, значит, никогда не буду священником».

Тут надо сказать несколько слов о тяжкой доле, выпавшей семье Колюбаевых. Отец Мани – простой священник из Курской губернии, Василий Колюбаев, участник Белого движения, был эвакуирован из Крыма с частями армии генерала П.Н. Врангеля. Он оказался в КСХС. В России осталась его жена с пятерыми детьми мал мала меньше. Лишь счастливый случай помог ей (случайно узнавшей, что ее муж не погиб, как ей сообщили, а живёт в Югославии), с помощью вдовы Ленина Н.К. Крупской выехать к родственникам в Германию. Там их встретил отец Василий, и семья счастливо воссоединилась. Поэтому основательно хлебнувшая горя Маня отнюдь не понаслышке знала каково это быть матушкой.

Так Володя обрёл невесту. Особенно торжествовала его сестра, которая всем рассказывала, какая она удачливая сваха! Условием свадьбы было окончание университета. И вот диплом получен. По окончании Успенского поста 1937 года три священника – настоятель Св.-Троицкого русского храма отец Петр Беловидов, отец Владислав Неклюдов и отец Виталий Тарасьев (все преподавали в гимназии) – обвенчали Маню и Володю.

Неожиданно определился и дальнейший путь Владимира. Профессор Николай Михайлович Зёрнов, живший в Лондоне, пригласил его продолжить обучение

в аспирантуре Лондонского университета как стипендиата Англиканской Церкви.¹ Начальство Сербской Церкви дало своё благословение, и молодожёны выехали через Францию в Англию, но вдруг выяснилось, что Марии Родзянко не могут оформить английскую визу. Володя уехал, а Маня осталась в Париже. Несмотря на помощь родственников Володи и их высокопоставленных друзей, процедура получения визы затянулась, но в конце концов счастливый Володя встретил свою жену, бывшую уже в ожидании, на Лондонском вокзале «Виктория». В 1938 году в Лондоне родился их единственный сын, крещёный Владимиром.

Молодого русского учёного определили в Богословский колледж в местечке Читестер, к югу от Лондона. Там, вместе с другими студентами, он должен был прежде всего овладеть английским языком.

Тему своей магистерской диссертации Владимир назвал так: «Святая Троица и образ Святой Троицы – человечество».

Я начал посылать свои отчёты в Лондон, в университет. Работа была принята хорошо: мне продлили выплату стипендии на второй год. ... Диссертация ещё не была закончена, но я должен был содержать семью. К тому времени я уже сносно говорил по-английски. И вдруг мне предлагают контракт – быть разъездным лектором православного богословия по различным англиканским колледжам и церквям. Моя зарплата оказалась достаточной, чтобы на неё жила моя семья. Всё было устроено благодаря помощи Николая Михайловича Зёрнова и его друзей-англичан. 1 сентября 1939 года я должен был приступить к своим обязанностям. В этот день гитлеровская Германия вторглась в Польшу. Началась война. 3 сентября состоялась моя первая и последняя лекция. В этот день Великобритания объявила войну Германии. А в моём контракте было сказано, что в случае войны его действие прекращается. О лекциях пришлось забыть, я начал работать на ферме. Моя обязанность – доить коров. Казалось бы, дело несложное, но у меня ничего не получалось – коровы брыкались и не давали себя доить. Тогда хозяин-фермер перевёл меня из коровника на уборку репы.

Находясь в Англии, семья Владимира оказалась отрезанной от мира: как иностранцы они не имели права покинуть острова. Тем временем начались бомбежки Лондона. После основательного изучения агентами Специальной службы Великобритании всех бумаг Владимира Родзянко, всего им написанного и даже его багажа, ему вместе с семьёй было разрешено вернуться на континент. Они приехали в Париж – ещё свободный! – оттуда через Италию в Белград. После счастливого

1 Зёрнов Николай Михайлович (1898–1980), богослов, исследователь православной культуры, общественный деятель. Один из основателей Содружества (Fellowship) памяти Св. Сергия Радонежского и Св. Албания, в котором происходили дружеские встречи православных и англикан.

лета 1939 года в доме родителей в Земуне, Владимир осенью получает назначение в епархию епископа Новосадского Иринея (Чирича) как преподаватель Закона Божиего в нескольких школах Нови Сада. Со временем, почувствовав, что надо давать детям возможность чаще бывать в церкви, Владимир, испросив благословения епископа, начал с помощью друзей оборудовать в школе домовую церковь. Когда всё было готово, он явился к епископу Иринею.

Я пришёл к владыке и сказал, что церковь готова, можно назначить в неё служащего священника. Он говорит: «Нет у меня священника». Я изумился: «Как это нет? Для чего же мы церковь создавали?» – «А вот ты и будешь служить». Я говорю: «Владыко, я же не готов, не могу». – «А это не твоё дело рассуждать, готов ты или нет». – «Владыко, но мы не готовы, вернее моя жена еще не готова». И я рассказал ему всё – как дал жене обещание не становиться священником, пока она этого не захочет. А он сухо так говорит: «Ну, значит, дети останутся без богослужений. Ничего другого я сделать не могу». Я пришёл домой, рассказал все Марусе. Мы оба проплакали всю ночь. ... Потом, успокоившись, она подошла ко мне и сказала: «Что ж, видимо таков Промысл Божий. Если владыка говорит, что дети останутся и дальше без духовного окормления, то как же я могу препятствовать твоему священству? – И сквозь слёзы добавила: – Иди». Вскоре после этого, 15 марта 1941 года, владыка Ириной рукоположил меня в своем соборе диаконом.

Диаконом он пробыл две недели. 30 марта в русском храме Св. Троицы Владимир Родзянко был рукоположен во иерея.

И вот, склонившись над агнцем, то есть частицей только что освященных Святых Даров, которые даются каждому новопосвящённому иерею со словами: «Сохрани залог сей, коим имаше быти истязуем на Страшном Суде Христовом», – и глотая слёзы, я читал молитву святого Василия Великого во время литургии этого святого (тогда был Великий пост). И в этой молитве я вдруг услышал ответ на главный вопрос моей жизни в тот момент: каков он, этот мир, сотворённый Богом? Ещё раньше я столкнулся с проблемами современной науки и с дарвиновской теорией эволюции и одновременно с тем, что мне открылось в удивительных словах отца Иоанна, а затем владыки Антония о мире Божием, в котором мы сотворены.

Накануне Благовещения, на 6 апреля 1941 года было назначено освящение церкви, где отец Владимир должен был отслужить первую воскресную литургию. Но ранним утром войска Германии и её союзников вторглись в Югославию, а немецкая авиация обрушилась на Белград. На Нови Сад упало несколько бомб, но большого вреда они не причинили. Было ясно, что в церковь никто не придёт, и всё же отец Владимир с матушкой решили отправиться в школу.

Мы пошли туда, взяв с собой всё то, что было нужно для богослужения. Над нами проносились самолёты, свистели пули. Но ни одна из них нас не задела, слава Богу. Мы благополучно добрались до школы. Там было пусто: никто не пришёл. Я говорю жене: «Ну вот, видишь? Никого нет. Что же делать?» – «Как что? Служить». И она посмотрела на меня – этого взгляда я никогда не забуду – и говорит: «Я хочу причаститься. Исповедуй меня, пожалуйста». Таким образом, первым человеком, у кого я принял исповедь, была моя жена. И первой причастницей тоже. <...>

Я отслужил литургию, мы оба причастились. И вдруг приходит католический священник, мой коллега, и, обращаясь ко мне, говорит: «Если вы эту дрянь не уберёте, я все это выброшу на помойку». Он имел в виду наши православные иконы. ... Мы, конечно, собрали иконы и постепенно, как могли, перенесли их туда, где жили.

Меньше чем через неделю венгерские войска вошли в Нови Сад. Сразу же был объявлен комендантский час, все богослужения в храмах запретили. Приближалась православная Пасха. Праздничную службу они совершили дома, не взирая на запрет. Занавесли окна плотными шторами, Мария пропела все положенные песнопения, удалось устроить даже крестный ход.

Началась иная жизнь в условиях оккупации. По просьбе Маруси они переехали в другую квартиру на окраине города. Владимир оставался без работы, пока русская колония в Нови Саде не пригласила его быть секретарем местного отделения Общества Красного Креста. В январе 1942 года венгерские войска провели жестокую акцию устрашения: она началась с проверки документов, а закончилась тем, что свыше четырёх тысяч жителей Нови Сада и окрестностей были убиты. Трупы лежали на улицах; мёртвых, а иногда и ещё живых людей сбрасывали в проруби замёрзшего Дуная. Погибло восемнадцать священников. Жертвами стали и русские эмигранты; были расстреляны жители дома, где семья Родзянко прежде снимала квартиру.

Когда начал формироваться Русский охранный корпус, к о. Владимиру обратились с просьбой стать военным священником.¹ Он не посчитал для себя это возможным и по его просьбе епископ Ириней назначил его на сербские приходы в деревнях Милетич и Станишич на севере Воеводины. С этого времени и все долгие четыре года до окончания Второй мировой войны отец Владимир занимался спасением гонимых людей в тех местах, где ему довелось служить. Всё это время родители о. Владимира находились «за границей», в Белграде.

В 1942 году о. Владимир получил благословение владыки Иринея на отпуск и поездку в Прикарпатскую Русь, канонически находившейся в юрисдикции Серб-

1 Младший брат о. Владимира, Олег, вступил в Русский Корпус. Гимназист, 22-й вып.

ской Церкви. Вместе с благословением владыка вручил отцу Владимиру большую бутыл с освященным миром.

Мы застали осколок той Святой Киевской Руси, которая в этой части Австро-Венгрии осталась такой, какой была столетия назад. Из века в век сохранялся древний уклад. Бывали трудности, бывали наступления униатов против православных, но те держались и сохранили во всем блеске и красоте древнюю православную веру Киевской Руси. <...>

Никогда не забуду богослужения, которые я там совершил вместе со священниками, не забуду и этот народ. Надо было видеть эти крестные ходы: священнослужители в роскошных облачениях, девушки в красивых одеждах с лентами – так, как это было в древности. Монастырь располагался на холме, а из деревень к нему с разных сторон шли дороги. И мы видели, как по этим дорогам двигались крестные ходы с пением. Изумительным пением, несколько отличающимся и от сербского, и от русского пения особым карпаторосским мотивом: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою...». Эти люди запали нам в душу.

Шло время. В воеводинские села приходили то венгры, немцы, то партизаны и каждый раз «товарищ поп» в рясе с нагрудным крестом и в камилавке – словно это был его дипломатический костюм – шёл к ним с требованием не трогать людей, якобы в чём-то виноватых с точки зрения пришедших. Многих ему удалось спасти, не взирая ни на национальность, ни на политические взгляды.

А фронт стремительно приближался к границам бывшего Королевства Югославия. Родители и сёстры о. Владимира решили эвакуироваться из Белграда.

Мои прихожане выжидали: что со мной будет? Покину я их или останусь? Меня это обижало, потому что было ясно, что только наёмники бегут, а пастыри остаются. И было больно, что этого не понимали мои близкие, которые призывали меня бросить паству и уехать. Даже лошадей присылали за мной. Это было трудно пережить.

Отец Владимир и матушка (и всё семейство Коллюбаевых) решили остаться. Осенью 1944 года пришла Красная армия. И снова о. Владимиру пришлось защищать селян от насилия и безобразий, чинимых не только красноармейцами, но и работниками НКВД. Но случались и дружеские, очень интересные разговоры с советскими офицерами.

Наконец война окончилась, в Югославии установилась власть коммунистов Йосипа Броз Тито. Никакие прежние заслуги не спасли о. Владимира от преследований со стороны новой власти. Его несколько раз арестовывали, судили, освобождали под давлением селян уже на новом приходе в местечке Пачир вблизи города Суботица.

И всё же в июле 1948 года случилось неминуемое: арест, тюрьма и приговор суда: восемь лет заключения за «превышение разрешённой религиозной пропаганды».

Когда я оказался в тюрьме, ... то понял, что вступил на путь страданий за веру, каким шли многие. Были очень тяжёлые моменты, но Бог всегда помогал мне внутренне, духовно. Меня переводили из тюрьмы в тюрьму – не знаю, по каким причинам, с какой целью. Всего было шесть тюрем, пока меня в конце концов не заключили в лагерь, где я должен был отбывать эти восемь лет. <...>

В лагере мы все, сколько нас было, тащили вагоны, заменяя паровоз. Мы тащили их как бурлаки. У меня руки были покрыты гнойными ранами, потому что антисанитария была страшная, а гигиены никакой. Надо было катить тяжёлые тачки с песком наверх. Я тогда был молод и силён, но всё-таки это было очень тяжело. Я разорвал рубашку и привязывал тачку так, чтобы она не касалась ран. Случалось, что падал. И тогда охранник подходил и бил меня ногой: «Вставай!»

За попытку передать знакомому арестанту-священнику части полученной с воли посылки, отец Владимир попал в карцер.

Зима, а у меня не было никакой теплой одежды. И единственный способ выжить в этих условиях, не простудиться – упражнения. Я это понял, и начал класть земные поклоны. Когда я согревался, то ложился и спал до тех пор, пока не начинал дрожать. Просыпался от холода и опять клал поклоны. Я слышал, как конвоиры, глядя в глазок, переговаривались: он совсем с ума сошёл. Но я продолжал «сходить с ума». Только так и выдержал. В конце концов, дав зуботычину для острастки, меня вернули в камеру.

В начале 1951 года после личного обращения к Тито архиепископа Кентерберийского, к которому обратилась за помощью сестра о. Владимира Мария, жившая в Англии, его дело было пересмотрено судом и срок заключения сокращён до двух лет, несмотря на то, что отец Владимир отказался письменно признать свою вину. 15 марта 1951 года он был освобождён.

Возле тюрьмы его встретили жена и сын. Они сели в поезд, чтобы вернуться домой, и тут случилось совсем неожиданное: к ним в купе вошли начальник тюрьмы и некий молодой человек, которые в любезной беседе предложили отцу Владимиру выехать со всей семьёй во Францию, где живут его родители, и даже пообещали оказать помощь в оформлении необходимых документов, если он обратится в органы. Епископ Ириней благословил отца Владимира на отъезд, дав ему канонический отпуск.

Тогда я обратился к властям по совету этих работников тюрьмы. И действительно, они всё устроили. Мы собрались, взяли свой скарб. Нам даже предоставили вагон, и мы поехали.

Власти выпустили из страны и усыновленного отцом Владимиром сироту, сербского мальчика Петра из села Станишич. Надо ли говорить о радости встречи в Париже с родителями, сёстрами и родственниками, которые уже не чаяли увидеть его живым? Но отца Владимира ждала ещё одна радость: отец Иоанн Максимович, ставший к этому времени архиепископом Русской зарубежной Церкви в Западной Европе, находится во Франции и приглашает отца Владимира с семьёй жить у него под Парижем в Версале. Конечно, приглашение с благодарностью было принято.

Ко времени жизни отца Владимира у владыки Иоанна относится одно из чудес, свершившихся по его молитвам. Случилось так, что тяжело заболела матушка Маруся. Врач поставил диагноз: воспаление нервных окончаний и предупредил, что болезнь неизлечима и больную ждет инвалидная коляска до конца жизни.

Когда владыка Иоанн узнал от секретаря, что случилось, он позвал меня и сказал: «Не беспокойся. Всё будет хорошо, я завтра её причащу». На следующее утро он служил литургию и прямо из храма, как был в облачении, принёс чашу со святыми Дарами – не запасные Дары, а от той литургии, которую служил, остановился в дверях с этой чашей и говорит: «Мария, вставай, иди причащаться». Она встала и пошла. Он спрашивает: «Больно?» – «Нет». – «Ну иди» – и причастил ее. «А теперь, – говорит, – пусть «скорая» отвезёт её в больницу».

Через три дня Маруся вернулась домой: врачи признали её абсолютно здоровой!

В 1953 году отец Владимир по приглашению сербского епископа Николая Велимировича вместе семьёй переселился в Англию. После всех военных тревожных началась счастливая жизнь, которую, однако, трудно назвать спокойной в силу темперамента самого батюшки. Он служил (бесплатно) вторым священником при кафедральном соборе святителя Саввы Сербского в юрисдикции Сербской Православной Церкви. Сначала они с матушкой зарабатывали на жизнь преподаванием русского языка в Кембриджском университете. А затем отец Владимир получил работу в русской секции радиостанции Би-Би-Си. На долгие годы просветительские религиозные передачи на Советский Союз и репортажи, связанные с православной жизнью зарубежом, стали главным делом его жизни. Надо сказать, что отношение отца Владимира Родзянко к иерархам и священству Московской Патриархии никогда не было враждебным, как у большей части русской диаспоры. Он, как и владыка Иоанн, относился к ним с большим пониманием, нередко встречался с ними на разных конференциях и симпозиумах и вел частные беседы. Приглашал к себе, благо к этому времени был куплен в рассрочку дом. Иногда эта его позиция приводила к серьёзным спорам и стычкам даже с близкими ему людьми.

Передачи о. Владимира, как и беседы митрополита Антония Сурожского (Блюма), в свое время были достаточно популярны в СССР.

Моей задачей было поддержать саму Церковь, а не какие-то политические идеи. И это было, слава Богу, понято моим начальством на Би-Би-Си. Правда, бывали моменты, когда приходилось отстаивать какие-то идеи, некоторые данные и факты, некоторых людей, о которых я говорил по радио. Но моё английское начальство было очень внимательно, очень хорошо ко мне относилось и давало мне возможность говорить то, во что я верил, что чувствовал, несмотря на все политические трудности, связанные с холодной войной.

Отец Владимир много ездил, выступал с проповедями на радио в Париже и на радио Ватикана, преподавал богословие в Оксфордском университете и в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. В 1961 году отец Владимир в составе делегации Сербской Церкви участвовал в работе 3-й Генеральной Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Индии, где познакомился с епископом Таллиннским и Эстонским Алексием Ридигером, будущим Московским Патриархом Алексием II.

Не оставлял он и свои научные богословские труды. В 1955 году на патристическом съезде в Оксфорде он сделал доклад «О исхождении Духа Святого с православной и западной точек зрения», касавшийся едва ли не самой болезненной темы в догматических спорах католиков и православных. Это сообщение отца Владимира стало своеобразной сенсацией съезда и было встречено далеко неоднозначно ведущими богословами, в том числе и близким знакомым отца Владимира, доктором богословия и священником, отцом Георгием Флоровским.

В трудах и семейных заботах стремительно летели годы.

В 1972 году я неожиданно получил приглашение от директора католической школы, созданной известным монастырем, обителью Амплфорской, которая действительно создавала замечательные условия для обучения молодежи от двенадцати до двадцати лет, что позволяло сделать из них высокообразованных молодых людей. Некоторые учащиеся были даже в духовном сани – они приехали, уже получив семинарское образование. И эта школа протянула руку помощи и сотрудничества православным детям.

Идея создания подобной православной школы для англичан и детей эмигрантов разных национальностей была настолько нова, что потребовалось обсуждение её с православными епископами, находившимися в Европе.

Это была первая попытка создать впервые за почти тысячу лет такое сотрудничество, где не было бы никакого прозелитизма ни с одной, ни с другой стороны, где не было бы ничего такого, что не соответствовало бы Преданию

нашей Православной Церкви. Это была попытка пойти по совершенно новому пути при полном равноправии обеих Церквей, обоих наших вероисповеданий.

Благословение иерархов было получено. Семья отца Владимира снова двинулась в путь, в небольшой городок Освальдкёрк на севере Англии, где было найдено помещение для школы.

Мы начали работать, и у нас было чувство, что мы совершаем нечто исключительное в нашей жизни по Божиему Промыслу. И католики, и православные как бы почувствовали ту Древнюю Церковь, из которой обе ветви вышли. И это, может быть, было самым главным и самым важным. Роли у нас распределились. Я преподавал Закон Божий православным ученикам и студентам, это было записано в расписании школы: специально для православных в таком-то месте в такое-то время. Жена моя преподавала русский язык. У неё была большая нагрузка, потому что к русскому языку был проявлен большой интерес. Мы принесли русский язык туда, где его раньше не было, установив таким образом живую связь с Россией.

Матушка Мария стала матерью для всех детей, учившихся в этой школе, в полном смысле слова. Она взяла на себя огромный труд по ведению хозяйства и в особом доме, который носил имя сербского Святого, преподобного Симеона Мироточивого, где жили студенты. Конечно, так не могло продолжаться долго, здоровье матушки пошатнулось, и они оба вынуждены были вернуться в Лондон. Отец Владимир продолжал ездить в Освальдкёрк вести свой курс. Одновременно он работал по контракту с Би-Би-Си, готовя религиозные передачи. Школа в Освальдкёрке просуществовала 11 лет и была закрыта по финансовым причинам. Опыт оказался исключительно удачным.

В 1978 году, 15 марта, Мария Васильевна Родзянко скончалась.

Когда она ушла из этого мира, после неё осталось около двадцати хоров, которые она организовала в разных местах. Она прославилась своей музыкальностью, своим пением. <...>

Вспоминаются слова Христа Спасителя: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плодов.» И я верю, что плоды уже есть, потому что сейчас христианам некуда деваться, у них нет возможности ссориться.

Прошёл, вероятно, самый тяжёлый год в жизни отца Владимира.

15 марта, в день памяти матушки Марии, митрополит Антоний Сурожский, отслужив панихиду, совершил обряд пострижения архимандрита Владимира в

монахи с именем Василий. Так исполнилось обещание, которое когда-то дал «в кустах» гимназист Володя Родзянко.

Иеромонах Василий собирался отправиться на Афон, но был приглашён на пост викария предстоятеля автокефальной Православной Церкви в Америке. Получив отпустную грамоту от Патриарха Сербского Германа и с огромным трудом (как имеющий югославскую судимость!) гостевую визу, он приехал в Америку и, после долгих лет разлуки, встретился с матерью, братом и сёстрами.

Вскоре он был принят в состав клира Американской Церкви, а 12 января 1980 года в кафедральном Свято-Николаевском соборе в Вашингтоне митрополитом всей Америки и Канады Феодосием (Лазором) была совершена его епископская хиротония. Здесь стоит отметить, что юридически митрополит не имел права посвящать в митрополиты человека, не имеющего ни американского гражданства, ни права на работу.

Это была первая в истории хиротония православного епископа в Америке с титулом Вашингтонский. ... Через три дня после посвящения я получил по почте письмо из Белого Дома от президента Соединённых Штатов Джеймса Картера: «Поздравляю вас с историческим моментом в вашей жизни – первым посвящением православного епископа города Вашингтона и желаю вам счастливой жизни и многих лет управления вашей паствой в нашем престольном городе». Я не ожидал такого.

Первое епископское служение владыки Василия, мало знакомого с церковными делами в Америке, не заладилось и вскоре он был вынужден подать в отставку. На короткое время он вернулся в Англию. Американский консул любезно оформил визу на постоянное проживание в США, и епископ Василий вернулся в Америку. 1 ноября 1980 года, 65-летний владыка Василий Родзянко был назначен епископом Сан-Францисским и Западно-Американским и наместником Успенской женской обители в г. Калистоге. Таким образом он унаследовал епархию, которой в последние годы своего служения управлял владыка Иоанн Максимович.

Территория епархии была огромна – весь тихоокеанский берег от Канады до Мексики, включая Гавайские острова. Четыре года служения владыки Василия были очень нелёгкими, в апреле 1984 года он был уволен на покой и поселился в Вашингтоне. Некоторое время он преподавал в Свято-Владимирской и Свято-Тихоновской семинариях, возобновил религиозные передачи для России на волнах «Голоса Америки» и «Радио Ватикана».

В 1981 году владыка Василий впервые посетил Россию, с трудом получив въездную визу от посла СССР в США А.Ф. Добрынина, чтобы повидаться с тяжело больной сестрой Марией и её семьёй. В Москве он был тепло встречен многими, кто слушал его передачи из Лондона.

После распада СССР владыка Василий неоднократно надолго приезжал в Россию, живо интересуясь процессами, происходившими в обществе и Церкви. Около полугода он прожил в Троице-Сергиевской лавре, читая лекции по апологетике в Московской духовной академии и работая в библиотеке. В 1996 году вышла в свет его книга «Теория распада Вселенной и вера Отцов». Через два года он стал деканом нового богословско-философского факультета Университета Наталии Нестеровой в Москве. При посещении Феодоровского храма в Царском Селе, владыка Василий в короткой проповеди сказал: «Мой дед хотел только блага для России, но как немощный человек он часто ошибался. Он ошибся, когда послал своих парламентариев к Государю с просьбой об отречении. Он не думал, что Государь отречётся за себя и за своего сына, а когда узнал об этом, то горько заплакал, сказав: «Теперь Россия погибла». Он стал невольным виновником екатеринбургской трагедии. Это невольный грех, но всё же грех. И вот сейчас, в этом святом месте, я прошу прощения за своего деда и за себя перед Россией, перед её народом, перед Царской семьей и, как епископ, властью, данной мне от Бога, прощаю и разрешаю его от этого невольного греха».

Находясь в США, владыка Василий тяжело переживал бомбардировки Югославии авиацией НАТО в 1999 году; на вопрос, как он относится к этому, владыка ответил: «Так, как если бы бомбили Москву и Россию». В эти дни он неожиданно сдал, слёг в постель и скончался от сердечного приступа.

Отец Михаил Михайлович Р., (01.12.1884 – 01/14.12.1956, Няяк, штат Нью-Йорк). Окончил естественный ф-т Московского ун-та. Управлял имением «Отрада», служил мировым судьёй. Будучи инвалидом, не призывался в армию во время Великой войны. С 1946 г. семья жила во Франции, с 1951 г. – в США. В последние годы жизни много времени посвящал церковному пению.

Мать Елизавета Фёдоровна Р., (ур. баронесса Мейендорф; 12.12.1883, Одесса – 30.04.1985, Нью-Йорк). В 1983 году поздравить Елизавету Фёдоровну со 100-летним юбилеем приехало множество родственников. Приводим слова о маме владыки Василия: «Её всегда отличало духовное, душевное и физическое здоровье, хотя судьба ее не была лёгкой. Она пережила изгнание и жизнь на чужбине, но никогда не падала духом. В молодости она была очень энергичной. Она училась на Бестужевских курсах – редкая женщина в те годы решалась на такой шаг, участвовала в студенческой жизни. Именно моя мать ... научила меня любить всё русское. Она записывала воспоминания моего деда ... и на основе этих записей была издана книга «Крушение империи». Мама умерла через полтора года после своего юбилея».

Сёстры: близнецы Анна и Мария, Ольга, Елизавета, Елена, Александра, гимназистка, выпуск женской гимназии 1944 г.

Брат Олег, гимназист, 22-й вып.

Жена Мария Васильевна Р., (ур. Колюбаева; ок. 1916, Курск – 15.03.1978, Лондон). Окончила Мариинский Донской девичий институт в Белой Церкви в 1934 г. Участвовала в работе мужа на радиостанции Би-Би-Си. Регент, преподаватель.

Сын Владимир, (род. в 1938 г. в Лондоне). Музыкант, пианист. Композитор. Писал авангардную музыку для балетов. Работал на Би-Би-Си под именем Джонни, вёл передачи о джазе в русской секции. Был несколько раз женат, в том числе на известной балерине Наталии Макаровой. Дети.

Приёмный сын Пётр Родзянко (ок. 1941 г., село Станишич, Сербия). Родители погибли.

ГЛЯНЦЕВ (Агафонов) Александр Михайлович, 18.01.1920, Кореиз, Таврическая губ. – 23.12.2009, Париж.

Педагог. Общественный деятель. Узник Бухенвальда (дважды) и ГУЛАГа.

19-й выпуск 1939 года.

Агафонова – фамилия матери Александра Михайловича. Обстоятельства долгой его жизни вынудили пользоваться фамилиями как отца, так и матери. И многими другими...

Свою жизнь Александр Михайлович описал в книге «Записки бойца армии теней», изданной на русском языке в Санкт-Петербурге в 1998 году. Некоторые имена автор изменил.

Но все было именно так!

Десять мальчишек ехали в купе международного вагона. На груди каждого из них висел холщовый мешочек. Среди прочих бумаг в нём была книжечка в красном переплете с золотым тиснёным гербом с серпом и молотом на фоне земного шара и надписью: «Заграничный паспорт СССР». Поезд шёл на запад. Мальчиков сопровождала женщина с белой повязкой на рукаве, на которой был вышит красный крест.

Чины ОГПУ в чёрных шинелях внимательно проверили их паспорта, растягивая сложенные гармошкой твёрдые листы вкладыша и колюче вглядываясь в лица. Последним оказался самый младший паренёк, лет семи. «Агафонов Александр Михайлович» было написано в его паспорте и скреплено чёткой подписью красной тушью «Ягода».

В Москве на вокзале Саша плакал и не хотел уезжать без бабушки, но она успокоила его, сказав, что он скоро вернётся.

В небольшом фанерном чемоданчике Саши, который ему соорудили ещё в Харькове, лежали чистые носильные вещи, пачка карандашей, несколько тетрадей и журналы «Огонёк». Досматривавшие вышли, но поезд ещё долго стоял на месте. Притихшие мальчишки сидели в купе, как им было приказано. Потом коротко гуднул паровоз, состав тронулся с места, но скоро опять остановился, и в вагоне появились польские пограничники.

Александр Агафонов-Глянцев вернётся на родину через двадцать лет, под конвоем, в арестантском вагоне с зарешёнными окнами.

В Варшаве детей развезли на автобусе по домам, где искупали и накормили. Вторая остановка была в Вене. Там случилась драка.

Незадолго до обеда, когда нас привели после бани, в нашу комнату забежали какие-то дети. Они стали нас дразнить, кривляться и обзывать, по-видимому, очень обидными словами. Произошла потасовка. Кому-то вlepили в глаз, кому-то разбили нос, губы. Кровь! Мы осатанели. С криками: «Полундра! Наших бьют!» мы все разом, гуртом... рванулись в бой. Мы погнали перед собой этих выхолен-

ных, в коротеньких штанишках на подтяжках, в длинных белых носках-гольфах с кисточками по бокам, чужих и наглых мальчишек-буржуйчиков. Вышибли их из нашей комнаты и помчались за ними по длинному коридору...¹

Постепенно группа растаяла; когда поезд отправился из Будапешта, в купе остался один Саша. Он ехал в страну, название которой не смог выучить, в Белый город к маме и папе, которых он никогда не видел. Родители выписали сына из СССР через Международный Красный Крест. Была осень 1927 года.

Вечером в Белграде двое полицейских, осматривавших опустевший вагон, обнаружили спящего, поджав под себя ноги, мальчика. «Шуматовачка улица», – произнес один, просмотрев Сашины бумаги. Втроём они вышли из вагона. Саша нёс свой чемоданчик. Моросил мелкий холодный дождь и дул сильный ветер. «Кошава», – сказал полицейский. Они говорили между собой на языке, похожем на русский.

Искомая улица оказалась почти что в пригороде, так далеко, что даже извозчик отказался ехать дальше по неосвещённой грязнущей улице. Найдя нужный дом, полицейский поднялся по шатким ступеням крыльца и постучал в дверь.

– Кто там? – спросил изнутри женский голос.

– Полиция!

Дверь открылась. На пороге стояла высокая худая женщина в халате. Тусклая лампочка едва освещала сени.

– Како се зовете?

– Агафонова Мария.

– Добро. Ево вам Вашег сина.

Он отступил в сторону, открыв стоявшего за его спиной Сашу.

Женщина громко вдохнула и начала медленно оседать, словно хотела сесть на пол. Полицейский подхватил её. Саша стоял, держа в руках свой чемоданчик. На груди у него тускло светился значок с надписью «Друг детей». Это был красивый значок: на вершине скалы стоят двое и держат развевающееся красное знамя.

В дверях, ведущих в комнату, показался мужчина в нижней рубаше и кальсонах.

– Здравствуйте, товарищ мама! – вежливо поздоровался Саша.

– Здравствуйте, товарищ папа! – добавил он, подумав.

Полицейский громко захохотал и ушёл, унося в темноту свой смех.

Сашин отец, Михаил Саввич Глянецев, израненный шrapнелью на исходе Великой войны, лечился в госпитале в Ялте. Молоденькая сестра милосердия Маша,

1 Здесь и далее выдержки из указанной книги Агафонова А.М. (Глянцевца).

полюбившая немногословного офицера, оказалась в тягости и родила мальчика в начале января сумасшедшего 1920 года в поселке Кореиз, где тогда жила её мама.

Когда по приказу Главнокомандующего Белой армией госпиталь был внезапно эвакуирован из Ялты, с ним уплыли и Миша с Машей. Мудрая бабушка успела выскочить из крымской ловушки ещё до вступления на полуостров Рабоче-крестьянской красной армии. В Харькове, где жила её родня, бабушка оформила метрику внука на свою фамилию.

В детстве самым близким человеком была моя любимая бабушка Маня. Ей были мои первые улыбки; она делила со мной мои первые радости, утирала первые мои слёзы и облегчала первые горести, мыла изодранные коленки, стучала своими губами ожоги, прикладывала медяки на шишки на лбу, водила моей рукой, когда я вырисовывал первые палочки и буквы в тетради, учила читать по слогам. ... Она была седой, её добрые глаза улыбались мне.

Ещё какое-то время от бабушки будут приходить бандероли и небольшие посылки: Саше – книги, отцу – гомеопатические лекарства, которые в конце концов спасут его от ампутации раненой ноги.

Маша и Миша зарабатывали на жизнь разведением рассады цветов и саженцев деревьев на продажу. Поэтому они и жили в пригороде, рядом с домом они создали питомник. Оба учились на агрономов.

Примерно через месяц, после проверочного экзамена, меня приняли в младшую группу эмигрантской начальной школы. Долго пробыть мне в ней не довелось: несмотря на запрет родителей, я неоднократно демонстрировал перед сверстниками свой красивый советский паспорт и распевал песенки, выученные в Харькове. Одна из них приводила в неистовство учителей школы:

Во всем, что строим заново,
Срубив старьё плеча, –
Во всем заветы Ленина,
Заветы Ильича!
Так рушьте же, так рушьте же
Всё старое смелей!
Так стройте же, так стройте же
Всё новое скорей!
<...>

Наконец, меня, как несносного, с треском исключили из школы. Не скажу, чтобы это было неожиданным для родителей, и чтобы огорчило их.

На следующий год, подготовившись дома, Саша сдал экзамены в гимназию.

Число сверстников увеличилось, и я перестал чувствовать себя одиноким. Мне стали оказывать внимание и взрослые. Они интересовались моими рассказами о жизни в Харькове, а ещё больше внимания привлекли книги и журналы «оттуда», которые продолжала высылать дорогая бабушка. Родители и я охотно переводили им отдельные абзацы, рассказы из советской литературы. Эти взрослые тоже называли меня «большевичком», но это звучало по-иному, не так как в начальной школе. Скорее это звучало ласково, нежно...

Саша увлёкся чтением, брал все новые и новые книги в гимназической библиотеке.

Читать и читать! Меня охватила жажда приключений, романтики, душевного благородства, бескорыстной и самоотверженной дружбы. Я этим жил, витал в мечтах. И... даже сам занялся сочинительством: начал писать стихи! Их вывешивали в нашей гимназии, за них мне давали премии.

За сочинение по русской литературе Саша Глянцев получил высшую премию – сшитый специально на него суконный костюм. Первый в жизни! В шестом классе он представит на семинар доклад «Поэзия Н.А. Некрасова».

В 1928 году вся семья Глянцевых стала югославскими подданными. Пройдёт немного времени после гибели Короля в Марселе и в Белграде появятся советские кинофильмы. После просмотров «Броненосца Потёмкина» и «Путёвки в жизнь» проснулся маленький «большевичок», задремавший было в душе эмоционального подростка. Сыграли свою роль и «великие достижения» науки и техники в СССР, заинтересованно обсуждавшиеся частью русской эмиграции. Никто из «интересантов» тогда и не подозревал, какой ценой, например, был построен знаменитый Днепрогэс! Для Саши кончилось все это печально. Он стал посещать руководимый старшеклассником Никитой Ракитиным и студентом Прокоповичем негласный кружок, где прочёл «Манифест Коммунистической партии» и прослушал несколько глав из «Капитала». ¹ Понимание, кто такие эксплуататоры и эксплуатируемые глубоко запало в душу, особенно после того, что случилось с их семьёй.

Некий министр по фамилии Узунович заказал чете Глянцевых парк в его огромной усадьбе. На планирование и работы по устройству парка ушло полгода, трудились всей семьёй, наняв в помощь несколько подёнщиков-безработных. Заказчик выдал аванс и оплатил цветы и саженцы деревьев. Парк удался на славу, но от окончательного расчёта по контракту Узунович отказался: «Не буду платить и всё. Я – министр, а ты – никто». И жандарм вывел пришедшего за расчётом парадно одетого отца на улицу. У родителей Саши в буквальном смысле опустились руки;

1 См. биографию Н.Ю. Ракитина в главе «Не окончившие гимназисты».

семья жила в нищете, начались ссоры, бурные объяснения, в результате чего отец ушёл из дома. Саше шёл пятнадцатый год.

Тем временем открылось дело с кружком и участников-гимназистов исключили. Но Саше повезло: благодаря усилиям его классного наставника Евгения Александровича Елачича он мог через год снова восстановиться в гимназии. Елачич заметил способности Саши к иностранным языкам и стал оплачивать его дополнительные уроки у преподавательницы французского языка. Знание языка впоследствии не раз спасёт Александру Глянцеву жизнь.

Временное исключение из гимназии заставило меня отправиться к отцу, с которым всегда поддерживал хорошие отношения. Он заведовал складом взрывчатки на горизонте медного рудника. <...>

Был я рослым, крепким парнем и с радостью окунулся в рабочую жизнь. Что может быть лучше, чем зарабатывать собственными руками!

К началу занятий в гимназии новоявленный член профсоюза рабочих Югославии (Югорас), вернулся из Косовска Митровицы в Белград. Он на практике усвоил марксову истину, что труд – это товар, но заработанных на руднике денег хватило ненадолго. Александр нашёл применение своему литературному дарованию: вместе с друзьями начал издавать молодёжный журнал «Вождь». Продажа 40-50 экземпляров тиража давало небольшой заработок.

Саша вступил во 2-й Белградский отряд русских скаутов-разведчиков. Зеленый скаутский галстук сменил значок «Друг детей».

Походы... лагеря летние, лагеря зимние – палатки в снегу... Шагает кучка ребят в десять-пятнадцать человек. Бодро, весело, с песнями... Излюбленным местом была гора Авала, в двадцати километрах от Белграда. <...>

Вспоминаю и улыбаюсь, и бодрю: как прекрасна жизнь!

Подошла пора сдавать экзамены «Большой матуры». Все прошло удачно, и Александр, получив аттестат, записался на медицинский факультет Белградского университета, весьма популярный среди выпускников гимназии. Выбор его был не случаен, ибо эта благородная профессия, на взгляд Александра, позволяла посвятить свою жизнь людям. На первое время он снял комнатку в трущобном районе Ятаган-Мала.

И вот 1 сентября 1939 года. Уже днём по улицам понеслись продавцы газет, неистово крича: «Германия напала на Польшу!»

По радио из Берлина прорывается голос Гитлера. Говорит он быстро, сильно картавя и часто до выкриков повышая голос. В ответ – рёв многочисленной толпы, её дружные и частые восторженные возгласы: «Зиг хайль!» Это действует

устрашающе. Будто огромная стая тысяч озлобленных волков гонится за тобой, вот-вот настигнет, а у тебя или совсем нет сил, или они на исходе, и ты, еле-еле, на последнем дыхании, уносишь ноги.

Все, что произошло дальше – раздел Польши Германией и СССР и захват Прибалтики – сильно озадачило молодого студента Глянцева. Однако радости новой самостоятельной жизни брали верх. Через «Союз студенческой молодежи» он получил место в общежитии: одна из семи коек в комнате. Нужно сказать, что условия для занятий были в те годы крайне тяжёлые. Лаборатории и учебные аудитории располагались в разных районах Белграда. Порой просто физически студент не успевал посетить все лекции и практики.

Спать ложиться часто приходилось натошак, чтобы сэкономить деньги на завтрак. Это не всегда удавалось: желудок настойчиво требовал своего и засыпать не давал. Приходилось вставать, будить нашего «лавочника», тоже студента, и просить отвесить 30 граммов колбаски и граммов 100 хлеба.

В Белграде начались совместные демонстрации студентов и рабочих. Кроме бытовых требований появились и политические лозунги: «Долой фашизм!». Однажды, убежавший с демонстрации по случаю похорон убитых студентов Александр был схвачен полицией. Три дня его избивали в жандармерии, затем занесли в чёрный список и выбросили на улицу. В результате с университетом пришлось распрощаться. И он снова уехал к отцу на рудник.

В октябре следующего года ему с помощью отца удалось поступить в офицерское училище, расположенное на Банице, близ Белграда, – в «Низшую Школу Военной Академии». За дверями казармы осталась свободная мирная жизнь.

25 марта 1941 года в Вене был подписан пакт о присоединении Югославии к странам гитлеровской «Оси», а через два дня произошел военный переворот, в котором приняли участие и курсанты училища. Договор с Германией был разорван. «Боље рат, него пакт!» – «Лучше война, чем пакт!» – кричали толпы на улицах. Хотя в военном училище никто не обольщал себя исходом возможной войны. Но 5 апреля на плац въехала машина с советским флагом...

Из неё вышел и в сопровождении встречавших прошёл в училище генерал в простом кителе – советский военный атташе. Мы мигом обступили водителя, угостившего нас папиросами «Беломорканал». Конечно, мы бережно спрятали этот «сувенир» из страны, которую чтити, хотя ничего о ней толком не знали. «Мајка-Русија» (Мать Россия)!

Вечером начальник училища генерал Гужвич сообщил юнкерам, что сегодня Югославия подписала договор с Советским Союзом о дружбе и взаимопомощи и

что 150 советских дивизий готовы сразу же ринуться на нашу защиту. На завтра были разрешены увольнения в город.

В воскресенье 6 апреля 1941 года, в праздничный день Благовещения, для всех жителей Королевства Югославия начнётся иная жизнь. Каждому из них была уготована своя Голгофа, и никому не будет дано её миновать.

Рано утром немецкая авиация подвергла практически беззащитный, объявленный «открытым городом», Белград варварской бомбардировке.

Около семи утра. Мы в столовой, в подвале трёхэтажного здания. Идет раздача завтрака. Не успели мы поднести первую ложку ко рту, как послышались звуки разрывов, задрожало здание, закачались люстры. Что это? Мы вопросительно глянули на дежурного офицера. «Маневры!» – успокоил он, отвечая на наш немой вопрос.

Взрывы ближе и сильнее. Офицер заволновался, пошёл наверх. Через несколько секунд скатился вниз:

–Тревога! Без оружия... через главные ворота! Замаскироваться в роще!
Через минуту мы распластались под голыми еще акациями. <...>

Туча самолётов с чёрными крестами. Кружат, пикируют, стреляют очередями. С нашей высоты хорошо видны далёкие крыши столицы. Там – зарево пожаров, медленно поднимаются клубы дыма...

Первая неделя Апрельской войны слилась для Александра Глянцева в единый поток сумасшедших дней, наполненный только одним желанием: выспаться. Почти не умея водить машину, он попал за руль сначала грузовика, а затем легкого «Бьюика».

За эти дни я многое перевидел. На Чукарице проехал мимо зацепившейся стропами парашюта за шпиль здания и висевшей над самым тротуаром огромной однотонной махины-бомбы. Вот какая она эта люфтмина. Видел, что она натворила на площади Славия. Там её взрывной волной были завалены все окрестные здания. Сама площадь была усеяна окровавленными осколками и частями тел. <...>

На площади Теразийе полыхали жарким костром гостиницы «Москва» и высотная «Албания». На Обиличевом Венце горел и наш «Стари Университет». <...>

Не помню, на второй или третий день войны решил заехать к маме и вывезти её из Содома и Гоморры. <...>

Вошёл. Навстречу – она. Бежит! Бросилась ко мне: «Ты жив?» Обняла, зарыдала. <...>

– Нет, Сашок. Никуда я не поеду. От судьбы не убежишь! А ты, Сашок, береги себя... пожалуйста...

Последние объятия. Слезы свои она гордо сдержала. Только перекрестила, поцеловала и долго махала вслед. Не знал я, что вижу её в последний раз!.. Но

сцена эта осталась в памяти навечно. Оказывается, она меня все-таки любила! Эх, какие мы были оба гордые, друг к другу непримиримые!

Это была более чем странная война. Страна погрузилась в ужас развала и панических слухов. Немецкая агентура действовала нагло, практически не встречая препятствий со стороны властей.

Неблагополучно было и в армейском командном составе: когда я курсировал по дороге Сремчица – Белград, то проезжал мимо взмокших артиллеристов: трижды приходилось им выполнять диаметрально противоположные приказы – то подниматься с орудиями на высоту, то немедленно с неё спускаться. Нередко в зарядных ящиках вместо снарядов оказывался металллом.

Наконец курсантов, так ни разу и не вступивших в бой, вывезли в город Фочу в Боснии. Разместили в монастыре, окружённом горами. Среди команды не осталось ни одного офицера, кроме поручика и старшины. Решили было пытаться прорваться в Грецию, но ворвавшиеся из Болгарии немцы и «братья-болгары» отрезали и этот путь. Ловушка захлопнулась.

Однажды кто-то из местных сообщил, что видел за горой три немецких грузовика, двигавшихся в сторону монастыря.

Командования рядом не было, и мы, впятером, с карабинами и двумя лёгкими пулемётами, помчались наперерез. Только заняли подходящую высоту над дорогой и прилегли за пулемётами, как из-за поворота тяжело заурчали машины. Подпустили их вплотную, резанули очередями. Первый грузовик тут же вильнул и с шумом сорвался в пропасть. Второй врезался в скалу, третий – в него. Всё произошло быстро. Тихо. Ни урчания машин, ни стонов. Никакого движения: из крытых кузовов никто не выскакивал! Обоз? В обуявшей нас горячке мы скатились вниз. Я рванул дверцу кабины. Меня обожгли чужие глаза: в руках немца нож-штык. Он меня ткнул им в грудь, я всадил свой.

Немецкий штык немногим не дотянул до сердца, выщербив кусочек ребра. Это случилось 14 апреля, а к 17-му курсант Глянцев был уже на ногах. Именно в этот день поручик Николич объявил строю курсантов о капитуляции Югославии. Отныне они демобилизованы, должны сдать оружие и разойтись по домам. 150 русских дивизий не пришли. Александр от души грохнул карабином о кучу оружия во дворе монастыря. Закончив «приём оружия», поручик выдал каждому по невиданной ими прежде купюре в 1000 динар.

А наутро на железнодорожную станцию пригнали изрешеченные пулями теплушки с трупами курсантов, которые накануне попытались пробиться в Грецию. По тем, кто хоть чуть удалялись от Фочи, стреляли со склонов местные

националисты. Прошло три дня и к монастырю подъехали немцы на мотоциклах с колясками. Без всякого конвоя курсантов повезли в вагонах в сторону Белграда. Те, кто жил неподалёку, сходили с поезда и шли домой. В Белграде их встретили немецкие войска.

– Хорваты, босанцы, македонцы, словенцы, русские! Выйти из строя!

Я почувствовал себя сербом, подданным страны, которая дала нам убежище, приняла в свое лоно, и остался с друзьями. Так же поступили и все другие русского происхождения.

Начались странствия пленных курсантов по лагерям: из Панчево в чудовищный, расположенный в болоте лагерь «Секележ» в Венгрии (около 200. 000 пленных; смертность 100–150 человек в сутки), оттуда в Германию, на родину Карла Маркса в город Трир. Здесь был достаточно благоустроенный «Шталаг XII-Д», в котором оказалось много французов. За два месяца Саша хорошо освоил разговорный язык, не раз помянув добрым словом Александру Павловну Хлюстину, учившую его в гимназии премудростям французского произношения. В лагере в Трире Александр узнал о нападении Германии на Советский Союз. С этого момента все его тяжёлые размышления о «странном поведении» СССР в начале Второй мировой войны были забыты. Всё встало на место: там – свои, тут – враги. В «Шталаге» Александр познакомился с интернированными из Испании интербригадовцами, в том числе и русскими. Здесь же он услышал о зародившемся французском Сопротивлении.

В июле, курсантов перевезли в город Саарбрюкен, где разместили в бывшей конюшне.

Рано утром нас выгнали во двор и заставили построиться в длинные шеренги. Солдаты-автоматчики стали сзади и спереди.

– Ахтунг! Ахтунг! – скомандовал офицер.

Взял у стоящего рядом адъютанта лист и стал читать. Толмач переводил на сербскохорватский. Нам предлагалось подписать декларации, стопками лежавшие на столе, о добровольном согласии работать на Германию.

Здесь нужно пояснение. Согласно Женевской конвенции курсанты высших военных училищ приравнивались к офицерам и освобождались от принудительных работ. В центре Европы, на волне победных реляций из России, нацисты изображали себя «джентльменами».

Из рядов шагнули двое. Они подписали по бумажке, их похлопали по плечу и увели. Всё снова замерло. Офицер не выдержал, подскочил к крайнему курсанту и заорал на весь двор:

– Унд ду? (А ты?) ... Подпишешь или нет?

Тот мотнул головой и тут же получил удар кулаком. Потом офицер шагнул к следующему... И так десять часов: мы стояли, а они нас били. Только к вечеру, стреляя поверх голов из автоматов, пленных загнали обратно в конюшню. Еду в тот день не дали. Через несколько дней нас погрузили в телятники и под конвоем доставили в штрафной лагерь XII-F, ... в Лотарингии, аннексированной Третьим Рейхом. <...>

Он так и стоит в памяти, этот «Stalag XII-F» в Сааргемюнде-Штайнбах, ставший позднее печально известным как «Чёрный лагерь». Корпуса бывшей психбольницы. Больных перед тем уничтожили. Высоченные каменные стены со цементированными сверху осколками битого стекла. С внутренней и внешней стороны стен – спирали колючей проволоки. Ряд вышек с пулемётами. Внутри мрачного двора – корпуса с камерами. Стекла окон в камерах – толщиной в 4-5 см. Ночью в выходящих из корпусов стреляли без предупреждения. Завтрак – эрзац-кофе, затем работа по десять часов. По возвращении с работы – миска кислой похлёбки из капусты или шпината, кусочек хлеба. Нацисты не признавали нас за людей, малейшая попытка напомнить им, что ты – человек, кончалась зверским избиением или пулей.

Из этого лагеря Александр Глянцев совершит свой первый побег. Отчаянные попытки бежать случались и до этого, но у охраны были натасканные на людей собаки, быстро находившие беглецов и рвавшие буквально на куски их тела. Выживших публично казнили.

В любой войне резко выпячивается не только изуверство. Неугасимым светом и теплом побеждают тьму те чувства, из-за которых человек и достоин называться Человеком.

Длинная цепочка разных событий предшествовала побегу. Серб Михайло Йованович, окончивший в 1940 году русский кадетский корпус в Белой Церкви, создал в лагере хор. Сначала пели для себя и сокамерников. Потом стали приходить и охранники. Вскоре хор стал известен всему лагерю, а охранники стали подбрасывать певцам продукты. Эти добавки к рациону поддерживали силы и позволили создать небольшой запас еды для возможного побега.

Однажды Глянцев с Николаем Калабушкиным¹, и ещё с двумя сербами были назначены на работы в селе Ремельфинген, неподалёку от города. Уборка мусора, разбор разбитых строений. Местные жители шарахались от них, как от зачумленных.

Из расклеенных в селе немецких плакатов-предупреждений:

«Во время отдания почести немецкому флагу каждый прохожий обязан остановиться и снять головной убор. Иначе...»

1 Н.В. Калабушкин окончил гимназию в 20-м вып. В будущем – Председатель Правления Объединения бывших учеников гимназии в Нью-Йорке.

В ночь с 16 на 17 августа произведено вооружённое нападение на немецкого часового. Мерзкий преступник до сих пор не найден. В случае его неявики будут взяты и расстреляны заложники».

В Ремельфингене арестанты познакомились с французскими мальчишками. Старшему, Полю, было четырнадцать лет. Именно с этими детьми, гордившимися своей тайной дружбой с пленниками, началась осторожная, тщательная подготовка к побегу. Решили бежать последовательно двумя тройками. В первую вошли Глянцев, Калабушкин и Йованович. Александр обучал их скаутскому шагу: след в след. Они работали в селе...

Приходит час перерыва, и наш страж ведёт нас к какой-то подворотне. Ребята дружно шагают рядом. Даже, как нам кажется, показывают ему дорогу. Что, и он с ними в сговоре? Входим во двор. Строения окружают нас со всех сторон, и с улицы нас не видно. Чудеса: перед нами в закутке стол, накрытый белой скатертью, скамейка, стулья. На столе пять приборов, большая ваза с нарезанным хлебом. Даже двухлитровый графин с вином! Приносят супницу, разливают по тарелкам, приглашают сесть. Всем этим занимаются трое пожилых крестьян. Конвоир сидит рядом. За время обеда ребята то и дело один за другим поочередно выбегают на улицу: дежурят, видно, чтобы предупредить об опасности.

Узнаем, что наш конвоир – эльзасец. Нанялся служить у немцев, чтобы избежать мобилизации. У него большая семья, её надо кормить.

Почти три недели крестьяне Ремельфингена подкармливали пленных «югославов», снабжая продуктами их сокамерников.

Постепенно удалось собрать всё необходимое, мальчишки принесли гражданскую одежду, карту, компас. В лагерном лазарете работали военнопленные французы. С их помощью удалось составить средство от ищейек, они же принесли йод, бинты, вату. Тщательно отремонтировали обувь. Поль принес адреса родни в городе Домбаль и в Париже. Конвоир-эльзасец за три дня до побега предусмотрительно перевёл их из своей бригады в другую.

Из записки Поля:

Дорогой Алекс, твои товарищи. Почти всё собрано. Дело за чемоданчиком. Его обещают дать завтра. Отец был очень удивлён, обнаружив пропажу своего рабочего костюма...

(В 1967 году Александр Глянец и Поль Негло найдут друг друга и встретятся).

Они вырвались на свободу 22 августа 1941 года. Душа пела...

Крутыми тропинками в горы,
Вдоль быстрых и медленных рек,
Миня большие озера,
Весёлый шагал человек...

Когда-то – в другой жизни, – так пел скаут-разведчик Саша Глянцев, в походе на Авалу.

Как только забрезжил рассвет, измотанные и разбитые, мы набрали на тихий и, казалось, заброшенный хуторок. Стоящий на отшибе сарайчик показался нам вполне безопасным. <...>

Когда проснулись, сквозь щели сарая пробивался свет яркого солнца, стоявшего высоко в небе. И тут, потягиваясь и оглядывая наше убежище, увидели: у самого входа лежат три аккуратных свёртка, а рядом стоит двухлитровый кувшин. Полный молока! В свёртках хлеб и сало.

Кто-то из них, действительно, «родился в рубашке». Им удалось переползти буквально «на брюхе» под проволочными заграждениями на границе Германии и Франции, преодолеть «запретную зону», пройти и проехать всю Францию с запада на восток. Глубокой осенью все трое вышли из вагона поезда на парижском «Гар де л'Ест».

Ни разу не попали в облавы, не нарвались на проверку документов, которых у нас не было! Вдобавок, на всём нашем пути встречали прекрасных, отзывчивых, самоотверженных, нам абсолютно до тех пор не знакомых, людей!

Тогда они не знали, что их передавали из рук в руки участники Движения внутреннего Сопротивления. У них тоже появился, пусть и небольшой, опыт подпольной работы в этой «армии теней». Но они мечтают вырваться из оккупированной Европы, чтобы с оружием в руках бороться с нацизмом. И вот все трое в Ла Рошели...

Ласковый теплый ветерок обдавал нас характерными морскими запахами, и мы жадно вдыхали воздух Атлантического океана. Как нам показалось, это и есть чудесный воздух обретенной свободы.

Увы, явка оказалась проваленной...

С помощью случайно встреченных на улице двух старушек, русских эмигранток, им удастся вернуться в столицу. Здесь, в храме Св. Александра Невского на рю Дарю, они встречаются с людьми, ставшими в будущем легендарными: матерью Марией Кузьминой-Караваевой и священником Дмитрием Андреевичем

Клепининым. Дальнейшей судьбой Александра занялась «Викки», княгиня Вера Аполлоновна Оболенская, и доктор Зёрнов.

Через какое-то время Глянецев получил «карт д'идантитэ» и «сертифика де домисиль» – справку о прописке в Париже. Теперь его зовут Жорж Соколов. Темпераментному, деятельному Жоржу-Александру пришлось привыкать к неторопливой, осмотрительной жизни и работе в подполье. Вся дальнейшая операция внедрения была продумана до мельчайших подробностей. Через клуб украинских националистов он получает направление в бюро по трудоустройству на набережной Кэ д'Орсей. Так он попал на завод в парижском предместье Курбевау, готовящий кадры специалистов-металлистов для работы в Германии. Пришлось основательно изучать немецкий язык. Никто не отменял и ночной работы по распространению листовок, коммунистической печати, передаче в нужные руки оружия. И вот в конце декабря в числе сорока французов Жорж по рабочему контракту отправляется в Берлин. Торжественные помпезные проводы на вокзале: «Германия с радостью принимает всех желающих!» Позднее в Берлин приедет его новый друг, участник Сопротивления, Мишель Зернен, родом из Туниса.

Их задание: работая на заводах, быть посредниками между иностранными рабочими и немецкими антифашистами, членами подпольной организации «Роте капелле» («Красная капелла»).

В Лефортовской тюрьме в 1950 году в одной камере я находился с главным руководителем «Оркестр руж» – Л.З. Треппером, советским разведчиком. Он мне и рассказал, что это по его распоряжению, на просьбу берлинской секции, и было направлено несколько пар из Парижа и Бельгии, в качестве «посредников», в том числе и мы с Мишелем. Сейчас уже доподлинно известно, что именно по вине «Директории», то есть Московского разведуправления, погибли отменные немецкие антифашисты.

Мишель получил работу на аэродроме «Темпельгоф», где ремонтировали самолеты.

Жизнь шла своим чередом. Днём или ночью, в зависимости от смены, – работа в цеху. В остальное время, после кратковременного сна (много отдыхать, ведя двойную жизнь, не удавалось), контакты с одним или с другим знакомым, а то и с группой, прогулки по Берлину.

Три месяца работы Жоржа-Александра на заводе «Аскания-Верк АГ», изготовлявшем оборудование для подводного флота, закончилась срочным отзывом в Париж его и Мишеля: после их отъезда склад готовой продукции завода взлетел на воздух. В этой акции была и частичка «его труда». Расплата – отравление парами

охлаждающей фрезе эмульсии. Упакованной в бинты куклой Глянцев прибыл в Париж в апреле 1942 года.

Их поселили в маленькой гостинице «Мини», хозяином которой был итальянец Энрико; с ним жила его дочь, молодая, недавно овдовевшая Ренэ. Она стала прекрасной помощницей в «ночных делах» Мишеля и Александра.

По новым документам он теперь Александр Попович, серб-черногорец, гражданин Франции. Место жительства – департамент Ду во Франш-Конте, вблизи швейцарской границы. Сюда и направили «черногорца» с другом в качестве инструкторов по обучению молодежи обращению с огнестрельным оружием. Там зарождались отряды вооруженного Сопротивления – «маки». Но не это оказалось главным: друзьям пришлось плотно засесть за изучение азбуки Морзе и за уроки работы на ключе. (Здесь Глянцев узнал, что мальчишки из Ремельфингена помогли совершить удачный побег из Шталага второй тройке узников!).

Как и везде, народное мнение по поводу активизации действий «макизаров» разделилось. Одни считали, что репрессии нацистов – следствие актов Сопротивления, и поэтому предавали его анафеме. Другие считали, что именно жестокость оккупантов и вызвала сопротивление, за которое, правда, приходится расплачиваться. Оккупанты брали заложников и расстреливали их десятками и сотнями.

Прошёл месяц их напряженной работы. И снова – Париж.

В Париже, у площади Согласия, близ моста через Сену имени Александра III, нас ждала Викки:

– Не собираетесь ли вы снова посетить «Великую Германию»? Мне кажется, что по вам там уже скучают... – вместо предисловия шутливо спросила она и, заметив перемену на наших физиономиях, тут же добавила: «Уверена, что оккупанты вас ищут здесь, а не у себя».

Шел набор в Берлинскую автошколу и Александру с Мишелем (который по новой «карт д'идантите» стал русским) надлежало отправиться туда. Ехать в Германию из Парижа согласились лишь семь человек, четверо из которых оказались пожилыми русскими эмигрантами-таксистами, – так что торжественных проводов не случилось. Чуть позже в Берлин прибыло пополнение – поляки из Кракова и Вильно. Всех сразу же переодели в особую чёрную униформу. Взамен своих документов они получили «Динст-бухи» – трудовые книжки с фотографией, служившие одновременно и паспортом. Основательно подготовленные к вождению тяжёлых грузовиков, все они осенью 42-го года почему-то оказались в Рейнской области вблизи г. Майнца, приданными в помощь крестьянам на уборке винограда. В их сундуке-аптеке – оба числились санитарями – под съёмным верхним этажом с медицинскими принадлежностями удобно разместились: радиопередатчик с

манипулятором-ключом, радиоприёмник с мотком медной проволоки-антенны и «кирпич» аккумулятора.

Ночью, сидя на холме, откуда весь Майнц был как на ладони, Мишель и Александр корректировали бомбардировку вызванных ими через парижский Центр английских бомбардировщиков.

Мишель принял позывные, ответил своими. Засвистели бомбы. Впиваемся в то место, где склад. Над ним взмывает пламя. Почти сразу же доносится грохот взрывов. Мо-лод-цы! Прямое попадание! Мишель в восторге шлёт в эфир «О'кей!». <...>

Но что это? Бомбы свистят над самой головой! «О-ой, братцы! Что вы делаете? Не туда!», – только и успел я подумать, как меня, словно пушинку, сдуло с дерева. Мишеля несколько раз перекувыркнуло. К счастью, ни один осколок нас не задел... Когда очухались, Мишель кинулся к своему агрегату: перевёрнут, но будто цел, лишь один штеккер выдернуло. Вставил его обратно в гнездо, в эфир послал двойной знак вопроса. «В чём, мол, дело?» Переключился на прием, слышит: «Ха-ха-ха!» При чём тут смех? Не поняли, что ли? Хотел переключиться на передачу, но тут слышался стрекот продолжения:

– Подбиты. Пришлось опорожниться...

В Майнце был уничтожен склад с двумя сотнями новых авиационных двигателей.

В 1987 году Александра Михайловича Глянцева познакомят во Франции с весельчаком-радиом из того самого бомбардировщика. Они долго, смеясь, трясли друг другу руки.

Тем временем на Волге разворачивалось Сталинградское сражение.

Глубокой осенью команда водителей прибыла в Париж. В огромном автопарке пригорода Венсенн стояли ровные ряды новых грузовиков «Матфорд» (на бензине) и газогенераторных «Ситроен». Тут-то и выяснилась причина «рейнских каникул»: большая часть машин требовала ремонта. Только через полторы недели колонна под командой штурмфюрера двинулась на запад. Теряя ломающиеся на ходу машины, прибыли в Сен-Назер, почти полностью разбитый бомбардировками. Пару Мишель-Александр предстояло создать разведсеть и собирать информацию о строительстве Атлантического вала.

Операция была задумана блестяще. Целыми днями в своей чёрной, похожей на эсэсовскую форме они развозили грузы по строго охранявшимся стройкам, въезжая в запретные зоны. Видели все пирсы с подлодками, наносили на карты расположение многочисленных батарей ПВО, определяли их калибры. Они смогли даже выяснить, какие в их береговом секторе дислоцируются мобильные части по рисункам на бортах их техники: туз треф, олень, рычащий лев и т. п. Всё это пе-

редавалось в Центр. Они окружили себя помощниками из работавших в колонне поляков и местной молодёжи. В середине декабря Мишель сдал радиоаппаратуру легализовавшемуся в городе профессиональному радисту.

В первых числах февраля 1943 года на всех немецких учреждениях приспустили флаги.

На лацканах мундиров – траурные ленточки. Заметно поникла надменность «властителей мира»: объявлен трёхдневный траур. Сталинград! Огромная топка, в которой расплавился мощный кулак гитлеровского «Дранг нах Остен» – натиска на Восток.

А вскоре Александр попался. Нелепая случайность: он задел бортом падавшую с велосипеда девушку.

Выскакиваю: она лежит на асфальте. Тут, откуда не возьмись, мотоцикл с коляской, в нем – фельджандармы. Сделали промеры: измерили расстояние до обочины. След торможения... Я всё стою, как очумелый, ничего не соображаю. Меня успокаивают: «Ты не виноват, парень!» Тот, который проверял в кабине рулевое управление, вылезая, заметил торчащий из кармашка дверцы краешек карты:

– Что это?

– Карта. Чтоб не сбиться и не плутать... – отвечаю безучастно, ещё не отойдя от случившегося.

Фельджандарм стал её разглядывать: кружочки, треугольнички... Показал другим. Лица их посуровели. С опаской обыскали меня и повезли в комендатуру, в Порнише.

(Карта размокла под дождем, когда он наносил на неё очередные «объекты», и не до конца опустилась в кармашек).

Из камеры в комендатуре он успел предупредить о своём аресте Мишеля.

Затем «признавшимся во всём» Александром Поповичем занялись Абвер и гестапо. «Да, хотел подработать, знал, что такими вещами интересуются, да, хотел продать на рынке...»

Но контрразведку такими сказками не проведёшь...

Били, снова допрашивали, опять били. Но я твердил своё. Под конец, без сознания доставили в тюремную палату больницы «Отель Дьё». Видимо, не хотели, чтобы я в подобном истерзанном виде предстал перед трибуналом. У дверей дежурили французские охранники.

Двое из них предложили Александру бежать в их дежурство, но он категорически отказался.

На заседании военно-морского трибунала его, за попытку шпионажа, приговорили к расстрелу. Впрочем, он мог подать прошение о помиловании с заменой на Восточный фронт.

Из суда повезли обратно в тюрьму. Тряска «воронка», именуемого у французов «панье а салат» (кошёлка для салата), а у немцев «грюне мина», прибавилась, скорость снизилась. «Подъехали к городу!» – догадался я. Вдруг удар, скрежет, фургон заваливается на бок. Я совершаю немислимое «сальто мортале». Дверь от моего бокса срывается с петель и врезается мне в левую ногу. От боли чуть не теряю сознание. Слышу хлопки выстрелов...

Его отбил Мишель с друзьями, протаранив фургон грузовиком.

Диагноз перелом «головки тибие» Александр поставил себе сам, сам же соорудил из дощечек лубок. Пять недель его прятала и лечила в Нанте местная семья Христидисов (с девятью детьми!) в то время, как город был обклеен объявлениями о его розыске с фотографиями. За это время Александр отрастил себе модные усики «а ля Дуглас Фербенкс».

Наконец, в форме немецкого ефрейтора, передвигаясь на костылях, он поездом прибывает в Париж и появляется в гостинице «Миди» у Энрико. Хозяин сам открыл дверь, услужливо принял чемодан.

– Как вас записать? – спросил он, открывая свой грессбух.

Я молча снял пилотку. Видя, что он и дальше вопросительно смотрит на меня, я прикрыл рукой усики. В глазах Энрико – сначала недоумение, потом – догадка и изумление. Он вскочил и помчался к лестнице:

– Ренэ! Быстро вниз!

По ступенькам быстро-быстро застучали милые каблучки. Она было ринулась ко мне, но тут же остановилась.

– Почему на тебе эта мерзкая униформа?

Я снова в своей комнатухе. Рядом – Ренэ.

Так к Александру пришла любовь! Пришла в самый последний момент.

С помощью очаровательной Ренэ и предъявленных документов – «Качурин Александр, французский гражданин русского происхождения, родом из Туниса, с рю де Шампань, сражавшийся на линии Мажино в составе колониальной армии такого-то полка, санитар, освобождённый из плена из-за слабого здоровья – он получил в полиции очередную «карт д'идантитэ» с пропиской в отеле «Мини». Ренэ сняла для них уютную квартирку.

А времена наступили жестокие. 3-й отдел Абвера «Сен-Жермен», работавший по Франции, провёл несколько удачных операций по разгрому сети французского Сопротивления. Последовали аресты, провалы, оборвались связи. В феврале были

арестованы мать Мария, ее сын Юрий и о. Дмитрий Клепинин. Все они погибли в лагерях. В декабре 43-го арестуют Веру Аполлоновну Оболенскую, Викки. Ее казнят, отрубив голову, в августе 1944 года.

Ренэ стала невольной виновницей провала Александра. Он должен был вечерним поездом выехать из Парижа во Франш-Конте. Ренэ взяла «более удобный» билет – на следующее утро.

Рано утром 6 июля 1943 года в ходе акции СД под кодовым названием «Морская пена» Александр, Ренэ и Энрико были арестованы. Всего было взято более десяти членов организации, почти целая ветвь – группа «Бретань».

А дальше... дальше надевают наручники («дурной признак!»), выводят. И сверху, и снизу улица перекрыта шеренгами автоматчиков, движение перекрыто. Но сейчас раннее утро – не видно ни души. А может, все попрятались? Сворачиваем за угол. Там – целая колонна грузовиков и легковушек. Сажает в одну из них.

Белокурая «фройляйн» в форме СД, заполняя первую его анкету, в графе «причина задержания» аккуратно вывела «Шпионаж». Он сразу прикинулся незнающим немецкого языка. Впоследствии на допросах он выиграет минуты на обдумывание ответа, пока переводчик будет с трудом подбирать французские слова.

К следователю их вызвали вместе – его и Ренэ. Это было их последнее свидание. Обоих доставили в тюрьму «Фрэн», в разные корпуса. (Энрико и Ренэ выпустят через три месяца).

В чём промах? Что они уже знают?

Из одиночной камеры с помощью морзянки Александру удалось установить связь с другими «сидельцами». Неожиданно пришла помощь от Энрико.

И вдруг до меня доносится какой-то потусторонний зов:

– А-лекс!. . А-лекс!. .

Это было так неожиданно, что я подскочил на месте. <...>

Шторка на глазке-шпионе опущена. Откуда же могут звать? И имя моё знает! Подошел к отдушине-сетке вентиляционного ствола под потолком. Зов повторился. Нет, не оттуда, а с противоположной стороны. Но там только унитаз и раковина, ничего кроме них. Впрямь галлюцинация! Нагнулся над унитазом и неуверенно и зло сказал в него, скорее, чтобы посмеяться над самим собой:

– Ну да, я – Алекс! И что? Чего дразнишься? – и тут же в ужасе отпрянул.

– Сэ муа... Энрико! (Это я, Энрико!), – загробным голосом ответил мне унитаз. «Заколдованное место», Гоголь!. . И меня затряс нервный смех: что может быть неестественней и смешней, чем этот диалог с унитазом?!

Не имея ничего против управляющего гостиницей, его арестовали, лишь для того, чтобы устроить в ней «мышеловку», – гестапо разрешило использовать

его в качестве тюремного сантехника. Через Энрико установилась связь с арестованными друзьями. Теперь Александр знал, о чём их спрашивали на допросах, что они отвечали. Но виновника их провала установить не удавалось. Дней через десять вывели на допрос и его.

Метод «внезапности и запугивания» был ему не страшен: за истошным криком гестаповца: «Настоящая фамилия твоя, скотина!» следовал перевод, и эффект неожиданного вопля пропадал.

Через месяц им стало известно, что у Александра и его подельников документы фальшивые.

Моё упорство вывело гестаповцев из себя, и допросы приняли новую фазу: в самом начале стали раздевать догола. В смежном кабинете, рядом с тем, где до сих пор допрашивали, с привинченным к полу табуретом и столом с какими-то специальными захватами, целая бригада костоломов приступала к моей обработке. Эти нелюди были настоящими мастерами своего дела. Чего только ими ни было придумано и разработано, чтобы вызывать самые жуткие страдания!

В конце концов прозвучала команда «На отдых его!»

С лязгом открыли железную ржавую дверь и с силой толкнули внутрь. Тело, будто кипятком, ожёг ледяной пол, но я лежу неподвижно минуту, другую. Потом не выдерживаю и приподнимаюсь. Из зарешеченного окна, за которым темнота, в комнату струится облачко пара. Я догадываюсь, куда меня вбросили: мне рассказывали об этом. Морозильник! <...>

Меня вскоре начала бить судорога, тело изгибалось, корчило и подпрыгивало в конвульсиях. О бетон разбил подбородок. Снова сел на корточки, наступив кончиками пальцев на тряпочку. Уткнулся в колени и стал ждать конца...

Охранник, фронтовик-ефрейтор, тайком, несколько раз принёс ему миску горячего супа!

Мне стало легче, хотя холод тряс по-прежнему. Но не об этом я думал, возвращая пустую миску. Одеревеневший, дрожащий, потерявший счёт времени, я ухватился за спасительную мысль: если и здесь, в этих застенках, в этом саду китайских пыток, слуги не живут по волчьим законам своих гнусных хозяев и сочувствуют мне, «преступнику», по их понятиям, значит... значит «господа не всесильны». Следовательно, есть надежда.

Запасной вариант «признания» Александр продумал загодя. Но ему нельзя торопиться, нужно дотерпеть до того момента, когда они выволокут его и поверят в его «искренность».

Я пытался ответить, но это оказалось не под силу: ни язык, ни челюсти не слушались, стали будто дубовыми, мёртвыми, и в то же время прыгающими. Пробовал помочь руками, но и руки не слушались, были ватными, чужими, словно приклеенными. Ноги вытанцовывали сами по себе. <...>

– Я-я-я... Г-г-г...лян...нн...цев... Беггг...лец из плена. Юггг-ослав... – чуть не по слогам выдавливаю из себя признание.

Он сидел перед ними, голый, грязный, и, плача, рассказывал, как с трудом зарабатывал, мотаясь по Франции, деньги, чтобы купить на рынке документы... Гестаповцы брезгливо смотрели на него. Голым же его втолкнули в камеру, сбросив вслед комок одежды. Здесь, среди «своих», Глянцев просидит до середины января 1944 года. Заключённые наладят связь с внешним миром, к ним даже будут поступать передачи.

Но вот наступил момент, когда им неожиданно вернули документы и все вещи (по списку!), отобранные при личном досмотре, и объявили, что их везут «на работы в Германию». Глянцев и еще трое попытаются бежать, прорезав ножами доски пола вагона. Неудачно. Их жестоко избили, изуродовав ступни, раздели догола и бросили в пустой металлический вагон. Стоял мороз, около двадцати градусов. Поезд тронулся.

Два человека в черных кителях с красным треугольником и номерами на груди, с нарукавными повязками «Лагершутц» стоят около нас. В треугольнике различаю букву «L» (как потом узнал – люксембуржцы). Один из них громко, но спокойно говорит:

– Приветствую вас с прибытием в концлагерь Бухенвальд. Отныне забудьте, что вы – люди. Не то лишитесь головы. Теперь вы только «гефтлиги» (заключенные). Запомните это раз и навсегда! А сейчас вперед, в баню!..

Это было 29 января 1944 года.

В этот день он в первый раз избежал крематория за попытку побега из вагона. Но то была лишь отсрочка, ибо на его учётной карточке стоял штамп «Meerschaum», означавший «Подлежит исчезновению!»

Александру Глянцеву исполнилось двадцать четыре года, и он был совершенно седым. Он стал номером 44445, в красных «винкелях» (нашивках-треугольниках) на его полосатой одежде стояла буква «R», русский.

В любой войне резко выпячивается не только изуверство. Неугасимым светом и теплом побеждают тьму те чувства, из-за которых человек и достоин называться Человеком.

Словарь Бухенвальда:

Красный винкель – политический узник.

Зеленый винкель – уголовник.

Блок – жилой кирпичный или деревянный барак примерно на тысячу человек (номеров), разделенный на боксы по 50 номеров. Трёхэтажные нары для сна. На стене таблички: «Одна вошь – твоя смерть!»

Боксэльтестер – старший бокса. (номер 44445 был избран старшим в первый же день).

Блокэльтестер – староста блока. Блоковый.

Штубендинст – дневальный. Назначается. Получает добавку к рациону.

Арбайтстатистика – управление работами. В руках эсэсовцев.

Шрайбштубе – лагерная канцелярия.

Коммандо – рабочая бригада.

Капо (голова) – начальник коммандо.

Аппель – перекличка блока.

Лагершутц – лагерная полиция.

Лагерэльтестер – староста лагеря. Их было три.

Гертнерай – лагерный огород. Выращивались овощи для эсэсовской кухни.

Лайхентрегеры – труповозы.

Крематорий.

Апофеоз смерти – вишнёвое зарево из короткой толстой трубы, из которой днём и ночью стелился шлейф длинного, густого и чёрного, как смоль, дыма. О-о, его должно было быть видно далеко: во всех у подножия Эттерберга лежащих «мирных» селлах.

В это невозможно поверить – Александр и не поверил! – но к моменту его прибытия в Бухенвальд все руководство внутрилагерной жизнью было в руках немецких антифашистов: красных винкелей. Они своей жизнью отвечали за любые нарушения. Абсолютно не допускалось воровство. За него – суд Линча. «Стукачей» в лагере не было: от них «обезопасились» заранее. В лагере была введена жестокая дисциплина, основанная на чувстве солидарности политических «номеров».

Этот дух культивируемой солидарности прививали и воспитывали, стремились сохранить в человеческом существе хоть частичку его достоинства и этим препятствовали эсэсовцам превратить подневольную массу в стадо животных.

Эсэсовцы отвечали за: численный состав, качество работы, отправку на внешние транспорты. За узников вне лагеря отвечали конвоиры-эсэсовцы.

Лагерь опоясывал двойной ряд столбов с колючей проволокой под высоким напряжением. Двадцать одна вышка с часовыми. Внешние часовые в секретах. Шансов на побег из лагеря – ноль.

О прибытии Глянцева (Качурина) красные винкели узнали сразу же. Но сам он узнал о своем «особом» положении только после того, как подрался с дневальными. Избитого в кровь его загнали в боксе под нары. Когда его, наконец, выманили из-под нар, перед ним стоял Добричко Радославлевич – свой белградский курсант, бежавший из лагеря в Штайнбахе во второй тройке. В Бухенвальде он работал в канцелярии, что открывало перед ним все двери и ворота.

Добри восклицал:

– Как хорошо, что я тебя узнал! Иначе бы тебе «капут» – крематорий. Поднять руку на штубендинста – такого еще не бывало!..

Через несколько часов встревоженный блокочный сопровождал меня к «ЛА-1» – «Первому старосте лагеря» – тот срочно меня вызвал.

«Первого» звали Эрих Рашке. В заключении с 1933 года. Он ничего не обещал и никаких льгот не сулил. Просто поговорил с Александром как человек с человеком. У него, как у ЛА-1, были, конечно, более широкие права и возможности, но в остальном он был таким же «номером», как и остальные. Номер 44445 остался жив.

Три недели он отработал на заводе, в цеху, где изготавливались стволы для карабинов. Рядом работали советские военнопленные.

«Тобой заинтересовались», – сообщил как-то Добри. Затем последовал разговор возле «дуба Гете» с двумя Руди, из которого Александр уяснил, что в лагере существует хорошо законспирированная и сильная подпольная организация.

Прошла еще пара дней и «лойфер» – лагерный курьер, вручил Глянцеву продолговатую бумажку. На ней было напечатано: «Цум Арцт», то есть «к врачу». Его принял капо, Эрнст Буссе, (в заключении с 1933 г.), определивший бывшего студента медицинского факультета фельдшером в терапевтическое отделение «ревира», лазарета. Заведовал Гросс-ревиrom врач СС, палач Шидлаусски. Остальными врачами были сами узники.

Первым делом меня переодели в такую же «зебру» побелее, как у обоих Руди и у всех врачей. Жить продолжал в блоке № 40, но отдыхать можно было в перерывах между утренней и вечерней работой в дощатом блоке во дворе санчасти, стоявшем над зданием с приёмными покоеми.

Работа адская! За сутки каждому приходилось освидетельствовать по 200–250 пациентов.

Здесь выдавали «шонунг» – освобождение от работы. Для более тщательного осмотра, лечения или для процедур давалась записка «Цум Арцт». В случае крайней необходимости – а была ли у кого-то не «крайняя»? – назначалась госпитализация.

Не продлевали ли мы этим лишь время их агонии? Не знаю... не знаю. Трудно судить. Врачи всеми силами стремились помочь, но... как мало было этих сил и возможностей.

Гросс-ревир оказался не только «островом спасения», но одновременно и штабом подпольного лагерного комитета.

Однажды у Александра случился откровенный разговор с капо, Эрнстом Буссе, когда они вышли из блока, где лежали больные туберкулёзом дети. Большой частью русские.

И вдруг он заговорил о себе. Я понял, что этот человек не меньше моего думал о свободе, и всё же остаётся здесь. Почему?

– Я – немец – говорил он: – Гитлеровский нацизм – тоже немецкий. И нам, антифашистам, исправлять наши, немецкие ошибки. Мы не имеем права выбирать место, где легче. Наоборот. Мой пост именно здесь, в этом пекле, в этой душегубке.

Договорились, что со временем Александра переведут на работу в «командо», поскольку побег, если и возможен, то только оттуда. Но тут главное – не угодить на транспорт в Дору – строящийся подземный завод: оттуда живыми не возвращаются. Нужно ждать. «Но, пока ты здесь, – сказал Эрнст, – помогай детям, навещай их. Очень важно поддерживать их дух».

И Александр помогал – как мог. Его перевели в хирургическое отделение «ревира».

Этапы в сотни и тысячи узников, с ранеными в дороге, длинные очереди «доходяг» с сочащимися язвами, фурункулёзом, с ранами, полученными на работе или после избиений, обязывали работать быстро и быть к такой работе хорошо подготовленным. Мы обучались в накладывании повязок различных видов, жгутов, к местной анестезии, инъекциям. Во дворе ревира были организованы массовые курсы по первой и неотложной помощи: руководство подпольем негласно подготавливало нас к работе на случай вооружённого восстания.

Наконец, в начале лета 44-го года лагерные репродукторы вызвали двести номеров – среди них и номер Глянцева для работы вне лагеря. В ревира он получил нарукавную повязку «Арцт-пфлегер», как заведующий медпунктом под началом фельдшера-эсэсовца. Место назначения – палаточный лагерь на холме близ города Цайц. На работы по восстановлению коммуникаций разбомбленного завода по

изготовлению бензина из бурого угля привезли три тысячи венгерских евреев. Для них начался ад.

Возвращаясь в лагерь, узники каждый раз волокли с собой все новых и новых покалеченных с раздробленными ступнями, переломанными руками, ногами... Число травмированных росло изо дня в день. Были и убитые.

Тех, кто попадал к Глянцеву в его палатку-амбулаторию, «фельдшер» приказал не кормить, как неработающих. На раны накладывались бумажные бинты – других эсэсовец не выдавал. В ранах появились черви.

Это было невыносимо... Сговорившись со старостами-евреями, Александр написал рапорт о происходящем в гросс-ревира. Однако, подписать его согласились лишь менее половины старост.

В эти дни Александр узнал о гибели ближайшего друга по Сопротивлению – Мишеля.

... желая отомстить за мою гибель, он предпринял со своим отрядом франтиреров дерзкую атаку. Но... силы были неравны, и все они полегли. Нет более Мишеля, нет моего друга! А я... я еще жив. <...>

Мной овладела глубокая тоска и душевная депрессия.

На следующий день Александр предстал перед «фельдшером», который держал в руках злополучный рапорт... Это был прямой путь в крематорий!

Избитого до полусмерти Глянцева ночью доставили в основной лагерь и сдали в Шрайбштубе.

«Оформить!» – приказали конвоиры дежурному писарю, бросив перед ним какую-то бумажку.

За столом сидел Добричко. Прочитав бумажку, он вскинул голову:

– Ты?! Что ты там натворил?

Я безучастно рассказал. Когда дошел до Мишеля, из глаз брызнули слёзы. Кажется, только тут депрессия начала спадать. Добри заволновался. Привёл меня в блок № 17.

– Без приказа отсюда не выходи! – и сказал что-то блоковому.

Под утро по приказу капо Эрнста Буссе, в очередной раз поставившего на карту свою жизнь, Александра положили в санчасть.

Его не выпустили оттуда и тогда, когда по репродуктору объявляли на весь лагерь номера узников, которых ждал крематорий:

– Гефтлингсnummer 44445, бегом к воротам к щиту номер...

За ним пришел дежурный Отто Кипп. ¹ Спустились в морг.

Кипп указал на один из трупов. Санитар молча стал выводить цветным карандашом на груди умершего цифры: 4... 4... 4... 4... 5. По всему было видно, что в подобной операции участвует он не впервые – понимал Киппа без слов.

– Теперь ты – Петр Бабич, русский из Сталино, номер 7015. Временный, не забывай!

Мне взамен моих выдали три полоски с этим номером. Труп отправили в крематорий. Больше репродуктор меня не вызывал.

Обошлось и на этот раз.

6 июня 1944 года союзники открыли «Второй фронт» – война вступила в завершающую фазу.

В конце сентября Александра «устроили» в очередную команду для работы вне лагеря. Это был состав с вагонами-телятниками, где узники жили, разъезжая с одного места работы на другое. В него собрали 500 номеров. Половину из них составляли советские военнопленные. Ремонтной работы хватало: в небе царили эскадрильи союзников.

Под Кёльном, во время очередной бомбардировки Глянцев совершает свой третий побег! Беглецов спрятали, а затем помогли «легализоваться» угнанные из СССР девушки и ребята-остовцы, работавшие в пригороде на ремонте дорог и разборке завалов. К этому времени Кёльн представлял собой океан сплошных развалин, среди которых трагически возвышались два шпиля знаменитого собора.

До конца войны оставалось полгода.

Нужно сказать, что Кёльн был единственным городом внутри Третьего Рейха, в котором к концу войны существовало вооружённое сопротивление нацистам. В нем принимали участие «Эдельвайспираты»: дезертировавшие солдаты, бежавшие концлагерники, а также и объединение антифашистов и коммунистов.

Естественно, что и бывший № 44445 не прятался, сложа руки, в подвале, тем более, когда в руках оказалось оружие. В результате в феврале 45-го Александру пришлось срочно «исчезнуть» из Кёльна.

Первые американские «шерманы» он встретил в Лютцеле, пригороде Кобленца. Для него и ребятишек-остовцев война закончилась 4 марта 1945 года. Дальше им предстояло от нее «излечиваться».

Однажды в Лютцеле остановилась французская воинская часть. Её командир и Глянцев узнали друг друга – вместе были во Франш-Конте, где Саша обучал будущего лейтенанта обращению с пистолетом «Вальтер». И вот этот бородатый

1 Эрих Рашке, Эрнст Буссе, Отто Кипп и многие другие антифашисты, узники Бухенвальда, в начале 1950-х годов по сфабрикованным НКВД доносам арестованы в ГДР и отправлены в лагерь ГУЛАГа. Реабилитированы после XX съезда КПСС.

француз предложил устроить Александру место в самолёте на Париж! Париж... Ренэ... друзья... Ренэ...

Поступил бы и закончил медицинский институт, стал бы хирургом или терапевтом (кончено же знаменитым!). Я был уверен в себе, в своих способностях, в своем трудолюбии. Да поскорее бы собственными детьми обзавестись! Сыном – обязательно!

Александр отложил ответ на завтра, чтобы посоветоваться со своей командой. «Решать – тебе: поступай, как душа повелит», – таков был ответ приунывших ребят.

Как душа повелит! Как много в этих словах! И... у меня не хватило духу пойти против своей совести, против своей «души»! Может чуть позже я бы и не устоял перед соблазном, но через три дня французский отряд исчез.

В апреле американцы перевезли всех русских из Лютцеля через Рейн в Лимбург. Там в бывших казармах был устроен лагерь для «перемещенных лиц», DP. В Лимбурге их и застал тот самый день: Германия капитулировала.

Что было дальше помню очень смутно. Кажется, вначале наступила мёртвая тишина, длившаяся минуту-другую, когда все молча и растерянно смотрели друг на друга не в силах переварить в себе эту неожиданную и в первый миг непонятную весть. Затем наша комната взорвалась шумом, грохотом, нечленораздельными воплями. Все стали прыгать, обниматься, целоваться... Всё это погрузилось для меня в туман и еле-еле пробивалось из внешнего мира. Навалилось какое-то странное затмение, над которым угрожающе завис жирный, тяжёлый вопрос: «А что дальше?» Действительно, что дальше? Что отныне делать? Как жить? <...>

И стал вырисовываться нехороший и удручающий ответ: «Ты ни на что не пригоден!.. Перед тобой никакого пути! <...>

... идеалом я ставил драку до Победы. А достигнута она без меня, да еще совершенно внезапно. К этому я не был подготовлен. И вот – впереди пустота!..

Итак, я спустился по лестнице, вышел во двор, завернул за угол корпуса, взвёл парабеллум и, когда рука подносила его ко рту, вдруг... вдруг что-то судорожно сжало её и рвануло в сторону! Что это? Кто это? Затуманенными глазами увидел: я окружен моими ребятами – Ваня, Вася, Федя... <...>

– Да ты что? Ты же нам был баткой, баткой и остался! Куда мы без тебя? <...>

И... от этих слов мои глаза превратились в гейзеры, извергавшие солёную, горячую воду! Значит я всё-таки кому-то нужен!!! Родненькие мои ребятешечки, мои настоящие, верные друзья!

Чудесным июльским утром к лагерю в Лимбурге была подана колонна студбеккеров и доджей. Весёлые белозубые негры-водители за пару часов домчали всех русских с их незамысловатым скарбом до Эльбы, пересекли её и въехали в советскую зону.

Ребята в восторге: у своих! Над головами пронесются растянутые поперёк дороги красные транспаранты: «Слава воинам-победителям!», «Слава пехоте!», «Слава танкистам!», «Слава...», «Слава...» ... Странное и непривычное для меня зрелище самовосхваления или тщеславия!

Духовой оркестр играет марши, с трибуны звучит:

– Мы рады принять вас из фашистской каторги. Мытарства ваши кончились.

Родина ждёт вас! .

– Гуд бай, камрад!.. – американцы восхищены радушным приемом.

Дальше до боли знакомое всем советским людям. Пешком с вещами они дотацились до какого-то замка, где их набилось как сельдей в бочке. По пути пришлось кое-что бросить – за их вещи подрались солдаты армии-победительницы.

Фильтрация: анкеты, опросы... Через две недели Глянцева доставляют на окраину Дрездена, где в солидном двухэтажном особняке расположилась армейская контрразведка, СМЕРШ – «Смерть шпионам!» Сначала с ним просто «беседовали», затем начались допросы. Это уже в Веймаре, в «хозяйстве Киреева». Затем в подземелье бывшей гестаповской следственной тюрьмы «Маршталъ». (Позднее Александр узнал, что все его друзья, ребята-остовцы тоже побывали в руках смершевцев, но никто из них показаний против него не дал).

Словарь следователей СМЕРШ, НКВД, МГБ, КГБ.

«Ничего себе пташечка!»

«Интереснейшая легенда! Хорошо и складно составлено... Ты что, думал мы тебя тут орденами обвесим?»

«Подпиши, что ознакомлен».

«Докажи, что ты – иноподданный! Не докажешь!»

«Бухенвальское подполье – это детище гестапо! И не было, и не могло быть никаких побегов».

«Кто дал тебе право работать на союзников? Они как были, так и остались нашими врагами. А сейчас, взрывом какой-то ерундовой бомбы в Японии, хотят нас поставить на колени. Не выйдет!».

И классическое:

«Кто и когда тебя завербовал? Кто твой хозяин? Сколько платят за такую работу?»

Как хорошо вечерние зарницы,
В ночной тиши уснувшие цветы!
Как хороши смущённые ресницы,
Как хороши неясные мечты!..

... Не знаю, сегодня мне кажется, что именно этот любимый романс, романс моих семнадцати лет, о чудесных, «неясных мечтах», я и пропел на одном из последних допросов. Не пойму, как это получилось. Но вдруг мне до безумия стало жалко следователя. А может, и своих прожитых, по всей вероятности, впустую, и бесследно ушедших лет. А может, мне просто захотелось попрощаться с друзьями юности, моими мечтами.

Следователь растерянно выслушал все четыре куплета.

Наконец Александр решил «признаться», что он – лейтенант английской разведки. Именно на этом звании настаивал следователь. Глянцеву пришлось сочинить целую легенду-роман.

Если бы я сказал, что являюсь внуком Наполеона III, кроме того, родственником кайзера Вильгельма, то и это, пожалуй, сошло бы: в СМЕРШ очень уж любят приключенческие и детективные романы, шпионские – особенно! И, для большего веса, что-то вроде этого я и преподнес.

И следователь поверил.

Нами установлено, что за время войны ты действительно не был в Советском Союзе, наших граждан не предавал, подрывной деятельностью против нас не занимался. Претензий к тебе не имеем. Но твой опыт нам еще пригодится.

И Глянцева, как «опытного узника» в сентябре 1945 года доставляют в... Бухенвальд!

JEDEM DAS SEINE – «Каждому – своё!»

Это изречение, отлитое чугунными буквами, осталось над воротами, ведущими в бывший «лагерь уничтожения трудом», обернувшимся теперь подсобным хозяйством при СМЕРШ 8-й армии.

Как это получилось? Неужели Бухенвальд и впрямь «стал моей судьбой?» Как случилось, что я, содержавшийся в нём при нацистах, снова в него угодил при советской власти?

Действительно – КАК?

Александр Глянец в громком звании «начальника штаба внутренней администрации спецлагеря №2» стал помощником начальника лагеря капитана

Матускова: интернированный, как все здесь, подконвойный «функционер». Он разместился в знакомой ему комнатухе, где не так давно жил «ЛА-1», староста Эрих Решке. «Спецконтингент» в сентябре составлял около 400 человек. В декабре 1946 года их будет уже 28.000.

Генерал Джордж Паттон, командующий 3-й американской армией, увидев во дворе бухенвальдского крематория штабеля скелетов, обтянутых кожей, ... приказал прогнать через это место всё взрослое население Веймара и окрестных сёл: пусть отныне не утверждают, что-де ничего такого не было! Пусть всё увидят собственными глазами! <...>

Я решил повторить то же. <...>

Ни трупов, ни экспонатов патологии уже не было. А вот в затухших топках крематория все еще оставались горки мелких кальцинированных косточек, а в поддувалах – характерный людской пепел. <...>

Молча проходили через подвал вереницы присмиривших бывших фюреров и ляйтеров, эсэсовцев и генералов. Я стоял сбоку и без единого слова указывал на прах от моих бывших товарищей, на вмурованные в стены крюки-виселицы, на оцинкованный стол, на котором подрезали сухожилия рук и ног, чтобы трупы от жары не корчились ... и этим повысить «производительность» крематория. Я молчал, говорил мой взгляд: «Смотрите, запоминайте! Так было при вашем режиме, выводы делайте сами!».

И лагерь притих. Не столько от увиденного, сколько от шальной мысли, «а если вот так и меня?»

За почти год, проведённый в Бухенвальде, Александру Глянцеву удалось понемногу наладить питание лагерников, создать из бывших «гитлерюгендов» «Шпорт унд Шпиль-группе» (спортивно-игровую), создать отряд «лагерьшутцев» для соблюдения режима и порядка, попасть в бункер-карцер под следствие лагерного особиста Дзуцова, полностью лишившего его еды (по ночам его с риском для жизни кормили ребята из этой группы) и пройти по делу, оформленному на него особистом, суд Военного трибунала в Берлине, который его оправдал. И... вернул в Бухенвальд!¹

В июле 1946 года Александр был доставлен в огромный лагерь под Берлином, где были собраны десятки тысяч бывших советских военнопленных.

Ожидалась международная комиссия-инспекция, но, накануне её приезда, часть из нас – около 500 человек – спешно погрузили в телятники, и нас тут же повезли на восток». <...>

А дальше... дальше всё пойдёт по «кочкам и буеракам» ...

1 Этот капитан Дзуцов обирал прибывавших в лагерь, воровал продукты, а из медпункта – лекарства и спирт.

О своём пребывании в системе советского ГУЛАГа Александр Михайлович пишет крайне скупое. Лишь в мае 1949 года ему вручили на подпись «ознакомлен» ордер на арест!

Только тогда я узнал, что, как оказалось, до тех пор я был «на свободе»! Все эти несколько лет под строжайшим конвоем, когда в любой момент, если «попке» не понравится, можно было ждать пулю в затылок «за попытку к бегству!»... – я был «свободен». Наконец-то я и вправду был «арестован»! По-настоящему!!!

Сидеть безвинно у своих, когда тебя охраняют «попки» с красной звездочкой на фуражках, такой же, как была вшита в козырек Сашиной шапки, когда он появился в Белграде, – страшнее, чудовищнее этого трудно что-то придумать. Об этом пишут все бывшие пленные солдаты Красной армии, прошедшие через лагерь ГУЛАГа.

Во внутренней тюрьме МГБ в Сыктывкаре после допросов и пыток Александр Глянцев предъявляют статью «58-6» – шпионаж.

Через некоторое время я «дошел»: сломлено, ввиду бесполезности, мое упрямство. Я согласен на все: «Пиши, гражданин майор, все, что хочешь! Подпишу все!..» <...>

Раньше, там, когда дрался, я знал, на что и за что иду: они – враги, и я им враг! И всё было правильным: и пытки, и суды, и приговоры... или просто пытки и перспектива уничтожения без суда и приговора, Бухенвальд... Все было правильным, всего этого я был достоин, как злостный враг, от врага и получал по заслугам. А здесь?! Зачем и сколько можно терпеть? Какой смысл? Что и кому, с какой целью доказывать? Кому это нужно? А допросы и пытки тоже варварские. Пропали и все мои зубы. Надоело! Смерть лучше! Это – избавление от никому не нужной жизни. И мне она не нужна. Поскорее бы на покой! Поскорее бы!.. И вот – радость: я наконец в камере смертников! Мы слышали о ней: на седьмые сутки, по конвейеру, вызывают «с вещами» и... навсегда покой. Наконец-то!

Десять мальчишек ехали в купе международного вагона...

1-я «плетнёвская» гимназия, преподаватели, друзья, скауты-разведчики – школа русскости и любви к Родине...

Будь готов, разведчик, к делу честному,
Трудный путь лежит перед тобой!
Глянь же смело в очи неизвестному,
Бодрый телом, мыслью и душой!

– Глянецв! С вещами на выход! .

Москва.

Прекраснейшие, знаменитейшие тюрьмы: Лубянка, Лефортовская и Бутырская-пересыльная. Всё ведь надо познать! На Лубянке, после допросов в основном в Лефортовской со мной беседовала дружная компания симпатичнейших мужей – полковников и генералов. Беседовали, как равный с равным. Я даже расположился в шикарнейшем кожаном кресле. Там все было кожаным и богатым – живут же люди!

После этих бесед в одиночной камере в Бутырке Александра «ознакомили» с приговором Особого Сопровещения при МГБ СССР: статья 7-35, 5 лет. Теперь он не шпион, а просто «социально-опасный элемент – СОЭ».

Я опять в Коми, Железнодорожный район, какой-то Вожаэль, какие-то Ветлосяны... Где-то выше «Воевожнефть», где-то выше «Тяжёлая вода», Воркута, Инта, Минлаг, 501-я стройка... тундра... И кругом вышка на вышке! Кости на костях! Имя нам в ГУЛАГе – миллионы!

5 марта 1953-го – кончина «Усатика». Тут же, в этом месяце, мне – амнистия. Выпустили же лишь через год. <...>

Вместо паспорта – «Вид на жительство», с обязательной, каждые три месяца, регистрацией в милиции по месту прописки – как всем бывшим «зэкам». Естественно, в каждой автобиографии я обязан упоминать о годах в ГУЛАГе. Работа в угольной шахте, вскоре становлюсь бригадиром монтажников, вечерняя школа «рабочей молодежи», аттестат зрелости, и тут же через год сам становлюсь учителем черчения в той же вечерней школе. Все выше и выше: институт, становлюсь учителем технического обучения в десятилетке... Университет... Карабкаюсь и карабкаюсь.

Александр Михайлович заочно оканчивает отделение романско-германской филологии Одесского университета. Работает учителем в Севастополе. Ученики его обожают – за гуманность, обширные знания и за оптимизм. Он обзаводится семьёй, в 1956 году родился сын Михаил.

В 1962 году он повторно получает советское гражданство, в 1973 году – справку о реабилитации. Через 7 лет, в 60-летнем возрасте, выходит на пенсию и позднее переезжает с семьёй в Колпино, под Ленинград. Он годами настойчиво разыскивает друзей по белградской гимназии, из лагерей, из подполья. В конце концов о нём узнают деятели Сопровотивления, занимающие видные общественные посты во Франции. Его навещают, он пишет воспоминания, их переводят на французский

и немецкий язык, публикуют отрывки. После многократных отказов, в 1989 году советские органы всё же выпускают Глянцева А.М. на месяц во Францию.

В 1990 году, в Питере, меня разбудил неожиданный звонок. Сразу в трубке узнал милый голос Ренэ!!! Она жива! Ждёт!

Ее настоящее имя Раймонда. На 71 году жизни, в 1991 году Александр Михайлович покидает сына и жену, при содействии президента Миттерана получает вид на жительство и поселяется у Раймонды, в захолустном, тихом местечке Франции. Материально ему помогают немцы, создавшие Ассоциацию Александра Агафонова. Он объезжает многие города Германии с лекциями и рассказами о пережитом, участвует во встречах бывших узников Бухенвальда.

Первая книга воспоминаний Агафонова (Глянцева) «Записки бойца армии теней» была принята к печати издательством «Современник» и анонсирована на IV квартал 1991 года. Но набор рассыпали. Книгу издали в Германии в 1993 г., под «изящным» названием «Записки заядлого дезертира». Издатели сделали «вольный перевод» и выбросили многие свидетельства о зверствах нацистов, в том числе и о бухенвальдском «музее» коменданта лагеря Ильзы Кох. На полученный гонорар Александр Михайлович купил себе подержанный автомобиль и такой же компьютер, на котором заново набрал текст книги.

Семейная жизнь его, однако, не сложилась, и русские парижане устраивают Александра Михайловича в «Русский дом» в Монморанси. Здесь он пишет второй том своей жизненной эпопеи «Схватка над пропастью», изданный в Петербурге в 2001 году.

Александр Михайлович Глянцев скончался незадолго до своего 80-летия. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Отец Михаил Саввич Г., (? – ок. 1943, Сербия), участник Великой войны и Белого движения. Поручик. Семья Глянцевых была в числе близких друзей Владимира Дмитриевича Плетнёва. (Именно по его совету и с его помощью были поданы документы для вызова сына Александра из СССР). Во время Второй мировой войны воевал в коммунистическом партизанском отряде. Будучи тяжело раненным, застрелился.

Мать Мария Анатольевна Г., (ур. Агафонова; ок. 1898 – 28.07.1973, Нью-Йорк). Агроном. Прошла через концлагерь в Линце (Австрия). Позднее в США. Во втором браке (с 1944 г.) графиня Ланская.

Сын Михаил, (род. 1956, Севастополь).

МЕЙЕНДОРФ фон Елена (Алёнушка) Николаевна, баронесса, 02/15.04.1924, Панчево – 05.03.2014, Зальцбург.

Художница. Общественный деятель, меценат.

Выпуск женской гимназии 1941 года.

Елена Николаевна принадлежала к обширному роду баронов Мейендорфов. Отец, выдающийся художник-мозаичист и иконописец, был приглашён Королем Александром I Карагеоргиевичем на работу в Белград придворным художником. Об этом факте из жизни семьи она позднее записала:

Во время обучения сербского престолонаследника в Петербурге Государь Николай II попросил моего дедушку, генерал-адъютанта Богдана Егоровича Мейендорфа, время от времени приглашать этого сербского принца к нам на Васильевский остров. Там, на Первой линии, у нас был свой дворец, в котором жила семья – дедушка, бабушка и тринадцать детей. И для молодого престолонаследника в нашей семье был хороший выбор, найти себе друга. Он остановил его на моём будущем папочке, который был рождён в том же году, что и принц Александр. Они были однолетки – 1888 года. В 1927 году Король Александр ответил благодарностью на письмо друга своей юности: «Прежде я был Вашим гостем, а теперь Вы [будете] моим». Так Николай Мейендорф стал дворцовым художником у Короля Александра.¹

Обучаясь в гимназии, Алёна представила на историческом семинаре доклад «О Чарторыйском».

После получения аттестата зрелости она уехала в Вену, где начала занятия на медицинском факультете, но в 1942 году вернулась к родителям в оккупированный Белград.

Когда в 1943 году вновь открылся Белградский университет, Елена Мейендорф записалась на медицинский факультет на 1-й семестр 1943/44 учебного года. Но получить высшее образование ей не удалось, поскольку в 1945 году она вновь уехала в Вену и устроилась на работу к барону Кристи, министру культуры и религии Румынского правительства.

Елена Николаевна считала Югославию своей второй родиной, любила её не менее горячо, чем Россию. В конце 1940-х – начале 1950-х годов она деятельно помогала многим сербским семьям, бежавшим из Югославии от новых коммунистических порядков.

Православие всегда играло особую роль в жизни Елены Николаевны. Обсуждавшись с родителями в Зальцбурге, многие годы она состояла регентом хора

¹ Студнева Е. Барон-иконописец // Международная жизнь. Москва. 02.09.2014.(интернет издание).

в новом русском храме Покрова Пресвятой Богородицы. Владела собственной экспортно-импортной фирмой. Занималась благотворительностью и меценатством.

С 1965 года Елена работала подмастерьем у своего отца, вместе с ним создавала мозаичные композиции для православного храма-памятника Царя-Мученика Николая II в Брюсселе, и для других храмов в Европе. После кончины отца окончила самостоятельно роспись иконостаса русского храма Св. Троицы в Бостоне.

Приёмная дочь Елены Николаевны Светлана Литвиненко, вспоминает, что она была чудесным рассказчиком: «Мало того, что её русский язык казался великолепным живым слепком с классической речевой культуры XIX века – он был к тому же ярко расцвечен прекрасным индивидуальным чувством юмора и бесподобным артистическим талантом. Благодаря этому семейные истории из жизни Алёнушки, бытовавшие в форме бытовых миниатюр, неизгладимо врезались в мою память».¹ Мы с удовольствием приводим одну из них.

СЯБУНЯ – ПЕВИЦА.²

Много лет я руководила церковным хором. Репетиции проходили у нас дома. Надо сказать, что никто из моих первых певцов тогда нот не знал. И каждое произведение с ними приходилось учить наизусть со слуха. Получалось это у нас, доложу вам, трудновато. Бывало, что и на сотый раз голоса в хоре разбредались кто куда: кто в лес, кто по дрова. Творился просто ужас. Настроение у всех портилось. И тогда я звала на помощь Сябушку. У Сябушки и слух, и голос были отличные.

– Сяба!

Сябушка немедленно появлялась и с готовностью садилась возле пианино. Я давала тон и говорила:

– Ну, Сябушка, пой!

Ушки у Сябки заострялись. Она внимательно прислушивалась к ноте. Потом голова медленно поднималась, шея вытягивалась, горло напрягалось. Губы складывались в дудочку. Сяба ухватывала ими звук фортепьяно. И запевала. Да как!

Это был не вой! Воем назвать это было ну никак нельзя. Это было настоящее пение. Хоть и чуть-чуть по-собачьи, но Сябушка пела. И пела абсолютно точно!

Когда Сябушка исполняла своё соло, то забывала обо всём. Она отдавалась музыке целиком. Вытягивалась в струнку. Пела всем своим телом до кончика хвоста. И не просто повторяла один звук, а выпевала мелодию! Это было гениально!

Я поворачивалась к хору. И в торжественной тишине произносила:

– Вот так нужно петь! Учитесь у Сябушки, господа!

Все начинали смеяться. Плохого настроения как ни бывало. И мы с новыми силами, весело и дружно опять принимались за работу.

1 <http://russianvienna.com/sootechestvenniki-v-avstrii/4177-rasskazy-dlya-malenkikh>

2 Сяба – собака-далматинка, жившая в доме.

В 1988 году Елена Николаевна впервые посетила родственников в России. Не будучи никогда замужем и не имея собственных детей, она бесконечно любила детский возраст, и, общаясь с детьми, сама становилась по-детски задорной и смеющейся. За счет спонсоров и благотворительных организаций Зальцбурга, начиная с 1991 г., она ежегодно устраивала летний отдых для детей из России (из школ Челябинска и Южно-Уральска). В 2003 году основала Центр русской культуры в Зальцбурге, где с 1-го марта 2013 года начались занятия в Русской школе, основанной по гранту «Русского мира» (Москва). Сотрудничала с Фондом Андрея Боголюбского. Кавалер Ордена Императрицы Екатерины II.

Из некролога в журнале «Международная жизнь»:

В госпитале Зальцбурга 5 марта ушла из жизни Елена Николаевна баронесса фон Мейендорф. Она не угадала, она даже не болела, просто организм не перенёс послеоперационную реабилитацию. Операций было две, обе срочные, от третьей пришлось отказаться. Но каждый раз, готовясь к очередной медицинской процедуре, Елена Николаевна говорила врачам и медсестрам о своем неодолимом желании жить, выздороветь. «Ведь мне надо ещё столько сделать!» – уверяла она. И это в 90 лет! Своим неиссякаемым оптимизмом Елена Николаевна завораживала людей с первой минуты общения. А круг ее друзей и знакомых – близких и не очень – был чрезвычайно широк. К ней в Зальцбург приезжали люди из многих стран и континентов. Она вела обширную деловую и личную переписку, казалось, что она на связи со всем миром. Недаром в тяжёлые для неё минуты, когда поток писем поддержки в госпиталь на её имя и молитвы о здравии были особенно горячи, приёмная дочь Елены Николаевны Светлана воскликнула: «Кажется, весь мир молится за Алёнушку!» Для знавших и любивших Елену Николаевну это не кажется сверхъестественным. Бог одарил её прекрасным обликом – лучистые глаза и в 90 лет оставались ярко-голубыми, улыбка по девичьи мягкой и открытой, а искренний смех и чистые слёзы обнажали душу нежную, чуткую, безбрежно любящую и этот мир, и эту землю, и людей. Каждый свой день Елена Николаевна начинала и заканчивала благодарностью Богу за всё. За то, что родилась на этот свет, за свою почтенную родословную, начинавшуюся в 14-ом веке у балтийских берегов Рижского взморья, за свою историческую родину – Россию, за «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» – это тургеневское стихотворение могла слушать в любое время при любых обстоятельствах; за православную веру, за причастность к великой русской культуре и Русскому миру.¹

Отец Николай Феофилович (Богданович) фон М., (1887, Вильно, ныне Вильнюс, Литва, по другим источникам 1888, Санкт-Петербург – 17.03.1969, Зальцбург),

1 Елена Николаевна Мейендорф... – истинный народный дипломат // Международная жизнь. (Москва). 06.03.2014.(интернет издание).

барон. Полковник л.-гв. Конной артиллерии, участник Великой войны и Белого движения. Член Общества офицеров-артиллеристов. Служил в Русском Корпусе.

В эмиграции окончил Академию художеств в Париже. Живописец-мозаичист, иконописец. Расписал интерьеры около 35-ти православных храмов и создал около сорока иконостасов в Югославии, Германии, Австрии, США.

Мать Нина Александровна М., (ур. Асеева; 18.08.1896 – 13.08.1971, Зальцбург).

ТОЛСТОЙ Никита Ильич, 15.04.1923, Вршац, Сербия – 27.06.1996, Москва.

Выдающийся славист и фольклорист, основатель советской этнолингвистики. Академик АН СССР и ряда иностранных академий наук.

21-й выпуск 1941 года.

Об этом учёном с мировым именем коротко и ёмко написала Светлана Михайловна Толстая, супруга и многолетний научный сотрудник Никиты Ильича:

Его отец Илья Ильич Толстой (1897–1970) – внук Льва Николаевича Толстого, белый офицер, окончивший Морской корпус в Петербурге, участник Гражданской войны – после разгрома Белой армии попал в Харбин, затем завербовался матросом на итальянское судно и так перебрался в Европу, где разыскал свою семью – мать, жену, брата и сестру, эмигрировавших из России. Когда Никита Ильич окончил начальную школу во Вршаце¹, семья переехала в Белград, и он поступил в русско-сербскую гимназию, где преподавание велось по программам дореволюционных классических гимназий.²

Вечер. . . Завывает вьюга за окном,
Я сижу у печки за большим столом.
И читаю книгу о богатырях,
О великой славе и былых боях.

Как молодой Добрынюшка змея победил,
Забаву Путятичну он освободил.
Про Илью про Муромца тоже я читал,
Соловья-Разбойника князю он достал.

Как Владимир-Солнышко Русью управлял,
Как любил веселье он – вечно пировал. . .
Вьюга всё сильнее, на дворе мороз. . .
В Вифлееме ночью родился Христос.

Это стихотворение ученика 3-го класса гимназии Никиты Толстого, было опубликовано в белградском ежемесячном журнале для русского юношества «Дружинник». Осмеливаемся считать его первой публикацией будущего учёного.

Обучаясь в гимназии, Никита прочел несколько докладов на литературных семинарах: Миросозерцание И.С. Тургенева в последние годы его жизни по «Сти-

1 Н.И. Толстой в Вршаце окончил всего три класса сербской начальной школы, а в Белграде поступил в 4-й класс Русской начальной школы (*прим. составителей*).

2 Толстая С.М. Никита Ильич Толстой (1923–1996) – гимназист – солдат – академик // Сборник материалов международной конференции «Русская эмиграция в борьбе с фашизмом». Москва: изд. «Русский путь», 2015.С. 272.

хотворению в прозе» и Исторические взгляды Л.Н. Толстого (по роману «Война и мир»).

В одном из своих интервью (за год до своей кончины) Никита Ильич вспоминал о своих годах учения в Белграде:

В центре Белграда на эмигрантские гроши, но с помощью всё-таки югославского правительства был построен большой многоэтажный дом, который официально назывался Русский дом памяти Государя Императора Николая Второго. Но мы все его просто называли Русским домом. Он до сих пор стоит. Перед ним березки росли – единственное место в Белграде, где росли березки. Там была замечательная библиотека. <...>

Вот у меня есть случайно книга, которую я держал в руках, будучи гимназистом. Евроазиатская книга как раз, я очень увлекался евроазиатством тогда.

В общем что-то от старой гимназии было, когда мы созревали. Конечно, мы были очень ещё молоды и глупы, но чувствовали себя взрослыми и умными. Я как раз не чувствовал себя умным.

Были такие мелкие, невинные, как я сейчас понимаю, грешки. Перед началом занятий и когда кончались занятия, мы читали молитву. У нас в углу висела икона, хорошая русская икона. ... И когда дежурный читал молитву, то все русские наши учителя, и сербы некоторые, православные, поворачивались лицом к иконе и крестились тоже. А был у нас один серб, который при этом оставался за кафедрой и лицом к нам, не поворачивался к иконе и не крестился. И он меня слегка бесил. Думаю – серб, православный и так себя ведёт. И я решил ему отомстить, то есть не отомстить, а... Когда я был дежурный, и когда мне нужно было прочесть молитву, я вышел вперёд как полагается, стою перед ним, перекрестился и прочёл: «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда, хлопотливо не свивает долговечного гнезда. ...» ну, как молитву, таким молитвенным тоном. Потом я кончил, он чувствует, что что-то не то, и говорит: «Ел готово?», т. е. готово ли, кончил ли? Я говорю: «Готово». Он повернулся и вышел, я тоже. И тут я думаю: «Вот мне всыпят за это дело, что я наделал!» Проходит день, проходит неделя – ничего. А у нас ещё латынь была. Это уж через год, чуть ли не в седьмом классе. Директор читал латынь. И там это «консекую темпорум» и надо, значит, эти тексты, там Овидия или Цицерона, переводить и грамматически [разбирать], и я стою перед классом, это так мы всегда отвечали, перед директором, и путаюсь в согласовании времён. А директор так лысину свою почёсывает и говорит: «Да-да, это тебе не 'птичка божия!» Вот таким образом я узнал, что директор всё знал, но решил меня пощадить. Но это для меня самого тоже было неожиданно, я таких штук не выкидывал, я вообще не любил хулиганить в классе.

Я очень любил поэзию, и память у меня была хорошая. Но вот это всё было в библиотеке, в нашем распоряжении. Отдельно была гимназическая библиотека, великолепная библиотека. Такой там был Борис Александрович Велихов, её вел, сам хороший математик и педагог. Он нас очень любил и нам помогал, когда

нам было трудно по алгебре, по математике, и он нам всегда и задачи решит, и придумает такие четверостишия, чтобы легче запомнить. <...>

Мы ходили на выставки. Это было бесплатно, почти всюду. Я был завязанный театрал. <...>

Наша гимназия была классической, но за усечением греческого, о чём я очень сожалею, но она имела ещё всё-таки некоторую модификацию, она имела высшую математику (анализ бесконечно малых, аналитическую геометрию), потому что в основном хлеб насущный русские эмигранты имели, когда они шли не на гуманитарные факультеты. И я не успел поступить в университет, война началась с неожиданной и жесточайшей бомбардировки 6 апреля; через 12 дней она кончилась. В мае я закончил гимназию, уже когда немцы оккупировали Белград. Но всё было тихо, партизанское движение началось после нападения на Россию.

Я помню экзамен на аттестат зрелости, и в особенности мне запомнились темы наших сочинений. Мы должны были писать по математике очень сложные решения задач, а по-сербски мы должны были написать сочинение, которое было озаглавлено «Рат и мир. Размишљања», т. е. «Война и мир. Размышления». А по-русски была такая тема: «Эпоха смут была всегда великим уроком для русской земли. В подобные эпохи народ готовит себя для дальнейшей плодотворной государственной деятельности» (Владимир Соловьёв). В те годы мне было 17 лет.

Я принадлежал уже к поколению сыновей, а не отцов, мы были очень настроены так не революционно, но всё-таки решительно. Думаю, что это почти последнее поколение было вообще в русской интеллигенции, где очень чётко ощущалось «отцы и дети». Я тут [в России] не вижу этого, это как бы литературное понятие, а в эмиграции это очень чётко. Винили наших отцов, даже доблестных офицеров или учёных, что мы родились русскими, мы чувствуем себя русскими, но мы лишены России, что это вина наших отцов. Мы жадно всматривались во всё, что здесь происходило, всё, что долетало до эмиграции. Мы понимали, что Россия не умерла, а большинство эмиграции заявляло, что Россия кончилась в 17-м или 18-м, что уже нет России, есть Совдепия. Вот, эта терминология сейчас тоже в моде, мы не принимали этой старо эмигрантской, как мы говорили, терминологии. Вот такое поколение отцов и детей там очень ощущалось. Мы сами входили в жизнь.

Вообще, такие «красные» настроения были очень сильны не только в Европе, но на Балканах в особенности. Кроме того, и тогда уже было ясно, что те красные, которые были сербы, они были не столько красные, как наши большевики, сколько люди, которые ориентировались все-таки на Россию. Интеллигенция там была очень такая красноватая.¹

¹ Из воспоминаний Н.И. Толстого (расшифровка радиопередачи Е.В. Дуловой на «Радио России» от 19 февраля и 5 марта 1995 г.) // Живая старина. (Москва). № 2 (14), 1997. С. 22–23.

Светлана Михайловна Толстая:

Аттестат зрелости Никита Ильич получил, когда немцы уже оккупировали Югославию. О продолжении образования не могло быть и речи. Сначала Никите Ильичу пришлось быть чернорабочим на разборке разрушенных белградских домов, потом чинить вместе с отцом обувь, делать на продажу из папье-маше кукол и игрушечную мебель и т. п.

Позже, когда в Белграде уже трудно было прокормиться, он уехал вместе с родителями в городок Новый Бечей в Воеводине, где жила семья его дяди. Там Никита Ильич связался с сербскими партизанами; сначала это были отдельные разрозненные группы, совершавшие нападения на немцев, а потом образовался регулярный партизанский отряд, который в октябре 1944 г. встретил Красную армию и оказал ей активную помощь. Толстые и другие русские эмигранты помогали чем могли: женщины устроили госпиталь и ухаживали за ранеными, мужчины служили переводчиками и проводниками, помогали наладить связи с местным населением. Там Никита Ильич вступил добровольцем в Красную армию, участвовал в форсировании Тисы, в тяжёлых боях под Будапештом и Веной. Победа застала его в Австрии, севернее Вены. Когда началась демобилизация, его, как не имеющего советского гражданства, не демобилизовали, как других бойцов, а просто отпустили.¹

Светлана Михайловна приводит в статье несколько писем с фронта 22-летнего Никиты Ильича, адресованных его тётушке Анне Ильиничне в Москву. Вот выдержка из письма от 24 марта 1945 года из Венгрии:

Не знаю почему, но здесь, на фронте, особенно сильно чувствуется природа и жизнь. Никто никогда не думает о смерти, чувство жизни и желание жизни побеждает всё. Даже смерть покоряется этому чувству – этим и силён человек.

Сколько раз я читал письма от родных моих погибших товарищей: все они пишут о встрече, о радости этого дня, о том, что ждут, ждут здорового и невредимого. А этого человека уже нет, знаешь, что лежит в земле, похоронил сам – своими руками. И насколько проста и величественна солдатская смерть. Опять вспоминаешь Блока:

Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и прост...²

Такая смерть и мне не страшна, впрочем, я никогда не боялся смерти. Хотя я также думаю о жизни, о жизни счастливой, творческой. Если останусь живой, то

1 Толстая С.М., указ. статья. С. 272–273.

2 Из стихотворения, посвященного Г. Чулкову «Не строй жилищ у речных излучин... (1905). (Примечание С.М. Толстой).

за это время моего пребывания на фронте накопится немало жизненной энергии для будущего.¹

Светлана Михайловна Толстая:

В 1945 г. семьи братьев Толстых – Ильи Ильича и Владимира Ильича – получили разрешение вернуться на родину. В 1945 г. Никита Ильич поступил на филологический факультет Московского государственного университета, который окончил в 1950 г. по специальности «Болгарский язык и болгарская литература». После окончания аспирантуры МГУ в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1972 г. – докторскую. С 1954 г. и всю жизнь Никита Ильич работал в Институте славяноведения РАН. Начиная с 1968 г. преподавал также на филологическом факультете МГУ.

Научная деятельность Н.И. Толстого была чрезвычайно разнообразной и насыщенной. Он занимался многими областями и проблемами славистики – диалектологией, сравнительной грамматикой, древней славянской письменностью, фольклором, мифологией, историей славистики. Во всех этих занятиях он оставался прежде всего исследователем славянской духовной культуры, этнической и этнокультурной истории славян. Он ездил в экспедиции, читал лекции, руководил аспирантами и дипломниками, редактировал журналы («Вопросы языкознания» и «Живая старина») и другие научные издания, заседал в Президиуме Академии наук и в бесчисленных научных и учёных советах. Остались десятки, если не сотни, его учеников – в разных городах и странах, доктора и кандидаты наук, профессора и преподаватели, и просто друзья, коллеги и ученики, сохраняющие о нём благодарную память и продолжающие его дело.

В 1964 году, спустя двадцать лет, Никита Ильич приехал – вернулся! – в Белград в составе делегации советских филологов. Член этой делегации, Б.Н. Путилов, вспоминал:

Мы видели, с каким душевным волнением он ходил по родному городу, заново узнавая места своей юности и рассказывая нам о них. Больше всего меня поразил его сербский: удивительно музыкальный, ясный, какой-то по-особому лёгкий; сербы и сами обращали на него внимание – они уже отчасти растеряли эту певучесть, эти старые интонации. . .

Родители Н.И. сумели сохранить в отдалении от России и русский язык, и частицы своего московского быта, и традиции русской культуры. Когда я впервые, где-то в начале 50-й годов познакомился с Н.И., тогда аспирантом МГУ, меня привлекла его русская речь, тоже выделявшаяся на фоне общей речевой стихии,

1 Толстая С.М., указ. статья. С. 285– 286.

в том числе и московской. Но я был просто покорён, услышав его отца; я подумал тогда: должно быть, так говорили в доме его великого деда.¹

В тот приезд Н.И. Толстого в Белград, в сентябре 1964 года, после его доклада о лингвистических трудах Вука Стефановича Караджича, первым, кто подошел поздравить учёного из Москвы был профессор Белградского университета, доктор Радомир Алексич, ранее гимназический преподаватель сербскохорватского языка. Никита Ильич не скрывал свою радость от этой встречи и заявил, что за всё добро, которое он приобрёл, обучаясь в гимназии, он обязан этому преподавателю. А сам профессор Алексич подчеркнул, что этот его ученик отличался исключительным интеллектом и дарованиями: «Такого ученика, каким он был, я не встречал».

Однако, имея возможность заглянуть в гимназический аттестат зрелости Никиты Ильича, нам, в шутку, хочется спросить у профессора: «А почему тогда этот его ученик по сербскохорватскому языку оценен не высшей отметкой, а лишь четвёркой?!».

На всю жизнь Никита Ильич сохранил любовь к Сербии и сербскому народу. Учёный неоднократно заявлял: «Я человек с двумя родинami. Моя *родина* – Сербия, а *отечество* – Россия». Помимо членства во многих европейских академиях наук, удостоившись звания профессора *Honoris causa* ряда университетов, состоя председателем правления международного Фонда славянской письменности и славянских культур, Никита Ильич гордился тем, что является почётным членом Славистического общества Сербии, членом Союза писателей Сербии и Матицы сербской. Переводы его трудов публиковались в Белграде, Нови Саде, Нише.

В годы начавшейся в СССР «горбачёвской перестройки» Никита Ильич внимательно следит за происходящим, задумываясь порой и о своем посильном участии в обновлении страны.

Современная Россия, и особенно Москва, сейчас очень интересуются русской эмиграцией. Выходят книги Шульгина, будут издаваться мемуары Деникина, Слащёва, Врангеля. Многие (почти все) поняли сейчас, что это все единая Россия – трагическая, страждущая, неумираемая и неистребимая. Увы, я довольно далёк от этого, ибо последние годы моей жизни приходится отдавать 20-ти томному изданию славянских народных верований и образов и 100-томному изданию полного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, изданию некоторых своих маловразумительных сочинений...²

1 Путилов Б.Н. Никита Ильич Толстой // Живая старина. № 2 (14), 1997. С. 6.

2 Из письма Н.И. Толстого к А. Арсеньеву от 27.08.1989.

Крушение Советского Союза в декабре 1991 года явилось для него событием неожиданным и, скорее, трагическим.

И хотя события не обещают ничего лучшего, а только худшее, я верю, что пришла пора преобразования России и что страдания закончатся подлинным воскресением, вернее Воскресением. Поэтому я и мои близкие, и друзья много работаем и стараемся что-то сделать, и что-то получается. Так, я задумал возродить старый журнал, издававшийся в Петербурге – «Живая старина». Теперь он будет московским и станет выходить два раза в год. Ещё мы закончили авторскую работу со «Словарём славянских народных древностей» и теперь хлопочем об его издании. Одним словом, дел немало.¹

О нашей московской и русской жизни писать трудно. Всё быстро меняется, бурлит, вокруг пожары. Ползучая революция. Приходится всеми силами сохранять то, что есть и соблюдать выдержку и хотя бы внешнее спокойствие. В Евангелии от Матфея говорится: «Претерпевый же до конца спасется!» Будем надеяться на это. Это нужно нам и нашей стране.²

Светлана Михайловна Толстая:

Никита Ильич был членом многих академий и научных обществ: действительным членом и членом Президиума Российской академии наук, иностранным членом Австрийской, Сербской, Македонской, Словенской, Югославянской, Белорусской, Европейской, Польской академий наук (и искусств), почётным доктором Люблинского университета, профессором Московского университета. В 2013 г. в России, Сербии, Австрии прошли славистические конференции памяти Н.И. Толстого, организованные его учениками и последователями.

Н.И. Толстой похоронен в семейном толстовском некрополе, рядом со своими родителями, недалеко от Ясной Поляны.³

Ежи Бартминьский, профессор Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской:

Он был для нас примером Человека, гуманиста и учёного. Мы черпали вдохновение в его научных идеях, штудировав русские работы и переводя на польский язык его блестящие исследования о языке и культуре. Нас восхищала его преданность науке и идее поиска правды о человеке. Он был для нас больше, чем просто учёный, редактор, профессор и автор новаторских работ. Он был учителем жизни. Он умел соединить поиск истины со служением ей. Для нас он всегда был великим гражданином России, воспитанным в христианской культуре

1 Из письма Н.И. Толстого к А. Арсеньеву от 16.07.1992.

2 Из письма Н.И. Толстого к А. Арсеньеву от октября 1992 г.

3 Толстая С.М., указ. статья. С. 273.

своего народа. Его сердце и его глаза были открыты людям другой культуры, другой национальности, другой веры.¹

В 2000 году Почта России выпустила почтовую марку с портретом Н.И. Толстого, в серии 12-ти выдающихся российских ученых.

В 2004 году мэрия сербского Вршаца, родного города академика Никиты Толстого, присвоила его имя одной из городских улиц.

Отец Илья Ильич Т., (16.12.1897, селцо Гриневка, Чернского уезда Тульской губ. – 07.04.1970, Подмосковье), филолог в области сербского языка и литературы, лексикограф, кандидат педагогических наук, доцент МГУ. В эмиграции менял профессии и занимался общественной деятельностью. Состоял членом Союза русских писателей и журналистов в Белграде, участвовал в создании югославского образовательного кино, был сотрудником белградских газет и газеты Союза младороссов «Русское дело». По возвращении на родину занимался филологией. Преподавал сербский язык в МГУ. В сербскую культуру и русско-сербские отношения внёс вещественный вклад – составил известный «Сербскохорватско-русский словарь» (54 тыс. слов), опубликованный в 1957 г., первый словарь такого внушительного объёма.

Мать Ольга Михайловна Т., (урожд. Лопатина; 19.10.1898 – 05.02.1987, Москва), домохозяйка.

Жена Светлана Михайловна Т., (урожд. Шур; 14.12.1938, Москва), этнолингвист, филолог-славист. Доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, иностранный член (академик) Сербской Академии наук и искусств (2000), академик РАН (2016).

Дочери:

Марфа, (род. 15.10.1965, Москва), лингвист, специалист в области славянской диалектологии, лексикографии и полевой лингвистики. Сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН (с 1995 г.);

Анна, (род. 27.02.1971, Москва), по образованию – филолог-славист. Актриса, телеведущая (известная как Фёкла Толстая). Преподаватель Института телевидения и радиовещания «Останкино».

¹ Бартминьский Е. О словаре «Славянские древности» // Живая старина. № 2 (14), 1997. С. 61.

ТРУШНОВИЧ Ярослав Александрович, 03/16.04.1922, Эссенуки, СССР – 09.08.2012, Франкфурт-на-Майне.

Видный деятель Национально-трудового Союза (НТС). Художник-график.

22-й выпуск 1942 г.

История жизни этого гимназиста, равно как и история его семьи, уникальна. Судьба его начала складываться, если так можно выразиться, ещё до его рождения. Ярослав – дитя смешанного брака, словенец по отцу, русский по матери.

Отец Ярослава, Рудольф Рудольфович родился на территории Австро-Венгерской империи, в г. Адельсберг, ныне это г. Постойна в Словении в 40 километрах от Триеста. Позднее при крещении в православие он примет имя Александр.

Выстрелом Гаврилы Принципа, убившего 28 июня 1914 года в боснийском городе Сараево австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, началась Первая мировая или Великая война. Террористическая организация «Млада Босна», в которой он состоял, выступала за объединение всех южнославянских народов в одно независимое государство.

1 августа 1914 года Германия объявила войну России.

Мы, группа студентов, собрались вблизи Триеста на высоком скалистом берегу Адриатического моря. <...>

Все мы 8 августа получили от воинского начальника направления в австрийскую армию. Был полдень, спокойное море сияло в лучах солнца. <...>

Мы обсудили положение и решили всеми силами постараться попасть на фронт, чтобы там перейти к русским и вместе с Русской армией сражаться против нашего общего врага. Как студенты, мы могли записаться вольноопределяющимися в полки по своему выбору. Я записался в 47-й пехотный полк, в мирное время стоявший в Горице. Меня, студента-медика Венского университета, хотели зачислить в тыловую санитарную часть. Многие давали взятки, чтобы туда попасть. Я дал взятку, чтобы попасть не туда, а на фронт.¹

Что знали о жизни и смерти эти славные юноши, певшие, обнявшись, гимн «Гей, славяне!» в солнечный день на скалистом берегу южного моря? Возможно из них только студент-медик Рудольф Трушнович в свои двадцать лет видел мёртвых людей в университетской прозекторской.

Он попал на фронт... Дни, каждый из которых мог стать для него последним, то стремительно, то тоскливо медленно складывались в недели, месяцы – в годы. Щёлк, щёлк, как костяшки на счётках. Его война растянулась на всю его жизнь.

¹ Здесь и далее приведены выдержки из книги: *Трушнович А. Воспоминания корниловца 1914–1934. Москва-Франкфурт: «Посев», 2004. – 334 с.*

1914 – 1915, Галицийский фронт; Рудольф – словенский офицер в серой форме австрийской армии. 15 июня 1915 года ему удается перебежать к русским. До самой зимы пленных и перебежчиков перевозят из одного лагеря в другой. 18 декабря 1915 года в лагере в городке Бирюч, что в Воронежской губернии, он получает предписание:

«... по Высочайшему повелению освобождается из плена и направляется в распоряжение Одесского военного округа для поступления в Сербский добровольческий отряд».

За два-три месяца в Одессе собралось до 12.000 добровольцев. В мае 1916-го на городском «Стрелковом поле» император Николай II принимал парад экспедиционного корпуса.

Сегодня можно говорить и думать о русском царе и вообще о монархии разное. Но я пишу о том, что мы чувствовали тогда, и никто не вырвет это из наших сердец. Мы восприняли тогда русского царя как символ великого братства наших народов, как символ братской империи. И только в тот миг мы до конца осознали величие начатого нами дела.

«Величие» обернулось месяцем непрерывных кровавых боев с болгарами и австрийцами среди кукурузных полей и холмов Добруджи, после которых от дивизии в 16.000 штыков в строю остались две тысячи человек. Рота подпоручика Рудольфа Трушновича сохранила едва ли треть своего состава, а сам он с тремя ранениями оказался в госпитале в Екатеринославе. Здесь его застаёт и награда, орден Св. Анны, и известие об отречении Государя. Это уже март 1917-го.

Далее начинаются его скитания-метания по России: май 1917-го – Могилёв, отряд Л.Г. Корнилова вместе с чехами; здесь же генерал М.В. Алексеев и будущий президент Чехословакии Томаш Масарик; развал фронта; выезд на юг...

Волынь. Старые хаты. Поздняя осень. Непролазная грязь. Самогон в каждой хате. Серые потоки бегущих с фронта с матерной руганью несутся мимо, прихватывая с собой то единицы, то группы из наших. Наши части разлагаются.

В конце концов солдаты разбрелись, кучка офицеров осталась. Что он, словенец, делает здесь? Зачем он здесь, в стране, которую он пришёл защищать, и вот – его братья, русская армия, обратившись в дикие толпы, разбегается по домам? Не пришла ли пора и ему возвращаться?

В октябре 1917 года известие о большевистском перевороте в Петрограде дало ответы на все вопросы: он нужен здесь. Рудольф едет на Дон, где находятся знавшие его генералы Алексеев и Корнилов, создатели Добровольческой армии.

Январь 1918 года. По личному поручению генералов Трушнович едет в Киев для встречи с Т. Масариком. Но чехи отказывают в помощи и официально заявляют, что они «не будут вмешиваться во внутренние дела России».

Вернувшись на Дон, он становится командиром пулемётного взвода в 3-м Корниловском полку. Бои, бои, бои.

Три радостных события случились в его жизни в мрачные годы гражданской войны.

28 июля 1918 года в Свято-Троицком храме в Новочеркасске он обвенчался с сестрой милосердия Екатеринославского госпиталя Зинаидой Казакевич.

1 декабря 1918 года части территорий развалившейся Австро-Венгрии и Королевство Черногория объединились с Королевством Сербия в новое государство – Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Я долго всматривался в строки короткого телеграфного сообщения и, пряча слёзы, укрылся с головой одеялом.

Настоящим же подарком судьбы после тяжёлого ранения и сыпного тифа стала его поездка с женой на родину, в 1919 году. От Любляны им оставалось три часа до дома, но оказалось, что его родные места, Горица и Триест, теперь находятся на территории Италии. Преодолев все бюрократические препоны, они добрались туда и... Рудольфа сразу же арестовали. Только через месяц итальянским друзьям удалось добиться его освобождения, но с родными Рудольф пробыл всего две недели. Успел ли он сводить Зину на тот высокий скалистый берег Адриатического моря – Бог весть...

У нас с женой появилось новое чувство – тоска по России, и мы решили поспешить с отъездом. <...>

Нас влёт туда не только долг, по России затосковали наши души.

И они вернулись.

Любая гражданская война отвратительна. Она истощает нацию подобно тому, как ливневые потоки выносят из почвы гумус. Даже сейчас, почти через сто лет, упакованное в рассказы и повести, в мемуары и энциклопедии, с их атласными картами с красными и синими стрелами и чёрными линиями фронтов, которых на самом деле не было, это остервенелое избиение русскими русских производит чудовищное впечатление.

Рудольф Трушнович вместе с женой прошёл скорбный путь с Добровольческой армией до 20-го марта 1920 года, когда возле кубанской станицы Елизаветинской наступил конец. Их полк, оставленный прикрывать отходящие части, был

обречён на уничтожение. К тому же у Рудольфа был тяжёлый приступ возвратного тифа.

Серая, тяжёлая печаль когтями въелась в грудь: вся невероятно трудная жизнь последних трёх лет, все лучезарные надежды и упования, все лишения, все молодые жертвы, освящённые тысячами могил, – всё в тупике... Серой, страшной стеной стоял этот тупик передо мною. Мысли свербили мозг до боли. Душа как бы оторвалась от тела и поплыла над Елизаветинской, над Доном, над всей Родиной. Страх исчез совершенно. За станицей шёл бой, где-то отчаянно кричали, с грохотом катилась с обрыва пушка – меня всё это уже не касалось.

Мысли уперлись в тупик. Что дальше? Что делать? Почему случилось так? Что же думает русский народ, русский крестьянин? Здесь уже всё ясно: новых песен не споём. Но Россия всё-таки остаётся там. За них же, за тех, кто нас гонит, мы отдавали свои жизни, лучшие дни своих молодых жизней. Но они нас не приняли. Так где правда? В чём правда?

А ведь исчерпывающий ответ он уже получил в одном селе под Обоянью: «Кабы землю дали крестьянину, да кабы не грабили!»

Остатки разгромленного полка отступили в кубанские плавни, Трушновичи остались в станице и были взяты в плен. Господь сохранил их для продолжения жизни.

Осенью они попытались выбраться из советской России примерно в тех же местах, где Рудольф воевал четыре года назад: сразу после захода солнца местный рыбак перевёз четырёх беглецов через Днестр на румынскую сторону. А через два дня начальник румынских пограничников приказал выставить их всех обратно, объяснив, что румынская граница закрыта для русских. Тот же рыбак их и перевёз, высадив в камышах между красными заставами. Ловушка захлопнулась...

Надежды получить разрешение на отъезд в Королевство СХС оказались напрасны, и в конце концов Рудольф и Зина обосновались в Ростове. Он достал «чистые» документы, отпустил бороду.

Осенью 1921 года город захлестнул поток голодающих.

Степень несчастья, постигшего русский народ, можно было увидеть, не выходя из дома. На противоположной стороне улицы стояла церковь Святой Троицы, и к её ограде ежедневно приходили голодающие крестьяне, зачастую целыми семьями. У ограды они опускались на землю, не в силах протянуть руку за милостыней. И большинство уже не вставало.

Настала зима. Весь их дневной рацион состоял из куска жмыха, который они запивали водой с сахарином. Работы не было.

В центре города стояло засыпанное снегом сгоревшее здание, на уцелевших балках которого висели покоробившиеся железные кровати. Там был лазарет, в котором при отступлении белых осталось 60 офицеров. Большевики подожгли здание, а выползавших из огня закалывали штыками. В 1922 году эти почерневшие стены ещё стояли.

Зине пришлось уехать жить в Екатеринослав, но весной, когда наступил последний месяц её беременности, они решили, что рожать Зина поедет в наиболее безопасное для неё место – к знакомому врачу в Ессентуки, которому она помогла в один тяжёлый момент. Рудольф остался в Ростове.

Сын родился в рассветные часы Христова Воскресения, 16 апреля. Зина написала, что она – самая счастливая в мире женщина.

Как это ни удивительно, почта работала, и уже вскоре Зина сообщила, что знакомые, жившие в достатке, отказали ей в жилье. Она нашла комнату у казака, продала всё, оставшись в летнем платье и солдатской шинели. Молоко исчезло. В доме всего три фунта кукурузной муки.

На занятые у земляка десять миллионов Рудольф купил три килограмма мелкой копчёной рыбы. Миллион остался на фунт хлеба. Земляк накормил на дорогу, и Рудольф ринулся в Ессентуки. Эти двое суток поездки через голодные южные уезды на крышах поездов и на межвагонных буферах, в разгар войны с «мешочниками», были самыми страшными в его жизни, ибо счёт шел на часы. Он добрался к утру. На пути к дому, где его ждали жена и сын, он встретил «бригаду смерти», вывозившую из станицы накрытые рогожей трупы.

По выученному, присланному в письме рисунку я нашёл церковь, бывшую недалеко от дома, но всё-таки проблуждал ещё час по тёмным улочкам, пока не увидел тусклый огонёк. <...>

Зина услышала шаги и выбежала. Мы молча обнялись, и я ощутил, как она за это время похудела. Казачья комната, освещённая мигающим светом каганца на блюдечке. Слева у стены кровать, возле кровати на опрокинутой табуретке жестяная ванночка, в ней спит крошка в чепчике, ручки на груди. <...>

Лучшая в мире еда эта копчёная рыбешка с черным, с макухой хлебом, привезённая за четыреста вёрст на буферах и крышах.

В жестяной ванночке спал будущий гимназист Ярослав Трушнович.

С того времени прошел год. Длинный, страшный год! Теперь мы вместе, все трое. Мы остались в живых – не спрашивайте, какой ценой. Живём на Кубани, в станице Пашковской, возле Екатеринодара, который с 1921 года стал Краснодаром.

Тут нужно непременно сказать, что буквально вся трагическая книга Трушновича наполнена добрыми людьми, ни разу не предавшими, не отказавшими в помощи, не выдавшими его за все 14 лет их жизни под советской властью.

В 1927 году под звуки Интернационала Рудольф Гостыша получил диплом врача, окончив медицинский факультет Краснодарского университета. В полученном от родителей свидетельстве о том, что он был студентом Венского университета, Рудольф смыл свою настоящую фамилию, вписал фамилию матери Gostisa и с этими документами отправился на экзамены. Он поступил сразу на третий курс.

Во время его учёбы Зина работала сестрой в местном туберкулёзном диспансере. Через год она заразилась, но процесс в лёгких зарубцевался сам собой, как только удалось улучшить её питание. Перед подачей очередного прошения на выезд на родину, им пришлось «забежать на пять минут» в ЗАГС и оформить свой брак: венчание в церкви доказательством не являлось.

Сын рос.

В октябре 27-го года, когда молодой специалист Гостыша получил место второго врача районной больницы, они переехали в большую станицу Приморско-Ахтарскую на берегу Азовского моря. До революции из порта станицы отправлялось за границу по десять миллионов пудов зерна. На столах станичников всегда стояла красная рыба.

Здесь Трушновичи стали свидетелями раскулачивания, коллективизации и пережили второй голод, который пришёл на Кубань уже после того, как опустошил Украину. Читать об этом страшно, не знать и не помнить – еще страшней.

В одну зимнюю ночь в оцепленной ГПУ станице прошли аресты тех, кто не желал вступать в колхоз имени Фридриха Энгельса или, записавшись, захотел выйти. К вечеру конные милиционеры и чекисты пригнали в станицу еще человек шестьсот арестованных в районе. Среди них уже не было ни «кулаков», ни «подкулачников», то было настоящее чернососное крестьянство и казаки. Днём к Рудольфу в больницу приехал на линейке начальник местного ГПУ, чтобы вместе осмотреть больных в амбаре, куда загнали арестованных, – не симулируют ли!

Я сказал, что мне надо заехать домой за стетоскопом. На самом же деле я хотел взять с собой сына, чтобы он увидел и навсегда запомнил. <...>

Я вошёл и застыл на пороге, вспомнив подвалы Чека. <...>

Все окна были открыты настежь, несмотря на мороз, – иначе люди задохнулись бы. В одном из помещений были двухэтажные нары. На нарах и под нарами на грязном полу лежали вповалку люди. Ночью поочерёдно одни спали, другие стоя ожидали своей очереди.

Никто их, конечно, не кормил, и питались они тем, что приносили родственники и знакомые. <...>

Сын отворачивался, чтобы начальник ГПУ не заметил его слез.

Шестилетний Ярослав это запомнил.

Медицина стала превращаться в орудие классовой борьбы.

– Кулака вы обязаны лечить хуже, чем колхозника, уже не говоря о рабочем. Ни одного дефицитного медикамента кулаку! В амбулаториях и больницах вы обязаны принимать кулака в последнюю очередь. А можете и совсем не принимать.

Во всей вашей медицинской деятельности красной нитью должен проходить метод дифференцированного лечения. Теперешнее положение продолжаться больше не может, мы не можем допустить, чтобы в период жесточайшей схватки с врагом советской власти, во время, когда решается ленинское «или мы их, или они нас», медработники стояли в стороне и сохраняли нейтралитет.

К этому времени Рудольфу и Зине стало понятно, что втроём из Союза их никогда не выпустят, ибо она и сын – советские граждане. К тому же они слишком долго живут на одном месте: пришла пора уезжать.

Ночные стуки стали средоточием всей психики. На них выработались условные рефлексы, которые действовали бесперебойно, даже во сне. За всё время пребывания под большевиками ночные стуки стали для нас мистическим символом советской власти. Ночной стук наводил ужас на каждого порядочного русского человека. Если ночью с трепетом говорили: «стучат», то это означало: где-то ворвались, разорили, увели, ограбили, выслали, расстреляли.

Осенью 1932 года Трушновичи уехали в Таджикистан. После полугода работы в больнице города-кишлака Куляб Рудольф получил назначение в Пархар. Граница с Афганистаном, куда, несмотря на пограничников, вооружённых пулеметами, тысячами бежали местные дехкане и приезжие рабочие, оказалась всего в полутора километрах от посёлка. Замысел Рудольфа покинуть таким путем Советский Союз становится реальностью. И хотя этот поход сквозь камышовые заросли, тугаи, и переправа через горный Пяндж были чрезвычайно опасны, но местные люди твёрдо обещали провести доброго «духтура» на ту сторону. Зина и Рудольф решили рискнуть, дождавшись времени низкой воды в Пяндже.

Судьба, однако, распорядилась иначе. В конце 1933 года пришло письмо из польского консульства, приглашавшее их срочно приехать в Москву.¹ В январе следующего года Зинаиде Никаноровне и Ярославу был разрешён переход в югославское подданство. Им выдали зарубежные паспорта с выездными визами. Ларчик открывался просто: шли переговоры о признании Югославией Советского Союза

1 Королевство Югославия не имело дипломатических отношений с СССР. Интересы Королевства представляла Польша.

и Советское правительство согласилось выпустить из страны около двухсот семей, имевших основания для выезда в Югославию.

7-е февраля 1934 года: семья Гостыша на границе с Польшей. Бдительные чекисты учинили обыск, раздев каждого до трусов. «Откуда шрамы? – С первой мировой. – Ха! Одевайся!»

Поезд тронулся. С левой стороны, заглядывая под вагон, тяжело топая, бежал пограничник, держа параллельно земле трехлинейку с примкнутым штыком.

Как будто на самом деле выезжаем. Русской земли осталось еще пять километров. Сидим, молчим. А о чём говорить? Небо серое, на полях пятна мокрого снега, моросит дождик, сосновая рощица, пустое поле – последние полоски русской земли.

И это было счастье!

В Любляне их встречают родители и сестры Рудольфа. Они не виделись 15 лет. Побыв какое-то время дома, все трое отправляются в Белград, где им оформляют паспорта уже на настоящую фамилию Трушнович. Для отца находится работа: с 1935 года он уже врач в деревне Морович в Воеводине (Срем), а семья живет на берегу знаменитой излучины Дуная в Петроварадине и в Нови Саде.

В эти годы Рудольф вступил в Национально-трудовой союз нового поколения (НТС НП) и стал его активным членом, читая публичные доклады о положении в СССР. Тут, правда, есть одна смешная деталь: в Союз не принимали лиц, родившихся до 1895 года. Будучи «престарелым», Трушнович вошёл лишь в Комитет содействия НТС, а полноправным членом стал только после отмены возрастного ценза. В 1937 году в Скопье выйдет в свет на сербском языке его книга воспоминаний о жизни под большевиками (сокращённый вариант). Русские издатели автору не поверили!

Вероятно, достигнув семи лет, Ярослав пошел в обычную советскую школу в Приморско-Ахтарской, но сомнительно, чтобы он посещал занятия в Кулябе, не говоря уже местечке Пархар. Тем не менее, ему не пришлось записываться в начальную школу, подготовиться к поступлению в гимназию помогли родители.

Гимназист-переросток, Ярослав Трушнович жил в интернате, Караджорджева ул. 49. Он записался сначала в югославский, а затем и в «Русский Сокол», где занимался гимнастикой и другими видами спорта, учился рисованию у русского белградского художника Владимира Павловича Загороднюка. Будучи в шестом классе, он прочёл доклад на литературном семинаре: «Роман Н.С. Лескова 'Собо-ряне'». По воспоминаниям одноклассника Юрия Шеффера это был щеголеватый,

сильный и предприимчивый юноша. Кто бы мог подумать об этом, глядя на страшные фотографии Гостышей, сделанные перед их выездом из СССР?

Едва достигнув шестнадцати лет, Ярослав вслед за отцом вступил в НТС и посвятил делу Союза всю свою жизнь. В 1941 году Рудольф принял православие с именем Александр. Будем теперь и мы так его называть.

Счастливой мирной жизни хватило лишь на семь лет.

6 апреля 1941 года немцы и союзники разбомбили беззащитный Белград и ещё несколько городов. Короткая Апрельская война закончилась капитуляцией Югославии. После оккупации Королевства Югославия Германия и ее союзники разорвали страну на части. В Нови Сад вошли венгры, а деревушка, в которой работал отец, оказалась на территории созданного немцами Независимого Государства Хорватия, власти которого немедленно приступили к этническим чисткам. В первую очередь уничтожалось православное население.

Хорватские усташы попытались расправиться со старшими Трушновичами, но им обоим удалось бежать (в который раз!) в Белград. Здесь Александр устраивается санитарным врачом в Бюро по делам русских эмигрантов в Сербии.

С 12 сентября 1941 года после публикации знаменитого Приказа №1 генерала М.Ф. Скородумова в Белграде начал формироваться Русский охранный Корпус, однако отец категорически воспротивился вступлению Ярослава в его ряды.

Они жили в Белграде. Руководство НТС выехало из Белграда в Берлин, и Александр Трушнович возглавил действовавший подпольно местный отдел НТС.

А Ярослав в октябре 1942 года обвенчался в Белграде с Ириной Котовой, гимназисткой из параллельного выпуска 1942 года. В положенный природой срок Александр и Зинаида стали дедушкой и бабушкой: родилась внучка Катя. Осенью 1943 года Ярослав записался во вновь открывшемся университете на 1-й семестр в архитектурное отделение технического факультета и успел проучиться «целый год». Кроме того, в годы оккупации Ярослав служил в гимназии классным наставником.

С приближением советских и титовских войск к Белграду семья Трушновичей 19 сентября 1944 года по поддельным документам выезжает через Австрию в Германию. Жена Ярослава наотрез отказалась уезжать «в никуда» с годовалой дочкой на руках.

Отец и сын вступают в ряды Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР) или Русской освободительной армии (РОА). Старший Трушнович – капитан, затем майор, заместитель начальника санитарного отдела штаба. Ярослав проходил подготовку в специальном лагере для переброски на территорию СССР. Затем стал курсантом 1-й Объединённой школы Вооружённых сил КОНР под командованием генерала М.А. Меандрова.

Из письма Ярослава:

Были в Австрии, потом в офицерской школе РОА, мы – курсанты, мама – медсестра, отец – зам. начальника санитарного отдела РОА. Потом протопали от французской границы (отступали от французов и американцев) через всю Баварию (и моя, уже немолодая мама тоже), около Линца перешли в Чехию и вскоре дали дёру к американцам, примерно за четверть часа до того, как к нам примчались «товарищи». ¹

В мае 1945 года курсанты школы в составе частей Южной группы РОА сдались американцам в их зоне ответственности. 12 мая Ярослав был произведён в подпоручики. Вскоре американцы выдали обезоруженных «власовцев» большевикам. Но Ярослава Трушновича среди них не было: командовавший кадрами войск КОНР в американском плену генерал М.А. Меандров отправил его вместе с курсантом Ю.Н. Широковым на поиски руководства НТС. ² Курсанты выполнили приказ генерала и нашли тогдашнего руководителя НТС В.М. Байдалакова.

В это же время отец Ярослава, избежав в июне 1945 года очередного расстрела, перебирается в DP лагерь «Парш», под Зальцбургом, где он счастливо встречается с сыном. Позднее они найдут и мать, и вся семья соберётся в лагере Менхегоф, под Касселем. Александр становится главным врачом лагеря.

Из письма Ярослава:

Потом наши создали возле Касселя большой беженский лагерь, одни жители лагеря обслуживали американский аэродром, а члены Союза начали печатное дело – детские учебники, книги, информационные бюллетени, сначала кустарным способом, потом достали печатный станок (за кофе, сигареты и деньги). Добыли большую санитарную машину с надписью по-английски «Тифозные больные» и в ней привозили в этот лагерь и своих, и не своих, если им угрожала выдача и отправка в «рай».

Спасением советских граждан от насильственных выдач занимался «Комитет помощи русским беженцам». Вскоре Ярослава и еще несколько человек отправили на север Германии искать членов НТС и создавать группы.

До 1948 года Ярослав живет в Гамбурге, где членами Союза была создана Школа прикладного искусства и беженский комитет под крышей Церкви. Примерно в это время из беженского лагеря по требованию советских представителей убрали все руководство, т. е. членов НТС.

1 Письмо Я.А. Трушновича к А. Арсеньеву от 10.04.2001.

2 М.А. Меандров будет казнен в Москве 1 августа 1946 г.

Тем временем отца избирают в Совет НТС, он становится сотрудником журнала «Посев».

Из письма Ярослава:

Отец пытался создать в Бад Хомбурге, под Франкфуртом, русскую гимназию, но денежная реформа все поломала, остался барачный лагерь, где жили мы, несколько наших семей, и где собирались для докладов и съездов. Средства, это вечная проблема и организации и наших людей, – до нынешнего дня. В 1950 г. открылась возможность создать группу в Западном Берлине, с прицелом на обработку 250.000-ной оккупационной армии. Была закрытая группа и открытый беженский комитет, которым руководил отец, было создано Общество русско-немецкой дружбы (как противовес советско-немецкому). Русским председателем был отец, немецким – обер-бургомистр Западного Берлина Эрнст Ройтер, хорошо знавший, что такое коммунизм – во время гражданской войны он был комиссаром Республики немцев Поволжья.

Трушнович-старший много ездит по Европе, выступая с докладами. В эти годы он пишет брошюру «Россия и славянство» (1949) и книгу «Ценою подвига» (1955). Он возглавляет созданный в Западном Берлине Комитет помощи советским беженцам.

Из письма Ярослава:

В Кремле всполошились и усилили операции против нас. В 1954 прислали капитана и двух немцев (бывших бойцов интербригады в Испании) с бесшумным оружием, чтобы убить одного из наших руководителей Г.С. Околовича. Капитан вместо этого перешёл к нам. Сказал, что приказ об убийстве подписан членами Политбюро ВКП (б), «закордонные операции» КГБ по своему решению проводить не мог. Капитан знал, что против нас ещё что-то готовится, но не знал, что именно. А готовилось против отца – было задание его похитить и от его имени «разоблачать» Союз. 13 апреля 1954 г. он попал в засаду, но живым похитить его не смогли, он отстреливался и в советский сектор Берлина его доставили уже мёртвого.

А. Трушнович исчез. Ни расследования немецкой уголовной полиции, ни усилия созданного в США Комитета по борьбе с советскими похищениями не дали никакого результата.

Александр Рудольфович попал в засаду в квартире архитектора Глезке, советского агента. Лишь летом 1992 года Ярославу были возвращены найденные у покойного отца бумаги, переданы копии медицинского освидетельствования и справки о захоронении в ГДР, точное место которого не указали.

Сам Ярослав Александрович с 1950 по 1962 год находится на закрытой работе в НТС: он участвует в организации радиовещания на СССР («Свободная Европа»),

в пересылке в Советский Союз литературы и материалов НТС. С 1962 года в течение двенадцати лет он был сотрудником редакции журнала «Посев», избирался председателем Высшего суда совести и чести НТС и был в НТС одним из самых уважаемых людей. Многие десятилетия он был членом Совета НТС и входил в состав Исполнительного бюро. По свидетельствам друзей он был скромным, ранимым и доверчивым, верующим человеком.

Из воспоминаний человека, близко знавшего Ярослава Александровича в годы его жизни во Франкфурте-на-Майне и работы в «Посеве»:

Как подавляющее большинство членов НТС он не был политиком по призванию или по природе. Он был художником и мастером художественного ремесла. Владел он и словом. Эти качества и способности он использовал в ежедневной союзной работе, будь то усовершенствование техники подпольной печати и воздушных шаров с литературой или редактирование статей «Посева» и рукописей. Дома у него все стены были в книгах и картинах. А стол и полки в его комнате завалены рисунками, оттисками, резаками и другими инструментами. Мне, мальчишке, а потом юноше, наконец взрослому, было всегда волнительно и интересно приходиться к «дяде Славе». Он охотно рассказывал о своей жизни и эпизоды истории НТС. Но чему он меня научил – сказать не могу. Однако чётко ощущаю, что чему-то очень важному. След оставил своим отношением к жизни, людям, труду, искусству и повлиял на меня, как на многих, кто его знал.¹

Ярослав Трушнович перевел с сербского на русский язык книги «Встречи со Сталиным» Милована Джиласа и «Лето московское» Михаила Михайлова. Он и на пенсии не оставил своей союзной работы и, конечно, внимательно следил за событиями, происходившими в России.

Ярослав Александрович положил много сил, чтобы найти и вызволить из СССР свою бывшую жену, жизнь которой во втором браке не задалась, и дочь Екатерину. Ему это удалось сделать.

Отец Александр (Рудольф) Рудольфович Т., (14.12.1893, Постойна – 13.04.1954, Западный Берлин).

Мать Зинаида Никаноровна Т., (ур. Казакевич; 13.10.1891, Екатеринослав – 11.05.1989, Висбаден). Дочь железнодорожного мастера. Скончалась в возрасте 97 лет.

1-й брак Ярослава (12/25.10.1942, Белград): Ирина Викторовна Т., (ур. Котова; ок. 1922 – после 2000, Германия). Гимназистка, выпуск женской гимназии 1942 г.

¹ Архив М. Ордовского-Танаевского.

По окончании войны осталась в Белграде. Подала на развод, указав, что Ярослав её оставил.

Дочь Екатерина, (род. 1943, Белград).

2-й брак (1956, Франкфурт-на-Майне): Елена Георгиевна (ур. Вельс; род. 1930, Рига). Предки ее отца англичане, переехавшие в Россию при Петре I. Мать русская.

Дети от второго брака:

Елена, (род. 1958, Франкфурт-на-Майне), окончила ун-т в Гейдельберге, русский и французский языки. Многие годы работала шеф-секретаршей в крупной фирме. Замужем. Детей нет.

Марк, (род. 1960, Франкфурт-на-Майне), врач-ортопед. Внуки.

ШЕФФЕР Георгий (Юрий) Владимирович, род. 18.11.1924, Белград.

Аттестат об окончании гимназии Юрий Шеффер получил, будучи в Русском Корпусе, сдав все необходимые экзамены.

Архитектор. Преподаватель. Профессор архитектуры.

22-й выпуск 1942 г.

В 2012 году Юрий Владимирович принял участие в съёмках документального фильма «Русский Корпус. Свидетельства». Во время съёмок он подробно рассказал о своей жизни:

Мой дед был русским офицером-артиллеристом и инженером. Окончил Академию Генерального штаба. Служил в Благовещенске, на Дальнем Востоке. Он кончил службу генералом, но не только командовал, но и строил. Почти все здания, которые построил мой дед, до сих пор стоят, кроме собора – его снесли. Отец родился в Благовещенске. У него с детства проявился большой художественный талант. Он поехал в Петербург, поступил в Академию художеств, там проучился три с половиной года, а потом перешёл в Михайловское артиллерийское училище. Окончив училище, отец три года дрался с немцами во время Великой войны. Потом участвовал в Белом движении вместе с братом. Заболел тифом, был эвакуирован на Кипр англичанами. Потом очутился в Болгарии. Там папа встретился со своей будущей супругой, моей мамой, Ольгой, которую сначала эвакуировали в Египет, а оттуда в Болгарию. Мой брат, Борис, родился в Болгарии. А я уже родился в Югославии, в Белграде. И мы там уже обосновались на всё время. <...>

Отец вначале стал работать чертёжником. А мама решила пойти продавать на базаре молочные продукты. Через некоторое время отец к ней присоединился, и они организовали на открытом базаре то, что называется «тезга». Такая маленькая будочка, из которой и шла торговля. Мы жили, может быть, лучше, чем средние русские эмигранты. <...>

У отца, конечно, было стремление продолжить образование и стать архитектором. Он связался со своей матерью, моей бабушкой. Она со старшим сыном осталась в России. Я помню, она прислала нам пару детских книжечек. Папин брат, Костя, написал папе письмо, что стал инженером, у него родилась дочка и что они очень хорошо живут и всё в порядке. И тогда отец написал в письме просьбу, чтобы он прислал выписку из Академии художеств, где он учился, чтобы окончить образование в Белграде. На это получил короткий ответ от своей матери: «Твой брат покончил жизнь самоубийством – больше нам не пиши». Это, конечно, для отца осталось рубцом на всю жизнь. <...>

С детства мой брат Борис и я были в Сокольской организации Белграда. Пропадали в гимнастическом зале, в «Сокольне». В 1939 году мы ездили на Сокольский слёт в Софию. И так случилось, что, когда все сокола из разных стран выстроились для прохождения парада, начался очень сильный дождь, просто ливень. И все, кроме русских, разбежались и попрятались. А мы остались, и под звуки «Фанфарного марша», который играл наш оркестр, гордо прошли по городу

к стадиону, где нас встретили аплодисментами. А всей церемонией открытия слёта на стадионе руководил наш, русский человек. Его звали дядя Митя, он был из Белграда.

Потом я поступил в Русский спортклуб «Россия». Там у меня были не только русские приятели, был чемпион в метании копья югословенский, он был большим моим другом, он меня учил. Моей любовью было метание диска. В Белграде я чуть чемпионом не стал. Мне было 15 лет. Ещё, когда мне было лет 12, наши приятели пригласили нас с братом в группу допризывной подготовки у подполковника Михаила Тимофеевича Гордеева-Зарецкого. <...>

Гражданская война не закончилась, когда все думали, что она закончилась, – она лишь приостановилась. И в эмиграции Общевоинский Союз был очень активным. Нас готовили к тому, чтобы, когда появится возможность, снова продолжить открытую борьбу. Зимой по воскресеньям мы встречались на тактических занятиях, военная топография, история. Нас учили джиу-джитсу, боксу. Фехтованию, приемам с шашкой, весной рубили лозу шашкой. А фехтованию нас учил бывший чемпион России, капитан Сидоров. Он был преподавателем в югославской военной Академии. А по воскресеньям нас учил. Это было замечательно. У Гордеева-Зарецкого нас собиралось человек 20–30. Летом мы выходили на военный полигон, стреляли из боевых винтовок. В общем, заняты были. А политикой тогда я занимался не так много. Но идея главная у меня в голове была сильно заложена. Борьба против режима. Советского. Мы только и ждали, как и наши отцы, возможности когда-то быть в России. Они хотели вернуться, они этим жили.

В марте 1941 года премьер-министр Королевства Д. Цветкович с санкции регента Павла подписал Венский протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту и о союзнических действиях в войне стран «Оси»: Япония, Италия, Германия. Буквально через день в стране произошёл путч, в результате которого принц Павел был низложен, а королём Югославии провозглашен 17-летний Пётр II. Немедленно был расторгнут пакт, заключённый в марте.

Помню, я собирался на моём велосипеде поехать тренироваться в лёгкой атлетике, а папа мне говорит, ты что, с ума сошёл, посмотри на улицу. Я смотрю – танки стоят. Это был путч.

Ранним утром 6 апреля 1941 года Белград подвергся массивной бомбардировке, а войска Германии, Венгрии, Болгарии и Италии вторглись в Югославию. При этом восстала Хорватия и перешла на сторону союзников.

Утром я пошел папе помогать в его магазинчике, и в 7 часов утра мы посмотрели на небо – что такое? Эскадрильи летают. И начали падать бомбы. Вдруг всё стало чёрным вокруг меня. Мы убежали из Белграда и несколько дней провели на

кладбище, где моя мама была похоронена, у казака, который следил за могилкой. Моя подружка-гимназистка была убита.

17 апреля 1941 года Югославия подписала Акт о безоговорочной капитуляции.

Местное население, я думаю, было пассивно. Югославские войска сдались, за одну неделю немцы вошли, только остановились, как говорили, чтобы «налить бензин». И пошли дальше на Грецию. Люди, с которыми я говорил, возмущались, и с презрением относились к своим же войскам. Кроме того, сербские войска начали сталкиваться с хорватскими бывшими войсками во время нападения немцев. Я даже не знал, что есть такая ненависть... Первое время надо было прийти в себя от бомбежки. Как-то начать снова жить. <...>

Потом уже начали убивать немцев, солдат и офицеров, на улицах. Тогда были объявления, что за каждого убитого солдата будет столько-то расстреляно, за каждого убитого офицера будет столько. Потом однажды я шёл по улице и вижу, что толпа движется на главную площадь Белграда, на Теразию. И я пошёл и смотрю – издали видно – шестеро висят на столбах. Я, конечно, повернулся и не смотрел на это...

22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз.

Я помню, что среди немцев, была такая эйфория, что вот, мы сейчас... И когда начали брать пленных, большими количествами, немцы были очень довольны. Но их на улицах мало видно было. Вообще, мы как-то не очень чувствовали на себе эту оккупацию. <...>

Мы много проводили времени тогда вместе, встречались с Гордеевым-Зарецким, и мы чего-то ожидали, что что-то произойдёт. Мы ожидали, нам говорили, что разговоры идут, что надо организовываться и так далее. <...>

Однажды я прочитал на улицах объявление, что за Тито, живого или мёртвого, можно получить 25.000 динар. А через неделю было уже 100.000 динар. Я тогда подумал, что это имя нужно запомнить – Тито!

12 сентября 1941 года генерал М.Ф. Скородумов издал Приказ №1 о создании Русского охранного Корпуса.

Думаю, что может быть за неделю или даже за две недели до начала мы уже знали, что будет. И когда нас, 18 человек, выбрали в караульный взвод, мы уже были готовы. Я слышал речь Скородумова, который обратился к нам. Мы стояли строем, он нам сказал, что, когда мы исполним наш долг перед нашей любимой Югославией, он поведёт вас в Россию. Эта фраза спровоцировала его арест. И командиром стал генерал Штейфон. Нас остановить уже нельзя было. Это как волна была. Никого особенно не приглашали – все шли в Русский корпус.

Бросали всё. Это был, я бы сказал, стихийный взрыв. Никто не думал, что, может быть другой это сделает, а пошли и взялись за оружие. Я помню, я папе сказал: «Ну, папа, завтра я иду с подпоручиком Гранитовым принимать казармы». Папа мне ответил: «Ну, хорошо, Борис и я через неделю там будем».

В июне 1942 года молодым корпусникам, которые не успели окончить последний класс гимназии, командование предоставило отпуск для сдачи экзаменов «Большой матуры» на аттестат зрелости вместе с 8-классниками. На подготовку был выделен один месяц. Никаких поблажек для корпусников во время экзаменов не допускали. Однако, конечно, преподаватели понимали, что перед ними уже не юноши, а взрослые люди. У некоторых педагогов сыновья тоже были в Корпусе. Юра закончил гимназию вторым, после своего друга Андрея Былинского.

Боевое крещение наш гимназист получил в первом победном бою юнкеров на руднике в Столице в составе 1-й юнкерской роты 1-го батальона 1-го полка. По окончании военно-училищных курсов летом 1942 года он был произведён в подпоручики. Затем служил во 2-м и 4-м полках. Он прошёл весь тяжкий путь отступления Корпуса из Сербии через Боснию и Хорватию в Словению в 1944-45 годах. Награждён Железным Крестом «За храбрость». С января 1945 года в чине лейтенанта исполнял обязанности адъютанта командира 1-го батальона 5-го полка генерала Ф.Э. Бредова.¹

При подходе к Травнику мы остановились в маленьком селе. Бредов, я, как адъютант, и связные заняли половину хаты. А через перегородку – там жил «селяк» с семьёй. Была зима. Глубокий снег. Холод. И к нам по вечерам всегда собиралась группа молодёжи. Молодые лейтенанты и молодые унтер-офицеры собирались у нас и пели песни. И всегда наш заводила, молодой подпоручик Слава Лабинский, приглашал выйти из-за загородки маленькую 12-летнюю девочку Катю. Мать её пускала, он сажал её с нами, и она сидела и слушала наше пение. Мы ее все называли Лепа Ката. А потом пришёл приказ выступать. Наш батальон собирался ночью. Я стоял перед этой хатой, распорядился и вдруг открывается дверь и из хаты – часа в четыре, в полпятого ночи – выбегает маленькая фигурка, бежит ко мне и суёт мне пакет в руку. И убегает назад. Я потом посмотрел – завернутые в бумагу «погачицы». Лепёшки горяченькие. Это самая девочка Ката, её послала мать, спекла погачицы, чтобы мы имели на дорогу. Этот случай я помню всю жизнь. <...>

Расскажу о случае, когда весь наш батальон едва не погиб. 44-й год. Нас поставили в село Бучичи, недалеко от Травника. Приехал командир нашего полка Рогожин и сказал генералу Бредову, что с позиций здесь сходить нельзя под угрозой военно-полевого суда. Чтобы никто не отдал приказ отходить. Бредов сказал: «Понимаю». Мы там были в боях дней десять. В монастыре, где стояла наша

1 Бредов Федор Эмильевич (1884–1959). С 15 декабря 1944 года командир 1-го батальона 5-го полка.

батарея, был ранен мой отец. В грудь навывлет. И вот Бредов ночью получает от командира роты сообщение, что его обходят. Я со связными вышел проверить, что там происходит. Мы пошли перебежечками по долине, где был наш штаб, вышли ко взгорью, и я слышу стреляют уже сзади меня. Стало ясно, что нас окружают. Вернулись. Бредов выслушал и говорит: «Свяжите меня с командиром полка». Наш унтер-офицер начинает крутить телефон, а ручка крутится свободно, то есть провод порван. И тогда Бредов вдруг – а я всегда был для него Георгий Владимирович – но тут он вдруг мне официально говорит: «Лейтенант Шеффер, соберите мне всех, все роты». Я послал связных, чтобы через полчаса тихо, не поднимая никакого шума, все были возле штаба батальона. Через полчаса все собрались, и мы пошли. Ночью, по горам. Начался рассвет, и мы услышали взрывы, и ясно увидели сверху – потому что знаете, как чётко на снегу видны чёрные разрывы? Они напали, но нас там уже не было. Мы увидели как будто нашу судьбу, которую мы избежали. Утром мы вышли с той стороны, где стояла немецкая часть.

Спустились мы с Бредовым к мосту, там была старая гостиница, в которой был штаб немецкий. Вошли мы туда, и подходит к нам офицер немецкий: «Наконец-то Вы пришли. Мы за вами двух связных уже посылали, чтобы вы отошли». Но мы связных не получали.

Я помню, Бредов сел со мной рядом на скамеечку, и сказал мне, я помню дословно: «Знаете, Георгий Владимирович, этой ночью у меня был выбор. Моя жизнь или жизнь нашего батальона. Я решил, что уже достаточно пожил». Замечательный человек был генерал Бредов, невероятный командир. <...>

Мы уже вышли к Загребу, когда война уже кончалась. Около Загреба нас построили. Молодых офицеров, унтер-офицеров и весь наш батальон. И вышел к нам генерал Штейфон. Он прошёл вдоль строя, каждому из нас пожал руку, и сказал что-нибудь. Я помню, он говорил: «Как мне приятно смотреть в ваши глаза». После этого, вскоре он умер. Это было так, словно он с нами прощался навсегда. Мы все это почувствовали. Мы его любили. Это был чудный человек.

Командир Русского Корпуса, генерал-лейтенант Борис Александрович Штейфон скончался 30 апреля 1945 года. Командование Корпусом принял полковник А.И. Рогожин. 12 мая Корпус вышел из Югославии в Австрию и сложил оружие перед англичанами. Юрию Шефферу было 20 лет.

Нам надо было перейти мост через Драву, и потом – вверх по дороге. Вижу в котловине лежит куча оружия... Стоят два английских солдата, проверяют. Все бросают туда и всё, идут дальше. А поодаль, за англичанами, стояли двое, одетые в чёрное, я понял, что это партизаны. Потому что они, вроде, принимали оружие. Это было для них. Я, помню, подошёл, у меня автомат был в руке, я вынул обойму бросил туда, взял этот автомат за ствол и изо всех сил трахнул об эту грудь. Почему я это сделал, я не знаю, я не знал, что я это сделаю. И тут эти два господина в чёрном, бросились ко мне. А англичанин, который рядом стоял, пошёл к ним, остановил, а мне сказал – вытащил револьвер и сказал: «Иди дальше». Это было

то, что по-английски называется *final frustration*, то есть окончательное крушение всех надежд.

По окончании Второй мировой войны Юрий Владимирович вместе с братом Борисом находился в лагере военнопленных в Келлерберге и в лагере DP «Парш» под Зальцбургом, где познакомился с Надеждой Коженковой, своей будущей женой, тоже гимназисткой, успевшей окончить только первые 4 класса. Работал шофёром. Помогал бывшим советским гражданам спастись от выдачи в СССР.

В 1947 года семья Шефферов выехала в Венесуэлу на пароходе «Генерал Стургис» и поселилась в городе Маракай, где Юрий работал проектантом пивного завода. В 1949 года Юрий и Надежда обвенчались, а в следующем году у них родился сын Владимир.

Переехав в Каракас, Юрий Шеффер начал работу, как ведущий специалист-дизайнер в Министерстве сельского хозяйства по постройке скотоводческих предприятий. В 1963 году вместе с женой и сыном Юрий Владимирович выезжает в США для продолжения образования по специальности «архитектура» в университете штата Флорида, в г. Гайнесвилль (Gainesville). В 1967 году его награждают специальным дипломом «Чести» и медалью от института архитектуры “General Excellence in Architecture”.

На короткое время семья вернулась в Венесуэлу. В 1969 году Юрий Владимирович получил от декана архитектурного колледжа при университете Флорида приглашение начать преподавательскую деятельность в колледже и одновременно продолжить своё обучение для получения учёной степени. Предложение было принято, и семья окончательно переехала в США. После получения специальной степени, позволяющей вести преподавательскую работу, Ю.В. Шеффер 24 года преподавал в школе архитектуры штата Флорида. Трижды он избирался «Учителем года».

В 1982 году Юрий Владимирович основал «The Preservation Institute: Caribbean», нацеленный на работы по сохранению исторических памятников в странах Карибского бассейна. Он был директором института 11 лет, обучая студентов из Карибских стран. В 1991 году Президент Доминиканской республики Хоакин Балагер посвятил Юрия Шеффера в рыцари («Командор») ордена Христофора Колумба за его «гуманитарную деятельность по объединению и развитию народов Америки».

Ю. Шеффер – автор проекта греческой православной церкви в г. Гайнесвилль, штат Флорида, для которой написал 21 икону. Оформление церкви он завершил в 1988 году. Вся работа Юрий Владимирович исполнил безвозмездно.

Он вышел на пенсию в 1992 году почётным профессором.

Семья Шефферов живёт в штате Нью Джерси.

Отец Владимир Эдуардович Ш., (1891 – 19.11.1968, Каракас). Студент Академии художеств в Санкт-Петербурге (не окончил). Михайловское артиллерийское училище (1915). Участник Великой войны, капитан. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения. После заболевания тифом был эвакуирован английским Красным крестом на Кипр. В эмиграции в Болгарии, где обвенчался с Ольгой Ляхницкой. Позднее семья переехала в КСХС, Белград. Член Общества офицеров-артиллеристов. Продолжил обучение, став архитектором. Служил в Русском Корпусе. Лейтенант. Тяжело ранен в боях под Травником. Автор проекта русской православной церкви в г. Валенсия, Венесуэла. После смерти жены женился вторично (в 1944 г.) на её родной сестре Раисе Григорьевне.

Мать Ольга Григорьевна Ш., (ур. Ляхницкая, ок. 1896 – 18/31.07.1938. Белград). Участница Белого движения. Сестра милосердия. Эвакуирована в Египет, Александрия, где её разыскал муж и семья воссоединилась.

Мачеха, Раиса Григорьевна Ш., (ур. Ляхницкая.). В 1-м браке Кондратович. Сын от 1-го брака Алексей Кондратович, гимназист, 23-й вып.

Брат Борис, гимназист, 21-й вып.

Жена Юрия Владимировича: Надежда Владимировна Ш., (ур. Коженкова, род. 30.01.1930, Белград), «Не окончившие гимназисты», см.

Сын Владимир, (род. 1950, Каракас). Математик. Доктор наук, профессор.

СУТУЛОВ Александр («Шура») Александрович, 10.01.1925, Билече, Герцеговина – 09.08.1991, Сантьяго, Чили.

Инженер-технолог, учёный-металлург.

23-й выпуск 1943 года.

В середине 1950-х годов, находясь в беженском лагере в Италии, Александр Сутулов начинает писать для своего сына «Семейную хронику». Сын Александра Александровича, Алексей Сутулов, любезно разрешил авторам поместить отрывки из этой хроники в настоящей книге.

Род Сутуловых издавна живёт на Дону. Семейное предание сохранило о нашем роде, однако, мало. Нет никакого следа, откуда и когда наши предки пришли на Дон. Во всяком случае, Сутуловы жили между верховыми казаками уже в Смутное время. Все они были разночинцами, в основном жили на хуторе Перелазовском и только в конце XVIII столетия стали селиться по юрту станицы Усть-Медведицкой. Все мои семь предков родились и воспитывались на Перелазе, а последние пять поколений были офицерами русской армии.

Отец мой, Александр Михайлович Сутулов, детство свое провёл на родном хуторе, где и закончил приходское училище. Как и все его сверстники, он с раннего детства привык к коню и проникся казачьим духом, стремлением к военной службе. Он привык слушать рассказы своего отца, побывавшего в походах на Балканах, о своих предках, проведших трудную, опасную, но зато и интересную жизнь за границей и на Родине в походах и войнах. Окончив успешно кадетский корпус в Новочеркасске – третьим в ранге, он затем блестяще окончил Николаевское кавалерийское училище, первым в ранге, и был записан на мраморную доску. В офицерской жизни его привлекала не форма, не кутежи и не другие развлечения, а сознательная служба Отечеству на военном поприще. Много времени уделял верховой езде и спорту. Его особенным увлечением было фехтование. После окончания училища, он был направлен в полк в Николаев, служил в Новочеркасске, Петербурге, Радзивиллове, с началом Великой войны воевал под Ригой. В марте 1917 года был переведён в 51-й Донской казачий полк на Дон, где включился в политическую жизнь – с сентября 1917 года состоял Председателем казачьей секции Военно-областного комитета в Новочеркасске, где координировал свою деятельность согласно действиям и политике Донского правительства под руководством атамана Каледина.

Оказавшись в эмиграции, в чине генерал-лейтенанта, отец обдумывал причины, которые привели Белое движение к поражению, и пришёл к следующим выводам:

- во-первых, Белое движение не выдвинуло талантливого вождя, который мог бы возглавить его в военном, политическом и других направлениях;
- во-вторых, оно не имело под собой понятной и приемлемой в то время для народа политической платформы, которая бы подняла и воодушевила народ;

– в-третьих, Белое движение базировалось на добровольческом принципе, а не на мобилизационном, как у большевиков.

Отец в Королевство СХС попал в составе Донского кадетского корпуса, в котором был воспитателем, сперва в местечке Стрниште (Словения), затем в Билече (Герцеговина). <...>

Родился я в Билече, в стенах бывшей австро-венгерской крепости, в глухой провинции, городке с грязными лачужками, сопливыми и апатичными торговцами, скудно живущими от небольших заработков пассивного края. В городе три мечети и одна православная церковь, больше магометан чем православных, так как население долго подвергалось религиозным гонениям и принуждено было переходить в магометанство. Отсюда парадокс: в городе, где уже забыли о турецком иге и откуда турки уже давным-давно ушли, осталось очень много чистокровных сербов – мусульман, и они являются как бы отдельной нацией.

Вскоре кадетский корпус был переведен в Горажде (Босния). По сравнению с Билече, Горажде оказалось земным раем. Городок на реке Дрина весь утопал в зелени и садах. Население было и здесь хлебосольное и патриархальное, но более зажиточное и культурное. Местные хозяева очень скоро сблизились и подружились с корпусом. Тут я уже подросток, любил корпус и кадет, которые играли со мной и баловали. <...>

Мама моя, Галина Митрофановна Сутулова, родилась 29 апреля 1902 года в Новочеркасске в семье доктора Митрофана Семёновича Попова. Детство своё провела она в Новочеркасске, где и поступила в Мариинский девичий институт. Училась в нём до Октябрьской революции. Жизнь её протекала в большой и дружной семье, а позже среди своих однолетьек – подруг. Среда эта воспитала её в духе, который благотворно отразился на формировании её характера. Она была тихая и спокойная, отзывчивая и добрая, со свойственной многим девушкам сентиментальностью и чувствительностью. <...>

На её глазах жизнь изменилась, из спокойной и зажиточной стала тревожной и безрадостной. На её глазах гибли родственники, знакомые, мальчики, кадеты и гимназисты, которых красные расстреливали за участие в белых организациях. Когда в Сочельник 1919 года большевики снова занимали Новочеркасск, то дедушка на этот раз решил отступить с белыми, потому что всё чаще придирались к военным врачам и были случаи их расстрелов. Не желая, чтобы дедушка уезжал один, бабушка послала маму с ним. С Белой армией им пришлось отступать на Кубань и пройти всю голгофу этого отступления. Зимой по страшному морозу и весной по ужасной распутице пришлось им скитаться по хуторам и станицам, в обозе, то наступая, то отступая и едва спасаясь от наступающих красных разведов.

Так они прибыли в Новороссийск, где не смогли погрузиться на отходящие пароходы, и вероятно остались бы на молу, как и много другого народа на милость и немилость победителей, если бы не случай, спасший их. Когда последний пароход поднял свой трап и стал готовиться к отплытию, то разъярённая и пришедшая в отчаяние масса беженцев рванулась вперёд к молу. Мама с дедушкой стояли в первых рядах, и их волна народу бросила на колючую проволоку, отделявшую

посты экипажа английского корабля, наблюдавшего за эвакуацией. Услышав отчаянные крики мамы, английский офицер приказал снять её с колючей проволоки и, вызвав через трубку дедушку, погрузил их на военный корабль, чтобы на море пересадить их на русский пароход. Это вызвало страшный ропот толпы, возмущённой такой одиночной помощью, но спасло жизнь матери и деда. Когда они отплывали, то многие кончали с собою, не дожидаясь кровавой расправы.

По приезде в Крым мама устроилась медицинской сестрой в госпиталь и служила в нём до эвакуации. После эвакуации она вместе с бабушкой уехала в Сербию, где в Белой Церкви закончила институт, а затем переехала в Загреб, где занималась в университете на медицинском факультете.

Студенческая жизнь в Загребе в те времена была тяжёлой и велась впроголодь. Стипендии были крохотные, а дедушка не мог помочь маме, потому что все деньги отсылал в Россию голодающей семье. В особенно тяжёлом положении оказались курсистки. Полураздетые, полуголодные, со слабым знанием языка, и почти что без доходов, они должны были учиться и содержать себя. Жило их пять подруг в какой-то сторожке за городом, питались солдатским супом и сухим хлебом, а на лекции ходила только одна. В то время другая (было только две гарнитуры одежды) ходила на фабрику заворачивать конфеты и так они всё время чередовались. В результате такой жизни три мамы подруги умерли от чахотки, а четвёртая осталась на всю жизнь тяжело больной.

Закончив два курса на медицинском факультете, мама приостановила своё учение и переехала к бабушке в Билече, где он служил врачом в Донском кадетском корпусе. Тут она познакомилась с моим папой и вышла за него замуж. Через год родился я.

И в дальнейшем жизнь не баловала маму. Ей пришлось много работать и своим тяжёлым трудом добывать пропитание себе и своей семье. Поразительные черты скромности, стойкости и упорства проявила она в своей жизни. <...>

В 1928 году отец решил покинуть кадетский корпус, переехать в Белград и по-новому устроить свою жизнь. <...>

И вот в 1928 году пришлось начинать всё сначала, ни с чего. <...>

Положение было критическое. Ни денег, ни работы, ни помощи, ни с какой стороны. Много бессонных ночей провели тогда мои родители, с ужасом глядя в глаза приближающейся нищеты.

Но судьба была милостива и выход нашёлся. Мама вспомнила своё кулинарное искусство, нашла свою подругу в одной молочной лавке и стала понемногу делать пироги. Вскоре папа на улице случайно встретил своего повара, тот разговорился с ним и научил его делать тянучки и помадки. Попробовали и это делать, и поставлять в молочные. Мало-помалу дело стало развиваться. Тяжело шла работа, но всё же это было лучше, чем отчаяние перед неизвестностью. Папа и мама работали не покладая рук, и днём, и ночью, вставали в 2 часа ночи, месили, пекли, а потом разносили товар. И вот как-то, понемногу, выскочили из ужасной петли. Правда, эта работа не проходила гладко. Со временем мы постепенно встали на ноги. Работа пошла хорошо и кроме квартиры папа с мамой сняли

мастерскую, в которой стали постоянно работать. У нас появились деньги, мы стали лучше одеваться, и даже кое-что было отложено в банке на чёрный день.¹

Тем временем сын окончил русскую начальную школу в Белграде. На семейном совете было решено, что среднее образование он должен получить в «плетнёвской» гимназии, а подготовиться ко вступительным экзаменам Шуре поможет знакомый учитель Андрей Зиновьевич Кузиков.

Русская начальная школа в Белграде, к чести людей её основавших и ею руководивших, была поставлена прекрасно и дала нам возможность не только познакомиться со всем русским, но и остаться по душе русскими за границей и нисколько не утратить связь со своим родным народом. Благодаря её усилиям, мы сохранили то, что является самым драгоценным для человека, родившегося и воспитавшегося вне своей Родины – живую связь со своим народом, его культурой, обычаями и традициями. Все эти ёлки, школьные вечера, постановки давали возможность увидеть и почувствовать своё родное, даже в тех случаях, если семья его, по каким-то бы ни было причинам, не могла этого ему дать. И роль нашей школы в моём воспитании, именно как русского, я никогда не могу забыть и всегда её буду высоко ценить. <...>

Осенью 1935 года я поступил в первый класс Русско-сербской гимназии в Белграде. Поступлению предшествовал приёмный экзамен, к которому мы готовились очень тщательно и от исхода которого, нам казалось, зависело дальнейшее направление нашей жизни. Помню Маргариту Викентьевну Фолькерт, мать Вовы Фолькерта, которая говорила своему сыну так: «Я тебе сказала, Вовка – не выдержишь экзамена, сразу отдам тебя к сапожнику в подмастерья. Пусть всю жизнь бьёт тебя колодкой по голове». От такой перспективы у Вовки, конечно, тряслись поджилки, да и у нас рождалась робость и не радостные мысли тем более, что один из наших товарищей уже ушёл на изучение ремесла и не стал продолжать школу, что нам казалось ужасным.

Гимназия казалась нам всем чем-то страшно серьёзным и новым. Во-первых, она находилась в здании большого Русского дома, во-вторых, классы и всё было какое-то серьёзное и не такое домашнее, как у нас в школе, в-третьих, она была полна преподавателей – по большей части людей очень сосредоточенных и на вид строгих. Всё это нас, конечно, держало в известном страхе неизвестности, и мы на время притихли. Однако Андрей Зиновьевич, как мы вскоре увидели, подготовил нас к экзаменам хорошо и, несмотря на разные толки в коридорах о строгостях приёмного экзамена, мы прошли всё очень гладко, чем обрадовали нашего старого учителя.

Вскоре начались уроки, и наша жизнь пошла по-новому. Мы уже не ходили в школу до обеда, а после обеда, что в корне меняло всю нашу жизнь и привычки. Кроме того, у нас не был один учитель, а преподаватель для каждого предмета

1 Здесь и далее: Александр Сутулов «Семейная хроника». Рукопись.

и кроме того классный наставник. При школе были и воспитатели, наблюдавшие за нами во время школы и в общественных местах. Но самым привлекательным были наши новые гимназические формы, которые мы с гордостью надели.

Видимо, в это время родители Шуры начали приносить свои изделия и в гимназию. Вкусные, горячие «сутуловские» пирожки, котлетки и кусочки торта, за которыми бегали на большой перемене, так полюбились гимназистам, что через 50 лет Светлана Иванова и Таня Вендерович вспомнили о них, когда в 1986 году писали свои заметки для «Памятки».

Мало-помалу мы начали знакомиться с новой жизнью – преподавателями, предметами и окружающей обстановкой.

Самым близким для нас человеком был наш классный наставник Николай Александрович Измайлов. Преподавал он нам природоведение, а впоследствии химию, космографию, геологию и географию. Отношения наши с Николаем Александровичем сохранились самыми лучшими до конца. Однако он нас в пятом классе покинул из-за неуместной выходки наших товарищей, чем, конечно, очень нас огорчил. Но и преподавание в гимназии его сильно потрепало. На наших глазах он стал нервным, вспыльчивым и часто реагировал остро. Но мы всегда в нём видели то, чем он на самом деле и был – настоящим русским человеком, любящим Родину и своё занятие, любящим нас и старающимся передать нам всё, чем он сам располагал. Мне очень жалко, что я его после войны совсем потерял из виду.

Русский язык преподавал нам Николай Александрович Чернышёв, которого все в гимназии звали «Факир». Чернышёв был совсем другим человеком, если можно так выразиться, человеком политическим. Он всегда нас умел заинтересовать своим предметом, рассказать и прочесть интересное, и даже умел привязать к себе. Так, например, он жил за городом на так называемом Мокром Лугу, куда в летнее время приглашал нас в гости на чай с вареньем и прогулками, а зимой на катанье на катке и салазках. Принимал он нас довольно радушно, но, как ни странно, близким нам никогда не стал. Всегда в его поведении чувствовалась какая-то неуловимая фальшь и мы, дети, это чувствовали. Наряду с его вниманием и попытками привязать нас к себе вдруг вырывалась какая-нибудь грубость к кому-нибудь из нас или разделение класса на любимчиков, средних и преследуемых, причём справедливость не всегда торжествовала.

Лично ко мне он всегда хорошо относился и даже старался повлиять на меня в смысле выработки моих взглядов. Это особенно я почувствовал, когда он во время войны был удалён из школы, и мы с ним были одних взглядов в отношении немцев. Но несмотря на всё я никогда с этим человеком не сблизился вполне и не чувствовал к нему большого доверия.

Уже тогда русский язык стал одним из моих самых любимых предметов. Большую роль в этом отношении сыграл, конечно, и сам Чернышёв, учивший нас толково и со вкусом, но особенную роль сыграла хрестоматия, изданная под редакцией профессора Острогорского. В этом учебнике из трёх томов (каждый

на один год) с исключительным вкусом были подобраны отрывки из нашей прозы и поэзии, даны были иллюстрации, в виде лучших картин наших знаменитых художников, и вообще вся книга была пропитана насковзь русским духом. Я очень полюбил эти книги, и они были моими настольными многие годы.

Математику нам читал Леонид Васильевич Коленко, инженер по образованию, человек с бесконечным числом морщин на лице, нервным характером и весьма большой педант во всех отношениях, которого мы не совсем вежливо звали «Лёнька». Математика мало кого тогда из нас могла увлекать, а потому и преподаватель её не был у нас в особенной симпатии. Со временем мы, однако, нашли в нём и симпатичные черты, большую порядочность и справедливость, за которые уважали. Преподавал Леонид Васильевич суховато и довольно формалистично, чем и можно объяснить средние успехи нашего класса на поле математики, а затем и физики.

Гимназическая жизнь мне с самого начала очень понравилась. Я чувствовал, что перешёл в более высокое учебное заведение, где многому научусь, а кроме того вскоре открыл, что и в гимназии точно также много интересных развлечений и есть возможность пошалить и поиграть.

Ходили мы в школу после обеда – к двум часам. Значит, целое утро было свободно. Первую часть его я употреблял на занятия, а вторую на собственные развлечения. Затем я обедал, довольно рано, и отправлялся в школу. К этому было несколько причин. Во-первых, я пел в гимназическом хоре дискантом и у нас были раза два-три в неделю спевки. Кроме того, было очень интересно всегда подоспеть к шапочному разбору в женской гимназии, откуда-нибудь из-за угла проследить за нашими знакомыми гимназистками, сбегать в сад русского посольства, влететь первым в класс и перекинуться парой слов с гимназистками из соседней сербской гимназии, забежать в уборную побрызгаться водой, слететь вниз в «Соколану» (гимнастический зал) и размяться на снарядах, словом совершить целый ряд необходимых и важных дел пока не начались занятия.

С первых же дней в гимназии мы вступили в переписку с девочками – одноклассницами, которые сидели на наших партах, но до обеда. Как сейчас помню эти первые робкие вопросы, написанные карандашом на парте: «Кто здесь сидит?», «Почему Вы не отвечаете?», «Знаете ли Вы такую-то?» и так далее. Все конечно переписывались на «Вы» с соблюдением максимальной вежливости и учтивости. Когда знакомства завелись и связи укрепились, то началась переписка записочками, письмецами, появились симпатии, провожание домой, встречи на спевках хора и так далее. Можно свободно сказать, что эти чистые и таинственные чувства, которые тогда в нас пробуждались и которые конечно тогда не имели под собой никакой сексуальной базы, были не менее интересны, волнующи и привлекательны, чем и позже, когда мы уже созрели.

В первом же классе у меня появилась и симпатия – Ира Шатилова, с которой я робко и стыдливо начал переписываться, а потом даже стал провожать из гимназии. Я, конечно, очень стеснялся, краснел и стыдился, когда меня видели с ней, да и время, когда мы встречались, проводилось по большей части молча,

так как мне каждая моя фраза казалась грубой, и я никак не мог в себе развить некоторую свободную развязность, которой обладали некоторые мои товарищи.

Раз я рискнул показать свой нос и на танцах, устроенных по случаю какого-то праздника, возможно ёлки. Танцевать я конечно не умел. Знал польку, краковяк, но модных танцев не знал. Однако, наблюдая как мои товарищи и публика довольно непринужденно двигаются под звуки музыки, и увидев, что барышня моя скучает, я решил покончить со своей нерешительностью и пригласил её танцевать. Близость наших лиц во время танца меня сначала страшно смутила, я стал поворачивать голову и зацепил лицом её нос, что меня совсем сбilo с толку. Я спотыкался о её ноги, извинялся, запинаясь и когда увидел, что совсем осрамился, бросил её посреди зала и убежал. С тех пор я не появлялся на танцы до третьего класса. И моя симпатия сказывалась не в совместных прогулках, встречах и разговорах, а лишь в бесплодном торчании под домом предмета своей симпатии.

В первом классе я одно время увлёкся «издательской» работой. В то время в третьем классе, где классным наставником был Н.А. Чернышёв, группа гимназистов во главе с Никитой Толстым начала издавать журнал «Дружинник». Журнал выходил для наших понятий и условий в роскошном издании, то есть в цветной печатной обложке, печатным текстом на ротаторе и отличался интересным содержанием. Мы, конечно, с большим интересом следили за журналом, который пользовался большой популярностью, и у меня возникла идея начать такое же дело и в нашем классе.

Долго я обдумывал план, как и с чего начать. Я познакомился с Никитой и даже был у него пару раз, чтобы посмотреть, как это всё делается. Дома у него была настоящая редакция, со всевозможными аппаратами, пишущей машинкой, корреспонденциями и даже перепиской с заграницей. Конечно, я понял, что такое дело нам не под силу, а потому составил план на более скромный журнал, который бы писался рукой в трёх-четырёх экземплярах. Долго я не знал, как это всё начать и как обзавестись сотрудниками. Мне почему-то было стыдно поднять этот вопрос с товарищами, и я решился на маленькую хитрость.

Когда я возвращался домой с Георгием-Гариком Горским, своим одноклассником, то я ему сказал, что мне снился сон как будто я и он стали издавать журнал наподобие «Дружинника», как это дело пошло, у нас появилась редакция, переписка и так далее. К моей радости, Гарика это всё заинтересовало и на моё предложение осуществить этот сон он согласился. Вскоре мы стали ходить друг к другу, собирать материал для первого номера, писать и рисовать. Так появился первый номер нашего журнала «Гимназист». Конечно, журнал значительно уступал «Дружиннику» и с ним сравниться не мог, но мы гордились нашим детищем и прилагали все силы развить дело. Однако работа была кропотливая и требовала много времени. Кроме того, после трёх-четырёх номеров, я почувствовал в себе недостаток эрудиции и творчества. До конца года мы всё же издали шесть номеров, а потом дело заглохло, и мы уже во втором классе его не продолжали.

В первом же классе я, по примеру многих своих товарищей, стал заниматься собиранием марок. Эта страсть меня потом держала много лет, и много на нее

было потрачено и времени, и денег. Теперь я никак не могу понять, что в этом увлечении могло быть привлекательным, но тогда я получал высшее наслаждение промывать, сушить и сортировать марки, пополнять серии и аккуратно их составлять в альбоме.

Во втором классе я себя уже чувствовал совсем ветераном, и гимназия для меня была вторым домом, без которого я уже обходиться не мог. Школа вполне стала составным элементом моей жизни. Как «старший» я не пропускал случая доказать своего преимущества над младшими, что выражалось в подзатыльниках, пинках и прочих манифестациях своего преимущества. Я уже стал на переменах заглядывать и в уборную старших, где была курилка, но оттуда меня выставляли самым бесцеремонным образом. Может быть, поэтому меня и влекло туда.

При гимназии были воспитатели, и в частности на наш коридор приходился Сергей Васильевич Зозулин, которого мы звали «Затыкой». Это был пожилой господин с препротивным, как нам казалось, голосом и таким же характером. Казалось, ни одна шалость не ускользала от его взгляда, и вечное подписание столба после уроков было последствием его бдительности. Раз на уроке Закона Божьего я сидел на одной из задних парт и, когда батюшка ходил по классу, то я развлекался тем, что смешил товарищей высовыванием ног на парту. Я и не заметил, как «Затыка» смотрел в окно и наблюдал за мной. Вдруг он неожиданно вошел в класс и захлопал меня на месте преступления. Конечно, последовал выгон за дверь, запись в штрафной журнал, снижение балла за поведение и прочие репрессии. Помню, как я потом долго доказывал классному наставнику, что фактически показывал товарищу своему, как американцы сидят за столом, а вовсе не безобразничал.

Предмет рисование преподавал нам художник Сергей Иванович Кучинский. Это был человек средних лет, довольно добродушный, но умевший проявить и строгость. Всех он нас называл голубчиками и вечно сокрушался нашей [бесталанности - ?] к искусству. Я рисовал тоже довольно плохо, но в конце года получил пятерки, вероятно потому, что хорошо учился, да и потому что большинство учеников получало этот балл.

Преподавателем сербского языка был у нас Драголюб Иванович Илич, довольно симпатичный и милый в жизни господин, большой русофил, и, несомненно, высокой культуры человек. Но к нам он относился как-то странно, по сербской системе. Преподавал мало, драл за уши и прибегал к странным для нас наказаниям. Было такое впечатление, что когда он приходил на урок, то его охватывала сонливость. Придёт, бывало, на урок, долго что-то пишет в журнал, крутит ручкой, думает, а потом возьмет пару конфет в рот, жуёт и смотрит на нас. Мы молчим, сидим, смотрим тоже на него. Начинаются вскоре смешки, комментарии вроде того, что дайте и нам конфетку. Это его раздражает, он крутит ухо провинившемуся, а другого спрашивает: «Ты чего, мол, смотришь на меня?». После этого начинается вызов к доске и зверская ставка двоек. Раз как-то он в классе чихнул, и я совсем прилично ему сказал: «На здоровье», за что он меня выгнал

из класса. Долго я потом не мог доказать своему классному, что меня выгнали из класса только за это. <...>

Уже во втором классе я стал посвящать больше времени и внешкольным развлечениям. Конечно, в первую очередь это был футбол. Большим успехом у нас пользовался и кинематограф, в который мы ходили по праздничным дням. Конечно, мы покупали самые дешёвые места и сидели по два-три сеанса – пока не выгоняли. Ковбойские фильмы с постоянной стрельбой и драками, разные фильмы с американскими гангстерами и убийствами, конечно были нашей излюбленной темой и многие из нас и в классе, и на переменах подражали артистам и вытворяли самые замысловатые штуки.

За всё время пребывания в школе не прерывался у меня и контакт с ребятами – друзьями с моей улицы. И тут я принимал участие во всевозможных состязаниях, драках и авантюрах. В одну из зим мы соорудили большие сани и всей оравой ходили кататься на Вардарскую улицу где жил мой дядя. Часами мы мёрзли на улице и лезли вверх на крутую улицу, чтобы за несколько секунд с головокружительной быстротой, от которой спирало дух, спуститься вниз. Вовка Старицкий и Олег Якшич были моими неразлучными друзьями.

Особенно торжественно проводились нами Рождественские и Пасхальные праздники. На Рождество украшали ёлки, ходили по домам «христославить», а затем с нетерпением ждали утра, чтобы увидеть подарки и пойти с поздравлениями. На Пасху ходили на заутреню, катали яички, разговлялись.

Я любил ходить и в нашу «Соколану» – гимнастический зал, который был при гимназии, хотя и не особенно увлекался гимнастикой. Я плохо выжимался на руках, хотя и был сильнее многих своих товарищей, которые это делали легко и это меня убивало. Начальником нашим, как и преподавателем, был полковник Александр Рудольфович Ган, которого мы в шутку звали «брат – начайник». Он в нас развил правильный спортивный дух.

В годы немецкой оккупации Белграда Александр Сутулов учился в 7-м и 8-м классах. Многие родители со своими детьми в то время покидали столицу или сами гимназисты вступали в Русский Корпус. Класс Сутулова сократился – из 32-х в нём осталось всего 7 гимназистов, регулярно ходивших в школу. Те ученики, которые остались, явно не были на стороне немцев, но никто из них, как пишет Сутулов, об этом в классе открыто не говорил. Все были уверены в том, что никто из них не будет тупо подчиняться оккупантам. Мнения преподавателей по этому вопросу, однако, были разными. Гимназисты определённо знали тех преподавателей, которые отрицательно относились к немцам. С ними они делились добытыми новостями с Восточного фронта.

Получив аттестат зрелости, Александр мог продолжить обучение, так как университет в Белграде уже открыли и запись студентов возобновилась. Но чтобы прокормить семью, ему всё лето пришлось зарабатывать физическим трудом –

работой на постройках бомбоубежищ и бункеров. Осенью молодой человек всё же записался на 1-й семестр 1943/44 учебного года, на технологическое отделение технического факультета.

После освобождения Белграда, осенью 1944 года, студент Александр Сутулов, как местный русский, был мобилизован в Красную армию и зачислен в 14-ю механизированную бригаду 4-го механизированного корпуса генерала В.И. Жданова (3-й Украинский фронт генерала Р.Я. Малиновского). Его назначение как переводчика с сербского и немецкого вскоре оказалось не нужным, так как корпус с боями ушёл в Венгрию. Без всякой военной подготовки его солдатом перевели на боевые позиции, бегло ознакомив со стрельбой из автомата. Он участвовал в боях за Будапешт и Вену, а когда в апреле 1945 года его бригада из Венгрии направлялась к Румынской границе, югославского гражданина А. Сутулова демобилизовали и отпустили.

Александр вернулся в Белград и продолжил обучение на факультете, уже на новом, металлургическом отделении. В 1947 году он женился на сербке, в следующем году родился их сын Алексей.

«Резолюция Информбюро» 1948 года застала студента Сутулова на летней практике на шахтах в Трпче (Косово). Когда он вернулся в Белград, то явственно ощутил подозрительное отношение к себе, как русскому, и угрозу исключения из университета. Тогда Александр решил ускорить свое учение: он намного раньше своих однокурсников стал писать дипломную работу у одного из профессоров и уже 10 апреля 1950 года, на полгода раньше коллег, он вышел на защиту своей работы (по электрохимии, связанную с коллоидными металлами). Его диплом получил порядковый №1, так как оказался первым дипломом, выданным после войны. Александр Александрович сразу получил работу ассистента при институте Сербской Академии наук. Его начальник, профессор, довольно безответственно вёл научную работу и был равнодушен к своему персоналу. К тому времени в стране началось массовое преследование и депортация из страны русских эмигрантов. Родители Александра Александровича, как бесподданные, получили разрешение выехать на Запад. Их сын с семьёй принял решение присоединиться к родителям, но возникли трудности, так как и он и его жена были югославскими гражданами. По совету своего русского друга, Александру удалось подкупить полицейского чиновника, выдающего разрешения на выезд. Не имея всей требуемой на взятку суммы денег, он дополнительно предложил чиновнику и велосипед – тот согласился.

Спустя четыре месяца после защиты дипломной работы, 3 августа 1950 года семья Сутуловых погрузилась в поезд на Триест и покинула Югославию.

Все они попали в лагерь югославских русских, и ожидали «квоты» на выезд в другие страны. В пригородном лагере «Опичина» Александр провёл 5 лет, его отец и мать – 3 года, а жена с сыном – 2 года. Маленький Алексей заболел туберкулёзом.

Мать с сыном были отправлены в Швецию для лечения Алёши, а потом они оба возвратились в Югославию. Семейная жизнь Александра не удалась.

При содействии благотворительного Толстовского фонда из США родителей Александра Александровича приняли в Русский старческий дом в Ницце на Лазурном берегу Франции, и они уехали из Триеста.

Так Александр Александрович остался один. Тогда он и начал писать обширную «Семейную хронику», посвятив её своему первенцу. Кроме того, надеясь получить въездную визу в США или Канаду, он ещё в лагере занялся английским языком. Но к этому времени «югославская квота» на США уже была закрыта. При этом Александр при заполнении многочисленных анкет и на допросах в лагере имел неосторожность указать, что служил в Красной армии, и поэтому ни одно государство не хотело его принять. Однако, длительное пребывание в Триесте и несколько путешествий по Италии дало ему возможность познакомиться с влиятельными людьми из ряда стран. Они ему советовали уехать в Чили, государство, нуждающееся в инженерах из Европы, и снабдили его рекомендательными письмами. Таким образом, 31 мая 1955 года на пароходе «Amerigo Vespucci» Александр Сутулов отплыл из Генуи и 2 июля высадился в чилийском порту Вальпараисо.

Последний этап жизни Александра Александровича протекал счастливо. Вскоре по приезде в Чили он вступил в новый брак, в семье родились дочь и сын.

В начале своей блестящей научной карьеры Сутулов работал в лаборатории самого большого в мире медного рудника Эль-Тениенте. Здесь ему удалось разработать новую технологию, благодаря которой добыча молибдена и рениума из руды меди увеличивается во много раз. Это открытие принесло ему мировую славу.

В 1961 году университет города Консепсьон предложил Александру Александровичу создать первую в Чили кафедру инженерной технологии. Там он успешно работал до 1970 года, когда к власти в стране пришла коалиция коммунистов и социалистов во главе с Сальваторе Альенде. Учёный покидает Чили и уезжает в университет города Солт-Лейк-Сити, штат Юта, США, где поступает на кафедру инженерной технологии. Там им был основан отраслевой журнал «Internet Bulletin», он пишет учебники и научные статьи по своей специальности (23 книги, несколько сотен статей). В 1973 году выходит из печати его уникальная «Энциклопедия молибдена», благодаря которой в научных кругах А. Сутулов получает кличку «Мистер Моли».

По приглашению уже нового правительства Чили, в 1974 году А. Сутулов возвращается в страну и создает Национальную компанию по управлению медными рудниками «CODELCO». Последнее место его службы – исполнительный директор Центра Горного дела и Металлургических исследований «СИММ» в Сантьяго.

В 1986 году Александр Александрович стал профессором Honoris causa университета города Консепсьон. После его кончины была учреждена отраслевая

премия «Александр Сутулов», которая присуждается Министерством горного дела Чили.

Отец Александр Михайлович С., (17/30.08.1881, хутор Перелазовский, ст. Располинской, Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского – 03.07.1958, Канны, департамент Приморские Альпы, Франция). Николаевское кавалерийское училище (1902). Участник Великой войны и Белого движения. В 1919–1920 гг. командир 2-го Донского Корпуса. Генерал-лейтенант. Эвакуирован на корабле «Сегед». В КСХС – командир сотни Донского кадетского корпуса в Билече и Горражде (1920–1928). Скончался в отеле «La Sigogne» в Каннах, который был куплен Толстовским фондом (США) для русских эмигрантов.

Мать Галина Митрофановна С., (ур. Попова; 29.04.1902, Новочеркасск, Область Войска Донского – 1972, Солт-Лейк-Сити, штат Юта, США), окончила Мариинский донской институт в Белой Церкви. После смерти мужа переехала к сыну Александру.

Братья: Всеволод («Сева»), Борис и Сергей. Сестра Тамара.

1-й брак (с 1947 г.): Радмила С., (ур. Цолич; 20.09.1926, Жабари, Сербия – 08.12.2015, Белград).

Сын Алексей, (род. 13.07.1948, Белград), архитектор. Живёт в Белграде.

2-й брак (в 1957 г.): Консуэла С., чилийка.

Дети: Клавдия (Клаудия), (род. 1958, Консепсьон, Чили), психолог. В замужестве Лара; Александр (род. 1962, Консепсьон, Чили), видный художник, живёт в Сантьяго.

ДОНЕЦКАЯ (Иловайская) Ирина Алексеевна (Альберти), 05.12.1924, Белград – 04.04.2000, Кенигштайн, близ Франкфурта-на-Майне.

Видный журналист и общественный деятель.

Выпуск женской гимназии 1943 года.

В одном из интервью, данном в сентябре 1997 года, Ирина Алексеевна, поделилась фактами своей биографии:

Отец объединял два дворянских рода донских казаков – Донецких и Иловайских (из второго происходят три храбрых генерала, участники войны России с Наполеоном, а также известный историк Д.И. Иловайский). Семья отца была состоятельной, так как на их владениях были обнаружены и эксплуатировались богатые залежи угля. Алексей Фёдорович Донецкий окончил юридический факультет в Москве и стал успешным адвокатом. Его первая жена пострадала в революционные дни – была ограблена и убита, а их дочь скончалась от тифа. Уже как беженец в Константинополе, с сербской визой в кармане, он познакомился со своей будущей женой, Ксенией Георгиевной Лавцевич, генеральской дочкой, на 30 лет моложе его. Невесте пришлось прервать обучение химии в Киеве.

Вместе они прибыли в КСХС, в Дубровник, затем перебрались в Белград, где у них родилась единственная дочь, Ирина.

Отец скончался, мать снова вышла замуж. Она позаботилась, чтобы дочь овладела языками – французским, английским, немецким и итальянским. Помимо русского и сербского, позднее Ирина Алексеевна выучила еще чешский, греческий и испанский.

Обучаясь в гимназии, Ирина участвовала в работе и в концертах студии выразительного чтения под руководством В.А. Эккерсдорфа. В первом концерте Студии 18 декабря 1940 года на сцене Русского дома она читала стихотворение А.С. Пушкина «Арион».

Параллельно с учебой в гимназии Ирина посещала Православные богословские курсы и прибирала русский храм. Её духовным отцом был выдающийся богослов о. Георгий Флоровский, преподававший в гимназии Закон Божий.

После окончания гимназии Ирина Донецкая записалась на философский факультет Белградского университета, на отделение итальянского языка и литературы. Началась Вторая мировая война. В апреле 1941 года Югославия была оккупирована немцами. В это время едва не случилась трагедия: при попытке пробраться в Дубровник к больному дедушке, Георгию Карловичу Лавцевичу, Ирина с матерью по ошибке были арестованы, так как их приняли за евреек-беглянок.

Тем временем у Ирины появляется жених, итальянский дипломат, граф Эдгардо Джорджи-Альберти. Однако венчание не состоялось, т. к. после оккупации Белграда граф был вынужден срочно покинуть страну из-за установленных

немцами фактов его личного участия в оказании помощи сербскому подпольному движению сопротивления. В конце 1944 года Ирине вместе с матерью и семьёй отчима удаётся выехать в Австрию, там она уже сама с большими трудностями пешком переходит строго охраняемую итальянскую границу. (Мать с отчимом уехали в Южную Америку).

Ирина и Эдгардо повенчались в Риме, 11 декабря 1946 года. Графа Альберти восстановили на дипломатической службе, и молодая семья в 1947 году уезжает в демократическую Чехословакию. Там они становятся свидетелями инсценированного СССР «народного» переворота 1948 года, а в 1952 году вынуждены покинуть Прагу, так как муж был уличён в оказании помощи нескольким чехам, бежавшим из страны с фиктивными итальянскими паспортами.

Следующим этапом его службы оказались Вена (тогда еще разделённая на четыре оккупационные зоны) и Зальцбург, где Ирина родила дочь Кьяру. Некоторое время семья жила в Венесуэле (там родился сын Чезио), затем последовали Греция, Германия, наконец – Франция. В конце 60-х годов, после пережитого инфаркта Эдгардо вышел на пенсию, и семья возвратилась в Италию.

Ирина Алексеевна не любила исполнять роль только супруги дипломата. В Греции она редактировала модный журнал, в Италии – состояла сотрудником ряда газет, пользующихся хорошей репутацией, переводила и писала о России, сотрудничала с радиостанцией «Свобода».

После кончины мужа, последовавшей в 1975 году, по просьбе Александра Исаевича Солженицына, который в те месяцы был выдворен из Советского Союза и получил временное убежище в Цюрихе, Ирина Алексеевна согласилась сопровождать его с семьёй в США. Три года в Вермонте она была для них незаменима – как читатель иностранной печати, переводчик, деловой секретарь и советник. Постепенно, при общении с Солженицыными, изменились и её собственные политические взгляды на современность.

В 1979 году Ирина Алексеевна узнаёт о смертельном заболевании сына Чезио, художника, и возвращается в Европу. После смерти сына, оставшись одна, она принимает предложение стать редактором знаменитой парижской газеты «Русская мысль», но ставит при этом условие: реформировать эту эмигрантскую газету в орган, направленный к читателям в Советском Союзе.

В годы «перестройки» подачу объективной информации о происходящих событиях взяли на себя газеты в самой стране. Однако, они, конечно, не были независимы и свободны от рецидивов недавнего прошлого, не обладали достаточными знаниями и пониманием происходящего в мире. Поэтому вторая декада редакторского стажа Ирины Алексеевны была направлена на заполнение этих пробелов. На неё сыпалась критика со многих сторон, не обходилось и без временных финансовых затруднений, но были приобретены новые читатели – интеллигенция

в России и других странах. В газете сотрудничали не только русские диссиденты. Поляки эпохи «Солидарности» считали эту русскоязычную газету лучшим польским информативным ресурсом на Западе.

Ирина Иловайская руководила газетой более двух десятилетий, сохранив её и после развала СССР. Ирина Алексеевна нашла причины и смысл существования «Русской мысли» в последующие годы.

Будучи богато одарённой натурой, Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти общалась с видными личностями своей эпохи – Андреем Сахаровым, проф. Аленом Безансоном, Александром Солженицыным, баронессой Каролиной Кокс и многими другими.

Переломная точка в духовной жизни Ирины Алексеевны наступила в конце 1980-х годов, после послания папы Иоанна-Павла II, в котором говорилось о необходимости примирения и объединения христиан в XXI веке. Крещеная сразу после рождения в русском храме Св. Троицы в Белграде, она уже после замужества стала сближаться с католическим духовенством, в поздние годы – с парижским кардиналом и папой римским, одновременно общаясь с православными иерархами в России и зарубежье. До конца жизни её волновала судьба России и причиняло настоящее беспокойство будущность конфессионально разъединенного Христианства.

Ирина Алексеевна стала основательницей и редактором радиостанции «Благовест» (Москва), а также Христианского церковно-общественного канала – радио «София».

Скончалась она от инфаркта, во время своей командировки. Похоронена рядом с мужем и сыном на городском кладбище в Бевании (Умбрия, Италия).

В феврале 2001 года в Риме был создан Международный фонд её имени, с архивом, библиотекой и комитетом для устройства научных семинаров по гражданским правам, взаимоотношениям между народами, защите свободы и демократии. Филиалы фонда открыты в Москве и Париже.

Отец Алексей Федорович Донецкий, юрист, адвокат в Москве.

Мать Ксения Георгиевна Д., (ур. Лавцевич; 21.10.1899, Луга, Санкт-Петербургской губ. – 13.12.1976, Асунсьон, Парагвай), дочь генерала. Во втором браке Асева.

Муж: граф Эдгардо Джорджи Альберти (Edgardo Giorgi Alberti, 24.06.1907, Маджионе, Италия – 1975), дипломат.

Дети: Кьяра (Chiara Maria Elisa, род. 21.10.1952, Зальцбург, Австрия); Чезио (Cesio, 24.05.1954, Каракас, Венесуэла – 1979), художник.

ГЮНТЕР Игорь Евгеньевич, 05.03.1921 (22.06.1922), Херцег-Нови, ныне Черногория – 14.11.1991, пос. Пролетарский, Белгородской обл., СССР.¹

Железнодорожник. Машинист.

22-й выпуск 1942 года.

Основные сведения о полной драматизма жизни Игоря Евгеньевича авторы почерпнули в документальном фильме «Незримо возродиться в умирании» и из рассказов режиссёра фильма Александры Русаковой.² Фильм снят в 2008 году. Однако ответы на многие вопросы о своей судьбе Игорь Евгеньевич унёс с собой в могилу, не доверив их никому.

Близнецы Игорь и Лидия родились в древнем городе Херцег-Нови, что стоит на берегу Адриатического моря. В 1920-е годы здесь образовалась небольшая русская колония. Родители были эвакуированы из Крыма.

Их отец, обрусевший немец, Евгений Карлович Гюнтер, до революции жил в Киеве, занимаясь книгоиздательством и, возможно, книготорговлей. По семейной легенде семья жила на Крещатике. Мама происходила из известной дворянской малороссийской фамилии Терновских. В дальнейшем семья уехала из Херцег-Нови, отец служил судейским писарем, затем чиновником в Радовиште и Охриде, пока за год до войны не получил места в Белой Церкви.

После окончания начальной школы Игорь продолжил учебу в среднем учебном заведении, но позднее родители привезли мальчика в Белую Церковь, где он поступил в кадетский корпус в XXI выпуск. Сестра Лидия училась здесь же, в девичьем институте. Однокашник Игоря, Алексей Истомин, живущий в Сан-Франциско, припоминал, что Игорь пришёл к ним примерно в 4-й или в 5-й класс, то есть лет в 13-14. Сохранилась фотография подростка Игоря, с характерными слегка оттопыренными ушами, среди кадет, сидящих в классе. Однако в списке кадет, окончивших корпус в 1941 году, фамилии Гюнтер нет.

Карточка полицейской регистрации жителей Белграда сообщает, что на 11 марта 1941 года Игорь Евгеньевич Гюнтер состоит учеником 7-го класса гимназии. Подданный Югославии. Холост, православный. Снимает жильё от владелицы вместе со старшим братом Георгием по адресу: ул. Краля Томислава, 10.

(Напомним, что через месяц, в апреле 1941 года, Сербия была оккупирована немцами).

1 Дата рождения И.Е. Гюнтера установлена по архивным документам Исторического архива Белграда (Фонд карточек прописки жителей Белграда за период 1924-1946 гг.) Вторая дата указана в анкете в его советском личном деле со слов Игоря Евгеньевича или на основании имевшихся у него при аресте документов.

2 Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва), 2008.

Можно предположить, что, имея намерение вступить на медицинское поприще, Игорь перешёл в гимназию, чтобы изучить латинский язык, который в корпусе не преподавался. Таким путём шли многие выпускники кадетского корпуса. Он сдал со всем классом экзамены «Большой матуры» летом 1942 года. Одним из его одноклассников и близким другом был Слава Забелин. Вместе с этим классом сдавали выпускные экзамены молодые люди, служившие в Русском Корпусе.

В это время сестра Игоря, Лидия, ушла, как медицинская сестра, в один из титовских партизанских отрядов. Не известно, был ли это добровольный шаг сестры или вынужденный.

Университет был закрыт, и Игорь, как позднее рассказал служивший в это время в Русском Корпусе Святослав Забелин, уехал куда-то в провинцию. Они встретились через год в Белграде. Игорь записался на медицинский факультет во вновь открывшемся университете на 1943/44 учебный год.

Дальше – трёхлетний провал. Это годы освобождения Югославии от нацистов, окончания Второй мировой войны, выдачи союзниками Советам казаков и «власовцев», годы зачистки Югославии от «белогвардейцев» сотрудниками СМЕРШа, НКВД СССР и органами безопасности нового режима.

Только летом 1947 года Игорь Гюнтер обнаруживается... в Советском Союзе. Он работает сторожем стройконторы треста «Сталинуголь» и живёт в городе Половинка, Кизеловского района, Пермской области. В действительности это не город, а посёлок, ныне сохранивший своё название как часть города Чусовой. Здесь Игорь Евгеньевич был арестован 11 июля 1947 года.

В Базе данных «Жертвы политического террора в СССР» приводятся анкетные данные Игоря Евгеньевича Гюнтера. Образование – незаконченное высшее.

В этой анкете есть интересная деталь: под фамилией Гюнтер стоит: (Козлов Игорь Евгеньевич). Запись в личном деле не может быть случайной. В кадетском корпусе годом младше Гюнтера обучался и закончил его Козлов Игорь Александрович. Дату своего рождения 22.06.1922 г. Игорь Евгеньевич тоже указал неверную. Можно сделать осторожный вывод, что он жил в Советском Союзе под чужой фамилией, но неизвестные нам обстоятельства вынудили его открыть своё подлинное имя.

Ему была вменена знаменитая 58-я статья Уголовного кодекса РСФСР, часть 4: *оказание помощи «международной буржуазии», которая не признаёт равноправия коммунистической системы, стремясь свергнуть её, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против СССР деятельности; наказание аналогично статье 58-2.*

А именно: *расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражд-*

данства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не ниже трёх лет, с конфискацией всего или части имущества.¹

Уже через месяц, 11 августа, Игорь Евгеньевич Гюнтер был осуждён на 7 лет исправительно-трудовых лагерей. По нескольким более поздним оговоркам самого Игоря Евгеньевича можно понять, что он работал на лесоповале. Помогал энкам как медик.

И.Е. Гюнтер будет реабилитирован прокуратурой Пермского края только в 2000 году, после его смерти.²

В августе 1954 года заключённый Гюнтер вышел на свободу, но не по амнистии – осуждённых по политической, 58-й, ещё не выпускали, – а отбыв свой срок «от звонка до звонка». Ему выдали на руки справку об освобождении.

В те годы освобождавшихся обычно направляли по месту их бывшего проживания или ареста, где они должны были обращаться в милицию для постановки на учёт и оформления паспорта.

По семейной легенде Игорь Евгеньевич, якобы ехавший в Киев, сошёл с поезда на узловой станции Готня, Юго-Восточной железной дороги в Ракитянском районе Белгородской области. Это был страшно измождённый человек, отчего его уши казались еще более оттопыренными, одетый во что-то совершенно убогое. Впрочем, никто тогда не удивился такому его виду, поскольку по амнистии 1953 года из лагерей на свободу вышли и разъехались по необъятным просторам своей любимой родины миллионы «эсков».

Зачем, почему он вышел именно здесь – Бог весть. Возможно просто для того, чтобы немного подработать на еду и ехать дальше. В то время ему было 33 года.

Земную жизнь пройдя до половины, я оказался в сумрачном лесу...

Он не знал здесь никого. Но так случилось, что в прилегающем к станции поселке Пролетарский Игорь Евгеньевич остался на всю жизнь. Рассказывает дочь, Лидия Игоревна:

Когда я стала уже взрослой, меня, конечно, интересовал вопрос: мама, как же вы встретились? Как произошла эта первая встреча? И мать мне с удо-

1 Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. в редакции 1926 г. устанавливает ответственность за контрреволюционную деятельность: «контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и ... правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции». Отменена в 1961 г. Всего с 1921 по 1953 год по 58-й статье было осуждено 3 миллиона 780 тысяч человек.

2 Пермское краевое отделение международного общества «Мемориал». pmem.ru/index.php?id=1292 Архивное дело: ПермГАНИ, ф. 643/2. Оп. 1. Д. 447.

вольствием рассказывала. «Я просто встретила человека, увидела непохожего ни на кого мужчину, который отличается от всех. И ещё мне бросилось в глаза его трудолюбие, и честность, и порядочность. Когда грузили брёвна, он брался всегда за тяжёлый конец. И мне так его было жалко, он был такой истощённый, но он всю смену, которую они работали, старался, хотя никто его не заставлял». И когда мама увидела отца, они, молодые ещё, начали разговаривать. И папа откликнулся на её интерес.

Потом я точно с таким же вопросом обратилась к отцу, и он мне сказал, что он тогда был очень занят работой, и вдруг увидел маленькую, изящную, красивую девушку. И она была такая красивая, такая миниатюрная – а папа был достаточно высоким – она была такая весёлая, энергичная... Особенно для человека, который прошёл и север, и цингу – её улыбка была ослепительной. Зубы – жемчуг. И он сказал: «Я такой улыбки ослепительной не видел, не встречал никогда. Сияла просто вся. И этот жемчуг меня сразил». В общем знакомство их, состояние знакомства было недолгим. Они очень быстро нашли взаимопонимание и стали жить вместе. На свадьбу в то время рассчитывать не было никакой возможности, у отца вообще не было никого, а у матери судьба была тоже очень тяжёлая. Отец жил в общезитии, и мама сама нашла квартиру, потому что он не ориентировался в Готне.

Крестьянская девушка Женя возможно спасла Игорю жизнь: в общезитии все знали, что этот парень даёт деньги взаймы и не требует возврата, и эта пагубная несоветская привычка могла кончиться для него совсем плохо.

Каждый мужчина в послевоенные годы был на вес золота. Игоря приняли на работу в депо станции. Это тоже необычно, потому что и до сего времени железнодорожники имеют особый военизированный статус. А тут – враг народа! Но начальник, который его принимал, сам бывший фронтовик, умел разбираться в людях. В депо прошлое людей, подобных Игорю, не обсуждалось и притеснений не было. Всё решало то, как человек работает. А Игорь работать умел и любил. По Готне в те времена в сутки отправлялось до 48 поездов.

В положенное природой время родился первенец, названный Николаем. Его, как впоследствии и дочь Лиду, крестили тайно.

Жили тяжело. Женя каждый год осенью ездила к родне в деревню на главную советскую страду – уборку картошки. Неделю она работала с шести утра до десяти часов вечера и привозила домой три-четыре мешка картошки.

Лидия Игоревна:

Тяжело было очень матери. Потому что фамилия Гюнтер после войны, естественно, накладывала свой отпечаток, очень тяжёлый, это тяжёлая печать. И сам Игорь – эта его выправка, его умение разговаривать с людьми, конечно русских людей настораживали. Странно было, что он с бревнами... Что он выполняет работу, не бранится, не злится, не ропщет, не напивается. И женщины всегда

удивлялись тому, что он очень учтивый, очень такой внимательный, грамотный. Как медик он стал всем известен, его ценили, в то время человек знающий медицину очень ценился. Но маме было очень трудно. Потому что зависть людская, она всегда присутствовала. И были, конечно, случаи, когда всякие слова вслед маме проранивались. Но надо сказать, что у отца была достойная половина. Мама всегда это сдержанно воспринимала. Она очень любила его. Эта любовь была ощутима каждый день. Её забота о нем была ежеминутной.

Добрые люди подсказали Игорю, что ему надо получить среднее образование, дабы иметь возможность продвигаться по службе дальше. И выпускник гимназии смиренно пошел учиться в школу рабочей молодежи на станции. Окончил школу с тройками, сдавая экзамены в основном экстерном – дальние рейсы, да и сама жизнь, не оставляли времени на учение. Но что интересно: все его школьные учителя быстро становились друзьями. С ним было о чем поговорить, особенно учительнице немецкого языка, которым Игорь владел в совершенстве. Так в 1960-м году он получил второй, советский, аттестат зрелости.

Его перевели в помощники машиниста на паровозах. От помощника зависело многое, например, как тяжеловесный состав пойдёт в гору, на затяжной подъём. С ним любили ходить в рейсы, ибо он чувствовал и любил машину, как, по словам дочери, он любил кошку, цветок, окружающих людей, любил каждый начинающийся день. Машинисты говорили: «С Игорем Евгеньевичем нам проще, бесппроблемно, потому что он чувствовал, как паровоз идёт, напряжение его. И нужно было на подъёме быстро набросать в топку угля, а если ослабел или устал, то будем плестись и выбьемся из графика. С ним этих проблем не было».

В начале шестидесятых годов, во времена хрущёвской «оттепели», дабы хоть как-то решить вечную в СССР жилищную проблему, депо начало выделять своим работникам участки для постройки дома. Естественно, только самым достойным. Помощник машиниста И.Е. Гюнтер, как имеющий семью и двоих детей, тоже получил в 1961 году место или «план» и ссуду на строительство дома. И это было настоящее счастье!

Сын, Николай Игоревич:

И отец с матерью начали здесь работать, строить дом. Я этот период прекрасно помню, я в первый класс как раз пошёл. Здесь был пустырь абсолютно, место голое, и начали стены здесь расти, посреди этого пустыря и такая улица обозначилась Железнодорожная. ... Здесь жил весь персонал, связанный с железной дорогой. Потом мы здесь начали сад садить. ...

Знал он во всех областях, почему-то так, на удивление всем. Медицина – знает, малейшие заболевания – он нас всех лечил и лечил не медикаментами, а народными средствами... какие-то лекарственные препараты на основе трав готовил, и мы быстро приходили в норму. <...>

Очень любил детей. Любил детей всех на улице. Дядя Игорь его звали. И все бежали к нему за 20 – 30 метров. Он сразу подхватывал, обнимал, целовал и всё такое – вот такое первое знакомство было для всех детей с улицы. ... И он всем был рад беспредельно. Всегда всем. Где кто какую царапину получил, он сразу и пофукает, и скажет, и успокоит, и всё у него получалось просто. Он – человек, который был просто радость всем. <...>

С детьми постоянные какие-то игры, он всегда в центре внимания. Другие машинисты приходят, уставшие после поездок. Работа ж тяжёлая, изнурительная, надо же перебросать не одну тонну угля на топках. И как-то получалось – все отдыхали, а он два часа поспал и всё, он бодр. Выходит, играет в футбол. Он вместе с нами на равных играл. Любитель футбола был. <...>

Наша мать была из деревни Бобрава, и мы ездили туда к родне. Поскольку отец мог общаться со всеми людьми, любого ранга и положения, он начал говорить с конюхом колхозным. ... И тот потом мне говорит: «Я прямо в восторге таком, что столько Игорь знает о лошадях, он один меня понимает, что такое лошади. Один из всех, остальные ничего не понимают».

Этот красного кирпича дом на двоих хозяев, поднятый руками Игоря и Жени, стоит на Железнодорожной улице до сих пор.

Граница между соседями шла по середине выделенной территории. Открывая калитку с улицы, попадаешь на небольшой участок; дом стоит немного вдалеке, к нему ведёт бетонная дорожка, справа кусты смородины, слева подсобный сарай и летняя кухня, за которыми цветник, высокая яблоня «райка», посаженная ещё Игорем, вьющийся виноград. Переступив порог дома, сразу оказываешься в просторной кухне. Справа окно, выходящее на ворота и дорожку к дому, напротив от входа рукомойник, деревянная плита, холодильник. Широкий стол перед окном. Слева небольшая настенная полка-вешалка. Коты Муслим и Соня – неперемные жильцы этого помещения. Циновка на полу, скатерть или клеёнка на обеденном столе.

Из кухни через узкий коридор, проход в помещение, которое можно назвать прихожей, из которого есть выход во двор. Здесь же люк в подвал, встроенный платяной шкаф, слева – вход в длинный коридор, ведущий в жилые комнаты. Ковровая дорожка на полу, справа сплошная стена, у стены трюмо. Слева – две отдельные комнаты. Первая комната самая маленькая, кровать у стены, стол у окна, полки. Видимо, эта клетушка была комнатой родителей. Коридор заканчивается входом в самую большую квадратную комнату на два окна, гостиную, которую называли «зала». Напротив дверей – советская коричневая полированная стенка, заставленная книгами и хрусталём, по правой стене коричневый полированный журнальный столик и два кресла, слева от входа диван, большой уютный ковёр на полу. Между окнами тумба с телевизором. На окнах тюлевые занавески и шторы.

В зале хранится коллекция отцовских почётных грамот, благодарностей, значок «Победителю в социалистическом соревновании», фотография с Доски Почёта.

Однажды, когда дом ещё только строился, почтальонша принесла Гюнтерам конверт с большим красным крестом.

Лидия Игоревна:

К нам пришло письмо из Красного креста о том, что его нашла мать. Ольга Павловна Гюнтер разыскала своего сына. ... Я не знаю, что пережил отец, больше десяти лет не зная, где его родные. Он никак не предполагал, что они уже в Америке. И, конечно, я понимаю маму. Её тревогу. Видеть это счастье в глазах мужа и понимать, что теперь будет. Потому что бабушка больше всего на свете хотела видеть сына. Но, учитывая особенности тогдашнего времени, мама понимала и то, что если он уедет, то назад он уже не вернётся. И вот эта настороженность и радость, эта рана в сердце отца – они остались навсегда. Он из-за нас не мог увидеть свою мать. Кого-то выбрать – либо детей, либо мать – это немыслимо, и я не знаю, как он с этим жил. Знать, что родня есть, они тебя нашли, это твоя стая, но ты не можешь улететь... Это страшно.

Игорь к матери не поехал. С нею завязалась неспешная переписка. Он узнал, что старший брат, Юрий, живёт тоже в Америке и что у него растёт дочь Тамара. Почтальонше он каждый раз целовал руку, приводя её в страшное смущение. В небольшом поселке, конечно, все знали об этом нерядовом происшествии. Кто-то сочувственно вздыхал, мать всё же, а кто-то просто подумал, где она, эта Америка с её империалистами, а где наша Готня.

Лидия Игоревна:

Бабушка нас очень спасала, регулярно присылая посылки. Приходили упаковки продуктов, одежда. И тогда, в советские времена, для нас это всё было, как мы говорили, заморское, интересное, продукты замечательные, вкусные, одежда роскошная. Бабушка изо всех сил старалась, потому что у мамы были мы с Колей, да ещё и сёстры с детьми.

Но вскоре Ольга Павловна умерла в далёком Лос-Анджелесе.

Тем временем в депо пригнали новые локомотивы. Для работы на них отбирались лучшие. Игорь пошёл на курсы осваивать новую технику.

Паровозы поставили в отстой. Но на случай какой-либо, не дай Бог, ядерной войны, паровозы стояли всегда под парами, то есть они были законсервированы так, чтобы в случае выхода из строя локомотивов быстро пересесть снова на паровозы.

Ближе к концу своей службы Игорь Евгеньевич стал маневровым машинистом, вытаскивал, формировал составы. Причём работал он «в одном лице»: наблюдая за движением, делая перестановку состава, и осуществляя контроль других служб на случай их ошибки. Это требовало большого внимания и напряжения. На пенсию Игоря Евгеньевича проводили торжественно, с почетом и наградами.

С давних пор его любимым занятием было слушать по приёмнику югославские станции.

Лидия Игоревна:

Он мог часами сидеть и слушать радиостанцию Белграда. И песни. Я помню, как он опускал всегда голову на руки, а я была уже взрослым человеком, и я понимала: это тоска по родине. Это его родина, там, где он родился. Это его горы, Адриатическое море, это его красивые пейзажи, которые он нам рисовал, всегда море только, это стада овец, которые – он нам рассказывал – крестьяне весной выгоняли, а они, ещё детьми, бежали вместе со стадом. <...>

От профсоюза, я помню это, были путёвки за границу. И в Готне были, в депо. Отцу предложили путёвку в Югославию. Эта путёвка нас, детей тогда, обрадовала: вот папа уедет за границу, приедет к нам, подарки – всё это интересно, тем более, что папа увидит все родные места. Но, конечно, это были тяжёлые переживания для отца. ... «Доченька, – ответил он на мои убеждения, – мне трудно на это решиться. Мне очень трудно будет вернуться, ты понимаешь?» И я вдруг всё это поняла. Трудно вернуться назад. А вернуться нужно, но очень трудно. И он отказался. Не поехал. Мы были очень расстроены, растроганы, а что творилось в его сердце? Это очередной шрам на сердце, на котором и так уже не было живого места.

Николай Игоревич:

О себе он умалкивал, потому что не хотелось ему портить нам настроение, и он уходил от таких вопросов. Мы реальностью жили, и это его устраивало. По крупицам складывалась для нас судьба его. <...>

Мы складывали всё это в историю, в бытность его, где и как он был. Ну, по всей вероятности, лес пилил, хоть дальше непонятно, и лес пилил, и картошку копал, добывал мёрзлую, и врачевал там у заключённых. Как это всё было, он не высвечивал, о себе мало говорил. «Не хочу, чтобы вы что-то знали плохое, всё нормально, всё хорошо».

Лидия Игоревна:

Какое-то время, конечно, в нём жил страх. И мы это ощущали. Времена «железного занавеса». Конечно, когда мы анекдоты начинали рассказывать политические, он нас останавливал: «Смени тему! Не трогай!» То есть в нём было что-то такое, чего он не хотел касаться. И чтобы мы этого не касались, не спрашивали. <...>

Больше всего он боялся, мне кажется, чтобы ни с кем ничего не случилось. Вот этот страх, что с кем-то что-то случится из близких, он присутствовал в нём всегда.

Может быть он тяжело переносил советский строй. Но он только со смирением принял то, что так сложилась его жизнь. Он был добрым, честным, открытым, но не пустившим в своё сердце никого...

Что есть смирение?

В тяжком, неизбывном одиночестве прожил свою жизнь этот светлой души человек. Спасая детей для их дальнейшей жизни в Советском Союзе, он смог дать им лишь крохи из своего душевного и духовного богатства. И – ничего из страшного опыта своей жизни. От этой чёрной тоски не могли излечить ни чуткая жена, ни работа, ни уважение окружающих. В любимом и чужом отечестве, о котором было столько разговоров в детстве и юности...

Года за три до своего ухода Игорь Евгеньевич попросил дочь пригласить домой священника. Пришёл отец Николай, исповедовал и причастил.

Лидия Игоревна:

Я знаю отца как человека верующего. Потому что, когда мы приходили из школы, выкладывали все наши успехи и радости ... он всегда говорил то, чего не говорили все остальные в окружающем нас мире. Он говорил: «Слава Богу! Ой, как хорошо, слава Богу!» Мне это часто резало слух, потому что кроме него, я не слышала ни от кого таких слов – слава Богу! Когда мы уходили или куда-то уезжали, обычно отец мог перекрестить вслед. И я это замечала и это настораживало меня. Вера его была глубока, он никогда об этом не говорил и считал, что мы должны сами к этому придти, как оно в жизни и получилось. <...>

Это наше счастье, что мы встретили отца Николая. ... Он ждал отца Николая, я знаю это, и помню их долгие беседы, светлые, радостные.

Отец Николай Германский:

До сих пор в памяти моей хранится эта встреча и последующие наши встречи, на протяжении около трёх лет, пока он не отошёл в вечность. Я познакомился с замечательным человеком. Мы много читали о тяжёлых временах, которые постигли Россию, о людях, которые несли в сердце эту трагедию. Да, в общем-то и сейчас мы все чувствуем: в том, что сейчас происходит, есть отголоски того, что произошло тогда. ... И вот, Игорь Евгеньевич, человек замечательного образования и воспитания, человек закваски такой, как мы говорим, голубых кровей, он просто-напросто смиренно принимает свой крест. <...>

Те встречи с ним, которые Господь судил мне, открыли мне глаза на то, о чём я слышал много, я видел [это] как бы своими глазами. Я увидел человека той формации, той эпохи, человека, который как раз нёс в своём сердце трагизм разделения России. ... Я просто своим сердцем почувствовал, что это были за люди, о которых нам говорили, что они были врагами народа, врагами России.

Однажды я спросил у Игоря Евгеньевича: «Что же Вы в церковь раньше не заходили?» И он мне сказал: «Знаете, отец Николай, я проходил мимо церкви, смотрел на неё со слезами, мне казалось, это такой несчастный, обиженный ребёнок, временем, эпохой. Мне казалось, что именно эта церковь, она на самом деле, как говорили там, зарубежом, коммунистическая что ли, большевистская». Но со временем, подходя к порогу вечности, он просто понял, что всё гораздо сложнее и гораздо проще в то же время.

Он смирился и здесь, он позвал священника, это мог быть не я, а какой-то другой священник, он не выбирал себе какого-то подходящего, а вот именно по простоте, по смирению своему исповедался абсолютно искренне, причастился и затем делал это ещё несколько раз.

Его очень любили дети, и он посвящал им много времени. Блестящее образование, военное, медицинское, высшее безусловно. Он работал после освобождения из лагерей помощником машиниста. Он кидал в топку уголь лопатой, и что интересно, в его присутствии простые люди старались не выражаться нецензурными словами. Этот момент для меня замечательный совершенно.

Можно ли дать более высокую оценку человеку, отсидевшему семь лет в советских лагерях?!

Лидия Игоревна:

Это было в 91-м году. Отцу было очень плохо, очень тяжело. Со здоровьем было плохо, и мы сидели с ним на диване и смотрели передачу. И вдруг отец вскочил, вот прямо вскочил и к телевизору прильнул. Потом ко мне. Я вижу что-то случилось, я поняла он кого-то увидел. Он немножко успокоился и говорит: «Слава Забелин!» Всё, что он сказал. Потом эмоции его были такие сильные, что я старалась его успокоить и, скорей, скорей, записывать время и передачу. Я сразу поняла, что я обращусь на эту передачу. ... Я обратилась на телевидение, и мне пришло письмо, мне дали номер телефона и адрес Забелина, которого отец увидел. И мы с ним вместе написали. Каково же было счастье, какова была радость, когда мы получили письмо от Забелина. Это было радостно, светло и очень страшно. Страшно, потому что я боялась за отца, потому что тут уже я поняла многое, и кое-что он мне уже рассказал. И встретить человека, эту ниточку потянуть, которая раскроет, он ожидал этого, раскроет, и вот сейчас он всех увидит, вот Слава Забелин, Истомин Алексей, Иордан Алексей, Юрий Ольховский – это все его друзья¹, потом я об этом узнала, он так тянул за эту ниточку, он так старался. Но судьба распорядилась иначе. Когда все уже соединились, готовы были встретиться с ним, отца не стало.

1 Вячеслав Николаевич Забелин, гимназист, 22-й выпуск; Алексей Николаевич Истомин, окончил кадетский корпус в 1941 г., живёт в Сан-Франциско; Алексей Борисович Иордан, окончил кадетский корпус в 1941 г.; Юрий Львович Ольховский, «Не окончившие гимназисты», см. Окончил кадетский корпус в 1941 г.

Отец Николай:

Это был спокойный человек, с ним было абсолютно спокойно, и он был абсолютно искренним, не лукавым человеком, это тоже бросалось в глаза, с ним было просто легко. И люди это чувствовали. ... И вот когда он отошёл в вечность, мне пришлось провожать его в последний путь. Я вспоминаю эту трогательную картину: собралось очень много народа, когда мы шли, там дом, где он жил недалеко от железной дороги, и вот паровозы, которые там стояли, все начали отдавать ему дань, так сказать... такой гудок раздался нескольких паровозов и, конечно, всё это соединилось – и молитва церковная, и почитание его детей, и тех, с кем он работал, тех, кто с ним жил, кто его понимал, кто его любил.

Меньше, чем через месяц после кончины Игоря Евгеньевича Советский Союз перестал существовать.

Святослав Николаевич Забелин приехал в Пролетарский через семь лет после похорон своего одноклассника и друга. Он прожил несколько дней в краснокирпичном доме на Железнодорожной улице.

Отец Евгений Карлович Г., (ок. 1882 – ок. 1941, Белая Церковь), книгоиздатель в Киеве. Коллежский советник. В КСХС-Югославии судейский писарь в Радовиште (1932), в Охриде (1932), судейский чиновник в Белой Церкви (1940–1941). Подданный Югославии.¹

Мать Ольга Павловна Г., (ур. Терновская; 1883 – 1963, Лос-Анджелес). Из семьи киевских потомственных дворян.

Брат Георгий (Юрий), (13.08.1915, Киев – ?, США). Не принимал югославского подданства. В 1933 г. студент. В марте 1941 г. жил вместе с братом Игорем в Белграде. Род занятий не указан.

Сестра-близнец Лидия, (05.03.1921 – до 1945, Югославия). Окончила Маринский Донской девичий институт в Белой Церкви. Участвовала в боях в партизанском отряде. Сестра милосердия. Скончалась от воспаления лёгких.

Жена Евгения Григорьевна Г.

Дети: Николай, (род. 1955, пос. Пролетарский). Преподаватель. Живёт в пос. Ракитное, Белгородской обл. Дети.

Лидия, (род. ок. 1959, пос. Пролетарский), пенсионерка. Игорь Евгеньевич назвал дочь именем своей сестры. Дети.

1 ГА РФ. ф. Р- 6792. Оп. 2. д. 402, л. 8; д. 404, л. 13; д. 399, л. 5; д. 405, л. 14.

ТАРАСЬЕВ Андрей Витальевич («Дуда»), род. 09.05.1933, Белград.

Филолог-славист, педагог, регент.

1-й класс 1943/44 учебный год.

Братья Василий и Андрей родились в семье потомственного священника, оказавшегося в эмиграции в Белграде.

О своём детстве и семье Андрей Витальевич оставил подробные воспоминания, уделив первостепенное внимание своему деду.¹ Приводим выдержки из этих воспоминаний.

Отец моей матери, Людмилы Борисовны, Борис Нилович Литвинов-Масальский, дедушка Боря – единственный из старшего поколения, кого я знал и помню. Родители моего отца остались и умерли в России: мать София во время первой войны, а отец, протоиерей Василий, в 1929 году, с голоду. . . Бабушка Зинаида Александровна Литвинова, урожденная Кадилова, умерла, когда мне было 14 месяцев. Но зато дед Борис – неотъемлемая часть самых ранних, детских воспоминаний. Мы, дети, побаивались его. Он был несловоохотлив, строг, с утра до вечера сидел у окна с кисточкой и палитрой (мольберта у него не было и писал он, сидя за столом), очень часто выходил на кухню за чаем. Даже не видя его, мы знали, это по позвякиванию чашки о блюдец: у дедушки тряслись руки, хотя он до последних дней жизни в Белграде сохранил настоящую военную выправку и, рисуя даже миниатюры, был весьма точен. В комнату его нам было запрещено входить: там на диванах, стульях, подоконниках, вечно стояли начатые, полу законченные картины. Дедушка больше всего писал гуашью. Говорят, что я в детстве проявлял незаурядные способности к рисованию. Деду, как сыну художника, это очень нравилось, во мне он видел «продолжателя семейной традиции» и поэтому делал исключение и звал меня к себе в комнату. Моей радости не было предела: я ставил свой детский столик и стульчик у его ног и, внимательно следя за его рукой, «писал» тоже самое или что-нибудь из головы. Это были самые счастливые минуты моего раннего детства, редкие минуты моего преимущества над другими детьми, вечно пользовавшимися своими правами «старших» (из всех родных и двоюродных я был самым младшим). Дедушка очень серьёзно относился к моей мазне, делал изредка замечания, объяснял, как взрослому, соотношение тени и света, но никогда не прикасался к моим рисункам. Как приятно было не отзываться на мамин голос, звавший, конечно, или мыть руки, или опять что-то есть, или помогать ей убирать квартиру. «Мы с дедушкой рисуем, не мешай!» Когда «картина» была готова, дедушка покупал её у меня, за полдинара или за целый, смотря уж по величине моего «холста» (на эту сумму можно было купить мороженое) и прятал рисунок в стол, или, иногда, ставил за стекло шкафа, что давало мне право время от времени заходить к нему, посмотреть на свою картину. <...>

1 Тарасьев А.В. Дед // Град Китеж. (Москва). № 2 (14), 1993. С. 10–30.

Так бывало, заиграешься после плотного обеда (по бедности, большинство русских количеством возмещало качество и в ходу были разные каши, гречневая, перловая, пшённая. . .) и в пылу игрушечного сражения икнешь или рыгнешь, невзначай. . .

– Андрей, иди-ка сюда! – вдруг прервёт твою игру голос бабушки.

– Пожалуйста, бабушка? – подойду к порогу его комнаты.

– Что это я слышу? А?

– Ничего!

– Как, ничего! Это ты громко рыгнул?

– А?.. Это. Да, я.

– Как тебе не стыдно?

– Да бабушка, в комнате ведь никого другого не было!

– Запомни! Русский дворянин ведёт себя прилично и когда он один в комнате! Понял!?

– Да, бабушка! – ответишь наспех, хотя в том-то возрасте разве было это понимать? Тем более, что об этом у нас говорилось весьма редко. Бабушка не носил своей второй фамилии Массальский, ни на какие «дворянские собрания» не ходил, впрочем, как и на разные заседания ополчений и объединений. Но, происхождением своим гордился, и, не случайно на переднем левом форзаце своего походного Евангелия, по памяти, уже в Сербии написал свою родословную, нарисовав и герб рода Литвиновых-Массальских. <...>

Дед Борис родился 18 (29) октября 1872 года в Костроме, 15-м ребенком из 17-ти. Десяти лет лишился отца Нила Иаковлевича, который будучи художником, отравился, готовя краски и умер 58 лет от роду. Закончив в 1891 году Казанское реальное училище, вступил в 278 Свяжский резервный батальон, был командирован в Московское пехотное юнкерское училище. В 1893 году становится подпоручиком Второго Туркестанского линейного батальона. Участие в экспедициях сыграло огромную роль в дальнейшей судьбе деда. Он навсегда влюбился в красоту Бухары, Туркестана, в красоту древних памятников. Начал делать путевые наброски к своим запискам. С детства обладая незаурядным талантом к живописи, обучаясь основам искусства у своего отца, профессионального художника, получив впоследствии возможность дополнить свое образование на академическом уровне, он, не зная того и сам, в те годы определил свою карьеру художника и основную тему своих картин: Среднюю Азию. <...>

В 1907 году, в далеком Чарджуе (теперь Чарджоу) родилась его вторая дочь, моя мать Людмила. . . <...>

Первая мировая война застала Б.Н. Литвинова в чине полковника, на должности заместителя командира 19-го Туркестанского стрелкового полка, вошедшего в состав Кавказской армии. Весь 1915 год полк воевал на побережье Чёрного моря на линии Батум – Трапезунд. Летом 1916 года началась знаменитая Эрзин-

джанская операция¹. Позднее, после взятия неприступного перевала Шайтан, командир полка Б.Н. Литвинов, лично поведший солдат в атаку, был награждён Георгиевским крестом. В январе 1917 года удостоен чина генерал-майора. В 1918 году он принимает на себя должность Командующего Закаспийским фронтом Белой армии и весь 1919 год сражается в этой области.

Еле оправившись после ранения, он зимой 1920 года совершает с семьёй, во главе отрядов Белой армии трудный, пеший переход по Военно-Грузинской дороге, по лютым морозам, из Владикавказа в Тифлис. Вынужденный отступить дальше, не подозревая, что впереди разгром и эвакуация, он попрощался временно с детьми и женой и ушел в неведомое. Вскоре до них дошли слухи, что генерал-майор Борис Нилович Литвинов, после тяжёлого ранения, числится в списках без вести пропавших. <...>

Начался новый, советский период их жизни в Тифлисе. Бабушку, как жену «врага народа» уволили, детей исключили из школы – пришлось наниматься сторожикой в ту же школу, а детей учить дома, в редкие свободные минуты. Спас их от ещё более ужасной участи и голодной смерти случай. В школе появляется немолодая, энергичная женщина. Перед бабушкой стоит бывшая кухарка её отца генерала Кадилова, особенно любившая именно её, Зиночку, которая обучала её языкам, истории. . . Нина Платоновна покровительствовала бабушке, в годы страшного голода доставала им то муки, то дров, то жиров. В 1922 году она посоветовала бабушке писать прошение на выезд в Константинополь к своей сестре, и по её личному ходатайству в апреле 1922 года, на торговом итальянском корабле St. Giorgio, мать с тремя дочерьми покинула навсегда Россию.

Семья затем оказалась в Болгарии, в городе Шумен, где мама преподавала в школах французский и немецкий языки и музыку. Девочки продолжили учиться. Все это время жена разыскивала мужа, писала в Красный Крест, обращалась в разные эмигрантские организации, но никто ничего не знал о Борисе Литвинове.

Однажды, из соседней страны, из Сербии, как продолжали говорить русские, хотя уже была создана Югославия, приехал в гимназию новый преподаватель. Когда директор знакомил его с коллегами, приехавший спросил бабушку, где её муж. Оказалось, что у него в Белграде есть знакомый с такой фамилией Литвинов. Ну, фамилия не из редких. . . Но, когда выяснилось, что и того зовут Борисом, да еще Ниловичем, что он и генерал, и художник – бабушка упала без сознания. . . **ДЕДУШКА ОКАЗАЛСЯ ЖИВ, ДА ЕЩЕ ТАК БЛИЗКО!** Но, как с ним вступить в связь? Очень просто: надо написать по следующему адресу – Сербия, Белград, Русская церковь, Литвинову. А в письме подробно рассказать о себе и о нём.

Так и сделали. Нужно сказать, что ещё и в моём детстве я помню, что после окончания каждого праздничного богослужения, выходил на амвон диакон или

1 Наступление турецких войск для возвращения утраченных ими Эрзерума и Трапезунда. Операция закончилась разгромом турок.

псаломщик и читал «оглашения», т. е. сообщал о тех, кто хочет вступить в брак и спрашивал, нет ли людей, знающих какие-либо законные препятствия этому. . . . Затем, читались письма от лиц, разыскивающих своих родных. Поэтому, я точно могу себе представить, как в нашей скромной, только что выстроенной русской церкви, вышел протоиерей о. Иоанн Байздренко и прочитал бабушкино письмо, затем, как дедушка, пробиваясь сквозь толпу молящихся от того места где он стоял, так как там на стене висел кусок спасенного им полкового знамени, подошел к амвону и сказал: «Я Борис Нилович Литвинов!»

Вскоре он приехал за своей семьёй в Шумен и, так, с весны 1925 года все они зажили вместе в Белграде. <...>

Мне кажется, что дедушка, как-то сразу, с самого начала скитальческой жизни понял и осознал всю безнадёжность планов на «победное возвращение». Он не участвовал в разных военных собраниях, называя их «игрой в солдатики», не ходил на всевозможные лекции и публичные выступления «великих воинов». С самого начала своей жизни в Сербии дедушка посвятил себя всецело своему искусству – живописи, рисуя весьма интенсивно на всех материалах, которые были доступны художнику без средств. Уже первые его выставки обратили на себя внимание белградских ценителей искусства. Дело в том, что у деда был довольно своеобразный стиль письма, а кроме того, его живопись была исключительно оригинальна по тематике: Средняя Азия, Туркестан, Бухара, Самарканд, Памир... Пошли заказы, налаживались знакомства. Несколько картин было даже куплено Королём. <...>

Приезд многодетной семьи, в значительной мере осложнил жизнь дедушки. Нужно было обеспечить жильём, одеть и накормить жену, трёх подросших дочерей (Ирину – 20-ти лет, Милочку – 18, Таню – 14) и крошку-дочку Юлию. Наняли квартиру у сербской семьи, иногда расплачиваясь написанной картиной. Я не знаю, придумал ли это дедушка сам, или это были чужие слова, но он часто про свою профессию говорил так: «Написать картину – это искусство, продать картину – это гениальность!» Чаще всего картины продавались прямо с выставки. Тогда, вдруг, после продолжительного безденежья, приваливало счастье. Мама рассказывала, что, получив крупную сумму, дед бросал деньги на пол и вся семья, взявшись за руки, плясала вокруг них какой-то индейский танец. Покупки жене и детям он любил делать сам, по своему вкусу «художника» и бабушка потом долго, безропотно носила лиловое пальто, блузки невероятных оттенков.

Жизнь как-то налаживалась, дочери стали выходить замуж: Ирина за студента Георгия Вейнберга, Татьяна за архитектора Всеволода Татаринова, сына полковника, и последней, мама, за студента Богословского факультета и псаломщика при Русской церкви в Белграде, мариупольца Виталия Тарасьева. С этим выбором дедушка не был согласен и всю жизнь недолюбливал папу, хотя не показывал этого: дочь генерала, дворянина, и вдруг – «кутейник». Тем не менее дедушка был очень верующим человеком.

После смерти бабушки в 1934 году, резко изменившей характер дедушки, и нашу жизнь, он не мог оставаться с девятилетней дочкой Люлей и уже 1 ноября

1934 года папе пришлось нанимать квартиру побольше и брать тестя к себе. В том же году дедушка со своей самой младшей дочерью Юлией переехал к нам, посвятив себя всецело заботам о ней.

До самой войны никаких крупных событий в нашей семье не происходило. Закончив четырёхлетнюю начальную русскую школу, Юля перешла в восьмилетнюю Русско-сербскую женскую гимназию. Занимались по старым учебникам: Истории Платонова, Соловьёва, Арифметике Малинина-Буренина, Геометрии Киселёва, Словесности Саводника и пр. Преподавали многие профессора университета, некоторые из-за незнания сербского языка не работающие на факультетах. Детей учили беречь учебники, их обучали переплётному мастерству. В конце учебного года, те кто не уберегли свой учебник, должны были сами переплести его и сдать в полном порядке.

1940 год был тревожным. Хотя все говорили о мире, все готовились к войне. Нам детям многое нравилось: во-первых, всем выдали противогазы, и мы часами щеголяли в них, затем по вечерам устраивались пробные тревоги: выли сирены, все затягивали окна тёмными тканями, запрещалось выходить на улицу. Нам-то было до забав, а каково было нашим родителям, уже хлебнувшим горя! Не случайно, мама уже в 1939 году, будучи уверена, что война неизбежна, что прокатится она и по Югославии, сшила нам всем большие брезентовые рюкзаки (бомбардировочные мешки, как она их называла), куда сложила по несколько пар белья, джемперы, рубашки, обувь, плащи, мыло, соль, спички, галеты, кусковой сахар, свечи. . . . Время от времени она меняла то, что могло испортиться, или из чего мы вырастали. И как нам всё это пригодилось в трудные годы немецкой оккупации Сербии! <...>

Это раннее утро 6 апреля мне запомнилось навсегда и до мельчайших подробностей. Было воскресенье. . . . Мама разрешила нам «драться» подушками, так как в этот день всегда сменяла белье. Мы дружно забрасывали папу «снарядами», мама пошла на балкон выбивать одеяла. По радио передавали утреннюю зарядку. . . . Вдруг мама влетела в спальню.

– Витя, война! Немецкие самолёты. . . . стреляют!

– Что ты, это опять маневры.

В это время к нам вошёл дедушка. Он серьёзно, но совершенно спокойно сказал:

– Отец Виталий, это война. Самолёты еще не бомбят, но по ним бьют настоящие зенитки. – Дети, – обратился он к нам. – Запомните. Стоять надо в проёме самой толстой двери. Пусть вас не пугает завывание бомб: пулю, снаряд, бомбу, которая летит на тебя, не слышишь. . . . При сильных взрывах, открывайте широко рот, тогда вас не будет оглушать. <...>

Все четыре года войны дедушка был нашей опорой, моральной поддержкой – особенно для нас детей. Его спокойная рассудительность, открытый вызов опасностям, даже смертельной, настолько нас успокаивали, что иногда мы просто забывали об элементарных правилах осторожности. <...>

Шли годы, один труднее другого. Мы голодали. . . Но уже был перебит хребет немецкого многоголового чудовища, уже флажки на дедушкиной настенной карте заплясали, замелькали все ближе и ближе. . . Многие из русских стали готовиться к отъезду. Все чаще об этом поговаривали и у нас в семье. Приходили близкие знакомые, уговаривали папу уезжать: ведь приближаются большевики, а Вы, священник, разве забыли, что они с духовными лицами делают. . . Помню разговор об этом между мамой и папой. Мама сказала очень просто: «Ты – священник. На тебе большая моральная ответственность. Решай по совести, как будто меня и детей нет. А мы будем там, где и ты!» И у папы этот вопрос решился просто: «Если останется кто из моей паствы, с ним должен остаться и я».

Многие соратники и подчинённые пытались и дедушку уговорить не оставаться в Белграде.

– Ваше превосходительство, Вы должны уехать за границу.

– Сейчас не мирное время, чтоб я мог «уехать» за границу, например, в Ниццу и Баден-Баден. Вы предлагаете мне бежать. А русский царский генерал с немцами бежать не смеет! Я честно боролся за свои идеалы, присяге не изменял, после конца Гражданской войны ни во что не вмешивался, с немцами не работал, чего же мне бояться?

И дедушка тоже остался.

Белград очищен от немцев 20 октября 1944 года. За недостатком казарм, бойцов размещали и по квартирам, к нам, как к русским, больше всего. Много впечатлений мы вынесли от этого непосредственного контакта с русским народом. Ведь наше положение было специфическим: мы не только были белоэмигрантами, но в семье был поп и белый генерал. Некоторые к папе обращались «батюшка», некоторые просто старались его не замечать, некоторые вступали с дедушкой в споры про ту войну, смеялись над ним, некоторые вставали при нём и обращались «Ваше превосходительство».

Кого только у нас не перебивало! Был и снайпер Миша, ухаживавший за своей винтовкой как за скрипкой Страдивари, был и красивый, гладко выбритый молодой капитан Саша, с двумя великолепными стилетами за голенищами. Он рвался в Германию мстить, с нервным тиком рассказывал, что он застал после немцев у себя в деревне. Дольше всего задержались у нас майор-танкист Толя, раненый в руку и едва спасшийся из загоревшегося танка на белградской площади Славия. Мама с тётёй лечили его ожоги и рану. Он держался вежливо, первое время не ел, не пил у нас, пока мама не сунула его ложку кому-то из нас в рот – он боялся отравы, говоря, что в Румынии немало их так погибло. Он водил меня на футбольные матчи, тётю на концерты, но был мрачен, замкнут, страшно мнителен. Нарушая, если не присягу, то уж во всяком случае какое-то жёсткое правило, он посоветовал сжечь всё, что может скомпрометировать дедушку.

И через неделю-две у нас был первый обыск. . . Затем, дедушку пригласили в командование, и он, вернувшись к обеду, сказал, что про него знают, что он специалист по военной топографии и хотят воспользоваться его познаниями. Так он стал регулярно ходить «на работу», иногда какие-то карты приносил домой.

Еще один наш «жилец» Ваня, или, как всегда представлялся: Иван Михайлович Жданов. Это был восемнадцатилетний, курносый, белесый, подмосковный паренёк. Он почти всю войну возил на «виллисе» какую-то майоршу, пока где-то в Карпатах или в Румынии не вывалил её из машины на крутом повороте, заметив это по странному приятному молчанию лишь через километр-два. . . За это он был разжалован в водители грузовика ЗИС, который и пропил в три дня в деревне Гроцка под Белградом, за что угодил в штрафной батальон. . . Он оставил светлое воспоминание о себе. . . Нас, детей, он кормил своим солдатским пайком: мы впервые тогда узнавали такие названия как «свиная тушенка», «двести граммов», «сообразить» и т. п. Трезвым он любил «просвещать» мою мать, пересказывать ей статьи из газет, приговаривая часто: читай, мамаша, газеты – очень помогает. Правда не объяснял отчего или для чего помогает. Пьяным он звонко стучал сапогами еще в коридоре, покорно подставлял ворот под струю холодной воды, всё извиняясь тихо:

– Это я так, мамаша, это я так! – И сразу заваливался спать.

С дедушкой он любил подолгу беседовать, все расспрашивая, а как было у нас тогда. . . Мы очень горевали, узнав, почему он вдруг пропал, как в воду канул. Осталась лишь его фотокарточка, как он сам говорил, с дарственной надписью. А может он и выжил?

За дедушкой пришли вечером 17-го июля. Мы только вернулись от все-нощной под Святого Сергия Радонежского. Спросили его, прошли к нему и через час вышли все вместе, сказав ему, что может попрощаться с родными. Дед был совершенно спокоен и кажется говорил, что скоро вернётся. . .

Много лет спустя мы сидели с мамой как-то вечером вдвоём и я неожиданно вспомнил, что число 17-ое, и что исполняется 40 лет, как увели деда. Тогда мама, попросив меня на завтра сходить на могилку бабушки и поставить свечку за деда, сказала:

– Я почему-то этого никогда вам не рассказывала. Запомни, рано утром на следующий день, папа пришёл снова и пришёл один! Он сказал не будить никого, собирал ещё кое-какие вещи, перекрестил спящих Люлю и вас, взял у Виталия благословение, поцеловал меня и ушёл.

Даже если его и ждали на улице или в коридоре, у нас из квартиры два выхода, второй через балкон, а из двора выходы на три улицы! Значит, деда пустили на честное офицерское слово!

Одно время принимали передачи, но вскоре сказали, что ходить больше не надо, так как его перевели куда-то дальше. . . А что это за «дальше» мы узнали через год, когда вдруг пришло сразу два письма от него: 5-ое и 7-ое, от 22 апреля 1946 года:

«14.4. сего года я получил от Международного Красного Креста и Полумесяца из Москвы сообщение за №27-Ин., что я имею право сноситься с вами и получать посылки, деньги (не выше 150 р. в месяц). А потому пишите ради Бога скорее, чтобы письмо пришло к 1 июля, ибо по опыту соседней письма идут 1–1, 5 месяца.

К сожалению, по состоянию здоровья мне нужна от вас посылка, главнейшее сала (смалец) и рыбьего жира, сколько возможно больше; чеснок, (сгущенное молоко если не дорого), кофе, лимоны и лекарства для поддержания деятельности сердца, и ещё всякой мелочи (носки, старые Люлины чулки, бумага, перья, карандаши, кисти). Краски. Посылка не выше 8 кило в ящике через почту или через Красный крест, в Москве по указанным выше адресам для передачи мне.

Письма пишите сразу два: одно в мой адрес, а другое в Международный Красный Крест, с просьбой переслать мне, указав мой адрес. Живу слава Богу, отлично, но мне скоро 74 года и надо меня поддержать. Адрес отправителя: С. С. С. Р. Мордовская А. С. С. Р. станция Потьма, поселок Явас, п/я 241 Борис Нилович Литвинов».

Лишь в 1991 году семья Тарасьевых получила документ:

Борис Нилович Литвинов, 1872 г. р., уроженец г. Костромы, русский, вне подданства, беспартийный, вдовец, бывший генерал-майор Белой Армии, белоэмигрант, проживал в Белграде.

Осуждён за связь с немецкой разведкой, псевдоним «Ампуль».

Осуждён 28.08.45 г. Военным трибуналом 37 армии по статье 58-4 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет, без конфискации имущества.

Начало срока с 21.08.45. г.

Скончался 04.03.48. г. Диагноз – инфаркт миокарда. Похоронен на кладбище – 10 лагерный пункт, могила № А-30.

Все это пережила семья Литвиновых и Тарасьевых, типичная белградская русская семья.

В 1938 году Андрей был принят в подготовительный класс русской начальной школы, а в 1939 году – в 1-й класс. Первой его учительницей была Евгения Родионовна Колчина, во 2-м классе Вера Петровна Малинина (супруга директора гимназии Ивана Малинина), а в 3-м и 4-м классах Андрей Зиновьевич Куликов.

По просьбе авторов Андрей Витальевич по сохранившейся у него фотографии сообщил имена своих одноклассников, окончивших 4-й класс русской начальной школы, которые – как с большой долей уверенности можно предположить – все поступили в 1-й класс гимназии:

Андреевский Александр
Балевич Георгий
Великий Даниил
Винников А.
Винокуров Томислав
Гансон Георгий

Жуков Александр
Завиша Даниил
Иванов Борис
Иконников В.
Кузмин Сергей
Лободок Сергей
Малеванов Дмитрий
Недожѣгин Александр
Пихтовников Николай
Политов Николай
Родин Владимир
Слабиев Иван
Слободчиков Борис
Соловьѣв Александр
Страшнов Николай
Тарасьев Андрей
Токарев Георгий
Троянов Тихон («Тиша»)
Фененко Николай
Ярошенко Михаил

Закончив в 1943 году начальную школу, Андрей сдал вступительный экзамен и поступил в гимназию.

По вступительному в гимназии экзамену я запомнил Людмилу Гроссман, которая вела сербский язык. Она была очень возмущена тем, что мы ничего не знали, кроме каких-то стихотворений. А виноват был, конечно, наш милый школьный учитель Михайлович. О её дальнейшей судьбе я ничего не знаю.

Преподаватель математики Леонид Васильевич Коленко стал его классным руководителем, а классным наставником Ярослав Александрович Трушнович.¹

Как ученик, закончивший нашу начальную школу и учившийся (до закрытия в 1944 году) в нашей гимназии, я хочу подчеркнуть одну весьма важную деталь, связанную с нашими школами. Хотя среди наших родителей, среди наших духовников, среди наших педагогов было очень много людей не только претерпевших муки гражданской войны, но и жестокости безбожных победителей, переживших ужас гибели самых близких и любимых людей, нас никто из них не учил ненавидеть свою Родину! Мы заочно знакомились с Её святыми, нам преподавали Её славную историю, нам открывали тайны и красоту нашей литературы, и учили нас любить

1 Ярослав Трушнович, гимназист, 22-й вып.

Россию, верить в Неё, гордиться Ею. И так было во всех наших русских учебных заведениях на чужбине, в Сербии. Не случайно тогда, что мы русскую историю, географию и литературу знали лучше, чем сербскую. Да и язык тоже. И неудивительно тогда, что значительно позже, попав в Киев, Москву или Питер мы, ученики русских школ в Сербии, все узнавали и могли о каждом историческом памятнике многое рассказать. И нашим учителям за это – низкий поклон!¹

После ликвидации гимназии, осенью 1944 года, Андрей поступил во 2-ю сербскую мужскую гимназию, окончив её в 1951 году. Затем он год проучился на философском факультете (кафедра истории искусств), а с 1953 по 1956 год был студентом на кафедре славистики философского (ныне филологического) факультета, окончив университет в июне 1960 года.

С 1961 по 1962 год Андрей Витальевич работал лектором русского языка этого факультета, откуда был уволен за участие в богослужениях в Свято-Троицком русском храме, в котором состоял регентом хора.

Вернувшись на государственную службу в 1965 году, он преподавал русский язык в Институте заочного изучения иностранных языков, одновременно состоя и лектором русского языка на филологическом факультете. При кафедре славистики А. Тарасьев основал студенческий хор «Лучинушка». Хор поныне существует и даёт концерты. Последние 15 лет Андрей Витальевич на факультете был «высшим лектором-преподавателем» и вёл курс истории русской культуры. Вышел на пенсию в 1998 году.

Ещё во времена своей преподавательской деятельности, в 1991 году, Андрей Витальевич основал Общество сохранения памяти о русских в Сербии, своего рода белградский филиал Фонда славянской письменности и культуры с центром в Москве. Основная деятельность Общества – организация различных мероприятий, связанных с знаменательными датами русского Белграда и эмиграции в Сербии. Панихидами, вечерами-концертами, выставками архивных материалов, изданием брошюр с биографиями и участием в научных конференциях были отмечены юбилейные даты генерала П.Н. Врангеля, Патриарха Сербского Варнавы, митрополита Антония (Храповицкого), игуменьи Леснинского монастыря Екатерины (Ефимовской), схиархимандрита Мильковского монастыря Амвросия (Курганова), академик Александра Белича, палеографа Владимира Мошина, 85-летие с основания русской школы и гимназии в Белграде, 70-летие Русского дома в Белграде и т. д.

А.В. Тарасьев – автор ряда исследований, статей и двух книг: «Руски духовници – обновитељи српских манастира» (Ариље, 2008) и «Четыре духовника»

1 Тарасьев А.В. Русские учебные заведения в Сербии // Русские в Сербии / Отв. ред. А.А. Максак. Белград: Координационный совет российских соотечественников в Сербии; Весна инфо д. о. о., 2009. С. 70.

(русско-сербское издание; Београд, 2013). Им создан русско-сербскохорватский словарь и пособия с избранными текстами по русскому языку. Отдельно или в соавторстве он написал ряд учебников русского языка для сербских гимназий и средних учебных заведений (более 50-ти изданий, опубликованных в 1968–2007 гг.). На его рабочем столе воспоминания о русских в Белграде, в среде которых он рос и общался, став взрослым.

Андрея Витальевича не раз «осаждали» российские журналисты, в Белграде и в России. Вот один из характерных рассказов о встрече с ним:

– Здравствуйте, здравствуйте, голубушка! – громогласный и улыбчивый, похожий на Санта-Клауса седовласый человек стремительно припал к моей руке, протянутой для рукопожатия. – Мы вот тут чаёвничаем. Позвольте предложить и вам чашечку.

Заготовленные казённые фразы типа «рада приветствовать вас на земле ваших предков» и прочая дребедень, коей обычно пытаются склеить натянутость разговора при знакомстве, была тут же прервана безоговорочным: «А уж я-то как рад! И хватит этих китайских церемоний – чай стынет».

Так началось моё знакомство с Андреем Витальевичем Тарасьевым, русским эмигрантом в третьем поколении, потомственным «лампадным» дворянином (все его предки по отцовской линии были священнослужителями). Он живет в Сербии. В наши края, в Ярославль, наведаясь, что называется, с оказией. <...>

Первый раз я приехал в Советский Союз в 66-м году. Мы прибыли в Ленинград по приглашению родственников моей первой жены. Мне было всё так интересно, что я всюду ходил с блокнотом и записывал. По пути в Кировский театр (у Кирова слуха, как известно, не было, вот театр поэтому так назвали) я зашёл в магазин. Три ступеньки вниз и вывеска «Ликероводочные изделия». Душа моя возликовала – я преподаю в Белградском университете на кафедре славистики, а тут такие названия! Напиток «Заветы Ильича», «Солнцедар»... Сколько поэзии! И вдруг какой-то оборванец мне что-то говорит, явно по-русски, но я не понимаю: «Будешь...» и какая-то абракадабра. Я испугался, убежал. Но родственники вечером меня просветили.

На следующий день я вместо костюма надел какую-то телогрейку, нацепил картуз – замаскировался – и опять туда. Подошёл уже другой, но с тем же предложением. Я киваю и протягиваю ему рубль. О, рубль тогда был целым состоянием! Зашли в какую-то подворотню, они мне воблу предлагают, как главному спонсору. Я деликатно отказываюсь: дескать, покорнейше вас благодарю, но я только что отобедал – и смотрю, разливают водку в мутные такие стаканы. И тут прояснилась ещё одна мучившая меня ситуация.

Я бродил по Ленинграду целыми днями и часто заходил в молочные киоски перекусить. И никак не мог понять – не успеешь поставить на стол недопитый стакан кефира, как какие-то грязные тётки с цепким взглядом хватят стакан и понесли. Я кричу: «Постойте, я же не допил...» Куда там! Вот и наш стаканчик, когда

мы «на троих» соображали, был явно молочного происхождения. Мне тогда так всё это понравилось, что я еще трёшку отдал. За маленькие открытия.

Я вообще очень полюбил Ленинград, хотя сначала расстраивался, что первый приезд выпал именно туда, а не в Москву. Почему-то считал Питер западным городом – Растрелли, Росси. Одно было плохо – долго не мог найти действующие церкви. Их всего пять тогда было на весь огромный город. А потом сообразил: где нищие и голуби около храма, тот действующий.

– А как складывалась ваша жизнь?

– В Белграде были русская школа, театр, церковь, магазины, рестораны – всё. Наши бабушки и дедушки, родители, много видевшие и много пережившие, не учили нас ненавидеть: нас учили любить Россию, русский народ, все русское. Закончил начальную русскую школу. Какие у нас были преподаватели! В школе не было второгодников. Кроме классного руководителя за задней партой сидел старшеклассник-гимназист. За небольшую плату он был нашим воспитателем и репетитором. Если я не ответил на уроке на вопрос, он говорил родителям: «Завтра придите за Андрюшей на полтора часа позднее». Оставался с нами после уроков, объяснял, что непонятно. И сам на следующем уроке докладывал учителю: «Ученик Тарасьев к уроку готов».

– Вас часто оставляли после уроков?

– Нет, но бывало кое-что похуже. У нас обучение было раздельное, и самым страшным наказанием считалось, если тебя отправят в женский класс. Было очень стыдно, потому что все знали – ты наказан. <...>

– Отчего вы не пошли по линии отца, а выбрали светское поприще?

– Мой отец никогда не говорил: «Я хочу, чтобы ты стал священником». Он никогда ничего не проповедовал, он просто жил. Но мы видели, как он живёт, и в этом была наша вера. Я увлекался музыкой, получил среднее образование у очень известного сербского виолончелиста. Он скончался на моих руках, и я оставил музыку. Поступил на архитектуру, потом остановился на литературе. Семнадцать лет преподавал славяноведение в Белградском университете – у нас это называется славистикой. Надеюсь, что сделал что-то весомое и значимое на этом поприще. Читал лекции по русской литературе и архитектуре, объяснял, что такое иконостас, какие на Руси есть церковные праздники. Тем самым преподавал Закон Божий, что было в те годы запрещено. На эти лекции ко мне приходили даже коллеги с других кафедр. Но за это меня исключили в 62-м году сразу с двух факультетов – я еще пел и руководил хором в церкви, и я несколько лет не имел права преподавать.

– Вы часто бываете в России?

– Думаю, что достаточно часто, раза два в год. Но в основном это были Питер и Москва. Мне удавалось, конечно, «забывая» паспорт в гостинице и переодеваясь, тайно путешествовать по стране – тогда ведь никуда не пускали. Побывал в Смоленске, в Старой Руссе, во Пскове. . . Я знаю, как по-настоящему тяжело жилось в России, и преклоняюсь перед народом, который всё это выдержал и сохранил какую-то веру.

Сейчас [2003 год] я приехал после пятилетнего перерыва, и мне кажется, что изменилась сама атмосфера. Выросло новое поколение россиян. Я не о тех, которые, воспользовавшись ситуацией, набрали сколько могли и сегодня покупают особняки в Майами. Я имею в виду тех, кто имеет какое-то свое дело и честно работает.

Сейчас очень мало русских осталось в Сербии. Огромный исход русских был в 50-х, когда Тито поссорился со Сталиным. Русских стали притеснять, и они уезжали. Остались только те, кто знал: им на Западе делать нечего. И потом, что такое сейчас русский в Белграде? Он русский по происхождению, но сам-то он – не русский. Знаете, у нас в школе было написано изречение: «Родиться русским слишком мало, им нужно быть, им нужно стать».¹

Отец Виталий Васильевич Т., (1901–1974), митрофорный протоиерей, преподавал в мужской гимназии.

Мать Людмила Борисовна Т., (ур. Литвинова; 1907–1986, Белград), дочь генерал-майора. Сестры: Ирина, (ок. 1905 – ?), в замужестве за гимназистом 1-го вып. Г.В. Вейнбергом, Татьяна, (ок. 1911 – ?), Юлия, (1925, Шумен, Болгария – ?, Маракай, Венесуэла), гимназистка, выпуск женской гимназии 1944 г., замужем за гимназистом 15-го вып. Владимиром Акировым.

Брат Василий, «Не окончившие гимназисты», см.

1-й брак (с 25.09.1960): Ольга Николаевна Т., (ур. Петрова), филолог-славист, заведовала библиотекой Народного банка Югославии.

Сын Алексей (род. 18.10.1963, Белград), биолог-генетик, доктор естественных наук.

2-й брак: Ойдана Т., (ур. Джуич), филолог-славист. Сербка.

Дочь Мария, (род. 20.06.1986, Белград), в замужестве Тарасьева-Мудренович. Филолог-славист, педагог и переводчик.

Сын Никола, (род. 04.08.1988, Белград), график-дизайнер.

¹ Драч Л. Родиться русским было мало // Северный край. (Ярославль). № 96 (23933), 31 мая 2003.

ВЫПУСКНИКИ СМЕШАННОЙ ГИМНАЗИИ
1-й – 9-й выпуски

По просьбе авторов книги многие бывшие гимназисты и гимназистки, живущие сегодня в разных странах мира, прислали нам свои воспоминания, которые легли в основу их биографий. С иными нам удалось побеседовать по телефону.

Родственники, дети и даже внуки учеников гимназий так же помогли нам в работе над книгой. Существенную информацию мы почерпнули в бюллетенях Правления Объединения бывших учеников гимназий.

Источники иных сведений к биографиям указаны нами в подстрочных сносках или в главе «Источники и литература» во второй книге.

Жизнеописания гимназистов и гимназисток, которые нам удалось представить более полно, расположены вслед за общим списком учеников смешанной гимназии. В общем списке их фамилии помечены звездочкой (*).

Знак (**) стоит перед фамилией учащегося, жизнеописание которого мы поместили в главу «Несколько жизнеописаний гимназистов».

Список выпускников смешанной гимназии

1-й выпуск 1921 года.

15 учеников, из них 2 девушки.

АСТАФЬЕВ Леонид Константинович.

Архитектор.

Участник Белого движения. Эвакуирован в декабре 1919 – марте 1920 г. В мае 1920 г. в КСХС. Окончил архитектурное отделение технического ф-та Загребского ун-та в 1925 г.

Брат Михаил.

ВЕЙНБЕРГ Георгий Викторович, 06.03.1904, Санкт-Петербург – 08/21.03.1941, Белград.

Учился на техническом ф-те Белградского ун-та.

Отец Виктор Петрович В., (ок. 1886 – ?). Инженер путей сообщения. Участник Белого движения. Эвакуирован 23.02.1920 г. из Новороссийска в Салоники и затем в КСХС на корабле «Иртыш». (По др. сведениям 08.05.1920 г. из Одессы в Константинополь на корабле «Витинин»). В мае 1920 г. в КСХС. Некоторое время находился в Болгарии. Член Союза русских инженеров в Белграде.

Мать Зоя Ильинична В., (ок. 1899 – ?).

Сестра Анна, (29.04.1909, с. Черняево, Туркестан – ?). В 1-м браке Евреинова, во втором браке Блинова.

Жена Ирина Борисовна В., (ур. Литвинова-Массальская; 1905– ?). Сёстры жены: Татьяна, Людмила и Юлия – гимназистка, вып. женской гимназии 1944 г. Людмила – мать гимназиста (не окончил) А.В. Тарасьева.¹

****ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ Илья Николаевич, князь, 12/25.04.1904, с. Наталино, Саратовской губ. – 26.04.1969, Москва.**

ГОРТЫНСКИЙ Михаил Михайлович, 07.04.1902, Киев – 08.01.1959, Белград.

Инженер.

Окончил электромеханическое отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1927 г.

¹ см. подробнее о семье Литвиновых в жизнеописании Андрея Тарасьева в главе «Несколько жизнеописаний гимназистов».

Отец Михаил Григорьевич Г., (1874 – 1947, Белград). Николаевская инженерная академия (1900). Капитан. Участник Белого движения. В 1918 – 1920 гг. начальник конструкторского отдела при Управлении начальника авиации. В эмиграции в КСХС, член Союза русских инженеров.

Мать Ольга Г., (1870 – 1958, Белград).

Жена (с 1929 г.): Вера Дмитриевна Г., (ур. Чалеева; 1901 – 01.03.1985, Белград). Балетный педагог, преподаватель гимнастики в женской гимназии в Белграде.

Дети: Дмитрий, (род. 1931, Белград), Михаил (род. 1934, Белград), прожива-ет в США. Внук Борис Михайлович Г., (род. 1954, Белград), сценарист, режиссер, кинооператор.

ГУАДАНИНИ Леонид Юрьевич, 26.07.1901, Москва – ?

Окончил Высшую экономическую школу в Льеже (Бельгия).

Потомок рода знаменитого кременского мастера скрипичных инструментов Джованни Баттиста Гуаданини, ветвь которого преданно служила новой родине, России, за что была пожалована потомственным дворянством.

Дед Леонида был городским головой в Тамбове и членом Государственной думы III созыва.

Отец Георгий (Юрий) Иванович Г. Земский деятель.

Мать Вера Евгеньевна Г., (1879 – 22.11.1968, Париж). Во 2-м браке Кокушкина.

Сестра Ирина, (8/21.05.1905 – 04.11.1976, Париж), поэт, сотрудница Радиостанции «Свобода» (Мюнхен), любовь и вдохновительница писателя В.В. Набокова.

КЛИМЕНТОВ Сергей Степанович, 20.06(08 ?).1903, Санкт-Петербург – ?

Участник Белого движения. Эвакуирован в 1920 г. из Новороссийска на корабле «Анатолий Молчанов». Получив аттестат, Сергей записался в Высшую экономико-финансовую школу в Загребе, окончив которую, поступил на службу в Управление государственными железными дорогами чиновником.

В начале 1936 г. выслан из Королевства Югославия за коммунистическую деятельность и пропаганду. Из Вены выехал в СССР. Сергей Степанович жил в Ленинграде. Возможно умер во время блокады Ленинграда (1941–1944).

Отец Степан (Стефан) Федорович К., (27.03.1870, Вологда – 15/28.07.1953, Нови Сад). Участник Великой войны. Полковник. Вся семья Климентовых была эвакуирована из Новороссийска 01.03.1920 г. и зарегистрирована в Крагуеваце 27.03.1920.¹ Преподаватель математики в сербских гимназиях г. Велики Бечкерек. Держал там же частную русскую библиотеку.

¹ ГА РФ, ф. Р-5982, оп. 1, д. 177, л. 45/об.

Мать Юлия Игнатъевна К., (ур. Аннинская; 1881, Санкт-Петербург – 02/15.02.1944, Нови Сад).

Сестры:

Вера, (30.10.1904, Санкт-Петербург – 02.08.1986, Нови Сад). В замужестве Кисловская. Окончила Харьковский девичий институт. Врач-венеролог.

Ксения, (04.12.1908, Санкт-Петербург – 10/23.11.1933, Белград). Окончила Харьковский девичий институт. Чиновница городского суда в Белграде.

Жена Екатерина К., (14.04.1910, Белград – ?).

КРЫЛОВА Татьяна Александровна, 28.03.1904, Каменец-Подольский, Подольской губ., ныне Украина – ?

Студентка до 1937 г. Затем служащая Финансового управления в Белграде. Не замужем.

Отец Александр Павлович К., (08.08.1866, Новгород – 18.02/03.03.1930, Белград). Киевский ун-т (1890), Санкт-Петербургский технологический ин-т (1913). Инженер-технолог. Действительный статский советник. Чиновник канцелярии Киевского генерал-губернатора. Арестован в Киеве, перевезён в московскую тюрьму, откуда бежал. Эвакуирован из Одессы в Салоники на корабле «Рио-Пардо». В эмиграции в КСХС.

Мать Анна Ивановна К., (ур. Окрепцова; 01.10.1868 – 28.12.1937/10.01.1938, Белград).

ЛИПСКАЯ Вера Фёдоровна, 10.02.1904, Санкт-Петербург – ?

Отец Фёдор Александрович Л., (? – 14.06.1927, Париж). Директор правления Юго-Восточной железной дороги в России. Вся семья Липских была эвакуирована из Одессы 08.02.1920 г., зарегистрированы в Белграде 09.03.1920 г. Отец позднее выехал во Францию.

Мать Нина Сергеевна Л.

Сестры Нина, Анна и Ирина, брат Александр.¹

ЛЮБИНСКИЙ Всеволод Всеволодович, 23.10.1902, Киев – ?

Учился в Коммерческой академии в Болгарии.

Отец Всеволод Георгиевич (Юрьевич) Л., (1868, Каменец-Подольский, Подольская губ., ныне Украина – 20.10.1935, Вурберг, Словения). Окончил медицинский ин-т в Киеве в 1894 г. Владелец частной лаборатории. Позднее заведовал бактериологическим кабинетом в Киеве и служил помощником управляющего

¹ ГА РФ, ф. Р-5982, оп. 1. д. 177, л. 8/об.

Бактериологическим институтом. В 1918 г. министр в правительстве гетмана П.П. Скоропадского. Во время гражданской войны – консультант Российского общества Красного Креста на Юго-Восточном фронте. Врач-бактериолог. Изучал анаэробные микробы, вызывающие нагноения. В КСХС – начальник института вакцин в Белграде, позднее заведовал Бактериологической станцией в г. Заечар (1925–1929). Бактериолог поликлиники Российского общества Красного Креста в Белграде (1931–1935). Принял гражданство КСХС.

Мать Мария Л., (ур. Арабусина).

ЛЮБИНСКИЙ Дмитрий Ефимович, 13.06.1901, Брест-Литовск, Гродненская губ., ныне Белоруссия– ?

Участник Белого движения. Выйдя из гимназии, Дмитрий уехал в Бельгию, где учился в одном из университетов. Видимо позднее переехал в Чехословакию. В 1926–1931 гг. состоял в Обществе русских, окончивших высшие учебные заведения в Чехословакии.

Отец Ефим Иванович Л., землевладелец в Виленской и Гродненской губерниях.

ПРИВРОДСКИЙ (Привроцкий) Борис Ефимович, 25.03.1903, Санкт-Петербург – 22.01.1990, Нови Сад.

Врач-бальнеолог.

Эвакуирован с матерью из Крыма в Константинополь на миноносце «Шарброк» в 1920 г. В эмиграции в КСХС. Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та (1928) и затем работал врачом в местечках и городах Сербии, Македонии и Черногории. По специальности бальнеолог. С 1929 по 1938 г. Борис Ефимович служил в здравоохранительном кооперативе в м. Брусник, был санитарным служащим в г. Босилеград, а затем работал в г. Колашин и г. Андријевица, в м. Сува Река, м. Радовиште, м. Бреково и г. Арилье. С июня 1942 до января 1945 г. работал врачом в м. Драгинац. С января по июнь 1945 г. находился на военной службе (начальник санитарного поезда).

После Второй мировой войны остался в Югославии. С июля 1945 г. Борис Ефимович в должности санитарного служащего в м. Любовия и г. Вранье. Занимался он и частной практикой.

Отец Ефимий Карпович П., чиновник Министерства иностранных дел КСХС в Белграде.

Мать Елена Петровна П., (1876 – ?). Сестра милосердия. Участница Белого движения. Домохозяйка.

Сестра Ольга, (1900 – ?).

Брат Константин, (1901 – ?). Участник Белого движения. Первопоходник. Подпоручик л.-гв. Егерского полка.

Жена Мара, (ур. Радович). Сербка.

Дети: Наталия, (род. 1940), в замужестве Николич; Константин, (род. 1946).

ПЫШКИН Василий Иванович, 14.01.1900, с. Иванщенское, Пермской губ. – ?

Врач.

Участник Белого движения. Вольноопределяющийся. Эвакуирован из Крыма в Котор (КСХС) на корабле «Истерн-Виктор».

Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1942 г. С 1926 по февраль 1943 г. работал в Государственной больнице в Белграде как студент-лаборант и врач-стажёр. С марта 1943 по март 1944 г. частный врач в деревне Яша-Томич затем в деревнях Неузина, Эчка (Банат), с 1946 г. врач в государственных амбулаториях городов Скопье и Куманово (Македония).

После Второй мировой войны остался в Югославии. Гражданин СССР с 1946 г.

Мать Наталия П.

Брат Иван, гимназист 2-й вып.

Жена (с 1943 г.): Надежда Ивановна (ур. Бекеш), врач. Гимназистка, выпуск женской гимназии 1932 г. Брат жены Петр Бекеш, гимназист, 10-й вып.

СТРАХОВ Александр Сергеевич, 14.01.1904, Санкт-Петербург – ?

Окончил политехникум в Калрсруэ (Германия).

Отец Сергей Васильевич С., присяжный поверенный.

ФИЛАТОВ Лев Николаевич, 17.02.1902, Бахмут, Екатеринославская губ., ныне Украина – 25.10.1989, Франция.

Инженер.

Окончил политехникум в Праге. Участвовал в деятельности русских молодёжных организаций во Франции.

Отец Николай Михайлович Ф., (1871 – после 1937), врач. Окончил медицинский ф-т Харьковского ун-та (1895). В эмиграции в КСХС, в 1923–1932 гг. работал врачом Бактериологической станции в г. Битола, в 1932–1936 гг. – в амбулатории г. Куманово (оба в Македонии), с 1937 г. – в г. Вранье (Юг Сербии).

Брат Борис, гимназист, 2-й вып.

2-й выпуск 1922 года.

29 учеников, из них 3 девушки.

АДЛЕРБЕРГ Александр Александрович, граф, 10.12.1903, Санкт-Петербург – 15.09.1969, Champressy, Франция.

Происходит из древнего шведского рода.

Отец Александр Васильевич А., граф, (05.02.1860, Санкт-Петербург – 06.12.1915, Петроград), государственный деятель, тайный советник, сенатор. Петроградский губернатор (1911–декабрь 1915).

Мать Екатерина Николаевна А., графиня, (ур. Исакова; 1864 – 1948), дочь члена Государственного совета, генерала-от-инфантерии, фрейлина Двора.

Братья:

Николай, (1894 – 25.07.1939, Канн, Юг Франции), воспитанник Императорского училища правоведения, в эмиграции жил во Франции;

Василий, (1895 – 1992), в эмиграции в США.

Сестра Анна А., (09.02.1878 – 19.05.1941, Франция). В замужестве Баранова.

* **АСЕЕВ Александр Михайлович** (Aleksandar Asejeev, Alejandro Asejeu),

17.02.1903, Арженка, Тамбовская губ. – 27.01.1993, Сантьяго, Чили.

Врач, редактор-издатель.

БАГГОВУТ Владимир Константинович, 29.12.1904/08.01.1905, Рига, ныне Латвия – 28.03.1968, Буэнос-Айрес.

Происходит из древнего норвежско-шведско-эстляндского рода.

Владимир был эвакуирован с матерью в марте 1920 г. из Новороссийска на пароходе «Габсбург» в Салоники, а затем во Враньска-Баня в КСХС.

Получив аттестат зрелости, Владимир поступил на технический ф-т Белградского ун-та. Будучи студентом, осваивал европейские языки. Возможно одновременно с обучением он поступил на службу в торговую фирму.

По окончании Второй мировой войны работал в Германии. С 1948 г. – в Аргентине. Позднее в Буэнос-Айресе стал одним из директоров фирмы «Электромаг».

Отец Константин Владимирович Б., (09.08.1879 – 09.04.1908, с. Новосёловка, Изюмского уезда, Харьковской губ.). Окончил Пажеский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1866). Служил в 3-м гусарском Елисаветградском полку. Подполковник.

Мать Евгения Александровна Б., (ур. Щенснович; 01.01.1880 – 09.10.1959, Буэнос-Айрес).

БУРКОВСКИЙ Георгий Владимирович, 09.07.1904, Ломжа, Царство Польское, ныне Беларусь – 25.06.1959, Монфермей, Франция.

Участник Белого движения вместе с отцом, корниловец. Учился на техническом ф-те Белградского ун-та. Член Союза русских студентов.

Отец Владимир Константинович Б., (13.03.1863 – 20.10.1941, Монфермей, Франция). Николаевское кавалерийское училище (1884), Академия Генерального штаба (1892). Генерал-майор. Участник Великой войны и Белого движения. В мае 1920 г. находился в КСХС, позднее уехал во Францию.

Мать Антонина Ивановна Б., (? – 07.03.1934, Монфермей, Франция).

Сестра Нина.

ВАДКОВ Николай Николаевич, 04/17.05.1903, Киев – 11.04.1970, Загреб.

Врач-физиолог.

Эвакуирован из Крыма в КСХС в 1920 г. Окончил медицинский ф-т Загребского ун-та (1929). С сентября 1929 г. ассистент физиологического института медицинского ф-та Загребского ун-та. В 1931 г. специализировался в клиниках Лейпцига и Мюнхена. Опубликовал научные работы по прогрессирующей дистрофии мышц. С января 1939 г. занимался частной практикой.

В 1941 г. был временно мобилизован как врач в 13-й Домобранский полк в чине поручика. В 1944 г. при пронацистском режиме Независимого государства Хорватии был арестован и сидел в тюрьме за оказание помощи партизанам (лекарствами и деньгами). По окончании Второй мировой войны остался в Югославии, приняв гражданство. Работал ассистентом на медицинском ф-те в Загребе. В качестве врача сопровождал строительство железной дороги Шамац-Сараево в 1947 г.

Отец Николай Николаевич В., инженер.

Мать Людмила В., (01.03.1883 – 18.12.1962, Загреб).

Брат Александр, (27.07.1899, Киев – 23.06.1972, Загреб), доктор юридических наук. Гражданин Югославии.

Сестра Тамара, окончила юридический ф-т Белградского ун-та.

Жена Магдалена-Линка В., (ур. Урлич; 20.10.1899 – 03.03.1978, Загреб), домохозяйка. Хорватка.

Дети: Тамара (род. 1930), приёмный (с 1939 г.) сын Ефто (Гачич).

ГОЛУБЕВ Николай Алексеевич, 06.02.1903, Киев – ?

Врач.

Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та. Будучи студентом, Николай жил в общежитии в 1924 г. Служил в Русском Корпусе. Дважды ранен у с. Грачаница 28.11.1941 г. Один из немногих корпусников, кто был награждён Георгиевским крестом 4 ст. (19.12.1941).

Отец Александр Николаевич Г., (ок. 1881 – 10/23.08.1944, Белград). Надворный советник. Юрист.

Мать Серафима Г., (ур. Истомина).

Брат Сергей, 7-й вып.

Жена (с 1938 г.): Вера Г., (ур. Ковалевская; апрель 1904, Елисаветград – ?).

ГОРБОВ Михаил Николаевич, 14/27.12.1900, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина – 05.08.1968, Буэнос-Айрес.

Михаил начал обучение до революции 1917 г. в 1-й Казанской гимназии.

В январе 1919 г. Михаил Горбов вступил в Добровольческую армию. Он участвовал в боях под Екатеринославом, Верхнеднепровском, Валуйками, Старым и Новым Осколом, Воронежем. С января 1920 г. М. Горбов – ординарец в 1-м взводе ординарного эскадрона штаба Главнокомандующего. В Русской армии – личный адъютант начальника штаба Главнокомандующего до июня 1921 г. Эвакуирован из Крыма. Корнет.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та. Во время немецкой оккупации Сербии Михаил Горбов служил начальником канцелярии Бюро по делам русской эмиграции. Служил в Русском Корпусе.

В апреле 1948 г. Михаил Николаевич выехал из Европы в Аргентину.

Председатель Союза Императорской конницы и конной артиллерии. Действительный член Союза Св. Благоверного князя Александра Невского (отдел СЧРК). Председатель правления Объединения бывших учеников гимназии в Аргентине.

Отец Николай Сергеевич Г., (20.10.1873 – 05.07.1964, Буэнос-Айрес). Александровское военное училище (1894). Полковник. Участник Белого движения. В эмиграции в КСХС, с 1948 г. в Аргентине.

Мать Ольга Андреевна Г., (1879 – ?). Эвакуирована с детьми 25.03.1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер» на о. Лемнос, 16.10.1920 г. вернулись в Крым на корабле «Херсон».

Брат Георгий, 8-й вып. см.

Сестра Ольга, (1901 – 1983, Буэнос-Айрес), замужем за Дмитрием Гороховским.

Жена Ирина Петровна Г., (11.09.1908 – 29.10.1979, Буэнос-Айрес).

Сын Николай (18.04.1942 – 05.01.2004, Буэнос-Айрес).

ГРОТТО-СЛЕПИКОВСКИЙ Анатолий Анатольевич, 12.03.1902, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина – 05.12.1972, Аргентина.

Врач.

Участник Белого движения, вольноопределяющийся. Вероятно эвакуировался в КСХС вместе с родителями. Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1930 г.

Анатолий служил врачом в Русском детском доме в Мариборе в 1931 г. и в Донском Императора Александра III кадетском корпусе в боснийском городе Горажде до 1933 г.

После 1945 г. выехал с семьёй в Аргентину. Основал там собственную клинику. Ограблен и убит в глухой провинции облагодетельствованным им молодым аргентинцем.

Отец Анатолий Казимирович Г-С., (ок. 1864 – 06/19.10.1937, Белград). Полковник. Участник Великой войны и Белого движения. Служил агрономом.

Мать Варвара Петровна Г-С., (ур. Мазуркевич; 27.20.1870, Екатеринослав – 10.07.1939, Панчево).

Братья:

Георгий, (ок. 1886, Екатеринослав – до 1977). Участник Белого движения. Заведующий мужским интернатом с 1922 по 1926 г.

Всеволод, (18.08.1895, Екатеринослав – 12.10.1977, Париж). Участник Великой войны, произведён из вольноопределяющегося в офицеры в 1917 г. Участник Белого движения. Первопоходник. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции.

Пётр, (? – до 1977).

Жена Анна Г-С., (ур. Яковская; 19.11.1898, Россия – ?).

Две дочери.

ДОНЕЦКИЙ Вадим Алексеевич, 22.07.1903, Москва – ?

В 1922 г. учился на техническом ф-те Белградского ун-та.

Отец Алексей Д., коммерсант.

Брат Фёдор, гимназист, 4-й вып.

ДОНСКОЙ (Донсков) Дмитрий Андроникович, 10.10.1903, Николаев, ныне Украина – 06.05.1978, Загреб.

Инженер-механик.

Участник Белого движения. В мае 1920 г. в КСХС. После гимназии окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1929 г.

По окончании Второй мировой войны остался в Югославии.

Отец Андроник Б. Д., фабрикант.

Брат Александр (Алексей ?).

ЖУРАВСКИЙ Василий Михайлович, 06.08.1903, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина – 1988, Сан-Франциско.

Инженер-строитель.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1930 г.

После 1945 г. в США.

Отец Михаил Васильевич Ж., (04.04.1867 – 12.09.1939, Белград). Полковник Отдельного корпуса жандармов. Участник Великой войны и Белого движения. Эвакуирован в марте 1920 г. из Новороссийска в Салоники на пароходе «Габсбург», а затем во Враньска-Баня (КСХС).

Мать Зинаида Петровна Ж., (1868 – ?).

Сестра Екатерина, (1897 – ?), жена полковника.

Брат Юрий, (? – 15.01.1964, Рабат, Марокко).

Жена Любовь Алексеев (н)а (?), (1902 – 1987, Сан-Франциско).

Сын (?) Ян, (род. ок. 1930 г.), «Не окончившие гимназисты», см.

ИСЕЕВ Ростислав Эрстович, 19.01.1904, Саратов – ?

Юрист.

Окончил юридический ф-т Белградского ун-та.

Отец Эраст Андреевич И., (1852 – 23.01/05.02.1937, Белград). Депутат Государственной думы III созыва. Юрист. Участник Белого движения. Эвакуирован из Крыма в Котор (КСХС) на корабле «Истерн-Виктор». В Югославии служил чиновником.

Мать София Александровна И., (1864 – 15/28.02.1940, Белград).

Сестра София, (1898 – ?).

ЛИЩЕНКО Петр Игнатьевич, 1901, Таганрог – ?

Инженер-строитель.

Участник Белого движения. Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1929 г.

Отец Игнатий Л., коммерсант.

* **МАРКОВИЧ Валериан Владимирович**, 13.09.1904, Калиш, Великопольское воеводство, Царство Польское – 24.11.1975, Белград). Поступил в гимназию в 7-й класс.

Инженер-строитель.

Сестра Леонила в этом же выпуске, брат Георгий, гимназист, 4-й вып.

МАРКОВИЧ Леонила Владимировна, 15.01.1903, Калиш, Великопольское воеводство, Царство Польское – ?

Инженер-строитель.

Окончила технический ф-т Белградского ун-та в 1929 г.

Братья: Валериан в этом же выпуске, Георгий, гимназист, 4-й вып.

НИКОЛАЕВ Ростислав Михайлович, 11.11.1903, Нахичевань, Эриванская губ., ныне Азербайджан – ?

Инженер.

В 1922 г. Ростислав состоял членом Союза русских студентов, обучаясь на техническом ф-те Белградского ун-та. Переехав в Германию, окончил Высшую техническую школу в Шарлоттенбурге. Сохранил российское подданство.

Отец Михаил Петрович Н., (25.03 или 12.08.1877, Калуга – 13/26.12.1956, Белград). Институт путей сообщения Императора Александра I в Петербурге (1901). В КСХС работал по специальности в г. Бихач (Босния).

Мать Валентина Н., (1890 – 1967, Белград).

ОРЛОВ Павел Петрович, 08.02.1903, Санкт-Петербург – 14.10.1933, Париж.

Участник Белого движения. Эвакуирован, в мае 1920 г. в КСХС. Учился на техническом ф-те Белградского ун-та. Университет не окончил.

Отец Петр Петрович (15/28.08.1874, ст. Старочеркасская, Донского Военного округа – 23.09/06.10.1929, Нейи, под Парижем), генерал-майор. Николаевское училище (1895), хорунжий л.-гв. Казачьего ЕИВ полка. В январе 1915 г. – его командир в чине полковника. В марте 1915 г. произведён в генерал-майоры и назначен к свите Императора Николая II. В 1916 г. командовал гвардейской казачьей бригадой, в 1917 г. – 3-й гвардейской кавалерийской дивизией. Участник Белого движения на Дону. В эмиграции – член окружного совета Объединенных монархических организаций в КСХС, Председатель Русской колонии в Белграде. Участник Зарубежного съезда 1926 г. в Париже.

Мать Наталия Григорьевна О., (ур. Свечинская; 1877 – 04.04.1959, Париж).

Сестра Наталия, (1905 – 01.04.1967, Шелль, пригород Парижа), жена кавалергарда Николая Николаевича Шебеко.

ПОЛЬ Николай Филиппович, 21.11.1899, Таганрог, Херсонской губ. – ?

Отец Филипп П., техник.

ПОТОЦКАЯ Марина Дмитриевна, 01.11.1904, Санкт-Петербург – ?

Отец Дмитрий Николаевич П., (05.11.1880 – 31.03.1949, Нью-Йорк). Пажеский корпус (1900). Командирован в Абиссинию для доставки в Аддис-Абебу конвоя в распоряжение негуса Менелика. Николаевская Академия Генерального штаба (1909). Участник Великой войны, командующий 7-й Донской казачьей дивизией. Георгиевский кавалер. Генерал-майор. Участник Белого движения с ноября 1917 г. Комендант г. Ростова-на-Дону. Взят в плен в декабре 1917 г., бежал в Киев. С конца 1918 г. председатель комиссии по вопросу военнопленных. С начала 1919 г. в Герма-

нии. Уполномоченный Российского общества Красного Креста (1920–1923), военный агент в КСХС и представитель Главнокомандующего в КСХС. Обеспечивал приём эвакуированных из Крыма воинских частей, руководил отправкой чинов армии на работы во Францию. В Белграде состоял членом Общества кавалеров ордена Св. Георгия и Общества офицеров Генштаба. В 1925 г. переехал на жительство во Францию, затем в Алжир. С 1946 г. в США.

Мать София Павловна П., (ур. княжна Путятина; 1883 – ?).

Сестра София, (25.02.1907 – ?).

ПУЧКОВ Алексей Михайлович, 12.02.1899, Область Войска Донского – ?

Отец Михаил П., коммерсант.

ПЫШКИН Иван Иванович, 05.04.1901, Острогожск, Воронежская губ. – ?

Обучаясь на техническом ф-те Белградского ун-та, в 1922 г. состоял в Союзе русских студентов. Перешёл в военное училище в Белграде, которое окончил. Принял югославское подданство. Участник Апрельской войны.

Отец – нотариус.

Мать Наталия П.

Брат Василий, гимназист, 1-й вып.

* **СЕНЮТОВИЧ-БЕРЕЖНЫЙ (ошибочно Бережной) Георгий Георгиевич (Юрий Юрьевич)**, 26.10.1904, Полтава или Токари, Лохвицкого уезда, Полтавской губ., ныне Украина, имение матери – 1971, Брюссель.

Инженер. Глава территориального сектора по транспорту компании «Висиконго» в Бельгийском Конго.

СИДОРОВ Олег Алексеевич, 16.01.1903, Варшава – ?

В 1922 г. учился на философском ф-те Белградского ун-та. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США.

Отец Алексей Алексеевич С., (1864, Кронштадт – 06.12.1931, Белград). Варшавский ун-т (1885). Действительный статский советник. Председатель Московского комитета по печати. Один из идеологов Всероссийского национального союза. Участник Белого движения. Эвакуирован в марте 1920 г. из Новороссийска в Салоники на пароходе «Габсбург» и затем во Враньска-Баню (КСХС).

Мать Антонина Георгиевна С., (1869 – ?).

Брат Дмитрий, (ок. 1900 – ?).

І РУССКО СЕРБСКАЯ ГИМНАЗІЯ

1920-1930

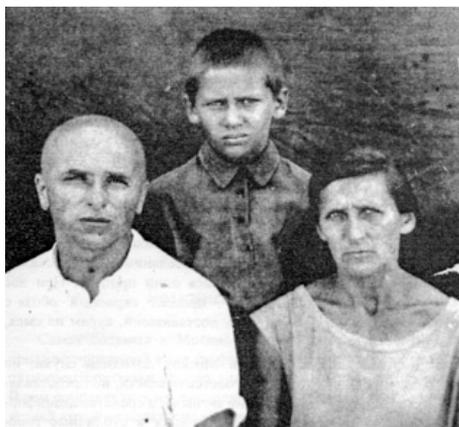

БЪЛГРАДЪ

Обложка Юбилейной Памятки гимназии. Белград, 1930 г.

Игорь Юскевич. Нью-Йорк, 1960-е гг.

Александр Трушнович с женой
и сыном Ярославом перед
выездом из СССР, 1933 г.
Собрание семьи Трушнович,
Франкфурт-на-Майне.

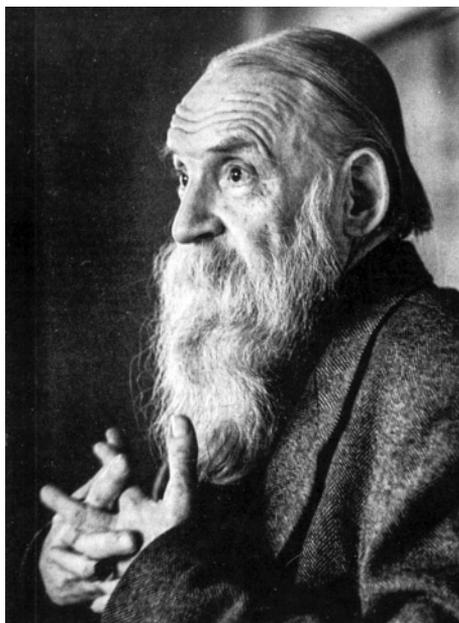
Илья Голенищев-Кутузов.
Белград, 1921 г.

Лидия Девель (Иванникова).
Белград, 1928 г.

Олег Гребенщиков. Белград, 1934 г.
Собрание семьи Гребенщиковых,
Москва.

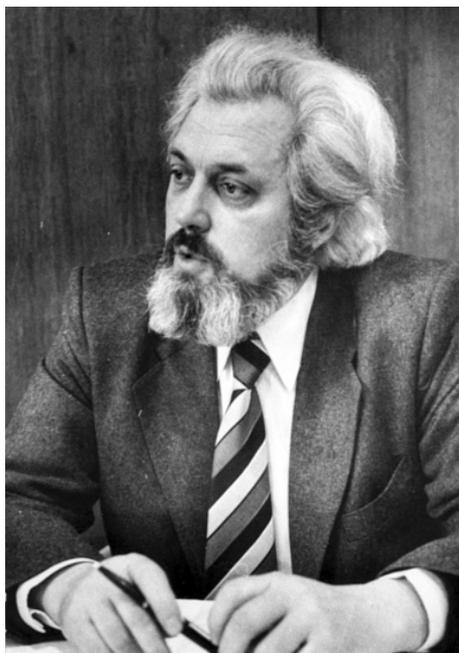
Никита Толстой. Москва, 1990-е гг.
Собрание семьи Толстых, Москва.

Юрий Лобачёв с женой и сыном. Белград, 1949 г.
Собрание Д.Ю. Лобачёва, Москва.

Александр Сутулов. Белград, 1940-е гг.
Собрание семьи Сутуловых, Белград.

Андрей Тарасьев. Белград, 1970-е гг.
Собрание А.В. Тарасьева, Белград.

Игорь Ордовский-Танаевский в Венесуэле, 1960-е гг.
Собрание К.И. Ордовского-Танаевского, Москва.

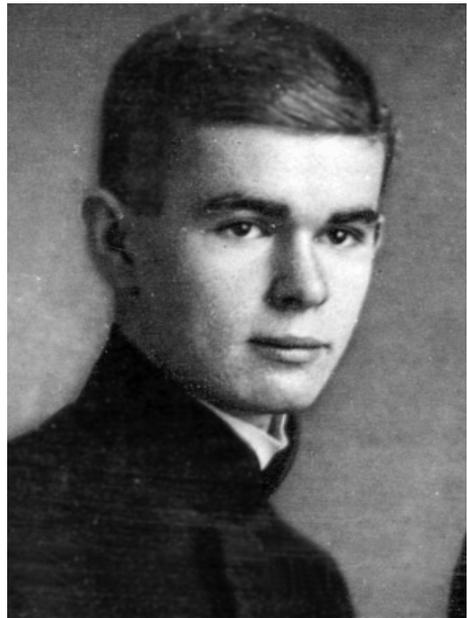
Русская сокольская форма в Сербии.

Андрей Зоц в сербской сокольской
форме. Белград, кон. 1920-х гг.
Собрание семьи Зоц, Москва.

Петр Анагности в сербской
сокольской форме. Белград, 1928 г.
Собрание семьи Анагности, Белград.

Владимир Анагности.
Белград, 1920-е гг.
Собрание семьи Анагности, Белград.

Сала Радничке Коморе у БЕОГРАДУ

Угао Немањине и Студеничке улице

Суббота 5 апрѣля 1930 года

СПЕКТАКЛЪ

учащихся 1-ой Русско-Сербской Гимназии въ Бѣлградѣ при участіи воспитанницъ Русской Женской Гимназии.

„Въ пользу недостаточныхъ воспитанниковъ интерната мужской гимназии.“

Три пьесы А. П. Чехова

1. МЕДВѢДЬ.

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица :

Елена Ивановна Попова, помѣщица восп.-ца VII кл. Жученко
Григорій Степановичъ Смирновъ, помѣщикъ восп.-къ VIII кл. Королевичъ
Лука, лакей Поповой восп.-къ VII кл. Алексѣевъ
Кучерь и садовникъ.

2. ЮБИЛЕЙ

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица :

Шипучинъ Андрей Андреевичъ, предсѣдатель правленія
Н-скаго Общества Взаимнаго Кредита восп.-къ VIII. кл. Сергѣевъ
Татьяна Алексѣевна, его жена восп.-ца VI. кл. Долинская
Хиринъ Кузьма Николаевичъ, бухгалтеръ банка восп.-къ VIII. кл. Асѣевъ
Мерчуткина Настасія Федоровна, старуха въ салопѣ восп.-ца VI. кл. Гофманъ
Депутатъ отъ членовъ банка восп.-къ VIII. кл. Зипаловъ
члены банка и чиновники.

3. ПРЕДЛОЖЕНІЕ

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица :

Степанъ Степановичъ Чубуковъ, помѣщикъ восп.-къ VII. кл. Григоровичъ-Барскій
Наталія Степановна, его дочь восп.-ца VII. кл. Исаева
Иванъ Васильевичъ Ломовъ, сосѣдъ Чубуковыхъ, очень
мнительный помѣщикъ восп.-къ VII. кл. Ледовскій

Администраторъ **М. М. Сергѣевъ**

Режиссеръ **С. В. ЗОЗУЛИНЪ**

Начало спектакля въ 8 час. вечера.

Послѣ спектакля **ТАНЦЫ** до 3-хъ час. утра.

Цѣны мѣстамъ отъ 10 до 35 ден. — Ложи 120 динаръ. — Билеты для входа только на танцы
(послѣ спектакля) 15 динаръ.

Билеты продаются въ книжн. магазинѣ „Славянская Взаимность“ (Франкопанова ул. 25)
“Возрожденіе“ Добринская ул. 12) и въ канцеляріи Интерната (Новопазарска ул. 52) а въ день
спектакля на кассѣ театра Радничкой Коморы.

Нина Гриневич. Белград, кон. 1920-х гг.

Ростислав Плетнёв. Белград, 1937 г.

Мариамна Гальская. Белград, 1920-е гг.
Собрание К.В. Гальского, США.

Владимир Гальской. Белград, 1932 г.
Собрание К.В. Гальского, США.

Книжаря

Проф. Ю. Н. Вагнеръ

Книжарство „Словенска Узајамност“
Београд, Таразије „Палата Росије“
Стовариште Битољска, 30

НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ

ПРИРОДОВѢДѢНІЯ

Основн. № 33

Сплата по нормальн. тарифу

Ч. I-я — Неживая природа.

Съ 112 рисунками въ текстъ и цвѣтной таблицей.

5-е исправленное и дополненное издание.

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Пров. всѣ части допущены въ качествѣ учебнаго руководства для мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

(Ж. М. Н. Пр. Май 1912 г.).

Ученымъ Комит. Минист. Торг. и Промышл. всѣ части допущены въ качествѣ учебнаго пособия для торгово-промышленныхъ учебныхъ заведеній.

(Постан. отъ 15 мая и 11 ноября 1909 г.).

Глави. Управл. Военно-Учебныхъ Заведеній II ч. допущена въ качествѣ учебника, III ч. въ качествѣ пособия для надетскихъ корпусовъ.

(Царк. № 19244 отъ 12 августа 1909 г.).

Глави. Управл. Землеустр. и Земледѣлія всѣ части одобрены въ качествѣ учебнаго пособия для подвѣдомственныхъ учебныхъ заведеній.

(Постан. за № 280 отъ 4 декабря 1909 г.).

Учеби. Комит. при Свят. Синодѣ всѣ части допущены въ качествѣ учебнаго пособия для мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

(Церкви. Вѣдом. № 7 и № 50, 1909 г.).

Изданіе Пироговскаго Товарищества, Кіевъ.
1912.

Учебник Ю.Н. Вагнера. 1912 г.
Фонд Библиотеки Матицы сербской, Нови Сад.

СМИРНОВ Сергей Дмитриевич, 03.06.1903, Новочеркасск, Область Войска Донского – ?

В 1922 г. учился на техническом ф-те Белградского ун-та. Позднее обучался в одном из высших учебных заведений в Париже.

Отец Дмитрий С., священник.

**** СТЕНБОК-ФЕРМОР (Stenbock-Fermor) Лев Георгиевич**, граф, 16.02.1902, имение Васильевка, Екатеринославской губ., ныне Украина – 1972, Бужумбура, Бурунди. Инженер-строитель.

*** СЫСОЕВ Всеволод Николаевич**, 23 или 27.02.1903, Харьков – 8.05.1991, Белград. Доктор технических наук в области аэродинамики. Полковник.

ТЮБАЕВ Михаил Михайлович, 15.10.1903, Киев – ?

Инженер-электромеханик.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1927 г. Гражданин Югославии. Некоторое время жил в г. Аранджеловац. Переселился с семьёй в Белград в 1936 г.

Отец Михаил С., заводской мастер.

Мать Анна Т., (ур. Матвеева).

Жена Вера Т., (ур. Максимович; 09.03.1908, Белград – ?).

Сестра Наталия, гимназистка, вып. женской гимназии 1937 г.

ФИЛАТОВ Борис Николаевич, 31.07.1903, Саратов – ?

Инженер.

Окончил политехникум в Праге.

Сведения о родителях см. у брата Льва, 1-й вып.

ЧЕРНИКОВ Иван Иванович, 01.03.1903, Воронеж – 05.06.1935, Вайтстоун, штат Нью-Йорк.

После гимназии Иван записался на юридический ф-т Белградского ун-та, однако, вскоре выехал в США, где в 1928 г. окончил Дартмутский колледж в Нью-Хэмпшире. Был председателем местного отделения НТС НП.

Отец Иван Иванович Ч., генерал.

Мать Анна Степановна Ч., (ур. Деконская; ок. 1872 – 08/21.02.1946, Белград).

ШЕПЕЛЕВ Всеволод Дмитриевич, 29.12.1900, Таганрог, Херсонской губ. – ?

В 1922 г. учился на техническом ф-те Белградского ун-та. Позднее обучался в одном из высших учебных заведений в Париже.

Отец Дмитрий Ш., горный техник.

3-й выпуск 1923 года.

30 учеников, из них 2 девушки.

АКУЛОВ Борис Филиппович, 19.02.1904, Екатеринодар – 09.05.1969, Аргентина.
Врач.

Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1930 г. и зубоврачебный курс. Служил врачом в местечке Осипаоница (Сербия). По окончании Второй мировой войны Б. Акулову было отказано в восстановлении югославского гражданства, он выехал в Италию, откуда был выдан в СССР. Провёл год в заключении. Получив разрешение покинуть СССР, выехал в Аргентину. Директор двух больниц в провинции Сальта.

Отец Филипп Матвеевич А., (1857 – ?). Образование среднее. Отслужив в армии, Ф. Акулов занялся в Екатеринодаре подрядными работами. Одна из главных его построек – трехэтажный атаманский Дворец, освящённый 6 декабря 1894 года. Он избирался гласным в Екатеринодарскую городскую Думу, где возглавлял финансовую комиссию, являлся почётным мировым судьёй и почётным членом Войскового приюта для девиц. Его многочисленные труды по достоинству оценили и городское самоуправление, и войсковое начальство: Филипп Матвеевич получил чин коллежского асессора и ему Высочайше было пожаловано личное дворянство.

12 ноября 1919 г., в тяжкое время гражданской войны, Филипп Матвеевич Акулов был избран городским головой Екатеринодара. Однако, вскоре, с очередным приближением красных к столице Кубани, Ф. Акулов с семьёй навсегда покинул город. Они были эвакуированы в Египет, а затем в КСХС.

Мать Александра А., (ур. Гладовская).

1-й брак (с 1939 г.): Лидия А., (02.03.1912, Россия – ?).

2-й брак: Валентина А.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ М.Н.

БАБУШКИН Василий Иванович, 1902, Калач-на-Дону – 1973, Чехословакия.
Зоотехник, специалист в области птицеводства.

Окончил Высшую земледельческую школу в Праге в 1927 г.

С 1960 г. сотрудник, затем директор НИИ птицеводства в г. Иванке-при-Дунае. Вывел новую породу кур «оравка жёлтая».

БАЙРАЧНЫЙ Степан Леонтьевич, 1901 – ?

Гражданин КСХС с 1925 г. Чиновник Сербской Патриархии.

На 1941 г. унтер-офицер или солдат резерва Югославской армии.

Мать Анна Б., (ур. Пеньчук).

Брат Андрей, (1895, Змиев, Харьковская губ. – ?). Участник Белого движения. Взят в плен. На особом учёте на Украине в 1922 г.

* **БЕНЗЕМАН Александр Георгиевич**, 15/28.11.1903, Ораниенбаум, Петербургской губ. – 16.06.1997, штат Нью-Джерси, США.

Инженер-электрик.

Действительный член Общества русских инженеров США с 1951 г.

БОГДАНОВА С. (Андреевна ?)

Отец (?) Андрей Иванович (?) Богданов. Участник Белого движения. С 1920 г. в КСХС. Владелец комиссионного магазина в Белграде.

БУРКОВСКИЙ Василий Матвеевич, 27.02.1902, ст. Каменская, Область Войска Донского – ?, Австралия.

Инженер-механик.

Окончил Высшую техническую школу в Брно, Чехословакия. Работал на заводе «Шкода». Занимался аппаратурой высокого давления, конденсорами и паровыми турбинами. Член Объединения Российских земских и городских деятелей «Земгор» в 1923 г.

Выехал в США, где 20 лет служил в фирмах, производивших сельскохозяйственные машины, краны, буровые машины, холодильники и строивших трубопроводы.

БУРМЕЙСТЕР фон Борис Владимирович.

Мать Елена Ивановна фон Б., участница Белого движения. Эвакуирована в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Спарта». В мае 1920 г. в КСХС.

ВСЕВОЛОЖСКИЙ Николай Анатольевич, 1903, имение Чернавка, Курской губ. – 17.02.1972, Сан-Пауло, Бразилия.

Менеджер.

Во время гражданской войны служил переводчиком при Английской миссии в Вооружённых силах Юга России. Вместе с родителями эвакуирован в декабре 1919 – марте 1920 г. из Новороссийска на корабле «Капуртало». В мае 1920 г. в КСХС.

Учился на католическую стипендию в ун-те в Бельгии (технический ф-т), но из-за плохого зрения перешёл в Высшую коммерческую школу «Сольвей». Получив образование, Николай выехал в Бразилию. Он работал в Рио-де-Жанейро и в

Сан-Пауло. В 1950-е годы Михаил Николаевич назначен генеральным секретарём «Эль Хлор», дочерней фирмы «Сольвей».

Отец Анатолий Дмитриевич В., (1874 – 31.12.1927, Париж или Гарш, Франция). Участник Белого движения. Эвакуирован, некоторое время находился в беженском лагере на о. Антигона (архипелаг Принцесы острова). В мае 1920 г. в КСХС, позднее во Франции.

Мать Александра Николаевна В.

* **ГАЛЬСКАЯ Мариамна Львовна (Жедринская)**, 1905, село Золотарёво, Мценского уезда, Орловской губ. – 11.05.2003, Сен-Женевьев де Буа, близ Парижа.

** **ГРЕБЕНЩИКОВ Олег Сергеевич**, 11.07.1905, Пернов, ныне Пярну, Эстония – 1980, Москва.

Геоботаник. Композитор, художник, поэт.

ЖАКОВИЧ А.С.

ЗАЙЧЕНКО Платон Платонович, 02.08.1904, Москва – ?

По окончании Второй мировой войны остался в Югославии. В 1960-е годы жил в Белграде.

Отец Платон Платонович З., (01.05.1876, Екатеринослав – ?). Архитектор. Инженер.

Мать Мария З., (ур. Германова; 13.08.1882, Москва – ?).

ИВЧЕНКО Фёдор Антонович, 07.02.1899, Большой Токмак, Бердянский уезд, Таврической губ., ныне Украина – ?

Отец Антон И., в Югославии служил землемером.

КАЗАКОВ Н.В. (Николай Васильевич ?), ? – 10.10.1979, Сан-Франциско.

Инженер.

Окончил технический ф-т в Бельгии. После 1945 г. в США. Член Общеказначьего союза в Сан-Франциско.

Отец (?) Василий Алексеевич К., (1889 – 11.11.1954, Нью Джерси, США). Кубанский казак ст. Григорополисской. В эмиграции в КСХС. Служил в Русском Корпусе.

КАРПОВ Д. (Фёдорович ?).

Отец (?) Фёдор Геннадьевич К. Технологический институт в Петербурге (1898). Инженер-технолог. Статский советник. В эмиграции в КСХС. Состоял в Союзе русских инженеров.

Брат (?) Андрей. Жил во Франции.

КОСТЮКОВ Андрей Андреевич, 26.05.1902, Таганрог, Херсонской губ. – ?

Педагог.

Учился на медицинском ф-те Белградского ун-та. Перешёл на философский ф-т, который и окончил.

Мать Анна К.

ЛБОВ Константин Матвеевич, ок. 1903 – ?

Женился в Белграде в 1939 г.

Отец Матвей Матвеевич Л., (1872 – 10.10.1934, Югославия). Купец 1-й гильдии в Астрахани. В эмиграции в КСХС. Поставщик Королевского двора (рыба, икра). Скончался после панихиды по королю Александру I Карагеоргиевичу.

Мать Елена Владимировна Л., (ок. 1878 – 23.06.1935, Белград).

МАЛЕЕВ Н.И.

Окончил Высшее коммерческое училище в Праге.

МАСЛАЧЕНКО Г.К.**МОГИЛЕВСКИЙ Иван Александрович, 04.01.1903, Киев – 1992, США.**

Математик.

Окончил философский ф-т Белградского ун-та. В 1928 г. служил в Управлении государственной статистики в Белграде. Принял гражданство Югославии в 1931 г.

Известнейший российский политический и общественный деятель и публицист, Василий Витальевич Шульгин (1878 – 1976), бывший в эмиграции в Югославии, так писал о своём племяннике, сыне родной сестры:

Он был очень странный. Полное отсутствие способностей при феноменальной памяти. С трудом окончил гимназию, однако, в Белградском университете шёл первым благодаря памяти. Вместе с тем был абсолютно бездарен в математике. После окончания университета его хотели оставить в аспирантуре и задали ему тему «Следы классического влияния на поэтов Рагузы». Для того, чтобы написать такую работу, ему надо было проанализировать всех бездарных поэтов и исследовать это влияние. Я посоветовал ему не писать эту чушь, а исследовать истоки двуликой культуры Рагузы. Ему это не удалось.

Был он военнообязанный, служил в Югославской армии, потом каким-то образом очутился в Америке, где «процветает благодаря знанию языков и истории» – как писал Антон Дмитриевич Билимович (помимо русского, знал сербский, немецкий, французский, английский и другие).

Ваня женился на падчерице Скоропадского, но не гетмана, а члена Государственной Думы. Брак Вани с Наташей не был удачным, жизнь у них не клеилась, она оказалась просто неспособной к супружеской жизни. Однако была красивой, толковой и практичной женщиной, у нее были явные коммерческие способности. Уже в Сербии она окончила ветеринарный институт и очень увлеклась этой профессией.¹

Отец Александр М., штабс-капитан в отставке (фиктивный отец; настоящий: Дмитрий Иванович Пихно (1853 – 1913), издатель ежедневной газеты «Киевлянин»).

Мать Павла (Павлина) Витальевна, (ур. Шульгина; 1864 – 15/28.05.1945, Белград). Киевская журналистка. В КСХС служила в Управлении государственной статистики в Белграде.

Братья: Филипп, (1885 – 1920), скульптор, журналист; Александр, (1891 – 1941), участник Гражданской войны, офицер Югославской армии.

Жена Наталия Павловна М., (ур. Маркова; 04.06.1906, Санкт-Петербург – 1989), ветеринарный врач.

НЕКЛЮДОВ Кирилл Петрович, 23.01.1904, Таганрог, Херсонской губ. – после мая 1997, Белград.

Инженер-строитель.

Участник Белого движения. Эвакуирован из Новороссийска 29 января 1920 г. В мае 1920 г. в КСХС. Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1932 г.

В годы оккупации Сербии работал в немецкой фирме «Тодт». Органами СС был арестован 18 июля 1943 г. и отправлен в лагерь на Банице. Освобожден 20 декабря 1943 г.

По окончании Второй мировой войны остался в Югославии.

Отец Пётр Н., действительный статский советник.

Мать Елизавета Михайловна Н., (ур. Мартынова; ок. 1870 – 08.09.1932, Белград). Преподавательница Харьковского девичьего института.

Сестра Елизавета окончила этот же институт. Замужем за Ромилом Адольфовичем Фолькергт.

Жена (с 1932 г.): Ирина Вениаминовна Н.

Дочь Мария, (род. 1933 г.).

¹ Шульгин В.В. Тени, которые проходят / Составитель Р.Г. Красюков. Санкт-Петербург: Изд. Нестор-История, 2012, С. 73.

НИКИТИН Михаил Львович, 25.06.1902, Либава, Курляндская губ., ныне Лиепая, Латвия – ?

В 1924 г. Михаил Львович служил чиновником Министерства финансов в Белграде. Сохранил подданство России.

Отец Лев Михайлович Н., (ок. 1869 – 28.08/10.09.1926, Белград). Юрист. Действительный статский советник. Прокурор. Служил в Державной комиссии по вопросам русских беженцев в Белграде.

Мать Анастасия Н., (ур. Невельская; ок. 1867 – 20.02/05.03.1939, Белград).

ОРНАТСКИЙ Владимир Витальевич.

Врач.

Окончил медицинский ф-т Братиславского ун-та. Был членом Объединения Российских Земских и городских деятелей в Чехословакии «Земгор».

Мать Елизавета Дмитриевна О. Участница Белого движения. В мае 1920 г. в КСХС.

ПЕСТРЕМЕНКО Александр Викторович, 1900 – ?

Врач.

Участник Белого движения. До эвакуации Крыма служил в Севастопольском морском госпитале. Эвакуирован на корабле «Румянцев».

Окончил медицинский ф-т в Чехии. В 1923 г. состоял членом Объединения Российских Земских и городских деятелей «Земгор», Прага.

* **ПЛЕТНЁВ Ростислав Владимирович**, 15/28.03.1903, Харьковская губ. или Харьков – 26.11.1985, Монреаль.

Видный филолог-славист, литературовед.

РОМАНОВ Анатолий Александрович, 07.04.1902, Курск – ?

В 1927 г. служил учителем в школе в Белграде. Вероятно, окончил ун-т. Позднее – директор школы.

СОБКО Георгий Николаевич, 27.11.1902, Москва – ?

Артист.

Зарегистрирован как житель Белграда в августе 1927 г. Прибыл из Чехословакии.

Мать Елена С.

Женат.

ТОПОЛЬНИЦКИЙ Александр Григорьевич, 03.07.1905, Кросник (?) – 30.05.1971, Прага. Похоронен в Белграде.

Инженер.

В 1923 г. состоял членом Объединения Российских Земских и городских деятелей «Земгор», Прага. Окончил политехнический ф-т в Брно. Позднее возвратился в Белград.

Отец Григорий Семёнович Т., (25.01.1871, Одесса – 15.07.1933, Белград). Участник Великой войны. Полный Георгиевский кавалер. Полковник. В КСХС служил чиновником городского Управления Белграда.

Мать Любовь Д. Т., (ур. Хикушкина; 17.09.1884, Одесса – 1966, Белград). Похоронена на Ольшанском кладбище в Праге.

Сестра Галина, (03.04.1909, Одесса – ?), гимназистка, 5-й вып.

ЧЕРНЯВСКИЙ Алексей Михайлович, 05.02.1905, Россия – ?

Инженер-электромеханик.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1934 г.

4-й выпуск 1924 года.

43 ученика, из них 4 девушки. 1 экстерн.

* **АНАГНОСТИ Владимир Дмитриевич**, 30.04/13.05.1907, Одесса – 14.10.1984, Макарска. Похоронен в г. Сплит, Хорватия.

Военный врач.

БАЗЬКЕВИЧ (Баскевич?) Георгий (Юрий) Михайлович.

Инженер.

Окончил технический ф-т ун-та в г. Нанси.

Отец Михаил Николаевич Б., (ок. 1871 – 13/26.09.1941, Белград), инженер-технолог.

Мать Екатерина Ермолаевна Б.

Братья Богдан, (1895 – 1969, Сан-Франциско) и Владимир.

БУТАКОВ Александр Алексеевич, 15.10.1905, Санкт-Петербург – 19.04.1971, Ниш, Сербия. Похоронен на Новом кладбище в Белграде.

Инженер-строитель.

Окончил технический ф-т Белградский ун-та в 1932 г.

Отец Алексей Григорьевич Б., (04.09.1862 – ?). Окончил Морской корпус в 1886 г. Контр-адмирал, командир Петроградского порта. С 1917 г. в отставке. Участник Великой войны и Белого движения. В 1920 г. прибыл в КСХС на корабле «Владимир».

Брат Алексей (см. ниже).

БУТАКОВ Алексей Алексеевич (30.05.1907, Санкт-Петербург – 31.10.1953, Белград).

Пианист, композитор.

Выпускник Музыкального училища «Мокраняц» по классу фортепиано в 1928 г. и отделения математики философского ф-та Белградского ун-та в 1931 г. Работал оперным коррепетитором (помощником оперного дирижера) Национального театра, а с 1937 г. преподавал игру на фортепиано в Музыкальном училище «Мокраняц».

Все годы оккупации Югославии провел в немецком плену, где в тяжёлых условиях продолжал заниматься музыкальной деятельностью и сочинял музыку. За струнный квартет ему присуждена награда Международного Красного Креста в Женеве.

По окончании Второй мировой войны возвратился в Белград, в своё училище, где преподавал игру на фортепиано и, заменяя больного директора, одно время возглавлял училище. Помимо педагогической деятельности сотрудничал со многими отечественными и зарубежными вокальными и инструментальными исполнителями. Считался незаменимым аккомпаниатором. С 1949 г. состоял главным музыкальным редактором Белградского радио. По свидетельствам коллег и друзей Алексей Алексеевич был всесторонне образованным человеком.

Брат Александр, гимназист в этом же выпуске.

Жена Вука Б., (ур. Бошкович). Сербка.

ВЕЙСС Александр Николаевич, 30.04.1904, Курск – ?

Техник-монтажник в 1931 г.

Сохранил подданство России.

Отец Николай Николаевич В., (18.04.1874, Рязань – 13/26.08.1950, Белград). Московский институт путей сообщения (1901). Инженер. Эвакуирован из Батума на корабле «Виктория». В мае 1920 г. в КСХС. Член Союза русских инженеров.

Мать Александра Емельяновна (или Александра Ивановна) В., (ур. Емельянова; ок. 1873 – 04/17.04.1942, Белград).

Жена (с 1933 г.): Славица В., (ур. Сушманевич; 05.04.1905, Антуновац – ?). Хорватка.

* **ВЕРБИЦКИЙ Фёдор Фёдорович**, 16.05.1906, Санкт-Петербург – 12.07.1996, Буэнос-Айрес.

Врач.

ВИНОГРАДОВ Борис Михайлович, 09.12.1906 – 02.09.1992, Париж.

Инженер. Политический деятель, публицист.

В эмиграции в КСХС. Позднее во Франции. Член Народно-трудового союза (НТС) с 1930 г. Один из основателей Французского отдела НТС НП и руководитель группы Союза в Париже. В дальнейшем многолетний председатель Суда совести и чести французского отдела. Выступал с публичными докладами, сотрудничал с русскими молодёжными организациями. Публиковался в периодике НТС. Литературный псевдоним Г. Бельский.

Отец Михаил Николаевич В., (1870 – 1960, Бельгия). Генерального Штаба генерал-майор. Участник Великой войны и Белого движения.

Жена Ирина Михайловна В., (1916 – ?). Член НТС.

ВОЩИНИН Игорь Владимирович, 05.07.1906, Санкт-Петербург — 09.08.1976, Вашингтон.

Инженер-строитель.

Родился в семье инженера-путейца. Окончил строительное отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1931 г. Работал в Югославии по специальности. В 1936 г. в Белграде вступил в НТС. Сотрудник газеты «За Россию!», в которой им в 30-е годы был опубликован ряд идеологических статей НТС: «На перепутье», «Национально-деловое государство» и др. Публиковался в журнале «Посев».

В 1945–46 годах служил в UNRRA в Германии, помогал беженцам из СССР, спасая их от насильственной репатриации. В 1947 г. переселился в США, до 1955 г. работал старшим инженером в крупной строительной фирме в Нью-Йорке. Получил звание магистра (Бруклин, 1955). С 1956 по 1967 г. работал главным инженером и был вице-президентом крупной фирмы в Далласе, штат Техас. Одновременно в качестве профессора вёл аспирантский курс при университете. С 1967 по 1975 г. Игорь Владимирович занимал руководящий пост в инженерно-конструкторском бюро Городского управления в Вашингтоне. Действительный член Общества русских инженеров в США с 1951 г.

Отец Владимир Николаевич В., (? – 1952, Нью-Йорк). Военный.

Мать Маргарита Карловна В.

ГЛУЗДОВСКАЯ Елена Платоновна, 20.09.1905, Киев – 26.02.1944, Белград.

Работала машинисткой. Сохранила подданство России. Не замужем.

Отец Платон Васильевич Г., (12.10.1867, Киев – 03/16.03.1943, Белград). Потомственный дворянин Черниговской губ. Коллежский советник. Эвакуирован из Одессы в Салоники на корабле «Рио-Пардо». Банковский служащий.

Мать Елена Ивановна Г., (ур. Квитовская; 05.05.1871 – ?).

Брат Георгий, (1902, Киев – ?). Сменил фамилию на Дуканац.

ГОВОРОВ Андрей Евгеньевич, 11/24.12.1906, Санкт-Петербург – ?

Окончил Высшее коммерческое училище в Белграде. Служил банковским чиновником. В годы немецкой оккупации Белграда писал рецензии на музыкальные выступления русских артистов в газету «Русский путь» (1942–1943). В эмиграции в США. Композитор, пианист.

Отец Евгений Васильевич Г., (07.03.1877, Москва – 26.04.1934, санаторий Вурберг, Югославия). Полковник л.-гв. Стрелкового полка. Участник Белого движения. Эвакуирован 23.02.1920 г. из Новороссийска в Салоники и затем в КСХС на корабле «Иртыш». Служил в Белграде чиновником Английского банка.

Мать Мария Викторовна Г., (ур. Шульгина; 12.06.1886, Санкт-Петербург – ?).

ГРИГОРЬЕВ Всеволод В.

ДОНЕЦКИЙ Фёдор Алексеевич.

Учился в коммерческом институте в Лувене (Бельгия).

Брат Вадим, гимназист, 2-й вып.

ЗАВАЛИШИН Сергей Владимирович, 1904 – 01.05.1972, Бриджпорт, штат Коннектикут, США.

Инженер. Издатель русской периодики.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та. Состоял в Обществе офицеров-артиллеристов. В 1930–40-е годы Сергей Завалишин – сотрудник, издатель и совладелец газет «Всеславянский клич» и «Всеславянская трибуна». Позднее он выехал в Германию, а после 1945 г. в США.

Там Сергей Владимирович основал собственное «Всеславянское издательство». С. Завалишин являлся представителем журнала «Часовой» в Восточной Америке. Холост.

Отец Владимир Сергеевич З., (ок. 1873 – 21.10/03.11.1939, Белград). Полковник. Участник Белого движения.

ЗИПАЛОВА Ирина Владимировна, 24.07.1905, Ростов-на-Дону – ?

Служащая.

Окончила Высшее коммерческое училище в Белграде. В 1932 г. чиновница Министерства просвещения. В 1934 г. приняла югославское гражданство. До 1932 г. была не замужем.

Отец Владимир Семёнович З., (1881 – ?). Участник Белого движения. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на о. Лемнос на корабле «Брауенфелз». В мае 1920 г. в КСХС.

Мать Ксения Константиновна З., (ур. Гобская; 1881 – ?).

Брат Константин, гимназист, 10-й вып.

* **ЗОЦ Андрей Алексеевич**, 20.11.1903, Харьков – 1989, Белград, похоронен на кладбище в Белой Церкви рядом с отцом.

Инженер-электромеханик.

КАБАНОВА Людмила Павловна.

По окончании гимназии прервала учение.

Отец Павел Иосифович К., (ок. 1868 – 12/25.10.1933, Белград).

Сестра Сусанна (см. ниже).

КАБАНОВА Сусанна Павловна, 1905, Москва – ?

Стоматолог.

Окончила медицинский ф-т Белградского ун-та в 1935 г.

Сестра Людмила в этом же выпуске.

КЕНДЗЕРСКИЙ Сергей Владимирович, 08.10.1902, Киев – ?

Техник, инженер, чиновник Министерства путей сообщения.

В годы оккупации Сербии состоял на учёте в Специальной полиции по подозрению в коммунистической настроенности.

Мать София К., (ур. Кузнецова).

1-й брак: Мила К., (ур. Падович; 16.04.1912, Колашин, Черногория – ?).

Дочь Наталия, (род. 1934, Белград).

2-й брак: Драгица К., (1912, Риека, Хорватия – ?).

Дочь Наталия, (род. 1947, Белград).

КОЛЕСНИКОВ Фёдор Степанович, ок. 1905 – 12/25.08.1946, самоубийство, Белград.

Окончил коммерческий институт в Париже. В годы оккупации был арестован в Белграде немецкими властями.

Отец Степан Фёдорович К., (11/23.07.1879, с. Адрианополь, Славяно-Сербского уезда Екатеринославской губ. – 27.05.1955, Белград). Известный художник. По приглашению В.Д. Плетнёва вел уроки рисования в гимназии.

Мать Ирина Фёдоровна К., (ур. Попандопуло; ок. 1879 – 24.02/09.03.1941, Белград).

Сестра Любовь.

Жена Людмила Дмитриевна К., (ур. Иванникова), гимназистка, 6-й вып.

КОРЕНЕВ Юрий Владимирович, 1906 – ?

По окончании гимназии прервал образование.

Отец Владимир Григорьевич К., (ок. 1866 – 30.07/12.08.1941, Белград). Председатель правления Харьковского земельного банка. Участник Белого движения. Семья эвакуирована 23.02.1920 г. из Новороссийска в Салоники на корабле «Иртыш» и затем в КСХС.

Мать Екатерина Алексеевна К., (1871 – 15.10.1960, Франция).

Сестры: Екатерина, (1894 – ?), Елена, (1897 – ?) и Татьяна, (1899 – ?).

КОРОБОВ Владимир С., 15.08.1903, Россия – 1963, СССР.

Инженер-электромеханик.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1936 г.

КРИНИЦКИЙ Евгений Васильевич, 1905 – ?

Отец Василий Яковлевич К., (01.01.1875 – 19.11.1963, Нью-Йорк). Александровское военное училище (1895). Участник Великой войны. Полковник, помощник начальника Киевской авиашколы. Георгиевский кавалер. Участник Белого движения. Эвакуирован в декабре 1919 – марте 1920 г. из Одессы в Салоники на корабле «Рио-Пардо». В мае 1920 г. в КСХС. Председатель Общества офицеров-артиллеристов в КСХС, секретарь Общества русских офицеров в Белграде. После 1945 г. в США.

Мать София Ивановна К., (1882 – ?).

КУБАРСКИЙ Анатолий А.

Учился в политехникуме в Брно.

ЛАУШКИН Владимир Леонидович, 30.07.1903, Полтава – ?

Врач-венеролог.

Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1932 г. Служил в г. Тузла (Босния). Гражданин Югославии с 1933 г. После 1947 г. выехал в Венесуэлу. Служил врачом в Маракае.

Отец Леонид Васильевич Л. Подполковник. Участник Белого движения. До эвакуации Крыма в отделе дежурного генерала штаба Главного командующего. После 1947 г. в Венесуэле. Стоматолог.

Мать Александра Семеновна К., (ур. Григораш). Эвакуирована с детьми в Котор (КСХС) на корабле «Истерн-Виктор».

Жена Галина Васильевна Л., (ур. Истомина; 16.07.1908, Санкт-Петербург – ?). Возможно в разводе с 1939 г. Окончила медицинский ф-т Белградского ун-та в 1935 г.

* **ЛЕБЕДЕВ Владимир Александрович**, 05.12.1906, Воронеж – 1990, Москва.
Врач.

ЛИГНАУ Георгий Карлович, 1904 – ?

Мичман. Латыш.

Окончил Морской Корпус в Петрограде. Видимо, по каким-то причинам не получил документов об окончании Корпуса. Это вынудило Георгия поступить в «плетнёвскую» гимназию, окончив последние два класса которой, он получил аттестат зрелости. Георгий жил в интернате на Новопазарской ул. В «Памятке» 1930 г. сохранился интересный рассказ о постройке гимназической яхты.¹ Заводилой этого дела был Георгий.

По окончании гимназии Георгий прервал образование.

Отец Карл Георгиевич Л., (1876 – ?). Участник Великой войны. Подполковник. В 1918 г. в гетманской армии. Войсковой старшина. Участник Белого движения. Эвакуирован 24.01.1920 г. из Одессы в Салоники на пароходе «Рио-Пардо», затем прибыл в Лесковац.

Брат Игорь, (25.06.1913 – 2002, Санкт-Петербург).

Жена Елизавета Ивановна Л.

МАЗАНКО Константин Павлович, 03.08.1903 – 20.04.1955, Белград.

Инженер-лесовод.

Окончил сельскохозяйственный ф-т Белградского ун-та в 1929 г.

По окончании Второй мировой войны остался в Югославии.

Отец Павел Константинович М., (? – 31.01.1954, Белая Церковь, Югославия). Полковник Кубанского казачьего войска. Участник Белого движения. Эвакуирован на о. Лемнос. 16 октября 1920 г. вернулся в Русскую армию в Крым на корабле «Херсон». В 1922 г. в КСХС.

Сестры: Елена, (1919 – 1947, Белград) и Лидия, (1920 – ?).

1 См. главу «Первая русско-сербская гимназия в Белграде», раздел «Внеклассные занятия гимназистов».

МАКСИМОВИЧ Георгий Борисович, ? – 29.09.1994, Венесуэла.

Юрист.

Прибыл в КСХС в 1921 г. Окончил юридический ф-т Белградского ун-та (до 1931 г.). Служил в Министерстве внутренних дел Королевства Югославии. В 1944 г. выехал в Германию. После 1947 г. в Венесуэле, Валенсия. Работал топографом.

Отец – генерал Императорской армии.

Братья:

Александр, (? – 1971, Каркассон, Франция).

Константин, (? – 26.06.1990, Валенсия, Венесуэла).

Михаил, (04/16.06.1896, с. Адамовка, Харьковская губ. – 02.07.1966, Сиэтл, США). Архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский. Прославлен Русской Православной Церковью зарубежом в лике святителей 02.07.1994 г. Московским Патриархатом прославлен в 2008 г.

Жена: ур. Бланко. Венесуэлка.

Дети: Георгий, Марина, Мирта.

МАРКОВ Николай Б.

Учился в политехникуме в г. Брно (Чехословакия).

МАРКОВИЧ Георгий Владимирович, 05.06.1906, Калиш, Великопольское воеводство, Царство Польское – ?

Врач-отоларинголог.

Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та. С 1937 г. ассистент при клинике ф-та в Белграде.

Отец, Владимир М., врач.

Брат Валериан и сестра Леонила, гимназисты, 2-й вып.

МЕСНЯЕВ Павел Георгиевич (Григорьевич), 30.08.1904, Киев – ?

Окончил военное училище в Белграде. Принял югославское подданство.

Командир 11-й роты 18-го пехотного «Суворовского» полка Королевской армии Югославии. Участник Апрельской войны.

Сведения о родителях см. у брата Бориса, 7-й вып.

ПАННИЦА Стефан Т.

* **ПЛЕТНЁВ Игорь Владимирович**, 12.08.1905, с. Лихачёвка, Полтавской губ, ныне Украина – 24.08.1984, Белград.

Доктор исторических наук. Преподаватель.

РОДИН Алексей Павлович, 27.02.1904, Харьков – ?

Эвакуирован с родителями в 1920 г. на транспорте «Корнилов».

В 1930 г. Алексей – студент технического ф-та Белградского ун-та.

Принял югославское подданство в 1935 г.

Отец Павел Фёдорович Р., (ок. 1867 – 10/23.03.1935, Белград). Полковник. Участник Белого движения. В эмиграции в КСХС.

Брат Евгений, (1897, Варшава – ?). Участник Белого движения. В эмиграции в КСХС. Инженер.

Жена Лидия Михайловна (?) Р., (ур. Чекорская). Дочь штабс-капитана Михаила Михайловича Ч. Эвакуирована с родителями из Одессы в Салоники на корабле «Рио-Пардо».

Дочь Нина, (род. 28.08.1930, Белград).

СВЕРБЕЕВ Николай Фёдорович, 21.02.1905 – 27.04.1945, Берлин.

Врач.

Николай выехал из КСХС в Германию, где окончил медицинский ф-т Кенигсбергского ун-та.

Отец Федор Дмитриевич С., (13.02.1876 – 03.05.1952, Париж). Статский советник. Участник Белого движения. В 1919 г. – Орловский губернатор. Эвакуирован из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». В мае 1920 г. в КСХС. В эмиграции во Франции, в 1921 г. член Русского Совета от земских гласных.

СИНЯВСКИЙ Вадим Дмитриевич, ок. 1905, Киев – 21.12.1933, Панчево.

Учился на техническом ф-те Белградского ун-та. Шофёр. Был женат.

Отец Дмитрий Семенович С., (1870 – 02.02.1929, Панчево). Полковник. Служащий русского госпиталя в Панчево.

СОЛЯНИК Иван Я.

Агроном.

Окончил сельскохозяйственный ф-т Белградского ун-та.

СУХОТИН Михаил Львович, ок. 1904 – ?

По окончании гимназии прервал образование. Во время Второй мировой войны и после неё жил в Брюсселе и был материально хорошо обеспечен.

Отец Лев Михайлович С., (25.12.1879 – 01.06.1948, Брюссель). Директор женской гимназии.

Мать Елена Петровна С., (ур. Базилевская; 16.09.1885 – 04.06.1958, Брюссель).

Дочь Елизавета, (род. 1934). В замужестве Феррер (Ferrer Soukhotine). Живёт в Калифорнии.

ТАУБЕР Сергей Леонидович, 4/17.01.1908, Харьков – 19.12.1987, Париж.

Чиновник в одной из частных фирм в Белграде.

Юрист, адвокат.

В 1929 г. принял югославское гражданство. В 1932 г. записался студентом юридического ф-та при Белградском ун-те в Суботице. В годы Второй мировой войны жил в Белграде. Вскоре после войны, как русский, был арестован и некоторое время провёл в тюрьме. Позднее переехал в Париж.

Отец Леонид Яковлевич Т., (1872 – 30.03/12.04.1943, Белград). Экономист. Доцент Харьковского ун-та. Профессор Высшего коммерческого училища в Белграде.

Мать Мария Петровна Т., (ур. Курнасова; 15.04.1882, Харьков – июнь 1944, Белград).

Сестра Екатерина, (20.11/03.12.1903, Харьков – 06.11.1987, Мужен, Приморские Альпы, Франция). В замужестве Старова. Окончив философский ф-т Белградского ун-та в 1928 г., уехала во Францию. Видный поэт русского зарубежья.

1-й брак: Бранислава (ур. Йованович; 22.02.1907, Ягодина - ?), сербка.

2-й брак: Сербка. Дочь Мария.

ТРИШКИН Георгий Васильевич, 16.05.1905, Санкт-Петербург – ?

Инженер.

Окончил политехнический ф-т в Брно, Чехословакия. В 1940 г. после смерти отца вернулся в Югославию. Частный предприниматель в Нови Саде.

Отец Василий Иванович Т., (1886, Екатеринослав – 06/19.12.1940, Нови Сад). Михайловское артиллерийское училище (1890). Участник Великой войны и Белого движения. Полковник. Член Общества офицеров-артиллеристов и Новисадского отдела Союза русских военных инвалидов в КСХС. Работал инженером.

Мать Александра Т., (ур. Кинская; ок. 1876 – октябрь 1932, Врбас, Сербия).

Жена (с 1937 г.): Милена Т., (ур. Грубор; 16.09.1916, Загреб – ?). Хорватка.

ФЕДОСЕЕВ Дмитрий К., 26.03.1905 – ?

По окончании гимназии прервал образование.

ШЕХМАТОВ Олег Петрович, 21.04/04.05.1907, Николаев, Одесской губ. – ?

Инженер-механик.

После окончания гимназии Олег записался на электромеханическое отделение технического ф-та Белградского ун-та, который, будучи отличником, окончил уже в 1929 г. Еще в студенческие годы Олег заинтересовался механикой и авиацией,

начал самостоятельно составлять практикумы и задачки («Графические задачи по кинематике» и др.) и сотрудничать в техническом разделе журнала «Воздухопловни гласник» («Авиационный вестник»). Работал ассистентом-волонтером по кинематике и термодинамике.

Отслужив по призыву в авиации Королевской армии, инженер-поручик Олег Шехматов поступил на работу на завод аэропланов и гидропланов «Змай» в Земуне.

В ноябре 1930 г. Олег Петрович женился на сербке Видосаве Йованович. Венчание состоялось в Русском храме Св. Троицы в Белграде. В 1933 г. талантливый молодой специалист, хорошо владевший иностранными языками, сдал государственный экзамен на инженера-механика.

После нападения Германии на Югославию инженер-поручик Шехматов принял участие в Апрельской войне, был взят в плен в Дубровнике, но отпущен «в отпуск».

С 1943 г. Олег Петрович преподавал в среднем техническом училище в Белграде. Дальнейшая его судьба не известна.

Отец Петр Николаевич Шморгун (Шехматов), инженер, подпоручик 11-го пионерного батальона. 15 мая 1912 г. Указом Императора Николая II фамилия Шморгун изменена на Шехматов (или на Шехматов-Шморгун). Участник Белого движения. Эвакуирован в декабре 1919 – марте 1920 г. В мае 1920 г. в КСХС.

Мать Наталия Степановна Ш.

Сестра Филица.

Жена Видосава Ш., (ур. Йованович, 15.07.1907, Пожаревац – ?), дочь Любы Йовановича. Окончила философский ф-т Белградского ун-та (1930), педагог, преподаватель 1-й женской гимназии в Белграде.

Экстерн.

* **ХАЛАФОВ Константин Константинович**, 02.02.1902, Москва – 29.05.1969, Ferntree Gully, район Мельбурна, Австралия.

Инженер-строитель, орнитолог, поэт, пианист и композитор.

5-й выпуск 1925 года.

24 ученика, из них 2 девушки.

АЛЕКСАНДРОВ Николай Евгеньевич, 24.06.1904 – ?

Врач.

Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1936 г. и оставлен ассистентом на факультете. Покинул государственную службу в 1937 г.

Брат (?) Владимир, гимназист, 12-й вып.

БЕЛЯЕВ Яков Лукич, 09.10.1902, Павлоград, Екатеринославской губ., ныне Украина – ?

Окончил философский ф-т Белградского ун-та в 1931 г. Принял югославское подданство в 1933 г.

Мать Мария Б.

ГОРЕНКО Михаил Иванович.

В годы Второй мировой войны учился в Белградском ун-те на техническом ф-те и жил в русском студенческом общежитии «на Сеняке» (район Белграда). Служил в Русском Корпусе. Юнкер 1-го батальона, 1-го полка. Военно-училищные курсы (1942). Подпоручик. В 1944 г. поручик Горенко служит во взводе радистов при штабе Корпуса. В январе-мае 1945 г. обучался на курсах 1-й офицерской школы РОА. Своему «юному другу», Михаилу Горенко посвятил стихи бывший преподаватель гимназии В.Х. Даватц.

СМЕНА

Поручику Горенко

Сегодня ночью ветер станет
Нас снегом зимним засыпать
И тьма свой чёрный плащ растянет
И станет горы покрывать.

И в этой тьме, и в этом вое
Зимы, восставшей против нас,
Осветит нас и успокоит
Лишь пара свечек волчьих глаз.

Но зимних чар бессильна злоба.
Не нам пред злобою свернуть --
Мы этой ночью станем оба
На пост, где наш проходит путь.

И когда час настанет смены,
И весь в снегу сойду я прочь,
Ты, юный друг, меня заменишь,
Чтоб зорко взглядываться в ночь.

В. Даватц.
1943. Бункер № 138.

Дальнейшая судьба Михаила Ивановича не известна.

Брат Иван, (? – 11.03.1981, Белград). По окончании войны семья брата осталась в Югославии. Администратор Народного театра.

ДОБРЖАНСКИЙ Юрий Владимирович, 1905, Россия – ?

Инженер-строитель.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1940 г.

Отец Владимир Александрович Д., (27.02.1867 – 23.07/05.08.1944, Белград).

Участник Великой войны и Белого движения. Георгиевский кавалер. Генерал-лейтенант. В эмиграции в КСХС. В 1921 г. член Общества кавалеров ордена Св. Георгия.

Мать София Климентьевна Д., (08.09.1876 (1877 ?) – 10/23.05.1927, Белград).

Эвакуирована с детьми в конце января 1920 г. из Новороссийска на корабле «Ганновер». В январе 1921 г. семья находилась в Бизерте.

Сестра Ольга, (1896 – ?), брат Владимир, (1902 – ?).

ЕГОРОВ С.И.

Учился на философском ф-те Белградского ун-та.

ЕФИМЕНКО М.М.

Учился на философском ф-те Белградского ун-та.

ЗАХАРОВ Иван (Владимирович ?), 1902, Лабинск, Кубанская обл. – 26.05.1981, Белград.

Окончил экономический ф-т Загребского ун-та в 1929 г. По окончании Второй мировой войны остался в Югославии.

ЗАХАРОВ Михаил (Владимирович ?), 1900, Екатеринодар – 27.02.1960, Белград.

Окончил экономический ф-т Загребского ун-та в 1930 г. По окончании Второй мировой войны остался в Югославии.

ИВАНЮК Иван Г.

Педагог.

Окончил философский ф-т Белградского ун-та.

ИЛЬИНА Ольга Владимировна, 08.08.1906, Москва – ?

Отец Владимир Дмитриевич И., (17.07.1879, Киев – ?).

Мать Елизавета И., (ур. Федоровская; 09.03.1882, Москва – ?)

Семья Ильиных приняла гражданство Королевства СХС в 1924 г.

КЕРУЧЕНКО Николай Владимирович, 04.09.1902, Могилев – ?

По окончании гимназии прервал обучение. Лечился от туберкулёза в санатории г. Вурберг, Словения до 1934 г.

Работал шофёром в Белграде. Гражданин Югославии с 1937 г.

Мать Татьяна К.

Жена Ольга К., (ур. Марковская; род. в Санкт-Петербурге).

ЛЮЛЬКА Георгий Авксентьевич, 07.04.1901, Павлоград, Екатеринославской губ, ныне Украина – ?

Врач.

В 1925 г. российский гражданин. Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1932 г. Служил в провинции (Сербия, Босния). В военные годы служил врачом в г. Глина (Хорватия), откуда в феврале 1944 г. ушёл с отступающими немецкими войсками.

Мать Раиса Л., (ур. Коростовцева).

Братья:

Борис, (? – до 1968). Окончил Николаевское артиллерийское училище в 1917 г. Поручик. Участник Белого движения. Галлиполиец. Осенью 1925 г. находился в составе Офицерской артиллерийской школы во Франции.

Николай, в этом же выпуске.

Жена (с 1930 или с 1931 г.): Галина Алексеевна Л., (ур. Алгасовская; 1908, Бессарабия – ?).

Дети: Лидия, (род. 1932) и Борис, (род. 1937).

ЛЮЛЬКА Николай Авксентьевич, 24.11.1902, Павлоград, Екатеринославской губ, ныне Украина – ?

Преподаватель.

Окончил философский ф-т Белградского ун-та в 1931 г. Преподавал в сербских гимназиях. Принял югославское подданство.

Братья Георгий (см. выше) и Борис.

* **МИРНЫЙ Антон Антонович (Антоний Антониевич)**, 16.08.1902, Екатеринодар – 15.02.1987, Белград.

Врач. Балетный танцор.

* **ПАРФЁНОВ Игорь Фёдорович**, 04.06.1905, Владикавказ – 23.12.1986, Алексинац, Сербия, похоронен в г. Чуприя, Сербия.

Педагог, археолог-любитель и нумизмат.

ПЛЯШКЕВИЧ С.М.

Учился на философском ф-те Белградского ун-та.

ПРЯДУХО В.М.

Возможно Прядуха Виктор Михайлович, казак. Участник Белого движения.

СОКОЛОВ Николай Леонидович, 27.02.1907, Харьков – ?

Окончил геодезические курсы И.С. Слащёва в Белграде. В 1926 г. – студент технического ф-та Белградского ун-та.

Отец (?) Леонид Михайлович С., (1888, Харьков – 10.03.1927, Панчево). Участник Белого движения.

Мать Людмила С.

СПАССКИЙ В.Ю.

Педагог.

Окончил философский ф-т Белградского ун-та.

СТРОНОВСКИЙ Леонид Даниилович, 1904, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина – 21.03.1986, Сидней.

Инженер-электромеханик.

Участник Белого движения. Доброволец, награжден за храбрость Георгиевским крестом 4 ст.

Окончил с отличием технический ф-т Белградского ун-та в 1930 г.

В конце 1940-х годов семья Строновских выехала в Австралию, где Леонид Даниилович устроился на работу по специальности в государственном учреждении по водоснабжению. Вступил в Австралийскую ассоциацию инженеров. Помогал приезжающим русским инженерам.

Член правления Русского клуба в Сиднее. Видный общественный и культурный деятель русской эмиграции. В 1953 г. Леонид Даниилович основал общество

«Наука и искусство», при котором читались лекции по вопросам религии, истории, юриспруденции, медицины, науки, литературы. Общество устраивало встречи с музыкантами, писателями, поэтами.

Член Комитета «Дня русской культуры» (с 1976 г.), состоял координатором русских радиопередач по этническому радио (1976–1980).

Отец Даниил Иванович С., коллежский ассессор (1914).

Жена (с 1931 г.): Мария Борисовна С., (ур. Михайлова, ок. 1910 – ?), актриса белградских театральных трупп.

ТИХОМИРОВ Сергей Вадимович, 1905, Санкт-Петербург – ?

Инженер-электромеханик.

Во время обучения жил в интернате на Новопазарской ул. 52. Участник строительства яхты «Землячка» на чердаке интерната зимой 1923–24 г.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1939 г.

Женат. Сын Вадим, (род. 1927), «Не окончившие гимназисты» см.

ТОПОЛЬНИЦКАЯ Галина Григорьевна, 03.04.1909, Одесса – ?

Педагог.

Окончила философский ф-т Белградского ун-та.

Сведения о родителях см. у брата Александра, 3-й вып.

Замужем.

ХОРУЖИЙ Сергей Павлович.

Учился в Высшей финансово-экономической школе в Загребе. Вместе со многими русскими хористами пел в известном Кирилло-Мефодиевском хоре в Греко-католическом храме в Загребе. Регентом хора был Борис Комаревский.

Отец Павел Федорович Х. Из казаков ст. Ново-Николаевской Области Войска Донского. Участник Белого движения. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 3-го Сводно-Кубанского казачьего полка находился в КСХС.

ШТОВХАНЬ Василий Иванович, 07/20.03.1902 или 1905, Екатеринодар – 1982.

Окончил философский ф-т Белградского ун-та. Зарегистрирован в Белграде с января 1938 г. Рабочий.

Мать Василиса Ш.

6-й выпуск 1926 года.

37 учеников, из них 7 девушек.

АЛЕКСАНДРОВА Вера Евгеньевна (Толстова), 1906, Благовещенск – ?

Педагог.

Вера была эвакуирована с родителями в КСХС. Семья попала в г. Битола (ныне Македония). Вслед за гимназией Вера окончила философский ф-т Белградского ун-та.

Отец Евгений Сергеевич А., (ок. 1864, Санкт-Петербург – 06.05.1927, Битола). Николаевская инженерная академия. Полковник инженерных войск. Участник Белого движения. Эвакуирован до осени 1920 г. из Севастополя на корабле «Вампоа». В эмиграции в КСХС.

Мать Елена А.

Муж (венчание 27.08.1928, Битола): Николай Ильич Толстов (1904 – ?). Участник Белого движения. Ротмистр. Эвакуирован из Ялты на корабле «Корвин».

**** АНАГНОСТИ Пётр Дмитриевич, 09.07.1909, Одесса – 03.11.1996, Белград.**

Архитектор, профессор Белградского университета.

АНТОШИН Михаил Д.

Врач.

Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1933 г.

БОГАТКО Николай Николаевич, 14.11.1907, Житомир, ныне Украина – ?

Инженер-технолог.

Окончил технологический ф-т Белградского ун-та в 1935 г. Будучи студентом, Николай преподавал гимнастику в «родной» гимназии с 07.12.1929 по 01.01.1935 г.

Отец Николай Иосифович Б., (05.10.1864, Черниговская губ. – 30.07.1930, Белград). Академия Генерального штаба (1892). Генерал-лейтенант, главный интендант Военного министерства. Участник Великой войны и Белого движения. Эвакуирован в декабре 1919 – марте 1920 г. В мае 1920 г. в КСХС. Член Общества офицеров Генштаба.

Мать Антонина Б., (ур. Племянникова).

Сестра Нина. Училась в Мариинском Донском институте в Белой Церкви.

Жена Галина Б., (ур. Паталова; 04.02.1912, Иркутск – ?).

ВИННИЦКАЯ (Виницкая) Таисия Д.

По окончании гимназии прервала образование.

ВОЙНО-ПАНЧЕНКО Сергей Владимирович, 07.04.1908, Либава, ныне Лиепая, Латвия – ?

Инженер-электромеханик.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1932 г. Известен как автор стихов к ряду песен Белой эмиграции и Русской освободительной армии (РОА).

МАРШ РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ.

Отступают неба своды,
Книзу клонится трава –
То идут за взводом взводы
Добровольцы из РОА.

Шаг ровней и твёрже ногу,
Грудь вперёд, тесней ряды.
Мы пробьём себе дорогу,
Где не торены следы.

День грядущий для нас светел,
Пусть извилисты пути,
Каждый сам себе наметил
С кем, куда, зачем идти.

Перед нами будь в ответе,
Кто народ в войну втравил.
Разнесём как тучи ветер
Большевистских заправил.

Нету к прошлому возврата,
В сердце кровь кипит ключом.
Все мы – русские солдаты
Счастье Родине несём!

* **ВЫСТОРОПСКИЙ Фёдор Ефимович (Евтимьевич)**, 27.09.1903, с. Троицкое, Павлоградского уезда, Екатеринославской губ., ныне Украина – 1944, Маутхаузен. Погиб в лагере.

ГАЛУШКА Степан Захарович.

Инженер-лесовод.

Окончил лесоводческое отделение сельскохозяйственного ф-та Белградского ун-та в 1934 г. После 1945 г. в США.

Отец Захар Г. Приказный Кубанского казачьего войска. Участник Белого движения. Ранен 08.07.1918 под ст. Кисляковской.

Жена Вера Кононовна Г., (ур. Гуськова). Одноклассница.

* **ГАЛЬСКОЙ Владимир Львович**, 02/15.03.1908, имение Золотарёво, Мценского уезда, Орловской губ. – 12.06.1961, Касабланка, Марокко.

Архитектор. Поэт.

ГРЕШНОВ Матвей Н., ок. 1904 – 17.05.1982, Белград.

Инженер-технолог.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1940 г.

По окончании Второй мировой войны остался в Югославии. Многие годы, до выхода на пенсию М. Грешнов работал на заводе по производству лаков и красок «Дуга» в Белграде.

Жена Радмила. Сербка.

ГУСЬКОВА Вера Кононовна (Галушка), 25.09.1907 – 2003, Новая Зеландия.

По окончании гимназии прервала образование. После 1945 г. в США.

Отец Конон Иванович Г., (ок. 1869 – 29.12.1923/11.01.1924, Белград. Голова одесской ремесленной управы. Участник Белого движения. Семья эвакуирована из Одессы 25.01.1920 г. Зарегистрированы в КСХС в феврале 1920 г.

Мать Елена Семёновна Г., (ур. Фищенко; ок. 1885 – 30.05/12.06.1930, Белград).

Братья: Иван, (1911 – 1992), гимназист, 11-й вып.; Николай, (26.11.1901 – ?, СССР); Борис, (08.09.1913 – ?, СССР), умер молодым.

Сестры: Клавдия, (05.05.1897 – 1953, Загреб), врач; Ольга, (24.07.1898 – 1987, Никшич, Черногория); Ксения, (26.12.1908 – 1930-е годы, убита в СССР); Евгения.

Муж Степан Захарович Г., одноклассник.

ДАРАГАН Мария Георгиевна, ок. 1907 – ?

По окончании гимназии прервала образование.

Отец Григорий Васильевич Д., (1873 – 16.01.1926, Белград). Полковник, командир 10-го уланского полка. Участник Великой войны и Белого движения. Георгиевский кавалер. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес». В эмиграции в КСХС.

Мать Екатерина Анатольевна Д., (ок. 1880 – ?). Эвакуирована с детьми из Батума на корабле «Отважный». В мае 1920 г. в КСХС.

Брат Николай, (ок. 1912 – ?). Кадет Крымского кадетского корпуса. В 1927 г. переведен в 1-й русский кадетский корпус.

ЕЛАЧИЧ Татьяна Евгеньевна (Горин-Горяинова), ок. 1908 – ?

Преподаватель математики.

Окончила философский ф-т Белградского ун-та.

Отец Евгений Александрович Е., преподаватель гимназии.

Мать Вера Ивановна Е. Эвакуирована с детьми из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». Преподаватель гимназии.

Сестры: Ольга, гимназистка, 8-й вып.; Мария, ск. в малолетстве в 1924 г. в Белграде, Ирма (отчество возможно иное).

Муж (венчание в 1932 г. в Белграде): Иван Михайлович Г-Г.

ЗАЛОЗНЫЙ (Залозний) Николай Ефимович, 22.05.1903, Кубанская обл. – ?

Учился на философском ф-те Белградского ун-та. Позднее – переплётчик книг. Сохранил российское гражданство.

Мать Дарья З.

Братья: Андрей, (1893 – 1966, Париж), участник Белого движения, и Аполлинарий, участник Белого движения на Северном фронте.

Жена Мария З., (ур. Хубнер; 1909 – ?).

Дети: Елизавета, (род. 1929, Белград), Анна, (род. 1931, Белград) и Семен, (род. 1936, Белград).

ЗОЦ Гавриил Алексеевич, 07.01.1905, Старый Оскол, Курской губ. – ?

Инженер-технолог.

Окончил технологический ф-т Белградского ун-та в 1933 г. По окончании Второй мировой войны остался в Югославии.

Сведения о родителях см. у брата Андрея, 4-й вып.

2-й брак (с 1939 г.): Варвара Сигизмундовна З., (ур. Станковская; ок. 1914 – ?).

ИВАННИКОВА Людмила Дмитриевна (Колесникова), ок. 1907 – ?

Училась на философском ф-те Белградского ун-та.

По окончании Второй мировой войны осталась в Югославии, Белград.

Отец Дмитрий Алексеевич И., (10.10.1881 – 11/24.10.1955, Белград). Чиновник.

Мать Елена Петровна И., (ок. 1882 – 26.12.1943/08.01.1944, Белград).

Брат Михаил, (09.09.1904, Георгиевск, Терской обл. – 07.09.1968, Белград).

Кинооператор, писатель.

Муж Фёдор Степанович К., (ок. 1905 – 12/25.08.1946, Белград), гимназист, 4-й вып.

ИВАНОВ Виктор П., 04.08.1907, Херсон – ?

Инженер.

Окончил военное училище в Белграде (ок. 1930) и электромеханическое отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1937 г.

ИЗМАЙЛОВ Николай Николаевич, 02.11.1904, ст. Константиновская, Области Войска Донского – ?

По окончании гимназии прервал образование. До 1924 г. гражданин России.

Отец Николай И., промышленник.

Мать Елена И., (ур. Шпрингер).

Брат Александр, гимназист, 10-й вып.

КЛИМОВ Ф. Петрович.

Учился на философском ф-те Белградского ун-та.

КНЯЗЕВ Борис Вячеславович, 1904 – ?

Учился на техническом ф-те Миланского ун-та.

Отец Вячеслав К., (27.02.1887, Пермская губ. – ?). Участник Великой войны и Белого движения. Прапорщик.

Мать Евгения К., (ур. Павлова).

Брат Владимир, (1907 – ?), сестра Ольга, (1909 – ?).

КОЧЕРГИН Константин Иванович.

Врач, специалист по грудным болезням.

Участник Белого движения. Эвакуирован из Крыма на корабле «Решид Паша». Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1933 г. После стажировки в местечке Стара-Планина Константин Иванович с 1937 г. работал районным врачом в дер. Герзово близ боснийского г. Мркониц-Град, где снискал большое уважение и любовь во всём округе, и сам полюбил Боснию.

Во время Второй мировой войны участвовал как медик в партизанском движении. Демобилизовался в чине майора и по собственному желанию возвратился в Боснию, поближе к местам довоенной службы. Работал врачом в городской больнице г. Яйце.

Жена (с 1947 г., Белград): София Карловна К., (ур. Степская).

Дети. Внук Константин.

КОШКО Ирина Владимировна (Вербицкая, Юденич), 1905 или 1906, Санкт-Петербург – ?

По окончании гимназии прервала образование. Со вторым мужем и матерью в эмиграции в Бразилии, Сан-Пауло.

Отец Владимир Степанович К., (01.05.1869 – 02/15.02.1933, Белград). Московский ун-т (1895). Действительный статский советник. Служил в Министерстве путей сообщения.

Мать Евгения К., (ур. Шван; 1876, Санкт-Петербург – ?).

1-й брак (венчание в 1928 г. в Белграде): Фёдор Фёдорович Вербицкий, гимназист, 4-й вып. Развод.

Дочь Ирина (1934, Югославия – 16.06.2011, Буэнос-Айрес). Училась в Мюнхене в гимназии о. Александра Киселёва «Милосердный самарянин». Выехала в Аргентину. Врач, невропатолог и терапевт. Гражданский брак с аргентинцем. Детей нет.

2-й брак: Алексей (?) Юденич. Сын Алексей.

* **КРАТ Павел Васильевич**, 07/19 июня 1907, Саратов – 25.12.1969, Киев.

Архитектор.

КРИГЕР Борис Александрович, 08.02.1907, Ташкент – ?

Учился на сельскохозяйственном ф-те Белградского ун-та.

Мать Вера Ильинична К., (ур. Галенковская; 30.04.1886, Киев – ?). Вдова офицера Генштаба. Служила в отделе Государственной статистики в Белграде.

МЕЛЬНИЦКИЙ-МИЛЕТИЧ Н.Н.

По окончании гимназии прервал образование.

ПОДВАЛЬНЫЙ Марк Игнатъевич, 18.01.1906, Россия – ?

Инженер.

Эвакуирован с родителями в 1920 г. из Новороссийска в КСХС. Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1932 г.

Отец Игнатий Данилович П., (02.12.1879, Полтавская губ. – ?). Участник Белого движения. В мае 1920 г. в КСХС. Директор прачечной при предприятии «Чисточа АД» в Белграде.

Мать Олимпиада П.

Единокровный брат Сергей от 2-го брака отца. Гимназист, 10-й вып.

РАДОВИЧ Владимир (?) Эммануилович.

Учился на техническом ф-те Белградского ун-та.

Отец Эммануил Владимирович Р. Инженер путей сообщения. В эмиграции в КСХС. Член Союза русских инженеров.

РИЗЕНКО Б. (Ефимович ?).

Учился на техническом ф-те Белградского ун-та.

Брат (?) Александр Ефимович Р. Участник Белого движения. Галлиполиец. Осенью 1925 г. рядовой в составе Дроздовского полка в Болгарии.

РУДЕНКО Николай Валентинович, 1900 – 07.03.1943, убит в бою, похоронен на русском участке №80А «Нового кладбища» в Белграде.

Еще в юношеские годы готовился стать миссионером в Японии. Учился на техническом ф-те Белградского ун-та. Служил в Русском Корпусе.

Отец Валентин Р. Протоиерей. Окончил Ставропольскую духовную семинарию, жил в станице Усть-Лабинская. В конце гражданской войны состоял старшим священником при штабе ген. П.Н. Врангеля в Крыму, настоятель русской посольской церкви в Константинополе (1920–1924). В 1921 г. о. Валентин был рекомендован для участия в Русском Зарубежном Церковном Соборе в Сремских Карловцах. В 1924 г. переехал в КСХС.

Настоятель сербского прихода в Нишской епархии. В начале Второй мировой войны состоял в юрисдикции РПЦЗ, назначен митрополитом Анастасием на должность полевого священника 1-й казачьей дивизии ген. фон Паннвица в немецкой армии на оккупированных территориях в Польше и в Украине (лето 1943 г.). Выдан англичанами советским органам в Лиенце в июне 1945 г. Умер в 1946 г. в лагере в г. Прокопьевск Кемеровской обл.

САМОДУРОВ Павел Иосифович, 14.12.1903, Тифлис – ?

Учился на сельскохозяйственном ф-те Белградского ун-та.

Мать Татьяна С., (ур. Лезина).

Брат Пётр С. Участник Белого движения в бронепоездных частях до эвакуации Крыма, штабс-капитан. Галлиполиец.

ТАЛЯРНЫЙ (Толярный) Степан Сергеевич, 08.01.1904, Россия – ?

Врач.

Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та. Служил врачом на угольных шахтах «Крека», г. Бихач (Босния).

По окончании Второй мировой войны остался в Югославии.

Мать Параскева Т., (ур. Ковальчук).

Сын Сергей, (06.04.1941, близ г. Бихач, Босния – 1956, Белград).

ШАДУРСКИЙ Владимир Леонидович, 1909, Москва – ?

Инженер-строитель.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1932 г. Служил в Белграде.

ЩУПЛЯК Илья Стефанович, 03.08.1900, станица Пашковская – ?

Участник Белого движения. Галлиполиец. Младший унтер-офицер.

Окончив гимназию, Илья перебрался в Словению, в г. Марибор. После женитьбы на местной девушке он вернулся с семьей в Белград.

Студент философского ф-та Белградского ун-та в 1930 г.

Мать Стефания Щ., (ур. Лисенко).

Жена Людмила Щ., (07.08.1906, Марбург, Австро-Венгрия, ныне Марибор, Словения – ?).

Дочь Любица Щ., (род. 26.04.1927, Марибор).

ЭЙСЫМОНТ (Эйсмонт) Георгий (Юрий) Николаевич (Георгиевич ?), 1903 – 29.08/11.09.1945, Германия (возм. в Австрии, Бад Аусзее).

Участник Белого движения, первопоходник. Корнет.

Учился на медицинском ф-те Белградского ун-та. Служил в Русском Корпусе.

Потомки в Венесуэле.

7-й выпуск 1927 года.

35 учеников, из них 3 девушки.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Алексей Фёдорович, 08.01.1905, Орёл – ?

Инженер-строитель.

Талантливый шахматист. Член сборной команды гимназии. Окончил строительное отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1946 г. В годы оккупации Сербии состоял в подпольной антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП).

По окончании Второй мировой войны остался в Югославии.

Отец Фёдор А., священник.

Мать Александра А., (ур. Макарова).

БЕЛОУСОВ Борис (Афанасьевич ?), ок. 1902, Севастополь – 03.12.1962, Белград.
Юрист.

Окончил юридический ф-т Белградского ун-та. По окончании Второй мировой войны остался в Югославии. Автор ряда учебников русского языка для югославских технических училищ и студентов экономических факультетов, многократно изданных в 1957–1978 гг.

Мать Елизавета Ивановна Б., (? – 24.03.1968, Лос-Анджелес). Эвакуирована из Новороссийска в Константинополь. В мае 1920 г. в КСХС. Служила в Русском Корпусе.

Братья: Георгий, (ок. 1907– ?), Владимир, (ок. 1909– ?).

БУЛГАКОВ Константин Константинович, 19.10.1908, Новороссийск – ?
Архитектор.

Окончил архитектурное отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1932 г.

Отец Константин Герасимович Б., (18.05.1885 – 13.03.1968, Буэнос-Айрес). Александровский лицей (1906). Академия Генерального Штаба (1914). Участник Великой войны и Белого движения. Полковник. В эмиграции в КСХС. Член Общества офицеров Генштаба. После 1945 г. в Аргентине.

Женат с 1933 г. Сын.

БЮЦОВ Владимир Константинович, 15.04.1909 – 13.01.1992, Франция.

Учился на юридическом ф-те в Париже и остался во Франции.

Род Бюцовых (Бицовых) шведского происхождения. Прадед Владимира, Карл Карлович Б., (1791 – 1852), дипломат, действительный статский советник. В 1836 г., за службу отца его, пожалован в потомственное дворянство.

Отец Константин Евгеньевич Б., (ок. 1874 – 08.06.1932, Кламар, Франция). Александровский лицей (1894). Камергер. Статс-секретарь ближневосточного отдела Министерства иностранных дел. Участник Белого движения. С 01.06.1921 г. в КСХС. Позднее во Франции.

Сестра Нина. Муж Александр Бензема, гимназист, 3-й вып.

* **ГОЛУБЕВ Сергей Александрович**, 18.08.1907 – ?

Полицейский служащий.

ГУНЧЕНКО Константин Евграфович, 04.11.1904, Россия – ?

Участник Белого движения. Галлиполиец. На 18 декабря 1920 г. в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи служили будущие одноклассники К. Гунченко: И. Дронин, Н. Пивнев и А. Солодов (см. ниже).

Окончил геодезические курсы И.С. Свищёва в Белграде в 1933 г.
Мать Александра Г., (ур. Александрова).
Холост в 1933 г.

ДРОНИН Николай Иванович, 06.12.1903 – 19.12.1973, США, штат Коннектикут.

Вольноопределяющийся. Участник Белого движения. Галлиполиец. Младший унтер-офицер. Учился на сельскохозяйственном ф-те Белградского ун-та. После 1945 г. в США. Член Общества галлиполийцев. Холост.

ДУХОВСКОЙ Евгений Владимирович, 03.06.1908 – 07.09.1944, Париж.

Общественный деятель.

Учился на философском ф-те в Париже. Состоял в партии младороссов, сотрудничал с А. Казем-Бекком. Сбит автомобилем.

Брат Михаил, гимназист, 10-й вып.

ЗОЗУЛИН Игорь Васильевич, 29.06.1908, Витебск – 1964, Канада.

Инженер-строитель.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1935 г. После 1945 г. в Канаде.
Отец Василий Васильевич З., инженер путей сообщения.

Мать Елена Георгиевна З., (ок. 1886 – 26.03/08.04.1935, Белград).

Жена Анна Тихоновна З., (ур. Шишкова), гимназистка, выпуск женской гимназии 1943 г.

Сын Дмитрий, 22 июля 1984 г. женился на графине Нине Граббе.

ИСАЕВ Иван Давыдович (Дмитриевич), 10.04.1903, ст. Мартьянинская, Кубанской обл. – ?

Инженер-лесовод.

Окончил сельскохозяйственный ф-т Белградского ун-та в 1932 г. Служил чиновником Регионального управления Белградского округа. Принял югославское подданство.

Мать Агрипина И., (ур. Ерёмина).

Сестра Ирина, гимназистка, выпуск женской гимназии 1931 г.

Жена (с 1932 г.): Татьяна Константиновна И., (ур. Горунович; 24.04.1909, пос. Новокиевск, Нижнеудинский уезд, Иркутской губ. – ?), дочь офицера, участника Белого движения Константина Андреевича Г., (1886 – 1963, Нью-Йорк).

КОБЦЕВ Георгий Васильевич, 1905 – 1986, Лос-Анджелес, США.

Пианист.

Из казаков ст. Ладожской, Кубанской области. Участник Белого движения. Эвакуирован из Крыма на о. Лемнос. В эмиграции в КСХС. Учился на философском ф-те Белградского ун-та.

После 1945 г. в США.

КРАВЧЕНКО Зинаида Владимировна (Беляева), 07.12.1907, Одесса – 1991, США.

После 1945 г. в США.

Отец Владимир Георгиевич К., (27.12.1870, Одесса – 11/24.02.1931, Белград).

Художник.

Мать Валентина К., (ур. Горецкая; 24.01.1868, Одесса – ?).

Сведения о муже отсутствуют.

Дочь Маргарита, в августе 1973 г. вышла замуж за Вячеслава Петрова.

* **КРИВОРОТОВ Василий Иванович**, 11.02.1904, Харьков – 03.06.1984, Сан-Пауло, Бразилия.

Инженер-строитель. Писатель и публицист.

МАРКОВИЧ Ратмир С.

Окончил военное училище в Белграде.

МАРКОВ Сергей Сергеевич, 11.07.1907, Севастополь – 2005, Белград.

Прибыл в Белград из г. Чачак (Сербия). Во время обучения жил в Интернате на Новопазарской ул. 52. Участник строительства яхты «Землячка» зимой 1923–24 г.

По окончании гимназии Сергей записался на лесное отделение сельскохозяйственного ф-та Белградского ун-та. (Возможно учился также на медицинском ф-те). В 1939 г. в документах значится предпринимателем.

Вместе с братом Борисом состоял в подпольной антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП). Возглавлял «тройку», в которую входил Ю.П. Лобачев (9-й вып.).

Отец Сергей Македонович М., (30.06.1865 – 26.11.1941, Белград), подполковник, военный инженер.

Мать Лидия М., (ур. Кларенталь; 06.11.1870, Киев – ?)

Брат Борис, гимназист, 8-й вып.

Жена Вера М., (ур. Андерсон; 21.10.1909.Ташкент – ?)

МЕДЕР Георгий Евгеньевич.

Учился на техническом ф-те Белградского ун-та.

Отец Евгений Павлович М., (21.02.1873, Санкт-Петербург – ?). Окончил институт путей сообщения императора Александра I в Петербурге в 1903 г. Участник Белого движения. Эвакуирован из Одессы. В мае 1920 г. в КСХС. Работал по специальности в Техническом управлении Нови Сада.

Мать Екатерина М., (08.08.1885, Москва – ?).

МЕСНЯЕВ Борис Георгиевич, 08.06.1907, Киев – октябрь 1985, Венесуэла.

Прибыл в Белград из г. Битола (Македония). В 1927 г. студент юридического ф-та Белградского ун-та. С 1938 г. чиновник посольства Испании в Белграде. Принял югославское подданство.

После 1947 г. в Венесуэле, Валенсия. Топограф. Работал в кадастровом департаменте штата Карабобо под руководством Игоря Ордовского-Танаевского, бывшего гимназиста.

Отец Георгий Саввич М., участник Белого движения. Три брата Месняевы – Георгий, Андрей и Александр и с ними двое детей – были эвакуированы 28.02.1920 г. из Новороссийска, а 6 апреля того же года они были зарегистрированы в Нише.¹

Мать Елена Михайловна М., (ур. Фохт; ? – 1970-е годы, Венесуэла).

Брат Павел, гимназист, 4-й вып.

В Каракасе жила жена или сестра, Месняева Татьяна.

*** ОКУЛИЧ-ОКША (Окулич) Владимир Иосифович, 18.06.1906, Санкт-Петербург – 1995, Канада.**

Геолог, палеонтолог.

ПАНТЕЛЕЕВ Владимир Владимирович, 01.06.1905, Санкт-Петербург – 24.02.1940, Вурберг, Словения. Скончался от туберкулёза.

Педагог.

Окончил философский ф-т Белградского ун-та в 1937 г. К 1940 г. преподавал в кадетском корпусе.

ПИВНЕВ Никита Андреевич.

Ветеринарный фельдшер.

Участник Белого движения. Галлиполиец. Учился на техническом ф-те Белградского ун-та.

¹ ГА РФ, ф. Р-5982, оп. 1, д. 177, л. 48/об.

ПЛОТНИКОВ Владимир Николаевич, 1909, Баку – 10.05.1983, Белград.

Учился на медицинском ф-те Белградского ун-та. Подрабатывал в Белграде музыкантом (саксофон).

В годы оккупации подозревался Специальной полицией в склонности к левым, прокоммунистическим взглядам.

По окончании Второй мировой войны остался в Югославии.

Отец Николай Андреевич П., (1875– ?). Участник Белого движения по ведомству Министерства финансов. Эвакуирован из Ялты. Летом 1920 г. в Константинополе, на о. Лемнос, позднее в КСХС.

Мать София Дмитриевна П., (ок. 1877 – 12/25.12.1926, Белград).

Жена Зора П., (1908 – 1993, Белград). Сербка.

РЖЕВСКИЙ Ярослав Васильевич, ? – 13.09.1986, штат Нью-Джерси, США.

Учился на техническом ф-те Белградского ун-та.

Первый Вице-председатель гимназического Объединения.

Участник 1-го съезда бывших гимназистов в 1986 г. в Нью-Йорке.

Отец Василий Николаевич Р., (1883, Львовский уезд, Курской губ. – ок. 12.05.1956, США). Харьковский ун-т. Присяжный поверенный. Участник Белого движения. В эмиграции в КСХС. С 1943 г. в Австрии, с 1949 г. в США.

Мать Ирина Александровна Р., (ур. Каймовская, 1888, Киевская губ. – 16.08.1979). Окончила Высшие женские курсы в Москве в 1917 г. Педагог.

Брат Олег, гимназист, 13-й вып.

Жена София Саввишна Р.

Дети: Светлана, (род. 1938), Николай, (род. 08.11.1943, Линц, Австрия), доктор филологии.

СВЕРГУНЕНКО Яков Николаевич, 15.03.1903 – 08.06.1985, США.

Участник Белого движения. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Херсонес».

Учился на сельскохозяйственном ф-те Белградского ун-та.

После 1945 г. в США.

* **СЕЛИВАНОВСКИЙ-ПОРЕМСКИЙ (ПОРЕМСКИЙ) Владимир Дмитриевич**, 30.01.1909, Ченстохов, Царство Польское – 22.01.1997, Франкфурт-на-Майне.

Инженер-химик.

СИКАЧИНСКИЙ Дмитрий Александрович, 08.05.1903 – 27.05.1983, Нью-Йорк.

Участник Белого движения. Галлиполиец.

Учился на техническом ф-те Белградского ун-та, перешёл на отделение фармакологии медицинского ф-та. В 1942 г. находился в Белграде и сдавал экзамены на сельскохозяйственном ф-те, лесное отделение.

После 1945 г. в США.

Секретарь правления Объединения в 1965 г. Многолетний член правления Объединения.

Сестра Людмила, (1911 – 08.07.1934, Белград).

Жена (с 1973 г.): Мария Махрова, гимназистка, выпуск женской гимназии 1940 г.

СМИРНОВ Всеволод Васильевич, 19.11/02.12.1909, Ростов– ?

Инженер-электромеханик.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1931 г.

Отец Василий Петрович С., (17.06.1879, Росица, Ростовской губ. – ?). В Белграде – начальник бухгалтерии.

Мать Полина С., (ур. Житникова; 07.10.1889, Росица – ?).

СОЛОДОВ Анатолий Андреевич, 07.12.1903, Славянск, Харьковская губ., ныне Украина – ?, Ташкент.

Архитектор.

Участник Белого движения. Галлиполиец. В эмиграции в КСХС.

Окончил архитектурное отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1933 г. Служил в г. Петровград (Банат). В 1941 г. унтер-офицер или солдат резерва югославской армии.

По окончании Второй мировой войны остался в Югославии. В конце 1940-х годов выслан в Венгрию, откуда выехал в СССР.

Сын Николай.

СТОКАСИМОВ Николай Николаевич, князь, 18.04.1908, Новый Маргелан, Туркестан, ныне г. Фергана, Узбекистан – ?

Капитан 2-го класса Королевской армии Югославии.

Окончил военное училище в Белграде. Принял югославское подданство.

Отец Николай Павлович, князь, С., (10.05.1869– ?). Академия Генерального Штаба (1898). Генерал-майор, участник Великой войны и Белого движения. Георгиевский кавалер. В эмиграции в Турции, затем к 1923 г. в КСХС. Член Общества офицеров Генштаба.

Мать Лидия С.

Женат с 1941 г.

СТОПАНОВСКИЙ Евгений Петрович, 23.10.1908, Эривань, ныне Ереван, Армения – ?

Учился на юридическом ф-те Белградского ун-та. На 1941 г. унтер-офицер или солдат резерва югославской армии.

Отец Петр Дмитриевич С., (1874– ?). Член Одесского военно-окружного суда. Участник Белого движения. Эвакуирован из Одессы в Салоники на корабле «Рио-Пардо». В мае 1920 г. в КСХС.

Мать Ванда Цезаревна С. Участница Белого движения.

СЫСОЕВ Игорь Николаевич, 11.08.1907, Ростов-на-Дону – ?

Инженер-строитель.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1932 г.

Сведения о родителях см. у брата Всеволода, 2-й вып.

Жена (с 1938 г.): Аделаида Абрагамовна С., (ур. Мартенс).

Дочь Марина, (род. 1939, Белград).

СЫЦИАНКО Алексей Фёдорович, 1907 – 1965, Сан-Франциско.

Инженер-лесовод.

Окончил сельскохозяйственный ф-т Белградского ун-та.

После 1945 г. в США.

Мать Ольга Федоровна С., (ур. Тимченко; 1889 – 1969, Сан-Франциско).

ТИМОФЕЕВА Мария Д.

Училась на философском ф-те Белградского ун-та.

ХОХЛАЧЁВ Владимир Алексеевич.

Братья: Георгий, (1896, Ростов-на-Дону – 1945, Белград), Михаил, (18.12.1898, ст. Баклановская, Область Войска Донского – ?), инженер-строитель.

ШАТРОВ Юрий (Дмитриевич ?).

Отец (?) Дмитрий Васильевич Ш., (1869 – 22.09.1939, Белград). Александровское военное училище (1889). Полковник. Участник Белого движения. Эвакуирован 25.03.1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». В эмиграции в КСХС.

ЮРЧЕНКО Леонила Дмитриевна.

Отец Дмитрий Алексеевич Ю., (1881 – 10/23.02.1945, Белград), врач-дерматолог-венеролог. В эмиграции в КСХС. В 1938–1941 гг. работал в Поликлинике Российского общества Красного Креста в Белграде.

8-й выпуск 1928 года.

28 учеников, из них 7 девушек.

АЛЕКСАНДРОВ Сергей Владимирович, 14.10.1904, Псков – ?

Архитектор.

Окончил архитектурное отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1937 г. Сохранил российское подданство.

Мать Александра А.

БЫЛИНСКАЯ Татьяна Викторовна (Гракова), ? – до декабря 1978, Париж.

Училась на философском ф-те Белградского ун-та.

Отец Виктор Б., (08.12.1887, Тифлис, ныне Тбилиси, Грузия – 28.12.1978, Земун). Аптекарь в Земуне.

Мать Жозефа Б., (ур. Посецкая; 15.04.1891, Киев – ?).

Второй брак отца: Рада Б. Сербка.

Муж Александр Николаевич Г., (1907 – 09.06.1983, Париж). Окончил Крымский кадетский корпус.

Дочь Нина Г., «Не окончившие гимназисты», см. В 2015 г. в Цюрихе, Швейцария.

ГОРБОВ Георгий (Юрий) Николаевич, 02.10.1907 – 17.05.1993, США.

Эвакуирован с родителями 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер» на о. Лемнос. 16 октября 1920 г. Горбовы вернулись в Крым на пароходе «Херсон». В эмиграции в КСХС.

Учился на юридическом ф-те Белградского ун-та. После 1945 г. в США.

Участник 1-го съезда бывших гимназистов в 1986 г., Нью-Йорк.

Сведения о родителях см. у брата Михаила, 2-й вып.

Сестра Ольга, (22.06.1901 – 21.08.1983, Буэнос-Айрес), замужем за Дмитрием Гороховским.

Жена (с 1936 г.): Ирина Николаевна Г., (18.04.1912 – 15.08.2001, США).

ГУЛЫГА Ростислав Георгиевич, 20.06.1909, Царское Село, Санкт-Петербургской губ. – 1998, Сан-Франциско.

Инженер-строитель.

Крестным отцом новорожденного Ростислава был Великий Князь Константин Константинович Романов (поэт К. Р.).

Оказавшись вместе с родителями в КСХС, Ростислав после гимназии окончил строительное отделение технического ф-та Белградского ун-та (1936). После 1945 г. переехал в США. Семья жила в Сан-Франциско.

Отец Георгий Иванович Г., (15.02.1884, ст. Незамаевская Кубанской обл. – 15.12.1953, Сан-Франциско). Павловское военное училище (1905). Офицер Кубанского казачьего войска и Собственного ЕИВ конвоя. Участник Великой войны и Белого движения. Эвакуирован до осени 1920 г. из Батума на корабле «Король Альберт». Находился на о. Лемнос. Полковник. Принадлежал к Вольному казачеству, т. е. к тем, кто исповедовал идею независимого казачьего государства. Служил в Русском Корпусе. Комендант г. Лозница (Сербия) в 1942 г. После 1945 г. в США.

Мать Елизавета Павловна Г., (1883 – 31.12.1971, Сан-Франциско). Эвакуирована с детьми из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». В мае 1920 г. в КСХС.

Жена Татьяна Г., (ур. Измайлова). Гимназистка, выпуск женской гимназии 1941 г.

ДЕМЬЯНОВИЧ Зоя Александровна (Лебедева), 23.08.1909, Брест-Литовск, ныне Белоруссия – 1993, Москва.

Инженер-химик.

Окончила философский ф-т Белградского ун-та в 1935 г. Во время Второй мировой войны вместе с мужем состояла членом подпольной антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП).¹

Отец Александр Александрович Д., (1878 – после 1942). Надворный советник. Участник Белого движения. Эвакуирован из Одессы в Салоники на корабле «Рио-Пардо». В мае 1920 г. в КСХС.

Мать Лидия Викторовна Д., (ок. 1886 – 01/14.05.1933, Белград).

Муж Владимир Александрович Л., гимназист, 4-й вып. Развод в 1958 г. в СССР.

Дети: Александр, (род. 1931, Белград) и Святослав, (род. 1937, Белград). Живет в Москве.

¹ Подробно о ССП см. в биографии мужа, В. Лебедева, 4-й вып. и Ф. Высторопского, 6-й вып.

ДОБРОХОТОВ Александр Александрович, 19.03.1909, Вильно, ныне Вильнюс, Литва – 20.03.1983, Югославия.

Балетный танцор, хореограф, педагог.

С 1928 г. Александр танцевал в составе балетной труппы Народного театра в Белграде.

По окончании Второй мировой войны остался в Югославии. с 1952 г. – руководитель балетной труппы Македонского национального театра в Скопье.

Отец Александр Иванович Л., (ок. 1871 – 16/29.05.1939, Белград). Действительный статский советник. Участник Белого движения. Эвакуирован 25.03.1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». Летом 1920 г. находился на о. Лемнос.

Мать Анна Д.

Жена Евдокия Д., (28.09.1929, Скопье – ?), певица (сопрано). Македонка.

ЕЛАЧИЧ Ольга Евгеньевна (Янежич), 07.01.1912, Санкт-Петербург – после 1976, Сплит, Хорватия.

Оля вместе с отцом участвовала в собраниях Союза ревнителей чистоты русского языка. 29 мая 1931 г. на собрании, посвящённом «Старинному русскому юмору», она выступила с чтением прозы.

Окончила медицинский ф-т Белградского ун-та в 1934 г.

Врач в партизанских отрядах с 15 июня 1942 г. в Пусторачком, затем в Ябланичком, Запланском и Црнотравском отрядах. С декабря 1944 по май 1945 г. – врач санитарного отдела Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии. После окончания войны Ольга Евгеньевна – профессор судебной медицины Военно-медицинской академии в Белграде, позднее преподавала на юридическом ф-те в Сплите (Далмация).

Отец Евгений Александрович Е., преподаватель гимназии.

Мать Вера Ивановна Е., (? – 1944, Южная Сербия). Эвакуирована с детьми из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». Преподаватель гимназии.

Сестры: Татьяна, гимназистка, 6-й вып., Мария и Ирма.

ЗВЕНИГОРОДСКИЙ Алексей Николаевич, 20.03.1901, Киев – ?

Учился на техническом ф-те Белградского ун-та. В 1933 г. зарегистрирован как купец-торговец. Принял югославское подданство.

Отец Николай Павлович З. Политехнический институт в Киеве. Инженер-технолог. Участник Белого движения. Эвакуирован. В мае 1920 г. в КСХС.

Мать Эмилия З., (ур. Лопатина).

Трое братьев и сестер.

Жена Елица З., (18.08.1901, Вуковар, Хорватия – ?). Хорватка.
Дочь Ольга, (род 1934, Белград).

ЗВЕРЕВ Гордей Леонидович, 16.11.1911, Екатеринослав, ныне Днепр, Украина – 1940-е годы, Югославия.

Инженер-строитель.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1934 г.

Во время Второй мировой войны был замешан в нелегальной торговле лекарствами. Умер в тюрьме от побоев.

Отец Леонид Владимирович З., (ок. 1878 – ?). Демидовский лицей. Кандидат прав. С 1915 г. вольнонаёмный железнодорожный служащий. Участник Белого движения по ведомству Министерства путей сообщения: с февраля 1920 г. – министр путей сообщения Южно-Русского правительства. Эвакуирован до осени 1920 г. из Батума на корабле «Виктория». Летом 1920 г. в Константинополе, на о. Лемнос и в КСХС. В эмиграции в Германии. Член Союза русских инженеров.

ЗОРИН Вадим Николаевич, 19.11.1906, Владивосток – ?

Учился на медицинском ф-те Белградского ун-та (не окончил).

Отец Николай Владимирович З., (1878 – ?). Морское инженерное училище (1902). Капитан 2-го ранга, инженер-механик. Участник Белого движения. В 1920 г. прибыл в КСХС на корабле «Владимир». Член Союза русских инженеров.

Мать Лидия Гавриловна З., (ур. Мережко).

Жена Мария Авраамовна З., (ур. Драгомирова), гимназистка, 9-й вып.

Дочь Анна, (род. 1932, Панчево).

КАЛАШНИКОВ Игорь И., 1909, Царское Село, Санкт-Петербургской губ. – ?

Инженер.

Окончил отделение электромашин технического ф-та Белградского ун-та в 1939 г. По сведениям бюллетеня Объединения, в 1980 г. жил в Австралии.

КАМЯНСКИЙ Георгий Анатольевич, 28.08.1908, Екатеринодар – ?

Инженер.

Из казаков Кубанского казачьего войска. Окончил электромеханическое отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1938 г. Служил в Русском Корпусе. Подпоручик.

Брат Борис, гимназист, 21-й вып.

Жена Анна Степановна К., (ур. Горбунова; ? – 06.10.1989, Лос-Анджелес).

КОНОПАЦКАЯ Вероника Е.**КУДРЯВЦЕВ Дмитрий Константинович**, 23.10.1906, Варшава – ?

Архитектор.

Окончил архитектурное отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1934 г.

Отец Константин Николаевич К., (09.05.1881 – ?). Николаевская инженерная академия. Полковник. Участник Белого движения. В марте 1919 г. находился во Владивостоке. В 1922 г. в КСХС.

КУРИЛО Иван Григорьевич, 23.08.1910, Санкт-Петербург – начало октября 2006, Вашингтон.

Инженер-химик.

Окончил философский ф-т ун-та в г. Лилль, Франция в 1932 г. В эмиграции в США, Нью-Йорк, Вашингтон. Действительный член Общества русских инженеров в США.

Представитель Объединения в Вашингтоне до начала 1988 г. Участник 1-го съезда бывших гимназистов в 1986 г., Нью-Йорк.

Отец Григорий Митрофанович К., (1867 – ?). Участник Белого движения, товарищ министра финансов. Эвакуирован из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». В мае 1920 г. в КСХС.

Мать Ольга Федоровна К.

Брат Борис, (1896 – ?), сестра Татьяна, (1914 – ?), по мужу Геворгян.

Жена Евгения Н. К., (ур. Знаменская; 17.03.1920 – 24.10.1979, США). Гимназистка, выпуск женской гимназии 1944 г. По 1-му мужу Богатырь.

Пасынок Пётр Богатырь.

ЛУГОВСКОЙ Сергей Львович, 25.06.1907, Кременчуг, ныне Украина – ?

Врач.

Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1935 г.

Мать Зинаида Л.

МАРКОВ Борис Сергеевич, 21.10.1908, Севастополь – начало 1960-х годов, Алма-Ата, СССР.

Архитектор.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1934 г. Служил в Белграде. Состоял вместе со старшим братом Сергеем членом подпольной антифашистской организации Союз советских патриотов (СПП).

После 1948 г. выслан из Югославии, позднее оказался в СССР.
Сведения о родителях см. у брата Сергея, 7-й вып.

ПАМПУЛОВ Николай Иоакимович, 06.12.1907, Николаев, Херсонской губ., ныне Украина – ?

Геодезист.

Принял югославское подданство. Николай не был женат.

Отец Иоаким П.

Мать Анна П., (ур. Ходтина).

Брат Михаил П., (ок. 1899 – 06/19.10.1941, Белград). Фабрикант.

ПЕТРЯЕВА Мария (Лиля) Александровна (Ясюнинская).

Училась на юридическом ф-те Белградского ун-та.

После 1945 г. в США.

Отец Александр Михайлович П., (1874 – 27.10/09.11.1933, Белград), дипломат. Окончил Петербургский ун-т по двум факультетам. Действительный статский советник, служил в Министерстве иностранных дел. Знаток Ближнего Востока. Последовательно занимал все консульские должности на Балканах. Посланник в Албании (1913). С 1916 г. – в Министерстве иностранных дел в отделе Ближнего Востока. Во Временном правительстве – товарищ министра иностранных дел (Миллюкова, Терещенко). В 1919–1920 гг. – российский представитель в Софии, с 1933 г. переехал в Королевство Югославия, где служил в Министерстве иностранных дел Королевства. Полиглот, владел 14 языками. Создатель Казачьего хора Сергея Жарова (хор возник при посольской церкви в Софии).

Брат Георгий, гимназист, 11-й вып.

Муж Алексей Николаевич Я. (? – 26.03.1969, Аргентина), «Не окончившие гимназисты», см.

ПЕЧКОВСКИЙ Константин Андреевич.

Юрист.

На собрании гимназического Союза ревнителей чистоты русского языка 29 мая 1931 г., посвящённом «Старинному русскому юмору», Костя выступил перед публикой с чтением прозы.

Окончил юридический ф-т Белградского ун-та в 1932 г. Член корпорации юристов Белградского ун-та (1935). С 1937 г. чиновник в частном предприятии. Был женат.

Мать Екатерина П., (ур. Гонэ).

* **ПРОКОФЬЕВ Всеволод Георгиевич**, 20.11.1908, Оренбург – октябрь 1983, Ташкент, СССР.

Историк. Преподаватель.

ПРОСКУРНИКОВА Тамара Павловна.

По окончании гимназии прервала образование.

Отец Павел Григорьевич П., (ок. 1899 – 1973, Weesen, Швейцария). Регент церковных хоров в Земуне и Белграде. В конце Второй мировой войны переехал с семьей в Швейцарию. Рукоположен во иереи в 1946 г. Служил в русском храме в Берне до 1971 г. После смерти жены был пострижен в монашество в 1961 г. Архимандрит.

Сестра Ариадна, гимназистка, выпуск женской гимназии 1933 г.

* **СМИРНОВ Михаил Сергеевич**, ок. 1912 – ?

Юрист.

ТРОПИНА Ольга Борисовна, 1909 – ?

Отец погиб во время гражданской войны. Эвакуирована с матерью из Новороссийска в феврале 1920 г.

Училась на юридическом ф-те Белградского ун-та.

Мать Ирина Ильинична Т., преподавательница гимназии.

ТРОЦКИЙ-СЕНЮТОВИЧ Игорь (Владимирович ?).

Учился на философском ф-те одного из французских университетов.

Отец (?) Владимир Николаевич Т. -С., промышленник из Санкт-Петербурга. Эмигрировал во Францию.

ШПИГАНОВИЧ Анатолий Владиславович, 1906 – ?

Учился на техническом ф-те Белградского ун-та.

Отец Владислав Львович Ш., (1879 – ?). Из казаков. Николаевское кавалерийское училище (1901). Участник Великой войны и Белого движения. Полковник. Эвакуирован в Константинополь. После 17 июля 1920 г. вернулся в Русскую армию в Севастополь.

Мать Людмила Ивановна Ш.

ШТАРК Ольга Владимировна (Круговская), 09.01.1908, Россия – ?

Училась на философском ф-те Белградского ун-та. В 1935 г. Ольга служила чиновницей Государственной комиссии по делам русских беженцев.

Отец Владимир Александрович Ш., (19.02.1872, Гатчина, Санкт-Петербургской губ. – 26.07/08.08.1950, Белград). Николаевское инженерное училище (1897). Военный инженер. По окончании Второй мировой войны остался в Югославии. Принял советское гражданство.

Мать Елена Ш., (ур. Ронефт (?)).

Братья: Борис, окончил электромашиностроительное отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1933 г.; Константин, (ок. 1909 – 29.11/12.12.1940, Белград). Чиновник городского управления Белграда.

Муж (с 19.10.1941): Александр Гаврилович Круговский (Круговской). Архитектор.

ЮСКЕВИЧ Борис Иванович, 1910 – май 1973, Нью-Йорк.

Агроном.

Эвакуирован с родителями и братом из Одессы в Салоники на пароходе «Рио-Пардо» в 1919 г.

Окончил сельскохозяйственный ф-т Белградского ун-та в 1933 г. Принял югославское подданство. Подпоручик резерва югославской армии. Член Общества офицеров-артиллеристов. После 1945 г. в США. Первый председатель Правления Объединения бывших гимназистов в Нью-Йорке в 1963 г.

Отец Иван Дмитриевич Ю., (30.01.1876 – 19.04.1960, США). Коллежский советник. Юрист (судья), городской голова. После 1945 г. в США.

Мать София Александровна Ю., (12.02.1888 – 23.09.1970, США).

Брат Игорь, гимназист, 10-й вып.

Жена Елена Николаевна Ю., (ур. Пепина), гимназистка, вып. женской гимназии 1944 г.

9-й выпуск 1929 года.

25 учеников, из них 5 девушек.

БИСКУПСКИЙ Валерий Сергеевич, ок. 1909 – ?, Австралия.

Инженер-химик.

Учился на философском ф-те Белградского ун-та. После 1945 г. в Австралии, Мельбурн. В 1974 г. приехал с братом в Калифорнию, встречался с бывшими гимназистами.

Отец Сергей Васильевич Б., (ок. 1881 – 05/18.12.1934, Белград). Окончил Пажеский корпус. Художник.

Мать Вера Б.

Брат Юрий, гимназист, 12-й вып.

* **ГАГАРИН Григорий Георгиевич**, князь, 29.03/11.04.1912, Москва – 21.11.1950, близ Качи, провинция Сальта, Аргентина.

Геолог.

* **ГРИНЕВИЧ Нина Константиновна (Гребенщикова)**, 1909, Владимир-на-Клязьме – 02.04.1974, Гатерслебен, Тюрингия, Германская Демократическая Республика.

Поэт, переводчица, актриса-любитель.

ГУБИН Владимир В.

Геолог.

Окончил геологический ф-т ун-та в г. Нанси.

* **ДОМРАЧЕЕВ Дмитрий Владимирович**, 15.05.1910, Тифлис – 15.06.2001, Буэнос-Айрес).

Заводской рабочий.

ДРАГОМИРОВА Мария Авраамовна (Зорина).

Училась на философском ф-те Белградского ун-та.

Отец Абрам (Авраам) Михайлович Д., (22.04 или 21.09.1868, Санкт-Петербург – 09.12.1955, Ганьи, Франция). Сын генерала-от-инфантерии. Пажеский корпус (1887). Академия Генерального штаба (1893). Участник Великой войны. Генерал-от-кавалерии, главнокомандующий войсками Северного фронта. Георгиевский кавалер. Один из организаторов Добровольческой армии в 1917 г. В эмиграции в КСХС, Белград. Член Общества офицеров Генштаба и Общества кавалеров ордена Св. Георгия. С 1931 г. во Франции, руководитель особой работы РОВС. В годы Второй мировой войны в резерве чинов при штабе РОА.

Мать Вера Петровна Д., (ур. Половцова; 10.10.1870 – 25.03.1953, Ганьи, Франция). Трое детей эвакуированы в начале 1920-х годов из Новороссийска на корабле «Брауенфелз», летом 1920 г. семья находилась на Принцевых островах близ Константинополя.

Муж Дмитрий Николаевич З. Гимназист, 8-й вып.

ЕРМОЛЕНКО Иван Степанович, 04.09.1910, Армавир, Кубанской обл. – начало 1950-х гг., Югославия.

Агроном.

Окончил сельскохозяйственный ф-т Белградского ун-та в 1936 г. Российский гражданин. Преподаватель в сельскохозяйственном училище г. Сомбор (Сербия). Покончил жизнь самоубийством.

Мать Елизавета Е.

Жена Любица Е., (ск. в Сомборе). Сербка.

Дети: Игорь, (род. ок. 1937, Сомбор), Владимир, (род. ок. 1938, Сомбор), Екатерина, (род. ок. 1941, Сомбор). Приблизительно в 1958 г. братья Игорь и Владимир обратились в посольство СССР в Белграде с просьбой о выезде на постоянное жительство в Советский Союз. Через несколько лет они получили советское гражданство. Игорь поселился в Москве, Владимир в Пензе.

* **ЗИГЕРН-КОРН фон Георгий (Юрий) Анатольевич**, 17.01.1910, Санкт-Петербург – 09.09.2002, Нью-Йорк.

Живописец, график.

ИВАШЕНЦОВ Борис Борисович, 05.02.1909, Санкт-Петербург – 14/27.11.1944, Белград.

Окончил колониальный факультет одного из университетов в Голландии. В 1934 г. находился в Белграде.

Отец Борис Александрович И., (ок. 1881 – 21.11/04.12.1942, Белград). Правовед, надворный советник, чиновник Министерства юстиции. Участник Белого движения по ведомству министерства. Эвакуирован из Новороссийска на корабле «Св. Николай». Летом 1920 г. находился на Принцевых островах, позднее прибыл в КСХС.

Мать Екатерина Васильевна И., (15.07.1867 – 02.11.1930, Белград).

Сестра Мария, гимназистка, выпуск женской гимназии 1932 г.

КАЛИНОВСКИЙ Константин Константинович, 01 или 04.05.1911 – 29.04.1981, Гамилтон. Канада.

Инженер-строитель.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1941 г. Сохранил российское гражданство.

Отец Константин Тимофеевич К., (20.05.1885, селение Аксай, Область Войска Донского – 03.01.1962, Гларус, Швейцария). Из казаков. Окончил учительское

училище. Новочеркасское казачье юнкерское училище (1907). Академия Генерального штаба (1914). Участник Великой войны и Белого движения. Генерал-майор. В эмиграции с апреля 1920 г. в Константинополе и Варне (Болгария), затем в КСХС, в Суботице и Белграде. Работал ямщиком, впоследствии открыл продуктовый магазин в столице. Член Общества офицеров Генштаба. По окончании Второй мировой войны остался в Югославии. В 1950 г. покинул страну, некоторое время находился в беженском лагере в Триесте. С 1954 г. в Швейцарии (Везен).

Мать Ефросинья Андрониковна К., (ур. Донская; 13.02.1892 – 1976, Везен).
Дочь Андроника Фёдоровича Донского (ок. 1856, Константиновка, ныне Украина – 16.11.1935, Белград). Участница Белого движения.

Сестра Нина, гимназистка, «Не окончившие гимназисты» см.

КОНЕВА Татьяна Дмитриевна, ок. 1911, Харьков – ?

Инженер-лесовод.

Гражданская война в России разорвала эту семью, как и многие другие. Отец в мае 1920 г. был эвакуирован из Новороссийска в КСХС, а мать с тремя детьми смогла самостоятельно, уже в советское время, выехать из Ростова-на-Дону и добраться до Белграда. С 1922 по 1925 г. семья жила в Нови Саде, в бывшем имении сербского магната Дунджерского, где находился его знаменитый Институт «Камендин» и где проф. Д. Конев организовал научную лабораторию для получения различных вакцин для прививки домашних животных. В 1925 г. семья переехала в столицу, так как отец получил место профессора Белградского ун-та.

Татьяна окончила лесное отделение сельскохозяйственного ф-та Белградского ун-та в 1935 г.

После Второй мировой войны семья Коневых осталась в Югославии.

Отец Дмитрий Фёдорович К., (9/21.02.1863, станица Каменская, Область войска Донского – 25.03.1945, Белград). Окончил Харьковский ветеринарный институт (1891). Доктор наук, ординарный профессор этого института. Участник Белого движения. Профессор микробиологии Белградского ун-та. Экспериментально изучал возбудителя сибирской язвы и прочие болезни домашних животных.

Мать Мария Николаевна К., (ур. Салтыкова, ? – 21.05.1959, Скопье, Македония).

Брат Владимир, (1903, Харьков – 19.04.1988, Белград).

Сестра Наталия, гимназистка, выпуск женской гимназии 1932 г.

* **КУРГАНСКИЙ Вадим Павлович, 12.02.1909, Екатеринодар – 05.11.1975, Филадельфия, США.**

Преподаватель. Писатель. Автор сценариев для комиксов.

ЛЕБЕДЕВ Владимир Алексеевич, 1911, Киев – 24.04/07.05.1940, Дубровник. Похоронен в Белграде.

Преподаватель музыки. Пианист.

Учился на философском ф-те Белградского ун-та. Автор (совместно с Е.А. Садовниковой) пьесы «Весёлые каникулы», поставленной гимназистами в оккупированном Белграде в феврале 1943 г.

Холост.

**** ЛОБАЧЁВ Юрий (Джордже) Павлович**, 19.02/04.03.1909, Скутари, ныне Шкодер, Албания – 23.07.2002, Санкт-Петербург.

График, художник комиксов.

МУРАВЬЁВ Николай Александрович, 03.05.1910, Россия – ?

Ботаник.

Окончил сельскохозяйственный ф-т Белградского ун-та.

Отец Александр Иванович М., (01/14.06.1886, Витебск – 15.03.1955, Нью-Йорк). Из дворян Воронежской губ. Павловское военное училище. Участник Великой войны и Белого движения. Полковник. Эвакуирован с семьей в КСХС. В Белграде служил чертёжником в городском управлении.

Мать Таисия М., (ур. Софронова; 28.10.1896, Россия – 07.05.1926, Белград).

Братья: Пётр, гимназист, 21-й вып., Игорь, (род. 05.06.1923, Дьяково, Хорватия).

ПЕРЕВОЩИКОВА Ольга Михайловна, 07.11.1910, Санкт-Петербург – ?

Студентка философского ф-та Белградского ун-та в 1933 г.

Отец Михаил Павлович П., (26.07.1866 – 09.03.1929, Белград). Киевский ун-т Св. Владимира (1889), офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1891) Академия Генерального Штаба. Участник Великой войны. Генерал-майор л-гв. Уланского ЕИВ полка. Участник Белого движения. Эвакуирован в начале 1920 г. с семьёй на транспорте «Бриенн» на о. Антигона близ Константинополя, затем в КСХС, Белград.

Мать Наталия Генриховна П., (ур. Гринберг).

Брат Алекс (Александр ?), (1901 – ?). Банковский служащий.

Сестра Екатерина, (1904 – ?).

Муж (с 27.04.1941): Алексей Владимирович (фамилия не установлена).

РУТЧЕНКО Владимир Петрович.

Учился в высшей сельскохозяйственной школе во Франции.

Отец Пётр Иванович Р., (ок. 1873 – 23.02/08.03.1931, Белград). Преподаватель Киевского коммерческого института. В КСХС – профессор Белградского ун-та, преподавал русский язык в гимназии.

Мать Елена Константиновна Р., (ур. Карташёва; ? – 06.03.1970, Франция ?). Эвакуирована в начале 1920 г. из Новороссийска на о. Лемнос на корабле «Брау-енфелз». В эмиграции во Франции.

Сестра Нина, (? – 05.09.1927, туберкулёзный санаторий Вурберг, Словения). В замужестве Романова.

САЛЬНИКОВ Михаил Пантелеймонович, 25.06.1908, Новочеркасск, Область Войска Донского – ?

Студент медицинского ф-та Белградского ун-та (вероятно не окончил). Занимался торговлей. С 1936 г. Принял югославское подданство.

По окончании Второй мировой войны М. Сальников остался в Югославии. Он служил в порту Плоче (Герцеговина) и в Дубровнике (Хорватия).

Отец Пантелеймон Михайлович С., (04.04.1879, Область Войска Донского – 28.11/10.12.1936, Велика Кикинда, Югославия). Надворный советник.

Мать Лидия С., (ур. Макарова).

СЫЧЕНКО Пиана (Пима) Тимофеевна, 03.03.1912, Бахмут, Екатеринославской губ., ныне Украина – ?

Студентка философского ф-та Белградского ун-та в 1932 г. Приняла югославское подданство. Разыскивалась соучениками.

Отец Тимофей Филиппович С., (ок. 1886 – 28.09/11.10.1944, Белград). Участник Белого движения. Эвакуирован из Новороссийска. В мае 1920 г. в КСХС.

Мать Наталия Федоровна С., (ур. Жилина).

ТАРНОВСКИЙ Георгий (Юрий) Сергеевич, 29.08.1911 – 1988, Франция. Военный врач. Доктор медицины.

Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1935 г. Служил в Военно-гигиеническом институте Главного военного госпиталя в Белграде. В эмиграции в США, штат Калифорния.

Отец Сергей Васильевич Т., (24.11.1883 – 23.09.1964, США). Николаевское инженерное училище (1904). Участник Великой войны. В 1918 г. в гетманской армии. Участник Белого движения. Полковник. Эвакуирован из Севастополя в Котор на корабле «Истерн Виктор». Член Союза русских инженеров. После 1945 г. в США.

Мать Варвара Л. Т., (ур. Ханыкова; 14.11.1882 – 19.05.1966, США).

ЧИСТОВ Олег Владимирович, 15.03.1911, Одесса – 1988, Франция.

Инженер-строитель.

Окончил технический ф-т Белградского ун-та в 1935 г. Участвовал в строительстве Южно-Печского канала.

Отец Владимир Сергеевич Ч., (1887 или 1889, Одесса – 10.11.1957, Франция).
Врач. Ординатор хирургической клиники Военно-медицинской академии в Петербурге. Эвакуирован 14.02.1920 г. из Одессы в Константинополь на корабле «Михаил».

ШИЛОВЦЕВ Степан Николаевич, 07.01.1904, Тихвин, Петербургской губ. – 17.05.1992, Сан-Пауло, Бразилия.

Участник Белого движения до эвакуации Крыма. Вольноопределяющийся. Галлиполиец. До поступления в гимназию служил в пограничной страже.

Студент сельскохозяйственного ф-та Белградского ун-та. Российский подданный. Служил в Русском Корпусе. Ранен под Бусовачей в 1944 г., перевезен в госпиталь в Вену. По окончании войны находился в лагере «Парш» вблизи Зальцбурга.

До 1948 г. в Австрии, после чего Степан Николаевич переехал в Бразилию. Член Общества Св. Князя Александра Невского (отдел СЧРК) со дня основания.

Мать Анна Ш.

Жена Елена Николаевна Ш.

ШУБОВИЧ Юрий Сергеевич, ок. 1910, Одесса – ?

Студент сельскохозяйственного ф-та Белградского ун-та. В 1937 г. служил в Белграде чиновником.

После 1947 г. в Венесуэле, Каракас.

Отец Сергей Григорьевич Ш., (02.04.1885, Ананьев, Одесской губ., ныне Украина – ?). Участник Белого движения. Эвакуирован из Одессы. В мае 1920 г. в КСХС. В Белграде работал шофёром. После 1947 г. в Венесуэле, Каракас.

Мать Надежда Константиновна Ш., (26.01.1885, Одесса – 28.10.1962, Каракас).

Сестры: Вера (1908 – 1993, США) и Ольга, «Не окончившие гимназисты», см. Обе жили в Венесуэле.

Жена уроженка Австрии. Двое детей.

ЩЕРБАЧЁВ Николай Николаевич, 31.12.1909, Красноярск – ?

Юрист.

Участник Белого движения. Вольноопределяющийся. В эмиграции в КСХС. Член Общества офицеров-артиллеристов. Окончил юридический ф-т Белградского ун-та ок. 1935 г. Сохранил российское подданство.

Мать Евгения Ш., (ур. Яковлева).

Жена (с 10.09.1935): Мария Вадимовна (?) Ш., (ур. Дейниковская; 1907, Россия – ?).

ЯКОВЛЕВСКИЙ Александр Вячеславович, 1909 – ?

Врач.

Окончил медицинский ф-т Белградского ун-та в 1935 г.

Отец Вячеслав Викторович Я., (1875 – июль 1942, Сербия). Протоиерей. Член Свято-Владимирского православного братства. Священник в Добровольческой армии. Эвакуирован в Котор на корабле «Истерн-Виктор». В Сербии служил в церкви с. Брза-Паланка (Тимокская епархия), затем переведен в Браничевскую епархию. Убит партизанами Й. Тито.

Брат Сергей, (1912, Ливны, Орловской губ. – ?). Окончил кадетский корпус в 1931 г. и электромеханическое отделение технического ф-та Белградского ун-та в 1937 г. Принял югославское подданство. В 1941 г. поручик резерва югославской армии. Холост.

Биографии выпускников смешанной гимназии

2-й выпуск 1922 года.

АСЕЕВ Александр Михайлович (Alejandro Asejeu), 17.02.1903, Арженка, Тамбовская губ. – 27.01.1993, Сантьяго, Чили.

Доктор медицины, редактор-издатель. Потомственный дворянин.

Саша – младший из восьми детей в семье тамбовского врача, состоятельного купца и фабриканта. Он начал учиться ещё дома перед поступлением в местную гимназию. Получить аттестат зрелости ему помешал октябрьский переворот 1917 года. Александр принял участие в Белом движении в составе вооруженных сил Юга России. Вместе с родителями, братом и сестрой он был эвакуирован из Крыма в КСХС до осени 1920 года на корабле «Силамет».

В Белграде Александр Асеев завершил среднее образование в гимназии, а в 1930 году он окончил медицинский факультет Белградского университета. С апреля 1930 по май 1931 года молодой врач работал в Государственной больнице и в Центральном гигиеническом институте в Белграде. В это время он принял югославское подданство.

С 1931 по 1940 год Александр Михайлович служил врачом в «здравственной задруге» (деревенской амбулатории) в Восточной Сербии: на шахтах в местечке Рготина, затем в местечке Рудна-Глава, где занимался также частной практикой и держал свою аптеку.

Прочитав в начале 1931 года книгу «Агни йога» Александр Михайлович увлёкся теософией и оккультизмом. Идеи, изложенные в книге, чрезвычайно увлекли его, став на всю жизнь его убеждениями, и во многом определили его судьбу. Он написал письмо академику живописи Николаю Константиновичу Рериху и получил ответ от его супруги Елены Ивановны. Завязалась переписка, которая продолжилась до последних дней их жизни. В 1933 году на собственные средства Александр Михайлович начал издавать и редактировать журнал «Оккультизм и йога» – орган русских независимых оккультистов (до 1937 года вышло восемь выпусков). Журнал предоставлял трибуну широким кругам оккультистов-эзотериков русского зарубежья. А. Асеев переписывался с авторами альманаха из многих стран. Надо сказать, что и отец Александра, и старший брат крайне отрицательно относились к его взглядам.

В одном из своих писем в Индию из местечка Рготина Александр Михайлович писал:

Пройдя строгую оккультную школу, я мог бы принести гораздо больше пользы человечеству, я готов в любое время откликнуться на зов Учителя, ибо с Европой меня ничего не связывает. <...>

Правда у меня нет денег на дорогу (в Индию – авт.), ибо все сбережения, которые я сделал за 2, 5 года службы, я отдал на издание журнала, и всё ценное моё имущество ограничивается библиотекой, велосипедом и золотым хронометром – подарком покойного отца. Впрочем, и деньги не так существенны, если будет нужно, то они придут.¹

Весьма интересно отношение Александра Михайловича в эти годы к покинутому им отечеству:

У меня нет никакой ненависти к большевикам. Я готов простить им все злодеяния, которые они сделали. Я убеждён, что и большевизм необходим в общем плане эволюции человечества и в конечном итоге послужит для вящей славы России.²

Видимо к 1937 году, именно к году начала развернувшегося в СССР «большого террора», Асеев был готов скорее поехать туда, чем в Индию, при условии, что «откроется возможность для созидательной работы на Родине». Он сохранил себе жизнь, оставшись в Югославии. О своем быте в местечке Рготин он писал:

В доме я живу один. Внизу помещается местный кооператив, моя амбулатория и аптека; наверху несколько канцелярий и моя квартира. Такое блаженство жить одному в целом доме наедине со своими мыслями! Мне как-то неловко признаваться перед Вами, что настроение у меня всегда радостное (это теперь-то, во время чудовищного Армагеддона!). Встаю рано и пока не примусь за повседневную работу, напеваю вполголоса стихи своих любимых поэтов (Гумилёва, Ахматовой, Блока и др.). Знаю их наизусть целые сотни. Это непроизвольно, у меня всё поёт внутри. Хорошо устроился я и с пищей: могу есть то, что мне вздумается, ведь готовлю себе я сам. Этим летом я питаюсь почти исключительно фруктами, томатами и мягким сыром с хлебом; вегетарианствую вот уже 16-й год. В общем можно спокойно жить и работать в этом тихом уголке.³

1 Письмо А.М. Асеева к Е.И. Рерих от 02.04.1934. Архив Международного центра Рерихов. Ф. 1. Оп. 5-2. Д. 164. Л. 1, об. - 2. Здесь и далее цит. по: *В.П. Серега. Духовный мир Александра Михайловича Асеева (по переписке с Еленой Ивановной Рерих) // Асеевы и эпоха. Материалы международной научной конференции. Тамбов, 2016. С. 213.*

2 Письмо А.М. Асеева к Е.И. Рерих от 12.05.1936. Там же. С. 216.

3 Письмо А.М. Асеева к Е.И. Рерих от 26.09.1936. Там же. С. 218.

В своем уединении А.М. Асеев пишет монографию «Фармакодинамика оккультизма», штудирует книги учения «Живой этики». Две трети от всех заработанных в сельской амбулатории денег он тратил на издание «Оккультизма и йоги». В сентябре 1938 года Александр Михайлович из Рготины переехал в село Рудна-Глава, в 20-ти километрах от Дуная. Его пациентами стали жители этого села и окрестных хуторов. Здесь он получил право частной практики и держал небольшую аптеку. Он писал о расширении практики, росте своей популярности. Целыми днями доктор Асеев занимался больными, разъезжал по всему уезду. К нему привозили больных из дальних сёл, из соседнего городка. Доктор лечил успешнее, а брал за лечение меньше, чем другие врачи.

Весной 1941 года Асеев был призван в сербскую армию. Не известно, принимал ли Александр Михайлович участие в военных действиях во время Апрельской войны, но все время оккупации Югославии немцами, с 1941 по 1944 год, он занимался частной практикой в местечке Колари, округ Придунайский, недалеко от города Смедерево. За оказание медицинской помощи партизанам Александр Михайлович был арестован и приговорён к расстрелу, но, к счастью, приговор не успели привести в исполнение до освобождения Югославии Красной армией. По окончании Второй мировой войны А. Асеев с 1945 по 1950 год служил уездным врачом в городке Сопот, в 50 километрах от Белграда, где имел и частную практику.

Все годы Александр Михайлович мечтал вернуться на родину, собирал для этого средства. Гонения на русских эмигрантов, начавшиеся в титовской Югославии после разрыва отношений с Советским Союзом, вынудили его мать и старшего брата Михаила с семьёй выехать в Парагвай. В 1951 году Александр Михайлович присоединился к ним.

Для Елены Ивановны Рерих А.М. Асеев вместе с его альманахом был форпостом учения в Европе. С его отъездом Европа теряла центр оккультизма. Перед своей корреспонденткой Александр Михайлович оправдывался:

Не думайте, что я боюсь смерти, и потому бегу от нея; нет, причина другая – за последние 10–15 лет мне удалось собрать много ценного материала по духовным вопросам, который в новой мировой войне рискует погибнуть; мне хочется перевести его в безопасное место, чтобы потом опубликовать на пользу ищущих знания. В этом отношении Парагвай – идеальная страна, которую надвигающийся смерч не захватит. < . . . >

Еду в качестве югославского гражданина, а не Д. П., с югославским паспортом. Имею право возвратиться, связь с Югославией не порываю и даже беру с собой горсть югославской земли. < . . . >

Мне разрешили вывезти всю мою библиотеку. ¹

1 Письмо А.М. Асеева к Е.И. Рерих от 14.08.1950. Там же. С. 222.

Лишь через шесть лет, 1 июня 1957 года, он сможет получить парагвайское гражданство.

Уже с 1952 года и до 1977-го Александр Михайлович продолжил в Асунсьоне издание альманаха «Оккультизм и йога», в котором публиковал свои работы по истории русского оккультизма и по парапсихологии. За свою жизнь ему удалось выпустить более 70-ти тетрадей этого журнала.

Уважаемый в Югославии доктор Асеев остался в столице Парагвая не у дел, не пожелав принять назначение в глухую провинцию. Он занялся производством косметических препаратов – различных кремов для лица, зубной пасты и проч. Дело это, видимо, не пошло. Он зарабатывал меньше, чем было нужно для жизни. Как доктор, Асеев практиковал только среди русской колонии, что ему давало гроши. Издание «Оккультизма и йоги» приносило лишь убытки, и Александр Михайлович был принужден продавать книги из своей библиотеки. Надеясь на некоторый заработок, он даже осмелился предложить «Институту по изучению истории и культуры СССР» написать для них работу о спиритуалистическом движении в Советской России.

В одном из последних своих писем к Е.И. Рерих он писал:

Живу в духовном одиночестве – контакта с местной русской колонией у меня нет. Большинство ея состоит из «зубров», которые ничего не поняли, ничему не научились и на меня косятся, считают чужим, не видя рогов и не слыша звериного рёва. Мне удалось вывезти из Югославии всю свою библиотеку, в том числе немного советских изданий, которые я давал читать своим знакомым. Книги читали с удовольствием, благодарили меня, а за спиной говорили, что занимаюсь распространением советской литературы и, по-видимому, коммунист. Положение особенно обострилось в конце прошлого года, когда я опубликовал в газете «Вестник Бразилии» серию статей о Парагвае, в которой осмелился сказать часть неприглядной правды о местной русской колонии. После этого меня начали травить уже по-настоящему: исключили из членов русской публичной библиотеки, писали доносы власть предержащим, один представитель науки и культуры (профессор университета!) обещал «набить морду». Требовали, чтобы я написал опровержение, чего я, конечно, не сделал. Всё проходит – и этот конфликт постепенно забывается. Но отчуждение, конечно, остаётся. Пожалуй, оно даже к лучшему – много остаётся времени для себя лично. Много читаю, пишу, сотрудничаю в нескольких периодических изданиях.¹

В начале 1987 года Игорь Александрович Нелидов, племянник А.М. Асеева, окончивший гимназию в 18-м выпуске, приехал в Асунсьон из Чили в поисках своих родственников. К этому времени из Асеевых в Парагвае оставался один Александр

1 Письмо А.М. Асеева к Е.И. Рерих от 22.11.1954. Там же. С. 225.

Михайлович, в беспомощном состоянии, почти полностью потерявший зрение. Несмотря на то, что он жил в крайне тяжёлых условиях, ему удалось сохранить большую часть своей библиотеки, которой он дорожил всю жизнь – около 5 тысяч книг. В июне 1987 года Нелидов перевёз его в Чили, где он прожил ещё пять с половиной лет. Александр Михайлович не был женат. Он скончался в возрасте 89 лет. Когда умер Нелидов, в его могилу на русском кладбище Puente Alto в Сантьяго похоронили и урну с прахом его дяди, А.М. Асеева.

Отец Михаил Васильевич А., (01.11.1858, Рассказово, Тамбовская губ. – 31.08/13.09.1933, Белград), потомственный дворянин, действительный статский советник. Уездный врач, купец 1-й гильдии, фабрикант сукон. Гласный Тамбовской городской думы.

Мать Мария Никаноровна А., (ур. Протопопова, 20.06.1871 – 03.02.1955, Асунсьон).

Брат Михаил, (23.07.1893, село Арженка – 16.08.1983, Асунсьон).

Сёстры: Екатерина (в замужестве Ишеева; её дочь, Ксения Васильевна И., окончила гимназию в 1930 г.), Мария, София (в замужестве Мещерикова), Надежда (в замужестве Нелидова), Раиса (в замужестве Здор), Марфа.

МАРКОВИЧ Валериан Владимирович, 13.09.1904, Калиш, Великопольское воеводство, Царство Польское – 24.11.1975, Белград).

Инженер-строитель.

Поступил в гимназию в 7-й класс.

Валериан родился в семье сербского происхождения. Начальную школу и шесть классов гимназии окончил в Калише. Семья эмигрировала в КСХС в 1920 году, поселившись в Белграде. Валериан окончил электромеханическое отделение (1927) и строительное отделение (1933) технического факультета Белградского университета. Работать начал на предприятии «Siemens Baunion» и в Управлении государственных железных дорог в Белграде. С 1929 года он принят ассистентом технического факультета по предметам элементы машин и техническое черчение. До Второй мировой войны выполнил большое число проектов, расчётов. Под авторским надзором Марковича осуществлялось строительство многих промышленных объектов, среди которых чугунолитейный завод «Зефир», Государственная типография, завод летательных аппаратов без двигателей «Утва» в Панчево, железобетонные бомбоубежища Министерства армии и флота в Белграде.

По окончании Второй мировой войны Валериан Маркович остался в Югославии. В 1946 году он стал доцентом машиностроительного отделения технического факультета по специальностям «Краны» и «Оснащение фабрик и цехов», а

с 1950 года – профессором машиностроительного факультета, читая лекции по многим предметам промышленного строительства. Занимался проектированием сложных строительных объектов и фундаментов для зданий и машин, например, горнодобывающего оборудования для шахт «Елсинград» в Баян Луке. По проектам В.В. Марковича построены Сталелитейный завод в г. Никшич, три гидроэлектростанции (Зворник, Меджувршье, Ябланица), мост в г. Шабац, Литейный завод в Земуне, цементный завод в г. Беочин. Валериан Владимирович осуществил расчёт металлоконструкций обувного завода «Петр Велебит» в Белграде. Он – автор ряда университетских учебников. Вышел на пенсию в 1970 году. Кавалер Ордена заслуг перед народом, 3-й ст.

Отец Владимир М., врач.

Мать Евгения М.

Сестра Леонида, окончила гимназию в этом же классе.

ПЛЕТНЁВ Ростислав Владимирович, 15/28.03.1903, Харьковская губ. или Харьков – 26.11.1985, Монреаль.

Видный филолог-славист, литературовед.

В середине 1980-х годов сотрудник русской секции «Радио Канада» в Монреале, журналист Евгений Соколов, неоднократно приглашал в студию Ростислава Владимировича с рассказами о его жизни. Позднее Е. Соколов выложил эти записи в своем блоге.¹ Таким образом мы имеем редкую возможность «услышать» самого героя нашего повествования.

Слава рос в городе Чугуеве, где его отец служил преподавателем в юнкерском училище.² Позднее вся семья обосновалась в Петербурге – Петрограде.

Ну, Россию, я, конечно, помню прекрасно. Мне часто снится моё прошлое в разных снах, которые касаются и учения латинского языка с Кириллом Андреевичем Нестеренко. Латинского языка, который я сперва ненавидел, а потом в классической гимназии полюбил, потому что мать сказала: «Посмотри, сколь звучен этот меднозвучающий язык и какие великие люди восхищались произведениями на этом языке». С тех пор я полюбил латинский язык и пользовался им. <...>

Нужно сказать, что в гимназии Мая обучались дети многих интересных людей, как, например, Добужинского.³ И гимназия эта, старейшая классическая частная

1 Авторы приводят здесь и далее выдержки из расшифровок нескольких аудиофайлов, немного скорректированные, учитывая то, что это была устная речь, а во время этих бесед Р.В. Плетнёву было уже больше 80 лет. <https://esokoloff.wordpress.com/2014/07/30/rostislav-pletnev/>

2 По свидетельству Епископского Совета при Управлении православными церковными приходами в Королевстве Югославия, выданному 03.03.1936 г., Ростислав (с его слов) был крещен в мае 1903 г. в церкви Св. Василия Великого села Мыские Млины Полтавской губ.

3 Мстислав Валерианович Добужинский (1875 – 1957), известный русский художник.

гимназия, называлась гимназия Карла Мая, и имела знак майского жука. Еще с 18-го века. Это Петербург. И тогда он назывался Санкт-Петербург или мы всегда называли его только Питер. Гимназия Мая находилась на Васильевском острове. <...>

В гимназии Мая я учился хорошо и даже основал Общество любителей древней и русской истории. Русской истории, но только древней опять же. И написал тогда работу по латинским источникам «Форма римских лагерей, оружие» и так далее и о значении этого для последующего развития военного дела. Академик Соузе (?), который у нас преподавал, похвалил меня за эту работу по источникам. <...>

Лето я проводил всегда в Малороссии или Украине именно близко села Лихачёвка, где было очень маленькое имение моей бабушки. И там я познакомился и был другом многих ребят из села Лихачёвка, из которых потом во время гражданской войны почти половина ушла в Добровольческую армию, а половина ушла или к большевикам, или к Петлюре. Также я говорю на том языке, диалекте, может быть, Полтавского округа, приблизительно, как писал Шевченко, и совершенно свободно могу думать. Но это не тот украинский язык, который часто под влиянием галицких говоров теперь считается литературным языком Украины.

Во время революционных событий февраля 1917 года гимназист Ростислав Плетнёв находился в Петрограде. И город производил тогда на юношу «печальное впечатление».

Начало Февральской революции, март, до апреля и даже далее я находился в Санкт-Петербурге. Я видел, что масса солдат шатается просто по городу неизвестно зачем, кричат, часто вооружённые. Вот одна сцена. Стоят люди, несколько солдат и несколько лохматых, черных в студенческих фуражках людей. Да, студенты. Они вооружены. Что они делают? Они стреляют по второму этажу русского (ка)детского корпуса. На втором этаже мальчики десяти лет, некоторые девяти. И они стреляют по этим окнам, где мелькают фигуры этих детей. Я уже тогда считал себя юным, 15-ти или 14-летним бойцом и пришёл в совершенный ужас. Далее, что я помню, – это бесчисленные обыски. То матросы, то солдаты входили в нашу квартиру, искали оружие или неизвестно что. Причём часто приходили без всяких ордеров. И было очень трудно их каким-нибудь способом удалить из квартиры, которую они часто замазывали, входя мокрыми от снега или откуда-то найдя грязь на улицах. <...>

Затем нужно сказать, что во время революции я первые дни думал, что раз всё так гладко идёт, то мы просто вместо отрёкшегося Государя будем иметь Правительство. Но меня удивляло название Временное Правительство в моей ранней юности, потому что я всегда считал, что Правительство должно быть Правительством. Когда я видел, что вот так стреляют по окнам Корпуса, когда однажды мимо моего собственного уха пролетела с особым жужжанием пуля, которую выпустил полупьяный солдат, лёжа на грузовике. Он не стрелял в меня. Он просто выпалил. Я пришёл в большую, я бы Вам сказал, печаль, в ужас. И в особенности на меня

подействовала одна сцена, которая на других, видимо, не действовала. Около одного дома, не помню где, два солдата влезли и ломали прекрасно сделанного двуглавого орла с короной, и одну статую. Зачем они это ломали, я понятия не имею, но никто не противостал такому действию. Затем меня поразила частая ложь. Я видел, что среди жертв революции настоящих каких-то революционеров нет, а это были в большей части верные присяге полицейские, которые были убиты на своих постах. И как жертвы революции фактически похоронены там, с красными кумачами... Так же меня, но не наших, большинство интеллигенции, меня потрясло, что русский трёхцветный флаг, который старше французского трёхцветного флага, вдруг оборван и болтается только красная тряпка. А этот трёхцветный флаг я привык и уважать, и обожать в русской истории. <...>

И хотя занятия шли, но мы чувствовали страшное напряжение среди наших же преподавателей и желание поскорее окончить год и распустить гимназию. Такое чувство было явно, и некоторые преподаватели говорили: «Господи, ну, когда же это кончим?». То есть подразумевалась не революция, о которой они не говорили, а наш школьный год.

Наконец, занятия кончились, и Ростислав с матерью и младшим братом Игорем как обычно отправились на каникулы на юг, в имение бабушки.

Это около села Лихачёвка в Полтавской губернии на реке Ворскле. Там было очень маленькое имение. Его даже не отняли большевики. Девять десятин всего. И вот там жила бабушка, которая умерла уже после революции в двадцать четвертом году. Туда мы и приехали, а ещё и потому, что уже в то время не легко можно было достать (*продукты, авт.*). Мне тоже приходилось иногда постоять в очереди, тогда как у нас в имении и на Украине было ещё совершенно спокойно и хорошо. ... В её доме находились замечательные произведения Лансере, Бенуа, потому что бабушкин сын, мой дядя, был женат на дочери известного скульптора Лансере.¹ Это всё было растащено, что разбито потом, после смерти бабушки. Но дом не был сожжён. Бабушку крестьяне очень уважали. Она их лечила и помогала, чем могла. И они всячески оттаивали: «Нехай, стара баба умре!». И дом этот потом сделался детдомом.

Там на Юге, я поступил опять в гимназию, видя, что в Петербурге нет возможности настоящего учения, в гимназию города Зинькова.

Вероятнее всего, мама, Евгения Васильевна, с младшим сыном вернулась в Петроград к осени 1917 года.² Так или иначе, летом 1918 года на Полтавщине появились первые части Добровольческой армии, а с ними в имение на Ворскле заглянул дядя, Владимир Васильевич Даниель, родной брат мамы. С ним Ростислав и ушел служить в Белую армию. Капитан Даниель служил в железнодорожных войсках ещё

1 Лансере Евгений Александрович (1848 – 1886), известный русский скульптор-анималист.

2 См. подробнее в главе «Плетнёв Владимир Дмитриевич».

во время русско-японской войны, принимая участие в проектировании и постройке бронированных военных поездов (блиндированные бронепоезда). Так Ростислав попал в команду бронепоезда «Дмитрий Донской», позднее получившего имя «За Русь святую!». По словам самого Ростислава Владимировича никаких героических дел он в свои 15-16 лет не совершил, лишь научился профессии помощника машиниста.

2-го января 1920 года Ростислав Плетнёв поступил юнкером в Кубанское генерала М.В. Алексеева военное училище, находившееся на тот момент в Екатеринодаре. Приказ о его зачислении в состав пешей сотни (пластуны), о постановке на довольствие и жалованье отдан Начальником училища 10 января 1920 года.¹

В начале марта юнкер Плетнёв в составе Отдельного батальона выдвигается в аул Тахтамукай (ныне селение Хакурате в Адыгее).²

Весной 1920 года поражение Добровольческой армии стало очевидно и началась хаотичная эвакуация из Новороссийска, в ходе которой покинули Россию родители Ростислава и брат.

Я в это время был как раз недалеко от Адлера. Там, где погиб бывший декабрист Бестужев. В этих вот местах я находился тогда, когда было <...> разрешено командованием, кто хочет остается в России, кто хочет возвращается в Крым с остатками нашей добрармии. Я агитировал за это, и мы на таких фашинах, сделанных из тростника, подплыли к нашему кораблю «Бештау», который потом нас перевёз в Крым.³

К 21 апреля 1920 года юнкера находятся уже в Феодосии. По некоторым данным Ростислав принимал участие в боях в Крыму и был ранен. Сам он об этом не рассказывает. Перед началом эвакуации армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма Плетнёв оказывается в Севастополе.

Коммунисты не прорвали фронт, как они рассказывали, а отступление (*войск ВСЮР, авт.*) там шло очень правильное. Но они обошли нас по Сивашу, который тогда замёрз. И не все могли погрузиться на корабли, например, в Севастополе. И некоторые в отчаянии даже совершали самоубийства. Там было много трагических и интересных случаев. Некоторые корабли отходили уже под огнём. Я ... пошёл на пристань, где встретил полковника Генерального штаба, героя первой

1 ГА РФ, ф. Р-6038, оп. 1, д. 2, л. 61.

2 Там же, л. 123/об.

3 Дядя Владимир Васильевич Даниэль решил не покидать Россию и сдался красным частям. Позднее он был арестован, участвовал в строительстве Беломорканала, где, как военный инженер, начальствовал над большой командой заключённых. По окончании стройки был расстрелян.

мировой войны, Георгиевского кавалера, Василия Михайловича Пронина. ¹ Он умер потом в Бразилии и со мной переписывался почти до своей смерти. <...>

И он растолкал мешавших солдат-французов, которые больше не принимали, просто оттолкнул. А я уцепился за висящий канат, и по висящему канату поднялся на корабль, который назывался «Сегед». Это был корабль, большой, грузовой, и его французы взяли как репарации своеобразные от мадьяр. Так что я эвакуировался с Василием Михайловичем Прониным в Константинополь именно на этом корабле. С этого корабля нас сняли и поместили на корабль русский под названием «Трувор». На этом корабле господствовали французы, и они начали делать так: «Записывайтесь в наш Легион. Получите вперёд аванс, а кто не хочет – увидите, что сами запишитесь». И дело было в том, что они нам не давали ни еды, ни воды. ... Я чуть не записался в Иностраннный легион, томимый жаждой. И голодный. А Василий Михайлович Пронин меня задержал. Он был для меня большой авторитет. Он же бросил, ночью, часы, так называемому «ба-набаку», лодочнику, свои золотые часы, и тот бросил нам хлеб, а в это время мы ему махнули и спрыгнули, спустившись на руках, в его лодку. И тот нас повёз в направлении берега. Французская стража открыла стрельбу. Но так как кругом было много английских и других судов, то... он завернул за один миноносец, потом за другой броненосец, и мы спаслись и оба попали на Принцесвы острова. Я был на Антигоне, где командовали итальянцы. Итальянцы были очень милыми начальниками. Они нам выдавали пропуска в Константинополь. А без пропуска людей ловили на улицах, те же французы и другие и или угоняли их куда или требовали опять же запись в Иностраннный легион. Было опасно без пропуска, но и с пропуском людей ловили. <...>

Потом через русское посольство восстановилась связь с нашей семьей, которая была тогда в Сербии, и я получил разрешение, голландский паспорт в голландском посольстве ехать в Сербию. ²

Там было опять много приключений потому, что болгары в это время, когда я ехал в направлении Цариброта, прервали всякие сношения с новым Королевством сербов, хорватов и словенцев и там действовали так называемые «македонствующие». Когда меня поймали «македонствующие», а я ехал в поезде, и они меня сняли недалеко от границы, около Цариброта, то они меня поставили на расстрел. И, когда он (*офицер, авт.*) сказал: «Пли!», я в это время прыгнул вниз, не видя глубина какая. Потому что, если бы я остался стоять на месте, они бы меня, конечно, убили. Но я прыгнул вниз и не сломал ногу, на этом довольно глубоком обрыве, и упал, как убитый, свернувшись в сторону. А в это время уже прозвучал выстрел, так что это была часть секунды только. И я лежал, пока они не ушли. А потом пошёл в направлении Цариброта.

1 Сын В.П. Пронина Василий окончил гимназию в 14 вып.

2 Ранее, летом 1920 г., в лагере на о. Антигона находились мать и брат Ростислава Владимировича. Но к моменту появления там Ростислава они были уже в КСХС.

Сохранилась личная карточка Ростислава Владимировича, заполненная им в Белграде в апреле 1921 года, откуда следует, что в составе армии он был эвакуирован из Севастополя в Константинополь 12-го ноября 1920 года. Имея на руках визу сербского консула в Константинополе, он через пограничную с Болгарией станцию Цариброд в декабре въезжает в Королевство СХС. Интересно, что в личной карточке, отвечая на вопрос о владении каким-либо ремеслом или профессией, он записывает: «Механик. Был помощником машиниста на Владикавказской жел. дороге». ¹

Таким образом, с декабря 1920 года, семья Плетнёвых в полном составе живёт в Белграде.

Потом я поступил в русско-сербскую гимназию, которую я и окончил ускоренным образом, потому что много занимался. Со всеми пятерками. Тут очень интересно, что преподаватели были и русские, и сербские, потому что это была русско-сербская гимназия: сербский язык, сербская история и география – всё училось по-сербски, а русская история и другие предметы учились по-русски. Это русско-сербская гимназия, где было много молодых добровольцев² в моём классе: корниловец, например, известный, Бурковский там был, Лищенко и другие. Окончив её, я стал спрашивать таких людей, как Сухотин, Добровольский, Доброклонский, профессор Пио-Ульский... Или профессор Георгиевский, востоковед и арабист, и других. Там были всё профессора университетов, русские и сербы. Такие, как, например, знаменитый славист Владимир Чорович. Все они, кроме Чоровича и моей покойной матушки, говорили, чтобы я поступал на юридический факультет в Праге, который открыл Масарик,³ потому что в России всё скоро изменится и больше всего юристы нужны будут. Но благодаря влиянию профессора Чоровича и моей матери, я от русского юридического факультета отрёкся так же, как и от русского педагогического института имени Яна Амоса Коменского. А ещё до отъезда несколько недель зубрил чешский язык, думая поступить просто в чешский университет. Карлов университет. Матушка моя была врачом по образованию, любимой ученицей Лесгафта, очень известного учёного. Нужно сказать, что я долго сомневался не поехать ли мне в Бельгию, где я мог учиться на медицинском факультете, раздел по офтальмологии. Но влекла меня к себе славистика, которая мне знакома была вот таким образом. Ещё в детстве я случайно нашел в каком-то журнале страницу, где был «Отче наш» на всех славянских языках. И я поразился, сколь они все-таки похожи в основе во многом и сколько есть славян на свете. Мы больше всех в Европе, сказал я уже тогда себе. И это толкнуло меня изучать славистику именно в Праге, матери славистики.

1 ГА РФ, ф. Р-6792, оп. 1, личная картотека, л. 1982-1983.

2 Имеются в виду бойцы Добровольческой армии.

3 Масарик Томаш Гарриг (1850 – 1937), первый Президент Чехословацкой Республики.

В сентябре 1923 года Ростислав уехал в Прагу. Там он поступил в Карлов университет на отделение славистики, получив правительственную стипендию. Через два года в Прагу приехал его младший брат, Игорь, ставший студентом философского факультета того же, Карлова университета.

Тем временем Ростислав поступил учиться параллельно на философский отдел Русского университета с тем, чтобы, получив этот диплом, дававший право на преподавательскую деятельность в школах и гимназиях, иметь в будущем твёрдый заработок. Здесь Ростислав Владимирович учился у Николая Онуфриевича Лосского, став впоследствии верным последователем его философской школы.¹

Там я учился философии, а параллельно с тем, что работал над своей «тезой» или «тезисом» докторской, я работал, готовясь стать преподавателем. Это нужно было сдать так называемый первый педагогически-философский экзамен. После этого экзамена, когда вы выдерживали, а я его выдержал очень хорошо, ... вы имели право обязательно получить место. Вы не могли выбирать место: вас пошлют в какую-нибудь полу сельскую школу или куда, но вы должны были получить место в просвещении. Значит, тогда я с голода не умру и без работы не буду. Вот, что меня беспокоило, когда начался так называемый кризис.

По окончании Карлова университета, где Ростислав Владимирович был учеником академика В.А. Францева,² он защитил в 1929 году докторскую диссертацию «Природа в произведениях Достоевского». Некоторое время он читал лекции на философские и филологические темы в Народном университете в Праге. Два года служил библиотекарем в Славянской библиотеке в Праге в отделе старой книги и рукописей. Однако, в 1933 году произошли события, заставившие Ростислава вернуться в Белград.

Чехов было приблизительно так: 60% правого направления, 40% чисто коммунистического, левого. Я получил чешское подданство, и тогда я начал вместе с молодыми, в журнале «Фронта», яркую борьбу против Бенеша. По-чешски я говорил, можно сказать, без акцента. Настолько, что чехи не верили, что я русский, когда я выступал. И мы воевали очень серьёзно, потому что мы отметили, что Бенеш имеет разные тайные связи с Москвой.³

1 Лосский Николай Онуфриевич (1870 – 1965), известный русский религиозный философ, создатель школы интуитивизма.

2 Академик Францев Владимир Андреевич (1867 – 1942), крупнейший русский славист первой половины XX века, филолог, историк литературы, специалист по межславянским литературным связям.

3 Бенеш Эдвард (1884 – 1948), министр иностранных дел при президенте Т. Масарике.

К этому времени в Чехии уже активно заявили себя пронемецкие организации, последователи Адольфа Гитлера. Друзья предупредили Ростислава, что его жизнь в опасности. Когда выяснилось, что за ним действительно охотятся, Плетнёв счёл за лучшее исчезнуть из Праги.

Чехи, конечно, мне помогли. Я взял просто билет и уехал с одного из пражских вокзалов прямо в Югославию, где жила, еще тогда была жива, моя матушка. Ну, и там, конечно, сейчас же, получил место, в лицее сперва, преподавать латинский, историю и сербский языки.

Оказавшись в провинции в довоенные годы, он преподавал в сербских гимназиях в городах Вршац, Белая Церковь, Валево. Время от времени он выезжал в Прагу и Белград для чтения лекций.

В 1935 году Р. Плетнёв защитил вторую докторскую диссертацию при Белградском университете. В последующие годы он читал лекции в Коларчевом народном университете в Белграде и продолжал научную деятельность в области славянских литератур, работая в библиотеках как специалист по древнеславянским азбукам и книгам.

В Валево Ростислав Владимирович женился на преподавательнице французского языка в местной гимназии Радмиле Благоевич и принял югославское подданство. Сам он был настоящим полиглотом. Помимо русского языка, он владел латынью, чешским, сербскохорватским, немецким и итальянским языками (позднее, живя в Канаде, начал говорить на французском и английском). Изучал китайский язык. Им написано множество научных и литературоведческих статей. В рукописи осталась его работа по древней истории г. Валево.

В 1939-40 годах педагог Ростислав Плетнёв отбывал воинскую повинность, вынеся со своей службы впечатление полного развала югославской армии. А весной 1941 года после известного путча, началась короткая Апрельской война.

С немцами война началась совершенно внезапно. Многие этого не ожидали. Нужно сказать, что русские в Белграде показали себя очень хорошо, они тушили пожары, тогда как большинство сербов не участвовало даже в тушении пожаров. Сербь не принимали немцев с радостью, конечно, но распавшаяся совершенно армия... А в Хорватии, в Загребе, большинство, как мне рассказывали мои же ученики, большинство даже встречало немцев криками радости и цветами.

Ростислав Плетнёв посчитал своим долгом вступить в Королевскую армию Югославии, но, воевать ему, в сущности, не пришлось. После поражения, он, переодевшись в гражданское платье, вернулся в Валево. Однако, по его словам, кто-то, видимо, донёс о его службе в армии, и он оказался в лагере, где был занят на стро-

ительстве военного аэродрома. Спустя какое-то время Ростислав Владимирович вернулся к преподавательской работе. Интересны его рассказы об этом времени:

Вот, например, округ Валево. Мои приятели, все, весь округ Валеvский – все крестьяне, мелкие торговцы, ну и, скажем, рабочие. Это все националисты сербские. Как город будет небольшой, или само Валево, под влиянием, главным образом, учителей и средних, и основных школ – город весь коммунистический. Он весь только и ждёт коммунистов. Причём действуют так. Убивают, например, там кого-нибудь... Скажем, немца. Для чего? Для того, чтобы немцы сделали какие-нибудь репрессии. Тогда, мол, больше будет на стороне коммунистов. Таких случаев было много.

Когда в Валево пришли Красная армия и партизаны, Ростислав Владимирович был мобилизован в качестве переводчика.

Нужно сказать ещё, что крестьяне в Сербии всё отлично понимали. И когда я был переводчиком, где были и русские уже части главные, то они кричали нам: «Фашисты, фашисты исты! Коммунисты исты, исты!». Что значило, что всё одно и то же, что фашисты, что коммунисты. Кричали нам в своих горах, или, скажем, в Боснии. Нужно сказать, что это были уже последние дыхания нацистов в Югославии. Они убегали, отступали и вскоре всё было захвачено именно партизанами.

Служба его в армии закончилась тем, что он был уволен по болезни и отправился домой с мыслями приложить все усилия, чтобы поскорее выбраться из титовской Югославии. Однако, даже эти армейские заслуги не спасли Ростислава Владимировича от тюрьмы. Он был обвинён в том, что «несозвучен эпохе», что является «русско-сербским националистом буржуазного уклона» и т. п.

Но мои же ученики бывшие и люди, которые меня там знали и любили, они меня отстояли и вырвали из тюрьмы. <...>

Выбраться из Югославии мне удалось потом только благодаря тому, что к 50-му году многие из коммунистов разочаровались. Пришёл ко мне один – их я любил – ночью, тайно, сказал, что я осуждён на смерть. Я был довольно популярен в городе. Насколько популярен – не могу вам сейчас рассказывать, но очень. Нужно сказать, что имел верных друзей. Вот коммунист тайно приходит и говорит, что я осуждён ... на то, чтобы быть убитым на улице. И обвинят бандитов и устроят мне прекрасные похороны. Я поколебался, будет ли так, но вдруг оказалось, что я не имею права выезда из Валево. Нужно было бежать и мне помог шеф тогда не только сербского, но и других медицинских отделов Югославии доктор Ольмич (?). Доктор Ольмич был ярый коммунист. Очень талантливый врач. И когда он разочаровался полностью в коммунизме, то уже после того, как я уехал, через два года он совершил самоубийство фактически. О нём писала мне его жена. Это

был замечательный человек. Он мне сказал: «Выйди из Валево как хочешь. Ехать ты не можешь, на станции тебя схватят, тебя знают. А иди пешком несколько километров, там садись на поезд, а я дам бумагу, что в Валево нет глазного отделения и гражданин такой-то направляется в Белград».

Ростиславу Владимировичу удалось покинуть страну и выехать сначала в Италию, а через несколько лет, как имевшего заслуги в борьбе с нацистами, его пригласили в Канаду. Он уехал один: вероятно, жена не захотела покидать родину. Начало жизни на Западе было очень трудное, а ведь ему было уже пятьдесят лет.

Место я имел вроде фигуранта на севере Манитобы, ну не на крайнем севере, а где леса и где возводились временные дороги. Нужно было делать вырубку, там стоять с этой штангой и так далее. И ночевать иногда в лесу. Там платили не так плохо, но с нас очень много вычли за одежду, вычли за еду и много не оставалось. А кроме того, я ведь не даром приехал. Мой путь оплатила Церковь. И Церкви я должен был вернуть деньги. И я их все до цента вернул. Поэтому я потом остался без копейки. И тут в это печальное время, подтянув пояс и думая, что зубы на полку, я отправился к ветеранам, так как я участвовал в войне против немцев. Там был такой Агну. И он мне сказал, ну, мы посмотрим, нужно время, каждому трудно найти какую-нибудь работу, и ветеранам, да принесите ещё доказательства. И прочее. И в это время, когда, склонившись, я брал свой старый-старый портфель-сумку, из неё вывалились две банки консервные с собачьей пищей «dogfood». Он сказал: «О, у Вас и собака есть?» Я говорю: «Нет. Собака – это я. Это самое дешёвое, что я могу разогретое где-нибудь у приятеля съесть». «А, – говорит он, – этого мы уже не можем допустить». И дал мне записку, по которой я и отправился помощником повара в одну канадскую единицу на севере.

Ростислав Владимирович довольно быстро женился вторично на русской, Нине Фирсовой, обретя на долгие годы верную помощницу во всех его трудах.

В начале совместной жизни Плетнёвым пришлось очень нелегко. Как пишет бывшая его студентка Ирина Анисимова, в те годы в Канаде была большая безработица и Ростиславу Владимировичу пришлось работать и поваром и посудомоем в одном из ресторанов. Его жена Нина Андреевна повредила себе руки, зарабатывая тем же трудом. Когда же Ростислав Владимирович уверенно заговорил по-английски и по-французски местные научные круги «открыли» замечательного профессора Плетнёва. Научная карьера Ростислава Владимировича пошла резко вверх, как только в 1955 году его пригласили доцентом на Славянский факультет Монреальского университета. Его дипломы были признаны в Канаде. Лекции профессора Плетнёва никогда никто не пропускал, аудитории были полны студентов и вольнослушателей. О его лекциях писала местная пресса. Р.В. Плетнёв ездил читать лекции в университеты США. Вскоре его приглашает и университет в Оттаве, а

в 1960 году Ростислав Владимирович приглашён в престижный, самый старый канадский университет Мак Гилл (McGill University) в Монреале.

В 1964 году в Канаде Монреальский университет выпустил в свет новую книгу доктора Р. Плетнёва «Лекции по истории русской литературы (пособие для франкоязычных студентов)» в переводе на французский княгини Зинаиды Трубецкой. Тексты книги шли параллельно на русском и французском языках. Как литературовед, он занимался творчеством Ф.М. Достоевского, написав более шестидесяти работ об этом писателе. Часть своих публицистических и иных статей Р. Плетнёв опубликовал под псевдонимом Даниель, воспользовавшись девичьей фамилией матери. Он вышел в отставку в 1975 году.

Я занимался больше всего литературоведением. Но также написал ряд работ, которые касаются, ну, например, происхождения некоторых сербских слов, выражений в лингвистических журналах. Затем написал краткую историю русского языка, которая вся разошлась, мгновенно. И в Оттаве, и в Монреале. И издал также ещё некоторые тексты. Занимался вопросами издания поэтессы известной, Алексеевой.¹

В 1983 году в университете Мак Гилл было торжественно отмечено 80-летие профессора Плетнёва и 55-летие его научной деятельности. Выяснилось, что среди его учеников уже более двадцати докторов наук и около пятидесяти человек защитили под его руководством магистерские диссертации. Многие успешно преподают в университетах Канады и США.

Юбиляр к этому событию написал шуточное стихотворение:

Было 12 эмашников *,
Жил Ростислав атаман.
Много эмашники пролили
Чёрных чернил по углам...

Днём с филологией тешился,
В ночь – в семинарах учил...
Вскоре в боку атамановском
Боли Господь пробудил.

Бросил своих он эмашников
Критику бросил творить.
Сам атаман, не раскаявшись,
В госпиталь должен вступить...

1 Лидия Алексеевна Иванникова (ур. Девель; 1909 – 1989), известный поэт Русского зарубежья. Литературный псевдоним Лидия Алексеева. См. главу «Персонал гимназий», раздел «Преподаватели гимназий».

Господу Богу помолимся!
Новую ж быль возвестим,
Как в Монреале рассказывал
Старец блестящих седин:

«Вскоре эмэи окончатся
И департамент свернут **,
Новые правила вводятся,
Скоро славянам капут».
Это, конечно, лишь тут!

* МА, эмэй – master of Art, студент, готовящийся к защите магистерской диссертации.

** Славянский департамент в Монреальском университете в те времена грозились закрыть. Но он существует и поныне.

К сожалению, к концу жизни Ростислав Владимирович начал слепнуть, что для него было ужасным ударом. Поездка на лечение в Бостон оказалась безрезультатной – тогда дегенерацию клетчатки глаза еще не умели лечить. Он продолжал работать, писал тексты большими буквами, диктовал их жене. Незадолго перед смертью Ростислав Владимирович упал на лестнице и сломал кости левого плеча. Скончался он от сердечной недостаточности у себя в квартире.¹

Посмертно вдова Ростислава Владимировича подготовила к изданию его труды: «О Крещении Руси» и «История русской литературы XX века». Большой архив покойного мужа она передала в университет Мак Гилл.

Творческое наследие филолога Р.В. Плетнёва огромно. Он – автор более 200 трудов на восьми языках, включая монографии (на русском, сербском, чешском, английском и французском языках), посвящённые истории древнерусской литературы, славянским языкам, сербской литературе, лирике А.С. Пушкина. Создатель двухтомника «История русской литературы XVIII и XIX веков», книг о происхождении церковно-славянского языка, о русском языке, о творчестве А.И. Солженицына. Последний прижизненный сборник статей Р. Плетнёва «Для немногих» увидел свет в США в 1984 году. Долгое время он был членом редакции журнала «Русское возрождение» (Нью-Йорк – Париж – Москва).

Одну из своих последних книг Ростислав Владимирович Плетнёв завершает словами, в которых явственно слышится и голос его отца:

Я написал эту книгу о трагических судьбах литераторов, да и всей русской литературы в СССР, не для того, чтобы открыть глаза западному читателю. Кто хотел,

1 Стихи и сведения о жизни Р. Плетнёва в Канаде взяты из писем И.А. Анисимовой 1991-1992 годов к А. Арсеньеву. Собрание А. Арсеньева.

давно уже увидел истину, читая Солженицына, Гинзбург, Марченко, Синявского, Аллилуеву и других. Кто не хочет видеть, того не убедит и эта книга, будь она даже и втрое больше и обширнее.

Книга написана просто от того желания, которое и до сих пор живет в душах многих, – желания сказать правду. <...>

Мы все откликаемся на несчастье ближнего, от каких бы причин оно не происходило. Так как же можно не откликнуться, когда слезами, кровью и ложью заливаются население одной шестой части земного шара? Когда сотни и сотни писателей «репрессированы... и посмертно реабилитированы»? Когда талантливейших людей по приказу свыше лишают заработков и возможности печататься? Любой историк литературы, каким бы объективным он ни был, если сердце его не вполне обросло мхом равнодушия, не может не сострадать и не жаждать лучшего, свободного и достойного бытия для своих собратьев.¹

Отец Владимир Дмитриевич П., (25.09/08.10.1877, Орел – 22.06.1954, Касабланка, Марокко). Создатель Первой русско-сербской гимназии в Белграде.

Мать Евгения Васильевна П., (ур. Даниель; 22.11.1876 – 16.09.1934, Пожаревац, Сербия). Служила в гимназии библиотекарем.

Брат Игорь, гимназист, 4-й вып.

1-й брак Ростислава: Радмила П., (ур. Благоевич). Сербка, преподаватель гимназии.

2-й брак (венчание 28.10.1953, Калгари, провинция Альберта): Нина Андреевна П., (ур. Фирсова; 10.10.1906, Тула – после 1992, Канада).

СЕНЮТОВИЧ-БЕРЕЖНЫЙ (ошибочно Бережной; Senioutovitch-Berejny) Георгий Георгиевич (Юрий Юрьевич), 26.10.1904, Полтава или имение матери Токари, Лохвицкий уезд, Полтавской губ. – 1971, Брюссель.

Глава территориального сектора по транспорту компании «Висиконго» в Бельгийском Конго.

Судьба Юрия Сенютовича, родившегося на Полтавщине, окончившего гимназию в Белграде и, так же, как и его одноклассник Лев Стенбок-Фермор, большую часть своей жизни прожившего в Тропической Африке, фантастична, но лишь на первый – сегодняшний! – взгляд.

Колониальный инженер, геолог или врач из России, вообще «русский африканец» считался в своё время такой же типичной и неотъемлемой фигурой русского Зарубежья, как парижский таксист, пражский студент или шахтер в Болгарии. В фельетоне Андрея Ренникова (А.М. Селитренников) «Из дневника

1 Плетнёв Р. История Русской литературы XX века. Englewood, NJ, USA: Перспектива, 1987. С. 249–250.

будущего», напечатанном в 1929 году в «Возрождении», действие происходит в Петербурге после падения большевиков и возвращения беженцев. В булочных догадываются, откуда кто приехал, по тому, что они покупают:

– Французские эмигранты всегда, знаете, спрашивают круассаны, сербские – кифли, чешские – жемли, немецкие – шриппе. Один только есть у нас странный покупатель, относительно которого не можем никак разгадать, откуда он: каждый раз чикванг требует.

– Чикванг? А! Это африканский хлеб из маниока, мадемуазель. Племя Банту его ест.¹

В своих воспоминаниях отец Юрия, Георгий Павлович, описывает жизнь семьи до революции. Сам он родился в многодетной семье, окончил уездное училище в украинском городке Сосницы Черниговской губернии. Некоторое время он служил делопроизводителем военного присутствия. Но постепенно он добился достатка и благополучия семьи собственными руками. Ему удалось получить юридическое образование, а затем прилично оплачиваемую должность юриста полтавского губернского земства и начать адвокатскую практику.

В октябре 1903 года семья переехала в Полтаву.

Георгий Павлович оказался весьма рачительным помещиком, завел в имени Токари, полученном за женою, большое хозяйство и любовно отстроил собственный дом. Там и провели детство братья Вячеслав и Юрий. Все рухнуло в 1917 году.

Юрий начал свое образование в одной из полтавских гимназий, но закончить её не успел, поскольку он вместе с родителями в начале 1920 года был эвакуирован из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». В мае 1920 года они уже в КСХС.

Брат Вячеслав, оставшийся воевать с большевиками, был эвакуирован из Крыма позднее. Они сумели поселиться в Белграде, где предприимчивая мама открыла недорогую столовую, в которой ежедневно обедало около трёхсот человек. В этой нелёгкой работе ей помогали и оба сына.

Как и большинство русских изгнанников, Сенютовичи-Бережные сразу задумались о главном: их дети не должны погрязнуть в беженских заботах о добывании хлеба насущного, теряя драгоценное время. Они должны учиться.

Старший брат сразу поступил на философский факультет Белградского университета, а Юрия отправили набираться знаний в гимназию.

1 Все биографические сведения и подробности жизни русских эмигрантов в Бельгии и Конго почерпнуты из двухтомной монографии *Ронин В. Русское Конго 1870–1970. Книга-мемориал*, т. т. 1 и 2. Москва: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; «Русский путь», 2009.

По окончании её Юрий, как и упомянутый выше Лев Стенбок-Фермор, направился за высшим образованием в Бельгию, где поступил в Лёвенский университет. Почему именно туда?

История русской студенческой общины 1920-х годов в Бельгии весьма интересна и своеобразна.

11 ноября 1921 года в годовщину окончания Великой войны, в которой Бельгия и Россия были союзниками, кардинал Д-Ж. Мерсье основал благотворительный фонд «Бельгийская помощь русским», куда сам сделал первый крупный взнос: 20 тысяч бельгийских франков.

Содействовать белоэмигрантам означало для него содействовать свержению безбожного большевистского режима и остановить таким образом распространение коммунистических идей в самой Бельгии.

Примеру архиепископа Менхеленского последовали все бельгийские епископы, каждый внёс по 2. 000. Вскоре по подписке, устроенной католической газетой «Либр Бельжик», было собрано еще около 10 тысяч франков, что позволило уже 12 декабря 1921 года, принять в Католический университет в Лёвене первых восемь студентов-беженцев. В старом здании, которое университет уже давно не использовал, было устроено студенческое общежитие, что вдвое удешевило содержание русских студентов.

Фонд кардинала Мерсье стал оплачивать учёбу своих подопечных, их питание и проживание, покупку учебников, одежды и т. д. Впоследствии, получив диплом и начав работать, стипендиаты постепенно, но не позднее чем через 10 лет после выпуска, должны были возместить фонду то, что на них было потрачено. С этой целью они подписывали особое долговое обязательство.

В 1922/23 учебном году, когда Сенютович стал студентом, фонд кардинала Мерсье содержал по всей Бельгии 81 стипендиата, из них 53 в университете в Лёвене. Несомненно, что в этой благотворительности имело место и «скромное» желание уловить «заблудшие» православные души нуждающейся студенческой молодежи, будущей культурной российской элиты. Тем не менее, русские студенты-стипендиаты были достаточно свободны в выборе вуза и не обязаны были учиться именно в католическом учебном заведении.

Надо сказать, что студентов-беженцев поддерживали и другие благотворительные организации, например, «Бельгийский Патронаж для русской университетской молодежи за границей».

В Лёвене их преподавляли, священники, братья Клеман и Огюст Дерселль, отвечавшие за работу университета и жизнь студентов в общежитии, начиная

с февраля 1924 года каждую неделю устраивали получасовые просветительские лекции на французском языке.

Выступали бельгийские священники, профессора. Первый цикл – «Уроки истории», с католической интерпретацией причин русской революции, с цитатами из Толстого и Владимира Соловьёва. Цикл завершился словами: «И поверьте, что все те, кто, подобно нам, вас любит, как любят братьев, попавших в беду, будут приветствовать взволнованными рукоплесканиями возрождение России или, лучше сказать, пришествие России, возрожденной страданием и слезами.

Прошло почти сто лет с тех пор, как прозвучали эти слова...

Наверное, слышал эти лекции и Юрий Сенютович-Бережный, ибо они вызвали у русской молодёжи большой интерес и присутствовали почти все. Студенты затем сами переводили эти лекции на русский язык, чтобы их можно было публиковать и распространять среди учащихся вузов и иных русских беженцев в Бельгии и за границей, как с удовлетворением сообщали попечители кардиналу Мерсье в Мехелен. Пробудив интерес к истории и религии вообще, «хитрые» братья Дерселли намеревались исподволь подготовить отдельных молодых людей к переходу в католичество.

Во время летних каникул русским студентам приходилось уже самостоятельно зарабатывать на жизнь, чаще всего физическим трудом. Кто-то шёл на завод или в шахты, кто-то на работы в лесу. Лёвенские студенты образовали оркестр балалаечников и время от времени выступали с концертами, продавая на них изделия студенческой мастерской по изготовлению кукол, вероятно матрёшек. Конечно, очень многие бедствовали, считали каждый франк (известен случай, когда у двух друзей-студентов была на двоих всего одна пара обуви), но упорно учились.

Нам не известно, жил ли Юрий в Лёвене в «Баке» – студенческом общежитии или снимал комнату в городе, мы не знаем, чем он зарабатывал на каникулах, умел ли играть на балалайке, точить матрёшки или продавал щетки для посуды, как студент-агроном барон Рауш фон Траубенберг, и состоял ли он в Национальном союзе русских студентов в Бельгии. Известно лишь, что университет он не бросил.

23 января 1926 года Его Преосвященство кардинал Д-Ж. Мерсье, «отец русских студентов», скончался. Руководители Фонда, лишившись своего высокого патрона, отчаянно искали деньги, но от благотворительной деятельности не отказывались. В этот критический год количество русских студентов в Лёвене сократилось со 125 до 30! Возможно именно по этой причине Юрий переходит в Льежский коммерческий институт. Через год он получит диплом «лиценциата коммерческих наук» и станет самостоятельным человеком.

Многие из молодых русских беженцев, получивших высшее образование, предпочитали, конечно, карьеру не столь экзотическую, как работа в Африке. По-

лагаем, что и Юрий, у которого в КСХС оставались брат и мама, был в их числе, но сама жизнь часто не оставляла им другого выхода. Начиная с 1924 года экономическая ситуация в Бельгии ухудшалась год от года: скачущий вверх и вниз курс франка, крупные забастовки, безработица, усугублённая возвращением бельгийских войск из оккупированного Рура. Поэтому служба в Конго, где заработки были существенно выше, чем в Европе, казалась многим куда более заманчивой перспективой, чем добывать, например, уголь в Болгарии, стоять у конвейера в пригороде Парижа или даже преподавать в университете в Югославии. Показательно, что из тех студентов-эмигрантов, которые в середине 1920-х годов учились в Лёвенском университете, уехали в Конго почти все. Хотя и там иностранцу, человеку без гражданства, платили зачастую меньше, чем бельгийцу.

Уже весной 1928 года 24-летний Юрий влился в небольшую группу русских («Russes») в Акети, на западе региона Уэле в Бельгийском Конго, служивших в железнодорожной компании «Висиконго». Он получил место бухгалтера и принял участие в строительстве железной дороги из Акети в Бута и далее на восток Уэле. Начался его первый трёхгодичный контракт или «терм», как говорили сами «колониалы». И это была, конечно, редкая удача. Юрий получил возможность в короткий срок выплатить свой долг стипендиальному фонду.

Отправляясь в Африку, хотя бы и на один «терм», эмигрант покидал мир беженского существования, жалкого, нищего, унижительного. Конго давало русскому беженцу равноправие, которого он был лишен в европейских странах, за исключением, может быть, Югославии. Его ждала трудная, но самостоятельная работа, окрашенная даже в героические, романтические тона. На другой чаше весов были изнурительная жара, разрушающий климат, постоянный риск инфекционных тропических болезней и отсутствие какой-либо духовной жизни.

Юрию повезло: климат в той местности, куда он попал, был далеко не самый худший в Конго. По ночам здесь было достаточно свежо, чтобы хорошо выспаться, но днём стояла отчаянная жара, особенно в сухой сезон, в январе – марте. В начале своей карьеры молодой бухгалтер поселился в глинобитном доме с крышей из банановых листьев.

К 1 января 1930 года русскую диаспору составляло почти двести человек «Russes», разбросанных по огромной территории Бельгийского Конго и Руанда-Урунди. Конечно, в любом месте колонии достаточно было одной-двух семейных пар из России, чтобы создать там свой маленький русский уголок. Но беда в том, что русских семей было ничтожно мало.

В тогдашней Африке одинокие европейцы, в том числе и русские, решали «дамский вопрос» с помощью временных жен-африканок, так называемых «мена-жёрок». Это была общепринятая колониальная практика, которая казалась экзотической лишь новичкам да тем, кто оставался в Европе. Те, кто уехал в тропики

холостым, а затем задумал обзавестись семьёй, использовали для этого несколько месяцев отпуска, когда в перерывах между «термами» человек возвращался в Европу. Надо сказать, что мужчина, приехавший из колоний, считался завидным женихом. Так что отпуска были временем свадеб. (С другой стороны отпуска использовались и для оформления разводов).

Но у молодого, несколько чопорного Юрия Юрьевича, которому туземцы-рабочие дадут имя «Господин в галстуке» и «Хорошо одетый», матримониальные хлопоты еще впереди. Так что и его вряд ли миновали ласки местной чернокожей красавицы.

Конечно, не только узы семейные имели значение для «русского Конго». Эмигранты из России, попав в Африку, жадно ловили ухом русскую речь, охотно общались с товарищами по судьбе, тщательно отмечали в своих дневниках или письмах в Европу любые, даже самые мимолётные встречи со «своими». Редчайшим исключением были случаи вроде того, когда однажды на пароходе, идущем в Конго, встретились сразу шестеро русских, но, как написал в газете «Возрождение» Владимир Ткачёв, впоследствии обнаружился и седьмой, который, поскользнувшись на палубе, крепко выругался по-русски. Иной раз сами бельгийцы помогали людям из России отыскать в Конго своего брата-эмигранта. То, что «своих» в Конго много, знали все, и всё же каждая отдельная встреча была чаще всего неожиданной и потому всегда желанной и приятной.

Спасала от одиночества эмигрантская пресса, которую «белый господин» читал вечерами при свечах в бамбуковой хижине где-нибудь в «бруссе», африканской саванне. Письма и газеты приходили в порты приблизительно каждые три недели. На ворох газет с пришедшего парохода, буквально набрасывались, причём читать обычно начинали с последнего номера, самого свежего. Подписчикам доставлялась «Иллюстрированная Россия», «Возрождение», «Русский Еженедельник» (в Бельгии), «Часовой», морские издания, например, пражский «Морской журнал». Выписывались и русские книги. Шла оживлённая переписка с друзьями и роднёй, не только жившей в Бельгии или, как у Юрия, в Югославии, но и с теми, кто остался «на другой планете», в СССР, кому переводили деньги. До начала 1930-х годов это было еще возможно, правда письма шли бесконечно долго, так что открывавший, скажем, в том же Акети конверт никогда не знал от живого или мёртвого пришли драгоценные листочки.

Главным же удовольствием, главным счастьем считалась возможность просто посидеть, поболтать по-русски хотя бы вдвоём, обсудить «что делается на белом свете». Надежда вернуться на родину, конечно, жила в душах русских беженцев, хотя в повседневной жизни речь шла уже о другом: как обустроиться и выжить в изгнании.

Удивительным образом Африка воскрешала в памяти русских эмигрантов образы их далёкой родины, где прошли детство и юность. Землемер Борис Свежевский, оказавшийся в Акети, сравнил домики служащих с малороссийскими хатами. С тем небольшим отличием, что в окна этих хаток заглядывали не сороки, а мартышки. Князь Андрей Орбелиани, выросший, как и Юрий Сенютювич, на Полтавщине, писал из восточной части Анголы на границе с Конго, что поражён сходством Вила Лузо с любым украинским городом: те же широкие немощёные улицы и такие же лавочки с колоннами, поддерживавшими крышу над верандой; такие же глиняные стенки у домов и железные крыши, и те же длинные заборы, плетни... Из других писем: «паровой двигатель (на алмазных приисках) совсем как молотилка у бабушки в деревне», «Ну и дороги! Похуже наших российских!», «Поезд совершенно игрушечный, немного больше тех, что ходили в саду Народного дома в Петербурге», «Скоро – это понятие здесь довольно растяжимое, ибо здесь никто не торопится. Очевидно, то же самое, что в Сибири: большие расстояния приучили людей никогда не торопиться, а делать все с походом», «даже негритянские суеверия во многом сходны с нашими русскими». И так далее и так далее...

Старшее поколение не отпускала память о проигранной гражданской войне. Полковник Фёдор Николаевич фон Таубе:

На днях мне местный царёк подарил большую обезьяну, она сидит в бамбуковой клетке, очень злая, и рожа отвратительная, – назвал её «Троцкий». А попугай (подарок того же царька), который всё время неудержимо болтает что-то малопонятное, – тот назван «Керенский».

Кстати говоря, именно русские в Конго, невольно психологически возвращаясь к роли строгого, но заботливого помещика или отца-командира, довольно быстро устанавливали с африканцами отношения гармоничные и естественные, что и приводило их к успеху. Русские эмигранты входили в эту роль с такой лёгкостью, что африканцы воспринимали всех выходцев из России как прирождённую элиту. Им нравилось, что русские сначала обучали, а потом уже требовали результата.

В 30-е годы мировой кризис накрыл и метрополию, и колонии, причём в Конго, процветавшем за счёт вывоза сырья, кризис свирепствовал подобно мухе цеце. Но если для многих русских эмигрантов эти годы стали концом их африканской карьеры, то Юрий Юрьевич в 1933 году возглавил отделение компании. Он уехал из Акети, в котором издавна размещалась штаб-квартира «Висиконго», а среди медицинского персонала были двое русских: врач Дмитрий Соломенцев и «санитарный агент» Михаил Любовин. Теперь местом пребывания Сенютювича значится железнодорожная станция Мава (округ Уэле), на линии Акети – Полис, а

работодателем – строительная компания «Соколь», тесно связанная с «Висиконго», где он начал свою карьеру.

Жизнь продолжалась, постепенно кризисные бури стихли, оставив за собой несбывшиеся надежды и разрушенные судьбы. Европу ждало испытание пострашнее кризиса.

В 1938 году «Висиконго» перевела Юрия Юрьевича из Уэле в соседний округ Кибали-Итури, куда он был назначен главой территориального сектора компании. В его ведении была организация перевозок грузовым транспортом. На место службы новый начальник прибыл уже не один: во время отпуска в Льеже Юрий Юрьевич женился. Его супругой стала бельгийка Мари-Терез Бодюэн. Свадебное путешествие было прекрасно: на автомобиле молодожёны приехали на берега Савы и Дуная, в Белград, к матери и брату Юрия Юрьевича, с которыми он не виделся 17 лет. Вернувшись в Бельгию, супруги довольно быстро уехали в Конго. Теперь их адрес: деревня Богоро, в 25 км к югу от Буниа, близ озера Альберта. В этом округе на северо-востоке Конго жило большинство всех выходцев из России.

В том же 1938 году в Элизабетвилль прибыли 105 евреев, беженцев из нацистской Германии, среди которых наверняка были и выходцы из бывшей Российской империи. Их появление там вызвало открытое недовольство большей части проживавшего в главном городе Катанги белого населения. Последовали митинги и выступления в местной печати. Однако на запрос в парламенте Бельгии министр колоний в мае 1939 года ответил, что он даже и не подумает запрещать иностранцам, в том числе и иудейского происхождения, приезжать в колонии, если они соответствуют всем требованиям.

До вторжения нацистов в Бельгию и последовавшего за ним массовым уничтожением евреев оставался ровно год. А пока что русских эмигрантов волновало то, что происходило «в России», но сие было никому не ведомо.

За боями в Польше, а потом на Карельском перешейке «колониалы» следили по газетам. В самой Европе шла «странная» война, и бельгийцы ожидали тяжёлую, едва ли не голодную зиму. Зиму пережили...

10 мая 1940 года танковые армады рейха атаковали нейтральную Бельгию. Это потрясло всё белое население колоний. Многие русские эмигранты, как апатриды, так и те, кто успел получить бельгийское подданство, подали прошения о зачислении их в бельгийские вооружённые силы, будь то в метрополии или в колонии. Прошло чуть больше двух недель боёв, и король Бельгии Леопольд III подписал капитуляцию своих войск. Правительство выехало во Францию, а после её разгрома в Лондон. Нужно отметить, что с мая 1940 по июнь 1941 года бельгийская администрация в колонии относилась к выходцам из России с большой настороженностью, ассоциируя всех их с СССР, который в тот период фактически был на стороне Германии. У многих конфисковали оружие, абсолютно необходимое при

работе в тропическом лесу или в «бруссе». Особенно «деликатным» стало положение русских, носивших немецкие фамилии. Ситуация резко изменилась после 22 июня, когда Германия напала на Советский Союз, и последний из противника обратился в союзника.

Самого Юрия Юрьевича главное потрясение ждало в апреле 1941 года, когда Германия напала на Королевство Югославии. Он не мог знать, что его брат Вячеслав примет участие Апрельской войне, попадёт в плен, а затем будет отправлен на принудительные работы в Германию, где проработает вплоть до прихода американцев, и что мать останется в оккупированном Белграде совершенно одна. Вероятно, какие-то сведения дошли до него лишь к концу года. Помочь же Вере Фёдоровне из колонии, находившейся в состоянии войны с Германией, он никак не мог.

Юрий Юрьевич продолжал служить у «Висиконго» в ранге директора, отвечая, как и раньше, за организацию перевозок грузовым транспортом на обширной территории. Семья жила в небольшом поселке Буниа. С подчинёнными «Хорошо одетый» директор был суров, требователен, любил чёткий порядок; его побаивались, но уважали за неизменную честность в расчётах с персоналом.

В октябре 1944 года мама Юрия покинула Белград перед его освобождением Красной армией. Она оказалась в лагере перемещённых лиц в Австрии и оттуда писала сыну в Буниа. Война окончилась, но лишь в 1946 году Сенютовичи дождались своей очереди, чтобы выехать в отпуск в Европу. Они приехали в Льеж, к родителям жены. Туда же смогла перебраться Вера Фёдоровна, и, наконец, после восьмилетней разлуки мать и сын встретились. Годом позже, когда супруги Сенютовичи с годовалым сыном, названным в честь отца Юрой (Жоржем), отправились на новый «терм» в Конго, с ними поехала и «отчаянная» бабушка, которой было уже под семьдесят. В Бельгии ей было оставаться негде и не с кем, а после полугодного существования в оккупированном Белграде, а затем в лагере, жизнь в сказочной Африке, наверное, казалась ей настоящим раем. Как сон, как сон... Хороший собственный кирпичный дом с садом и масса «боев» – прислуги.

Расположенный на высоте более тысячи трёхсот метров над уровнем моря, Буниа был для европейцев пожилого возраста весьма подходящим местом. «La babouchka Senioutovitch», как её называли русские и даже некоторые бельгийцы, начала разводить в саду цветы, особенно ей полюбили гвоздики, и, кроме того, пыталась в кухонном дымоходе коптить ветчину. Ее вдохновлял пример Анны Петровны Небольсиной, но у той с самого начала был настоящий коптильный цех, а у бабушки Сенютович в дымоходе мало что получалось.

Настоящая же беда была в том, что Вера Фёдоровна, оказавшись в Африке, отчаянно заскучала по всему русскому. Она отводила душу, занимаясь воспитанием внука, и говорила с ним только по-русски. Невестка Мари-Терез с удовольствием

перенимала у свекрови ее бытовые умения, научилась, например, готовить борщ. Свекровь все это оценила, но всё-таки временами очень жалела, что та бельгийка. И это при том, что Мари, которую все знакомые звали «Маней», стала более приверженной русским традициям, в которых был воспитан ее супруг-эмигрант, нежели он сам. Это был тот редкий случай, когда в смешанной семье жена, католичка, на Пасху и в прочие православные праздники влекла мужа на богослужения в церковь к грекам, жившим там же, в Буниа.

Сам же Юрий Юрьевич относился ко всему этому с открытой иронией. Для него все связи с родиной были отрезаны раз и навсегда: он предпочитал не говорить о России и вовсе не заботился о том, чтобы маленький Жорж рос русским. Тем не менее, на рождественские праздники Сенютювичи традиционно гостили у семейства инженера-электрика из Петербурга Романа Эрнестовича Шуберта и его жены Анны, урождённой Небольсиной. Возле посёлка Ниока на высоком живописном плато в совместном владении с Небольсиными и агрономом Александром Фёдоровичем Отсолигом у Шубертов была большая кофейная плантация «Ле Рок». Постепенно там образовалось настоящее русское дворянское гнездо. Вместо ёлки возле дома ставили украшенный бамбук или кипарис. На Пасху все собирались в доме адмиральши Анны Павловны Небольсиной, которой было уже порядочно за восемьдесят. У себя дома свекровь с невесткой еще долго будут вспоминать и обсуждать поданные на стол блюда, костюмы дам и все иные детали праздничных посиделок. Вера Фёдоровна проведет у Юры в Конго два полных «терма», то есть шесть лет, а когда внука отдадут в школу, уедет в Канаду к старшему сыну Вячеславу.

На бельгийцев и других европейцев их друзья из России производили неизгладимое впечатление. Особенно самое старшее поколение. За которым «подобно низким облакам, что в пасмурный день влачатся по поверхности озера Киву, казалось, тянется ностальгия по канувшей в бездну империи» (Люк Вас).

Шло время, дети тех рабочих, что носили белых «бвана» в гамаках-«типоях», научились водить машины. Новые люди приезжали в колонии, и патриархальные отношения 30-х годов уходили в прошлое. При этом русские «колониалы»-ветераны будут вспоминать первую половину 50-х годов как золотой век:

...прекрасные шоссе, аэропорты, новые больницы для европейцев, новые больницы для конголезцев, роддома, школы, новые городские кварталы, благоустроенные дома для рабочих... Нехватка продовольствия и эпидемии ушли в область преданий. <...>

В стране было в 1952 г. уже почти 8 тысяч évolués – африканцев, которые получили полное начальное, а зачастую и среднее образование.

В начале 50-х годов, оставаясь на государственной службе в Буниа, Юрий Юрьевич приобрёл, по-видимому, на имя жены земельную концессию в районе Бутембо, на севере Киву, и создал там плантацию хинного дерева. В другом месте, по соседству, он посадил кофе «арабика».

Но счастливые времена недолги на нашей планете...

В 1954 году семья Сенютовичей провела очередной отпуск в Бельгии. Там некий художник написал портрет Юрия Юрьевича, украшенный фамильным гербом. Глядя на портрет, можно сказать, что внимательные африканцы дали Юрию Юрьевичу абсолютно точные прозвища. Оба брата Сенютовича гордились своим происхождением из старого украинского шляхетского рода. Еще в 30-е годы Юрий Юрьевич запросил из Варшавы выписку из польских гербовых книг с изображением герба Сенютовичей, а брат Вячеслав станет известным генеалогом.

Ближе к концу 50-х годов смутное ощущение конца эпохи становилось всё сильнее. У русских грядущие перемены в колонии невольно вызывали вполне понятные аналогии с 1917 годом. «Сейчас [здесь] что-то вроде керенщины», – написал в декабре 1958 года один старый «русский конголезец». Более проницательные после посещения Конго советским послом в Бельгии вспомнили о гражданской войне в Испании. Правда, до неприятных инцидентов ещё не доходило, и в Конго, как нигде в Африке, европеец мог и ночью спокойно пройти сквозь толпу африканцев.

Крушение началось, как всегда, неожиданно: 4 января 1959 года в Леопольдвиле, а затем и в других городах произошли серьёзные беспорядки, толпа грабила магазины для европейцев и избивала белых. Для подавления волнений были брошены войска, погибли сотни людей. События развивались грозно и неотвратимо. «Dipanda! Независимость!» – скандировали чёрные толпы на улицах. В предчувствии худшего многие белые семьи потянулись в метрополию. Многие уезжали поспешно, бросая дома и плантации.

«Фермерша» А.П. Небольсина в марте 60-го навсегда покинула Африку, после чего известный дворянский уголок возле посёлка Ниока рассыпался.

А дальше случилось то, что многие ждали, кто-то со страхом, кто-то с ненавистью. 30 июня 1960 года в Леопольдвиле король Бельгии Бодуэн лично объявил о предоставлении независимости Конго.

Немногочисленная конголезская элита к управлению государством совершенно не была подготовлена. Вдобавок она была безнадежно расколота на соперничающие этнические и политические группировки.

Последовал хаос с участием бельгийских десантников, «голубых касок ООН», военных советников из СССР, советских самолётов и пароходов и – спешная эвакуация белого населения Конго. «Руки прочь от братского народа Конго!» –

кричали заголовки советских газет. «Хрущёв вооружает Лумумбу!» – вещали с другой стороны.

«Холодная война», знаете ли. Всё кончилось большой кровью.

Частные компании, еще какое-то время действовавшие в Конго, воспользовались ситуацией для того, чтобы избавиться от служащих, которым перевалило за пятьдесят. Наступила очередь и Юрия Юрьевича. В декабре 1960 года компания «Висиконго», которой он отдал более 30 лет жизни, отозвала его из Африки якобы в отпуск, а затем уволила. Так в 56 лет неожиданно завершилась его колониальная карьера. Небольшие плантации Сенютовича, скорее всего, были конфискованы.

Довольно скоро Юрий Юрьевич, глядя на экран телевизора, понял, что ему опять повезло: он уехал очень вовремя.

Остатки накоплений былых времен и колониальная пенсия позволили ему не хвататься за первый попавшийся заработок. И всё-таки через три года он был вынужден начать работать в городе Тонгерен, на востоке Бельгии, в американской компании «Клэр Интернэшнл», производившей электрические реле. Еще через три года Юрий Юрьевич заболел и уволился.

Дети его выросли бельгийцами. Однако, Жорж, которого бабушка учила в Конго русскому языку, многое рассказал автору книги Владимиру Ронину о жизни отца, правда, по-французски. В семье бережно хранят рукопись воспоминаний отца Юрия Юрьевича.

Отец Георгий (Юрий) Павлович С-Б., (? , с. Сосницы, Черниговская губ. – до 1941 г., Югославия). Участник Белого движения. Эвакуирован из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». В мае 1920 г. в КСХС.

Мать Вера Фёдоровна С-Б., (ур. Запорожская; ок. 1878 – 22.05.1967, Роудон, Канада).

Брат Вячеслав, (15.06.1902, Токари, Лохвицкий уезд, Полтавской губ., имение матери – февраль 1992, Санта-Барбара, штат Калифорния). Участник Белого движения. Эвакуирован из Крыма на пароходе «Родион» в Константинополь, оттуда, поскольку родители уже находились в КСХС, прибыл в Дубровник на пароходе «Сегед». В 1925 г. окончил философский ф-т Белградского ун-та. Чиновник Ядранско-Подунавского банка до 1941 г. Член Общества офицеров-артиллеристов. Во время Апрельской войны служил в артиллерии, был взят в плен, но из лагеря бежал и добрался до Белграда. В 1941 г. вывезен на принудительные работы в Германию. Работал в баварских банках до прихода американцев в 1945 г. Деятель украинской общины. В 1947 г. защитил докторскую диссертацию в Украинском вольном ун-те в Праге. Некоторое время Вячеслав Юрьевич жил в Париже, а позднее выехал в США. В 1959–1963 гг. он редактирует русский историко-генеалогический журнал

«Новик» (Нью-Йорк). Главные труды в области истории Украины и шляхетских родов Великого княжества Литовского.

Жена (с 1938 г.): Мари-Терез С-Б., (ур. Бодюэн Beauduin); 1910, Визе, вблизи Льежа, Бельгия – 1996, Брюссель).

Сын Георгий (Жорж).

СЫСОЕВ Всеволод Николаевич, 23 или 27.02.1903, Харьков – 8. 05.1991, Белград. Инженер-электромеханик. Доктор технических наук в области аэродинамики. Полковник.

Всеволод окончил технический факультет Белградского университета в 1927 г. Как молодой специалист он проработал некоторое время на различных предприятиях в КСХС-Югославии, где занимался ремонтом и проектированием техники. В 1932 году по конкурсу командования Военно-воздушных сил Королевства Югославии Всеволод Николаевич был принят в технический отдел, а через три года был направлен на стажировку и усовершенствование во Францию, где окончил вторым номером среди выпускников Высшую национальную школу авионавтики в Тулузе. Вернувшись домой, Всеволод Николаевич принял деятельное участие в создании авиатехнического института в Белграде, в котором и занимался научно-исследовательской работой вплоть до начала Апрельской войны. Дальше последовал немецкий плен на долгие четыре года. Ему удалось выжить. Когда военное сумасшествие наконец завершилось, и Всеволод Николаевич обрёл свободу, он вернулся в Югославию, где опубликовал несколько научных статей с «лагерными» наработками, трактующими вопросы устойчивости полёта ракет. В августе 1946 года В. Сысоев был назначен на должность начальника отделения аэродинамики в том самом институте, который он и создавал до войны. Его основной работой стало проектирование отечественных самолетов. Он стал пионером в области разработки и создания аэротуннелей Т-35 и Т-38 для исследования аэродинамических свойств современных летательных аппаратов. Всеволод Николаевич постоянно сотрудничал с отделением технических наук при Сербской Академии наук и искусств, публиковал статьи в научных журналах, участвовал в международных конференциях. В 1954 году он стал одним из основателей Югославского Общества механиков. В том же году Всеволод Николаевич защитил в Академии докторскую диссертацию, а в 1961 году был избран членом-корреспондентом Академии. На пенсию он вышел в чине полковника.

По свидетельству коллег это был необыкновенно скромный, мягкий и добрый человек, готовый всегда оказать помощь своему сотруднику. Будучи специалистом в области военной техники, он состоял в рядах Югославской армии, однако не счёл для себя возможным вступить в Коммунистическую партию Югославии, что не

помешало его успешной научной карьере и получению очередных воинских званий. Конечно спасало то, что начальство ценило В. Сысоева как специалиста высшей квалификации и было вынуждено относиться «с пониманием» к его идеологической позиции. На политических курсах при институте, посещение которых было обязательным, Всеволод Николаевич спокойно отсиживал положенное время, отключив свой слуховой аппарат, которым ближе к концу жизни был вынужден пользоваться. При этом он оставался всеми уважаемым и любимым научным руководителем, с прозвищем «Газда», что значило «Хозяин». Он знал это – и не протестовал.

Отец Николай С. Адвокат. Служил в Русском Корпусе. Убит в бою 25.09.1944 г. в Лешнице, Сербия.

Брат Игорь, гимназист, 7-й вып.

Жена Ольга Николаевна С., (ур. Бенкович; ? – 1990).

3-й выпуск 1923 года.

БЕНЗЕМАН Александр Георгиевич, 15/28.11.1903, Ораниенбаум, Петербургской губ. – 16.06.1997, штат Нью-Джерси, США.

Инженер-электрик.

Действительный член Общества русских инженеров США с 1951 г.

Адольф-Филипп Бенземан, лютеранского вероисповедания, происходивший из купечества, приехал в Россию из Пруссии. ¹ Через некоторое время, а именно 21 октября 1812 года, в Губернском правлении Санкт-Петербурга он был приведён к присяге на российское подданство. Вскоре после этого он женился на лютеранке. Гимназист Александр – его правнук. Его семья жила в Ораниенбауме, уездном городе Санкт-Петербургской губернии, который еще со времен Императора Петра III Фёдоровича был известен обильным присутствием там немцев. Таких немецких колоний под Петербургом было три: Ораниенбаумская, Кронштадтская и Петергофская.

Дед Саши, Андрей Адольфович, окончил Главное инженерное училище (Николаевское) в столице. Училище размещалось в одной из царских резиденций, Михайловском замке, переименованном в Инженерный замок. Андрей был крещён в лютеранской церкви Св. Анны. ² Возможно, что он женился на православной и

1 Родословная роспись рода Бенземан. Сост. Э.Н. Амбургер. Хойхельхайм, ФРГ. (Рукопись). Сообщил М.Ю. Катин-Ярцев (Москва).

2 РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 2910 «О дворянстве Бенземана».

тогда, согласно действующему положению, все его дети были крещены в православную веру.

Отец Саши преподавал в Офицерской стрелковой школе в Ораниенбауме, а сына отдал в столичный 1-й Его Императорского Величества кадетский корпус, имевший давнюю и славную историю. Он был учреждён указом Императрицы Анны Иоанновны в 1731 году как Корпус кадетов из шляхетских детей и просуществовал под разными именованиями до 1917 г. Корпус готовил молодых людей не только к военной, но и к гражданской службе.

Преподаватель 1-го кадетского корпуса в те годы, когда там обучался кадет Саша Бенземан, подполковник Николай Николаевич Доннер, отец двух будущих гимназистов, оставил весьма любопытные воспоминания о жизни кадет.¹ Приводим выдержки из его труда:

Я был счастлив попасть в Петербург и в родной мне корпус. Для начала меня направили на воспитательные курсы при главном управлении военно-учебных заведений в Соляном Городке. Курсы основал и ими руководил бывший директор 2-го Корпуса, генерал-майор Макаров, и поставил дело преподавания прекрасно. С огромным интересом слушал я лекции выдающихся специалистов по психологии, философии, педагогике, физиологии, химии, проходил практические занятия, писал и читал рефераты. Артист Императорских Театров Петров преподавал нам декламацию и чтение. Введён был курс пропедевтической физики, предназначенный для 3 и 4 классов кадетских корпусов, и мы, слушатели, были первыми преподавателями этого нового курса в корпусах.

В мае 1905 г. я сдал успешно экзамены и 5 июля явился в Первый Корпус, к уже новому директору, вечно памятному, создавшему эпоху в истории нашего корпуса, Фёдору Алексеевичу Григорьеву. Корпус стоял в это время в своем лагере в Петергофе.

Вот таков был уровень преподавателей кадетского корпуса. Не удивительно, что из его стен выходили высоко образованные молодые люди. Однако продолжим:

Раз в неделю приезжал офицер фехтовально-гимнастической школы и занимался с кадетами на плацу сокольской гимнастики. Помню однажды, во время этих занятий подъехал большой открытый автомобиль с Государем и четырьмя прелестными, как майский цвет, Великими Княжнами в больших кружевных шляпах. Они долго любовались движениями стройных рядов мальчиков в белых гимнастерках. Обошли все помещения лагеря и уехали, провожаемые восторженными криками кадет, долго бежавших за автомобилем. <...>

1 Журнал «Военная быль» (Париж), №№ 1 и 2 за 1952 г. Николай Доннер, 23-й вып. и Андрей Доннер, 24-й вып.

А вот как мы встречали в корпусе Пасху... Кадеты распущены на праздники по домам, и только малая часть проводит их в корпусе. В Страстную Субботу уложили кадет по кроватям, но не многие пользуются случаем поспать, большинство, дождавшись, пока дежурный воспитатель занялся книжкой, за самоваром, собрались кучками и шёпотом переговариваются, вспоминая вкусные лакомства у себя дома, в 11 часов кадет поднимают и, после осмотра и проверки, строем ведут в церковь. Церковь ярко освещена. Все старинные иконы блестят, отражая свет электрических люстр и множества свечей на паникадилах и в руках у кадет и гостей. А гостей набирается всё больше и больше. Генералы в лентах со звёздами, офицерство в парадных мундирах, барышни и дамы. Это самое интересное, конечно. Все они сказочно разодеты в белых, розовых и голубых туалетах. И такие они хорошенькие, и так блестят их весёлые глазки, так улыбаются прелестные губки.

Крестный ход подымает иконы и хоругви, выходит в коридор в предшествии корпусного батюшки, отца Анатолия, одетого в ризу, расшитую самой Императрицей Елизаветой. Кадеты строго выводятся вслед за ним. Коридором выходим в Сборный зал. Кадеты, наклонявшие хоругви под низкими сводами коридора, здесь поднимают их высоко. Нарядная толпа гостей разливается по всему громадному двухсветному залу. Пять огромных люстр льют свой свет на пестрый людской поток. Проходят мимо всех Российских императоров, саженные портреты которых украшают стены и через гимнастический зал входят в лазарет. Фельдшера и больные кадеты провожают до дверей Музея. Взорам гостей открываются исторические портреты и реликвии за почти 300 лет существования корпуса. Старые знамёна, свидетели далёких лет, тихо колышутся навстречу процессии. Длинный ряд манекенов в исторических кадетских формах пропускает её вдоль своего фронта. И вдруг, обстановка переносит нас за 200 лет назад – мы проходим былые покои Меншиковского дворца, стены и вычурные печи, выложенные голландскими изразцами, старинная мебель – секретеры, канделябры и бра на стенах.

Но вот мы опять в Церковном коридоре и стоим перед большой закрытой дверью. «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его», – раздаётся знакомый голос отца Анатолия и его покрывает хор молодых кадетских голосов:

«Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Всё это должно было запечатлеться в памяти мальчика Саши навсегда.

Кадеты жили и ходили в классы в корпусах при знаменитом дворце на Васильевском острове, некогда принадлежавшем «Алексашке», светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову. Шефом корпуса с 1907 года стал сам Император. Цесаревич Алексей числился кадетом Корпуса.

Возможно Саша, которому почему-то прозвали «Чумаком», застал в Корпусе не только подполковника Доннера, но и ротного командира, родственника, полковника Алексея Николаевича Бенземана. Его сын, Глеб, обучался в том же Корпусе,

окончив его в 1916 г. Александр же выпуститься из Корпуса не успел – случилась революция. Но чувство кадетского братства он сохранит до конца жизни.

С началом 1917/18 учебного года Корпус получил наименование 1-й Петроградской гимназии Военного ведомства. Весь учебный год гимназия проработала практически по прежним учебным программам. Все кончилось летом 1918 года – гимназию закрыли.

Рассказ младшего сына Александра Георгиевича, тоже Александра:

Папа никогда не любил рассказывать о событиях 1917–1920 годов. Я знаю только то, что его родители были в разводе, а мой отец был вынужден покинуть Санкт-Петербург. Это случилось, я думаю, в 1919 году, он спасался бегством на юг России, но я не знаю с кем. В это же время ему сказали, что его мать убита; но, когда он прибыл на место, где происходила погрузка на корабль, чтобы покинуть Россию, он встретил не только отца, но и живую мать. Вероятно, это был корабль армии генерала Врангеля. Это были времена, оставившие глубокие рубцы в его душе, ведь ему было только 16 лет.

Вся семья была эвакуирована на греческие острова. Там, вдобавок к тому, что они были беженцами, они терпеливо, в течение 11 месяцев, ожидали известия, какая страна сможет их принять. Я знаю, что у отца была сестра Ксения, которую я никогда не видел.

Отец попал в Югославию. Он работал по вечерам, а днём ходил в гимназию, а потом в инженерную «школу», поскольку вечерних школ в те времена не было. Многие его друзья смеялись над ним, говоря, что нынешняя ситуация в России – явление временное, что мы все скоро вернёмся и что отец лишь впустую тратит время в своей «школе». Но он продолжал учиться, а в начале 20-х годов папа переехал во Францию, в Париж, где нашёл работу в «Казино де Пари» уже как технический специалист, «инженер». Это был не игорный дом, а мюзик-холл, расположенный на ул. Клиши, один из самых старых в Париже.

Александр переехал во Францию примерно в 1925 году. С французским языком у него проблем не было: кадет обучали хорошо. В 1929 году он окончил Высшую промышленную электромеханическую школу. В этом же году его избрали в Правление парижского Объединения бывших кадет 1-го корпуса. Так или иначе жизнь налаживалась.

Сын Александр:

Он встретил мою маму, Нину Константиновну де Бюцов (de Bützow), которая тоже родилась в Петербурге в 1910 г. и тоже спаслась со своей семьей бегством сначала в Японию, затем в Югославию и в конце концов оказалась в Париже. Они поженились. У мамы были две сестры и брат. Одна сестра вышла замуж за Александра Долгорукого, вторая – за Георгия Берга. Мои кузены по материнской

линии живут в Париже: фотограф Андрей Берг и Никита и Александр Долгорукие. Они все женаты.

Александр и Нина работали, а она ещё успевала и учиться. Нина работала в известной ювелирной компании Georg Jensen. Дома они разговаривали по-русски. Георгия, как апатрида, в армию не призывали. Ему удалось наладить хорошие деловые связи с партнёрами в Германии на поставки нужного казино оборудования. Жили, конечно, скромно, но зато при обилии русских в Париже скучать им не приходилось. Близкой подругой Нины стала «Буся», Елизавета Шмеман, кузен которой, Александр, рукоположенный во иереи, стал впоследствии известным богословом.

Но на это простое счастье им отведено было совсем немного времени.

В апреле 1940 года Германия оккупировала Данию и Норвегию: так начался «европейский блицкриг». 10 мая нацисты атаковали Голландию, Бельгию и Францию, а уже 14 июня немцы вошли в наполовину опустевший Париж. Сразу же был объявлен «комендантский час» – с восьми вечера до пяти утра, а все часы приказано привести в соответствие с берлинским временем – перевести стрелки на час вперед.

22 июня Франция капитулировала.

«Русский немец» в оккупированном Париже стал фигурой в некотором роде экзотической. Консьержка или даже хозяйка дома, теперь это уже не важно, постоянно угрожала Александру сообщить «кому следует» о его довоенных связях в Германии. Эти намеки конечно отравляли жизнь, но намного страшнее были облавы, которые регулярно происходили в Париже. Так тянулись долгие четыре года оккупации.

Наконец, 6 июня 1944 года в Нормандии высадились войска союзников, открыв «второй фронт». 18 августа бойцы Сопrotивления поднимают восстание в Париже. Жители Парижа вместе с присоединившейся к ним полицией выходят на баррикады. Сопrotивление нацистов удалось сломить лишь с подходом к столице танкового корпуса генерала Филиппа Леклерка из войск «Сражающейся Франции» под командованием генерала Шарля Де Голля. 24 августа Париж был полностью освобожден, а 29 августа состоялся парад Победы; в этот солнечный летний день, полный восторгов и неистовой радости, на улицах наверняка было и всё семейство Бенземанов: папа, мама, 2-летний Андрей и крошка Мишель, которому едва исполнилось 4 месяца.

Vive De Gaulle!

Однако то, что в первые послевоенные годы множество русских во Франции было выдано в СССР, заставляло опасаться их участи. Делалось это тайно, несчастные свозились в огромное советское посольство в Париже и самолётами отправлялись в советскую зону в Германии. Дальше – в лучшем случае! – лагеря в Сибири. Нужно сказать, что Александр никогда не имел советского гражданства

и потому не мог быть выдан, но – береженого Бог бережёт. Выборы 1946 года, закрепившее ведущее положение в парламенте коммунистов и социалистов, тоже не навевали радужных перспектив.

Александр всерьёз задумался над тем, чтобы покинуть Францию и вообще Европу. В то время он работал в Париже на квакерскую Американскую организацию American Friends Service Committee, и некий банкир Джордж помог ему, уже отцу трёх мальчиков, привести свой замысел в исполнение. В 1951 году Бенземаны на огромном пароходе «Queen Mary» прибыли в Нью-Йорк, имея в кармане на всё про всё 400 долларов.

Сын Александр:

Дело в том, что Джордж вовсе не имел в виду предлагать папе работу у себя в банке. Но папа рассчитывал именно на это и был просто в ужасе. Джордж сказал: звони вот сюда и сюда, вероятно, там сможешь найти работу. Шесть недель мы жили у этого Джорджа. Папа нашёл работу у одного состоятельного русского как посредник в поставке различного технического оборудования. И мы переселились в Нью-Джерси.

Вся семья приехала в Америку, не зная английского языка. И если мама и дети довольно быстро освоили язык, то Александру Георгиевичу пришлось заниматься на специальных языковых курсах. В дальнейшем дети пошли в американские школы, при этом посещая еще и воскресную церковно-приходскую школу, находившуюся в довольно неприятном районе города и до которой было полчаса езды.

Со временем Александр Бенземан стал самостоятельным посредником, офис его компании находился у него дома, в кабинете. Его достоинством была обязательность и наработанные деловые связи. Он едва ли не каждый день отправлялся на другой берег Гудзона в Нью-Йорк. Сыновья встречали его у парома. Довольно часто отец устраивал всей семье экскурсии по Нью-Йорку и, конечно, самые счастливые походы выпадали на Рождественские ярмарки и ёлки. Нина Константиновна вела дом, воспитывала сыновей, но ещё и подрабатывала по 2–3 часа несколько раз в неделю, так как лишних денег в их семье не водилось.

Каждый год 17 февраля, в день Корпусного праздника, Александр Георгиевич принимал деятельное участие во встречах бывших кадет 1-го корпуса в Нью-Йорке, будучи самым младшим из всех. Однако на знаменитый кадетский бал супруги Бенземан не ходили.

Шли годы, дети, как это обычно случается с ними, выросли и стали самостоятельны. Тогда Александр Георгиевич вышел на пенсию.

Отец Георгий Андреевич Б., (14.07.1876, Вильно, ныне Вильнюс, Литва – 11/24.07.1932, Велика Кикинда, Югославия). После окончания Киевской Воен-

ной академии служил в л.-гв. Финляндском полку, который дислоцировался в Санкт-Петербурге. Преподаватель Офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме. Полковник гвардии. Участник Великой войны в составе Сибирских стрелковых дивизий. Участник Белого движения. В КСХС жил в г. Велика Кикинда. Председатель русской колонии в Кикинде.¹

Жена Нина Константиновна Б., (ур. де Бюцов; 1910, Санкт-Петербург – 28.08.1994, Нью-Джерси). Брат Владимир, гимназист, 7-й вып.

Дети:

Андрей, (1942, Париж). Живёт в Нью-Йорке.

Михаил, (12.04.1944, Париж – апрель 1985, США). Известный архитектор.

Александр, (10.06.1948, Париж). Консультант по финансам. Многие годы работал в России. Жена (с 1995 г.): Марина Алексеевна Б., (ур. Сюткина; 06.05.1962, Москва). Живут в Нью-Йорке.

ГАЛЬСКАЯ Мариамна Львовна (Жедринская), 1905, село Золотарёво, Мценского уезда, Орловской губ. – 11.05.2003, Сен-Женевьев де Буа, близ Парижа.

Род Гальских (Гольских) польского происхождения, ушедший в Московское Царство в конце XVI века. Детство Мариамны протекало в фамильном имении и в Орле, где она начала учиться в женской гимназии. В 1920 году семья эмигрировала в Королевство СХС. О жизни семейства Гальских в Белграде писал поэт Юрий Борисович Бек-Софиев, в своих воспоминаниях:

Отец Мариамны был совершенно никчёмный человек. Добродушный и незлой, практически он был непригоден абсолютно ни к чему. В прошлом состоятельный помещик, любил, вероятно, только охоту с гончими на зайцев, лисиц, на волков. Он мог выставлять собственную кандидатуру на уездного либо на губернского предводителя дворянства, но вряд ли имел успех, ибо все знали, что этот добродушный барин абсолютно равнодушен ко всему, кроме своего сибаритства.

Почти каждый вечер Мариамна иронически помогала своему папá завязывать и «душить» галстук, поправлять костюм. Он похохатывал, рассказывая остроумные анекдоты, откровенно говоря, до него давным-давно затасканные, и отправлялся в свой аристократический русский клуб, где его именовали – князь, поиграть в карты или хохотать и дружески беседовать за ужином с приятелями.

Мать Мариамны была совершенно другого склада. Она принадлежала к той же среде по происхождению, давным-давно переселившейся в Россию чешской элиты. Но, попав в трудное положение, она не растерялась и решила своим энергичным трудом содержать всю семью. Мужу нужно было создать условия для его никчёмной жизни, а детей нужно учить, воспитывать, как-то обеспечивать. И

¹ Живанович М. Бережно храня следы: русские эмигранты в Великой Кикинде и монахини монастыря в Хопово. Москва: ВСФ – Урал, 2016. С. 164.

она начала трудиться. Видимо, и в России вела своё хозяйство самостоятельно, но там была состоятельная база, а здесь, в Белграде, они бедствовали. Она всё делала своими руками. Ходила на базар, Бог знает, когда рано утром встав, пекла какие-то пирожки и булочки, что-то варила, что-то приготавливала и в положенный час открывала свою продовольственную лавочку. Сначала делала всё сама, потом, когда дела пошли, появились помощники: пирожки стал разносить по русским предприятиям и учреждениям бывший капитан. Гальская работала до поздней ночи – то в лавке, то на кухне. <...>

А дети Гальские учились и совершенствовали иностранные языки. Знали сербский, французский, немецкий и, кажется, английский, как свой русский. Мариамна хвасталась, что она исправляет ошибки у своей подружки-швейцарки, дочери швейцарского посла, в её собственном французском языке. <...>

Я бережно храню дорогое для меня воспоминание: как втроём вечером в квартире мы сидим рядышком – я посередине, а по бокам меня – Мариамна и ее брат Володя – и мы читаем вслух Блоковскую «Розу и крест» – это была наша любимейшая вещь. Как-то Мариамна мне сказала:

– Знаете, Юра, мама призналась, что, если изменится наша жизнь, по-прежнему жить будет совершенно невозможно. Пользоваться услугами горничной будет стыдно, совесть не позволит: каждый человек должен обслуживать себя сам и обязательно должен работать. И я понимаю маму!¹

Старшая по возрасту, Мариамна всю жизнь с любовью и заботой относилась к брату Владимиру, талантливому поэту.

Ты была мне в жизни лучшим другом,
Мудрая и нежная сестра.
Стелется за мною вешним лугом
Детства нашего согласная пора.

Я тогда был мальчик неуклюжий,
Ты девчурка с хвостиками кос,
Стал давно и старше я и хуже,
Телом вырос, а душой не рос.

Спустя пару лет после окончания гимназии Мариамна вышла замуж за талантливого русского художника Владимира Ивановича Жедринского, художника-декоратора Королевского Национального театра в Белграде, иллюстратора книг, графика и карикатуриста. Жедринские завели широкий круг знакомств в среде сербской и русской интеллигенции. В январе 1926 года у молодой семьи родился сын Николай, в марте 1928-го – дочь Мария.

В годы Второй мировой войны семья переехала в Загреб, а после её окончания осталась в Югославии. Однако, в 1951 году, в связи с изменившейся политической

1 Бек-Софиев Ю. Синий дым. Алматы, 2013. www.rulit.me/books/sinij-dym-read-309250-1.html

обстановкой в Югославии и откровенными преследованиями властями остатков русской эмиграции, Жедринские вынуждены были эмигрировать. На короткое время они обосновались в Касабланке (Марокко), куда ранее перебралось из Европы всё семейство Гальских. Владимир Иванович оформил ряд спектаклей для местного Муниципального театра, но уже в 1952 году Жедринские переехали в Ниццу, а затем в Париж.

Мариамна Львовна на долгие годы пережила своего мужа и рано скончавшихся детей. Она стала хранителем художественного наследия мужа. Часть его работ подарила в Музей театрального искусства Сербии в Белграде. Её одинокую жизнь скрашивала любовь к внуку и племянникам (сыновьям брата Владимира), а также церковные службы, концерты, выставки в Париже, русская художественная литература.

Она очень переживала развал Югославии и отношение мировой общественности к Сербии, своей горячо любимой второй родине.

Отец Лев Ионович Г., (1879, Воронеж – 29.01.1955, Касабланка, Марокко), потомственный дворянин, помещик. Почти в сорок лет был призван в армию во время Великой войны. Служил в штабе. Эвакуирован со всей семьёй в 1920 г. из Новороссийска в Константинополь. В мае 1920 г. в КСХС.

Мать Александра Владимировна Г., (ур. Багговут; 1874, Харьков – 16.12.1966, Париж). В Белграде держала столовую для русских беженцев.

Братья: Лев, (1904 – 1991), окончил 1-й русский кадетский корпус в 1925 г.; Владимир, (1908 – 1961), гимназист, 6-й вып. Поэт, инженер-архитектор.

Муж: Владимир Иванович Жедринский, (30.05.1899, Орёл – 30.04.1974, Париж), известный театральный художник. Окончил Московскую гимназию Флёрова в 1917 г. Студент Киевского ун-та (не окончил) и Украинской Академии художеств (не окончил). С 1918 г. участник Белого движения. С мая 1920 г. в КСХС (г. Сомбор, позднее Белград).

Сын Николай, (04/17.01.1926, Белград – 02.05.1980, Париж). Гимназист, 24-й вып.

Дочь Мария, (28.02/12.03.1928, Белград – 1950, Касабланка, Марокко). Гимназистка, «Не окончившие гимназисты», см.

4-й выпуск 1924 года.

АНАГНОСТИ Владимир Дмитриевич, 30.04/13.05.1907, Одесса – 14.10.1984, Маркарска, Хорватия. Похоронен в г. Сплит.

Военный врач.

Владимир Анагности происходит из семьи обрусевших греков, бессарабских купцов в Кагуле, позднее осевших в Одессе. Его отец, Дмитрий Георгиевич, по

окончании юридического факультета Новороссийского университета вернулся в Одессу, где служил в Городском управлении (с 1905 г.), а вскоре стал сотрудником Городского архива. В годы Великой войны Дмитрий Георгиевич был одним из основателей военного госпиталя для сербов, оказавшихся в российском плену (это были перебежчики из австро-венгерской армии, воевавшей на Галицийском фронте). Он вложил много сил и своих личных средств в заботы об устройстве жизни сербских детей в Одессе, за что был удостоен Орденом Св. Станислава 2-й ст.

В 1919 году Д.Г. Анагности был избран товарищем городского головы Одессы, став при этом известным деятелем правого монархического движения на Юге России.

Но в декабре 1919 году, когда Владимир уже учился во 2-й Одесской гимназии, семья Анагности в числе многих других семей вынуждена была покинуть Россию на английском пароходе «Рио-Пардо», как и все, «храня надежду на скорое возвращение». Через Грецию (Салоники) Анагности прибыли в городок Враньска-Баня в КСХС. Вскоре после открытия в Белграде учебных заведений для русских детей, семья переехала в Белград.

Отец нашёл работу (с 1923 г.) в Городском управлении Белграда, вскоре став начальником городского статистического отдела. Дмитрий Георгиевич был избран членом Совета «Русского комитета» в Белграде (14.11.1926), который объединял около 70 русских организаций в КСХС. Председателем Совета был митрополит Антоний (Храповицкий).

Владимир сумел быстро завершить в гимназии своё среднее образование и поступил на медицинский факультет Белградского университета, который окончил в 1930 году. После отбытия воинской повинности поступил на военную службу, в чине врача-офицера.

Дальнейшая жизнь Владимира Дмитриевича сложилась драматично. В 1934 году его супруга Милица скончалась в родах. Близнецы, Пётр и Лиляна (Лиля), остались жить сиротами. Младенцев приняли его родители. Получив перевод из городка Дьяковица (Косово), Владимир приехал в Белград. Через год (01/14.11.1935) Лиляна умерла, а Пётр остался у бабушки и дедушки на попечении и воспитании.

Владимиру Дмитриевичу по служебному переводу пришлось выехать в Хорватию, в город Карловац, где он служил как военный врач, занимаясь при этом еще и переводами военно-медицинских книг с русского языка. После вступления в Хорватию немецких войск в апреле 1941 года, он вместе с большим числом сербов бежал в Белград, где занимался частной практикой вплоть до осени 1944 года, когда Белград было освобожден Красной армией и Народно-освободительной армией Югославии. Как военный врач, он был мобилизован новыми властями в армию, участвовал в боях на Сремском фронте и в чине капитана в мае 1945 года закончил военную службу.

По возвращении в Белград Владимир Дмитриевич работает врачом до 1953 года. Из-за серьезных астматических припадков он получает перевод на Адриатическое побережье, где продолжает врачебную практику в нескольких прибрежных городах, от Шибеника до Ульциня. С выходом на пенсию он обосновался в Сплите, где прожил последние годы своей жизни.

Отец Дмитрий Георгиевич А., (01.08.1881, Кагул – 12/25.02.1957, Белград),
Мать Неонила Петровна А., (ур. Щухина; 01.09.1888, с. Яськи под Одессой – 1969, Белград). В Одессе писала театральные рецензии для газет.

Младший брат Пётр, гимназист, 6-й вып.

1-й брак: Милица А., (ур. Милич, ск. в мае 1934).

2-й брак: Даница А., (ур. Вукоманович).

Сын Пётр, род. 12.05.1934, Б. Джаковица, Косово, Сербия. Окончил Русско-сербскую начальную школу в Белграде, и осенью 1944 г. сдал приёмный экзамен для поступления в гимназию. Однако, учебный год в гимназии не начался в связи с эвакуацией. Семья Анагности осталась в Югославии, и Пётр Владимирович позднее окончил сербскую гимназию и строительный ф-т Белградского ун-та в 1957 г. Впоследствии он получил степень доктора технических наук и стал профессором строительного ф-та в Белграде. Выйдя на пенсию в 2000 г., Пётр Владимирович Анагности живёт в Белграде и до сих пор сотрудничает со строительными фирмами и институтами.

Кроме двух младенцев-близнецов Владимир Дмитриевич имел во 2-м браке сына Павла, (1944 – 2001).

ВЕРБИЦКИЙ Фёдор Фёдорович, 16.05.1906, Санкт-Петербург – 12.07.1996, Буэнос-Айрес.

Врач.

Мальчик Федя, обреченный стать врачом, родился в доме своего деда со стороны мамы – академика и профессора гинекологии и акушерства Военно-Медицинской Академии Георгия Ермолаевича Рейна (1854–1942) – по адресу улица Спасская (ныне ул. К. Рылеева) №37. Естественно, что роды дочери принимал сам г-н профессор, знаменитый еще и тем, что в свое время оперировал П.А. Столыпина.

Семья переехала в Киев после назначения отца профессором на кафедру внутренних болезней в Киевском университете Св. Владимира. Федя Вербицкий учился в частной гимназии В.П. Науменко. В Киеве семья пережила бесконечные смены власти и кровавые расправы, описанные М.А. Булгаковым (кстати, тоже врачом) в «Белой гвардии». Семья Вербицких была эвакуирована из Новороссийска

в 1920 году на пароходе «Анатолий Молчанов». Сначала они попали на Принцевы острова близ Константинополя и лишь оттуда перебрались в Королевство СХС.

Фёдора отдали в Крымский кадетский корпус, из 7-го класса которого он перешёл в гимназию. Получив аттестат зрелости, он записался на медицинский факультет Белградского университета, который и окончил в 1930 году, избрав хирургическую специализацию. На первых курсах Фёдор учился в одной группе с будущим Архиепископом Иоанном Шанхайским (Михаилом Максимовичем), который позднее перешёл на богословский факультет. Десять предвоенных лет Фёдор Вербицкий работал в белградской Государственной больнице, в Санатории Св. Георгия, имел также и частную практику.

В Русский Корпус Фёдор Фёдорович вступил с самого начала его формирования в сентябре 1941 года, надеясь, как и все остальные корпусники, что будет участвовать в освобождении России от коммунистов. Службу он начал батальонным врачом в 1-м полку. Лазарет располагался в г. Пожареваце. Когда был основан главный корпусной госпиталь, Ф. Вербицкий был переведён в Белград и проработал там хирургом до самого отступления из столицы. Во время отступления, в Боснии, он вывозил раненных на крытом грузовике с большими знаками Красного креста. Несмотря на это, грузовик был обстрелян титовскими партизанами. Шофер грузовика был убит, а сам Федор Федорович тяжело ранен в плечо. Один из легко раненных бойцов сел за руль и ему удалось вывезти грузовик из зоны огня. Врач Фёдор Фёдорович Вербицкий, несмотря на ранение и потерю крови, продолжал одной рукой оказывать первую помощь на борту грузовика другим раненным, за что был награждён Железным Крестом за храбрость. В госпитале в Австрии, Фёдор Фёдорович перенес семь сложных операций по восстановлению плеча. Окончание войны застало его в госпитале, поэтому он не попал в лагерь военнопленных, а перебрался в лагерь перемещённых лиц «Парш» под Зальцбургом. Там, помимо своих прямых обязанностей, Фёдор Фёдорович включился в большую общую работу по спасению бывших советских граждан от выдачи в СССР. Он подробно рассказывал им о жизни русских в Югославии, читал курс географии и общественного транспорта Белграда, учил слушателей основам сербского языка, подготавливая их таким образом ко всяким каверзным вопросам репатриационных комиссий. В 1946 году, когда под эгидой Лиги Наций в Мюнхене открылся университет для беженцев, Фёдор Фёдорович переехал туда и начал преподавать гистологию на медицинском факультете.

Тем временем его младшая сестра Тамара перебралась в Аргентину, и в 1948 году Фёдор Фёдорович последовал за ней, когда, благодаря хлопотам протоиерея Константина Изразцова, настоятеля храма в Буэнос-Айресе, удалось получить въездную визу от аргентинского правительства.

Забавную деталь вспомнила дочь Фёдора Фёдоровича Ирина: её дед и отец приехали в Аргентину в костюмах, сшитых из одеял, т. к. никакой другой ткани в разрушенной войной Европе они достать не смогли.

В начале 1949 года Министерство здравоохранения определило Фёдора Фёдоровича на работу в Южную Патагонию, базируясь на местечко Tres Lagos, где три года он оперировал и лечил людей в примитивнейших условиях.

Дивную картину их бытия на юге страны запечатлела в одном из своих писем Сусанна Игоревна, вторая супруга Фёдора Фёдоровича, с которой он познакомился в Мюнхене.

Мы уже выбрались из Tres Lagos'a. Муж – директор больницы в Puerto Santa Cruz. Я – заведую лабораторией в ней же. Работы много, но работа живая и нужная. Условия очень тяжёлые, т. к. кроме нас двоих нет никого хотя бы что-нибудь знающего. Всё приходится делать самим. Сплошь да рядом не спим ночей и бывает по 5–6 операций в день. Сейчас мужа нет, его отослали в соседний город заменять уехавшего в отпуск врача, а здесь нет никого. На мне осталась вся ответственность. В крайнем случае, я могу вызвать мужа по телефону. Живём мы на морском берегу, но море – угрюмое-холодное. Климат плохой – всё те же сильные ветры. Единственное развлечение – это ловля рыбы, да и та ловится только несколько месяцев в году. Изредка появляются тюлени, дельфины и пингвины. Много гагар и бывают на перелёте птицы из южных морей. Но времени мало, а главное, почти всегда такой ветер, что невозможно заниматься прогулками и наблюдениями. Часто с грустью вспоминаю Мюнхен. Там, хотя приходилось тужовато, но была своя работа и возможность что-то сделать. Здесь занимаюсь всем, кроме своей работы. Пробовала достать руководства по птицам Аргентины, но таковых нет, и я свою коллекцию подарила музею.¹

Первым браком Сусанна Игоревна была за Кириллом Владимировичем Мартино (13-й вып.), учёным-зоологом и орнитологом. Вероятно, она занималась орнитологией вместе с первым мужем. А ещё она писала стихи:

ЗВЕЗДОПАД

Вот покати́лась звезда,
Оставя за собой дорожку,
Как росчерк огненный пера,
Что потухает понемножку.

1 Письмо опубликовано в книге: *Ульянкина Т. И.* Михаил Михайлович Новиков 1876–1964. Москва: «Наука», 2015. С. 549.

За ней веселою толпой
Погнались её подружки,
Нарисовавши за собой
Кривые пламенные дужки.

Куда ни глянь, везде блестят,
Катятся быстро по уклону,
Узоры дивные чертят,
По бархатному небосклону.

Покрылось небо всё огнём,
Повсюду вспышки и миганья,
И мы за дивным сим дождём
Следим, задумавши желанья.

И столько их упало тут,
Что нам серьёзно показалось,
Что небо опустело вдруг
И звёзд на небе не осталось.

ВАЛЬС

Чайник пузатый кипит и бурлит.
Дождь моросит за окошком,
Кот на подушке свернувшись лежит,
Пахнет душистым горошком.
Пёстрою скатертью столик накрыт,
Вышитых много подушек.
Лампа большая у кресла стоит,
Масса везде безделушек.
Тёмно-зелёный большой абажур
Наши глаза защищает
И на страницы изящный ажур
Света и тени бросает.
В вазе букет из последних цветов,
– Кровью горит георгина,
Томик раскрытый любимых стихов
– Это уюта картина.¹

В те времена Фёдор Фёдорович не только заведовал госпиталем, но и исполнял обязанности санаторного начальника на всю Южную Патагонию.

¹ Стихи из единственного сборника «Мозаика», Буэнос-Айрес, 1987. <http://www.laidinen.ru/women.php?part=7435&letter=%E2&code=7437>

Отслужив положенный срок на государственной службе, Фёдор Фёдорович вернулся в Буэнос-Айрес, купил дом и открыл частную клинику в качестве врача общей практики. Вся русская колония в Буэнос-Айресе знала и глубоко уважала доктора Вербицкого. Он организовал приём престарелых русских людей в амбулатории при Корпусном доме Св. Александра Невского в Вижа Бажестере, в окрестностях Буэнос-Айреса, в покупке и содержании которого он участвовал и финансово. Фёдор Фёдорович помог в устройстве домового храма Св. Владимира, а также в постройке храма Св. Сергия, оба в Вижа Бажестере.

Как пишет дочь Ирина:

Фёдор Фёдорович безболезненно и мирно скончался 12 июля 1996 года. К счастью Господь не допустил его дожить до предательства Лавровским Синодом своих пасомых Московской Патриархии. Мир праху его.

Отец Фёдор Васильевич В., (09.04.1881, с. Конашевка, Черниговской губ., ныне Украина – 09.01.1971, Аргентина). Сын священника. Военно-медицинская Академия (1898). Военный врач. Профессор, доктор медицины. В мае 1920 г. в КСХС, врач военной больницы в Белграде (до выхода на пенсию в 1941 г.). Личный врач короля Александра I Карагеоргиевича. Член Высшего монархического совета. Служил в Русском Корпусе. После 1949 г. в Аргентине. Председатель Русской колонии в Аргентине. В конце жизни Фёдор Васильевич с женой жили в «Корпусном доме».

Мать Тамара Георгиевна (ур. Рейн), дочь академика, профессора Военно-медицинской Академии.

Мачеха (2-й брак отца состоялся в Югославии): Екатерина Николаевна Гундобина, (? – 28.01.1984, Буэнос-Айрес). Сводный брат Николай.

Сестры:

Лидия. Первый муж серб Тодор-Тоша Тодорович. Дочь живёт в США.

Тамара, гимназистка, вып. женской гимназии 1930 г. После 1945 г. в Аргентине.

1-й брак (1928, Белград): Ирина Владимировна В., (ур. Кошко). Гимназистка, 6-й вып. Развод.

Дочь от 1-го брака, Ирина, (1934, Югославия – 16.06.2011, Буэнос-Айрес). Училась в Мюнхене в гимназии о. Александра Киселёва «Милосердный самарянин». Выехала со всем семейством в Аргентину. Врач, невропатолог и терапевт. Жила в небольшой квартире в доме отца и принимала пациентов дома. Гражданский брак с аргентинцем. Детей нет.

2-й брак (в Аргентине): Сусанна Игоревна В., (ур. Коростовцева; 26.02/11.03.1911, Екатеринослав – ок. 10.10.1992, Буэнос-Айрес). Член Союза Св. Благоверного князя Александра Невского (отдел СЧРК). Гимназистка, вып. жен-

ской гимназии 1933 г. Первым браком была за К.В. Мартино. Дочь Нина Мартино живет в Испании.¹

ЗОЦ Андрей Алексеевич, 20.11.1903, Харьков – 1989, Белград, похоронен в Белой Церкви.

Инженер-электромеханик.

Дочь Андрея Алексеевича, Ирина, и её сын, названный именем деда, любезно предоставили в распоряжение авторов подробный рассказ о семействе Зоц и родственных семьях более, чем за сто лет, в том числе и автобиографию, написанную самим Андреем Алексеевичем.² Судя по тому, что профессия юриста была в семейной традиции, можно предположить, опираясь на мнение генеалогов, что Зоц – фамилия немецкого происхождения. Известно, что она была распространена как раз в том ареале, где жила семья будущего гимназиста, т. е. южные губернии России и так называемая Слободская Украина.

Приводим полный текст автобиографии:

Я родился 20 ноября 1903 г. в СССР (*в России, авт.*) в г. Харькове в семье чиновника. Учился в гимназии г. Харькова с 1913 по 1919 гг., затем с отцом и матерью уехал в Севастополь.³ Поскольку не было средств на жизнь, должен был прервать обучение. Зарабатывал, продавая газеты, тем самым помогал семье, т. к. отец долго и тяжело болел и не мог работать. Так я работал в течение осени и зимы, а весной поступил на работу в порт в качестве берегового рабочего по отгрузке угля. В ноябре 1920 г. отец увёз нас в эмиграцию.

Через Цариград мы прибыли 1 января 1921 г. в Боку Которску, где после тяжёлой болезни скончалась моя мать. После недолгого пребывания в Дубровнике, нас направили в село Булькес, Бачка (*ныне село Бачки-Маглич в Воеводине, авт.*) в котором я всё лето был занят у одного крестьянина на полевых работах. Одновременно я готовился к экзаменам в гимназию, чтобы продолжить прерванное образование. В августе 1921 г. мы прибыли в Белград, и я был принят в 5-ый класс 1-ой Русско-сербской гимназии и зачислен в её интернат. Закончил гимназию на отлично в 1924 г. и в том же году поступил на машинное отделение технического факультета Белградского университета.

Находясь в интернате гимназии, я выучился на обувщика и в свободное от учёбы время работал в обувной мастерской интерната. Я ремонтировал старую и шил новую обувь для своих знакомых, для интерната и студентов и, благодаря этому, мне удалось заработать на жизнь и учение в университете. Летом, или, когда

1 Биографические сведения почерпнуты авторами из статьи дочери, Ирины Вербицкой, опубликованной в газете «Наша страна», выходящей в Буэнос-Айресе.

2 Коллекция А. Арсеньева.

3 После возвращения Белой армии в Харьков и освобождения отца из-под ареста.

у меня не было заказов в обувном деле, я работал простым рабочим на мощении белградских улиц или на стройках. Позже я изучил ремесло плотника и работал уже как квалифицированный рабочий.

В 1932 г. я закончил то же самое отделение университета, на которое я поступал, с хорошими оценками и участвовал в строительстве земунского моста на Саве, которое вело строительное общество «Батиньол». Там я работал в качестве механика до февраля 1933 г.

В ноябре 1932 г. я женился на дочери местного зубного врача Нине Фёдоровой-Стокуча, с которой позже по причине постоянных разногласий развёлся. Детей в браке у нас не было.

С февраля 1933г. до мая того же года я был без работы, а в мае меня взяли на должность инженера в техническое бюро общества «Батиньол». Там я работал до ликвидации бюро в 1938 г.

Ввиду того, что мне не удалось найти работу по специальности, в конце того же года я получил разрешение на ввоз бритвенных станков и приборов для бритья, а позже я расширил свою деятельность, включив торговлю техническими товарами.

В конце 1939 г. и начале 1940 г. я находился на военных учениях в 7-ом конном полку в Смедеровской Паланке и в качестве конного связиста оказался накануне войны в 18-ом пехотном полку в Белграде, в котором провёл месяц на учениях.

Вместе с полком, с отделением ординарцев я покинул Белград 15 апреля 1941г., а когда части полка попали в плен к немцам, мне удалось избежать плена, спрятавшись на 3 дня и 2 ночи в сарае, а затем найдя приют у одной известной семьи, которая дала мне гражданский костюм.

По возвращении в Белград я обнаружил свою контору и склад разрушенными и сгоревшими после бомбёжек, но мне удалось с частью товара, сохранившегося в квартире, продолжить торговлю и не зависеть от оккупантских властей. Во время оккупации я постоянно находился в Белграде, занимаясь, в основном, продажей бритвенных ножей. Несмотря на моральное принуждение, я не пошёл на службу к оккупантам и не принимал участие в организациях квислинговой власти.

После освобождения я добровольно и без вознаграждения предложил свои услуги фирме «Селектра» в Белграде, которая занималась реконструкцией сигнальных и электрических установок на белградском железнодорожном вокзале. В марте 1945 г. я поступил на должность кассира и бухгалтера в этой фирме с условием, что я смогу продавать в помещении организации свою продукцию.

Поскольку у меня не сложились отношения с владельцем фирмы, в январе 1946 г. я ушёл из организации, а позднее, когда мне удалось продать небольшую оставшуюся часть товара со склада Белградскому предприятию скобяных товаров, я уволился с фирмы и поступил на службу в Министерство промышленности НРС (*Народная республика Сербия, авт*).

На службе в этом министерстве я нахожусь по настоящее время в должности референта по оперативному планированию при главной дирекции металлургической промышленности НРС.

Югославское гражданство я получил обычным путем в 1932 г., моё постоянное место жительства – опщина Нова Раля Космайского уезда.

В августе 1946 г. я женился на Нине, урожденной Калиновской, которая имела дочь Елену от первого брака. В январе у нас родилась дочь Ирена.

В своей жизни я никогда не принадлежал никаким политическим обществам или партиям.

22 марта 1948 г.

Белград

Подпись (Инж. Андрей Зоц).

(перевод с сербского яз.).

Еще обучаясь в гимназии, юноша Андрей Зоц 23 октября 1921 года (по старому календарю) вступил в общество Русский Сокол в Белграде.

Андрей Алексеевич продолжал работу в главной дирекции металлургической промышленности до 1952 года, когда она была закрыта. После этого он начал преподавать курс «Детали машин» в средней школе автомехаников: сначала в столице, а в конце в пригороде, в Земуне. Занимаясь учительством, Андрей Алексеевич написал учебники «Механические элементы» в трёх томах.¹ За двадцать лет, начиная с 1954 года, вышло в свет 29 изданий этих учебников. В каждодневных трудах подошло время выхода на пенсию, что и произошло, когда ему исполнилось 72 года.

Дочь рассказала, что отец был завзятым филателистом, в его коллекции были представлены почти все экземпляры югославских почтовых марок с начала их выпуска. Он также собирал слова русских народных песен и романсов.

Андрей Алексеевич скончался в 1989 году в Белграде; он завещал похоронить себя рядом со своим отцом на православном кладбище в городе Белая Церковь. Его желание было исполнено дочерью. Ирина свидетельствует, что отец был очень скромным и никогда не рассказывал подробно о своей жизни, хотя, по ее мнению, ему было что рассказать.

Отец Алексей Андреевич З., (07.02.1875, Курская губ. – 07.10.1935, Белая Церковь, Югославия). Потомственный дворянин. Окончил Киевский ун-т Св. Владимира в 1899 г. Товарищ Прокурора Курского окружного суда, позже товарищ Прокурора Харьковского окружного Суда. Член Харьковского окружного суда. Коллежский советник. После прихода красных в Харьков был арестован 19

1 «Детали машин» в сербской транскрипции.

мая 1919 г. и летом 1919 г. содержался в концлагере. Участник Белого движения. Находясь в КСХС, служил в кадетском корпусе в Белой Церкви с 1 августа 1933 г. по 1 сентября 1935 г. После смерти жены Алексей Андреевич женился вторично.

Мать Антонина Гавриловна З., (ур. Шепеленко; ок. 1880, Курская губерния – 12.01.1921, Херцег-Нови, Черногория). Происходила из купеческого рода.

Брат Гавриил, (25.12.1904, Харьков – 1965 или 1966, Сан-Пауло, Бразилия). Работал на военном заводе «Обиличево» в Крушеваце (Сербия), где исследовал новую методику добычи боевых отравляющих веществ. В эмиграции в Бразилии вместе с сестрой.

Сестра Галина, (06.03.1907, Старый Оскол, Курской губ. – 23.03.1999, Сан-Пауло). Окончила Харьковский институт в Новом Бечее в 1926 г.

1-й брак (с 1932 г.): Нина Фёдорова-Стокуча. Развод.

2-й брак: Нина Константиновна З., (ур. Калиновская; 27.11.1913 – 18.04.1988, Белград). «Не окончившие гимназисты», см.

Дочь Ирина, (род. 1948, Белград), в замужестве Личанин. Живёт с сыном Андреем в Москве.

Дочь от 1-го брака Нины Константиновны Елена Кирилловна (ур. Половцева) удочерена Андреем Алексеевичем.

ЛЕБЕДЕВ Владимир Александрович, 05.12.1906, Воронеж – 1990, Москва. Похоронен на Хованском кладбище.

Врач.

Скорее всего родители Владимира покинули Россию по личным причинам, поскольку нет сведений об их участии в Белом движении. Отец, Александр Асинкритович, будучи выпускником Брянского семиклассного механико-технического училища, всю жизнь проработал железнодорожным машинистом. К концу гражданской войны он, перегоняя составы, оказался на Северном Кавказе и заболел тифом. В госпитале в Анапе его нашла и выходила жена. Попытка в 1920 году вернуться домой закончилась неудачей – транспорт, на котором они плыли, был остановлен грузинской канонеркой и препровожден в Батуми. Оттуда семья Лебедевых в феврале 1920 года попала в Турцию (вероятно через Новороссийск), а затем прибыла в Королевство СХС, обосновавшись в Белграде. С ноября 1920 года Александр Асинкритович уже работал машинистом в белградском депо, а мать Владимира в ноябре стала студенткой медицинского факультета Белградского университета.

Как вспоминал позднее младший сын Владимира Святослав, семья Лебедевых в то время не придерживалась непримиримых антибольшевистских взглядов.

Сам Владимир поступил в гимназию в 4-й класс, успешно окончил её, а вслед за тем обучался на медицинском факультете Белградского университета, получив

диплом в 1931 году. В этом же году Владимир женился на Зое Александровне Демьянович, гимназистке из 8-го выпуска.

В 1933 году В. Лебедев поступил на службу в Союз кооперативов по охране здоровья и был назначен врачом в село Варна округа Шабац, где проработал почти пять лет. В сфере профессиональной ответственности доктора Лебедева лежали проблемы заболеваемости сельского населения туберкулёзом, а также вопросы охраны материнства и младенчества. Югославия в те годы была страной с преобладающим сельским населением, большая часть которого была неграмотна. Кроме оказания медицинской помощи, Владимир Александрович организовал в селе Союз молодёжи, футбольный клуб, создал любительский театр, читал разнообразные лекции.

Супруга, также получившая образование в университете по специальности «химия», помогала мужу, работая в аптеке. Впоследствии она вспоминала, что до 1941 года муж её находился вне политики, но всегда имел вполне определенные политические взгляды, о которых было лучше молчать. В своей общественной деятельности доктор Лебедев, уважаемый в селе человек, тесно взаимодействовал с двумя членами запрещённой в Югославии Коммунистической партии. Один из них, Живорад-Жика Попович, преподавал в гимназии Шабаца историю и югославскую литературу, немецкий и французский языки. Он известен как основатель городской Народной библиотеки, ныне носящей его имя, и Народного музея в Шабаце. Он же руководил любительским театром им. Добрицы Милутиновича. Уже в первый год войны Ж. Попович погиб, сражаясь в рядах партизан Тито.

В 1938 году В. Лебедев был переведен в Центральное управление Союза здравоохранительных кооперативов в Белграде. Полюбившие молодого русского доктора местные крестьяне целым обозом сопровождали его до Шабаца, где он сел в поезд. В Управлении В.А. Лебедев возглавил социально-медицинское отделение, часто ездил по стране и, будучи врачом-инструктором, вводил в работу новых докторов. Лечебные учреждения Союза, построенные на принципах хозрасчёта, в основном обслуживали сельчан.

Живя в Белграде, Владимир Александрович стал подписчиком библиотеки «Земгора», в которой работал гимназист 6-го выпуска, Фёдор Высторопский. «Земгор» в Белграде был известен как просоветская организация. Ее возглавлял эмигрант Ф.Е. Махин, белый офицер, завербованный НКВД в 30-х годах.

6 апреля 1941 года Германия и её союзники, подвергнув бомбардировке Белград и другие города Сербии, напали на Югославию. Подпоручик Владимир Лебедев был мобилизован в армию как врач, после её разгрома попал в плен, но ему удалось бежать, и он вернулся в Белград.

После нападения Германии на Советский Союз В. Лебедев зимой 1941–42 годов вместе с группой бывших учеников гимназии стал одним из организаторов подпольной антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП). Он

вошел в состав верховной тройки (№1 «Левицкий»), и постепенно стал играть главную роль в ССП.¹

Продолжая работать в Управлении, доктор Лебедев на телеге развозил по Белграду медицинские препараты, производимые его женой в лаборатории Союза здравоохранительных кооперативов, часть из которых попадала в лес к партизанам. Кучером был сын Святослав. Именно Владимиру Александровичу в 1943 году удалось наладить связь с партизанами. Под видом «пациентов» к нему приходили люди «из леса», которых он лечил, а при необходимости устраивал в больницы. Через Лебедева к партизанам переправлялись бежавшие из лагерей военнопленные, шло в лес оружие.

В конце лета 1944 года Владимир Лебедев был арестован гестапо и помещен в лагерь «Баница», однако его за недоказанностью улик освободили. Большую роль в его освобождении сыграло руководство Союза здравоохранительных кооперативов, у которого доктор Лебедев был на хорошем счету.

Оказавшись на свободе, Владимир Лебедев не ушел к партизанам, а организовал в Белграде небольшую группу из тридцати человек, которая в октябре 1944 г. вместе с частями Красной армии участвовала в боях за освобождение Белграда. Члены ССП не только передали собранные ими сведения советскому командованию, но и выступили в роли проводников и переводчиков, а после освобождения Белграда участвовали в его разминировании. С их помощью были спасены многие человеческие жизни и сохранены культурные и исторические ценности столицы Югославии.

Трагедия членов ССП в том, что они объективно помогли становлению коммунистического режима в Югославии, не менее жестокого, чем сталинский режим в СССР. Все «прелести» режима Тито они вскоре испытают на себе, с трудом вырвавшись в СССР, где их тоже встретят не особенно «ласково».

Впоследствии доктор В. Лебедев в составе санитарного отделения Верховного Штаба Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) воевал в Восточной Боснии и закончил войну в звании майора медицинской службы. В Красную армию В.А. Лебедева, как эмигранта, не взяли.

По окончании войны Владимир Александрович настаивал на роспуске ССП, поскольку задачи, стоявшие перед ним, он считал выполненными. Но к его мнению не прислушались и вскоре он, как и К.В. Мартино (13-й вып.), и О.С. Гребенщиков (3-й вып.), сами вышли из состава Союза.

После освобождения Белграда титовские власти произвели массовые аресты всех, кто так или иначе подозревался в сотрудничестве с оккупационным режимом. Было арестовано и большинство русских эмигрантов, оставшихся в столице.

1 См. также подробные сведения об ССП в биографии Ф. Высторопского, 6-й вып.

Спасая ни в чём не повинных соотечественников, руководители ССП, в том числе В. Лебедев и Н. Чернышёв,¹ письменно обратились в Комендатуру Белграда: «На днях Комендатурой г. Белграда была проведена переписка русских эмигрантов в рамках регистрации иностранных граждан. Все русские, пришедшие на регистрацию, были задержаны в тюрьме без предварительного допроса и расследования. Среди них были старики и женщины старше 60 лет. Эта мера вызвала волнение и неоправданное недовольство среди русских эмигрантов, особенно когда появилась идея объявить всех русских военными преступниками. Считаю, что все русские, которых можно считать военными преступниками, уже сбежали вместе с оккупантами, так как не смели остаться, ожидая НОАЮ и Красную армию. Те, кто остались, считали, что у них нет никаких грехов перед сербским и русским народами, так как они всегда были лояльны им, а многие и последовательно антифашистки расположенными...».²

После вмешательства офицеров советского СМЕРШа большинство арестованных было освобождено.³ Тем не менее, осенью и зимой 1944 года преследование русских эмигрантов в освобождаемых районах страны продолжалось. Многие были расстреляны или просто исчезли. Горькая участь постигла и остатки кадетского корпуса в Белой Церкви.

Недолгое время после победы над Германией и организации органов новой власти на всей освобождённой территории Югославии отношения со страной Советов были самыми радужными. Однако, постепенно постоянное и назойливое вмешательство многочисленных советских «представителей» во внутренние дела страны вызывали всё большее недовольство нового «хозяина» Югославии, Йосипа Тито, что привело к заметному охлаждению. Полное неприятие сторонами друг друга наступило после опубликования известного постановления коммунистического Информбюро в июне 1948 года, осудившего югославскую компартию за «отход с позиций марксизма-ленинизма». Репрессии против бывших эмигрантов, как тех, кто получил по призыву советского посольства паспорта СССР, так и вообще против всех русских, приняли массовый характер, а бывшие члены ССП из

1 Бывший преподаватель гимназии. См. главу «Персонал гимназий», раздел «Преподаватели гимназий».

2 Архив Србије, Београд. ф. БИА, збирка ССП, Писмо ССП-ОЗН, подписано: В. Лебедев, Н. Чернышев (не датировано). См. *Тимофеев А.Ю. Сопrotивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Сборник материалов международной конференции «Русская эмиграция в борьбе с фашизмом», Москва: «Русский путь», 2015. С. 238–272.*

3 Однако, некоторые русские эмигранты исчезли. Так погиб брат гимназиста Павла Волкова (22-й вып.) Анатолий Волков.

соратников превратились в злодеев. Власти приступили к подготовке депортации оставшихся в стране русских за пределы Югославии.

21 июня 1949 года Владимир Александрович был арестован и на два года отправлен в мужской концлагерь «Голи Оток». А 9 июля сотрудники УДБА (аналог НКВД) взяли и старшего сына, Александра. Отец и сын отбывали заключения на Голом острове, работая в каменоломнях. Александр также плавал матросом на судне «Пунат», перевозившем между материком и островом заключённых и продовольствие. Он вышел из лагеря только в 1952 году.

Позднее Владимира Александровича переместили в тюрьму в Сремска Митровице для ведения следствия по сфабрикованному делу о шпионаже в пользу СССР. Допросы нередко сопровождались избиениями. По делу проходило 12 человек, соратники по ССП: бывшие гимназисты Илья Голенищев-Кутузов, Павел Крат, Георгий Наумов (не окончил) и другие. 1 августа 1951 года в районном суде Белграда начался судебный процесс, а уже через 10 дней, 11 августа был оглашен приговор. Владимир Александрович получил 9 лет строгого тюремного режима.¹ Различные тюремные сроки получили 11 человек. За недоказанностью обвинений в зале суда была освобождена Нина Александровна Дубельштейн (по мужу Кнежевич), учившаяся несколько лет в гимназии, но не окончившая ее.

Ещё до начала суда семью Лебедевых – жену с отцом и младшего сына Святослава – в 1950 году выслали в Болгарию, откуда они только в августе 1955 года смогли выехать в СССР. Местом жительства им была определен поселок Досанг в Астраханской обл.

После смерти И.В. Сталина и прихода к власти Н.С. Хрущева советским правительством были предприняты шаги по урегулированию отношений с социалистической Югославией. В этой ситуации Владимир Александрович, как и некоторые другие осужденные в 1951 г., был освобождён, не отбыв полного срока. Но лишь в 1956 году он смог выехать к семье в Астрахань. Практически всю оставшуюся жизнь В.А. Лебедев проработал в Астраханском областном туберкулёзном диспансере, пройдя путь от рядового врача до руководителя диспансера.

Отец Александр Асинкритович Л., (1876–19.08.1928, КСХС). Во время русско-японской войны за предотвращение железнодорожной аварии награждён Георгиевским крестом. В КСХС Лебедев-старший продолжал трудиться машинистом. Однажды, состав, который он вёл, потерпел крушение. Спасая пассажиров из горевших вагонов, он получил серьёзные ожоги и скончался в больнице.

1 Подробнее об этом процессе см. в биографии И.Н. Голенищева-Кутузова в главе «Несколько жизнеописаний гимназистов»

Мать Лидия Семёновна Л., (ур. Шаталова; 05.04.1885, слобода Росшиш, Воронежской губ. – ок. 1970). Окончила гимназию в Воронеже (1902). В 1927 г. окончила медицинский ф-т Белградского ун-та. С 1928 по 1937 г. работала в туберкулёзном отделении Государственной больницы в Белграде (врач-волонтёр). Позднее – врач в амбулатории Союза кооперативов по охране здоровья. По окончании Второй мировой войны приняла советское гражданство, но осталась в Югославии.

1-й брак (1931): Зоя Александровна (ур. Демьянович), гимназистка, 8-й вып. Член ССП. Развод в 1958 г.

Дети: Александр, (род. 15.07.1931, Белград), гимназист, «Не окончившие гимназисты», см.; Святослав, (1937, Белград – 1987, Москва), доктор технических наук, профессор кафедры высшей геодезии Московского ун-та геодезии и картографии.

2-й брак (в СССР): Елизавета Константиновна (ур. Апухтина). Дочь генерала, по 1-му браку Лобачёва.

ПЛЕТНЁВ Игорь Владимирович, 12.08.1905, с. Лихачёвка, Полтавская губ., ныне Украина – 24.08.1984, Белград.

Доктор исторических наук. Преподаватель.

Игорь рос в Петербурге – Петрограде. В своё время он пошёл учиться, однако, в архивах петербургской гимназии Карла Мая, где обучался старший брат Ростислав, не сохранилось сведений о младшем Плетнёве.¹ Каждое лето Игорь вместе с мамой и братом уезжал в небольшое имение бабушки по маме, в Полтавской губернии на реке Ворксле.² Но случилась февральская революция, а затем и большевистский переворот 1917 года, и семья Плетнёвых надолго застряла в Петрограде.

Отцу с трудом удалось получить документы на выезд семьи из Петрограда лишь в феврале 1919 года, и Плетнёвы пускаются в опасное путешествие на Юг страны, погружённой в мрак гражданской войны. К весне они, вероятно, достигли имения бабушки. Не известно каким образом, но не позднее начала 1920 года, они оказались в Новороссийске. Старший брат воевал в составе Добровольческой армии, а Игорь с родителями 17 февраля 1920 года был эвакуирован в Константинополь.

Сохранилась личная карточка Игоря Плетнёва, заполненная им 9 апреля 1921 года в Белграде, из коей явствует, что Игорь вместе с мамой были определены в беженский лагерь на о. Антигона, в архипелаге Принцезы острова в Мраморном море, в то время, как отец уехал в Королевство СХС.

Остров находился в ведении Италии, хотя население острова было преимущественно греческое. Беженцев разместили в летних дощатых постройках. Итальянцы

1 Сообщил Н.В. Благово (Санкт-Петербург).

2 См. подробнее в биографии брата в этой главе, 2-й вып.

приняли их весьма доброжелательно, отсюда легче было посещать Константинополь, чем из других лагерей, находившихся под контролем французов и англичан.

Каждому беженцу были выданы на руки матрац, одна подушка, одеяла и кое-что из посуды. Большинство получило кровати, иногда трёхэтажные из кают немецких судов. На два дня выдавалась одна свечка. Кроме того, уголь и керосин. Жизнь на острове чисто деревенская, магазинов нет – только лавки. В греческой церкви начались богослужения на русском языке с беженскими священниками и прекрасным хором, составленным из эмигрантов. Существовала и библиотека-читальня, в которой имелось более трех сотен книг на русском языке.¹

Здесь для мальчика было раздолье – и он, и мать сумели немного придти в себя после почти долгого и опасного «путешествия» из Петрограда в Новороссийск и далее в Константинополь. Травмированная увиденным за год душа мальчика требовала отдыха. На острове, хотя и скудное, но всё же было питание. Пища выдавалась уже готовой. А в более отдалённые места развозилась на осликах в герметических сосудах. По утрам выдавался чай, полфунта хлеба (на весь день), четыре куска сахара, финики или оливки, или сыр и варенье. В 12 часов был обед: суп из овощей или макарон с небольшим куском мяса. В 4 часа снова чай, а в 6 – опять суп или макароны, или рис.

В мае 1920 года Игорь с матерью через Константинополь выезжает в Сербию.

Интересен ответ Игоря на анкетный вопрос «Профессия или занятие к моменту эвакуации из России»: «Токарь по металлу».²

Как только Владимиру Дмитриевичу удалось открыть гимназию, Игорь вернулся к обучению и получил аттестат зрелости двумя годами позже своего брата, Ростислава. Далее, уже по проторенной братом дорожке, он уезжает в Чехословакию, где становится студентом философского факультета Карлова университета, по окончании которого в один год с братом защитил докторскую диссертацию по теме «Идея Москвы – Третьего Рима» (1928). Тема диссертации несомненно интересна и актуальна в свете происшедших в России событий 1917–1925 годов.

Возвратившись в Королевство Югославия, с 31 января 1930 года по 1939/40 учебный год Игорь преподавал в гимназии города Пожаревац историю, философию, немецкий язык, латынь и математику. Последние годы своей жизни здесь, вместе с сыном, жила его мама, Евгения Васильевна. С отцом братья контактов не поддерживали.

У авторов нет сведений, принимал ли Игорь Плетнёв, подобно брату, участие в Апрельской войне, но в условиях оккупации и после начала партизанского движения он был поставлен на учёт Специальной полицией по подозрению в связи с

1 ГА РФ, ф. Р-5982, оп. 1, д. 139, л. 10.

2 ГА РФ, ф. Р-6792, оп. 1, личная картотека, л. 1974.

партизанами. А 5 декабря 1941 года молодого педагога уволили как «сомнительную личность, склонную к коммунизму». В июне 1944 года Игорь Плетнёв был арестован и отправлен в Австрию в концлагерь Маутхаузен. Ему посчастливилось дожить до дня освобождения лагеря войсками союзников. Это случилось 5 мая 1945 года.

Толпы беженцев хлынули во всех направлениях по истерзанной войной Европе. Измождённый Игорь Владимирович смог добраться до Пожареваца, где мало кто верил в его возвращение. Педагогической работы в новой Югославии для него не нашлось. По распоряжению регионального Совета по культуре И. Плетнёв всего лишь «надзирал» за преподаванием истории в учительском и экономическом училищах.

С 1947 года он являлся членом правления местного Общества по культурному сотрудничеству Югославии с СССР, в 1948 году его избрали членом комитета по празднованию 100-летия со дня основания городской Народной читальни. В 1950 году Игорь Владимирович прочтёт здесь три лекции: о А.С. Пушкине, о А.Н. Островском и «О Книге».

Когда в Пожареваце 24 апреля 1948 года был создан Исторический архив, первым его директором стал доктор исторических наук Игорь Плетнёв. В этой должности он работал и в течение 1949 года.

В конце 1940-х годов после того, как разразился политический и идеологический конфликт между Югославией и СССР, жизнь для русских в Югославии стала очень нелёгкой. В 1951 году старший брат Игоря, Ростислав, известный ученый-филолог, был вынужден бежать из Валево, где жил и работал, а затем вообще покинул Югославию и выехал в Италию. Вскоре и младшего Плетнёва, как неблагонадёжного руководителя, уволили с директорского поста. Так он стал «лишенцем». Игорь Владимирович вернулся в Пожаревац, где вплоть до 1959 года преподавал с перерывами русский язык в гимназии и в медицинской школе (в последней как гонимый педагог: в 1948/49, 1950/51, 1952/53 и 1958/59 учебные годы). Можно предположить, что он не имел постоянной работы, так как русский язык во многих средних учебных заведениях был упразднён.

Его супруга, юрист Анджелия Плетнёва, после войны служила судьёй в местном суде. Известно, что перед выходом на пенсию, в 1958–1963 годы она занималась судебными процессами, связанными с послевоенной национализацией частного имущества. Работая в такой должности, она, несомненно, должна была состоять в коммунистической партии Югославии.

Обращения авторов к старожилам Пожареваца и поездка в Пожаревац в попытке разыскать какие-то сведения о жизни семьи Плетнёвых не дали ожидаемых результатов, вопреки стараниям чиновников четырёх муниципальных учреждений помочь нам.

Однако, с любезной помощью Марины Рачич, сотрудницы Информационного центра «Погребне услуге» при Новом кладбище в Белграде, авторам удалось установить, что Игорь Владимирович жил и скончался в столице. Тело его было кремировано. Урна с прахом установлена в Розариуме на Новом кладбище.

Отец Владимир Дмитриевич П., создатель и первый директор гимназии.

Мать Евгения Васильевна П., делопроизводитель и библиотекарь гимназий.

Брат Ростислав, гимназист, 2-й вып.

Жена Анджелия П., (1906 – 24.05.1980, Белград). Сербка. Юрист.

Дочь Светлана, (1933, Пожаревац – 11.03.1996, Белград). Муж Александр Пеич. Серб. В том же Розариуме находится урна с прахом Игоря Пеич, (? – 06.06.1997, Белград). Можно предположить, что это был внук Игоря Владимировича.

ХАЛАФОВ Константин Константинович, 02.02.1902.Москва – 29.05.1969, Ferntree Gully, район Мельбурна, Австралия.

Инженер-строитель, орнитолог, поэт, пианист и композитор.

Окончил гимназию экстерном.

Костя был единственным ребёнком в семье либеральных московских интеллигентов. Мальчик рано остался на попечении отца, после смерти матери. Отец дал сыну солидное домашнее образование. Костя уже в детстве мечтал стать концертирующим пианистом и композитором, занимаясь музыкой дома у частных педагогов. Ещё подростком он начал писать стихи. Революционная смута 1917 года и последовавшая вслед за большевистским переворотом гражданская война не дали Косте закончить среднее образование. Его отец участвовал в Белом движении. Вероятно, сын был постоянно с ним. После эвакуации из Крыма и пребывания в лагере «Селемие» близ Константинополя, 11 декабря 1920 года они прибыли в один из портов Которской бухты в Королевстве СХС. Костя продолжил своё образование в русской гимназии города Херцег-Нови, затем в русской же гимназии в Панчево. Аттестат зрелости Константин Халафов-младший получил в «плетнёвской» гимназии, сдав экстерном экзамены по программе старших классов. Он поступил в Загребский университет, выбрав технический факультет, но позднее переехал в Белград и окончил строительное отделение технического факультета местного университета. Молодой инженер, оставленный при кафедре металлических конструкций как ассистент профессора, со временем стал специалистом по стальным сооружениям высокого напряжения и мостам. В эти годы Константин женился на студентке архитектурного отделения Белградского университета Ирине Комаровой. В 1935 году в семье Халафовых родился сын, крещёный Сергеем. Восприемницей

малыша стала преподаватель гимназии и поэт, Лидия Алексеевна Девель (по мужу Иванникова).

Работая инженером, Константин, тем не менее, оставался верен своим детским увлечениям. Он продолжил занятия как пианист, сочинял музыкальные композиции и много писал. В 1938 году Халафов стал членом белградского филиала парижского литературного объединения «Перекрёсток», вошёл и в местные поэтические кружки «Арзамас» и «Литературная среда». Постепенно росло число публикаций его стихотворений в Белграде, Париже и в Берлине в журналах, антологиях и поэтических сборниках.

Я начинаю верить горьким снам,
Предчувствиям, приметам, совпадениям,
Невнятицам, зловещим пустякам,
Предвестиям и предостережениям.

Ты знаешь ли ночную эту муть:
Неясно плавающих окон пятна,
И сердце, сотрясающее грудь
В тревоге пробужденья непонятной.

Обрывки сна, бродящие в глазах,
И слов твоих еще живые звуки,
И этот, душу холодящий страх,
Предсказанный приметами разлуки.

1930 г.

С приходом в Югославию оккупантов после поражения в Апрельской войне, университет закрыли. Константин Халафов служил на железной дороге, а после потери и этого заработка долго и безуспешно искал другую работу. Осенью 1944 года семья Халафовых вместе с другими русскими эмигрантами покидает Белград. Они оказываются сначала в Австрии, затем в Германии, а после капитуляции Германии попадают в известный беженский лагерь в Менхегофе близ Касселя в американской зоне ответственности. Здесь Константин занимается строительными работами, берётся за изучение английского языка, преподаёт на технических курсах. Знание четырёх языков помогло ему найти хорошую службу в качестве переводчика при комиссиях, набирающих рабочий персонал в различные страны. Семья перемещается в живописный немецкий город Будзбах, где поселяется в центре города, в бывших казармах СС. В дальнейшем Константину удаётся получить контракт в Австралии и в марте 1949 года вся семья, из Неаполя на пароходе «Мозаффари», отправляется на «зелёный континент». Они прибыли

в город Перт. Далее Константину Константиновичу следовало отправляться в отдалённый район страны на низкооплачиваемую работу. Но и тут ему помогло знание английского языка: через биржу труда он устроился работать в Мельбурне. Правда, его приняли всего лишь чертёжником. В той же компании нашла службу и жена, Ирина, по образованию архитектор. Вскоре глава семейства перешёл на работу по своей основной специальности в государственный Департамент дорог и мостов, где за короткое время достиг высокого положения и, соответственно, материального благополучия.

В эти годы Константин Константинович опубликовал – не стихи! – а капитальную работу «Руководство по расчётам подвесных мостов». Халафовы купили дом в восточной части Мельбурна, в районе Фёрнтри Гулли, что в буквальном переводе значит «Овраг папоротников». Но не забыты и стихи. Он постоянно печатается (в том числе и на английском) как в Европе, так и в США. В сборнике, посвящённом кровавым событиям в Будапеште в 1956 году, было опубликовано в переводе на венгерский язык его стихотворение «Мармарош-Сигет». Его ранняя поэма «Калуга», написанная ещё в Белграде в 1923 году, публикуется в Париже в 1967-м. В Мюнхене выходит его исследование «О музыке стихов Бориса Пастернака». Халафов печатается в журналах «Грани», «Возрождение», «Мосты», в антологии «Содружество».

Во второй половине 1950-х годов Константина Константиновича неожиданно постигло новое увлечение – орнитология. Проводя отпуск в Белгравии, к западу от Сиднея, он встретил женщину, которая дружила с птицами-лирами (Lyrebird). И эти красивые птицы, австралийские эндемики, известные своей способностью воспроизводить любые услышанные ими звуки, становятся пожизненной любовью и страстью нашего талантливого героя. Главным и весьма серьёзным его интересом становится музыкальный аспект их пения. Константин Константинович считал, что Лиры способны сочинять музыку своих песен, а не просто составлять их из случайно услышанных звуков. С некоторыми птицами он подружился в Шербрукском лесу неподалёку от дома. Долгие наблюдения за ними привели его к убеждению, что каждая птица-лира в своём роде композитор.

В небе непрозрачно голубом
Блещут горных ясеней вершины.
Матовым, чеканным серебром,
Птица Лира кличет из долины.
Я разлежусь на скамейке длинной,
Вверх гляжу и знаю – здесь мой дом,
Ходит по площадке шоколадной
Попугаев бодрая семья.
Снизу, где блестит среди расселин
Папоротников древесных зелень,

Слышен лепет медленный ручья.
Где они: болезнь, тоска, тревоги?
В жизни редко думал я о Боге,
И зачем мне думать? Всё равно,
Мыслью не постичь и не измерить
То, во что я начинаю верить,
Что душа, и лес, и Бог – одно.

Статьи о птицах-лирах приносят Константину Халафову известность среди орнитологов как в Австралии, так и за её пределами. Он снял два фильма из жизни этих птиц, создал записи их пения на звуковых носителях, птичьи песни были положены им на ноты. К. Халафов провёл анализ структуры песен, определил их характеристики. За последние десять лет своей жизни Константин Константинович опубликовал 14 статей о биоакустике пения птиц, и не только птиц-лир, но и земляного дрозда-отшельника и чёрного дрозда. Им были подготовлены записи пения птиц на граммофонных пластинках.

Жена, Ирина Владимировна, написала о Константине Константиновиче:

Чтобы оценить новаторство этих исследований, надо помнить, что теория Дарвина была альфа и омега тогдашних натуралистов. По Дарвину – два инстинкта были причиной птичьей песни: защита территории и репродукция своей породы. То, что для птицы песня может быть формой творчества, многими принималась как ересь. Разговор о конструкции песни с помощью графикона переложения ее на ноты было дерзостным доказательством новых идей. Мой муж был первым, кто положил птичью песню на ноты. Самой крупной его работой была статья «Survey of Birds' Music» (1968) с анализом композиции песни птицы-лиры.¹

Всю жизнь Константин Константинович был заядлым курильщиком и это увлечение погубило его. Он заболел эмфиземой лёгких. Но и в эти тяжкие времена необычайная стойкость и сила духа не оставляли Константина Константиновича Халафова до самых последних дней. Его похоронили на кладбище рядом с тропическим лесом, обиталищем его любимых птиц-лир.²

Как перемучилась душа!
Ей больше ничего не надо,
Ей только бы во сне дышать
В окно врывающейся прохладой.

1 Халафова И.В. Свидетель истории. Мельбурн: Мельбурнский университет, 1988. С. 48.

2 По материалам статьи: Шергалин Е. Э. Константин Константинович Халафов (1902–1969) – поэт, музыкант и орнитолог // Русский орнитологический журнал. Санкт-Петербург. 2011. Том 20. Экспресс-выпуск № 632. С. 307–314.

И выпросить хоть день, хоть час
Для отдыха от задыханий
В печальном запахе лекарств,
В спокойствии воды в стакане.

Отец Константин Х. Участник Белого движения.

Мать Мария Х.

Жена Ирина Владимировна Х., (ур. Комарова; 27.07.1908, Москва – 26.07.2013, Данденонг близ Мельбурна), архитектор, историк раннего христианства, деятельный член русского разведческого-скаутского движения. Скончалась на 105-ом году жизни. Сестра Наталия, вып. женской гимназии 1933 г.

Сын Сергей, (17.06.1935, Белград – 2005, Мельбурн), архитектор, фотограф, чемпион Австралии по борьбе дзюдо. Свободно владел русским и японским языками, интересовался японской культурой. Скаут-мастер в русском движении скаутов-разведчиков. В 1990-е годы неоднократно привозил гуманитарную помощь в Россию. Жена, две дочери.

5-й выпуск 1925 года.

МИРНЫЙ Антон Антонович (Антоний Антониевич), 16.08.1902, Екатеринодар – 15.02.1987, Белград. Похоронен на Новом кладбище.

Врач. Балетный танцор.

Антон Мирный подробно описал свою учебу в гимназии:

Я – кубанский казак. Гимназистом 7-го класса эвакуировался в Сербию с казачьими войсковыми частями в мае 1921 г. Мои родители остались на Кубани. Подкормив и дав нам возможность месяц отдохнуть, нас послали на работу, на постройку железной дороги Ниш-Княжевац. Работа была тяжёлая, особенно зимой. Мы получали по 10 динар в день, на эти деньги должны были кормиться, платить за квартиру, покупать опанки, а обмундирование уже было своё, войсковое. Кормились из общего котла. С обувью было хуже, работали в опанках из свиной сыромятной кожи. От острого щелбня на полотне железной дороги ступни ног были в кровавых подтёках. Зимой работали на морозе голыми руками, т. к. не было денег на покупку рукавиц. Носили обледенелые шпалы на плечах; железные клещи, которыми держали рельсы, примерзали к ладоням. Я всё думал о том, как продолжить образование и уйти от такой тяжёлой работы. Но как это сделать? Денег на поездку в Белград не было. К моему счастью я вскоре стал специалистом-молотобойцем. Прибивал железными костылями рельсы к шпалам. Стал получать 18 динаров в день. Иногда мы работали сверхурочно и получали сверх дневной платы. Теперь

я мог сэкономить деньги на поездку в столицу. Весной 1922 года я отправился в Белград, в незнакомый город, к незнакомым людям. От казаков я узнал, что там ночью можно спать в трамвайном депо, на кирпичном полу, бесплатно, а днём за небольшие деньги сдавать вещи на хранение. Так я и сделал. В депо спал на кирпичном полу, подстелив подстилку, укрывался шинелью, а под голову клал мешок с вещами. Знакомых не было, и я целыми днями бродил по городу, надеясь встретить кого-нибудь и попросить совета и помощи в моем желании учиться. Не встретив никого, не добившись ничего, только зря потратил деньги. Скрепя сердце, пришлось возвращаться обратно на работу. К лету нас перевели на постройку железной дороги Мала Крсна-Белград. Не имея покоя, я нервничал, волновался, ведь время уходит, а ещё ничего не сделал. Удалось снова сэкономить деньги на поездку и к осени я уехал в Белград. Спал там же в депо, опять ходил по городу, искал то, что мне надо, ни к кому не обращаясь. Случай играет в моей жизни большую роль. Случайная встреча на улице с молодым человеком в казачьей форме, как и я, но только с той разницей, что он нёс книги. Я его остановил. В разговоре узнал, что он учится в плетнёвской гимназии и что директор Плетнёв принимает нашего брата казака – из полков бывших гимназистов – в гимназию и пансион, вопреки желанию власть имущих. Да ведь и я же гимназист, попытаюсь. Гимназист в казачьей форме проводил меня до гимназии. Там, в учительской мы застали директора Плетнёва и преподавателей. Директор встретил меня очень любезно. Попросил не стоять на вытяжку, руки по швам, как в строю, предложил сесть и рассказать – чего я хочу. Я сказал, что я гимназист 7-го класса гимназии и нахожусь на работе с казачьими частями на постройке железной дороги, и хотел бы продолжить образование. У меня сохранилось школьное удостоверение из России. На это директор отвечал: «Довольно вам играть в солдатики и работать простым рабочим. Надо учиться, кончить гимназию, университет и стать образованным, интеллигентным человеком. Удостоверение нам не нужно, поверим и без удостоверения, если сдадите вступительный экзамен; тогда вас примем в 5-й класс гимназии и в пансион. Если есть у вас знакомые ученики в казачьих частях, пишите им, пусть приезжают, сдают экзамены; я пока что имею возможность принять их. Что вы должны дальше делать – вам скажут». Директор еще спросил, есть ли у меня родные в провинции и есть ли средства на жизнь и подготовку к экзамену? Где я живу? Меня тронуло хорошее отношение, теплое слово и желание помочь мне продолжить образование. Я сказал «есть», скрыв, что сплю на кирпичном полу в трамвайном депо, а днём, бездомный, хожу по городу. Последнее слово директора в этот день было: «Завтра с утра усиленно готовьтесь к экзамену!» Экзамен должен был держаться по русскому языку, русской истории и математике. Мне дали учебники и объяснили, что именно следует пройти. Теперь в депо нельзя было ночевать. Надо было искать место, где жить и заниматься и во всём надо было экономить. Мало было денег. Я нашёл место в деревянном бараке на 10 человек, платил 10 динаров в день. Деревянный топчан, соломенный матрас и подушка. Со мной в бараке было 9 человек рабочих, целый день они были на работе. Хозяйка

разрешила мне оставаться днём в бараке и заниматься. Ночью нельзя было, т. к. электричество рано тушили; рабочие спали. Что касается питания, то обходился ½ килограмма слив, а позже винограда и ½ килограмма хлеба в день. К концу моей подготовки к экзаменам стало уже холодно, и я занимался в шинели и под одеялом. Экзамен сдал удовлетворительно и меня приняли в гимназию в 5-й класс и в пансионат. Вспоминается экзамен по математике: входит с преподавателем и становится у доски великовозрастный парень (это я) с усиками и в казачьей форме, а для мальчишек в классе это развлечение, толкают друг друга, хихикают и указывают на меня пальцами. Может быть кто ещё жив из этих ребят и помнят этот экзамен? Знаю одного. Мой кум Костя Печковский жив и проживает в Канаде. Как-то я был у него в гостях, и мы вспоминали этот случай... Получив записку к заведующему пансионом Гротто-Слепиковскому, чтобы меня приняли в пансион, я сломя голову бежал по тротуару, пугая прохожих. Забрав вещи и расплатившись с хозяйкой, я таким же темпом помчался в пансион, здание с большими буквами «Подрум вина и ракие». Меня приняли, одели, обули, накормили досыта горячей пищей и привели в теплую светлую комнату, в которой жили и учились такие же ребята, как и я. Этот день я считаю лучшим в моей жизни, т. к. на завтра не надо было полуголодным, в холод и мороз, идти на работу. Итак, благодаря доброте и человечности директора Плетнёва, я после двухлетнего перерыва снова начал учиться. Преподаватели и воспитатели были хорошие. К моему стыду я забыл не только их имена и отчества, но и фамилии некоторых. Из преподавателей запомнил добрейшей души человека, Леонида Васильевича Коленко, преподавателя физики. Классным наставником у меня был Андреев, преподаватель математики. Он был маленького роста, и мы дали ему прозвище «Пипин короткий». Андреев приходит в класс, открывает журнал и делает переключку: «Захаров И., Захаров М., Иванов, Мирный...» Последний в списке Рябокоть, и он продолжает – «Зверокоть и вся кубанская дивизия!» <...>

Теперь скажу несколько слов о так называемых «танцульках», на которые косо смотрела Державная комиссия. Люди, не видящие ничего дальше своего носа, обвиняли директора Плетнёва в том, что ведёт гимназию по-новому, а не так, как власть предпочитает. Верно, он вёл гимназию по-новому. Учил нас порядочному, честному и доброму. Недаром его любимый писатель был Короленко; от каждой строчки этого писателя веяло добротой. Директор Плетнёв, высоко образованный человек, прекрасно знал литературу как русскую, так и иностранную. Доступный и мягкий в обращении. Любил искусства, посещал художественные выставки и нас заставлял ходить. Он не пропускал ни одной оперы или значительного концерта. На оперу брал билет «стаянье треча галерия», садился на скамью у стенки и так слушал оперу, не глядя на сцену. В гимназии были кружки литературный, драматический, имелся хор, которым управлял о. Пётр Беловидов. Для гимназистов, состоявших в этих кружках, директор покупал билеты «треча галерия, седенье». Ходили слухи, что директор платил из своего кармана, т. к. Державная комиссия считала, что ходить в оперу – баловство. В подвале «подрума

вина и ракие» была столовая, там же и сцена. В среду занятий в гимназии не было. После завтрака мы шли в баню на Душанову улицу. Возвратившись, готовились к вечеру. На этих так называемых «танцульках» были всегда директор Плетнёв и преподаватели. Начиналась «танцулька» докладом. Читал гимназист доклад о каком-нибудь произведении или писателе. После прений – критика докладчика, заключительное слово. Итог прений подводил директор. После декламировали стихи, пел хор, ставили водевили, чаще сценку из Чехова. Мы участвовали в живых картинах. Приведу пример. Представьте себе кавказские горы, лес, в лесу поляна. Посреди поляны горит костер. Красное пламя отсвечивает на лицах и крашенных бородах горцев, мюридов Шамиля, поющих молитву: конец – «братья, творите молитву, с кинжалами ринемся в битву, ломайте их о русскую грудь! – перед набегом на русский отряд. После молитвы, под «дела-дела, а делила, дела-делала» и удары в ладоши, ваш покорный слуга танцевал лезгинку. После программы танцевали старые танцы. Немного посмотрев на танцы, директор и преподаватели уходили, а заведующий пансионом и воспитатели оставались до конца. Наш драматический кружок поставил на сцене не только у себя, но и на сцене «Народного позоришта» в Манеже «Бедность – не порок» Островского. Все эти новшества и отсутствие косности вносили в нашу жизнь весёлую деятельность, живость, желание как-то украсить наше существование. Во время летних каникул мы, казаки, как сказал преподаватель истории Сухотин, «казачки мужички» – ходили на постройки, чтобы подработать на карманные расходы и на покупку одежды и обуви – к выпуску. Некоторые из нашего выпуска 1925 года уехали за границу, а те, кто остался, окончили университет и вышли в люди. Я окончил медицинский факультет и имею звание доктора медицины. Земно кланяюсь светлой памяти директора Плетнёва за всё, что он сделал для нас «казачков мужичков».¹

Антон Мирный, обладавший стройной фигурой и военно-казачьей выправкой, посещал занятия в белградской частной балетной школе Елены Поляковой. 1 сентября 1927 года он был принят на государственную службу в балетную труппу Национального театра в Белграде, членом которой состоял и в военные годы.

Необходимо отметить, что в межвоенный период, помимо русских балерин, в этой труппе были, конечно, и танцоры – Анатолий Жуковский, Николай Яворский, Александр Марков, Ипполит Зыбин, Владимир Российский, Николай Тарновский, Михаил Панаев. Бывали заняты в спектаклях и бывшие гимназисты «плетнёвской» гимназии: Олег и Игорь Гребенщиконы, Владимир Лебедев, Александр Доброхотов, Георгий Раевский, Игорь Юскевич.

Вечерняя работа в театре обеспечивала юноше Антону Мирному прожиточный минимум и давала возможность днём посещать лекции, лабораторные и

1 «Памятка» 1986 г. С. 138–142.

иные занятия, т. е. продолжать учиться на медицинском факультете, который он окончил уже в военном 1942 году.

А.А. Мирный был женат дважды. О 1-м браке нет сведений.

2-й брак: Лидия Александровна М., (ур. Переплётчикова; 22.03.1913, Киев – 1997, Белград), в 1-м браке Шпис. Окончила Харьковский институт в Новом Бечее в 1929 г. и философский ф-т Белградского ун-та. Тридцать лет вела для русистов курсы и практические занятия по фонетике, морфологии, словообразованию и фразеологии русского языка на кафедре славистики филологического ф-та Белградского ун-та, автор учебника русского языка (1960, выдержал 6 изданий).

ПАРФЁНОВ Игорь Фёдорович, 04.06.1905, Владикавказ – 23.12.1986, Алексинац, Сербия, похоронен в Чуприи, Сербия.

Педагог, археолог-любитель и нумизмат.

Семья Парфёновых была эвакуирована с Юга России в Королевство СХС. Один из сыновей, Игорь, получив гимназический аттестат зрелости, записался на философский факультет Белградского университета, который окончил в 1930 году.

Начинающим преподавателем («суплент») он был определён в реальную гимназию в Белграде. Игорь принял югославское подданство и отслужил положенный срок в Королевской армии, в пехоте.

После сдачи профессорского экзамена, в 1936 году Министерство просвещения направило его в мужскую реальную гимназию в г. Осиек, а с октября 1939 года – в гимназию города Чуприя – типичный сербский город, стоящий на берегу речки Раваница в месте ее впадения в Мораву. Население города в те годы составляло немногим более 5 тысяч жителей. Игорь Фёдорович преподавал в местной гимназии историю, математику, географию и гигиену, а после Второй мировой войны – русский язык. В Чуприи он женился на сербке, в семье родилась дочь Татьяна.

Всесторонне образованный и отличный педагог Игорь Фёдорович пользовался уважением и любовью среди горожан и нескольких поколений своих учеников. Все звали его «Дядюшка Игорь» («Чика Игор») – так к нему обращались даже и его ученики.

Увлечением И. Парфёнова, постепенно переросшим в подлинную страсть, стало краеведение. Он годами изучал окрестности и прошлое города, возникшего на развалинах древнего римского города *Herreum Margi*, центра торговли и оружейных мастерских римской области Нижняя Мезия. «Дядюшке Игорю» легко было заинтересовать своих учеников историческими рассказами и археологией. Вместе с ними он встречался и расспрашивал местных крестьян и горожан. Постепенно при гимназии собралась внушительная коллекция древностей края – римского и турецкого времени, а также этнографическая коллекция нового времени.

Продолжая преподавать в гимназии, в 1954 году Игорь Фёдорович основал Городской музей в Чуприи, заняв пост его директора, коим оставался до 1966 года, когда он вышел на пенсию. Все экспонаты он зарегистрировал, подробно описал и систематизировал. В 1956 году из Белграда ему удалось пригласить в Чуприю известного археолога Д. Гарашанина, который организовал археологическую экспедицию и вскоре начал раскопки древнего поселения «Винчанского периода» (эпоха неолита, 5. 000 лет до н. э.), недалеко от Чуприи.

С уходом И. Парфёнова, бережно хранившего ценности краеведческого музея, и после большого наводнения Моравы в конце 1960-х годов, когда сильно пострадало здание музея, самые ценные экспонаты были расхищены (неолитические статуэтки и посуда, римская золотая диадема, золотые и серебряные монеты и медали, амфоры, украшения из слоновой кости и янтаря). Оставшиеся экспонаты увезли в Белград или отправили в г. Ягодина. Здание музея было снесено и на его месте построено здание суда.

Через два года после смерти своей жены, в мае 1983 года, Игорь Фёдорович был отправлен в дом для престарелых в г. Алексинац, где и скончался. Там его считали бездомным и одиноким, так как никогда никто его не навещал.

Однако, жители Чуприи недавно вспомнили про него и по заслугам оценили. В декабре 2016 г., спустя 30 лет после его кончины, в местном музее *Herreum Margi-Ravno* открылась выставка «Дядюшка Игорь и чуприйский музей», а в январе 2017 года был снят документальный фильм о нём.

Отец Фёдор П., окончил юридический ф-т. В России – адвокат.

Мать Клавдия П., (ур. Вязьмитинова).

Брат. Имя не установлено.

Жена Ружа, (ур. Тодорович; март 1905 – 1981, Чуприя). Сербка.

Дочь Татьяна. Служащая на железнодорожном вокзале в Чуприи. В 70–80-е гг. жила с дочерью в Белграде.

6-й выпуск 1926 года.

ВЫСТОРОПСКИЙ Фёдор Ефимович (Евтимьевич), 27.09.1903, с. Троицкое, Павлоградского уезда, Екатеринославской губ. – 1944, Маутхаузен. Погиб в лагере.

Фёдор участвовал в Белом движении с 8 октября 1919 года, служа канониром в 3-й конно-артиллерийской бригаде. После эвакуации армии из Крыма был в лагерях на Галлиполи. В составе своей батареи прибыл в КСХС 2 августа 1921 года. Некоторое время он служил в пограничной страже в г. Гусинье на границе с Албанией. В марте 1922 года Фёдор Высторопский получил отпуск для завершения

среднего образования и поступил в гимназию. Жил в интернате на Новопазарской улице.

Получив аттестат зрелости, Фёдор записался на историческое отделение философского факультета Белградского университета, который и окончил в 1931 году. В этом же году он принял подданство Королевства Югославия.

Фёдор Высторопский создал и стал первым председателем Общества бывших учеников 1-й русско-сербской гимназии. К 10-летию родной гимназии Общество подготовило и издало «Памятку», 1930 года, в которой Фёдор Ефимович поместил свою большую статью о рефератной системе обучения в гимназии.¹

Вот её итоговая часть:

Когда мне пришлось участвовать в университетских семинарах, здесь только я понял, насколько ценна была работа, которую проделал в гимназии. То же самое я знаю и со слов моих товарищей, бывших учеников гимназии. <...>

За докладами было не только научное значение – они важны были и как общественный фактор.²

Мы уже писали в главе «О русских в Югославии», что после убийства Короля Александра отношение к русским эмигрантам существенно изменилось в худшую сторону. Следует отметить, что к концу 1930-х годов значительная часть и крестьян, и рабочего городского населения, и студентов с откровенной симпатией относились к коммунистической идеологии.

Приводим краткую выдержку из переписки двух русских эмигрантов:

... скверные дни, когда по всей стране идет отчаянная коммунистическая пропаганда, и наши ошалевшие братья с нетерпением ожидают великого Словена Сталина.³

Начиная с 1930-х годов, Фёдор Высторопский работает библиотекарем в Белградском представительстве Земгора, которое возглавлял Фёдор Евдокимович Махин, офицер, эсер, участник Белого движения.

Сербский историк, Алексей Тимофеев, пишет:

1 См. большие выдержки из статьи в главе «Первая русско-сербская гимназия в Белграде», раздел «Внеклассные занятия гимназистов».

2 «Памятка» 1986 г. С. 38–39.

3 Здесь и далее *Тимофеев А.Ю.* Сопrotивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Сборник материалов международной конференции «Русская эмиграция в борьбе с фашизмом», Москва: «Русский путь», 2016. С. 238–272.

Пропагандистская деятельность Земгора (Ф. Махин, В. Лебедев) и разведывательной сети Л. Линицкого в довоенной Югославии, а также левые настроения среди части учителей русско-сербской гимназии сформировали своеобразную питательную среду, в которой среди старших учеников гимназии и её бывших учеников (в контрасте с питомцами Кадетского корпуса) зрели симпатии к СССР. <...>

Эти настроения части молодого поколения русских эмигрантов ... активно использовали советские спецслужбы. <...>

Вероятно, именно в то время был установлен разведывательный контакт с Ф.Е. Махиным. До этого в 20-ые годы Ф.Е. Махин активно сотрудничал с сербскими военными кругами... <...>

Нет документальных данных о том, чем конкретно занимался Ф.Е. Махин в 30-ые годы в интересах советской разведки. Однако публичные направления деятельности Земгора и его читальни были очевидны – они проводили активную пропаганду, которая влияла на эмигрантскую молодежь. В годы войны имя Ф.Е. Махина впервые было упомянуто самим Тито в регулярном радиообмене между ЦК КПЮ и ИККИ¹, который, как обычно, вёлся по-русски.

Близкий друг Высторопского Илья Голенищев-Кутузов (1-й вып.), считал Махина умным и осторожным деятелем, указывая, что в довоенном Белграде Земгор являлся единственным местом, где можно было иметь открытый доступ не только к советским книгам, но и к газетам. Фёдор Высторопский был для посетителей библиотеки как бы живой связью между ними и далекой родиной. Он снабжал приходящих советскими изданиями, помогал ориентироваться в советской литературе.

В 1940 году Ф. Высторопский совместно с преподавателем гимназии Н.А. Чернышёвым в качестве ответственного редактора начал выпускать учебное пособие в виде журнала «Учите руски», полный новых советских текстов. Вышло всего два номера журнала.

После оккупации Сербии немцами в результате поражения в Апрельской войне и нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года Ф. Махин «ушел в горы» к партизанам Тито, а среди небольшой части русской эмиграции в Белграде возникла идея сопротивления нацистам.

Именно Фёдор Высторопский стал одним из создателей и главным деятелем подпольного антифашистского Союза советских патриотов (ССП, 1942 – декабрь 1945).

А.Ю. Тимофеев:

Вероятнее всего, начало формирования группы мы можем отнести к осени 1941 – зиме 1942 годов. Тогда была начата первичная деятельность – пропаганда,

1 Центральный комитет компартии Югославии и Исполнительный комитет коммунистического интернационала.

отбор подходящих кадров и сочувствующих, формирование крепкого ядра. При этом следует отметить, что Юрий Лобачёв связывал начало активизации деятельности ССП с началом Сталинградской битвы в июле 1942.

Из показаний участников ССП на послевоенных допросах в госбезопасности Югославии):

Павел Крат:

Первой идеей было по возможности отделиться и не участвовать во всех германофильских начинаниях остальных русских, и если сможем, ещё кого-то уговорить, поддержать и привлечь на нашу сторону. Так продолжалось достаточно долго, пока не стало ясно, кто за кого. Нам не хватало только, чтобы кто-то из нас был настоящим коммунистом – членом партии, не хватало связи с движением, чтобы мы могли включиться в общую работу и знать, что и как нам делать. Мы приходили к Феде слушать по радио Москву и Лондон. Всё, что я лично узнавал о последующей работе, – я узнавал, когда общался с Федей. Федя был моим другом и одноклассником по гимназии, мы жили вместе с ним в пансионе гимназии. Мы были близкими друзьями. Я был свидетелем на его свадьбе и крестил его ребёнка. В конце 1942 г. вокруг Феде сформировалась ещё более энергичная группа, которой руководил Алико Одишелидзе – тоже ученик нашей гимназии. Тогда в начале 1943 г., не могу сказать точнее, было принято решение, что группа будет называться Союз Советских Патриотов. . .

Николай Шепченко:

Душой организации был Фёдор Высторопский, который жил на улице Приштинской, 17 в доме то ли своей тёщи, то ли тётки жены. . . Я знал Фёдора Высторопского задолго до войны. Он всегда был убеждённым коммунистом. В начале войны он сгруппировал вокруг себя единомышленников. Был создан организационный комитет, который провозгласил себя Центральным комитетом организации.

С утверждением, что Фёдор всегда был «убеждённым коммунистом», можно бы и поспорить, если помнить, что уже в шестнадцать лет Фёдор воевал в Белой армии, что он провёл не меньше года на Галлиполи. Вероятно, Фёдору пришлось о многом передумать и многое переоценить, чтобы придти к приятию коммунистической доктрины. Он заплатил за это решение своей жизнью.

А.Ю. Тимофеев пишет, что, по некоторым сведениям, Фёдор Высторопский после оккупации Сербии стал секретарём во Всеказачьем союзе. Там он доставал удостоверения для партизан и красноармейцев и, пользуясь тем, что «вольные казаки» жили по всей Сербии, мог с полным основанием перемещаться по Сербии и Банату.

Структуру организации лучше всего описал Н. Шепченко. Во главе её стояла Верховная тройка, каждый член Верховной тройки имел свой номер: № 1 – доктор Владимир Лебедев («Левицкий»), № 2 – Фёдор Высторопский («Федя»), № 3 – инженер Илья Одишелидзе («Алико»). Каждый член Верховной тройки также имел свою группу, членам которой он присваивал номера 11–19, 21–29, 31–39. Члены этих групп второго уровня также создавали собственные группы. . . . Общее число членов организации в период её расцвета (к концу 1943 г.) составляло около 150 человек. Они проводили агитацию, готовили побеги пленных из лагерей и переброску людей в партизанские отряды, а также выполняли другие задания, полученные от КПЮ. Рядовые члены ССП знали только главу своего десятка. Глава десятка знал только того члена Верховной тройки, с которым был связан.

Вне Белграда организация не имела ни ячеек, ни связей. Вошел в ССП и уволенный из гимназии преподаватель Николай Александрович Чернышёв.

Павел Крат:

У Феде имелся список всех членов организации. По этому списку шёл сбор денег, одежды, санитарного материала и оружия. Перед Федей мы всегда отчитывались о том, что касается нашей борьбы и политической ситуации. Сообщали о своей личной деятельности, а также узнавали его мнение и просили одобрения на различные акции. Похоже, что Федя встречался с товарищем Петром Стамболовичем. Федя установил с югославскими коммунистами собственные связи, но они были слабыми и непостоянными.

Незадолго до освобождения Белграда руководство ССП было арестовано гестапо и доставлено в лагерь «Баница». Вскоре за недостаточностью улик Владимир Лебедев и Илья Одишелидзе были освобождены, а Фёдор Ефимович Высторопский был отправлен гестапо на принудительные работы в концлагерь Маутхаузен, где и погиб.

Мать Акулина В.

Жена. Ребёнок.

ГАЛЬСКОЙ Владимир Львович, 02/15.03.1908, имение Золотарёво, Мценского уезда, Орловской губ. – 12.06.1961, Касабланка. Марокко.

Архитектор, поэт.

Владимир был третьим ребенком в семье. До десяти лет – время поступления в школу – он жил в имении. Там было крупное усадебное хозяйство, поставлявшее в Орёл молочные продукты. Все дела вела мама, Александра Владимировна. Отец в экономические проблемы не вникал.

Из воспоминаний сына Владимира Львовича, Константина:

Мой отец начал свой жизненный путь на Орловщине. С раннего детства он находился в благодатной для литературного творчества среде. <...>

По воспоминаниям тёти, Мариамны Львовны, её младший брат постоянно сочинял и читал наизусть свои рифмованные опыты. Отец обладал феноменальной памятью, что не мешало ему быть страшно рассеянным (по поводу этого существовала масса семейных анекдотов). На него сильное влияние оказала жизнь в усадьбе и русская природа. Детские золотарёвские впечатления сохранились в душе до последних дней его жизни.¹

Владимир не успел поступить в орловскую гимназию, где уже обучались брат и сестра, когда в Петрограде произошёл большевистский переворот. Власть Советов пришла в Мценский уезд мирным путём. Имя Гальских было конфисковано в пользу народа, часть земли, дом и хозяйственные постройки отошли к трудовой коммуне «Борец».

Учитывая богатый хозяйственный опыт Александры Владимировны, представители советской власти оставили её управляющей национализированной экономии. Она каждый день отправлялась в правление коммуны «Борец», а вся семья с тревогой ждала, не зная вернётся она или нет. Любой срыв (особенно болезнь или падёж скота) мог восприниматься новой властью как вредительство со стороны враждебного класса и грозил расстрелом. Во время революционной смуты доброта бабушки оказалась спасительной для всей семьи.

Несмотря на хорошее отношение крестьян к бывшей помещице, сделавшей им много добра в прежней жизни, в конце 1918 года стало понятно, что придётся покидать родные края – гражданская война «стучалась в двери». Глава семейства, Лев Ионович, в это время отсутствовал – его призвали в народное ополчение ещё в 1916 году. Александра Владимировна была одна с тремя детьми: Лев 14-ти лет, Мариамна – 13-ти, и наш герой, Владимир, 10-ти, и всё-таки она решилась на отъезд. Уехать семье помог случай. Ещё до революции она приютила у себя в имении несколько семей польских беженцев, которые прожили у Гальских полгода. Как раз в это время бывшие беженцы, собравшиеся в Орле, решили возвращаться на родину. Поскольку Гальские имели польское происхождение, поляки включили их в список своих людей, которые целым эшелоном выезжали в Польшу.

Говорят, что чудес в мире не существует; они есть, но их нужно только заметить. Как рассказывала тётя Мариамна Львовна, по пути из Орла через Гомель

1 Здесь и далее: Литература русского зарубежья (1917 – 1939 гг.) Новые материалы. Т. 5. Родословие, библиография, творчество В.Л. Гальского. Материалы Международных литературных чтений, посвящённых 100-летию со дня рождения В.Л. Гальского. Орёл: Изд. Орловского государственного университета; «Вешние воды», 2009. С. 74-84.

в Польшу бабушка, беременная четвёртым ребёнком, заболела (у неё началось кровоизлияние). Её на носилках вынесли на перрон Гомельского вокзала и понесли в лазарет. Она, осознавая ужас случившегося, крестила детей. Вот здесь-то и произошло чудо. В той больнице оказался врач, который, ... будучи молодым медиком стажировался в золотарёвских краях. Он, неоднократно бывавший в имении Гальских, сразу узнал заболевшую Александру Владимировну, организовал ей необходимую помощь и помог детям связаться со Львом Ионовичем, который служил где-то в штабе в Киеве.

Дедушка смог приехать в Гомель. Собравшаяся семья отправилась не в Польшу, как планировалось ранее, а через Киев – в Полтаву, где жила сестра дедушки Ольга Ионовна...

Видимо там скитальцы задержались на некоторое время, поскольку Владимир был определён на обучение в местную дворянскую гимназию. И всё же, летом 1919 года Гальские двинулись дальше и добрались до Новороссийска, а в начале следующего года вместе с первой волной эвакуирующихся из России они попали в Константинополь.

Грузились. Наполняли пароход.
И трюмная зловонная утроба
Смыкалась, как холодный свод
Свинцового запаянного гроба.

Далее через Грецию (Салоники), семейство прибыло в Королевство СХС, в город Враньска-Баня. Довольно скоро им удалось перебраться в Белград. Здесь Мариамна и Владимир поступили в гимназию.

После гимназии отец поступил в Белградский университет, на архитектурно-строительный факультет, где проучился довольно долго, поскольку участвовал в работе литературных кружков, занимался театральной деятельностью, являлся активным организатором скаутского движения в Югославии. <...>

После долгих мытарств и давления со стороны друзей и родственников, отец всё-таки окончил университет и весьма успешно устроился на работу. Он участвовал в разных строительных проектах по проводке железных дорог, по обустройству станций и вокзалов, по созданию гостиниц.

Вступив в скаутскую дружину ещё в гимназии, Владимир в студенческие годы стал скаут-мастером и, видимо, тогда же, присоединился к НТС НП. При этом он входил и в состав русских поэтических кружков, в Союз русских писателей и журналистов в Белграде. Несколько его стихотворений были опубликованы в сборнике «Литературная среда» (Белград, 1936).

Стремление выразить свои переживания в стихотворной форме стало жизненной потребностью. Отец создал много произведений, читал их при встречах с друзьями. Обладая совершенно удивительной памятью, почти ничего не записывал. Наверное, ещё при жизни он мог бы издать книгу стихотворений, однако, его вполне удовлетворяло то, что он мог поделиться своими творческими замыслами с родными и близкими. Стихотворения сохранились благодаря настойчивости Светланы Николаевны Коссовской, проживавшей в Касабланке по соседству с отцом. Поэтические строки запали ей в душу, и она убедительно просила записать их. <...>

Рукописи, уцелевшие благодаря С.Н. Коссовской, стали основой книги «Путь усталости», которая была опубликована в Вологде в 1992-ом году. <...>

Отец любил литературу и интересовался поэзией, но писал по настроению. Взяться за перо его побуждали какие-либо важные жизненные события. При этом он начинал вспоминать прошлое или писал об актуальных проблемах («на злобу дня»), но почти всегда эти творческие порывы связывал с двумя основными мотивами - или с верой (православием) или – чаще всего – с родиной. <...>

Отец очень любил музыку и изобразительное искусство. Рисование (помимо рассказов) было одним из его любимых занятий, которым он стремился развлечь и увлечь нас. Рисовал он своеобразно, чаще всего животных в необычных позах.

От клумбы до балкона пять шагов,
Но сорок лет назад их было двадцать,
И в зелени поблѣкшей берегов
Давно в ручей успела речка сжаться.

Не рвись назад, не утешайся зря
Нелепой притчею о блудном сыне,
Ведь только в памяти твоей горят
Огни, давно угасшие поныне.

С началом Второй мировой войны В. Гальской остался безработным. Именно в этот тяжѣлый для всей русской эмиграции период Владимир Львович женился на княжне Ирине Борисовне Шаховской.

Зимой 1942 года он уезжает работать в Германию (Берлин, Вольфсбург), а с осени 1943 года перебирается в Вену, где служит в компании, занимавшейся сборным строительством зданий. В это время им было написано стихотворение «Немцы», начинающееся строкой:

Я ненавижу вас, рабы войны...

Когда, наконец, ушла война, Владимир оказался в беженском лагере под Мюнхеном, затем в Берлине и Австрии (Вена). В феврале 1946 года скаутмастер

Гальской участвовал в съезде руководителей скаутского движения в Менхегофе. Знание иностранных языков помогло ему получить работу в Межправительственном беженском комитете. Гальские постепенно собираются воедино: родители Владимира переезжают к нему в Германию, но семья сестры Мариамны (по мужу Жедринской) ещё остаётся в Югославии. В Мюнхене в мае 1947 года Владимир Львович женился вторично – на Анне Александровне Ильинской.

Жить – или выживать – в лагерях в разрушенной и переполненной беженцами Германии было очень тяжело. С течением времени предчувствие надвигающейся новой войны становилось у русских эмигрантов таким острым, что они всеми силами старались вырваться из Европы. Попытка Владимира Львовича перебраться во Францию оказалась неудачной, наконец, по линии НТС, он находит работу в Марокко.

Отец никогда не стремился уехать в Америку, куда рвались очень многие; его устремления были связаны со «старым светом», он старался остаться поближе к Европе.

В ноябре 1947-го года семейство Гальских в составе Александры Владимировны, Льва Ионовича, Анны Александровны и ее матери ... переехали в Марокко, где отец получил контракт крупной французской строительной компании «Someg». Через год-полтора к ним присоединились Жедринские... В этой северо-африканской стране была довольно многочисленная колония русских: больше всего их было в Касабланке, более мелкие группы размещались в Марракеше, в Рабате и в других городах. <...>

В Марокко главное увлечение (хобби) отца – разъезжать по антикварным лавкам и по старьёвщикам; он мог часами рассматривать старинные предметы, ничего не покупая. Эта ситуация отразилась в его стихотворных строках:

Гравюры пыльные листать,
У антикваров гобелены,
Не покупая, выбирать.

Иногда он выживал какие-то совершенно провалившиеся диваны и вольтеровские кресла. Всё это привозилось домой... Он приводил дерево в порядок, от руки наводил политуру на поверхности (от этого всегда были жёлтыми пальцы). Такой работой он занимался почти каждый вечер. Эта страсть, пожалуй, могла сравниться только с любовью к литературе.

Интересно, что в эти же годы в Касабланке находился с женой В.Д. Плетнёв. Здесь, в Марокко, у Владимира Львовича родились два сына. Здесь же, по причинам, оставшимся тайными от детей, в 1954 году их родители развелись. Они сохранили добрые отношения, сыновья, по решению суда жившие с матерью, воскресные дни

проводили с отцом. Однако мама, заботясь об образовании детей, подала прошение на выезд в США.

В мае 1959-го года мы выехали из Касабланки на грузовом пароходе, где было только три пассажирские каюты; в Нью-Йорк прибыли 3 июня. Последний раз я видел отца дней за десять до отъезда – в середине мая, и в день отчаливания, на борту корабля. В моей памяти он остался седым («соль с перцем»), с гладко зачёсанными волосами, всегда в галстук.

Вернувшись домой после проводов, Владимир Львович написал горькое стихотворение:

Сначала родина, потом семья –
Всё кануло, всё ускользнуло в Лету,
И вот теперь я обречён по свету
Влачить останки самого себя.

Но всё-таки во мне ещё живёт
Высокое и ясное сознание:
Все радости, всю скорбь Господь даёт,
И не по силам нету испытанья.

Сядь у руин, как Иов на навоз,
Гноящие скрепя упорно раны,
Молись, чтоб не иссяк источник слёз,
И пой страданью своему осанны.

Чтобы во тьме тебе грядущих дней,
В твоей душе спокойно-примиренной,
Затеplился лампы тихий свет,
Над холмиком мечты несовершенной.

Через два года – 12 июня 1961-го – он скоропостижно скончался. У него начались сильные желудочные боли, врач назначил операцию на следующий день, но этого дня ему уже не суждено было увидеть – ночью он умер.

Владимир Львович похоронен в фамильном склепе на кладбище Бен-Мсик. До конца своей жизни он оставался апатридом, не принимая ничего подданства.

До середины 50-х годов стихи Владимира Гальского публиковались в журналах «Грани», «Возрождение» и «Русские записки», а также в сборнике «Стихи» (Мюнхен, 1947) и др. Позднее сын Константин издал в России единственный сбор-

ник стихотворений, подготовленный самим поэтом, – «Путь усталости» (Вологда, изд. «Грифон», 1992).

Сведения о родителях см. у сестры Мариамны, 3-й вып.

Брат Лев, (1904, Харьков – 1991, Стрэ, Бельгия), окончил 1-й Русский кадетский корпус в 1925 г.

1-й брак (с 27.12.1941/09.01.1942, Белград): Ирина Борисовна Г., (ур. княжна Шаховская). Гимназистка, выпуск женской гимназии 1937 г. Развод.

2-й брак (1947 г., Германия): Анна Александровна Г., (ур. Ильинская). Развод.

Дети:

Константин, (род. 1948, Касабланка). Живёт в США. Доктор философии, специалист по истории России 19-го века. С 1985 по 1987 г. – директор русской службы на радио «Свобода». С 1991 г. – сотрудник журнала «Ридерз дайджест», главный редактор и генеральный директор русского, а затем чешского издания журнала.

Александр, (род. 1951, Касабланка).

КРАТ Павел Васильевич, 7/19 июня 1907, Саратов – 25.12.1969, Киев.

Архитектор.

Павел окончил архитектурное отделение технического факультета Белградского университета в 1931 году. Ученик известного архитектора Д. Брашована и сотрудник в его ателье. По проектам талантливого молодого специалиста был построен ряд монументальных зданий и выполнены реконструкции исторических объектов в Белграде. В отличие от русских архитекторов старшего поколения, работавших в классическом стиле и эклектике, Павел Крат был приверженцем современных европейских тенденций в зодчестве. Свои работы он представлял как на выставках русских художников группы «Круг», так и в среде сербских авторов (конкурсный проект здания Аэроклуба, на выставке ГАМП, 1933). Помимо Белграда, он проектировал и строил здания и промышленные объекты в провинции Королевства Югославии: в Боре, Трепче, Нише, Сурдулице, Иваньице, Злетово, Скопье. Его поздняя работа в Белграде: реконструкция сильно разрушенного во время Второй мировой войны здания Почтамта № 2, (1947).

В студенческие годы разнообразно одарённый Павел Крат занимался и литературной деятельностью, особенно популярной среди молодых русских эмигрантов, состоял членом «Русской студии искусств» при белградском «Земгоре», посещал и белградский кружок «Литературная среда», собиравшийся по средам в одной из аудиторий Народного университета им. Колараца. В сборнике «Ступени» (Белград,

1927) опубликованы два его стихотворения («Как зеркальных озер тиха...», «Если в полдень, опьянев от бега...»).

В оккупированном немцами Белграде Павел продолжал заниматься проектированием, одновременно став деятельным членом подпольного антифашистского Союза советских патриотов (ССП), в который входило несколько выпускников гимназии.

По окончании Второй мировой войны Павел Крат остался в Югославии, работая в государственной компании «Югопроект». Принял советское гражданство. После разрыва югославо-советских отношений Павел был арестован по обвинению во «враждебной позиции по отношению к социалистической Югославии». Следствие велось более двух лет, после чего 11 августа 1951 года начался судебный процесс. На скамье подсудимых разместилось одиннадцать человек – 10 русских и один серб – в том числе и соратники по ССП, бывшие гимназисты Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1-й вып.), Владимир Александрович Лебедев (4-й вып.) и другие. Всем, кроме бывшей гимназистки Нины Дубельштейн (по мужу Кнежевич), был вынесен обвинительный приговор за «помощь в деятельности советских органов разведки в Югославии». ¹

Павел Васильевич был осуждён на 4 года строгого тюремного режима. Голенищев получил столько же, Лебедев – 9 лет. Министерство иностранных дел СССР опротестовало аресты и приговор, требуя немедленного освобождения советских граждан, но Югославия эти требования проигнорировала.

Ещё до суда семью Кратов выселили из квартиры, а 1 сентября 1950 года выдворили в Болгарию. Сам Павел оставался в тюрьме. Семье удалось воссоединиться лишь после подписания Н. Хрущёвым и Й. Тито «Белградской декларации» в 1955 году.

В Болгарии супруга, 8-летняя дочь и мать Павла обосновались в Софии, где жене, тоже архитектору, удалось в 1952 году поступить в строительную организацию «Софстрой». Там она проработала в должности прораба три года. Все эти годы она состояла в Обществе Болгаро-советской дружбы и в Клубе советских граждан в Болгарии.

В 1955 году семья Кратов транспортом реэмигрантов выехала в СССР, в Астраханскую область, и поступила в распоряжение Ахтубинского молочного совхоза. Естественно, что совхоз не смог предоставить работу двоим архитекторам, и руководство обратилось за помощью в Астраханский Обком ВКП (б) и в Облесполком. В результате супругам Крат предоставили возможность работать

¹ Нина Дубельштейн не окончила гимназию. О деятельности ССП и судебном процессе см. подробнее в этой главе, в биографиях Ф. Высторопского и В. Лебедева.

в Астрахани, где им выделили жильё. Но и в Астрахани не оказалось ни одной организации, имеющей право самостоятельного проектирования.

Во время своего первого же отпуска Павел Васильевич поехал в Москву и обратился в Союз архитекторов СССР с просьбой найти возможность для него и жены работать по специальности, как проектировщикам с большим стажем. Вскоре он был принят в Союз архитекторов и ему оказали поддержку для переезда всей семьи в Киев. В мае 1957 года Павел Крат переехал в столицу Украины и получил работу в Гипрогражданпромстрое. Когда дочь окончила в Астрахани 10-й класс, вся семья, наконец, собралась в Киеве.

Отец Василий Архипович К. (07.03.1874, Красная Лука, Годяцкого уезда Полтавской губ. – 09.02.1932, Белград). Окончил пехотное юнкерское училище в Казани (1898). Служил в Кавказской пехотной дивизии, а позднее состоял заведующим хозяйством при Кадетском корпусе в Вольске. Подполковник. Участник Белого движения на Восточном фронте. Эвакуирован в декабре 1919 – марте 1920 г. В мае 1920 г. в КСХС.

Мать Зинаида Юлиановна К., (ур. Саммель, 11.09.1882, станция Чудово, Николаевской ж/д., Новгородской губ. – 11.10.1966, Киев).

Сестра Галина, (1902, Саратов – 15/28.08.1938, Белград). В замужестве Присяжнюк.

Жена (венчание 19.06.1938): Людмила Родионовна К., (ур. Колчина, 13/26.09, 1906, Ижевский завод, Вятской губ. – 24.10.1984, Киев), инженер-архитектор.

Дочь Марианна, (род. 1941, Белград), в замужестве Марковская. Живёт в Киеве.

7-й выпуск 1927 года.

ГОЛУБЕВ Сергей Александрович, 18.08.1907, Киев – 18.12.1985, Белград.

Полицейский служащий.

В гимназию Сергей поступил в 3-й класс. Окончил юридический факультет Белградского университета в 1931 году. Сергей Голубев служил в полиции Королевства Югославии в городах Смедерево, Лесковац и Белград.

В одном из архивов Белграда хранится служебное заявление Сергея Голубева, написанное во время оккупации Сербии немецкими войсками.

Приводим фрагмент из заявления (перевод с сербского):

Господину Начальнику города Белграда, 23 июня 1942 г.

Указом господина Министра внутренних дел № 9285 от 18 мая 1942 г. я был уволен с государственной службы, согласно ст. 104, п. 16 «Закона о чиновни-

ках» как русский и, после 8-ми лет непрерывной службы в тяжелой полицейской профессии, стал безработным, без каких-либо средств к жизни. Это увольнение сразило меня не только как чиновника, служившего всегда по совести и, осмеливаюсь сказать, бывшего примером для многих других, но и как человека, всю свою жизнь прожившего в Сербии, всегда служившего Сербскому народу и сербским интересам. Осмеливаюсь кратко изложить все обстоятельства, которые подтвердят правдивость моих доводов.

Я прибыл в Сербию, то есть в Королевство СХС, в 1920 г., ребёнком, в возрасте немногим старше 12 лет. Я сразу поступил в гимназию, в которой проучился с 3-го класса до самой матуры. Окончив гимназию, поступил на юридический факультет, который окончил почти 11 лет тому назад, а затем, по собственной воле и инициативе, в 1934 году поступил на службу в полицию.

В качестве начинающего практиканта был направлен в Крушево (Южная Сербия), потом уже на посту низшего служащего по политическим делам – в Смедерево (более 5-ти с половиной лет, непрерывно), а затем – в Управление города Белграда, в отдел местной полиции как докладчик Отделения по надзору за ценами, откуда и был уволен 15 июня с. г.

В течение всех лет обучения, всех лет службы, вообще, в течение всей моей жизни, исключая раннее детство, жизнь моя протекала на сербских просторах. Я постоянно был среди сербов, жил их интересами и надеждами, у меня были сербские друзья и приятели. Не удивительно, что я полностью ассимилировался в сербскую среду, и не только внешне, но и по своим общими с ними чертами характера.

Восемь лет тому назад я женился на сербке Смиле Милоевич, уроженке Соко Бани, сироте, отец которой погиб во время войны. Она работала санитарным контролером при мэрии Белграда и часто ездила в командировки. Она чем-то заразилась и пять месяцев тому назад скончалась от тяжёлой болезни, оставив мне, вдовому, ребёнка пяти с половиной лет. Я воспитываю его в сербском духе и в сербских традициях. Он не говорит по-русски.

Считаю нужным упомянуть как ещё один довод, подтверждающий мои слова, что, будучи студентом, я был единственным русским членом радикального клуба «Славянский юг».

Из всего вышесказанного видно, что я полностью отошёл от русской среды, что я во всём слился с сербами и сербской волей и неволей, а сейчас оказался в тяжёлом, безвыходном положении, так как уволен как русский, а русским я себя не чувствую, только сербом. И не думаю, и не говорю по-русски – только по-сербски. Сейчас я не представляю себе, как мне быть.

Это одна сторона. А вторая в том, что я всегда был отличным и добросовестным служащим. Меня всегда ценило начальство, я выполнял деликатные и ответственные задания и никогда не подвергался дисциплинарным взысканиям и выговорам. Все силы я вкладывал в тяжёлую полицейскую службу, ведя борьбу с коммунистами, уголовниками и «чернобиржевиками» (спекулянтами). Поэтому осмеливаюсь считать, что я уволен незаслуженно.

Мой брат, д-р Николай Голубев, несколько месяцев тому назад, как врач, добровольно сопровождал немецкий отряд после боя с коммунистами и был тяжело ранен в ноги у г. Лозница. За свои героические действия и заслуги Правителем Рейха удостоен ордена с мечами и личной грамоты. Таким образом, и у него немало заслуг в борьбе с коммунистическими вылазками в Сербии.

Отправляя эту докладную записку и коротко излагая свою жизнь и службу в Сербии, прошу Вас, господин Начальник, уважить это прошение и содействовать моему возвращению на службу не как русского, а как серба. Русский я только по рождению, но, в сущности, чувствую себя СЕРБОМ. Может быть даже большим сербом, чем немалое число иных сербов, разоряющих и разоривших свою страну.

Прошу Вас принять во внимание, что у меня сын, оставшийся без матери, что я, вместе с братом, оказываю помощь нашим престарелым родителям, вступившим в седьмой десяток лет и не имеющим возможность зарабатывать самостоятельно.

В случае, если будет необходимо получить информацию обо мне, я могу порекомендовать ряд лиц, хорошо меня знающих как добросовестного серба и непримиримого врага коммунизма.¹

После полугодичного ожидания, 25 января 1943 г., Актом начальника сербской госбезопасности Сергей Голубев был возвращён на работу в Управление г. Белграда. Очень вероятно, что он оставался в рядах полиции и после окончания войны.

Сергею Александровичу сильно повезло, что он вообще остался жив осенью 1944 года. Вошедшие в Белград титовские партизаны убили более 5. 000 человек по подозрению в сотрудничестве с оккупантами и правительством М. Недича. Были расстреляны даже городские пожарные, носившие полицейскую форму. Под репрессии попали и многие русские эмигранты, остававшиеся в столице.

Через четыре года нашли и Сергея Голубева. 13 августа 1948 года он был арестован и отправлен в концлагерь «Голи Оток» на Адриатике, как военный и политический преступник. В 1950 году С.А. Голубев был переведён в политическую тюрьму в г. Сремска Митровица.

Коммунистическая власть Югославии, подготавливая массовую высылку русских эмигрантов с советскими паспортами, считала необходимым собрать сведения о «белой эмиграции» непосредственно от видных представителей русской интеллигенции, ещё остававшихся как в Сербии, так и в других социалистических республиках. К 1953 году были составлены обширные (тысячи машинописных страниц) сводные «элабораты» (историко-социальные отчеты) исключительно для секретного использования государственным аппаратом.²

1 Архив Србије. Београд. Збирка докумената Безбедносно-информативне агенције (БИА). (Необработанный корпус архивных материалов, недавно поступивших в архив).

2 См. биографию И.М. Малинина в главе «Персонал гимназий», раздел «Директора гимназий».

Сидевшие в тюрьмах и лагерях заключённые русского происхождения были вынуждены принять участие в написании этих текстов. Однако, Сергею Александровичу, как бывшему специалисту по коммунистическому подполью в довоенной югославской полиции, а потом в недичевской Специальной полиции, поручили иное дело. Управление госбезопасности использовало его для анализа материалов, полученных на допросах бывших членов Союза советских патриотов (ССП) перед известным процессом над ними, получившем название в прессе «12 советских шпионов», в августе 1951 года.

В своей записке, составленной 19 февраля 1952 г., он писал: «Среди разных вопросов, связанных с проникновением советского влияния и советской разведки в нашу страну, вопрос ССП один из наиболее интересных и важных. . . . Союз в своих рядах собрал известное число белоэмигрантов прогрессивного направления, поддерживал определённые контакты с партизанами. . . , а впоследствии был возрождён как общество по сотрудничеству с СССР, чтобы в конце 1946 года окончательно прекратить существование. . . . Этому вопросу, хотя он и несколько потерял актуальность, – нужно посвятить куда большее внимание, так как не исключено, что таким образом можно прийти до открытий не только в историческом смысле, но и в политическо-разведывательном. . . ».

Голубев подчеркивал, что следователи УДБ не смогли получить ответов на вопросы о том, по чьей непосредственно инициативе был основан ССП. «Случайно ли, что организации подобного типа практически в то же время возникли во Франции и Болгарии? Учитывая неоспоримость связей «Земгора» с советской разведкой до войны, имело ли место подобное сотрудничество после войны?» Эти вопросы, остающиеся без ответов и до сих пор, ставил перед собой бывший опытный борец против коммунистического подполья заключённый С. Голубев, читая полученные с применением физического давления протоколы допросов сидевших в соседних камерах борцов с фашизмом времён войны – В. Лебедева, Б. Заболоцкого, И. Голенищева-Кутузова и П. Крата. Абсурдность происходящего подчёркивают слова совершенно несообразного данной ситуации титовского призыва, которыми С. Голубев закончил свою аналитическую записку: «Смерть фашизму, свободу – народу!»¹

Кстати говоря, эти же самые слова стоят в конце «Меморандума о деятельности Союза советских патриотов (ССП) в Белграде», составленного в 1945 году руководством ССП.

5 марта 1953 года умер И.В. Сталин. После его смерти советское руководство приступило к постепенному восстановлению отношений с Югославией. Этот

1 Тимофеев А.Ю. Сопротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Сборник материалов международной конференции «Русская эмиграция в борьбе с фашизмом», Москва: «Русский путь», 2015.С. 238–272.

процесс занял несколько лет. В июне 1956 года состоялся официальный визит в СССР Й. Тито. В Москве, на стадионе «Динамо», прошел большой митинг в честь советско-югославской дружбы.

Можно предположить, что в эти годы был освобождён из заключения и Сергей Александрович Голубев. Он прожил ещё около тридцати лет.

Отец Александр Николаевич Г., (ок. 1881 – 10/23.08.1944, Белград). Надворный советник.

Мать Серафима Г., (ур. Истомина).

Брат Николай, гимназист, 2-й вып.

Жена Смиля Г., (ур. Милоевич; ?, Соко-Баня – начало 1942 г., Белград).

Сын.

КРИВОРОТОВ Василий Иванович, 11.02.1904, Харьков – 03.06.1984, Сан-Пауло, Бразилия.

Инженер-строитель. Писатель и публицист.

Со слов Василия Ивановича, он происходит «из крестьян». Отец погиб от рук большевиков. Василий успел принять участие в Белом движении, как рядовой кавалерийских частей. После эвакуации из Крыма он оказался в лагере на Галлиполи, откуда и прибыл в Королевство СХС.

Во время обучения в гимназии Василий жил в интернате. После гимназии он окончил строительное отделение технического факультета Белградского университета в 1933 году. После 1945 года В. Криворотов выехал в Бразилию.

Произведения Василия Криворотова печатались в русской зарубежной периодике, выходили отдельными изданиями. По словам автора, он всю «жизнь зрелого человека серьёзно и, можно сказать, последовательно занимался вопросами нашей российской катастрофы».

Сочинения, изданные в России:

«Придворный ювелир. Распутинида и её секретарь», журнал «Кубань» (Краснодар) №2–3, 1991.

«Масонство, христианство и экуменизм», там же, №11, 1990 г.

«Левое подполье в СССР: Из книги «Некоторые мысли к русской возрожденческой идее», там же, №1–2, 1993 г.

«Письмо А. Солженицыну», там же, №1, 1991 г.

«На страшном пути до Уральской Голгофы (Страшное иго)». Омск, 1993.

ОКУЛИЧ-ОКША (Окулич) Владимир Иосифович, 18.06.1906, Санкт-Петербург – 1995, Канада.

Геолог, палеонтолог.

В эмиграции в Королевстве СХС с 1920 года. В гимназические годы в Белграде издавал русский скаутский журнал «Костёр одиночек». Вскоре по окончании гимназии, в 1927 году, выехал в Канаду. Окончил Университет Британской Колумбии в Ванкувере в 1931 году. Магистр инженерных наук (1932).

В 1934 году В. Окулич читал лекции в Гарвардском университете (США). Профессор палеонтологии Университета Британской Колумбии (1949–1971). Начиная с 1953 года он шесть лет возглавлял геологическое отделение этого университета, в 1963–1971 годы был деканом Геологического факультета. Член многих научных обществ. Специалист по трилобитам, морским организмам палеозойской эры.

Как фотограф-любитель Владимир Иосифович участвовал в выставках и получал призы.

Отец Иосиф Константинович (Окулич; 01/13.11.1871 – 21.01.1949, Ванкувер, Канада). Из казаков ст. Красноярской, Енисейской губ. Окончил Цюрихский политехнический институт (1894). Агроном. Управляющий государственными имуществами Енисейской губ. Чиновник Министерства земледелия. Участник выступления енисейских казаков в 1918 г. В 1919 г. дипломатический представитель правительства адмирала А.В. Колчака в США. В эмиграции в КСХС, затем в США. Представитель правительства Меркулова в Сибирской кооперации. В 1938–1939 г. в Канаде. Автор статей в «Общеказачьем журнале», Нью-Джерси, США.

Братья: Владислав, (ок. 1901 – до 30.08.1934, Шанхай, самоубийство), учился на геологическом ф-те ун-та в Ванкувере; Георгий, (1909 – ?), подполковник Канадской армии.

Жена (с 1934 г.): Сусанна О-О., (ур. Кухар).

Дети: Андрей, (род. 1941), геолог; Пётр, (1946 – 2008); Ольга, замужем за физиком-теоретиком, ядерщиком Георгием Михайловичем Волковым (1914, Москва – 2000, Ванкувер, Канада).

СЕЛИВАНОВСКИЙ-ПОРЕМСКИЙ (Поремский) Владимир Дмитриевич, 30.01.1909, Ченстохов, Польша – 22.01.1997, Франкфурт-на-Майне.

Инженер-химик.

Единоутробный брат В.В. Селивановского, гимназиста 24-го вып.

В 1921 году вместе с родителями Володя прибыл в Королевство СХС. По окончании гимназии он один год учился в Белградском университете. В 1928 году он переехал во Францию, в г. Лилль, где работал в институте химии. Окончил фи-

лософский факультет Сорбонны в 1931 году, получив степень кандидата естественных наук. В Лилле закончил химический институт с дипломом инженера-химика.

Один из основателей (с 1930 г.) и многолетний Председатель Народно-трудового Союза нового поколения (НТС НП). С 1934 года Председатель французского отдела Союза. Он играл важную роль в борьбе с проникновением советской агентуры в эмигрантские организации. В августе 1941 года Владимира арестовали и отправили в Берлин под надзор гестапо. Некоторое время он служил в Министерстве иностранных дел Германии, переводил информацию для радиовещания на СССР. В 1943 году Владимир Дмитриевич был избран членом подпольного Исполкома Бюро НТС НП. Позднее он служил в лагере военнопленных в Вустрау, готовя пленных к переходу в гражданское состояние, одновременно отбирая ценных для НТС людей. В их числе оказались А.Н. Артёмов и Е.И. Гаранин – будущие послевоенные руководители НТС. Нелегально посещал оккупированные области России. В июне 1944 года В. Поремский вместе со всем руководством НТС был арестован гестапо и приговорён к смертной казни за перевод книги немецкого философа Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока» (такой же приговор и за ту же вину позднее будет вынесен ему заочно в СССР).¹

Освобождён в апреле 1945 года по личному вмешательству генерала А.А. Власова. Вместе с полковником М.К. Мелешкевичем (впоследствии выдан и расстрелян в СССР) был направлен А.А. Власовым парламентаром от Вооруженных сил КОНР (РОА) в Гамбург для переговоров с англичанами. Однако, британцы арестовали Поремского, поместив его в лагерь для интернированных лиц в Неймюнстере. Он был освобождён лишь в конце 1946 года вследствие тяжёлого заболевания (прободная язва желудка).

Позднее Владимир Дмитриевич Поремский становится крупным деятелем движения солидаризма и издательства «Посев» (Франкфурт-на-Майне), автором многочисленных работ по теории и практике «солидаризма». Он разработал знаменитую «молекулярную теорию», как новую тактику борьбы с тоталитаризмом в СССР. Руководитель стратегической комиссии. Председатель НТС с 1955, но был вынужден оставить этот пост в 1972 году по состоянию здоровья. 29 декабря 1955 года в Западную Германию советским КГБ был заслан восточногерманский агент Вольфганг Вильдпретт для убийства В.Д. Поремского. Теракт не удался: Вильдпретт сдался местным властям и раскрыл операцию. После крушения советской власти Владимир Дмитриевич семь раз приезжал в Россию для создания общественного форума учёных. По отзывам близко знавших Поремского людей, долгое время он был душой и мозгом НТС и на редкость обаятельным человеком.

1 Евдокимов-Возак Р. Дважды приговорённый // «Посев». Москва. №1, 2015. С. 12.

В 1998 году, посмертно, «Посев» издал книгу его избранных статей «Стратегия антибольшевистской эмиграции».

Отец Дмитрий П. Офицер Отдельного корпуса пограничной стражи. Участник Белого движения. В эмиграции в КСХС.

Жена Татьяна Всеволодовна С., (? – 1995, Франкфурт-на-Майне). Окончила Институт французского языка Сорбонны, секретарь в издательстве «Посев». Во время Второй мировой войны находилась в Германии, где оказывала большую помощь арестованным членам НТС.

Сын Алексей Владимирович С., (01.04.1931, Рига – 18.03.1960, Франкфурт-на-Майне). После переезда семьи во Францию учился во французской начальной школе и в русской гимназии. Вступил в русское скаутское движение. Публицист, ответственный секретарь редакции журнала «Посев». Погиб в дорожной аварии.

8-й выпуск 1928 года.

ПРОКОФЬЕВ Всеволод Георгиевич, 20.11.1908, Оренбург – октябрь 1983, Ташкент, СССР.

Историк. Преподаватель.

Всеволод был эвакуирован с родителями и братом с Юга России в Королевство СХС. После гимназии он кончил философский факультет Белградского университета, отделение истории.

В 1933 году Всеволод Прокофьев был принят в штат преподавателей гимназии, мужской и женской и по 1940-й год преподавал историю Югославии в обеих гимназиях, а для девушек еще и латинский язык.

Для «Памятки» 1930 года молодой педагог написал очерк о рефератах, как одной из отличительных особенностей системы преподавания «плетнёвской» гимназии. Приводим выдержки из очерка:

Нам, окончившим I русско-сербскую гимназию в 1928 году, не пришлось принять почти никакого участия в чтении рефератов по семинариям, которые объединяли учеников трёх старших классов. <...>

В VII и VIII классах мы уже не застали системы чтения докладов по семинариям; рефераты были объявлены необязательными, можно было читать доклады по желанию, но уже только в своем классе. <...>

Теперь, после отмены обязательного чтения рефератов, школьная жизнь стала вступать в свои права. Но затем появились новые стимулы, воскресившие доклады. В VII классе курс учебного года дал нам уже ряд таких сведений, которые заинтересовали нас и без особого понуждения извне. Такие моменты

были и до VII класса, но реже. Помнится, например, как в V классе, при прохождении по литературе эпохи псевдоклассицизма, сентиментализма и романтизма, интерес вызвали идеи Руссо об упадке морали в связи с развитием культуры; и какой горячий спор вызвал доклад о философии Руссо!

В VII классе таких вопросов ещё больше; будучи развиты в целые рефераты, они привлекали внимание почти всего класса. Особенно привлекали гуманитарные темы, хотя в нашем классе было и немало любителей математических и естественных наук; но вопросы литературы и истории были все-таки ближе. <...>

Но как могли не захватить рефераты, посвящённые эпохе французской революции 1789 года – о её предшественнике Руссо, о его ученике Робеспьере, и других вождях революции (в изображении И. Тэна), о Наполеоне (по А. Вандалю). При обсуждении был затронут вопрос о сходстве французской революции с революцией 1917 года в России; подчеркнули и различия между националистическим духом французской революции и космополитизмом русской. Вообще история становилась для многих одним из самых интересных предметов школьного курса. Это особенно сказалось в VIII классе.

В этот последний год учения в гимназии были у нас рефераты и по русской литературе в связи с курсом, в котором главное место занимали Достоевский и Л. Толстой. И всё-таки история нас больше привлекала. <...>

Начало учебного года прошло в подготовке к докладам, а затем началось чтение рефератов; учение школьного курса стало часто прерываться: один урок занимал доклад, оппонирование переносилось на следующий день; несмотря на такой перерыв, прения легко загорались, доказывая большой интерес к теме доклада; в обсуждениях принимала участие, обычно, определённая группа учеников, главным образом те, кто тоже работал над докладом; кому было по сердцу западничество, кого влекло к себе славянофильское учение, кто готов был стать евразийцем, – каждый стремился защитить свою точку зрения, вступая в горячий спор с докладчиком.

Воодушевлял интерес к теме доклада, хотя, наверно, в порой слишком долгих спорах были и скрытые пружины: было желание оттянуть подольше неприятное возвращение будничного спроса уроков, далеко не всегда сулившего счастливый исход.

Но главным двигателем прений был все-таки интерес к оценке исторических путей, которыми шла Россия, к вопросу взаимоотношений России и Европы.

Пугали и возмущали мрачные «Письма» Чаадаева, его мысли о бессмысленности русской истории, о нашей оторванности от Запада. <...>

Разделялись мнения – нужно ли нам идти с Европой, по зову западников, или мы этим путем окончательно искадим свою «самобытность», как учили славянофилы; привлекал Достоевский с его примирительными мыслями о том, что «у нас, русских, две родины: Россия и Европа»; а вместе с тем какой-то романтической прелестью веяло от евразийского желания уйти прочь от Европы на Восток, в Азию...<...>

Говорят, что ученики старших классов, мечтая о вольной студенческой жизни, с радостью стремятся уйти из-под опеки гимназии. Вероятно, и мы заплатили дань этому влечению. Но было и чувство грусти, и если теперь с этим же чувством вспоминаем мы нашу гимназию, то это прежде всего потому, что она сумела дать нам наряду с будничным школьным учением и особую сферу, в которой одно из первых мест принадлежит дням рефератов.¹

Помимо основной работы в гимназиях Прокофьев писал и публиковал исторические исследования по общей и русской истории и культуре. В юбилейном «Белградском пушкинском сборнике» (1937) была опубликована его статья «К вопросу об отношении сербских поэтов XIX века к Пушкину» в соавторстве с Д.И. Атряскиным. Совместно с Л.М. Сухотиным им написан учебник «История Нового века» для 8-го класса сербских учебных заведений (Белград, 1939). Писал он и статьи для русской и сербской периодической печати. Всеволод Прокофьев был принят в Союз русских писателей и журналистов в Югославии и в Русское археологическое общество в Белграде. Опубликовал в сборнике Общества исследование: «Ростислав Михайлович, русский князь XIII века».

Во время Второй мировой войны Прокофьев находился в оккупированном Белграде. Примерно в 1942 году бывший гимназист Фёдор Высторопский привлёк Всеволода к деятельности подпольной антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП). Возможно это произошло через бывшую одноклассницу Зою Демьянович, жену одного из руководителей ССП Владимира Лебедева.

По окончании войны, семья Прокофьевых осталась в Югославии. Всеволод Григорьевич совместно с женой написал и опубликовал учебник «Начальный курс русского языка» (Белград, 1949, 1951).

Принял подданство СССР. На 29 октября 1945 года В. Прокофьев ещё в Белграде. Вероятно, в начале 1950-х годов он выехал (или выслан) из Югославии.

Отец Георгий Николаевич П., (ок. 1880 – 26.11/09.12.1929, Белград). Окончил Институт путей сообщения Императора Александра I в Санкт-Петербурге (1903). Участник Белого движения. Эвакуирован в декабре 1919 – марте 1920 г. В мае 1920 г. в КСХС.

Мать Анна Константиновна П., (ур. Олешева; ок. 1885 – 24.05/06.06.1943, Белград).

Брат Дмитрий, 13-й вып.

Жена (венчание 29.10.1946): Душанка Божичкович-Прокофьева. Сербка.

Сын Владимир, (род. 1948, Белград).

1 «Памятка» 1986 г. С. 39–42.

СМИРНОВ Михаил Сергеевич, 10.07.1911, Санкт-Петербург – ?

Юрист.

История семейства Смирновых замечательна своей цельностью. Несомненно, огромное, возможно даже определяющее, влияние старшего Смирнова, отца, на судьбы двоих своих сыновей, гимназистов Михаила и Николая, окончившего гимназию в 21-м выпуске.

Это была семья потомственных инженеров-строителей, то, что когда-то называлось Династией. Отец Михаила, Сергей Николаевич, ещё будучи студентом Института инженеров путей сообщения Императора Александра I в Петербурге (1893–1898), работал под началом своего отца по замене свай Большого театра в Москве. Позднее он стал одним из самых известных в России и в Европе инженеров-строителей. Он принимал участие в сооружении моста имени Александра III через Сену в Париже и Троицкого моста через Неву в Петербурге. На золотых часах, пожалованных ему за пятилетний труд по строительству моста, красовались такие слова: «За безупречное исполнение поручений» а также бриллиантовый герб России! Он спроектировал и построил множество храмов: католический костёл в Петербурге в Ковенском переулке, собор-музей «Спас на Водах» на берегу Невы – вероятно, главное дело его жизни.

К строительству храма Сергей Николаевич готовился целенаправленно: прежде всего он окончил Императорский Археологический институт, а затем в 1905–1907 годах совершил поездки по северным и центральным территориям России для изучения существующих и полуразрушенных храмовых построек, и монастырских сооружений. Над возведением храма инженер С.Н. Смирнов, архитектор М.М. Перетяткович и скульптор Б.М. Микешин трудились безвозмездно.

Храм посвящён памяти моряков, погибших в Цусимском сражении во время русско-японской войны. В стены церкви были вделаны бронзовые доски с именами погибших в сражении с японской флотилией (всего 8269 человек). Перечислялись они поименно, с указанием воинских званий и занимаемых должностей. По стенам верхнего храма древней славянской вязью были начертаны названия всех судов, принимавших участие в сражении – всего 91 корабль. Под каждым из названий кораблей были указаны эскадры, куда они входили, и даты боев, в которых принимали участие, с числом погибших. (Храм был закрыт советской властью в 1932 г., все памятные доски сбросили в Неву, позднее взорвали и сам храм, а причт репрессировали).

В активе С.Н. Смирнова участие в возведении Собора Федоровской иконы Божией матери (1910–1913) в Царском Селе, посвященного 300-летию Дома Романовых. Собор состоял из двух церквей: верхней, посвящённой династии Романовых и нижней – Св. благоверному князю Александру Невскому. Большевики полностью

уничтожили все интерьеры собора, а в бетонных стенах его в 1932 году разместили молокозавод. (Ныне храм восстановлен).

Кроме того, Смирновым были возведены для семьи Романовых церкви в Стрельне (резиденция Константиновичей), часовня в Салониках, на том месте, где террористы убили короля Греции Георга I в 1912 году, и Храм-усыпальница близ Афин (по просьбе Ольги Константиновны Романовой королевы Греции) и др.

С 1916 года С.Н. Смирнова назначают Управляющим дворцово-парковым ансамблем г. Павловска. Павловск относился к заповедному имуществу, то есть на него нельзя было наложить взыскание, распродать или завещать по частям. Сергей Николаевич становится также Управляющим делами и личным секретарём Великого Князя Иоанна Константиновича Романова и его супруги сербской принцессы Елены Петровны, урожденной Карагеоргиевич.

В эти же и в последующие годы инженер Смирнов неожиданно занялся стекольным делом, в котором на тот отрезок времени в стране была острая необходимость, устроив несколько заводов по стекольному производству.

Большевистский переворот октября 1917 года резко изменил его жизнь. Понимая, что всему семейству Романовых грозит смертельная опасность, он всячески способствовал их отъезду из России. Уже летом 1918 года большевики приступили к поголовному истреблению Романовых: 12 июня в подвале Мотовилихинского завода в Перми был убит Великий Князь Михаил Александрович. 17 июля в Ипатьевском доме в Екатеринбурге была расстреляна вся семья Императора Николая II. На следующий день, 18 июля, в Алапаевске (Екатеринбургская губ.) чекисты убили Великую Княгиню Елизавету Федоровну и Князей: Иоанна Константиновича, Игоря Константиновича, Сергея Михайловича и Константина Константиновича. Их отвезли в лес, бросили живыми в шахту и забросали гранатами.

В трагические дни лета 1918 года, С.Н. Смирнов находился при Великой княгине Елене Петровне, которая поехала на Урал вслед за мужем, и сама оказалась в заключении. С.Н. Смирнов тоже был арестован. Лишь благодаря сербским паспортам и дипломатическому вмешательству норвежского посольства, он и княгиня получили временную свободу. Окольными путями им удалось добраться до Новороссийска, откуда он был эвакуирован с семьёй 23 февраля 1920 года в Салоники и затем в КСХС на корабле «Иртыш». В 1928 г. С.Н. Смирнов издаст в Париже книгу «Autour de l'Assassinat des grands-ducs» («Вокруг убийства великих князей»).

За спасение своей родной сестры Король Сербии Александр I Карагеоргиевич наградил С.Н. Смирнова орденом Белого Орла на шею и 10.000 франков. В Белграде ему были предложены сразу три строительные государственные должности и приглашение быть личным библиотекарем короля (за 10 лет он систематизировал и привёл в порядок более 35 тысяч книг). Одновременно С.Н. Смирнов возглавил работы по внутреннему убранству строящейся церкви – усыпальницы Св. Георгия,

расположенной в Тополе – родовом имени Карагеоргиевичей. В этом храме были созданы копии фресок средневековых сербских монастырей в мозаиках. Помогал ему в исполнении проекта Н.П. Краснов, бывший архитектор русского Императорского Двора и ряд русских художников-эмигрантов. За создание великолепного убранства интерьеров храма в Опленце оба они были награждены Офицерскими крестами ордена Спасителя. Кроме того, под руководством С.Н. Смирнова был создан генеральный план развития Белграда на 1925–1935 годы, в основу которого был положен архитектурный стиль русского академизма.

Все эти годы С.Н. Смирнов был делопроизводителем в Государственной комиссии по делам русских беженцев и многое сделал для организации приёма и размещения в КСХС своих соотечественников.

После убийства Короля Александра политическая обстановка в стране изменилась. Уже в 1935 году Сергей Николаевич был отправлен на почётный отдых с пенсионом в 3 тыс. динаров.

Окончив гимназию, Михаил не пошёл по стопам деда и отца (возможно просто из юношеского упрямства), а записался на юридический факультет Белградского университета, который блестяще окончил уже в 1933 году. Получив стипендию Французского правительства, Михаил Смирнов продолжил учение в Париже. Докторскую диссертацию по теме «Авиационное право» он защитил в 1936 году в Высшей школе международных отношений при Сорбонне.

Возвратившись в Белград, Михаил принял югославское подданство, женился. С 1937 года он работал юристом в Гражданской авиации Королевства Югославии.

Когда началась Вторая мировая война в Европе, отец, Сергей Николаевич, в 1940 году решает, оставив семью в Белграде, перебраться в Австрию. Не известны причины такого решения, но, как эмигрант российского происхождения, он попадает в нацистский лагерь Астен, где выживает благодаря тому, что преподаёт французский и английский языки. Однако, не позднее апреля 1941 года ему удаётся вернуться в Белград.

6 и 7 апреля 1941 года нацистская авиация разбомбила Белград и началась Апрельская война или «Ауфмарш 25».

Из письма Смирнова-отца от 31 мая 1941 года:

Жена, Николка и я вполне благополучно перенесли 6 и 7 апреля. Дом наш трясся, как овечий хвост, бомбы падали поблизости, но даже стёкла наши не пострадали.¹

Михаил Смирнов был призван из резерва в действующую армию в чине подпоручика. Он служил в Сараево в мастерской по ремонту самолётов, не принимая

1 Здесь и далее сведения с вебсайта Леонида Коренева. Korenev.org

участия в боевых действиях, но был взят в плен и отправлен на принудительные работы в Германию. 17 апреля 1941 года Югославия капитулировала.

Из письма С.Н. Смирнова:

Я очень хвалю его, что, имевши возможность переодеться в статское в Сараево, не воспользовался этим и не отделился от своих товарищей-сербов и делит их участь. Так должен был поступить мой сын. Не знаю, подействовал ли на него пример мой с моей Уральской эпопеей, когда я тоже добровольно присоединился к Е.К.В. Княгине Елене Петровне и Её большому Супругу, Вашему однополчанину. Если же не по этому примеру, то тем более я доволен сыном. Говорят, что, когда будут составлены списки пленных в Германии, будут освобождены все резервные офицеры.

По свидетельствам лагерников «левого уклона», вернувшихся в страну, в лагере для сербских военнопленных Михаил Смирнов показал себя выдающимся антифашистом.

Тем временем, в сентябре 1941 года младший брат Михаила, Николай, в числе многих выпускников гимназии и кадетских корпусов вступает в формирующийся в Белграде Русский Корпус: 1-й полк, 1-я юнкерская рота. Михаил – решительно против: для него участие в боях на стороне бывшего противника, пусть и против югославских коммунистических партизан Тито, неприемлемо.

Из письма Смирнова-отца от 26 декабря 1941 года:

У меня с детьми, к сожалению, не так радостно, как бы могло быть. Старший, подпоручик резерва, воевал с сербами против немцев, и, разумеется, ныне в плену у немцев. Младший, когда стали образовывать Корпус, пошёл туда, движимый побуждениями быть полезным Родине. Но очутился с немцами против сербов. Так формулирует положение Корпуса наша сная (*невестка, авт.*). И вот, когда обо всех наших пленных, очутившихся в плену у немцев, Бюро стало хлопотать об их освобождении, наша сная категорически воспротивилась освобождению Миши, говоря: не хочу, чтобы мой муж стрелял против сербов. Убеждения наши, жены и мои, что ведь это не по сербам, а по врагам сербства, не убедили ее. Такая точка зрения довольно таки распространена среди сербов. Они не понимают, что русские воины попали здесь в Русский корпус на такую задачу, которая прежде всего идёт на пользу сербов и Сербии, а уже только потом вообще в пользу славян и всего мира. Но они видимо прежде всего думают о себе, а не о всём мире. И не о русских. Это надо помнить.

Однако, Николай Смирнов вышел из Корпуса в 1942 году, когда эту воинскую часть присоединили к Вермахту.

Михаил, освобождённый в конце войны из лагеря, вёл активную борьбу с остатками немецких военных формирований.

В августе 1945 года он возвратился в Белград. Помимо основной специальности Михаил Сергеевич в совершенстве владел французским, немецким и английским языками, и был принят на службу в Министерство иностранных дел Югославии в октябре 1945 года.

К этому времени отец, занимавший в годы немецкой оккупации Сербии высокий пост в Бюро по защите интересов и помощи русским эмигрантам, благо-разумно покинул страну перед приходом в столицу Красной армии и партизанских отрядов. Вероятно, с ним выехал и Николай.

В опасные годы, последовавшие после разрыва контактов стран «соцлагеря» с Югославией, местные органы госбезопасности пристально следили за поведением остававшихся в стране русских эмигрантов, заведя буквально на каждого «персональное дело». В одной своей биографии, написанной для органов безопасности, Михаил Сергеевич упомянул, что его отец и брат «во время оккупации сотрудничали с оккупантами, и поэтому эмигрировали в Австрию».

В одном из белградских архивов сохранилась характеристика на М.С. Смирнова, написанная начальником управления персоналом или отдела кадров МИДа от 15 февраля 1950 года. Она гласит:

Недостаточно оперативен. По природе довольно труслив и угодлив по отношению к начальству, проявляет инициативу, но недостаточно самостоятелен.¹

Комментарии излишни.

Дальнейшая судьба Михаила Сергеевича неизвестна. Сведения об остальных Смирновых тоже обрывочны. В 1944 году они находились в Австрии. После освобождения Красной армией восточной Австрии и Вены, они уезжают в Уругвай и обосновываются в Монтевидео.

Отец Сергей Николаевич С., (1877, Санкт-Петербург – 28.06.1958, Монтевидео, Уругвай). Окончил 1-й Кадетский корпус в 1883 г., однокашник Великого Князя Иоанна Константиновича, Институт инженеров путей сообщения Императора Александра I в Петербурге (1898). После 1918 г. секретарь княгини Елены Петровны Романовой (ур. Карагеоргиевич). Статский советник, инженер-строитель, археолог. Управляющий частного г. Павловска с июля 1916 г. Гласный Санкт-Петербургской думы.² В 1921 г. в Белграде на средства М.И. Стефановича были изданы «Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции» Татьяны Мельник (ур. Боткиной). Сергей Николаевич принял живейшее участие в подготовке издания.

1 Архив Србије. Београд. Фонд МПс, F–XIX–57.

2 Воспоминания С.Н. Смирнова находятся в рукописном отделе Национальной библиотеки Сербии в Белграде. Фонд Р 699. С.Н. Смирнов.

Погиб в результате несчастного случая.

Мать Наталия Александровна С., (ур. Масловская; ок. 1883 – ?).

Брат Николай, гимназист, 21-й вып., сестра Елена, (ок. 1906 – ?).

Михаил был женат на сербке.

9-й выпуск 1929 года.

ГАГАРИН Григорий Георгиевич, князь, 29.03/11.04.1912, Москва – 21.11.1950, близ Качи, провинция Сальта, Аргентина.

Геолог.

Уже в 1918 году семья Гагариных эмигрировала из Украины в Королевство СХС. Вначале они устроились в г. Панчево, затем переехали в Белград.

После гимназии Григорий поступил на геологическое отделение философского факультета Белградского университета, которое окончил в 1933 году, получив место ассистента кафедры минералогии и петрографии горно-геологического и металлургического факультета. С 1934 по 1942 год молодой учёный занимался изучением развития местных вулканических и интрузивных кристаллических пород.

Когда в родной гимназии образовалось «Общество любителей природы» с тремя секциями (ботаническая, зоологическая и минералогическая), Григорий Георгиевич принял живое участие в его работе, помогая гимназистам в определении названий, собранных ими минералов.

Во время краткой Апрельской войны Григорий Гагарин вступил в Королевскую армию, а вскоре после оккупации страны оказался на принудительных работах в Саксонии. Затем Григорий Георгиевич работал во Фрайбергской горной академии, где занимался химией минералов. В 1945 году был перемещён в г. Вейлер (Австрия).

В 1947 году Григорий Георгиевич навсегда покинул разрушенную войной Европу, выехав в числе многих русских эмигрантов в Аргентину. В столице страны он нашел работу в местной геологической службе и в Музее натуральной истории, но вскоре погиб в автокатастрофе, возвращаясь из экспедиции.

Отец Георгий Григорьевич Г., князь, (18/30.04.1866, Сучково, Корчевского уезда, Тверской губ. – 08.01.1924, Панчево), камергер, депутат I Государственной думы, правое крыло. Учился на естественном отделении физико-математического ф-та Московского ун-та (1901–1909), ученик В.И. Вернадского. Неоднократно принимал участие в геологических экспедициях по Уралу и Кавказу. Создатель и владелец коллекции минералов (ныне в составе Государственного музея им. В.И.

Вернадского). Предводитель дворянства Клинского уезда Московской губ. (1914–1917). В эмиграции, живя в Панчево, создал небольшой минералогический музей.

Мать Елена Николаевна Г., (ур. баронесса фон Корф; 1888–1955).

ГРИНЕВИЧ Нина Константиновна (Гребенщикова), 1909, Владимир-на-Клязьме – 02.04.1974, Гатерслебен, Тюрингия, Германская Демократическая Республика.

Поэт, переводчица, актриса-любитель.

Эвакуирована с родителями до марта 1920 года в КСХС, Белград. По окончании гимназии Нина училась на историческом отделении философского факультета Белградского университета (не окончила).

Участница русских литературных и драматических кружков, член «Литературной среды» и Союза русских писателей и журналистов в Белграде. На литературных вечерах читала свои переводы стихотворений сербских поэтов, включая стихи Десанки Максимович, а также переводы с латыни. Собственные стихи Нина Гриневиц начала публиковать с 1935 года.

Было весело, шумно. Мы сели...
Ты мне крикнул: Покрепче держись!
Полетели, кружась, карусели
В голубую небесную высь.

Было радостно, жутко и сладко,
С каждым кругом быстрей и быстрей,
И мерцали внизу, как лампадки,
Разноцветные платья детей.

Было весело, просто, как в детстве,
Когда вихрь, замирая, утих,
Мне на руку твою опереться
И сбежать со ступенек крутых.

В трудные годы экономического кризиса Нина устроилась на работу в переплётную мастерскую при типографии известного книгоиздательства «Народна просвета», основанного русским эмигрантом Анатолием Ивановичем Прицкером.

В 1939–1940 годах вместе с мужем, агрономом Игорем Сергеевичем Гребенщиковым, Нина работала в государственном сельскохозяйственном имении «Белье» (на границе с Венгрией), а затем – в селе Паскурны (на границе с Грецией), где создавалась база для будущей опытной агрономической станции.

В начале 1942 года муж уехал из оккупированного Белграда на работы в Берлин, куда вскоре выписал супругу. Благодаря помощи проф. Н.В. Тимофее-

ва-Ресовского, Игорю Сергеевичу удалось избежать нацистского преследования и получить место по специальности – в известной Лаборатории генетики им. Кайзера Вильгельма в предместье Берлина (Бух). Нина Константиновна там написала несколько циклов лирических и патриотических стихотворений.

Я любимой мечты не отдам,
Что приснилась мне в ночи глухие –
Мы с тобою идём по полям,
А над нами весна и Россия!

И не знаю, кого я люблю
В этот миг безотчётной печали –
Незнакомую душу свою
Или эти спокойные дали.

Берлин – Бух, 1944

По окончании Второй мировой войны, в 1946 году, супруги Гребенщиковы приняли советское гражданство и переехали вместе с сыном Рюриком в местечко Гатерслебен (ГДР), где Игорь Сергеевич до своей кончины работал научным сотрудником в Институте исследования культурных растений, в отделении генетики.

Нина Константиновна и там пишет циклы стихотворений, до своей неожиданной кончины.

Отец Константин Александрович Г., окончил Институт путей сообщения императора Александра I в Петербурге (1904). Участник Белого движения. В эмиграции – инженер в Управлении железными дорогами КСХС, ассистент технического ф-та Белградского ун-та по предмету металлоконструкции. Член Союза русских инженеров с 1921 г.

Муж (с 1936 г.): Игорь Сергеевич Г., (03.02.1912, Санкт-Петербург – 03.03.1986, Гатерслебен), генетик, энтомолог. Гимназист, 3-й вып.

Сын Рюрик, (род. 1944, Берлин). Внуки.

ДОМРАЧЕЕВ Дмитрий Владимирович, 15.05.1910, Тифлис, ныне Тбилиси, Грузия – 15.06.2001, Буэнос-Айрес.

Заводской рабочий.

После поражения Добровольческой армии Дмитрий с матерью вместе с ранеными, больными и членами семей белых воинов 22 февраля 1920 года на корабле «Саратов» был вывезен англичанами из Новороссийска в Константинополь

и далее в Египет. В 1923 году они сумели перебраться в КСХС, где к этому времени уже находился отец.

В гимназии Дмитрий участвовал, как художник-любитель, в выпуске классной стенгазеты «Маяк» (о газете см. ниже, воспоминания одноклассника Вадима Курганского). По окончании гимназии прервал образование. До начала войны Дмитрий работал на военных заводах в Крагуеваце.

Дмитрий вступил в Русский Корпус вместе с отцом в первые месяцы после его создания. Окончил военно-училищные курсы в 1942 году. Подпоручик. Позднее – штабс-капитан. С мая 1945 года после сдачи оружия англичанам в Австрии он находился в лагерях военнопленных вместе с другими корпусниками. Участник лагерного театра в Келлерберге.

Из воспоминаний Алексея Полянского:

Сейчас же за образованием хора, возникла корпусная лагерная труппа. Главными её руководителями были братья Александр и Николай Мартьяновы. <...>

Художественно-декоративную часть взял на себя Д. В. Домрачев. Нужно было проявить большую изобретательность, чтобы из имевшегося материала, т.е. буквально из ничего, делать костюмы и необходимый реквизит. Материалом служили старые мешки, жестяные бидоны, консервные банки и прочие, обычно выбрасываемые на свалку вещи. Все это резалось, кроилось, раскрашивалось водяными красками и превращалось в «костюмы», декорации и бутафорию, вызывавших удивление зрителей.

Ставились лёгкие вещи и водевили. Как старые, так и написанные Г.И. Шевяковым. <...>

Спектакли давались под открытым небом – вблизи с. Нассвег, где расположился 4-й полк, на склоне горы были открыты амфитеатром земляные скамьи. Внизу амфитеатра была сооружена сцена. Преставления давались по воскресным дням, после обеда.

Задолго до назначенного времени со всех мест расположения частей начинали стекаться желающие занять лучшие и ближние к сцене места, и к трём часам весь склон горы заполнялся тысячной толпой сидящих и стоящих зрителей. Кроме наших чинов, спектакли посещали в большом количестве австрийские крестьяне из окрестных сёл, местные помещики и ещё не демобилизованные немецкие офицеры. Иногда присутствовало и английское начальство.¹

В 1948 году Дмитрий Владимирович со всей семьёй переезжает в Аргентину, в Буэнос-Айрес, где устраивается служащим на завод. Один из основателей Союза Св. Благоверного князя Александра Невского (аргентинский отдел СЧРК), который возглавлял с 1975 по 1980 г. и с 1994 г. до своей кончины.

1 Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг. Нью-Йорк: изд. «Наши вести», 1963. С. 343–344.

Отец Владимир Николаевич Д., (1879 или ок. 1884 – 12/25.09.1942, Панчево). Константиновское военное училище (1902). Полковник. Участник Белого движения. Эвакуирован в Турцию, но 20 июня 1920 г. вернулся в Крым в Русскую армию. К 1923 г. в КСХС. Член Общества офицеров-артиллеристов. Служил в Русском Корпусе.

Жена Татьяна Фёдоровна Д., (ур. Демьянкова; 10.10.1913, Минск – 24.09.2006, Буэнос-Айрес). Окончила Мариинский Донской девичий институт в 1932 г.

Дети: Никита; Елена, муж Александр Пашенко, председатель Союза Александра Невского с 2013 г.

ЗИГЕРН-КОРН фон Георгий (Юрий) Анатольевич, 17.01.1910, Санкт-Петербург – 09.09.2002, Нью-Йорк.

Живописец, график.

В ноябре 1920 года семья Зигерн-Корн была эвакуирована из Севастополя в Константинополь. Далее последовал Дубровник, а затем они оказались в городке Сента, область Бачка, вблизи венгерской границы, где им пришлось испытать все тяготы беженской жизни.

Маленький Юра зарабатывал продажей венгерских газет. Позднее отцу Юрия удалось получить работу в военном министерстве и Зигерн-Корны перебрались в Белград. После окончания гимназии Юрий записался на технический факультет Белградского университета. Но, раздумав становиться инженером, Юрий перешёл в Художественную академию, которую и окончил. Он занялся росписью православных храмов в технике фресок и до начала Второй мировой войны успел расписать пятнадцать церквей. С 1937 года Юрий работал также художником-декоратором в Белграде.

Во время Второй мировой войны Юрий вступил в XV Казачий Корпус генерала Г. фон Паннвица. В мае 1945 года части Корпуса были выданы англичанами советским властям. В лагерях их всех называли «власовцами». С каждого из них брали следующую подписку:

Мне ... объявлено, что за службу в немецкой армии по решению правительства я перевожусь на положение спецпоселенца сроком на шесть лет и что обязан честно работать на предприятиях по месту своего нахождения.

Мне разъяснено, что за измену Родине я должен нести суровое наказание, но в связи с победой над Германией, советское правительство по отношению ко мне сделало большое снисхождение, ограничившись только переводом на шестилетнее спецпоселение.

Только в течение 1948 года в «Дальстрой» завезли почти 45 тысяч спецпоселенцев. Допросы об обстоятельствах их пленения и нахождения за границей и в плену продолжались до конца 1950 года. Юрий Анатольевич провёл в лагерях на

Урале, в Сибири, в Казахстане десять лет, работал в угольных шахтах, на лесоповале, на строительстве железных дорог и нефтепровода. Он сидел вместе с Л.Н. Гумилевым, с адъютантом Императора Николая II, с внуком генерала П.Н. Краснова. Все эти годы его семья не имела никаких сведений о его судьбе.

В 1957 году Юрий Зигерн-Корн был амнистирован как югославский подданный. Он получил письмо-запрос о выезде к дяде, который жил в США. (Отец скончался за год до возвращения сына). Советские власти милостиво разрешили Юрию Анатольевичу уехать. Через Западную Германию он выехал к семье в Нью-Йорк, оказавшись в числе тех немногих, кому удалось вырваться на свободу.

В США он работал чертёжником и художником-графиком. Написал десятки картин. Создал серию поразительных по силе рисунков «Сталинский ГУЛАГ глазами художника». Несколько его рисунков находятся в экспозиции частного музея «Спротивление казачества большевизму» в Подольске (Московская обл.). Юрий Анатольевич написал воспоминания «Рассказы о светлом прошлом».

Отец Анатолий Иванович З-К., (1881 – 30.08.1956, Нью-Йорк). Участник русско-японской и Великой войн. Полковник инженерных войск. Участник Белого движения. В США в 1952 г. стал членом-учредителем «Бригады стариков», работавшей в бруклинской строительной фирме.

Мать Мария Николаевна З-К., (ур. Влескова, 07.09.1881 – 14.02.1969, Нью-Йорк).

1-й брак: Ольга Леонидовна З-К., (ур. Завадская; 18.02.1916 – 21.10.1980, Нью-Йорк). Дочь священника, погибшего в 1930-е годы в лагерях ГУЛАГа.

2-й брак: Татьяна Семёновна З-К., (ур. Боголюбова; род. 18.04.1922, КСХС). Знакомы по Белграду с гимназических времён. В первом браке за одноклассником Юрия Вадимом Курганским (см. ниже). В ноябре 2016 г. жила в старческом доме в Ново-Дивееве.

КУРГАНСКИЙ Вадим Павлович, 12.02.1909, Екатеринодар – 05.11.1975, Филадельфия, США.

Преподаватель. Писатель. Автор сценариев для комиксов.

Мальчик Вадим в 1923 году выехал из СССР через Польшу, Венгрию и Австрию, когда ему ещё не было 14 лет. Вероятно, отцу его удалось «выписать» сына с помощью Международного общества Красного Креста. Вследствие родовой или иной травмы в детстве – искривление позвоночника – мальчик был горбат. Очень часто какой-либо физический недостаток и вынужденное следствие этого – стремление к уединённым созерцательным размышлениям – приводят к тому, что в своем умственном развитии ребёнок значительно опережает своих сверстников. В

гимназии Вадим несомненно стремился быть первым во всём. Учился он отлично. Он участвовал в собраниях гимназического Союза ревнителей чистоты русского языка; на собрании 29 мая 1931 года, посвященном «Старинному русскому юмору», выступил на публике с чтением прозы.

Мы видим в случае с мальчиком Курганским, что «плетнёвские» порядки не допускали в гимназии издевательства над увечным соучеником, на которые порой бывают падки подростки.

Вадим Павлович написал большую статью для юбилейной гимназической «Памятки» 1930-го года.¹

Заслуга издания первой газеты «Маяк» целиком принадлежит IX выпуску, тогда (1925-26 учебному году) V классу, в котором учился и я. Первый же номер газеты, вывешенный на стенах гимназии вызвал среди учащихся целую бурю. Это было что-то новое, невиданное и незнакомое гимназистам. На газету, как, впрочем, и на всякое новое начинание, посыпался ряд упреков, обвинений и зловещих предсказаний. Только незначительная часть учащихся встретила сочувственно этот первый опыт. Я сам был в составе редакции и хорошо помню, какой град нападков пришлось нам вынести со стороны даже своих одноклассников на первых порах. Но обстоятельства быстро изменились. Уже после выхода 2-го номера, в два раза превосходившего первый по размерам, хор недоброжелательных голосов смолк. А выхода 3-го номера уже ожидали и о нём справлялись. <...>

В день выхода газеты – вторник – многие учащиеся отправлялись в гимназию пораньше – почитать стенную газету. <...>

Припоминая теперь обстоятельства нашей работы, я могу смело утверждать, что именно газета послужила движущим стимулом, всколыхнувшим заглохшую было культурно-просветительную жизнь в гимназии. <...>

Нельзя обойти молчанием деятельную поддержку, оказанную нам нашим классным наставником Н.А. Чернышёвым, бывшим официально нашим цензором, но фактически разделявшим с редакцией все трудности работы. К сожалению, мысль об издании газеты пришла лишь в конце второй трети [учебного года], так что было издано всего 13 номеров.

Вадим Курганский окончил отделение истории философского факультета Белградского университета в 1935 году. Он получил несколько предложений о работе в сербских учебных заведениях, но отказался, предпочитая работать с русскими, и начал преподавать историю, географию и русскую литературу в кадетском корпусе в Белой Церкви и вёл эти курсы до 1941 года.

Кадет Михаил Лермонтов вспоминал:

1 Перепечатана в «Памятке» 1986 г. С. 45–46. Значительная часть статьи помещена в главе «Первая русско-сербская гимназия», раздел «Внеклассные занятия гимназистов».

Вадима Павловича я хорошо помню. Низкий, половина класса была выше него; продолговатый овал приветливого лица с высоким лбом, который он морщил, приподнимая брови, делая замечания кадетам; причёсанные на пробор тёмные волосы и очки в тонкой оправе. Это образ преподавателя, к которому я относился с глубоким уважением. Вадим Павлович умел преподнести историю как былинку или интересный рассказ, часто сопровождая урок каким-нибудь происшествием, не входящим в учебник. Он проверял, кто внимательно слушал урок, и не выучивший урок кадет, но запомнивший рассказ Вадима Павловича, получал хорошую отметку. География преподавалась им так же живо и с добавлениями к учебнику. Когда мы проходили границы России, Вадим Павлович всегда начинал с: «... одна шестая суши» и, когда отвечающий кадет, называя государства, моря и океаны, доходил до Берингова пролива и мыса Дежнёва, он спрашивал: «А что напротив?» Кадет должен был ответить не только «Аляска», а «Аляска, которая принадлежала России». Так у меня и по сей день осталось: «Аляска, которая принадлежала России». Вадим Павлович увлекался шахматами, его часто можно было видеть в библиотеке или в классе, играющим с кадетами, часто подсказывая им ходы и проигрывая. Могу представить себе, как гордо чувствовал себя выигравший партию кадет. Вадим Павлович был самым молодым преподавателем, за исключением Драгицы Кирнич, преподавательницы сербского языка, что ставило его, как мне казалось, ближе к нам, чем к «Зверям». Возможно поэтому большинство кадет его любили.¹

В.П. Курганский оставил видный след в истории «Белградской школы комикса» 1930–1940-х годов, школы, которую создали и прославили в Европе молодые русские белградцы, включая выпускников гимназии: Юрия Лобачёва и Николая Навоева (оба 13-й вып.). Для Ю. Лобачёва и для некоторых сербских художников, Вадим Павлович писал сценарии к их комиксам, в основном на исторические сюжеты, подписывая их псевдонимом Владимир Чилич.

Профессор славистики Ирина Антанасиевич пишет:

Первенец Джорджа Лобачёва – графический роман «Кровавое наследие» (Криво наследство) занимает особое место в истории графического романа королевской Югославии. <...>

Это был первый отечественный графический роман, первый авторский роман, который не опирался ни на заимствованную историю, ни на героев со стороны. Создали этот роман два друга, два побратима – Джордже Лобачёв (Джордж Стрип) и В. Курганский (Владимир Чилич). Лобачёв рисовал, а Курганский придумывал: изысканные дамы, решительные мужчины – почти всё, как в голливудском фильме, но действие происходит в знакомых Белграде и Дубровнике. Реклама так и вещала: «... одна удивительная история из нашей жизни, рассказанная вполне по-американски!» И не обманывала. Сюжет романа, написанный Вадимом

¹ Бюллетень [Объединения кадет российских кадетских корпусов за рубежом, Венесуэльское отделение]. Каракас. №62, 2000 г. С. 59.

Курганским, представлял собой смесь авантюры и мелодрамы и совсем не был похож на варианты комикса, которые появлялись в детском приложении газеты «Политика». «Кровавое наследство» с упоением раскупали те, кто раньше довольно скептически относится к рассказу в картинках.¹

Вадим Павлович занимался не только «романами в картинках». В конце 20-х – начале 30-х годов он опубликовал в журнале «Вольное Казачество» отрывки из романа «За Казачество». Затем белградский журнал «Кавказский казак» поместил главы из его романа «Кубань Родная. . .». Он же – автор воспоминаний «Начало конца».

В сентябре 1944 года, за месяц до прихода в Белую Церковь Красной армии, Вадим Павлович эвакуировался вместе с кадетским корпусом. С ним выехала и его будущая жена, Татьяна Семёновна Боголюбова. Они обвенчались в небольшой баварской деревне в Татьянин день, 12/25 января 1946 года и пробыли в Германии до 1951 года. Здесь Вадим Павлович вернулся к преподаванию в гимназии «Милосердный самарянин». Вспоминает своего учителя Георгий Александрович, ныне живущий в США:

Вадим Павлович преподавал в нескольких классах нашей Мюнхенской гимназии, основанной отцом Александром Киселёвым сразу после конца войны в 1945 году.² У нас слились две волны беженцев из СССР и стран Запада, как в моем случае Югославии. Вадим Павлович был особенным преподавателем, прекрасно знавшим русскую классическую литературу и историю. Он заслужил уважение всех, кто его окружал, и особенно среди учеников, которые его очень любили. Некоторые из них стали литераторами, неся в себе познания и любовь к русской словесности и языку, полученные от Вадима Павловича. Позднее в Америке многие бывшие кадеты из Югославии много раз вспоминали его и повторяли его любимые выражения.³

В 1951 году супруги Курганские получили американскую визу и уехали из Европы. Они обосновались в пригороде Филадельфии. С преподавательской работой у него не заладилось. Но нашлась работа в страховой компании в Филадельфии, куда Вадим Павлович ездил на трамвае. Там он и прослужил до выхода на пенсию. Жена работала в большой компании счетоводом.

Отец Павел Иванович К., (1878, ст. Новодеревянская, Кубанской обл. – 18/31.08.1957, Белград). Председатель Кубанского правительства в 1919 г. Участник

1 Антанасиевич И. Русский комикс Королевства Югославия. Нови Сад: Komico, 2014. С. 78–79.

2 См. воспоминания об этой гимназии Т. Дуброва (Плищенко), «Не окончившие гимназисты».

3 Письма Г. В. Александровича к А. Арсеньеву в 2017 г.

Белого движения. Жил в Белграде, работая в Дирекции железных дорог. Атаман Кубанской казачьей, имени атамана Сидора Билого, станицы в Белграде, член редакции журнала «Наша станица». После оккупации Югославии немцами оставил службу, а после прихода в Белград советских войск был отправлен в концлагерь. Освобождён через десять месяцев.

Мать Екатерина (по другим сведениям, Евдокия) К.

Сводный брат Олег, сын 2-ой жены отца, «Не окончившие гимназисты», см.

Жена Татьяна Семёновна К., (ур. Боголюбова; 18.04.1922, КСХС). Во втором браке за Ю.А. Зигерн-Корном (см. выше). В ноябре 2016 года жила в старческом доме в Ново-Дивееве, США.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	5
НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ	9
О РУССКИХ В ЮГОСЛАВИИ (1920–1950-е годы)	15
РУССКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ЮГОСЛАВИИ	27
ПЕРВАЯ РУССКО-СЕРБСКАЯ ГИМНАЗИЯ В БЕЛГРАДЕ	33
Открытие гимназии	33
Программа преподавания предметов	39
Реформа русских средних учебных заведений. Увольнение В. Плетнёва	50
Численность гимназистов	52
Здоровье гимназистов	55
Родительские комитеты	57
О преподавателях гимназий	58
Письменные работы учащихся	59
Успеваемость и поведение учащихся	60
Библиотеки	63
Внеклассные занятия гимназистов	63
Гимназии в годы оккупации	76
ОСНОВАТЕЛЬ И ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ГИМНАЗИИ В.Д. ПЛЕТНЁВ.....	81
15-ЛЕТИЕ ПЕРВОЙ РУССКО-СЕРБСКОЙ ГИМНАЗИИ В БЕЛГРАДЕ	117
ПЕРСОНАЛ ГИМНАЗИЙ	121
Основные положения	123
Директора гимназий	126
Преподаватели гимназий	143
Руководители творческих студий	254
Воспитатели и классные наставники	263
Служащие администраций гимназий	272

НЕСКОЛЬКО ЖИЗНЕОПИСАНИЙ ГИМНАЗИСТОВ	283
Голенищев-Кутузов Илья Николаевич	285
Стенбок-Фермор Лев Юрьевич	291
Гребенщиков Олег Сергеевич	299
Анагности Пётр Дмитриевич	304
Лобачёв Юрий Павлович	306
Юскевич Игорь Иванович	312
Свищёв Георгий Иванович	314
Ордовский-Танаевский Игорь Константинович	318
Родзянко Владимир Михайлович	342
Глянец Александр Михайлович	363
Мейендорф Елена Николаевна	395
Толстой Никита Ильич	399
Трушнович Ярослав Александрович	407
Шеффер Георгий Владимирович	420
Сутулов Александр Александрович	427
Донецкая-Иловайская Ирина Алексеевна	439
Гюнтер Игорь Евгеньевич	442
Тарасьев Андрей Витальевич	453
ВЫПУСКНИКИ СМЕШАННОЙ ГИМНАЗИИ	
1-й – 9-й выпуски	467
Список выпускников смешанной гимназии	469
Биографии выпускников смешанной гимназии	534

Алексей Борисович Арсеньев
Михаил Львович Ордовский-Танаевский
**Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде
(1920 – 1944).**

Книга первая.

Авторская редакция.

CIP - Каталогизација у публикацији - Народна библиотека Србије, Београд
373.5-057.874(497.11)"1920/1944"(031)
314.151.3-054.7(=161.1)(497.11)"1920/1950"

АРСЕНЬЕВ, Алексей Борисович, 1946-

Гимназия в лицах : Первая русско-сербская гимназия в Белграде : (1920-1944). Кн. 1 /
А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский. - Белград : Архив Сербской Православной
Церкви : Центр российских и восточно-славянских исследований им. Мирослава
Йовановича Философского факультета Белградского университета ; Москва : Институт
славяноведения Российской академии наук, 2018 (Београд : МИА принт). - 638 стр. :
илустр. ; 22 см

Тираж 200. - Напомене и библиографске референце уз текст.

ISBN 978-86-89577-16-7 (АСПЦ)
ISBN 978-86-89577-18-1 (за издавачку целину)

1. Ордовский-Танаевский, Михаил Львович, 1941- [аутор]
а) Прва српско-руско гимназија (Београд) - Ученици - 1920-1944 - Лексикони б) Руски
емигранти - Југославија - 1920-1950

Своеобразная Памятка о белградской гимназии, в которой в течение четверти века обучалась и воспитывалась русская молодёжь в Сербии. Авторы-составители собрали, восстановили и в оригинальной форме представили сотни судеб русских людей вне России, как самих гимназистов, так и их педагогов. В книге показано, как сложилась жизнь молодых русских, эмигрантов поневоле, в суровых обстоятельствах и последствиях Второй мировой войны, как и чем они жили духовно, кем стали с годами и как сохранили себя русскими, рассеявшись по всем континентам планеты.

Книга – уникальный Памятник второму поколению русской Белой эмиграции в Югославии-Сербии. Она представляет интерес не только для широкого круга читателей и историков русской эмиграции, но и даёт богатый материал всем, кто занят родословными исследованиями в пределах XIX – XX веков.

Авторы-составители:

Арсеньев Алексей Борисович.

Родился в 1946 г. в г. Кикинда (Сербия). Родители – русские, в 1920 г. детьми были вывезены с Юга России. Окончил сербскую гимназию и Нови-садский университет. По специальности инженер-энергетик (на пенсии). Исследователь жизни и деятельности русской эмиграции на просторах бывшей Югославии: публицист, библиограф, биограф. Автор ряда статей и четырёх книг: «У излучины Дуная» (Москва, 1999), «Русская эмиграция в Сремских Карловцах» (Ср. Карловцы, 2007), «Крај других обала и степа» (Нови Сад, 2009), «Самовари у равници» (Нови Сад, 2009). Сотрудник сербского литературного журнала «Руски алманах». С 1948 г. живёт в Нови Саде.

Ордовский-Танаевский Михаил Львович.

Родился в 1941 г. в Ленинграде. По первой профессии радиоинженер. В 1972 г. окончил Всесоюзный Государственный институт кинематографии (ВГИК), получив профессию кинорежиссера. Автор 5 художественных фильмов («Ленфильм») и, как сценарист и режиссёр, более 10 документальных фильмов, в том числе по истории русской эмиграции. Лауреат премий различных кинофестивалей, как в советский период, так и в России. Член Русского генеалогического общества (РГО, Санкт-Петербург), автор более десятка статей в различных изданиях по генеалогии и книг по истории своего рода. Житель блокадного Ленинграда. Живёт в Санкт-Петербурге.